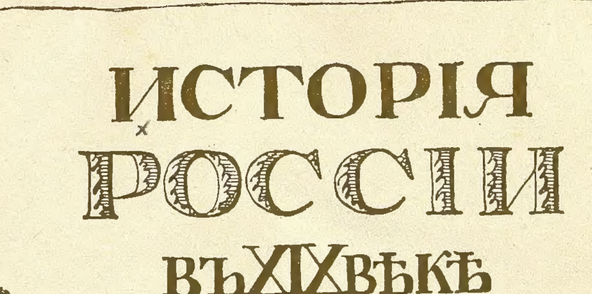
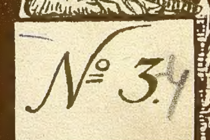

К76 3/199
m3-4

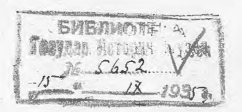
ИСТОРІЯ РОССІИ ВЪ XIX ВѢКѢ

Изд. Т-ва Бр. А. и И. Гранатъ и К°.

Л. Пастернакъ

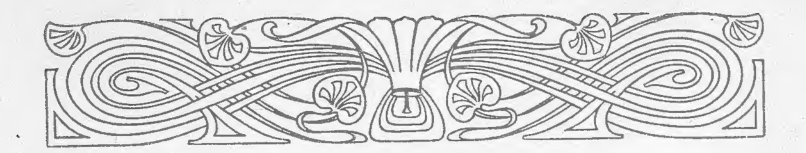

ТЕКСТЪ ОТПЕЧАТАНЪ ВЪ ТИПОГРАФІИ „РУССКАЯ СКОРОПЕЧАТНЯ“ С.-ПЕТЕРБУРГЪ, ЕКАТЕРИНИНСКІЙ КАНАЛЪ, 94.

ЗАГЛАВНЫЙ ЛИСТЪ ОТПЕЧАТАНЪ ВЪ ТИПОГР. МИНИСТЕРСТВА ПУТЕЙ СООБЩ. (Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°.) С.-ПЕТЕРБУРГЪ ФОНТАНКА, 117.

ЭПОХА РЕФОРМЪ.

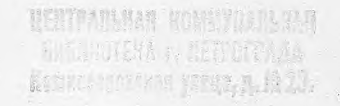
ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

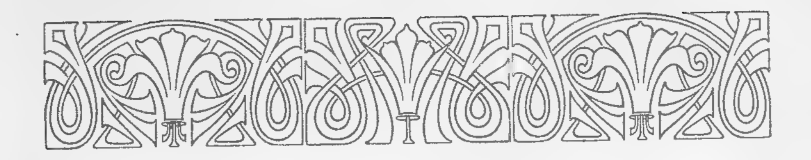
Оглавленіе III-го тома.

(Часть вторая, отдѣлъ первый.)

Подробное оглавленіе см. въ концѣ II части (IV т.).

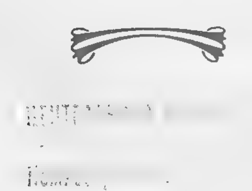

Портреты, помѣщенные въ III томѣ.

Объяснительный указатель художест. приложеній см. въ концѣ II-й части (IV т.).

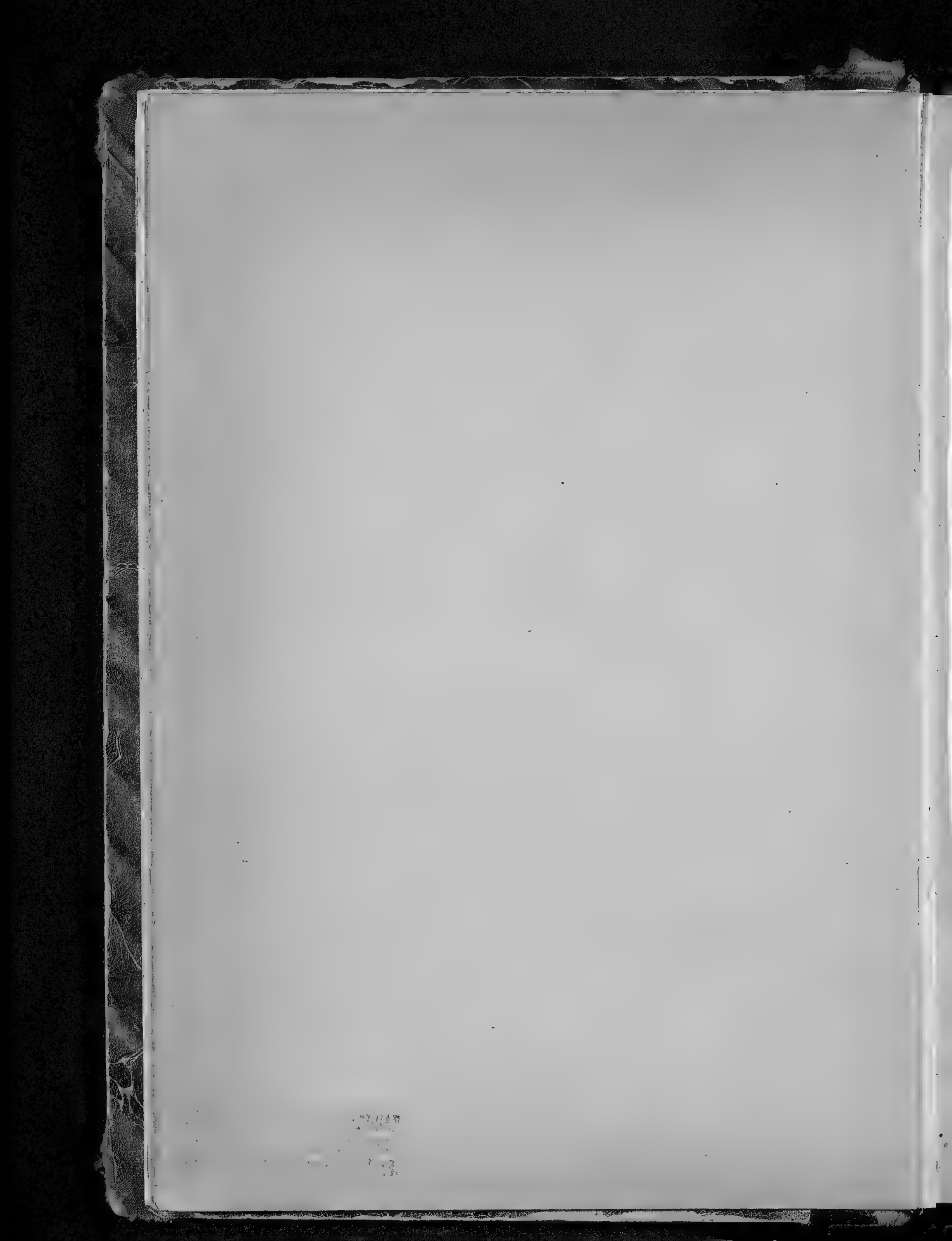
1

[illegible]

[illegible]

ИСТОРІЯ РОС[illegible]

ГЛАВА I.

Крымская война.

(М. Н. Покровскаго).

1.

1848 годъ.

„Уже съ давнихъ поръ въ Европѣ только двѣ дѣйствительныя силы, двѣ истинныя державы: *Революція* и *Россія*“, писалъ Тютчевъ лѣтомъ 1848 года. „Онѣ теперь сошлись лицомъ къ лицу и завтра, можетъ быть, схватятся. Между тою и другою не можетъ быть ни договоровъ, ни сдѣлокъ. Что для одной жизнь, для другой—смерть“. „Отъ исхода борьбы зависитъ на многіе вѣка вся политическая и религіозная будущность человѣчества“, прибавлялъ онъ, явно преувеличивая значеніе наступавшаго кризиса. Отъ исхода борьбы зависѣла судьба только николаевской Россіи, но для Тютчева—и не для него одного — тогда это была единственная мыслимая Россія—а будущее Россіи для него и его друзей было будущимъ всего человѣчества.

То, что Тютчевъ поэтически „прозиралъ“ подъ вліяніемъ событій, всколыхнувшихъ всю Европу—холодный и трезвый умъ барона Бруннова, этого „начальника штаба по дипломатической части“ императора Николая, —вполнѣ отчетливо представлялъ себѣ уже давно. Въ своей запискѣ о политическомъ положеніи Европы, составленной еще въ 1838 году, Брунновъ разсматриваетъ борьбу съ революціонными идеями, какъ основную задачу русской дипломатіи его времени. Съ этой точки зрѣнія ему, какъ и его государю, великой побѣдой представлялось образованіе тройственнаго союза Россіи, Австріи и Пруссіи, который Николаю удалось противопоставить „сердечному согласію“ Франціи Людовика-Филиппа и Англіи Пальмерстона. „Прежде чѣмъ дойти до насъ“, писалъ Брунновъ, „революціонная пропаганда потеряетъ свою мощь и разобьется объ Австрію и Пруссію. Нашъ вѣрно понятый интересъ, повторяю, будетъ всегда заключаться въ ободреніи и укрѣпленіи нашихъ союзниковъ въ страшной борьбѣ, предстоящей имъ съ противникомъ, который нападаетъ на нихъ ежедневно и съ самымъ разнообразнымъ оружіемъ. Мы не должны скрывать отъ себя, что шансы этой борьбы опасны. Положеніе нашихъ союзниковъ съ каждымъ днемъ становится затруднительнѣе... Не подлежитъ сомнѣнію, что обѣ эти монархіи вовлечены въ настоящую минуту во внутреннюю борьбу, въ

которой начала зла и добра вступаютъ другъ съ другомъ въ рѣшительный бой. Если исходъ его будетъ неблагопріятенъ для монархическаго дѣла, то вредъ, отъ сего проистекающій, будетъ очень значителенъ для насъ, ибо торжество революціонныхъ идей на берегахъ Дуная и Одера будетъ касаться насъ гораздо ближе, чѣмъ билль о парламентской реформѣ или іюльскія баррикады. Вотъ почему мы должны считать дѣло монархіи въ Пруссіи и Австріи не чуждымъ намъ дѣломъ, а вопросомъ, прямо касающимся Россіи... Конечно, можетъ наступить время, когда Австрія и Пруссія подчинятся непреодолимому вліянію духа времени. Тогда наши интересы раздѣлятся, Россія останется одна на полѣ сраженія...“

Какъ видимъ, вся схема послѣдней борьбы Николая Павловича съ „непреодолимымъ“, по признанію его собственнаго министра, духомъ времени можетъ быть начертана еще въ 30-хъ годахъ. Уже тогда Брунновъ могъ намѣтить даже тотъ пунктъ, на которомъ суждено было расколоться тройственному союзу: мы не должны ожидать отъ Австріи и Пруссіи, пишетъ онъ, „никакого активнаго содѣйствія въ случаѣ, если бы произошло столкновеніе между нами и морскими державами (Англіей и Франціей) *по дѣламъ Востока*“. Въ 1838 году при нѣкоторой наблюдательности—Брунновъ отнюдь не былъ геніемъ—можно было провидѣть даже Севастополь. Тѣмъ не менѣе, Николай, „опираясь на свое право и на свидѣтельство своей совѣсти“, „не отчаявался въ побѣдоносномъ исходѣ борьбы“—и дипломату болѣе проницательному, чѣмъ его государь, но слишкомъ вѣрноподданному, чтобы сомнѣваться въ проницательности своего монарха, оставалось только скромно указать на произволъ „Божественнаго Провидѣнія“, какъ на условіе, ограничивающее слишкомъ широкія надежды. „Божественное Провидѣніе“ въ данномъ случаѣ оказалось не на сторонѣ Николая, но онъ увидѣлъ это слишкомъ поздно.

Для Николая Павловича борьба съ революціей была не только традиціей, завѣщанной ему старшимъ братомъ, и не только дѣломъ личнаго вкуса: хотя для этого государя, больше всего на свѣтѣ любившаго военный разводъ, едва ли что-нибудь могло быть противнѣе народныхъ движеній, нарушавшихъ всякій „порядокъ“ и всякую субординацію. Въ значительной степени это былъ для него вопросъ самосохраненія. Онъ завоевалъ себѣ корону въ личной схваткѣ, грудь съ грудью, съ „духомъ времени“, осмѣлившимся появиться на русской почвѣ. „Революція у воротъ Россіи“, сказалъ онъ своему младшему брату, вернувшись съ мѣста побоища на Сенатской площади, „но клянусь, что пока я живу и дѣйствую, она не переступитъ ея предѣловъ“. Та свирѣпая поспѣшность, съ которою онъ давилъ всякое проявленіе ненавистнаго ему „духа“ у себя дома—лучшимъ образчикомъ ея является дѣло петрашевцевъ, о которомъ намъ еще придется говорить—яснѣе всего показываетъ, какъ неспокойно чувствовалъ себя этотъ, съ виду столь самоувѣренный, человѣкъ. Рекомендуя своему государственному совѣту единственную мѣру къ ограниченію крѣпостного права, какую онъ рѣшился провести въ

жизнь *), онъ не даромъ вспоминалъ о Пугачевскомъ бунтѣ, показавшемъ, „до чего можетъ достигнуть буйство черни". Николай все время чувствовалъ себя на вулканѣ. Лишенный всякой исторической перспективы, онъ не понималъ, что катаклизмы, которые могли угрожать крѣпостной Россіи, были совсѣмъ не похожи на тѣ, какіе переживалъ въ его время Западъ, и что „духъ времени" былъ совершенно безсиленъ передъ русской деревней половины XIX вѣка. Революція была для него страшна именно потому, что она была ему совершенно непонятна. И когда онъ убѣдился, что это таинственное чудовище сильнѣе его—онъ умеръ: больше ему ничего не оставалось.

Но пока онъ не потерялъ надежды справиться съ нимъ, онъ съ внимательностью истаго охотника слѣдилъ за каждымъ малѣйшимъ его движеніемъ. До какой степени нужно было насторожиться, чтобы усмотрѣть революціонную заразу даже въ египетскомъ пашѣ Мегметѣ-Али! А отъ Николая она не укрылась и здѣсь**). Даже не имѣвшія ничего общаго ни съ какой революціей возстанія черногорцевъ и босняковъ противъ султана казались русскому императору и его министрамъ продуктами „французской и польской пропаганды, прикрывающейся личиной славянства". Въ 1847 году противъ этой личины былъ предпринятъ цѣлый походъ—на страницахъ циркуляровъ министра народнаго просвѣщенія. Въ нихъ предписывалось профессорамъ и преподавателямъ объяснять, какъ надо понимать намъ нашу народность и что такое славянство по отношенію къ Россіи. „Народность наша состоитъ въ безпредѣльной преданности и повиновеніи самодержавію", записалъ смыслъ одного изъ такихъ циркуляровъ Никитенко: „а славянство западное не должно возбуждать въ насъ никакого сочувствія. Оно само по себѣ, а мы сами по себѣ". Въ результатѣ, изъ всего славянскаго благонадежнымъ оказывался едва ли не одинъ только церковно-славянскій языкъ священнаго писанія.

Къ своему несчастію, Николай Павловичъ далеко не былъ всюду такимъ же хозяиномъ положенія, какъ въ области злосчастнаго русскаго просвѣщенія 40-хъ годовъ. Мнѣніе о необыкновенной властности и авторитетѣ императора Николая въ области международныхъ европейскихъ отношеній—такая же легенда, какъ и разсказы о его прямотѣ, мужествѣ и непреклонности. Мы уже видѣли, что въ своей восточной политикѣ онъ обнаруживалъ большую—и не всегда удачную—приспособляемость: высокомѣрный тонъ плохо прикрывалъ то обстоятельство, что онъ не столько велъ, сколько самъ шелъ за другими. Совершенно ту же картину даютъ и западныя отношенія Россіи за то же время.

Первой мыслью Николая при извѣстіи объ іюльской революціи во Франціи было вооруженное вмѣшательство: но его союзники были испуганы этой мыслью гораздо больше, чѣмъ самой революціей. Старый прусскій король, другъ Александра I, пря-

*) Законъ 1842 года объ „обязанныхъ крестьянахъ".

**) См. гл. XIV. Внѣшняя политика Россіи въ I части настоящей книги, 4. Восточная политика Николая I.

мо заявилъ, что, пока французы не придутъ на Рейнъ, онъ не двинется. Комментарій, который давалъ его словамъ его министръ, Ансильонъ, долженъ былъ еще больше изумить и огорчить Николая Павловича: „мы не можемъ рисковать войной съ Франціей", говорилъ прусскій министръ, „развѣ война эта станетъ всенароднымъ дѣломъ. *Мы не смѣемъ предпринять ее, пока общественное мнѣніе не начнетъ ее поддерживать*".

Но всего горестнѣе было, что самъ князь Меттернихъ, душа Священнаго Союза, держался чуть ли не такого же мнѣнія,—хотя и не высказывалъ его такъ откровенно. Русскій министръ иностранныхъ дѣлъ привезъ отъ него Николаю записку, гдѣ буквально было сказано: „принять за общее основаніе нашего поведенія рѣшеніе не вмѣшиваться во внутреннія дѣла Франціи"... Николай подчинился. Онъ даже полупризналъ совершившійся во Франціи переворотъ и его результаты—появленіе на французскомъ престолѣ Орлеанской династіи — и мстилъ за свою неудачу только крайне грубымъ тономъ своихъ обращеній къ Людовику-Филиппу. Но послѣдній, какъ истый „король-буржуа", придавалъ значеніе фактамъ, а не словамъ—и держался по отношенію къ Николаю правила, что брань на вороту не виснетъ (онъ выражалъ это латинскимъ словомъ ignoramus). Логика вещей требовала, сдѣлавъ одинъ шагъ,' не отказываться и отъ второго: Николай очень желалъ бы помочь нидерландскому королю противъ его мятежныхъ бельгійскихъ подданныхъ. Но онъ былъ лишенъ всякой возможности это сдѣлать безъ содѣйствія Пруссіи и при явномъ противодѣйствіи Англіи и Франціи. Впрочемъ, польское возстаніе не давало и времени заботиться о Бельгіи. Въ концѣ концовъ, русская дипломатія и въ этомъ вопросѣ покорно шла на поводу у своихъ союзниковъ—отводившихъ душу болѣе или менѣе ядовитыми замѣчаніями по адресу Франціи, но не рѣшавшихся итти прямо наперекоръ „морскимъ державамъ". Впослѣдствіи Николай находилъ возможнымъ даже гордиться тѣмъ, что независимость Бельгіи закрѣплена при участіи, между прочимъ, и Россіи—и охрану этой независимости, — несомнѣннаго исчадія зловреднаго „духа времени" — разсматривалъ какъ одну изъ своихъ обязанностей въ качествѣ защитника „законности" вообще.

Іюльская революція и провозглашеніе бельгійской независимости были наглядным подтвержденіемъ того факта, что Священный Союзъ пересталъ существовать. Священный Союзъ былъ попыткой увѣковѣчить коалицію державъ стараго порядка противъ революціонной Франціи: и на немъ лишній разъ оправдался тотъ эмпирическій законъ, что никакая коалиція не можетъ быть успѣшна, разъ въ ней не участвуетъ Англія.

Вся вторая половина царствованія Николая наполнена попытками воскресить Шомонскій договоръ 1814 года—союзъ *четырехъ* державъ (Россіи, Австріи, Пруссіи и Англіи) противъ пятой, Франціи. Но это было предпріятіе, заранѣе осужденное на неудачу. Англія 30-хъ и 40-хъ годовъ была мало похожа на Англію перваго десятилѣтія XIX вѣка. Страна крупнаго землевладѣнія и торговаго капи-

тала успѣла окончательно обратиться въ страну торжествующей крупной промышленности. Но промышленной буржуазіи нужно было господство манчестерства и либерализма на европейскомъ континентѣ — такъ же, какъ торжество наполеоновскихъ армій было необходимымъ условіемъ процвѣтанія болѣе примитивной французской буржуазіи начала столѣтія. По характерной ироніи судьбы, англійскими дѣлами въ это время еще продолжали завѣдывать государственные люди старой школы, вышедшіе изъ рядовъ крупной земельной знати, глубоко проникнутые феодальными понятіями и привычками. Нѣкоторые изъ нихъ были личными друзьями императора Николая — и это поддерживало въ немъ иллюзію англійскаго союза, вѣру въ то, что случайному и досадному отчужденію Англіи отъ трехъ державъ стараго порядка скоро наступитъ конецъ. Государь - вотчинникъ наивно вѣрилъ, что всюду въ мірѣ политика опредѣляется личными вкусами и симпатіями тѣхъ, кто ее ведетъ—и для него всегда оставалось загадкой, почему Веллингтонъ или Эбердинъ, лично расположенные къ нему, Николаю Павловичу, искренніе и глубокіе консерваторы, не могутъ помѣшать участію Англіи въ разныхъ „революціонныхъ" происках, направленныхъ противъ Россіи. Онъ никакъ не могъ представить себѣ, чтобы правитель страны былъ просто орудіемъ въ рукахъ управляемыхъ—и никогда не могъ освоиться съ мыслью, что въ Англіи можетъ остаться министромъ лишь человѣкъ, способный поддерживать на континентѣ либеральныя теченія, выгодныя англійской буржуазіи. Пальмерстонъ дѣлалъ это сознательно— и онъ былъ самымъ популярнымъ министромъ Англіи этого времени. Но и консервативные друзья Николая Павловича волей-неволей должны были дѣлать то же самое. Отъ воскрешенія Шомонскаго союза очень рано пришлось отказаться. Священный Союзъ, не сходя формально со сцены, уже въ 1833 году смѣнился гораздо болѣе скромнымъ тройственнымъ союзомъ, о которомъ упоминалось выше. Въ него входили только Австрія, Пруссія и Россія; его географическія рамки были гораздо уже его предшественника—фактически Франція и Пиренейскій полуостровъ, а также и Бельгія были изъяты изъ-подъ его вліянія: онъ охватывалъ, кромѣ восточной половины Европы, только Италію. Вмѣшательство союза во внутреннія дѣла союзныхъ державъ, повелительно диктовавшееся рѣшеніями Ахенскаго и послѣдующихъ конгрессовъ, превратилось въ факультативное: державы-союзницы *могли* просить помощи другъ у друга въ своихъ внутреннихъ дѣлахъ, но безъ такой просьбы вмѣшательство не должно было имѣть мѣста. Словомъ, Берлинская конвенція 1833 года давала лишь блѣдную копію Священнаго Союза — но Николай долженъ былъ быть доволенъ и этимъ. Фактически, даже въ этихъ скромныхъ предѣлахъ союзники оказывались не особенно надежными. Прусскій король Фридрихъ-Вильгельмъ IV, наслѣдовавшій другу императора Александра Павловича, теперь дружилъ съ Англіей и скоро сталъ заниматься какими-то конституціонными опытами, внушавшими русскому импера-

тору сильнѣйшее недовѣріе. А Австрія, вѣрная Австрія Меттерниха, сблизилась съ Людовикомъ-Филиппомъ, — сыновей его съ почетомъ принимали въ Вѣнѣ — и не прочь была отъ французскаго союза; австрійскій канцлеръ обсуждалъ съ Гизо вопросъ о борьбѣ на два фронта — „на западѣ противъ революціи, на востокѣ—противъ завоевательныхъ стремленій Россіи". Въ то же время Англія протягивала руки весьма далеко отъ береговъ Атлантическаго океана. Пальмерстонъ явно поддерживалъ швейцарскихъ радикаловъ противъ консервативныхъ католическихъ кантоновъ — и спеціальный англійскій уполномоченный ѣздилъ по Италіи, ободряя либераловъ и пугая реакціонеровъ. Около половины 40-хъ годовъ не одинъ Востокъ былъ свидѣтелемъ неудачъ и разочарованій Николая Павловича.

Когда вспыхнула февральская революція, Николай уже успѣлъ освоиться съ мыслью, что по ту сторону Рейна начинается безраздѣльное царство зла—и что театромъ войны съ „духомъ времени" являются Германія и Австрія. Онъ охотно и безъ спора согласился съ предложеніемъ Меттерниха—держаться того же начала невмѣшательства во внутреннія дѣла Франціи, какъ и въ 1831 году. Даже больше,—русскому повѣренному въ дѣлахъ при дворѣ Людовика-Филиппа, Киселеву, было разрѣшено остаться въ Парижѣ и завязать — пока неофиціальныя—сношенія съ временнымъ правительствомъ Французской республики. Если часть русской арміи была мобилизована и придвинута къ западнымъ границамъ, то это было вызвано отчасти желаніемъ помочь Австріи — уже въ то время нуждавшейся въ русской поддержкѣ въ своихъ итальянскихъ дѣлахъ — отчасти же опасеніемъ дальнѣйшихъ осложненій. Они и не замедлили своимъ появленіемъ: въ мартѣ мѣсяцѣ въ Петербургѣ почти одновременно узнали о внезапномъ паденіи Меттерниха и о баррикадахъ въ Берлинѣ. Самыя мрачныя изъ предвидѣній Бруннова оправдывались—„духъ времени" былъ уже на Дунаѣ и на Одерѣ.

Императоръ Николай понималъ всю колоссальную важность совершившейся перемѣны. „Въ глазахъ моихъ исчезаетъ вмѣстѣ съ вами цѣлая система взаимныхъ отношеній мысли, интересовъ и дѣйствій сообща", писалъ онъ Меттерниху. „На новомъ пути, на который отнынѣ вступаетъ австрійская монархія, и не взирая на добрую волю ея правительства, крайне трудно будетъ обрѣсти ихъ въ одинаковой степени, подъ иною формой". И тѣмъ не менѣе худо скрытое торжество звучитъ въ эти дни въ каждомъ его заявленіи. „По завѣтному примѣру православныхъ нашихъ предковъ, призвавъ въ помощь Бога Всемогущаго, мы готовы встрѣтить враговъ нашихъ, гдѣ бы они ни предстали", самодовольно заявлялъ онъ въ своемъ манифестѣ (отъ 14-го марта)—извѣщавшемъ его подданнымъ о происшедшихъ на Западѣ переворотахъ. „Мы удостовѣрены,.. что древній нашъ возгласъ: „за вѣру, царя и отечество" и нынѣ предукажетъ намъ путь къ побѣдѣ... Съ нами Богъ! разумѣйте языцы и покоряйтесь, яко съ нами Богъ!" Часъ рѣшительнаго боя „добра и зла", наконецъ, пришелъ, таинственный „духъ", лукавый и изворотливый, скрывавшійся до

сихъ поръ въ трудно доступныхъ для физической силы убѣжищахъ — въ книгахъ, газетахъ, университетскихъ лекціяхъ и частныхъ разговорахъ, осмѣлился теперь выйти въ открытое поле — и долженъ былъ пасть подъ русскими штыками.

Пока однако же „языцы“ не спѣшили нападеніемъ на русскіе предѣлы —и воинственныя чувства императора Николая оставались безъ удовлетворенія. Правда, въ Вѣнѣ народъ громилъ виллу князя Меттерниха при возгласахъ „долой русскій союзъ!“ Правда, единая Германія, о которой говорили и въ прусскомъ ландтагѣ и во франкфуртскомъ парламентѣ, включала въ себя и остзейскія губерніи Россіи. Но дальше такихъ моральныхъ нападокъ и теоретическихъ чаяній дѣло пока не шло. И если Николай хотѣлъ поразить „зло“, ничего не оставалось, какъ пойти къ нему на родину. Русскій императоръ, конечно, съ величайшимъ удовольствіемъ занялъ бы своими войсками и Берлинъ, и Вѣну, и Франкфуртъ: но Берлинскія конвенціи 1833 года не допускали такого простого рѣшенія вопроса. Онѣ позволяли вмѣшательство во внутреннія дѣла одной изъ союзныхъ державъ только по приглашенію самой этой державы. Николай очень желалъ стать усмирителемъ Пруссіи—и долго не терялъ надежды имъ сдѣлаться. Еще въ 1850 году онъ предлагалъ графу Дона, прусскому корпусному командиру на русской границѣ, двинуться со своими солдатами на Берлинъ и тамъ произвести coup d'état въ пользу возстановленія стараго порядка въ его неприкосновенномъ видѣ. Онъ обѣщалъ прусскому генералу подкрѣпить его четырьмя русскими корпусами. Но Гогенцоллерны вовсе не желали терять послѣднія остатки своей популярности; они твердо надѣялись, что она еще имъ сослужитъ службу въ будущемъ—и надѣялись не совсѣмъ напрасно. А въ Берлинѣ даже очень умѣренные люди находили, что русскій императоръ, наравнѣ съ Меттернихомъ, былъ „несчастіемъ прусскаго короля и всей Германіи“. Въ итогѣ, что касается сѣверной Германіи, Николаю приходилось утѣшать себя вмѣшательствомъ во второстепенное, даже третьестепенное шлезвигъ - голштинское дѣло, — изъ котораго онъ надѣялся сдѣлать дѣло истинно-русское, подготовивъ своимъ вмѣшательствомъ кандидатуру на датскій (а, слѣдовательно, и шлезвигъ-голштинскій) престолъ своего родственника, принца Ольденбургскаго. Этой цѣли ему не удалось достигнуть, но, заставивъ нѣмцевъ вернуть Даніи спорныя провинціи *), онъ озлобилъ противъ себя всѣхъ нѣмецкихъ и, въ частности, прусскихъ патріотовъ,— подготовивъ тѣмъ враждебный Россіи нейтралитетъ Пруссіи во время Крымской войны. Австрія больше пошла ему навстрѣчу. Уже до начала февральской революціи ей нужна была русская помощь въ Италіи,—пока не войсками, а дипломатической поддержкой и деньгами. Николай не отказалъ ни въ томъ, ни въ другомъ. Англія предлагала свое дружеское посредничество сардинскому королю въ его спорѣ съ Австріей изъ-за Ломбардіи: это было косвенно давленіемъ на Австрію въ пользу Пьемонта. Рус-

*) Угрозой—ввести русскія войска въ восточную Пруссію и Силезію въ случаѣ отказа.

ское министерство иностранныхъ дѣлъ заявило, что Россія не потерпитъ, чьего бы то ни было вмѣшательства въ итальянскія дѣла, и что въ Италіи все должно оставаться по старому. Одновременно изъ тощей русской казны было отпущено австрійскому правительству шесть милліоновъ рублей. Въ иной, гораздо болѣе рѣшительной, формѣ понадобилась Австріи русская поддержка, когда возстаніе распространилось на сосѣднія съ Россіей области габсбургской монархіи. Русскія войска давно стояли на ея юго-восточныхъ границахъ: революція 1848 года захватила между прочимъ дунайскія княжества; ихъ номинальный сюзеренъ, турецкій султанъ, неожиданно оказался черезчуръ либеральнымъ — и турецкій комиссаръ въ княжествахъ призналъ установившійся въ Валахіи порядокъ, санкціонировавъ образовавшееся тамъ временное революціонное правительство. Ничего подобнаго Николай Павловичъ, разумѣется, не могъ допустить. Если султанъ не умѣлъ оберечь своихъ правъ, этимъ долженъ былъ заняться русскій императоръ,— который и былъ къ тому же дѣйствительнымъ, не номинальнымъ, сюзереномъ княжествъ. Валахія и Молдавія были заняты русскими войсками, а турецкое правительство вынуждено было издать декларацію, которою упразднялось всякое подобіе конституціи въ княжествахъ: впредь господари должны были не выбираться, а назначаться султаномъ, даже средневѣковыя собранія бояръ были уничтожены и замѣнены совѣтами чиновниковъ по назначенію господарей. Для охраны возстановленнаго „порядка" русскій корпусъ ген. Лидерса долженъ былъ остаться въ княжествахъ: возставшая Венгрія, такимъ образомъ, сразу увидала въ непосредственномъ своемъ сосѣдствѣ, на границѣ Трансильваніи, русскую военную силу. Перейти границу ей ничего не стоило—и случай этотъ былъ предусмотрѣнъ уже давно: еще въ 1837 г. между Меттернихомъ и Николаемъ было условлено, что въ случаѣ возстанія мадьяръ Австрія можетъ разсчитывать на вооруженную поддержку со стороны Россіи. Въ 1848 году и Австрія до послѣдней минуты крѣпилась, не вспоминая объ этомъ соглашеніи и не открывая русскимъ войскамъ доступа въ свои границы. По мѣрѣ того однако же, какъ реакція брала верхъ въ Австріи, опасеніе лишиться популярности все менѣе и менѣе играло роль въ поведеніи австрійскаго правительства, и идея русскаго вмѣшательства становилась для него все болѣе и болѣе пріемлемой. Впервые опредѣленно о немъ заговорилъ Виндишгрецъ въ дни бомбардировки Вѣны. Въ отвѣтъ на слова русскаго повѣреннаго въ дѣлахъ о сочувствіи императора Николая энергическому образу дѣйствій Виндишгреца, австрійскій фельдмаршалъ, вмѣстѣ съ горячими изъявленіями благодарности, выразилъ надежду, что русскій императоръ не откажется помочь законному правительству Австріи, если бы наступила вновь трудная минута. На донесеніи объ этомъ русскаго дипломата Николай написалъ: „и я отвѣчу на ихъ призывъ, и они во мнѣ не ошибутся". Онъ только и ждалъ такого призыва. Спеціально венгерское возстаніе было особенно важно въ его глазахъ: въ рядахъ венгерцевъ сражались поль-

скіе легіоны, а польскіе генералы, Бемъ и Дембинскій, командовали мадьярскими войсками. Письма Виндишгреца и молодого австрійскаго императора, Франца-Іосифа,—о которомъ Николай отзывался, что онъ любитъ его, какъ родного сына, нашли вполнѣ подготовленную почву. Сначала Лидерсъ вступилъ въ Трансильванію, а затѣмъ не замедлила появиться и главная русская армія изъ Польши подъ начальствомъ Паскевича. Два мѣсяца спустя послѣдній доносилъ Николаю: „Венгрія у ногъ вашего императорскаго величества". Вдобавокъ къ нѣмцамъ и итальянцамъ, Россія пріобрѣла еще одного врага—въ лицѣ маленькаго, но энергичнаго и памятливаго венгерскаго народа.

Разгромъ Венгріи былъ послѣднимъ ударомъ, нанесеннымъ австрійской революціи: черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ капитуляціи венгерской арміи подъ Виллагошемъ австрійская конституція перестала существовать. То, о чемъ Николай только мечталъ для Пруссіи, возстановленіе стараго порядка во всей его неприкосновенности, здѣсь стало дѣйствительностью: наслѣдникъ Меттерниха, кн. Шварценбергъ, собирался пойти даже дальше своего предшественника. Оставалось, опираясь на достигнутые успѣхи, покончить съ другимъ порожденіемъ „духа времени"—съ идеей единства Германіи. Это единство Николай Павловичъ считалъ „нелѣпымъ предпріятіемъ, достигнувшимъ пока единственнаго успѣха, возбужденія страстной зависти и серьезныхъ замѣшательствъ между Австріей и Пруссіей". Россія поэтому всей тяжестью своего авторитета поддержала Австрію въ ея попыткѣ реставрировать Германскій союзъ, созданный Вѣнскимъ конгрессомъ въ 1815 году. Этому долго противилась Пруссія—король которой все время колебался между надеждой стать императоромъ объединенной Германіи и отвращеніемъ къ „собачьему ошейнику", —какъ называлъ онъ императорскую корону, полученную изъ рукъ народныхъ представителей. Вмѣшательство Россіи положило конецъ его колебаніямъ. Одну минуту онъ думалъ опереться на Англію—но въ расчетъ Англіи вовсе не входило созданіе единой Германіи. Побряцавъ оружіемъ, Пруссія пошла на самую позорную капитуляцію: въ отвѣтъ на австрійскій ультиматумъ, прусскій первый министръ поспѣшилъ выѣхать навстрѣчу своему австрійскому коллегѣ, даже не дождавшись согласія послѣдняго на свиданіе. Такая „скромность", какъ офиціально заявлялъ Шварценбергъ, заставила Австрію быть снисходительной: снисходительность выразилась въ томъ, что Пруссія была принята на старыхъ условіяхъ въ Германскій союзъ, возстановленный въ его прежнемъ видѣ. Россія была косвенной, но главной виновницей этой такъ называемой „ольмюцской пунктаціи" —и все негодованіе общественнаго мнѣнія Германіи еще разъ обрушилось на нее.

Къ этому негодованію примѣшивалась однако значительная доза страха. Легенда о вершителѣ судебъ Европы какъ будто начала оправдываться именно въ эти годы. „Развѣ не видятъ, что тамъ на сѣверѣ господствуетъ настоящій *Наполеонъ мира*, которымъ только казался Людовикъ-Филиппъ, но не былъ ни по

существу своему, ни по значенію?“ писалъ одинъ прусскій дипломатъ въ концѣ 1850 года. „Лишь разъ въ продолженіе двадцати лѣтъ русскій мечъ былъ извлеченъ изъ ноженъ, именно въ столь мало опасномъ для царя венгерскомъ походѣ, и благодаря этому смѣлому (?) поступку, сѣверное вліяніе обезпечено не только въ Вѣнѣ, но и въ Стокгольмѣ, въ Италіи, въ Греціи, и если на берегахъ Шпре и Босфора не вступятъ скоро и рѣшительно на иной путь, то...“ „Когда я былъ молодъ“, писалъ другой нѣмецкій наблюдатель, годъ спустя, „надъ европейскимъ материкомъ господствовалъ Наполеонъ. Теперь, повидимому, русскій императоръ занялъ мѣсто Наполеона и будетъ, по крайней мѣрѣ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, предписывать законы Европѣ“.

Достаточно было всего четырехъ лѣтъ, чтобы изобличить малодушіе этихъ страховъ и показать, что могущественная Россія, вершительница судебъ Европы, больше, чѣмъ когда-либо, была „великимъ обманомъ“ *).

2.

Споръ о „ключахъ“.

Какими бы возвышенными принципами ни руководилась политика Николая Павловича, онъ никогда не забывалъ ближайшихъ практическихъ послѣдствій своихъ шаговъ. Мы видѣли, что, поддерживая, исключительно во славу принципа законности, датскаго короля, онъ не прочь былъ использовать датское дѣло, чтобы добыть корону для своего родственника. Ходили слухи, что, безкорыстно стремясь на помощь австрійскому императору, онъ подумывалъ въ то же время объ округленіи западной границы Россіи насчетъ Галиціи. Если онъ въ концѣ концовъ не далъ ходу этой мелкой претензіи, то главнымъ образомъ потому, что занятое имъ въ Европѣ властное положеніе открыло передъ нимъ—такъ, по крайней мѣрѣ, ему казалось — необъятно широкія перспективы на томъ полѣ, которое издавна составляло главный предметъ его вниманія. Мы видѣли въ своемъ мѣстѣ**), что раздѣлъ наслѣдства послѣ Турціи, — которая по мнѣнію его канцлера умирала, а по его личному мнѣнію уже умерла и только по недоразумѣнію занимала мѣсто среди живыхъ — былъ навязчивой идеей Николая Павловича съ первыхъ лѣтъ его царствованія. Мы видѣли также, что ни разу ему не представлялось случая приняться за это дѣло самостоятельно, всякій разъ ему нужны были союзники — то Австрія, то Англія — и каждый разъ эти союзники въ самый рѣшительный моментъ отказывали въ своемъ содѣйствіи. Теперь онъ былъ — или казался себѣ настолько сильнымъ, что могъ приняться за это дѣло одинъ, не дожи-

*) A great humbug, — выраженіе Пальмерстона

**) См. ч. I, гл. XIV. Внѣшняя политика Россіи. 4. Восточная политика Николая I.

даясь другихъ, — предоставляя имъ присоединиться къ нему, если они найдутъ нужнымъ.

Какъ разъ въ ту минуту, когда Николай, казалось, располагалъ судьбами Европы отъ Копенгагена до Вѣны, по своему усмотрѣнію, Турція снова обратила на себя его вниманіе, довольно непріятно напомнивъ ему о границахъ его всемогущества. Часть венгерскихъ эмигрантовъ и въ томъ числѣ наиболѣе ненавистные Николаю польскіе офицеры, укрылась въ Турціи. Австрія и Россія самымъ категорическимъ образомъ потребовали ихъ выдачи. Султанъ отказалъ. Въ это время дѣлами Турціи руководило „либеральное", вѣрнѣе западническое, министерство, готовившее цѣлый рядъ реформъ въ европейскомъ духѣ (совокупность этихъ реформъ была извѣстна подъ именемъ *танзимата*). Вліяніе англійскаго посла, Стратфорда Каннинга, было всемогущимъ. Къ тому же, принимать европейскихъ бѣглецовъ — особенно если они переходили въ магометанство, какъ это сдѣлали нѣкоторые изъ венгерскихъ эмигрантовъ,—было въ Турціи традиціей: въ старое время не одинъ министръ султана, не одинъ генералъ его арміи вышли изъ рядовъ такихъ „ренегатовъ". Словомъ, со всѣхъ точекъ зрѣнія турки не расположены были удовлетворить требованія державъ стараго порядка. Что они имѣютъ дѣло съ вершителемъ судебъ Европы—этого они или не знали, стоя далеко отъ революціи 48-го года, или не хотѣли знать, вспоминая довольно плачевную роль Николая передъ лицомъ ихъ покровительницы, Англіи. Вынужденный отказъ Россіи отъ Ункіаръ-Искелесскаго договора *) у Порты былъ въ свѣжей памяти.

Николай былъ убѣжденъ, что онъ не можетъ встрѣтить отказа. Требованіе выдачи было поэтому облечено въ такую форму—собственноручнаго письма русскаго императора къ султану, посланнаго съ нарочнымъ генералъ-адъютантомъ—которая дѣлала отрицательный отвѣтъ почти несмываемымъ оскорбленіемъ. Получивъ его, Австрія и Россія немедленно прервали дипломатическія сношенія съ Турціей. Онѣ ожидали извѣстія о томъ, что Порта горько раскаивается, готовились видѣть униженные поклоны и извиненія: вмѣсто этого онѣ узнали, что Англія и Франція категорически потребовали отъ султана не уступать въ этомъ пунктѣ—и что для подкрѣпленія этого требованія англійская эскадра прошла черезъ Дарданеллы въ Мраморное море. Это было прямымъ нарушеніемъ международной конвенціи 1841 г., — конвенціи, подписанной между прочимъ и Англіей, и закрывавшей проливы для военныхъ судовъ всѣхъ державъ — почему Пальмерстонъ и поспѣшилъ формально извиниться за поступокъ англійскаго адмирала. Но впечатлѣніе было сдѣлано. Выдачи эмигрантовъ Николай не добился: все, на что согласилась Турція, это было удаленіе ихъ изъ пограничныхъ съ Австріей областей во внутреннія. Скоро одинъ изъ наиболѣе ненавистныхъ Николаю, полякъ Бемъ, сдѣлался турецкимъ пашой. Русскіе дипломаты пробовали объяснять всѣмъ желавшимъ слу-

*) См. тамъ же.

шать, что тутъ вышло несчастное хронологическое совпаденіе,—что государь ихъ, по своей благости, добровольно согласился на уступку гораздо раньше, чѣмъ узналъ о дерзкомъ поведеніи англичанъ: въ Европѣ этому не вѣрили и, держась правила post hoc ergo propter hoc, хвалили энергію, съ какой морскія державы сумѣли показать „русскому деспоту“ его мѣсто.

„Русскій деспотъ“ въ данную минуту не чувствовалъ себя готовымъ къ войнѣ съ морскими державами. Но, рано или поздно, онъ долженъ былъ отомстить. Онъ приступилъ къ этому, какъ только возстановленіе стараго порядка въ Германіи окончательно развязало ему руки на Западѣ. Найти предлогъ для новаго вмѣшательства въ турецкія дѣла было какъ нельзя болѣе легко: традиціонное покровительство православнымъ на Востокѣ въ изобиліи давало матеріалъ для разнаго рода мелкихъ осложненій въ любой моментъ. Католическое и православное духовенство въ Іерусалимѣ и другихъ святыхъ мѣстахъ Палестины постоянно враждовали между собой изъ-за права распоряжаться тою или другой святыней, т. е. эксплуатировать ее въ свою пользу. Со времени крестовыхъ походовъ перевѣсъ въ этомъ случаѣ былъ на сторонѣ католиковъ: изъ двѣнадцати святынь Іерусалима девять были въ ихъ рукахъ—и лишь три, но въ томъ числѣ самыя главныя, завѣдывались православными, причемъ однако и католики имѣли туда доступъ. Такое соотношеніе силъ объясняется постояннымъ энергичнымъ покровительствомъ, какое встрѣчали палестинскіе католики со стороны правительства старой, дореволюціонной Франціи. Давнишній союзникъ Турціи, это правительство никогда не забывало извлечь изъ союза выгоду и для католической церкви. Новая Франція нѣсколько пренебрегала этимъ,—къ тому же грубая измѣна Наполеона послѣ Тильзита *) возмутила турокъ противъ Франціи: результатомъ была реакція въ пользу православныхъ—подданныхъ султана, не нужно забывать этого: въ 1808 году они получили привилегіи, во многомъ противорѣчившія трактатамъ, ограждавшимъ прерогативы римской церкви. Они пользовались ими невозбранно до начала 50-хъ годовъ,—пока въ дѣло не вмѣшалось опять французское правительство. Людовику-Наполеону, подготовлявшему въ это время переворотъ 2 декабря 1851 года очень важно было содѣйствіе католической церкви. Услуга ей была одновременно расплатой за ея добрыя услуги на президентскихъ выборахъ—и обезпеченіемъ ея содѣйствія при будущемъ государственномъ переворотѣ. Въ Европѣ результатомъ этого обмѣна услугъ была извѣстная римская экспедиція—разгромъ римской республики войсками республики французской. Въ Палестинѣ Людовикъ-Наполеонъ вспомнилъ традиціи французскихъ королей и рѣшилъ отстаивать права, предоставленныя католикамъ трактатомъ XVIII вѣка. Помимо Іерусалима—тутъ особенно важную роль играло право починки купола надъ гробомъ Господнимъ—наибольшее значеніе имѣлъ виѳлеемскій храмъ, съ обладаніемъ ключами котораго по мѣстнымъ понятіямъ свя-

*) См. тамъ же.

зывалось нѣчто въ родѣ права собственности на само это святое мѣсто. Передача „латинянамъ“ ключей отъ этой святыни была блестящимъ успѣхомъ дипломатіи Людовика-Наполеона, подавшимъ поводъ къ ряду драматическихъ сценъ—которыхъ мы не будемъ разсказывать здѣсь подробно. Изъ этого, главнымъ образомъ, дѣла и возникъ „вопросъ о святыхъ мѣстахъ“.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что съ самаго начала президентъ Французской республики вовсе не имѣлъ въ виду серьезнаго столкновенія, а тѣмъ болѣе войны съ Россіей изъ-за палестинскихъ дѣлъ. Онъ былъ увѣренъ, что вопросъ не выйдетъ за предѣлы обычной дипломатической пикировки; когда ему показалось, что его посланникъ въ Константинополѣ, Лавалеттъ, увлекся и взялъ слишкомъ рѣзкій тонъ, онъ поспѣшилъ замѣнить его другимъ лицомъ. Въ свою очередь, Николай всего меньше желалъ навязать себѣ на шею войну съ Франціей. Противъ Людовика - Наполеона лично онъ ничего не имѣлъ. Его избраніе въ президенты казалось Николаю фактомъ весьма желательнымъ, — какъ залогъ преобладанія консервативныхъ началъ во французской политикѣ, внутренней и внѣшней. Переворотъ 2-го декабря окончательно восхитилъ русскаго императора, оправдавъ самыя лучшія его надежды. Въ его глазахъ это была крупная заслуга Людовика-Наполеона передъ всей Европой: „духъ времени“ былъ раздавленъ, такъ сказать, въ собственномъ его гнѣздѣ. Николай такъ смягчился, по поводу этого радостнаго событія, что—единственный разъ—пошелъ даже на уступки въ вопросѣ о „ключахъ“. Между русскимъ самодержцемъ и основателемъ второй Французской имперіи завязались даже интимно довѣрчивыя отношенія: Людовикъ-Наполеонъ, готовясь стать Наполеономъ III, рѣшилъ посвятить въ свой проектъ Николая Павловича и, воспользовавшись пребываніемъ послѣдняго въ Берлинѣ, послалъ къ нему для соотвѣтствующихъ переговоровъ сенатора Геккерена (Дантеса, убійцу Пушкина). Николай встрѣтилъ посланца Людовика-Наполеона весьма милостиво, одобрялъ въ разговорахъ съ нимъ прошлое поведеніе президента Французской республики, —увѣщевалъ его и впредь держаться той же линіи. Грубое нарушеніе довѣрія, оказаннаго Бонапарту французскимъ народомъ, нисколько не смущало Николая Павловича, при всей его честности и лояльности: припомнимъ, какъ усердно поощрялъ онъ къ такому же нарушенію довѣрія прусскаго короля и какъ радовался онъ государственному перевороту въ Австріи. „Честность“ на его языкѣ обозначала честность по отношенію къ равнымъ себѣ, къ императорамъ и королямъ: народы не имѣли никакихъ правъ, и по отношенію къ нимъ не могло быть ни честныхъ, ни безчестныхъ поступковъ. Если разговоры съ Геккереномъ отчасти испортили настроеніе, то совсѣмъ другимъ: освѣдомившись о желаніи президента принять императорскій титулъ, Николай поморщился; это уже было посягательствомъ на права его и ему подобныхъ коронованныхъ особъ: съ этимъ не такъ легко было примириться. А когда Геккеренъ заговорилъ о возстановленіи на фран-

цузскомъ престолѣ династіи Бонапартовъ, Николай окончательно отказался продолжать разговоръ. На ясномъ горизонтѣ показалось первое облачко. Оно превратилось въ довольно большую тучу, когда Людовикъ-Наполеонъ осуществилъ свое намѣреніе, дерзко украсивъ при этомъ свое имя цифрой III — напоминая всему міру, что онъ считаетъ себя наслѣдникомъ своего, низложеннаго всеевропейскимъ конгрессомъ, дяди.

Николай сильно агитировалъ противъ признанія новаго Бонапарта императоромъ, въ особенности съ этой цифрой: и тутъ ему пришлось убѣдиться, что и на западѣ Европы онъ далеко не такъ всемогущъ, какъ казалось запуганнымъ имъ людямъ. Не говоря уже объ Англіи, даже державы стараго порядка отказались присоединиться въ этомъ случаѣ къ Россіи—и Николай, послѣ тщетныхъ попытокъ оттянуть дѣло, вынужденъ былъ признать совершившуюся перемѣну, утѣшая себя, какъ въ дни Людовика-Филиппа, словесными грубостями по адресу носителя непріятной для него цифры. Какъ извѣстно, онъ отказался дать Наполеону III обычный въ перепискѣ между монархами титулъ „брата", согласившись назвать его только „другомъ": представитель Николая Павловича дополнилъ это оскорбленіе, объяснивъ, что „братьями" его государь считаетъ только государей „божіей милостью", Наполеонъ же является государемъ лишь „волею народа". Но и это препирательство, живо переносящее насъ во времена переговоровъ Грознаго со Стефаномъ Баторіемъ, какъ оно ни портило личныя отношенія, не было еще достаточнымъ поводомъ для войны; съ Людовикомъ-Филиппомъ Николай обходился ничуть не лучше (Наполеонъ III находилъ даже, что гораздо хуже), и однако же никакихъ дальнѣйшихъ послѣдствій это не имѣло.

Исходной точкой осложненій, приведшихъ къ Восточной войнѣ 1853—1856 гг., были не личныя отношенія Николая и Наполеона III и тѣмъ болѣе не „споръ о ключахъ" самъ по себѣ. Дипломатъ—почитатель Николая Павловича, описавшій дипломатическія перипетіи великой борьбы, обращаетъ вниманіе, какъ часто въ устахъ дѣйствующихъ лицъ этой трагедіи мы встрѣчаемъ слово „рокъ" (fatalité). Иначе они не умѣли объяснить себѣ своихъ собственныхъ поступковъ. Этимъ „рокомъ" была сила общественнаго мнѣнія европейской буржуазіи. Буржуазное общество не могло терпѣть занесеннаго надъ нимъ кулака феодальной Россіи. Всякій поводъ былъ хорошъ, чтобы избавиться отъ Николая. И заслуга Наполеона III состояла въ томъ, что онъ вѣрно оцѣнилъ, гдѣ надо искать уязвимую сторону русскаго самодержца—ту точку, гдѣ онъ долженъ былъ сосредоточить противъ себя наибольшее противодѣйствіе своихъ западныхъ сосѣдей безъ различія, были ли они у себя дома представителями стараго порядка или революціи. Этой точкой былъ, конечно, не Іерусалимъ съ его мелкими церковными дрязгами, а Европейская Турція, Балканскій полуостровъ съ Константинополемъ включительно. Что „ключи" были для Николая только придиркой, въ этомъ едва ли могло быть сомнѣніе даже въ то время, какъ скоро стали извѣстны разговоры, какіе онъ велъ съ англій-

скимъ посломъ въ Петербургѣ,—дѣлая послѣднюю попытку разорвать союзъ „морскихъ державъ“. Здѣсь вопросъ о дѣлежѣ наслѣдства „больного человѣка“ ставился такъ конкретно, какъ этого никогда еще не дѣлалъ Николай Павловичъ: Молдавія, Валахія, Сербія и Болгарія отходили къ Россіи, Критъ и Египетъ къ Англіи. Только о Константинополѣ стѣснялись говорить прямо— но Николай давалъ понять, что, быть можетъ, ему придется взять этотъ городъ „въ видѣ залога“. Присутствіе у власти полу-торійскаго министерства, явно избѣгавшаго столкновенія съ Россіей, которое пошло бы на пользу только революціонерамъ, сильно поощряло его на этомъ пути, питая въ немъ иллюзію русско-англійскаго союза. Но онъ скоро долженъ былъ увидѣть, что иниціативу раздѣлки съ „больнымъ“ человѣкомъ ему придется взять на себя.

16 февраля 1853 года въ Константинополь прибылъ чрезвычайный посолъ русскаго императора, князь Меншиковъ.

Онъ началъ съ того, что категорически потребовалъ удаленія турецкаго министра иностранныхъ дѣлъ, по мнѣнію Николая, недобросовѣстно дѣйствовавшаго въ вопросѣ о святыхъ мѣстахъ. Ошеломленная Порта уступила безпрекословно. Затѣмъ новому министру былъ предъявленъ списокъ дальнѣйшихъ русскихъ требованій, съ предписаніемъ—хранить его въ строжайшей тайнѣ, особенно отъ западно-европейскихъ дипломатовъ. Нѣтъ надобности говорить, что содержаніе этого списка стало немедленно же извѣстно наиболѣе заинтересованному изъ послѣднихъ—англійскому посланнику. Не безъ изумленія онъ узналъ, что русскій императоръ желаетъ, употребляя англійскія выраженія, „всю Турцію поставить по отношенію къ Россіи въ такое положеніе, какое до сихъ поръ занимали дунайскія княжества“. Николай находилъ, что постановленія, касающіяся права Россіи покровительствовать православнымъ христіанамъ на Востокѣ, формулированы недостаточно точно, какъ въ Кайнарджійскомъ, такъ и въ Адріанопольскомъ трактатѣ: поэтому султанъ долженъ былъ еще разъ торжественно подтвердить обѣщанія обоихъ трактатовъ, но въ болѣе ясной, недопускающей двухъ толкованій, формѣ. Главнымъ образомъ должно было быть разъяснено, во-первыхъ, что право покровительства касается именно православныхъ подданныхъ султана,—т. е. что они могутъ на злоупотребленія своихъ турецкихъ властей апеллировать къ русскому государю; во-вторыхъ, что покровительство отнюдь не касается только вопросовъ вѣры и религіозныхъ преслѣдованій — что вся православная церковь въ Турціи, какъ она есть, со всѣми ея иммунитетами подлежатъ русской опекѣ. Иными словами, около девяти милліоновъ подданныхъ султана (по тогдашнимъ исчисленіямъ) пріобрѣтали теперь двухъ государей, изъ которыхъ одному они могли жаловаться на другого. Чтобы правильно оцѣнить это требованіе, стоитъ себѣ представить казанскихъ татаръ, получающихъ право жаловаться на императора Николая турецкому султану, — причемъ съ представленіями послѣдняго Николай обязанъ былъ считаться и ихъ удо-

влетворять. Очевидно, говоря, что Турція умерла, русскій императоръ былъ совершенно искрененъ. Но такъ какъ Турція, вопреки этому ошибочному мнѣнію, была еще жива, то задачей турецкихъ дипломатовъ съ первой же минуты явилось—какъ-нибудь сбыть съ рукъ князя Меншикова съ его порученіемъ. Воевать Турція въ эту минуту вовсе еще не хотѣла; въ военной поддержкѣ Англіи и Франціи она еще не была вполнѣ увѣрена. Порта начала съ того, что обѣщала дать Россіи полное удовлетвореніе въ вопросѣ о святыхъ мѣстахъ. Французская дипломатія надѣялась столковаться по этому поводу непосредственно съ Россіей, не подвергая Турцію риску войны. Затѣмъ великій визирь обѣщалъ изданіе фирмана (и онъ, дѣйствительно, былъ скоро изданъ), еще разъ торжественно подтверждающаго всѣ права и привилегіи православной церкви въ Турціи, — но съ тѣмъ, конечно, что православные подданные султана оставались его подданными, со всѣми вытекающими отсюда послѣдствіями. Наконецъ, султанъ выразилъ желаніе отправить къ Николаю Павловичу особаго полномочнаго посла для окончательнаго улаженія всего этого дѣла. Меншиковъ категорически отклонилъ всѣ предложенія этого рода: не менѣе своего государя убѣжденный въ омертвѣніи Турціи, онъ былъ увѣренъ, что стоитъ хорошенько припугнуть турецкихъ министровъ, и они на все согласятся. Съ самой оскорбительной надменностью, онъ не допускалъ даже обсужденія предъявленныхъ Россіей требованій. Онъ передалъ великому визирю составленный въ Петербургѣ текстъ конвенціи и заявилъ, что она должна быть возвращена съ подписью султана: больше ничего. На размышленіе давалось 8 дней (потомъ Меншиковъ прибавилъ еще пять). Не получивъ въ срокъ отвѣта, русскій посолъ объявилъ дипломатическія сношенія прерванными и выѣхалъ изъ Константинополя. А 14 іюня 1853 года въ Петергофѣ былъ подписанъ высочайшій манифестъ, въ которомъ Николай возвѣщалъ своимъ подданнымъ: „истощивъ всѣ убѣжденія и съ ними всѣ мѣры миролюбиваго удовлетворенія справедливыхъ нашихъ требованій, признали мы необходимымъ двинуть войска наши въ придунайскія княжества, дабы доказать Портѣ, къ чему можетъ вести ея упорство“

3.

Дунайская кампанія.

(1853—1854).

Оккупація княжествъ означала войну—почти навѣрное, съ Турціей и, очень вѣроятно, съ Франціей, фактической противницей Россіи въ вопросѣ о святыхъ мѣстахъ. Императоръ Николай предвидѣлъ это: но война казалась ему дѣломъ не труднымъ и для Россіи совсѣмъ не опаснымъ. Въ разговорѣ съ генераломъ Тимашевымъ (впослѣдствіи министромъ внутреннихъ дѣлъ Александра II) онъ категорически заявлялъ, что, по чис-

ленности войскъ, Россія всегда будетъ сильнѣе всѣхъ своихъ враговъ, и что онъ, Николай поэтому никого не боится. Особенно легко было, казалось ему, справиться съ Турціей. Раннею весною 1853 года—во время посольства Меншикова въ Константинополѣ или даже немного ранѣе—онъ писалъ: „думаю, что сильная экспедиція, съ помощью флота, прямо въ Босфоръ и Царьградъ, можетъ все рѣшить весьма скоро. Ежели флотъ въ состояніи поднять въ одинъ разъ 16.000 человѣкъ съ 32 полевыми орудіями, съ необходимымъ числомъ лошадей, при 2 сотняхъ казаковъ, то сего достаточно, чтобы при неожиданномъ появленіи не только овладѣть Босфоромъ, но и самимъ Царьградомъ. Буде число войскъ можетъ быть и еще усилено, тѣмъ болѣе условій къ удачѣ". Даже и вмѣшательство морскихъ державъ не можетъ спасти Константинополя: намъ стоитъ только также быстро занять Дарданеллы.

Существованіе такого плана параллельно съ увѣреніями русской дипломатіи, что Россія исполнена миролюбія и отнюдь не желаетъ войны, очень характерно. Практическихъ послѣдствій онъ не имѣлъ, такъ какъ кн. Меншиковъ, на котораго непосредственно было возложено руководство морской экспедиціей противъ Царьграда, нашелъ таковую „весьма трудной и даже невозможной". Но и другіе планы, къ которымъ перешелъ Николай Павловичъ послѣ этого, дышатъ тою же увѣренностью, что турецкая армія будетъ разбита при первомъ же столкновеніи съ нашей. Разгромъ турецкихъ войскъ являлся исходной точкой всѣхъ русскихъ операцій, въ предположеніяхъ Николая: для него вопросомъ являлось не какъ разбить турокъ (это разумѣлось само собою), а какъ поступать, когда разбитые турки, со свойственнымъ восточнымъ людямъ коварствомъ, начнутъ „укрываться". Тогда, по его мнѣнію, слѣдовало, не останавливаясь, двигаться прямо черезъ Балканы.

Это оптимистическое настроеніе держалось довольно долго. На Рождествѣ 1853 года изъ Петербурга писали въ Москву: „Государь веселъ. Побѣды (рѣчь идетъ, очевидно, о Синопѣ и Башкадыклярѣ) его развеселили. Война и война — нѣтъ слова на миръ. Ото всей Россіи войнѣ сочувствіе. Флигель-адъютанты доносятъ, что такихъ дивныхъ и единодушныхъ наборовъ еще никогда не бывало. Крестовый походъ. Государь самъ выразился, что ему присылаютъ Аполлоновъ Бельведерскихъ на войну: въ теченіе двадцати девяти лѣтъ онъ ничего подобнаго не видывалъ".*)

Образъ дѣйствій противниковъ много способствовалъ поддержанію въ Николаѣ Павловичѣ подобныхъ иллюзій. Глядя, какъ осторожно, почти трусливо, выступаютъ Турція и ея союзницы, можно было въ самомъ дѣлѣ подумать, что и они вѣрятъ въ несокрушимую мощь русскаго императора. На занятіе русскими войсками княжествъ Турція отвѣтила не объявленіемъ войны, какъ можно было ожидать, а ходатайствомъ передъ австрійскимъ правительствомъ о посредничествѣ. „Порта стоитъ на колѣняхъ, божится, что войны не желаетъ и даже боится", писалъ кн. Воронцовъ Ермолову 1 іюня 1853 го-

*) Изъ письма Шевырева къ Погодину. Барсуковъ. XIII, 18—19.

2[1]

да. Въ Англіи глава тогдашняго министерства, лордъ Эбердинъ, съ жаромъ говорилъ русскому послу: „Тотъ, кто броситъ міръ въ бездну изъ-за дѣла, которое я нахожу несправедливымъ, приметъ на себя отвѣтственность, какой я на свою совѣсть не возьму. Я не согласенъ кончить мою карьеру революціонной и разрушительной (subversive) войной. Мое рѣшеніе твердо: я этой войны вести не буду; пусть ее ведетъ кто-нибудь другой!“ Какъ видимъ, руководитель русской иностранной политики былъ вполнѣ правъ, говоря — въ инструкціи кн. Меншикову — что „личный характеръ и прежнія дипломатическія дѣйствія лорда Эбердина подаютъ вѣрное ручательство въ его благоразуміи и умѣренности“. Вопросъ былъ въ томъ, смогутъ ли торійскіе друзья императора Николая сдержать общественное мнѣніе англійской буржуазіи — и вести внѣшнюю политику не такъ, какъ хотятъ англійскіе избиратели. Наконецъ, Наполеонъ III, лично наиболѣе задѣтый, держалъ себя съ аффектированнымъ безпристрастіемъ,— быть можетъ, не безъ задней мысли дать Николаю зарваться возможно дальше и тѣмъ сдѣлать свою позицію наиболѣе выгодной. Австрія не высказывалась пока — и не давала поводовъ русскому императору сомнѣваться въ ея холопской преданности: „если я говорю Россія, то говорю вмѣстѣ съ тѣмъ и Австрія, потому что наши интересы на востокѣ тождественны“, увѣрялъ Николай Павловичъ англійскаго посла, соблазняя его раздѣломъ Турціи. Словомъ, всѣ наиболѣе заинтересованныя державы, въ отвѣтъ на воззваніе Турціи о посредничествѣ, легко и скоро согласились предложить спорящимъ сторонамъ проектъ ноты, заключавшей въ себѣ все наиболѣе существенное изъ явныхъ русскихъ требованій (такъ называемая „вѣнская нота“). Присоединеніе къ этой нотѣ Турціи обозначало бы, что Порта принимаетъ эти требованія — и что, такимъ образомъ, всякій поводъ для войны устраненъ. Положеніе русскаго правительства было весьма трудное: отказаться отъ принятія „вѣнской ноты“ значило бы откровенно признаться, что вся исторія со святыми мѣстами была простой придиркой для того, чтобы начать войну съ Турціей. Формально согласившись на предложеніе державъ, наша дипломатія поэтому сейчасъ же занялась выработкой такого толкованія ноты, которое дѣлало ее совершенно неріемлемой для турецкаго правительства. Произошло нѣчто въ родѣ преждевременнаго выстрѣла. „Духъ времени“, во образѣ одной нѣмецкой газеты, овладѣлъ этими комментаріями и огласилъ ихъ къ свѣдѣнію всей Европы еще раньше, чѣмъ они были офиціально предъявлены. Впечатлѣніе получилось такое, что даже англійское министерство поспѣшило отречься отъ всякой солидарности съ Россіей по этому вопросу. Къ тому же Турція потребовала съ своей стороны, въ качествѣ предварительнаго условія, вывода русскихъ войскъ изъ княжествъ,—вполнѣ разумно полагая, что, разъ она согласна на русскія условія, оккупація, имѣвшая цѣлью вынудить ее принять эти условія, должна сама собою прекратиться. Посредничество западныхъ державъ кончилось полной не-

удачей—и имѣло лишь то послѣдствіе, что видъ всей Европы въ роли челобитчицы окончательно укрѣпилъ Николая въ его самомнѣніи.

На какіе реальные факты опиралось это послѣднее? Англійскій посолъ Сеймуръ говорилъ, что Николай твердо вѣрилъ тремъ вещамъ: своей военной силѣ, помощи австрійцевъ и пруссаковъ и правотѣ своего дѣла. Вѣрить въ правоту своего дѣла было драгоцѣнной особенностью Николая во всѣхъ его поступкахъ; онъ не допускалъ, чтобы онъ могъ быть неправъ. Основаній этой вѣры приходится искать въ его индивидуальной психологіи. Мы не пишемъ здѣсь индивидуальной характеристики императора Николая: для исторіи имѣютъ больше значенія два другихъ его вѣрованія. „Военная сила" состоитъ, во-первыхъ, въ людяхъ — во-вторыхъ, въ деньгахъ, нервѣ всякой войны. Насколько Николай былъ правъ, считая себя „сильнымъ" въ этомъ отношеніи? Безпристрастный анализъ показываетъ, что найти въ прошломъ больше самообольщенія было бы трудно. Щедрый русскій царь, подарившій нищей Австріи шесть милліоновъ на бѣдность въ дни ея борьбы съ революціонными силами, самъ былъ весьма недалекъ отъ банкротства. Реформа Канкрина, возстановившая денежное обращеніе, создавала иллюзію богатой и экономически развитой страны: но это была именно только иллюзія. На дѣлѣ, выпускъ кредитныхъ билетовъ, размѣнивавшихся рубль за рубль, вмѣсто старыхъ ассигнацій, былъ прежде всего ловкимъ маневромъ, имѣвшимъ цѣлью извлечь золото и серебро изъ народнаго обращенія и перемѣстить ихъ въ казенный сундукъ. Распространялись слухи, что серебряные рубли совсѣмъ потеряютъ свою цѣнность и не будутъ приниматься ни въ какіе платежи. Публика поддалась „на удочку" — по выраженію историка русскихъ финансовъ: въ 1840 году въ обмѣнъ на „депозитки" (предшественницы кредитныхъ билетовъ) въ депозитной кассѣ было принято золота и серебра болѣе 25 милліоновъ рублей, а обратно было представлено билетовъ для размѣна на монету менѣе, чѣмъ на полтора милліона. Деньги эти тратились по усмотрѣнію правительства, — между тѣмъ „наличность фонда звонкой монеты никогда не достигала даже до опредѣленной въ манифестѣ $^1/_6$ части всего количества государственныхъ кредитныхъ билетовъ" *). Полную параллель къ этому представляетъ безусловное воспрещеніе вывоза изъ Россіи за границу золотой и серебряной монеты (указы 12 и 28 апрѣля 1848 года),—мѣра, вполнѣ достойная средневѣковаго меркантилизма. Но всѣ надежды удержать звонкую монету въ казенной кубышкѣ исключительно для надобностей правительства, оказывались тщетными—сама правительственная политика вела къ тому, что золото утекало за границу. Тутъ болѣе, чѣмъ когда-либо, сказывалось, что курсъ бумажныхъ денегъ опредѣляется не размѣромъ запаснаго фонда, а общимъ довѣріемъ къ кредитоспособности даннаго государства. И такъ какъ довѣріе буржуаз-

*) Бліохъ. Финансы Россіи XIX столѣтія. I, 239—40.

ной Европы къ самодержавной Россіи, съ „непроницаемой тайной“, висѣвшей надъ ея финансовыми дѣлами, было очень не велико, то намъ ежегодно приходилось подъ покровомъ той же тайны отправлять золото за границу для поддержанія искусственно курса нашихъ кредитокъ, всегда готовыхъ упасть. Въ 1847 г., напр., было отправлено въ Англію болѣе 5 милліоновъ, въ 1848 — 6.448.000 рублей. Если бы въ западной Европѣ были знакомы съ нашимъ бюджетомъ—напомнимъ еще разъ, что государственная роспись въ то время держалась въ строжайшемъ секретѣ и для того, чтобы показать ее даже наслѣднику престола, требовалось особое высочайшее повелѣніе — дѣла, вѣроятно, шли бы еще хуже. „Дефициты, передержки и перерасходы по росписямъ были, какъ и прежде, самымъ обыкновеннымъ явленіемъ“, говоритъ тотъ же историкъ русскихъ финансовъ: „но теперь никто этимъ не смущался, считая такой порядокъ естественнымъ; изъ года въ годъ расходы возрастали несоразмѣрно съ доходами и для покрытія дефицитовъ приходилось обращаться къ опасному средству, именно къ внѣшнимъ займамъ; государственное хозяйство, не имѣя ни одной правильной точки опоры, постепенно приходило въ упадокъ и разстройство“ *). Въ то время, какъ государственные доходы въ 1845 году возросли на 7 милліоновъ, а въ 1846 только на 4 мил. противъ доходовъ 1844 года—расходы возросли на 17 мил. въ 1845 г., на 23 мил. въ 1846 году противъ расходовъ 1844 года. Недоборъ доходовъ, сравнительно съ смѣтными предположеніями, въ 1846 году составлялъ болѣе 92 милліоновъ рублей. Дефицитъ, по росписи 1849 г. составлявшій 28.600.000 р., въ 1850 дошелъ до 38 слишкомъ милліоновъ при бюджетѣ въ 200 мил. съ небольшимъ: это былъ тотъ знаменитый годъ, когда комитетъ финансовъ рѣшилъ скрыть дефицитъ даже отъ государственнаго совѣта, дабы не „повредить государственному кредиту“ и не „затруднить ходъ заграничнаго займа для окончанія работъ по сооруженію с.-петербурго-московской желѣзной дороги“.

Такое состояніе финансовъ вынуждало правительство къ экономіи, которую, однако, никакъ нельзя назвать „мудрой“. „Сбереженія“, конечно, дѣлались главнымъ образомъ насчетъ народнаго просвѣщенія: но характерно, что иногда Николаю Павловичу приходилось экономить даже насчетъ столь любимой имъ арміи. Въ 1843 году на расходы по военному министерству было отпущено на 8 милліоновъ, по морскому на 2 милліона рублей менѣе, чѣмъ въ предшествующемъ. Вообще, хотя военные расходы росли, но не быстрѣе, чѣмъ бюджетъ вообще, а скорѣе медленнѣе; въ 1842 году при бюджетѣ въ 187 мил. на армію предназначалось 69 мил. рублей — въ 1852 при бюджетѣ въ 261 мил. военное министерство получило 73 милліона (въ первомъ случаѣ 36%, во второмъ только 27%). Это обстоятельство слѣдуетъ принимать въ расчетъ, когда рѣчь идетъ о плохомъ вооруженіи нашихъ войскъ въ

*) Ibid., стр. 250.

Крымскую войну, сравнительно съ союзниками: перевооруженіе арміи всегда составляетъ колоссальный расходъ, и этого расхода въ смѣтѣ военнаго министерства 40-хъ годовъ мы совсѣмъ не замѣчаемъ. Увеличеніе военныхъ расходовъ всегда вызывалось случайнымъ обстоятельствомъ, — обостреніемъ военныхъ дѣйствій на Кавказѣ, или мобилизаціей части арміи для похода въ Венгрію. То же относится и къ флоту: морская смѣта чрезвычайно осторожна по части расходовъ на какія-либо нововведенія, и только уже въ росписи на 1854 годъ мы находимъ спеціальную ассигновку на пріобрѣтеніе въ Англіи паровой шкуны и механизмовъ для двухъ линейныхъ кораблей. Николай Павловичъ былъ твердо убѣжденъ, какъ въ томъ, что винтовые пароходы „скоро выйдутъ изъ моды", такъ и въ томъ, что—„штыкъ-молодецъ" куда лучше „дуры-пули".

Идея „дешевой арміи", приведшая въ свое время Александра I къ несчастной мысли о военныхъ поселеніяхъ, продолжала господствовать такимъ образомъ до половины XIX столѣтія. Цѣнилось количество штыковъ: ихъ было до 500.000 по штатамъ мирнаго времени *) и болѣе милліона на военномъ положеніи. Это была для того времени громадная цифра, очень импозантная на бумагѣ —цифра отчасти впрочемъ дутая: наличный составъ отставалъ отъ списочнаго на 20%, если не болѣе. Но даже 800.000 хорошихъ солдатъ— это была сила, далеко превышавшая то, что могла выставить въ то время любая изъ европейскихъ державъ: самыя сильныя, Австрія и Франція, были почти вдвое слабѣе. Но вотъ что говоритъ о качествѣ этой военной силы военный историкъ Крымской кампаніи: „Вооруженіе нашей арміи было весьма недостаточно: въ то время, когда значительная часть пѣхоты иностранныхъ армій уже имѣла нарѣзныя ружья и вся пѣхота ихъ была вооружена ударнымъ ружьемъ, у насъ, въ нѣкоторыхъ частяхъ войскъ, все еще существовали кремневыя ружья. Обученіе пѣхоты ограничивалось чистотою и изяществомъ ружейныхъ пріемовъ, точностью пальбы залпами; кавалерія была парализирована столь же красивою, сколько и неловкою посадкою; артиллерія отличалась болѣе быстротою движеній, нежели мѣткостью выстрѣла. Маневры, производимые въ мирное время, были эффектны, но мало поучительны. Продовольствіе нижнихъ чиновъ было весьма скудно и зависѣло отъ большаго или меньшаго довольства мѣстныхъ жителей, у которыхъ доводилось стоять войскамъ. Имѣя въ изобиліи главную изъ составныхъ частей пороха, селитру, мы, вступивъ въ борьбу съ коалиціей Европы, терпѣли крайній недостатокъ въ порохѣ." *) Всѣ эти частные недостатки резюмировались въ одномъ — котораго, вѣроятно, было бы достаточно, чтобы обезпечить побѣду нашимъ противникамъ, даже если бы русскіе солдаты были лучше содержимы и снабжены: наша тактика въ пятидесятыхъ годахъ была тактикой наполеоновскихъ войнъ. Сомкнутый строй былъ почти един-

*) 448.000 чел. въ дѣйствующей арміи и кадры резервныхъ войскъ.

*) М. Богдановичъ. Восточная война 1853—56 гг. I, с. 93.

ственной формой построенія, знакомой николаевской пѣхотѣ: николаевскіе генералы были, можно сказать, виртуозами сомкнутаго строя *). Цѣлью такого построенія былъ ударъ въ штыки: на ружье смотрѣли, какъ на что-то въ родѣ палки, къ которой былъ привинченъ штыкъ; ружейному огню придавали такъ же мало значенія, какъ и въ дни Наполеона, —если даже не меньше. На обученіе стрѣльбѣ ассигновывалось по 10 боевыхъ патроновъ въ годъ на солдата,—но и это лишь на бумагѣ: на дѣлѣ боевой стрѣльбѣ обучались только застрѣльщики (по нѣскольку человѣкъ на роту). Въ какомъ положеніи были ружья у остальныхъ, можно судить по тому, что даже въ гвардейскихъ полкахъ стволы ружей были покрыты внутри ржавчиной и пылью, которая счищалась только разъ въ годъ. **) Иногда нарочно развинчивали ружья, чтобы они эффектнѣе звякали, когда полкъ бралъ „на караулъ" или „на плечо". Словомъ, для русской арміи прошелъ совершенно безслѣдно тотъ переворотъ въ военной техникѣ, который начался въ 1830—40-хъ годахъ и завершился ко времени франко-прусской войны: періодъ, когда ружье сдѣлалось главнымъ оружіемъ пѣхоты и на время оттѣснило даже на задній планъ пушку. Правда, къ половинѣ 50-хъ годовъ этотъ прогрессъ былъ еще весьма далекъ отъ своей высшей ступени: „штуцера" временъ Крымской кампаніи стрѣляли медленно, при стрѣльбѣ сильно отдавали, имѣли весьма крутую траекторію—и потому не отличались большой мѣткостью. Но соціальные результаты новаго вооруженія уже сильно сказывались: армія все болѣе и болѣе превращалась въ массу стрѣлковъ, дѣйствовавшихъ въ разсыпномъ строю. При такомъ построеніи, солдатъ былъ предоставленъ самому себѣ и, волей или неволей, хотѣли или не хотѣли этого его начальники, пріучался „разсуждать": онъ долженъ былъ умѣть примѣниться къ мѣстности, найти себѣ закрытіе, выбрать себѣ цѣль. Ничего этого не зналъ солдатъ старой школы, привыкшій, какъ заводная кукла, шагать взадъ или впередъ, поворачиваться направо или налѣво по командѣ офицера. Маршируя всегда по ровному плацпараду, онъ понятія не имѣлъ о томъ, что такое примѣненіе къ мѣстности. „Разсуждать" же ему было строжайше запрещено—вся николаевская дисциплина стояла на томъ, чтобы выбить изъ человѣка эту вредную привычку. Чего стоило это арміи даже физически, объ этомъ уже разсказано

*) „Колонны строились: дивизіонныя, взводныя, полувзводныя, на полныхъ дистанціяхъ и густыя, по отдѣленіямъ, колонны къ атакѣ и изъ середины: всѣ эти колонны строились не только по фланговымъ, но и по среднимъ частямъ: изъ однихъ колонъ строились другія; изъ всѣхъ этихъ колоннъ строились каре, которыхъ было почти столько же различныхъ видовъ, сколько и колоннъ". Тамъ же, прилож., с. 17.

**) Полковой командиръ преображенцевъ „требовалъ, чтобы ружья старательно чистились наждакомъ, и строго выговаривалъ, если, напримѣръ, затравка не была буквально разсверлена и выполирована чисткою... Въ той же мѣрѣ, какъ безпощадно чистили снаружи, такъ же безпощадно запускали ружья внутри. Внутренность ствола ржавѣла, а ржавчина выѣдала ямки (раковины): все потому, что начальство смотрѣло, да и могло смотрѣть только на внѣшность". „Записки стараго преображенца", кн. Имеретинскаго „Рус. Стар." 1900 г.

въ другомъ мѣстѣ *): но въ николаевской арміи личность подвергалась, не менѣе систематически, и моральному умерщвленію. Все офицерство, особенно гвардейское, находилось подъ строжайшимъ надзоромъ тайной полиціи, — и отзывы сыщиковъ часто опредѣляли карьеру будущихъ полководцевъ **). Нѣтъ ничего мудренаго, если у насъ находились офицеры, которыхъ въ сраженіи приходилось фухтелями выгонять изъ-за фронта, куда они прятались — или бѣжавшіе съ поля битвы, нагло сваливая вину на солдатъ, будто бы не хотѣвшихъ итти въ бой. ***) Нѣтъ ничего мудренаго, если впослѣдствіи въ Крыму оказался особый разрядъ генераловъ „по нездоровью и разстройству нервъ покинувшихъ свои дивизіи". *)

Новое вооруженіе немного прибавило бы такой арміи—забитой внизу и до мозга костей развращенной наверху. Защитники Николая Павловича любили указывать, что штуцера были и у насъ— и, дѣйствительно, они были (хотя и въ гомеопатическомъ количествѣ): но, какъ всегда, сила была не въ нихъ, а въ тѣхъ, кто изъ нихъ стрѣлялъ. Чтобы съ пользой дать въ руки русскаго солдата новое вооруженіе, нужно было пересоздать этого солдата: но перевоспитаніемъ арміи стали у насъ заниматься только подъ впечатлѣніемъ того оглушительнаго удара, который намъ дала Крымская война.

Увѣренность Николая Павловича въ своемъ военномъ превосходствѣ была, такимъ образомъ, большимъ недоразумѣніемъ. Безъ денегъ, съ плохой арміей и немного лучшимъ флотомъ **) Россія не была безусловно сильнѣе даже Турціи, какъ очень скоро пришлось убѣдиться Николаю Павловичу; она была безусловно слабѣе Турціи и Франціи вмѣстѣ взятыхъ—тѣмъ менѣе имѣла она шансовъ выдержать столкновеніе съ цѣлой коалиціей, куда входила и Англія. Между тѣмъ къ этому столкновенію приходилось готовить-

*) См. ч. I, глава V. Внутренняя политика въ царствованіе Николая Павловича. Стр. 230.

**) Вотъ, напримѣръ, характеристика измайловскихъ офицеровъ: „Прошлое поведеніе нѣкоторыхъ офицеровъ, въ день 14 декабря подстрекавшихъ солдатъ къ отказу отъ присяги,.. должно быть предметомъ вниманія правительства какъ въ настоящемъ, такъ и въ будущемъ..." „Между ними (офицерами) много послѣдователей ложныхъ ученій, людей порочныхъ..."; „...солдаты слишкомъ вольно разсуждаютъ и часто съ самоувѣренностью о предметахъ, отнюдь не входящихъ въ область ихъ компетенціи..." Вотъ образчикъ индивидуальной характеристики: „Капитанъ *Семеновъ*. Безъ состоянія, безъ принциповъ и безъ нравственности, человѣкъ этотъ, лишенный средствъ къ существованію, ведетъ самую распутную жизнь. Въ день 14 декабря онъ былъ въ числѣ тѣхъ, которые отговаривали солдатъ отъ присяги. Солдаты его роты съ его вѣдома посѣщаютъ мелочную лавочку, гдѣ производится тайная продажа водки". Клеветническій характеръ нѣкоторыхъ отзывовъ отмѣченъ самимъ Николаемъ „Рус. Старина." 1906 г., декабрь.

***) См. Записки кн. Васильчикова, начальника штаба севастопольскаго гарнизона. „Русскій архивъ". 1891 г., № 6.

*) Тамъ же.

**) Технически не менѣе отсталымъ—у насъ были почти исключительно парусныя суда, очень немного колесныхъ пароходовъ и ни одного винтового, тогда какъ у западныхъ державъ ихъ были десятки—нашъ флотъ обладалъ далеко лучшимъ личнымъ составомъ, чѣмъ сухопутная армія, особенно черноморскій,—можетъ быть потому, что онъ былъ за глазами у Николая.

ся. При первомъ же извѣстіи о вступленіи русскихъ войскъ въ княжества, Наполеонъ III поспѣшилъ двинуть тулонскую эскадру въ турецкія воды; немного спустя, весьма нехотя, послѣдовало его примѣру и англійское министерство — мальтійская эскадра адмирала Дундаса присоединилась къ французской. Продолжая завѣрять Николая въ своемъ миролюбіи, торійскіе министры должны были однако его предупредить, что въ случаѣ перехода русскихъ войскъ черезъ Дунай, или нападенія черноморскаго флота на одинъ изъ турецкихъ портовъ, англійскіе корабли войдутъ въ Черное море. Напоръ общественнаго мнѣнія былъ уже очень силенъ. Англійская буржуазія только что побраталась съ французской — депутація Сити торжественно и съ ликованіемъ была принята въ Парижѣ. Формальный союзъ между двумя государствами былъ только вопросомъ времени. Между тѣмъ положеніе Наполеона III въ этомъ дѣлѣ при всей его сдержанности было совершенно опредѣленное: не выручить Турцію, терпѣвшую всѣ злоключенія изъ-за него, онъ не могъ. И англійскія газеты, гдѣ ежедневно помѣщались самыя жестокія инвективы на Николая и Россію, ясно показывали, что настроеніе французскихъ правящихъ круговъ вполнѣ раздѣлялось по ту сторону канала. Вопросъ о томъ, насколько состоятеленъ другой членъ символа вѣры Николая Павловича, гласившій, что Россія и Австрія — это одно и то же, а о Пруссіи даже и говорить не стоитъ, — вопросъ этотъ становился все болѣе и болѣе насущнымъ и интереснымъ.

Общественное мнѣніе какъ Австріи, такъ и Пруссіи, было настроено по отношенію къ Николаю ничуть не менѣе враждебно, чѣмъ въ Лондонѣ или въ Парижѣ. Въ Берлинѣ или въ Вѣнѣ тяжелая рука русскаго самодержца чувствовалась даже гораздо непосредственнѣе: прусскіе патріоты не могли забыть Николаю ольмюцскаго позора, а либерально настроенная часть австрійскаго общества, т. е. вся буржуазія, не могла безъ горечи вспомнить, какъ русскія войска помогли разгромить австрійскую революцію. Въ Берлинѣ многія находили, что наступилъ, наконецъ, моментъ стряхнуть съ себя тяжелый русскій кошмаръ и вновь приняться за работу національнаго объединенія, такъ грубо прерванную вмѣшательствомъ русскаго императора: и въ числѣ этихъ многихъ были не только купцы и журналисты, а и крупные королевскіе чиновники. Оба государя—и прусскій король, и австрійскій императоръ были на сторонѣ Николая Павловича, точно такъ же, какъ и ихъ дворы: феодальная знать, и въ Берлинѣ и въ Вѣнѣ, видѣла въ лицѣ русскаго императора защитника порядка и собственности, восторгалась его легитимизмомъ и даже спеціально въ восточномъ вопросѣ не могла не сочувствовать „защитнику христіанской вѣры“ противъ „невѣрныхъ“. Но ни прусское министерство Мантейфеля, ни австрійское Буоля, при всѣхъ своихъ феодальныхъ вожделѣніяхъ, не смѣли и не могли итти туда, куда ихъ эти вожделѣнія толкали. Прусское правительство не могло порвать со своей буржуазіей потому, что всѣ его расчеты на будущее строились

на сочувствіи къ Гогенцоллернамъ нѣмецкой буржуазіи вообще; притомъ же Пруссія все-таки была конституціоннымъ государствомъ. Какой плохой копіей парламента ни былъ ландтагъ, какъ ни слабо было вліяніе въ Пруссіи общественнаго мнѣнія сравнительно съ Англіей,—вовсе съ нимъ не считаться для министерства было уже невозможно. Австрійское правительство формально было совершенно эмансипировано отъ вліянія общественнаго мнѣнія: но разоренное государство, съ трудомъ поправлявшее свои финансы, потрясенные революціоннымъ кризисомъ, не могло быть совершенно равнодушно къ тому, что говорили и чего желали на биржѣ и въ банкахъ. А здѣсь, въ финансовыхъ кругахъ, хорошо чувствовали свою солидарность съ всеевропейскимъ капитализмомъ и желали, разумѣется, побѣды на Востокѣ буржуазнымъ морскимъ державамъ, а отнюдь не феодальной Россіи. Вѣнская печать въ этомъ случаѣ, какъ и много разъ впослѣдствіи, была вѣрнымъ отголоскомъ вѣнской биржи. Кромѣ того, у австрійской буржуазіи были свои спеціальныя причины желать пораженія Николаю. Со времени адріанопольскаго мира устья Дуная принадлежали Россіи. Связь Австріи съ рынками Леванта, — значеніе которой съ каждымъ днемъ увеличивалось, съ развитіемъ австрійскаго Ллойда и пароходства по Дунаю—эта связь зависѣла отъ произвола русскаго самодержца. Основательно или нѣтъ, но въ Вѣнѣ были убѣждены, что русское правительство сознательно мѣшаетъ расчисткѣ дунайскихъ гирлъ, чтобы создать лишнее препятствіе для австрійской торговли. Отобраніе гирлъ у Россіи, постановка ихъ подъ общеевропейскій, ближайшимъ образомъ австрійскій, контроль, были очереднымъ вопросомъ; но обо всемъ этомъ не приходилось и думать, пока въ княжествахъ стояла русская армія. Если прибавить, что положеніе этой арміи въ тылу у Венгріи, создавая для Россіи позицію, охватывающую восточныя области габсбургской монархіи, было для послѣдней крупной стратегической опасностью—которая одна, сама по себѣ, должна была вызвать безпокойство даже въ австрійскихъ правящихъ кругахъ; что повелительный тонъ русскаго императора давно уже надоѣлъ правительству Франца-Іосифа,—которое давно уже не прочь было показать, что венгерская кампанія вовсе еще не сдѣлала Австрію вассаломъ Россіи („мы удивимъ міръ своею неблагодарностью“, говорилъ еще въ 1850 году тогдашній австрійскій премьеръ, кн. Шварценбергъ), то мы получимъ довольно полный перечень вліяній, равнодѣйствующая которыхъ сводилась къ тому, что Австрія, не вмѣшиваясь непосредственно въ войну, должна была занять положеніе нейтральное, но отнюдь не дружественное Россіи.

Такой исходъ сколько-нибудь проницательные наблюдатели могли предвидѣть еще до начала войны. Англійскій посолъ Сеймуръ усиленно и добросовѣстно старался разсѣять иллюзіи Николая Павловича относительно Австріи. Но русскій императоръ, привыкнувъ топтать въ грязь слабое общественное мнѣніе у себя дома, не придавалъ этому фактору значенія и въ политикѣ западно-евро-

пейскихъ государствъ, особенно тѣхъ, правительства которыхъ онъ причислялъ къ своимъ друзьямъ. Личныя узы дружбы и признательности, связывавшія его съ молодымъ австрійскимъ императоромъ, близкое родство съ прусскимъ королемъ казались ему вполнѣ достаточной гарантіей дружнаго содѣйствія обоихъ государствъ Россіи въ восточномъ вопросѣ. Ему нуженъ былъ горькій опытъ для того, чтобы понять то, что уже заранѣе совершенно отчетливо видѣлъ его англійскій собесѣдникъ.

Разочарованіе должно было наступить какъ разъ въ тотъ моментъ, когда побѣды только что окончательно развеселили Николая Павловича. Правда, эти побѣды имѣли довольно жалкій видъ въ сравненіи съ тѣми широкими и смѣлыми ожиданіями, какія высказывалъ Николай до войны. Посредничество западныхъ державъ на время отсрочило открытіе военныхъ дѣйствій: только въ сентябрѣ Порта рѣшилась, наконецъ, превратить свое пожеланіе объ очищеніи русскими войсками княжествъ въ ультиматумъ. Въ это время неприкосновенность, по крайней мѣрѣ, Константинополя могла считаться гарантированной; 8 октября французская и англійская эскадры пришли въ Босфоръ—и о захватѣ черноморскимъ флотомъ Царьграда не могло быть рѣчи. Уже тогда отношенія къ Англіи были настолько натянутыми, что была сдѣлана попытка терроризировать англійскую буржуазію: министръ финансовъ Брокъ призывалъ къ себѣ англійскихъ негоціантовъ въ Петербургѣ и отъ имени государя намекалъ имъ на возможность войны. 20 октября 1853 года появился манифестъ Николая, возвѣщавшій о началѣ военныхъ дѣйствій: къ этому времени русскій императоръ могъ торжественно засвидѣтельствовать свое миролюбіе, указавъ на нападеніе турокъ, какъ на совершившійся фактъ. Турецкій главнокомандующій на Дунаѣ, Омеръ-паша, не выждалъ окончанія пятнадцатидневнаго срока, даннаго намъ Турціей для вывода арміи изъ княжествъ. Впрочемъ, совершенно очевидно было, что русскіе и не думаютъ уходить. Въ то же время однако манифестъ указывалъ принципіальное основаніе для войны: Порта „приняла мятежниковъ всѣхъ странъ въ ряды своихъ войскъ“. И на Дунаѣ Николай продолжалъ бороться съ европейской революціей... Стратегическія условія борьбы сразу же стали для Россіи весьма невыгодными. Нашимъ войскамъ пришлось занять оборонительное положеніе. Главнокомандующій русской арміей въ княжествахъ, кн. М. Д. Горчаковъ, имѣлъ въ своемъ распоряженіи номинально около 80 тыс. человѣкъ при 196 орудіяхъ: практически, за отдѣленіемъ отряда для охраны дунайскихъ гирлъ и за вычетомъ больныхъ, у него было не болѣе 55.000 человѣкъ. Отчасти экономія, отчасти горделивое презрѣніе къ туркамъ помѣшали мобилизовать болѣе значительныя силы: въ результатѣ, къ октябрю мѣсяцу Омеръ-паша былъ сильнѣе Горчакова, имѣя отъ 100 до 120 тысячъ человѣкъ. Качественно, эти войска, къ немалому удивленію Николая Павловича, оказались вполнѣ способными выдерживать бой съ русскими. Фронтовая выправка турокъ, правда, была очень

плоха, но вооружены они были лучше насъ — у нихъ было больше нарѣзного оружія, и они умѣли имъ владѣть. Попытки Омеръ-паши перейти въ наступленіе, какъ на нижнемъ Дунаѣ, такъ и со стороны Виддина, были отбиты—но при обстоятельствахъ, которыя заставляли весьма скептически относиться къ будущему ходу кампаніи. Въ первомъ случаѣ, при переправѣ турокъ между Туртукаемъ и Ольтеницей, имъ удалось отбить всѣ русскія атаки — и они ушли обратно за Дунай, не отброшенные нами, а въ силу стратегическихъ соображеній Омеръ-паши, не желавшаго втягиваться въ серьезное дѣло. Во второмъ случаѣ (при Четати) русскія войска остались хозяевами поля битвы, — но этотъ формальный успѣхъ пришлось купить такими жертвами, что Николай Павловичъ пришелъ въ недоумѣніе, близкое къ отчаянію. „Ежели такъ будемъ тратить войска, то убьемъ ихъ духъ“, писалъ онъ князю Горчакову, „и никакихъ резервовъ не достанетъ на ихъ пополненіе. Тратить надо на рѣшительный ударъ — гдѣ же онъ тутъ??? Потерять 2.000 человѣкъ лучшихъ войскъ и офицеровъ, чтобы взять 6 орудій и дать туркамъ спокойно воротиться въ свое гнѣздо... это просто задача, которой угадать не могу, но душевно огорченъ, видя подобныя распоряженія“.

Нѣсколько лучше шли русскія дѣла въ азіатской Турціи. Силъ здѣсь было еще меньше: тогдашній кавказскій намѣстникъ, кн. Воронцовъ, запрошенный передъ войной, сколько войскъ онъ можетъ удѣлить на турецкую границу изъ кавказской арміи, ведшей войну съ горцами, назвалъ 4 баталіона (т. е. 4.000 человѣкъ). Пришлось спѣшно переправить въ Закавказье дивизію изъ Одессы. При всемъ томъ, главныя силы русской арміи, стоявшія у Александрополя, не превышали 10 тыс. чел. Турокъ было, по крайней мѣрѣ, втрое больше, но лучшія ихъ войска были на Дунаѣ. Азіатская же ихъ армія носила вполнѣ старомодный характеръ. Послѣ нѣсколькихъ стычекъ, болѣе или менѣе удачныхъ для насъ, первое крупное дѣло (при Балкадыклярѣ 19 ноября) окончилось рѣшительно въ нашу пользу: были взяты орудія, плѣнные и весь турецкій обозъ. Стратегическихъ послѣдствій битва никакихъ не имѣла, такъ какъ русскія войска были слишкомъ слабы для перехода въ наступленіе. По крайней мѣрѣ, можно было вновь говорить о славѣ русскаго оружія, такъ скомпрометированнаго въ Румыніи.

Но къ тому времени, когда въ Петербургъ пришло извѣстіе о Башкадыклярскомъ сраженіи, тамъ уже знали о другомъ событіи, гораздо болѣе эффектномъ, какъ военная удача, и быстро пріобрѣтшемъ громадное политическое значеніе: то былъ разгромъ турецкаго флота въ синопскомъ портѣ 18 ноября. Дѣлая изъ необходимости добродѣтель, императоръ Николай увѣрялъ до тѣхъ поръ, что русская армія намѣрена ограничиться исключительно оборонительными дѣйствіями, — что нападеніе на Турцію вовсе не входитъ въ его планы. Тѣмъ не менѣе было совершенно очевидно, что одною обороной дѣло никоимъ образомъ кончиться не могло—и если русскія войска на сухомъ пути не

имѣли до сихъ поръ случая перейти въ наступленіе, то такой случай скоро представился черноморскому флоту. До насъ дошли свѣдѣнія, что турецкій флотъ, сосредоточенный на синопскомъ рейдѣ (въ Малой Азіи), собирается перевозить подкрѣпленія, съѣстные и боевые припасы кавказскимъ горцамъ, воевавшимъ съ Россіей. Такъ ли это было, осталось не выясненнымъ; союзники Порты утверждали впослѣдствіи, что грузъ турецкаго флота предназначался для турецкой же крѣпости, Батума,—что турки, стало быть, не выходили изъ сферы оборонительныхъ дѣйствій, и ни о какой экспедиціи противъ Россіи не было и рѣчи. Какъ бы то ни было, начальникъ русской эскадры, крейсировавшей у береговъ Малой Азіи, адмиралъ Нахимовъ, рѣшилъ предупредить турокъ и, войдя около полудня 18 ноября на синопскій рейдъ съ шестью линейными кораблями, послѣ боя, длившагося нѣсколько часовъ, сжегъ всѣ турецкія суда: спасся только одинъ пароходъ. Исходъ боя въ сущности былъ предрѣшенъ заранѣе: на русской эскадрѣ было 716 орудій, которымъ турки могли противопоставить только 476—почти вдвое менѣе. Къ тому же турки еще очень давно сами о себѣ сдѣлали заключеніе, что Аллахъ далъ землю правовѣрнымъ, а море невѣрнымъ—тогда какъ русскій черноморскій флотъ былъ лучшей боевой силой, какой только располагалъ императоръ Николай. Тѣмъ не менѣе, восторгъ самого Николая и всей сочувствовавшей ему части русскаго общества былъ безграничный. Наконецъ, это была настоящая побѣда, напоминавшая дни Наваринской битвы и похода за Балканы. Подвиги Нахимова воспѣвалъ цѣлый рядъ поэтовъ, отъ стараго князя Вяземскаго до юныхъ студентовъ московскаго университета. „Нахимовъ молодецъ, истинный герой русскій“, писалъ С. Т. Аксаковъ Погодину: „Я думаю и рожа у него настоящая липовая лопата“... Наивные люди были увѣрены, что синопская побѣда „посбавитъ спѣси у Джонъ Буля“—и что теперь Россіи всѣ европейскіе флоты нипочемъ.

На „Джона-Буля“ синопская побѣда, дѣйствительно, произвела впечатлѣніе,—но не совсѣмъ то, какого ожидали простодушные русскіе патріоты. Разгромъ турецкаго флота въ турецкой гавани послѣ того, какъ Англія формально поручилась за неприкосновенность турецкихъ портовъ, разгромъ почти на глазахъ англійскихъ военныхъ кораблей, стоявшихъ въ Босфорѣ—это была пощечина, которой англійское общество не могло перенести. Вопросъ о разрывѣ съ Россіей сдѣлался вопросомъ жизни и смерти для торійскаго министерства. „Меня обвиняютъ въ трусости, въ томъ, что я измѣнилъ Англіи ради Россіи“, говорилъ русскому послу лордъ Эбердинъ: „я не смѣю показаться на улицѣ, больше я не могу бороться“. Принца Альберта, мужа королевы Викторіи, котораго считали сторонникомъ мира съ Россіей, при открытіи парламента толпа встрѣтила свистками. Въ то же время Пальмерстонъ, глава враждебныхъ Россіи виговъ, былъ самымъ популярнымъ человѣкомъ въ странѣ. Онъ нарочно вышелъ въ это время изъ кабинета *), гдѣ онъ занималъ ма-

*) Не чисто торійскаго, а коалиціоннаго,

ло влiятельный постъ министра внутреннихъ дѣлъ,—чтобы показать, что безъ него не обойдутся. И дѣйствительно, нѣсколько дней спустя королева была вынуждена вновь просить его вступить въ министерство. Формальное соглашенiе съ Францiей—до сихъ поръ успѣшно тормозившееся Эбердиномъ и его товарищами—состоялось безъ замедленiй. Оба адмирала, французскiй и англiйскiй, получили одновременно отъ своихъ правительствъ тождественныя инструкцiи, предписывавшiя имъ войти со своими эскадрами въ Черное море и „охранять неприкосновенность турецкаго флота и турецкой территорiи“. Инструкцiи эти были сообщены командиру русскаго черноморскаго флота въ Севастополѣ, съ заявленiемъ, что союзныя морскiя силы не допустятъ ни нападенiя турокъ на русскiе берега, ни русскихъ на турецкiе. Но турецкiй флотъ почти не существовалъ, а для русскаго весь стратегическiй смыслъ Синопской побѣды заключался въ возможности безпрепятственно развивать дальнѣйшiя операцiи на Черномъ морѣ, помогая обѣимъ сухопутнымъ армiямъ на Дунаѣ и въ Азiи и связывая ихъ между собою. Теперь онѣ были лишены и этой связи, и этой поддержки.

Война Россiи съ Францiей и Англiей изъ возможности становилась дѣйствительностью. Правда, Наполеонъ III до послѣдней минуты продолжалъ аффектировать свое миролюбiе. Одновременно съ появленiемъ союзныхъ эскадръ на Черномъ морѣ, онъ отправилъ Николаю Павловичу письмо, гдѣ предлагалъ прiостановить военныя дѣйствiя на Дунаѣ и въ Азiи и вывести русскiя войска изъ княжествъ — обѣщая, въ видѣ эквивалента, удаленiе французскихъ и англiйскихъ кораблей изъ Чернаго моря. Но Николай Павловичъ былъ теперь, послѣ двухъ побѣдъ, вовсе не въ такомъ настроенiи, чтобы пойти молча на обидный для себя компромиссъ. По всей вѣроятности, и Наполеонъ не ждалъ на свое письмо удовлетворительнаго отвѣта и написалъ его не столько для Николая, сколько для европейскаго общественнаго мнѣнiя. Русскiй императоръ высокомѣрно напомнилъ своему французскому „доброму другу“ о 1812 годѣ, поручился за его повторенiе и порекомендовалъ туркамъ, ежели они хотятъ мира, обратиться непосредственно къ нему, Николаю. „Мои условiя извѣстны въ Вѣнѣ“, прибавлялъ онъ для справки. Вѣна, очевидно, представлялась ему чѣмъ-то въ родѣ петербургскаго предмѣстья.

Тѣмъ не менѣе, какъ ни былъ онъ увѣренъ въ личной преданности ему австрiйскаго императора и прусскаго короля, нужно было все же съ ними столковаться насчетъ совмѣстныхъ дѣйствiй на случай возникновенiя войны съ морскими державами. Для этой цѣли въ самомъ началѣ 1854 года были отправлены въ Берлинъ бар. Будбергъ, а въ Вѣну въ качествѣ чрезвычайнаго посла личный другъ Николая Павловича, гр. Орловъ. Ихъ донесенiя были ударомъ грома изъ яснаго неба. Оказалось, что въ Берлинѣ господствуетъ не русское влiянiе, но англiйское, что Фридрихъ-Вильгельмъ IV, при всемъ сочувствiи къ Николаю, считаетъ его

изъ лѣвыхъ тори („пилитовъ“) и виговъ.

спеціально въ восточномъ вопросѣ не правымъ; что Наполеона III онъ ненавидитъ всей душой, но въ то же время слишкомъ боится, чтобы предпринять какіе-нибудь активные шаги въ русско-французской ссорѣ. Офиціально берлинскій кабинетъ отвѣтилъ, что Пруссія не считаетъ возможнымъ принять участіе въ вооруженномъ нейтралитетѣ, совмѣстно съ Россіей и Австріей, ибо это значило бы подвергать себя такимъ случайностямъ, послѣдствія которыхъ нельзя предвидѣть. Извѣстія изъ Вѣны были, если это возможно, еще хуже. На предложеніе дружественнаго нейтралитета или союза тамъ отвѣтили контръ-предложеніемъ: гарантировать предварительно неприкосновенность Турціи. Кромѣ того, Францъ-Іосифъ, въ разговорѣ съ гр. Орловымъ, выразилъ желаніе, чтобы русскія войска не переходили черезъ Дунай: австрійское правительство опасалось, что появленіе русскихъ за Дунаемъ будетъ сигналомъ къ поголовному возстанію балканскихъ славянъ, и что это возстаніе можетъ отдать въ руки Россіи весь Балканскій полуостровъ. Предполагаемый союзникъ Россіи, оказывалось, готовъ былъ предпринять шагъ, вполнѣ аналогичный тому, какой только что сдѣлали морскія державы: тѣ стѣснили русскія операціи на Черномъ морѣ, Австрія же хотѣла ихъ ограничить и на сухомъ пути. Помимо этого, Францъ-Іосифъ и не думалъ скрывать, что по отношенію къ дунайскимъ княжествамъ онъ считаетъ свои интересы тождественными съ интересами Англіи и Франціи, а отнюдь не Россіи. Очищеніе княжествъ русскими войсками онъ находилъ столь же неизбѣжнымъ условіемъ возстановленія нормальнаго порядка, какъ и Наполеонъ III.

Трудно описать раздраженіе, охватившее Николая Павловича, когда до него дошли эти извѣстія. Прусскаго короля онъ слишкомъ презиралъ, чтобы ненавидѣть. Но Францу-Іосифу, котораго онъ „любилъ какъ сына", онъ не могъ простить измѣны. На смертномъ одрѣ онъ говорилъ впослѣдствіи, что готовъ примириться „даже съ австрійскимъ императоромъ и турецкимъ султаномъ": для него это теперь было одно и то же. Въ первую же минуту его негодованіе вылилось въ одной фразѣ, чрезвычайно характерной для этого коронованнаго помѣщика: „скорѣе оставлю Польшу, *отпущу на волю*, чѣмъ позабуду австрійскую измѣну". И хотя миссія Орлова и веденные имъ переговоры были секретомъ, онъ не могъ удержаться отъ открытой манифестаціи по адресу Австріи. Русскіе полки, носившіе имена Франца-Іосифа и австрійскихъ эрцъ-герцоговъ, получили другихъ шефовъ, а русскимъ офицерамъ запрещено было носить австрійскіе ордена—очень распространенные у насъ, благодаря венгерской кампаніи.

Положеніе, занятое Австріей, ставило подъ вопросъ всю судьбу дунайской кампаніи. Было совершенно очевидно, что вчерашній союзникъ Николая Павловича ни въ какомъ случаѣ не допуститъ ничего похожаго на войну 1829 года. Двинувшись за Дунай, русская армія каждую минуту могла ожидать, что австрійцы сядутъ ей на плечи. О возможности такой ситуаціи, совершенно

не предвидѣнной Николаемъ, нѣкоторые даже въ Россіи догадывались съ самаго начала войны. Къ числу ихъ принадлежалъ и главный русскій авторитетъ по военнымъ вопросамъ, князь Паскевичъ—намѣстникъ Польши и главнокомандующій такъ называемой „дѣйствующей“ арміи (первые четыре корпуса). Еще осенью 1853 года онъ писалъ Николаю: „Самый опытъ убѣждаетъ насъ въ томъ, что какъ бы мы ни зашли далеко, хотя бы взяли Варну, перешли Балканы и достигли Адріанополя, во всякомъ случаѣ, Европа не допуститъ насъ воспользоваться нашими завоеваніями“. „Спросятъ: что же мы выиграемъ, оставаясь въ оборонительномъ положеніи? Выиграемъ очень много: не поссоримся съ Европой, не остановимъ торговли, не помѣшаемъ дипломатическимъ сношеніямъ, которыхъ результаты могутъ быть намъ выгодны“. По мнѣнію Паскевича, въ нашихъ рукахъ было гораздо болѣе вѣрное средство принудить турокъ къ уступкамъ, чѣмъ движеніе русскихъ войскъ за Дунай. Средство это — агитація среди христіанскихъ подданныхъ Турціи. Понимая, до какой степени это средство должно было изумить его корреспондента, Паскевичъ спѣшитъ его успокоить: „Мѣру сію нельзя, мнѣ кажется, смѣшивать съ средствами революціонными. Мы не возмущаемъ подданныхъ противъ ихъ государя (?); но если христіане, подданные султана, захотятъ свергнуть съ себя иго мусульманъ, ведущихъ съ нами войну, то нельзя безъ несправедливости отказать въ помощи нашимъ единовѣрцамъ...“ Русскій фельдмаршалъ надѣялся найти союзниковъ не только на Балканскомъ полуостровѣ: „Въ кампаніи 1829 года“, писалъ онъ (тогда Паскевичъ былъ главнокомандующимъ русскими войсками въ азіатской Турціи), „въ разстояніи 400 верстъ отъ границы я уже нашелъ племена греческія. Цѣлыя деревни просили оружія, чего не было въ Арменіи. Далѣе до самаго берега, противъ Константинополя, на протяженіи 900 верстъ вездѣ по деревнямъ встрѣчается греческое населеніе, и только въ городахъ живутъ турки“...

Императоръ Николай тогда остался глухъ къ совѣтамъ своего „отца-командира“. Но вмѣшательство въ войну морскихъ державъ и дезертирство Австріи наводили на тотъ же строй мыслей все съ большей и большей убѣдительностью. Ихъ выразителемъ явился на этотъ разъ другой авторитетный человѣкъ николаевской Россіи, московскій историкъ Погодинъ. Въ своихъ „политическихъ письмахъ“, ходившихъ между публикой въ рукописяхъ и обращавшихся не столько къ этой публикѣ, сколько къ Николаю и его наслѣднику, издатель „Москвитянина“ развертывалъ планъ, по задачѣ аналогичный тому, что предлагалъ раньше князь Варшавскій, но гораздо болѣе грандіозный и построенный не на вѣроисповѣдномъ, а на болѣе модномъ національномъ основаніи. Гдѣ искать намъ союзниковъ? спрашиваетъ Погодинъ. Кажется, всѣ европейцы теперь противъ насъ? И отвѣчаетъ перечнемъ славянскихъ странъ, не только турецкихъ, но и австрійскихъ: наряду съ Болгаріей и Сербіей мы находимъ здѣсь и Богемію съ Моравіей. „Восемьдесятъ слиш-

комъ милліоновъ!" восклицаетъ онъ. „Почтенное количество! порядочный союзецъ!" Погодинъ предлагалъ назвать этотъ „союзецъ" дунайскимъ, славянскимъ, юго-восточнымъ европейскимъ — и дать ему столицей, разумѣется, Константинополь, а предсѣдательницей, конечно, Россію. Характерной особенностью погодинскаго проекта было то, что въ число равноправныхъ членовъ союза онъ ставилъ и *Польшу*: слова Николая Павловича, что онъ готовъ поляковъ „отпустить на волю", лишь бы доканать Австрію, крѣпко засѣли въ памяти его московскаго совѣтчика,— онъ записалъ ихъ въ своемъ дневникѣ. Щекотливую задачу — примирить поляковъ съ Николаемъ — московскій публицистъ бралъ на себя, если послѣдуетъ высочайшее соизволеніе: въ такомъ случаѣ онъ готовился писать Мицкевичу и Лелевелю и надѣялся ихъ „обратить". Это былъ, несомнѣнно, самый трудный пунктъ. Въ прочихъ мѣстахъ дѣло было гораздо легче. „Для австрійской Сербіи, то есть воеводины Сирміи, есть у меня надежный человѣкъ", писалъ Погодинъ, „патріархъ, съ которымъ я видѣлся въ Вѣнѣ даже недавно, и бесѣдовалъ дружески, а прежде, въ 1846 году, я жилъ у него нѣсколько времени въ Карловцѣ. Ему стоитъ только мигнуть черезъ священника нашего въ Вѣнѣ, и *она* (Сирмія) *возстанетъ*. Есть еще у меня тамъ одинъ протопопъ, который постоитъ, навѣрное, Петра пустынника, и замѣнитъ цѣлый корпусъ. Богемія, Моравія, словаки пышатъ ненавистью къ Австріи, и *тамъ произойдетъ непремѣнно движеніе*, лишь только огласится разрывъ съ Россіей... *Галиція готова соединиться съ нами*. Съ Венгріей фельдмаршалъ (Паскевичъ), слышно, имѣетъ сношенія" *).

Если возмущеніе малоазіатскихъ грековъ противъ турецкаго султана и можно было съ натяжкой не считать революціей, то организація возстанія австрійскихъ славянъ противъ ихъ императора, несомнѣнно, была „революціоннымъ дѣйствіемъ". Тѣмъ не менѣе, Погодинъ не только не попалъ въ Вятку или куда-нибудь еще восточнѣе, а получилъ даже высочайшую благодарность „за вѣрноподданническую откровенность": такъ далеки мы были отъ тѣхъ временъ, когда циркуляры министерства народнаго просвѣщенія предписывали всѣмъ профессорамъ обличать злокозненность панславизма. Прямо однако же послѣдовать совѣтамъ Погодина было неудобно: нейтралитетъ Австріи, хотя бы враждебной, былъ все-таки лучше войны съ нею. По существу же онъ не говорилъ правительству ничего новаго: оно само давно держалось линіи, весьма близкой къ проектамъ Паскевича и Погодина. Очень возможно, что „письма" послѣдняго были вдохновлены правительственной инициативой. Еще въ мартѣ графиня Блудова писала ему изъ Петербурга: „Два слова прибавлю—насчетъ Босніи. Тамъ Ковалевскій съ нѣкоторою тысячею успѣлъ много сдѣлать. Онъ подготовилъ все. Должны были на дняхъ ѣхать отсюда къ нему въ Черногорію два артиллериста, но все откла-

*) Изъ частнаго письма Погодина къ Прянишникову, одному изъ посредниковъ между нимъ и Николаемъ. Барсуковъ. XIII, 109 сл.

3

Графъ [illegible] Ростовцевъ.

Съ [illegible] И. Н. Крамскимъ.

[illegible] въ Москвѣ.)

„ИСТОРІЯ РОССІИ въ [illegible] Бр. А. и И. ГРАНАТЪ и К°

выдаютъ! Если однако же доѣдутъ, то, по всему вѣроятію, скоро завяжется дѣло—на нѣсколько времени хватитъ того, что дано". Блудова прибавляла, что все это дѣлается съ разрѣшенія государя, но „только не официальнаго": этихъ вещей офиціально и нельзя дѣлать, потому что тогда онѣ не удаются" *). Одновременно съ Ковалевскимъ былъ отправленъ въ Сербію Фонтонъ, совѣтникъ нашего посольства въ Вѣнѣ, и особый агентъ въ Грецію съ деньгами для существовавшей въ Аѳинахъ комиссіи по собиранію средствъ на освобожденіе Эпира и Ѳессаліи отъ турокъ. Эта комиссія— учрежденіе уже совершенно мятежническаго характера, одна изъ наслѣдницъ знаменитой „этеріи", въ самомъ началѣ войны предлагала организовать возстаніе грековъ, еще продолжавшихъ находиться подъ турецкимъ владычествомъ, — подъ условіемъ щедрой поддержки со стороны Россіи оружіемъ и деньгами. Тогда это предложеніе было отклонено, теперь къ ней обратились, и въ ея распоряженіе была предоставлена значительная сумма — 300.000 рублей.

Глава европейскаго легитимизма быстро входилъ въ новую роль революціоннаго агитатора на Балканскомъ полуостровѣ. Оставался вопросъ, насколько эта роль ему по плечу. Что касается балканскихъ народностей, то онѣ совсѣмъ не спѣшили ввѣрить свою участь нововявленному освободителю. И онѣ имѣли къ этому свои основанія. Слишкомъ еще недавно агентовъ русскаго правительства видѣли рядомъ съ австрійскими, заботящихся не столько объ облегченіи страданій несчастной райи отъ турецкаго гнета, сколько объ ея „успокоеніи". Тотъ же Фонтонъ въ началѣ войны—т. е. всего нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ — долженъ былъ внушать сербскому правительству уваженіе къ международнымъ трактатамъ и отвращеніе къ элементамъ революціи и къ „нововведеніямъ, несогласнымъ съ состояніемъ цивилизаціи и съ политическимъ положеніемъ страны". Борьба съ „революціонной пропагандой" была его нарочитой задачей: онъ долженъ былъ неустанно напоминать сербамъ, что Россія не потерпитъ, чтобы Сербія сдѣлалась „революціоннымъ очагомъ, нарушающимъ спокойствіе сосѣднихъ государствъ". Во всемъ этомъ Фонтонъ долженъ былъ дѣйствовать „въ тѣсномъ единеніи съ представителемъ Австріи". Когда теперь тотъ же русскій агентъ обратился къ князю Александру Карагеоргіевичу (вдобавокъ, лично враждебному къ Россіи, которая сдѣлала въ свое время все возможное, чтобы не пустить его на сербскій престолъ) съ предложеніемъ возстать противъ султана,—котораго князь былъ вассаломъ,—коварный сербъ отвѣтилъ ссылкой на прежніе совѣты русскаго правительства, такъ хорошо имъ усвоенные, и на 25.000 австрійскихъ войскъ, сосредоточенныхъ на границѣ Сербіи. Оставалось сдѣлать еще шагъ по пути революціоннаго разврата—и обратиться къ „народу" помимо и вопреки волѣ его правительства. Но сербы давно уже избавились отъ непосредственнаго угнетенія турокъ,—а къ панславистскимъ идеямъ они, повидимому,

*) Ibid., 81.

были глубоко равнодушны. Намъ удалось завербовать нѣсколько сотъ сербскихъ волонтеровъ, но этимъ все дѣло и ограничилось: фактически Сербія, какъ правительство, такъ и народъ, строго держала нейтралитетъ. Блестящіе успѣхи русскаго оружія на Дунаѣ, можетъ быть, измѣнили бы эту картину—но они все заставляли себя ждать. Еще хуже, чѣмъ съ Сербіей, было дѣло съ маленькой Черногоріей, которая самымъ своимъ политическимъ существованіемъ была обязана Россіи. Ради торжества лояльности она въ это время совершенно была предоставлена нами австрійской опекѣ. Когда передъ самой войной турецкая армія Омеръ-паши готовилась вторгнуться въ Черногорію и смести маленькій народъ съ лица земли, не русскій посолъ въ Константинополѣ, а австрійскій генералъ властнымъ словомъ остановилъ нашествіе. Не мудрено, что во время войны и безъ совѣтовъ полковника Ковалевскаго—которому тоже вначалѣ было предписано внушать черногорцамъ „спокойствіе"—послѣдніе больше оглядывались на Австрію, чѣмъ на Россію. Ближайшіе къ намъ географически обитатели Молдавіи и Валахіи обнаруживали еще менѣе горячности къ борьбѣ съ невѣрными—и, помня подвиги русскаго правительства въ 1848 году, предпочитали прямо оказывать услуги туркамъ. Наконецъ, что касается турецкихъ христіанъ вообще, то какъ разъ въ эту минуту они были успокоены торжественнымъ заявленіемъ Порты, обѣщавшей имъ неприкосновенность ихъ религіи и церковнаго иммунитета—тѣмъ самымъ фирманомъ, который султанъ издалъ въ отвѣтъ на настоянія Россіи и по совѣту своихъ западныхъ союзниковъ. Болѣе проницательная часть райи могла догадываться, что фирманъ и на этотъ разъ останется писанной бумагой—но это все же было хоть обѣщаніе, а дружба съ Россіей при настоящемъ положеніи вещей ничего не обѣщала, кромѣ непріятностей. Въ результатѣ, греческое духовенство съ константинопольскимъ патріархомъ во главѣ нашло возможнымъ поднести султану вѣрноподданническій адресъ съ изъявленіями своей преданности. Патріархъ вообще держалъ себя такъ, что у англійскаго посла, Стрэдфорда Рэдклифа, явилась, какъ говорятъ, даже мысль—использовать его съ цѣлью причиненія спеціально церковныхъ непріятностей русскому правительству: патріархъ долженъ былъ объявить русскую церковь отпавшею отъ православія. Такъ далеко однако же греческій іерархъ не пошелъ.

Когда военныя дѣйствія возобновились переходомъ русскихъ войскъ черезъ Дунай—въ мартѣ 1854 года—новая фаза русской политики была еще въ самомъ началѣ, но никакихъ утѣшительныхъ перспективъ уже не было видно. Въ теченіе зимы въ княжествахъ было сосредоточено до 120.000 войска; во главѣ его стоялъ самъ фельдмаршалъ Паскевичъ—и тѣмъ не менѣе ничего похожаго на недавнюю самоувѣренность нельзя было замѣтить. Новый главнокомандующій уѣзжалъ съ самыми мрачными предчувствіями. Онъ опять вернулся къ своей оборонительной теоріи и на совѣщаніяхъ въ Петербургѣ передъ отъѣздомъ совѣто-

валъ Николаю отвести войска за Серетъ и даже за Прутъ—т. е. на русскую территорію, совершенно очистивъ княжества. Относительно проектовъ Погодина его окружающіе и, повидимому, онъ самъ были согласны, что это—„поэзія и что нѣтъ ни доброй воли, ни силы у христіанъ освободиться“. *) У Паскевича однако не хватило гражданскаго мужества переубѣдить своего государя, который попрежнему старался бодро смотрѣть въ глаза будущему. Тѣмъ не менѣе и Николай былъ теперь не тотъ. Онъ, который годъ тому назадъ надѣялся въ нѣсколько недѣль овладѣть Царьградомъ, теперь не шелъ дальше надежды въ теченіе полугода овладѣть Силистріей, „а быть можетъ и Рущукомъ“. „Но симъ должны мы ограничиться на 1854 годъ“, писалъ онъ Паскевичу. Послѣдній, ознакомившись съ положеніемъ дѣлъ на мѣстѣ, не питалъ даже и такихъ скромныхъ ожиданій. „Въ случаѣ войны съ Австріею, намъ невозможно держаться на Дунаѣ и въ княжествахъ“, писалъ онъ 11 апрѣля Николаю изъ Измаила, „поэтому нельзя предпринять никакихъ наступательныхъ движеній до полученія положительныхъ свѣдѣній о намѣреніяхъ Австріи“. Онъ присоединялъ къ этому свой старый совѣтъ „очистить добровольно княжества, чтобы занять въ нашихъ предѣлахъ болѣе надежную позицію и вмѣстѣ съ тѣмъ отнять у Германіи всякій предлогъ къ разрыву съ нами“.

Что касается намѣреній Австріи, то она реагировала на переходъ русскими войсками Дуная такими шагами, которые оставляли чрезвычайно мало надежды даже на ея нейтралитетъ. Ея обсерваціонный корпусъ на границахъ Сербіи и княжествъ съ 25.000 человѣкъ былъ доведенъ до 80.000 и предвидѣлась дальнѣйшая мобилазація. 9 апрѣля (н. ст.) Австрія вмѣстѣ съ Англіей и Франціей подписала протоколъ, который очищеніе русскими княжествъ ставилъ какъ одно изъ непремѣнныхъ условій какого бы то ни было соглашенія съ Россіей. Къ вящщему огорченію Николая, подъ этимъ протоколомъ поставила свою подпись и Пруссія: Николай Павловичъ только что грубо отклонилъ добродушную попытку посредничества, отъ которой не воздержался Фридрихъ-Вильгельмъ IV, и этотъ романтическій король чувствовалъ себя теперь кровно обиженнымъ Россіей. Его феодальные друзья, почитатели русскаго императора, на время потеряли всякое вліяніе надъ нимъ. Подталкиваемое снизу буржуазіей, прусское правительство шло теперь въ сущности по линіи наименьшаго сопротивленія. Германскія государства уже были связаны другъ съ другомъ взаимнымъ обязательствомъ — помогать другъ другу въ поддержаніи нейтралитета: другими словами, если бы Россія вздумала, увлекшись панславистскими планами въ погодинскомъ духѣ, напасть на Австрію, она имѣла бы противъ себя и Пруссію, и весь Германскій союзъ. Но Австріи этого казалось мало. 20 апрѣля (н. ст.) между нею и Пруссіей была заключена спеціальная военная конвенція, предусматривавшая между прочимъ случай, когда Австріи придется окку-

*) Изъ письма гр. Блудовой, ib., 77.

пировать дунайскія княжества и при этомъ, быть можетъ, столкнуться съ русскими войсками. Въ этомъ случаѣ Пруссія обязывалась въ опредѣленный срокъ сосредоточить на русской границѣ 100.000 войска. Получивъ завѣренія, что австрійскіе штыки, во всякомъ случаѣ, не перейдутъ Прута, — т. е. что Австрія не собирается вести наступательной войны противъ Россіи, Фридрихъ-Вильгельмъ подписалъ и эту конвенцію. Теперь всѣ крупныя государства западной Европы или были въ открытой войнѣ съ Россіею *), или заняли по отношенію къ ней положеніе враждебнаго нейтралитета.

Подъ впечатлѣніемъ всѣхъ этихъ событій, настроеніе русскаго главнокомандующаго становилось все болѣе угнетеннымъ. Повинуясь приказанію своего императора, онъ шелъ впередъ — но умъ его былъ поглощенъ мыслью о неизбѣжномъ отступленіи и о томъ, какъ его совершить. Черепашьимъ шагомъ онъ углублялся въ Болгарію—но все время оглядывался на Карпаты, ежеминутно ожидая появленія оттуда бѣлыхъ мундировъ. Его первымъ распоряженіемъ было очистить Малую Валахію—т. е. ту часть Румыніи, которая ближе всего къ Сербіи. Этимъ былъ окончательно обезпеченъ нейтралитетъ послѣдней, что должно было нѣсколько успокоить и смягчить Австрію. На обитателей княжествъ это произвело такое впечатлѣніе, что почти ни одинъ изъ солдатъ и офицеровъ распущенной молдаво-валашской арміи не отозвался на приглашеніе вступить въ русскую службу: русское дѣло считалось заранѣе проиграннымъ.

Въ началѣ мая, почти черезъ два мѣсяца послѣ переправы черезъ Дунай, русская армія подошла, наконецъ, къ Силистріи—той изъ дунайскихъ крѣпостей, взятіе которой Николай считалъ главной задачей лѣтней кампаніи 1854 года. Турецкія укрѣпленія вокругъ Силистріи не были еще окончены—въ моментъ нашей переправы, въ мартѣ, ихъ почти вовсе не было, и тогда легко было захватить крѣпость открытымъ нападеніемъ. Теперь приходилось вести правильную осаду. Къ ней Паскевичъ приступилъ такъ же осторожно, какъ и ко всему, что онъ предпринималъ въ это время. Несмотря на то, что въ его распоряженіи было до 90 тыс. чел. войска, тогда какъ гарнизонъ турецкой крѣпости не превышалъ 18 тысячъ, онъ не рѣшился окружить ее со всѣхъ сторонъ. Напротивъ, самъ онъ очень опасался быть окруженнымъ—и прежде всего поспѣшилъ тщательно укрѣпить свой собственный лагерь, какъ будто ему предстояло въ ближайшемъ будущемъ изъ осаждающаго превратиться въ осажденнаго. Напрасно Николай Павловичъ доказывалъ ему, что ни австрійская армія, ни англо-французскій десантъ не могутъ очутиться на нижнемъ Дунаѣ такъ скоро— и что въ теченіе, по крайней мѣрѣ, семи-восьми недѣль ему не придется имѣть дѣло ни съ какимъ непріятелемъ, кромѣ тѣхъ турокъ, которыхъ онъ видѣлъ передъ собой. Осадныя работы велись такъ же осторожно и пугливо, какъ и все остальное: приказано было вести ихъ съ такимъ расчетомъ, чтобы осаду можно было

*) Манифестъ о войнѣ съ Англіей и Франціей подписанъ 9 февраля 1854 года. См. ниже, 4. Севастополь.

безъ затрудненій снять въ каждый данный моментъ. Между тѣмъ обнаруживались зловѣщіе признаки дезорганизаціи арміи и внизу и вверху. Въ ночь открытія траншей, изъ-за случайнаго выстрѣла какого-то солдата, паника охватила цѣлую бригаду—и она бѣжала, бросивъ на произволъ судьбы инженерныхъ офицеровъ съ ихъ рабочими, которыхъ должна была прикрывать. Такъ какъ нашими противниками, къ счастію, были турки, то приключеніе это обошлось безъ дурныхъ послѣдствій. Но двѣ недѣли спустя Николай Павловичъ и его дворъ были ошеломлены извѣстіемъ о другомъ актѣ инсубординаціи, на этотъ разъ среди высшихъ чиновъ арміи, имѣвшемъ самыя грустныя послѣдствія. Командовавшій войсками противъ одного изъ фортовъ Силистріи, Арабъ-Табіи, генералъ Сельванъ, поддавшись убѣжденіямъ состоявшей при немъ гвардейской молодежи, наскучившей сидѣть противъ крѣпости и желавшей отличиться, самовольно, не спросясь главнокомандующаго, повелъ на приступъ свою дивизію. Такъ какъ атака была совершенной импровизаціей, то другія части арміи не могли ее поддержать: получилось крайне безпорядочное и кровавое дѣло. Въ довершеніе несчастья, когда головы русскихъ колоннъ уже взбирались на турецкіе окопы, Сельванъ былъ убитъ и принявшій вмѣсто него команду генералъ, испугавшись отвѣтственности, велѣлъ ударить отбой. Отступая подъ жестокимъ огнемъ турокъ, наши войска потеряли еще множество народа. Почти всѣ виновники этого безумнаго предпріятія погибли, или были искалѣчены, и Николай рѣшилъ предать дѣло волѣ Божіей. „Надѣюсь“, писалъ онъ однако Паскевичу, „что возьмемъ свои мѣры, чтобы впредь таковой необдуманной отваги и безплодной траты людей не было“. Для борьбы съ необдуманной отвагой въ это время нельзя было изобрѣсти человѣка лучше князя Варшавскаго: десять дней спустя онъ приказалъ пріостановить работы противъ праваго фланга крѣпости, находя, что онѣ „слишкомъ быстро подвигаются впередъ“. А еще черезъ нѣсколько дней, въ самый критическій моментъ осады, онъ приказалъ снять съ позицій и перевезти на другую сторону Дуная всю осадную артиллерію, кромѣ нѣсколькихъ мортиръ. Наконецъ, ему надоѣло продолжать эту комедію. Онъ воспользовался тѣмъ, что во время одной рекогносцировки турецкое ядро упало къ ногамъ его лошади, объявилъ себя контуженнымъ и уѣхалъ изъ арміи, сдавъ команду кн. Горчакову. Николай, въ первую минуту серьезно повѣрившій контузіи, былъ очень обрадованъ, что его любимецъ живъ. Въ то же время онъ слалъ его замѣстителю приказы дѣйствовать возможно энергичнѣе. Но въ томъ, что касалось осторожности, кн. Горчаковъ — бывшій начальникъ штаба Паскевича— былъ вполнѣ солидаренъ съ „отцомъ-командиромъ“. Наши работы уже подошли вплотную къ турецкимъ укрѣпленіямъ, нѣкоторыя изъ послѣднихъ были взорваны минами, которыя очень удачно велъ будущій герой севастополя, подполковникъ Тотлебенъ,— все было готово къ штурму, когда Горчаковъ получилъ отъ фельдмаршала письмо, начинавшееся такими

строками: „Желаніе наше, любезный князь, исполнилось: Государь приказалъ прекратить осаду Силистріи и отвести войска на лѣвый берегъ Дуная“.

Отступленіе русскихъ войскъ отъ Силистріи было тяжелымъ разочарованіемъ для патріотически настроенной части русскаго общества. Шевыревъ писалъ Погодину: „признаюсь, прочитавъ извѣстіе нынѣшнее, я такъ упалъ духомъ, что никуда не хочется ѣхать... Грустно! Лучше молиться Богу и сидѣть дома!..“ А С. Т. Аксаковъ даже захворалъ, узнавъ о „бѣгствѣ за Дунай“ русской арміи. Нѣкоторыя подробности этого бѣгства производили особенно удручающее впечатлѣніе. Силистрійскіе болгары принадлежали къ числу немногихъ балканскихъ славянъ, довѣрившихся Россіи. Они дѣятельно обслуживали нашу армію въ качествѣ проводниковъ, погонщиковъ и шпіоновъ. Отступленіе нашихъ войскъ за Дунай было для нихъ смертнымъ приговоромъ: не могло быть сомнѣнія, что турки ихъ вырѣжутъ. Имъ ничего не оставалось, какъ со всѣми семьями переправиться вмѣстѣ съ русскими въ Румынію. Но русскій главнокомандующій отказался ихъ взять. Горчаковъ ожидалъ, что турки немедленно двинутся за нимъ по пятамъ, и спѣшилъ переправить свои обозы и артиллерію. Болгаръ *запрещено* было перевозить, и нѣсколько сотъ семействъ осталось на вѣрную гибель на глазахъ русской арміи, которая могла видѣть турецкую расправу съ лѣваго берега Дуная. Для ревнителей „юго-восточно-европейскаго“ союза всѣхъ славянъ со столицей въ Константинополѣ нельзя было придумать болѣе злой ироніи. Но поклонники Николая были бы еще больше разочарованы, если бы имъ была извѣстна подкладка событія. Офиціальныя извѣстія изображали его, какъ *военную* неудачу, говорили о нашемъ отступленіи за Дунай и—позже—за Прутъ, какъ о вынужденномъ *стратегическими* соображеніями. Только въ болѣе тѣсномъ кругу знали, что это было крупнѣйшее политическое пораженіе—начало конца всѣхъ широкихъ плановъ императора Николая. Непреклонный императоръ уже нѣсколько недѣль, какъ шелъ на уступки—но ихъ не принимали. Сначала онъ надѣялся столковаться на основѣ такъ гордо отклоненнаго имъ письма императора французовъ: черезъ посредство берлинскаго двора онъ предлагалъ своимъ противникамъ, въ томъ числѣ и Австріи, очистить княжества на условіи, что союзныя эскадры въ это же время уйдутъ изъ Чернаго моря. Но это была уже устарѣвшая комбинація: Австрія требовала удаленія русской арміи изъ княжествъ безъ всякихъ условій. Николай нашелъ въ себѣ еще достаточно бодрости, чтобы формально отвѣтить „нѣтъ“. Но по существу онъ не могъ не понимать, какъ неизбѣжно для него подчиниться этому требованію. Въ началѣ іюля Австрія имѣла на нашей границѣ и въ непосредственной близости къ ней уже 182.000 человѣкъ и 376 орудій. Русскому правительству оставалось на выборъ одно изъ двухъ: или дожидаться, пока эти войска выгонятъ насъ изъ княжествъ, что въ союзѣ съ турками они вполнѣ могли осуществить, или — еще разъ сдѣлать изъ необходимости добродѣ-

тель. Николай выбралъ послѣднее: дунайская армія составляла нашу главную боевую силу, и ее приходилось беречь. 20-го іюля русскія войска очистили Бухарестъ, медленно отступая на сѣверо-востокъ; только въ концѣ августа ихъ арріергардъ переправился на лѣвый берегъ Прута. Слѣдомъ за ними также медленно двигались австрійцы— и турки, послѣ продолжительнаго перерыва вновь фактически возстановлявшіе свои права на Молдавію и Валахію. Завоевательный походъ Николая потерпѣлъ полное крушеніе; немного дней спустя, ему приходилось уже обороняться отъ врага на своей собственной территоріи.

4.

Севастополь.

22 декабря 1853 года русскіе послы въ Парижѣ и въ Лондонѣ, Киселевъ и баронъ Брунновъ, вручивъ одновременно тождественныя заявленія соотвѣтствующимъ правительствамъ, потребовали свои паспорты. Дипломатическія сношенія между Россіей и морскими державами были такимъ образомъ прерваны. Но, какъ это было и съ Турціей, военныя дѣйствія начались не тотчасъ. Только 9 февраля слѣдующаго года появился манифестъ Николая Павловича. Онъ начинался обычнымъ заявленіемъ искренняго желанія русскаго императора „прекратить кровопролитіе". Но „коварныя наущенія" Англіи и Франціи помѣшали этому благому желанію осуществиться. „Итакъ, противъ Россіи, сражающейся за православіе, рядомъ съ врагомъ христіанства становятся Англія и Франція". Дальше слѣдовало, уже знакомое намъ по перепискѣ Николая съ Наполеономъ III, воспоминаніе о 1812 годѣ. Манифестъ заключался, довольно неожиданно, цитатой изъ псалма противъ духа лукаваго: „Да воскреснетъ Богъ и расточатся врази его!" Текстъ этомъ не понравился даже старому генералу Граббе, человѣку весьма патріотически настроенному: въ приравненіи французовъ и англичанъ къ бѣсамъ онъ усмотрѣлъ недостатокъ „умѣренности", — которой отличался, по его мнѣнію, остальной текстъ манифеста. Въ этомъ наборѣ громкихъ фразъ, мало согласныхъ съ истиною, характерно было однако же одно обстоятельство: ни словомъ не было упомянуто о революціонныхъ грѣхахъ противниковъ Россіи, — наоборотъ, Николай приглашалъ своихъ подданныхъ „подвизаться за угнетенныхъ братьевъ". Вмѣстѣ съ тѣмъ манифестъ былъ написанъ языкомъ сравнительно простымъ и, насколько это умѣла николаевская канцелярія,—удобопонятнымъ для массы. Очевидно, совѣтъ, съ которымъ скоро послѣ того выступилъ Погодинъ: „непремѣнно дѣйствовать на народъ", и тутъ былъ нѣсколько запоздалымъ. Наверху уже поняли, что въ надвигающемся бою безъ народа не обойдешься.

Первые выстрѣлы раздались еще позже—только въ апрѣлѣ, когда Балтійское море очистилось для навигаціи. Союзники не имѣли возможности двинуть въ Россію значительныя сухопутныя силы, такъ какъ ихъ при-

ходилось перевозить туда моремъ. У Наполеона III былъ проектъ—итти по стопамъ своего дяди и перенести войну въ Польшу. Но для этого нужно было добиться пропуска французскихъ войскъ черезъ Германію, — а на это не были согласны не только Пруссія, но даже и Австрія, а въ концѣ концовъ даже и Англія, въ расчеты которой отнюдь не входило, чтобы война кончилась возстановленіемъ первой имперіи. Этою невозможностью достать Россію на сушѣ съ самаго начала опредѣлился весь планъ союзниковъ. Разъ дѣло сводилось къ десанту, нужно было устроить такъ, чтобы этотъ десантъ,— который по тогдашнимъ условіямъ морского транспорта не могъ быть особенно великъ—появился на мѣстѣ высадки по возможности внезапно и не встрѣтилъ при своемъ появленіи значительныхъ русскихъ силъ, которыя могли бы сбросить его въ море. А для этого нужно было держать Николая возможно дольше въ заблужденіи насчетъ истиннаго пункта высадки, чтобы заставить его разбросать свои силы на огромномъ пространствѣ отъ Торнео до Тифлиса. Поэтому союзники вели войну вездѣ, не пренебрегая даже Бѣлымъ моремъ и Камчаткою; особенно же внушительныя демонстраціи предполагались на Балтійскомъ морѣ, вблизи русской столицы, и на Дунаѣ, гдѣ были въ это время сосредоточены наши главныя силы: для этого англо-французскій корпусъ, предназначавшійся для дѣйствій собственно противъ Севастополя, былъ сосредоточенъ въ Варнѣ — которая была одинаково удобнымъ исходнымъ пунктомъ, какъ для десанта въ Крымъ, такъ и для движенія къ Дунаю. Враждебный ней тралитетъ Австріи и Пруссіи былъ какъ нельзя болѣе на руку подобному плану,—оттягивая добрую долю русскихъ силъ къ берегамъ Днѣстра и Вислы. Цѣли своей союзники достигли вполнѣ. „Русскіе штыки въ огромной численности появились на всѣхъ угрожаемыхъ пунктахъ. Въ Финляндіи стояли гвардейскія войска; около Риги образовалась многочисленная армія подъ командою генерала Граббе; въ Царствѣ Польскомъ князь Варшавскій собралъ достойную уваженія силу; въ княжествахъ и на Дунаѣ у князя Горчакова находились 3-ій, 4-ый, 5-й пѣхотные корпуса, драгуны и резервные уланы; въ Крыму, подъ начальствомъ князя Меншикова, составился отрядъ изъ наскоро собранныхъ съ разныхъ мѣстностей войскъ; на Азовскомъ прибережьѣ начальствовалъ атаманъ Войска Донского Хомутовъ; кавказскій корпусъ былъ усиленъ 18-ю пѣхотною дивизіею, перевезенною туда на судахъ изъ Крыма; наконецъ, Петербургъ и его окрестности были заняты цѣлою арміею, порученною начальству графа Ридигера. Такимъ образомъ, съ какой бы стороны ни отважился непріятель насъ атаковать, вездѣ было собрано достаточно, какъ казалось, войскъ, чтобы встрѣтить его покушеніе. Но если присмотрѣться поближе къ дѣлу, то каждому сдѣлается яснымъ, что силы, собранныя на каждомъ изъ этихъ пунктовъ, были недостаточны для того, чтобы дать отпоръ непріятелю, который могъ бы рѣшиться на наступательное дѣйствіе противъ Россіи“ *). Какой де-

*) Записки князя В. И. Васильчикова. „Русск. Архивъ“. 1891, № 6, с. 169—170.

шевой относительно цѣной покупали союзники это важнѣйшее условіе успѣха ихъ экспедиціи, показываетъ примѣръ военныхъ дѣйствій въ Балтійскомъ морѣ. Напавъ на ничтожную въ стратегическомъ отношеніи крѣпость Бомарзундъ (на Аландскихъ островахъ) и взявъ ее—въ іюлѣ 1854 года—союзники заставили Николая сосредоточить на балтійскомъ побережьѣ „несмѣтное, можно сказать, количество войскъ“, по выраженію кн. Васильчикова. Въ одной Лифляндіи и Курляндіи было собрано до 200 тысячъ штыковъ. А между тѣмъ на союзномъ флотѣ въ Балтикѣ была всего только одна французская дивизія — менѣе 10.000 человѣкъ.

Той же системы—демонстрацій въ разныхъ мѣстахъ, съ цѣлью заставить русскихъ разбросать свои силы—союзники держались и на каждомъ отдѣльномъ театрѣ войны. Въ Балтійскомъ морѣ ихъ крейсера то и дѣло появлялись въ разныхъ пунктахъ финляндскаго побережья, обстрѣливали тотъ или другой городъ, дѣлали видъ, что собираются произвести высадку — и исчезали, прежде чѣмъ русскіе успѣвали причинить имъ какой-нибудь вредъ. За все это время союзный флотъ не потерялъ ни одного судна, ни отъ русскихъ ядеръ и минъ, ни отъ бурь и подводныхъ камней — несмотря на то, что Финскій заливъ усѣянъ послѣдними, и что всѣ маяки были погашены, всѣ бакены и предупредительные знаки сняты. Положеніе русскаго флота въ это время было самое жалкое. Началось, разумѣется, съ похвальбы: наши балтійскіе моряки собирались встрѣчать непріятеля въ Зундѣ и тамъ потопить, если онъ придетъ въ равныхъ съ нами силахъ. Это, впрочемъ, казалось нашему морскому начальству, въ лицѣ кн. Меншикова, сомнительнымъ: выставить 27 линейныхъ кораблей (тогдашній составъ нашего балтійскаго флота) не такъ-то легко, писалъ онъ. Морской министръ императора Николая позабылъ, что количество можно замѣнить качествомъ: англійскій флотъ лорда Непира („этого пьяницы Непира“, какъ презрительно называли его наши патріоты) состоялъ, правда, всего изъ 17 линейныхъ кораблей, но изъ нихъ 10 было винтовыхъ,—послѣднее слово тогдашней морской техники, тогда какъ наши винтовые корабли только строились. Въ результатѣ, англичане обладали полной свободой передвиженія, тогда какъ нашъ флотъ зависѣлъ отъ воли вѣтровъ. Принимать бой при такихъ условіяхъ было слишкомъ явнымъ безуміемъ: наши корабли все время и носа не показывали изъ-за укрѣпленій Кронштадта и Свеаборга. 18 іюня 1854 года Николай не безъ меланхоліи писалъ Меншикову: „Непріятеля вижу изъ своего окошка на сѣверномъ фарватерѣ; все, что придумать можно было къ защитѣ, исполнено; прочее въ рукахъ Божіихъ. Буди Его святая воля!“

Демонстративный характеръ первыхъ дѣйствій союзниковъ ввелъ нашихъ патріотовъ между прочимъ въ курьезное недоразумѣніе: они отнесли къ „волѣ Божіей“ то, что было сознательнымъ расчетомъ коварнаго врага. Англійскіе крейсера на Бѣломъ морѣ обстрѣливали между прочимъ Соловецкій монастырь, принявъ его изъ-за его стѣнъ и башенъ

за укрѣпленный фортъ. Монастырь отчасти этимъ и былъ, — ибо тамъ оказалась артиллерія, отвѣчавшая англичанамъ. Послѣдніе, впрочемъ, по всей вѣроятности, не имѣли въ виду ни разрушить, ни взять Соловецкую „крѣпость“ — стратегическое значеніе которой было еще во много разъ меньше, чѣмъ несчастнаго Бомарзунда. Надѣлавъ достаточно шуму, англійскіе пароходы ушли. На Черномъ морѣ англо-французскій флотъ началъ свои операціи съ бомбардировки Одессы, дѣлая видъ, что хочетъ сдѣлать высадку въ тылъ дунайской арміи. На этотъ разъ однако и демонстрація велась очень вяло и потому неискусно. Союзный флотъ ограничился разрушеніемъ одной русской батареи и бросилъ нѣсколько бомбъ въ городъ. Союзниковъ, видимо, смущало интернаціональное значеніе Одессы и характеръ ея населенія, гдѣ иностранцы— въ томъ числѣ французы, англичане, итальянцы и австрійскіе нѣмцы — едва ли не преобладали въ то время надъ русскими. Какъ бы то ни было, Одессы, какъ и Соловецкаго монастыря, они не уничтожили и не взяли. Это событіе привело Погодина въ необычайный восторгъ. Привирая для большаго эффекта и рисуя картину поединка цѣлаго флота, тридцати линейныхъ кораблей, „чуть ли не съ тысячей пушекъ“ противъ одной „полевой пушченки“ въ рукахъ прапорщика, который „здоровехонекъ, оглохъ только, говорятъ, отъ громкой пальбы“,—московскій публицистъ задорно спрашивалъ своего воображаемаго оппонента: „и это не чудо? Такъ что же это такое?“ А что въ Соловкахъ „птицы на монастырскихъ дворахъ всѣ цѣлы“—это не чудо? „Нѣтъ“, глубокомысленно заключалъ онъ послѣднюю статью о монастырѣ: „они напали на монастырь, — да явятся дѣла Божіи на немъ“.

Благочестивыхъ людей скоро должно было постигнуть большое разочарованіе: въ сентябрѣ того же 54 года „англо-французы“ нашли, что морскія демонстраціи ими достаточно использованы, и приступили къ серьезнымъ дѣйствіямъ одновременно на сушѣ и на морѣ—причемъ уже никакихъ чудесъ не наблюдалось. Объектомъ этихъ дѣйствій, какъ можно было и ранѣе догадываться, сталъ Севастополь. Крупнѣйшая военная гавань Россіи на Черномъ морѣ, главная стоянка черноморскаго флота, съ его верфями и доками, это былъ жизненный центръ; ударъ въ него сразу парализовалъ всю ту систему, при помощи которой Николай надѣялся держать въ рукахъ Турцію—и по временамъ, дѣйствительно, держалъ въ рукахъ. Еще въ концѣ 30-хъ годовъ, въ дни конфликта изъ-за египетскаго паши, генералъ Гильемино, французскій посланникъ въ Константинополѣ, собиралъ свѣдѣнія, могущія послужить французамъ при ихъ экспедиціи въ Крымъ и осадѣ Севастополя. Рекогносцировка Севастополя была однимъ изъ первыхъ дѣйствій союзнаго флота по вступленіи его въ Черное море. Эта рекогносцировка привела союзныхъ адмираловъ къ убѣжденію, что съ моря крѣпость неприступна, но что Севастополемъ можно овладѣть, сдѣлавъ высадку въ нѣкоторомъ разстояніи отъ укрѣпленій — и что берега въ этихъ мѣ-

стахъ вообще очень удобны для десанта. Въ іюнѣ мѣсяцѣ экспедиція была окончательно рѣшена — ее задерживало только непредвидѣнное препятствіе,—холера, свирѣпствовавшая въ экспедиціонномъ корпусѣ, собиравшемся сначала въ Галлиполи, а потомъ, какъ мы уже упоминали, передвинутомъ въ Варну. О возможности—и даже очень большой вѣроятности — высадки союзниковъ въ Крыму, съ цѣлью овладѣнія Севастополемъ, догадывался и главнокомандующій черноморскимъ флотомъ, князь Меншиковъ. „Въ настоящее время Крымъ,— существенный пунктъ, на которомъ долженъ рѣшиться вопросъ о нашемъ вліяніи на дѣла Востока“, писалъ онъ военному министру (отъ 29 іюня 1854 г.— за два слишкомъ мѣсяца до высадки), хлопоча объ усиленіи находившихся подъ его командой сухопутныхъ войскъ. Но императоръ Николай имѣлъ на это свой взглядъ: онъ думалъ, что въ Крыму непріятель „ничего важнаго предпринять не можетъ, еще менѣе—правильную осаду или бомбардировку“. Меншиковъ съ большимъ трудомъ получилъ одну дивизію отъ князя Горчакова изъ дунайской арміи,—и то почти контрабандой; Горчаковъ совсѣмъ не былъ уполномоченъ ее посылать. Не безъ неудовольствія узнавъ объ этомъ незаконномъ подкрѣпленіи крымскаго корпуса, императоръ теперь окончательно былъ убѣжденъ, что „Севастополь вполнѣ обезпеченъ отъ всякой попытки имъ овладѣть, и съ моря, и съ сухого пути“.

Съ моря Севастополь считали неприступнымъ, какъ мы видѣли, и сами союзники. Правда, это мнѣніе было нѣсколько преувеличено, какъ оказалось потомъ,—но во всякомъ случаѣ, отъ попытки захвата съ моря крѣпость была обезпечена этимъ полезнымъ для насъ предразсудкомъ. Совсѣмъ иную картину представляли сухопутныя укрѣпленія Севастополя. Мы опишемъ ихъ словами современника и очевидца, уже однажды нами цитированнаго,—будущаго начальника штаба севастопольскаго гарнизона, князя Васильчикова. „На огромномъ протяженіи отъ Килeнбалки до Артиллерійской бухты были возведены еще въ мирное время три оборонительныя казармы небольшого размѣра и три башни самой странной конструкціи. На правомъ флангѣ были сооружены 5-й и 6-й бастіоны слабой профили, а между ними тянулась изящная по своей постройкѣ оборонительная стѣнка изъ тесаннаго камня, снабженная бойницами для ружейной обороны, но не представлявшая въ дѣйствительности никакой обороны по своей тонинѣ и непрочности. Всѣ эти дорого стоившія сооруженія, съ точки зрѣнія ихъ значенія, какъ средства обороны, не годились въ сущности ни къ чему. Башни развалились впослѣдствіи отъ сотрясенія, производимаго поставленными на нихъ нашими же орудіями; казармы плохо выдерживали дѣйствія падавшихъ на нихъ непріятельскихъ бомбъ; стѣнка разрушалась отъ каждаго попадавшаго въ нее ядра, которое выпирало изъ нея изящно-обтесанные камни; кое-гдѣ устроенные казематы, по тѣснотѣ своей, были неудобны для дѣйствія нашей артиллеріи, а наружная облицовка амбразуръ ихъ въ скоромъ

времени завалилась и сдѣлала употребленіе стоявшихъ въ нихъ орудій невозможнымъ". Нужно прибавить, что эти декоративныя укрѣпленія обороняли не болѣе $^1/_4$ всей линіи, подлежавшей оборонѣ: на остальныхъ $^3/_4$ просто ничего не было.

Является вопросъ, какъ же относилось къ этому наиболѣе отвѣтственное и наиболѣе заинтересованное въ дѣлѣ лицо—главный командиръ черноморскаго флота и сухопутныхъ войскъ въ Крыму, —князь Меншиковъ, такъ задолго предугадавшій нападеніе союзниковъ на Севастополь? Отвѣтъ на это даетъ тотъ же кн. Васильчиковъ: Меншиковъ, говоритъ онъ, „не разрѣшалъ инженерамъ нужнѣйшихъ работъ по укрѣпленію Севастополя съ суши, предвидя, что эти офицеры напрасно истратятъ огромныя суммы денегъ..." Судя по качествамъ оборонительной стѣнки, такъ художественно описанной Васильчиковымъ, едва ли и въ этомъ предвидѣніи кн. Меншиковъ не былъ правъ. Но какъ бы то ни было, безусловно правъ былъ и кн. Васильчиковъ въ своемъ заявленіи, что „въ минуту открытія военныхъ дѣйствій Севастополь, можно сказать, не былъ укрѣпленъ съ сухопутной стороны".

Въ іюлѣ и въ августѣ союзники произвели двѣ новыхъ тщательныхъ рекогносцировки береговъ Крыма — и въ результатѣ намѣтили, какъ наиболѣе удобный пунктъ для высадки, окрестности Евпаторіи. Въ предположеніяхъ кн. Меншикова Евпаторія тоже значилась, какъ одинъ изъ возможныхъ пунктовъ непріятельскаго вторженія: тѣмъ не менѣе никакихъ мѣръ къ охранѣ берега въ этихъ мѣстахъ не было принято, и изъ города не были даже увезены 60 тыс. четвертей пшеницы, которыя немедленно достались въ руки непріятеля и сразу же обезпечили его продовольствіемъ на четыре мѣсяца. Планъ десанта былъ тщательно разработанъ французскимъ штабомъ еще въ іюнѣ. Какъ только холера нѣсколько утихла, и причиненныя ею опустошенія въ рядахъ экспедиціоннаго корпуса были пополнены, началось приведеніе этого плана въ исполненіе. Съ 12-го (24-го) по 22 августа (3 сентября) французы посадили на суда четыре дивизіи пѣхоты съ 68 орудіями и немного конницы, всего до 28.000 человѣкъ; двумя днями позже кончили амбаркацію англичане, посадившіе на суда 22 тысячи пѣхоты и 2 тысячи кавалеріи съ 54 орудіями. Кромѣ того, къ экспедиціи была присоединена турецкая дивизія, въ числѣ около 7.000 человѣкъ. Армія имѣла съ собою всѣ принадлежности для осады Севастополя съ суши: 73 осадныхъ орудія, 11 тыс. туровъ, 9 тыс. фашинъ, 180 тыс. земляныхъ мѣшковъ, 30 тыс. кирпичей и болѣе 20 тыс. штукъ шанцеваго инструмента. Каменистый грунтъ окрестностей Севастополя былъ такимъ образомъ предусмотрѣнъ, и союзники везли свои окопы съ собой. 1-го сентября ст. стиля была занята Евпаторія, а на слѣдующій день союзники начали высадку, которую французы кончили къ 4-му, а англичане только къ 6-му. Все время лилъ проливной дождь, доставлявшій много мученій высаживавшимся налегкѣ войскамъ (англичане первое время не имѣли даже палатокъ); но это было единственное

неудобство, какое они испытывали: русская армія не подавала никакихъ признаковъ существованія. Князь Меншиковъ сосредоточилъ свои войска на давно избранной имъ позиціи по дорогѣ изъ Евпаторіи въ Севастополь, на высокомъ лѣвомъ берегу рѣчки Алмы. Здѣсь ему удалось собрать до 35.000 человѣкъ съ 84 орудіями—почти вдвое меньше силъ непріятеля (около 60 тыс. и 134 полев. орудія). Притомъ по большей части это были рекруты, и вообще это были войска, никогда не бывавшія въ огнѣ. Часть пѣхоты — резервные батальоны—была вооружена кремневыми ружьями; штуцеровъ было съ небольшимъ двѣ тысячи (у союзниковъ болѣе 30 тысячъ). Несмотря на то, что позиція была выбрана, какъ мы сказали, заблаговременно, она почти не была укрѣплена; не обратили вниманія на то, что войска, расположенныя въ нѣсколько рядовъ на покатости, спускавшейся къ рѣкѣ, обстрѣливались штуцернымъ огнемъ противника вплоть до самыхъ резервовъ. Но самое главное—наиболѣе важный пунктъ позиціи, высоты на лѣвомъ флангѣ, командовавшія всѣмъ нашимъ расположеніемъ, совсѣмъ не были заняты: онѣ спускались къ рѣкѣ крутыми обрывами, которые заранѣе были признаны совершенно неприступными. На нихъ, дѣйствительно, трудно было взобраться: по мнѣнію военнаго историка Крымской войны, достаточно было двухъ ротъ стрѣлковъ и нѣсколькихъ орудій, чтобы задержать здѣсь цѣлую армію. Но когда крайній правый флангъ французовъ (дивизія Боске), перейдя въ этомъ мѣстѣ рѣку, сталъ карабкаться по откосу, онъ не встрѣтилъ ни одного русскаго солдата на своемъ пути. Французскій генералъ былъ приведенъ этимъ въ крайнее удивленіе. „Эти господа рѣшительно не хотятъ драться“, сказалъ онъ, обращаясь къ своему штабу. Обходнымъ движеніемъ Боске исходъ боя былъ въ сущности рѣшенъ: подъ перекрестнымъ штуцернымъ огнемъ съ праваго берега рѣки и съ высотъ лѣваго фланга держаться было нельзя. Честь русскаго оружія спасли англичане, которые, опоздавъ на поле битвы, старались искупить свою оплошность отчаянными лобовыми атаками на укрѣпленія нашего праваго крыла,—гдѣ все равно мы бы не могли оставаться. Русскія войска сами ушли бы оттуда черезъ нѣсколько часовъ,—англичане доставили намъ удовольствіе двухъ-трехъ отбитыхъ штурмовъ. Благодаря превосходству непріятельскаго вооруженія и неумѣлому расположенію войскъ, наша потеря была очень крупная: до 6.000 убитыми и ранеными, вдвое болѣе, чѣмъ у союзниковъ. Отступленіе, по официальнымъ донесеніямъ, было совершено въ полномъ порядкѣ, а по частнымъ свѣдѣніямъ—въ полномъ безпорядкѣ. Иллюстраціей послѣдняго можетъ служить тотъ фактъ, что одинъ изъ командующихъ генераловъ, Кирьяковъ, вечеромъ въ день боя (8 сентября ст. ст.) оказался въ Севастополѣ, въ клубѣ—гдѣ охотно разсказывалъ о сраженіи всѣмъ желающимъ слушать; никому не пришло въ голову спросить его, гдѣ же находятся командуемыя имъ войска, и самъ генералъ, повидимому, не очень объ этомъ заботился. *)

*) Въ бою онъ командовалъ какъ разъ лѣвымъ флангомъ. Когда ему указали на

Дорога союзникамъ къ Севастополю была открыта. Кн. Меншиковъ совершилъ свое знаменитое „фланговое движеніе“ — т. е., попросту говоря, отвелъ свою разстроенную армію въ сторону, къ Бахчисараю. Крѣпость и черноморскій флотъ остались на произволъ судьбы: на вопросъ адмирала Корнилова, что ему дѣлать съ флотомъ, князь-главнокомандующій отвѣтилъ: „положите его себѣ въ карманъ“. Севастопольцы, морскіе и сухопутные, должны были выпутываться сами, какъ знаютъ: кн. Васильчиковъ утверждаетъ, что въ этомъ и заключалось ихъ спасеніе. Черноморскій флотъ, какъ и его балтійскій собратъ, былъ парализованъ въ гавани: паровой флотъ союзниковъ давалъ имъ такой рѣшительный перевѣсъ, что выходить противъ него съ парусниками никто серьезно не думалъ. Часть ихъ затопили въ бухтѣ, чтобы преградить доступъ непріятельскимъ кораблямъ: затопили такъ поспѣшно, что вмѣстѣ съ судами пошли ко дну орудія, снаряды, провіантъ, даже всѣ вещи команды, до офицерскаго багажа включительно. Но когда первая минута паники прошла, положеніе оказалось далеко не такимъ безнадежнымъ, какъ можно было думать. Мы уже упоминали, что по своему личному составу черноморскій флотъ былъ лучшей боевой силой тогдашней Россіи. Теперь, когда онъ былъ запертъ въ гавани, восемнадцать тысячъ матросовъ, не нужныхъ больше на борту, увеличили собою гарнизонъ крѣпости, доведя его до размѣровъ небольшой арміи,—качественно гораздо лучшей, чѣмъ та, которая дралась на берегахъ Алмы. А снятая съ кораблей артиллерія на нѣсколько сотъ орудій усилила сухопутную оборону крѣпости. Въ лицѣ Корнилова, выдвинувшагося еще подъ Силистріей Тотлебена, недавняго побѣдителя при Синопѣ Нахимова — Севастополь имѣлъ цѣлый рядъ способныхъ и энергичныхъ людей, сумѣвшихъ использовать положеніе гораздо лучше Меншикова. Союзники дали имъ къ тому же достаточно времени на это. Ближайшей къ мѣсту ихъ высадки была сѣверная сторона Севастополя, укрѣпленная весьма плохо—но все же не совсѣмъ обнаженная. Союзный штабъ былъ прекрасно оріентированъ относительно состоянія сухопутной обороны города *) и—въ общемъ правильно—считалъ южную сторону гораздо доступнѣе. Начать атаку съ юга, со стороны Балаклавы, было удобнѣе еще и потому, что здѣсь союзники могли комбинировать дѣйствія арміи и флота, пользуясь рядомъ бухтъ и балаклавской гаванью, (которую англичане впослѣдствіи связали съ лагеремъ желѣзной дорогой),—тогда какъ на сѣверной сторонѣ флотъ не имѣлъ никакого пристанища, и армія не могла на него опереться. Одновременно съ „фланговымъ движеніемъ“ Меншикова, союзники тоже выполнили обходное движеніе, обойдя Севастополь кругомъ съ сѣвера на югъ. Двига-

---

поднимающіеся на высоты батальоны Боске, онъ отвѣтилъ: „вижу, но не боюсь ихъ“. Эта анекдотическая фигура и послѣ служила неистощимой темой для разсказовъ.

*) При союзной арміи между прочимъ находился англичанинъ-инженеръ, строившій севастопольскіе доки и уѣхавшій изъ города только въ самомъ началѣ войны.

лись они очень медленно, отчасти по недостатку перевозочныхъ средствъ, отчасти связанные массой больныхъ: холера подъ вліяніемъ лишеній, связанныхъ съ высадкой, снова развилась (отъ нея умеръ между прочимъ командиръ французскаго экспедиціоннаго корпуса, маршалъ Сентъ-Арно). Выйдя, наконецъ, къ 15 сентября на южную сторону, они увидали передъ собою рядъ новыхъ укрѣпленій, отчасти оконченныхъ, отчасти еще строившихся: внезапный захватъ крѣпости, очевидно, не удавался. Приходилось подготовлять штурмъ артиллерійской атакой. Въ ночь съ 27 на 28 французы заложили первую параллель, но лишь къ 4 октября у нихъ было готово пять батарей съ 53 орудіями. Англичане къ этому времени успѣли поставить 73 орудія—всего, значитъ, у союзниковъ было ихъ 126. Севастопольцамъ удалось построить съ 14 сентября по 5 октября болѣе двадцати батарей и довести вооруженіе сухопутной обороны со 172 до 341 орудія, въ томъ числѣ до 200 тяжелыхъ морскихъ пушекъ, не уступавшихъ артиллеріи союзниковъ. При такихъ условіяхъ исходъ первой бомбардировки (5 октября), несмотря на поддержку—довольно слабую—флота, не далъ рѣшительнаго успѣха нападающему. Третій бастіонъ былъ совершенно разгромленъ англичанами, но они все же не рискнули штурмовать эту груду земли, покрытую трупами и обломками, выжидая, чѣмъ кончится бой на другихъ пунктахъ. А здѣсь французскія батареи вынуждены были замолчать подъ огнемъ крѣпостныхъ орудій. Въ результатѣ Севастополь былъ признанъ заслуживающимъ правильной осады: несмотря на тяжелыя потери (1.250 человѣкъ, въ томъ числѣ убитъ былъ Корниловъ), первая бомбардировка доказала въ сущности жизнеспособность импровизированной крѣпости.

Но защита ея именно потому, что она была импровизированная, представляла колоссальныя трудности. Къ половинѣ XIX столѣтія артиллерійская техника сдѣлала уже очень большіе успѣхи. Осадныя орудія этой эпохи достигли весьма значительной, по сравненію съ предшествующимъ временемъ, досягаемости—до 2 и даже 3 верстъ. А разрушительное дѣйствіе ихъ увеличилось еще значительнѣе, особенно благодаря введенію такъ называвшихся тогда „бомбическихъ“ пушекъ—длинныхъ (дальнобойныхъ) орудій крупнаго калибра, стрѣлявшихъ разрывными снарядами. *) Все это настолько облегчало разрушеніе укрѣпленій, что прежняя крѣпость сомкнутаго типа ко времени Крымской кампаніи стала уступать мѣсто системѣ отдѣльныхъ фортовъ. При этомъ жизненныя части крѣпости,—склады, магазины, казармы, госпитали—сосредоточивались внутри крѣпостного *ядра*, сравнительно безопаснаго отъ непріятельскихъ выстрѣловъ, по крайней мѣрѣ, въ первую половину осады. Оборона же велась изъ фортовъ, расположенныхъ на разстояніи полутора-трехъ верстъ отъ „ядра“, на возвышенностяхъ, командующихъ окрестностями крѣпости. Взятіе одного-двухъ фортовъ еще не означало паденія крѣпости, а въ

*) Раньше длинныя пушки стрѣляли только неразрывными снарядами, ядрами.

крайнемъ случаѣ можно было защищаться въ „ядрѣ" даже послѣ паденія всей линіи фортовъ. По такой системѣ въ 40-хъ годахъ былъ укрѣпленъ Парижъ, этой же системы придерживались западные инженеры, строившіе крѣпости для турокъ, Силистрію, Карсъ и т. д. Ничего подобнаго не удалось сдѣлать въ Севастополѣ. Окрестныя высоты, къ югу и юго-востоку отъ города, съ самаго начала были заняты непріятелемъ: тамъ, гдѣ должны были бы быть расположены севастопольскіе форты, стояли англійскія и французскія батареи. Только на сѣверо-востокѣ, около Киленбалки, остались нѣсколько возвышенностей внѣ линіи осадныхъ работъ противника, гдѣ нами впослѣдствіи (весною 1855 года) были построены волынскій и селенгинскій редуты и камчатскій люнетъ, игравшіе роль внѣшнихъ фортовъ по отношенію къ Корниловскому бастіону. Но они не настолько далеко были вынесены впередъ, чтобы закрыть послѣдній отъ непріятельскаго огня. Въ результатѣ Севастополь не имѣлъ внутренняго ядра, безопаснаго отъ непріятельскихъ выстрѣловъ. Линія укрѣпленій („бастіоновъ") проходила не далѣе полуверсты отъ города, въ которомъ не было угла, куда не могла бы упасть союзническая бомба. Безопасныя мѣста находились за Большой бухтой, на „Сѣверной" сторонѣ, куда снаряды осадныхъ орудій—по крайней мѣрѣ, въ первые мѣсяцы осады—не достигали. Но держать резервы, склады и госпитали такъ далеко, притомъ за бухтой, черезъ которую, почти до самаго конца, не было даже моста—не представлялось никакой возможности. Гарнизонъ—въ разгарѣ осады доходившій до 50—60 тыс. человѣкъ — толпился на тѣсномъ пространствѣ южной стороны, во всѣхъ направленіяхъ обстрѣливавшейся вражескимъ огнемъ. Тѣсные „бастіоны" были постоянно переполнены людьми. Оттого севастопольская оборона была такой ни съ чѣмъ несоизмѣримо кровавой—точно городъ былъ защищенъ валами не изъ земли, а изъ человѣческихъ тѣлъ. Едва ли не единственный случай въ исторіи осадъ всего міра—здѣсь обороняющійся терялъ народу ежедневно гораздо болѣе, чѣмъ осаждающій (за исключеніемъ штурмовъ, конечно). Будь крѣпость, какъ полагается осажденной крѣпости, заблокирована со всѣхъ сторонъ, англичанамъ очень скоро удалось бы достигнуть той цѣли, какую имъ приписываетъ одинъ современникъ — истребить гарнизонъ однимъ артиллерійскимъ огнемъ, не прибѣгая къ дорого стоющему приступу. Но благодаря присутствію въ Крыму русской арміи, съ каждымъ мѣсяцемъ увеличивавшейся, союзники не имѣли никакой возможности запереть Севастополь. Человѣческій матеріалъ въ немъ могъ постоянно возобновляться, и къ концу осады крѣпость представляла собою колоссальную адскую машину, куда ежедневно отправлялись тысячи здоровыхъ людей, чтобы вернуться оттуда въ видѣ окровавленныхъ труповъ.

Южная сторона Севастополя, гдѣ сосредоточивалась оборона, дѣлится Южной бухтой (военною гаванью) на двѣ части: восточную, или Корабельную" сторону, гдѣ находились казармы, склады и доки черноморскаго флота, а также слободка, гдѣ жили

Юрій Өедоровичъ Самаринъ.

Съ портрета, писаннаго И. Н. Крамскимъ.

(Городская галлерея П. и С. Третьяковыхъ въ Москвѣ).

„ИСТОРІЯ РОССИИ ВЪ XIX ВѢКѢ“. Изданіе Т-ва „Бр. А. и И. ГРАНАТЪ и К°“.

матросскія семейства,—военную и въ то же время болѣе демократическую часть города,—и западную или Городскую сторону, гдѣ помѣщалась не военная часть населенія, гдѣ жили офицеры и чиновники съ ихъ семьями, гдѣ находились общественное собраніе (обращенное въ перевязочный пунктъ), соборъ, библіотека и т. д.—словомъ, часть города, болѣе аристократическую. Бастіоны I, II и III защищали Корабельную сторону; ключомъ позиціи былъ здѣсь высокій бугоръ, носившій названіе Малахова кургана, — командующій всей стороной, но въ свою очередь командуемый находящимся къ востоку отъ него „зеленымъ бугромъ“ (mamelon vert французовъ), значеніе котораго сначала проглядѣли обѣ стороны *). Позже русскіе построили здѣсь „камчатскій люнетъ“, взятый французами 26 мая 1855 г., что было началомъ конца обороны Малахова кургана и всего Севастополя. Малаховъ курганъ былъ защищенъ укрѣпленіемъ, носившимъ названіе Корниловскаго бастіона **). Ключомъ позиціи на Городской сторонѣ, оборонявшейся бастіонами IV, V и VI, былъ четвертый бастіонъ, расположенный на гребнѣ возвышенности, господствующей надъ всѣмъ городомъ. Четвертый бастіонъ и Малаховъ курганъ были главными объектами непріятельской атаки,—которую въ обоихъ случаяхъ вели французы: англичане все время занимались разрушеніемъ III бастіона, связывавшаго оборону Корабельной стороны съ обороной западной. Сначала (до весны 1855 года) союзники надѣялись прорвать оборонительную линію со стороны IV бастіона. Но удачная минная война, которую велъ здѣсь Тотлебенъ, наводившая на предположеніе, что вся мѣстность передъ бастіономъ минирована, заставила ихъ отказаться отъ атаки въ этомъ мѣстѣ, когда они были уже очень близко къ цѣли. Во вторую половину осады главнымъ пунктомъ атаки былъ уже Малаховъ курганъ, взятіемъ котораго и закончилась осада.

Всѣ эти укрѣпленія въ сущности принадлежали къ категоріи временныхъ и представляли собою земляныя насыпи, довольно слабой профили (толщины), рыхлыя и легко осыпавшіяся. Ихъ выгодная сторона состояла въ томъ, что онѣ такъ же легко воздвигались, какъ и разрушались. Севастопольская оборона была непрерывнымъ рядомъ земляныхъ работъ, заключавшихся не только въ исправленіи поврежденныхъ укрѣпленій, но и въ постоянной, изо дня въ день, постройкѣ новыхъ батарей. Лихорадочная дѣятельность, развившаяся на линіи сухопутной обороны въ сентябрѣ 1854 года, не прекращалась до самаго августа 1855. Руководившій этою дѣятельностью генералъ Тотлебенъ великолѣпно использовалъ одну особенность Севастополя—и въ этомъ, какъ во многомъ другомъ, не похожаго на обычный типъ осажденной крѣпости, на этотъ разъ къ своей выгодѣ: необычайное изобиліе артиллеріи и артиллеристовъ, благодаря присутствію черноморскаго флота,

*) Не совсѣмъ впрочемъ: комендантъ Малахова кургана, Истоминъ, съ самаго начала настаивалъ на укрѣпленіи „зеленаго бугра“.

**) Корниловъ здѣсь былъ убитъ на мѣстѣ, гдѣ теперь находится его памятникъ.

наряду съ возможностью постоянно пополнять боевые припасы подвозомъ изъ Россіи. Система Тотлебена заключалась въ развитіи до наибольшихъ возможныхъ предѣловъ орудійнаго огня крѣпости. Съ карандашомъ и планомъ въ рукахъ, Тотлебенъ изо дня въ день слѣдилъ за непріятельскими работами, и какъ только замѣчалъ гдѣ-нибудь утолщеніе и возвышеніе, намекавшее на зарожденіе новой батареи, противъ него немедленно проектировалась контръ-батарея. Пѣхота давала въ изобиліи рабочія руки, а на корабляхъ можно было въ любую данную минуту найти сколько угодно пушекъ и матросовъ, умѣвшихъ ими управлять. Моряки-артиллеристы имѣли только одну невыгодную сторону: на морѣ тогда, какъ и теперь, приходилось заботиться прежде всего о быстротѣ стрѣльбы. Задача состояла въ томъ, чтобы въ возможно болѣе короткое время сдѣлать противнику возможно больше пробоинъ. Мѣткость стрѣльбы въ то время,—когда корабли дрались на дистанціи въ 50 сажень—была на второмъ планѣ. На севастопольскихъ бастіонахъ матросы продолжали держаться своей морской традиціи: они забрасывали батареи противника градомъ ядеръ и бомбъ, не особенно заботясь о томъ, куда они попадали. Въ первое время этимъ артиллерійскимъ излишествамъ покровительствовало и морское начальство, не вѣрившее въ возможность продолжительной обороны и не видѣвшее поэтому надобности беречь припасы: Корниловъ, напримѣръ, не разсчитывалъ продержаться долѣе трехъ дней. Зато впослѣдствіи пришлось вести упорную борьбу съ укоренившимися привычками — и вся исторія осады наполнена приказами, рекомендовавшими беречь заряды, отвѣчать однимъ выстрѣломъ на два, или на три непріятельскихъ, или запрещавшими тратить въ день болѣе опредѣленнаго количества снарядовъ, —напримѣръ, 30 на каждое орудіе. И тѣмъ не менѣе пороху часто не хватало, хотя его свозили въ Севастополь по частямъ чуть не изо всѣхъ русскихъ крѣпостей.

Въ одномъ отношеніи однако же союзники имѣли громадный перевѣсъ надъ севастопольцами. Въ ихъ распоряженіи находилось болѣе 200 мортиръ большого калибра (бросавшихъ бомбы вѣсомъ до 7 пудовъ включительно), позволявшихъ имъ развивать въ колоссальныхъ размѣрахъ навѣсный огонь, — къ чему морскія орудія бастіоновъ были совершенно неспособны. Значеніе этого обстоятельства будетъ вполнѣ понятно, если мы вспомнимъ, что защитники крѣпости находили единственное, сколько-нибудь безопасное, убѣжище только въ *блиндажахъ* — подземныхъ помѣщеніяхъ, прикрытыхъ сверху толстыми бревнами и слоемъ земли. Блиндажи можно было разрушить только навѣснымъ огнемъ,—и тогда гарнизонъ оставался совершенно беззащитнымъ. Никакая дисциплина не могла заставить людей оставаться на мѣстѣ, гдѣ имъ угрожала вѣрная смерть. Когда навѣсный огонь осаждающаго достигъ своей цѣли, большую часть войскъ пришлось свести съ бастіоновъ—и это было основнымъ условіемъ, обезпечившимъ успѣхъ штурма 27 августа 1855 г. Кромѣ того, по мѣрѣ приближенія къ нашимъ укрѣпленіямъ траншей против-

ника, развивался штуцерный огонь послѣдняго, достигавшій той же цѣли—сдѣлать бастіоны необитаемыми. Подъ конецъ отъ штуцерныхъ пуль гибло не меньше народу, чѣмъ отъ ядеръ и бомбъ: Нахимовъ былъ убитъ, а Тотлебенъ раненъ такими пулями. Словомъ, былъ извѣстный предѣлъ, по достиженіи котораго защищать крѣпость долѣе было невозможно. Въ патріотическихъ разговорахъ петербургскаго и московскаго общества Севастополь могъ быть неприступнымъ. Но на мѣстѣ всѣмъ, начиная съ обоихъ главнокомандующихъ—сначала Меншикова, потомъ Горчакова—было ясно, что Севастополь долженъ пасть, если его не выручатъ—не заставятъ какимъ-нибудь способомъ союзниковъ снять осаду. Операціи нашей сухопутной арміи въ Крыму въ тѣ минуты, когда она выходила изъ своего обычнаго пассивнаго состоянія и переставала изображать собою запасное депо для пополненія гарнизона, клонились именно къ этой цѣли. Меншиковъ началъ ее преслѣдовать, какъ только его войска оправились отъ алминскаго пораженія, и къ нимъ подошли первыя подкрѣпленія изъ Россіи. Его первая попытка была задумана стратегически очень удачно. Базой англичанъ была Балаклава; захвативъ ее, или отрѣзавъ отъ нея осадный корпусъ, русская армія лишала противника единственной удобной гавани, находившейся въ его распоряженіи, ставила его между двухъ огней и заставляла отъ нападенія перейти къ оборонѣ. Силы союзниковъ въ это время (октябрь 1854 г.) не превышали 63 тыс. человѣкъ: къ французамъ подошла пятая дивизія, но она только пополнила уронъ, нанесенный холерой. Армія Меншикова, вмѣстѣ съ севастопольскимъ гарнизономъ и подошедшими подкрѣпленіями была нѣсколько сильнѣе. Но главнокомандующій отдѣлилъ для нападенія на Балаклаву только меньшую половину своихъ силъ. Атака велась такъ нерѣшительно, точно русскіе не хотѣли предпринять ничего серьезнаго, а имѣли въ виду нѣчто въ родѣ „усиленной рекогносцировки“. Даже ошибки англійскаго главнокомандующаго, лорда Раглана, погубившаго въ этомъ дѣлѣ безъ всякой надобности свою лучшую кавалерію, остались для насъ безполезны. Наши войска взяли четыре слабыхъ редута, плохо защищавшихся турками, и на этомъ остановились. Результатомъ дѣла было то, что союзники замѣтили свою слабую сторону и укрѣпили подступы къ Балаклавѣ такъ, что объ ея овладѣніи не приходилось болѣе и думать. Недѣли двѣ спустя, получивъ въ подкрѣпленіе еще двѣ дивизіи изъ дунайской арміи (10-ю и 11-ю), Меншиковъ рѣшилъ повторить попытку въ болѣе обширныхъ размѣрахъ и въ другомъ мѣстѣ. На этотъ разъ объектомъ нападенія былъ правый флангъ самого осаднаго корпуса — состоявшій изъ англійскихъ войскъ, силою около 16—17 тыс. человѣкъ. Противъ нихъ было направлено съ разныхъ пунктовъ до 40 тысячъ русской пѣхоты. Въ случаѣ удачи Меншиковъ разрѣзывалъ союзную армію пополамъ, становился между „обсерваціоннымъ“ корпусомъ, прикрывавшимъ Балаклаву, и осаднымъ, прижималъ противника къ морю и опять-таки за-

ставлялъ его отъ нападенія перейти къ оборонѣ. Сраженіе это, носящее въ исторіи названіе Инкерманскаго (24 октября), хотя оно происходило довольно далеко отъ Инкермана, во всемъ блескѣ обнаружило стратегическія способности николаевскихъ генераловъ. Прежде всего въ штабѣ главнокомандующаго не оказалось плана мѣстности. По справкамъ, таковой имѣлся въ Петербургѣ, въ военномъ министерствѣ—но военный министръ, ссылаясь на то, что это unicum, отказывался его выслать безъ спеціальнаго высочайшаго разрѣшенія. Пока шла объ этомъ переписка, сраженіе было дано—и по горькой ироніи судьбы планъ пріѣхалъ изъ Петербурга какъ разъ на другой день послѣ разгрома русскихъ войскъ. За неимѣніемъ плана положились на топографическую память генерала Данненберга, которому было поручено распоряженіе войсками, назначенными итти въ дѣло: онъ когда-то стоялъ въ этой мѣстности лагеремъ и заявилъ, что знаетъ ее, какъ свои карманы. Плодомъ такого основательнаго знакомства съ мѣстностью явилась диспозиція, переполненная вопіющими топографическими нелѣпостями. Изъ двухъ русскихъ колоннъ, въ одновременномъ появленіи которыхъ на полѣ битвы заключался главный шансъ успѣха, одна, по топографическимъ условіямъ, никоимъ образомъ не могла прибыть на мѣсто ранѣе, какъ черезъ четыре часа послѣ другой. Характерныя для окрестностей Севастополя балки были такъ перепутаны въ этой бумагѣ, что нельзя было понять, должна ли была правая колонна переходить Киленбалку или нѣтъ: между тѣмъ при томъ или другомъ рѣшеніи вопроса, картина боя рѣзко мѣнялась. Третья колонна, задачей которой было демонстрировать противъ „обсерваціоннаго“ корпуса и тѣмъ удерживать его на мѣстѣ, вела эту демонстрацію съ такой стороны, гдѣ непріятельскія позиціи были абсолютно неприступны, почему большая часть этого корпуса и могла быть съ полнымъ удобствомъ двинута на помощь англичанамъ. Инкерманское дѣло стоило намъ потерь, еще безпримѣрныхъ въ эту кампанію: изъ строя выбыло до 12 тысячъ человѣкъ. *) „Въ этотъ день обнаружилась въ полнѣйшей мѣрѣ вся несостоятельность нашего интендантскаго и госпитальнаго управленія“, пишетъ князь Васильчиковъ. „Для призрѣнія десяти тысячъ раненыхъ оказался при арміи подвижной госпиталь, сколько мнѣ помнится, на 1.200 больныхъ. Бѣлья, посуды, а что важнѣе всего—перевязочныхъ средствъ не хватило, конечно, и на половину страждущихъ, и бѣдные солдатики сидѣли и лежали подъ открытымъ небомъ, прикрывая свою наготу окровавленною, твердою, какъ лубокъ, шинелью, потому что рубаха, а часто и портки, были изрѣзаны на бинты, или истрепаны на корпію“. Меншиковъ впалъ послѣ этого въ глубокую апатію, изъ которой его ничто не могло вывести. На третій день послѣ полученія извѣстія объ Инкерманѣ Николай писалъ Горчакову: „...крайне жаль, что намѣреніе

*) Правда, потомъ ходили слухи, что полковые командиры воспользовались боемъ, чтобы оформить убыль отъ дезертирства и болѣзней, накопившуюся съ начала военныхъ дѣйствій.

Меншикова не имѣло удачи, стоивъ столько драгоцѣнной крови,.. но еще болѣе сожалѣть должно, что эта неудача, нисколько не уронившая духъ войскъ, отразилась на князѣ Меншиковѣ такимъ упадкомъ духа, что наводитъ на меня опасенія самыхъ худшихъ послѣдствій... Онъ не скрываетъ, что не видитъ болѣе надежды съ успѣхомъ атаковать союзниковъ и предвидитъ даже скорое паденіе Севастополя. Признаюсь, что такое направленіе мыслей меня ужасаетъ за послѣдствія...“ Но нѣсколькими строками ниже Николай выдаетъ, что и его настроеніе не лучше: „...не скрываю отъ тебя, что надежды на лучшій исходъ, развѣ по особой милости Божіей, не предвижу... Съ потерей Севастополя наврядъ ли Меншиковъ отстоитъ и Крымъ...“

Николай Павловичъ однако же рѣдко выдавалъ свой упадокъ духа —и, жадно цѣпляясь за каждый пробескъ надежды, быстро вновь усвоилъ свой искусственно бодрый тонъ. Союзники не думали штурмовать Севастополь тотчасъ послѣ Инкерманскаго сраженія, какъ этого всѣ ожидали. Напротивъ, проявленная русской арміей активность заставила ихъ удвоить свою осторожность и пріостановить всякія серьезныя дѣйствія, выжидая подкрѣпленій, которыя должны были къ веснѣ довести французскую армію до ста тысячъ человѣкъ. Зима была необыкновенно сурова для Крыма, и союзныя войска очень страдали отъ холода: „морозы губятъ у непріятеля людей и лошадей“, писалъ Меншиковъ военному министру. Все это вновь окрылило Николая Павловича: „думаю, что настала для нихъ эпоха гибели“, писалъ онъ главнокомандующему въ январѣ 1855 года. И онъ снова и снова возбуждалъ своего унылаго корреспондента къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ. „Повторяю мою убѣдительную просьбу“, писалъ онъ Меншикову (отъ 31 января), „все хорошо обдумавъ, сообразите, какъ наилучше бъ было атаковать враговъ, до или послѣ отбитаго приступа. Нельзя намъ оставаться въ бездѣйствіи и давать врагамъ усовершенствовать свои работы и получать подкрѣпленія и утратить напрасно время, когда мы надъ ними имѣемъ перевѣсъ, зная, въ какомъ разстройствѣ англичане, да что и французамъ не легко...“ Но на мѣстѣ было видно, что „разстройство“ союзниковъ вовсе не такъ велико. Меншиковъ окончательно и твердо укрѣпился въ своемъ пессимистическомъ мнѣніи о качествахъ своей арміи *), и никакія силы земныя не могли его сдвинуть съ мѣста. Съ большимъ трудомъ можно было его убѣдить дать двигаться другимъ,—но, какъ нарочно, и тутъ первая попытка была совершенно неудачна. Ген. Хрулевъ выпросилъ у Меншикова позволенія атаковать Евпаторію, гдѣ союзники продолжали держаться и откуда они постоянно могли угрожать сообщеніямъ крымской арміи съ Россіей. Евпаторія была занята турками,—дѣло казалось такимъ образомъ болѣе легкимъ. Тѣмъ не менѣе атака была отбита

*) Кн. Васильчиковъ пишетъ, что еще съ самаго начала кампаніи Меншиковъ „къ сухопутнымъ войскамъ, состоявшимъ подъ его начальствомъ, не имѣлъ никакого довѣрія“, и прибавляетъ, что до извѣстной степени онъ былъ правъ въ своемъ скептицизмѣ.

(7 февраля 1855). Эта новая неудача переполнила чашу терпѣнія императора Николая: Меншиковъ былъ уволенъ и замѣненъ бывшимъ главнокомандующимъ дунайской арміей, Горчаковымъ. То было послѣднее распоряженіе Николая Павловича: 18 февраля онъ умеръ, по офиціальной версіи, отъ гриппа (инфлюэнцы), осложнившагося воспаленіемъ легкихъ. По мнѣнію, крѣпко державшемуся среди петербургскаго общества, онъ отравился. Обстоятельства его смерти, насколько они извѣстны, говорятъ въ пользу офиціальной версіи. Что его колоссальный организмъ былъ надломленъ, на это существуютъ положительныя указанія: послѣ Алминскаго сраженія онъ потерялъ сонъ; съ конца января онъ постоянно жаловался на недомоганье. Если, стало быть, и признать отравленіе, то приходится считать его медленнымъ и постепеннымъ—съ цѣлью придать ему характеръ естественной болѣзни. Но, по всей вѣроятности искажая внѣшніе факты, общественное мнѣніе правильно оцѣнивало ихъ внутреннюю связь: при посредствѣ яда или безъ него, въ силу естественныхъ условій, Николай палъ жертвою крушенія своей системы.

Его преемникъ считалъ долгомъ чести сдѣлать видъ, что въ этой системѣ ничто не измѣнилось и не можетъ измѣниться. Принимая иностранныхъ пословъ, Александръ Николаевичъ заявилъ имъ, что онъ намѣренъ придерживаться началъ, руководившихъ политикою Александра I и Николая I. „Начала эти суть начала Священнаго Союза", прибавилъ онъ. Но онъ тутъ же долженъ былъ признаться, что „этотъ Союзъ болѣе не существуетъ". Отдавъ на словахъ дань традиціи, Александръ II не сдѣлалъ никакихъ реальныхъ усилій для ея поддержанія. Если онъ продолжалъ войну, то онъ дѣлалъ это единственно съ цѣлью добиться болѣе выгоднаго соотношенія силъ, чѣмъ какое было въ февралѣ 1855 года. Въ первое время однако на это было мало надежды. Извѣстія, присылавшіяся новымъ главнокомандующимъ, были ничуть не веселѣе старыхъ. Нѣсколько дней спустя послѣ пріѣзда въ Севастополь, Горчаковъ писалъ Александру II: „Положеніе наше довольно трудно; подступы непріятеля столь сближены, что Севастополь можетъ держаться только при весьма сильномъ гарнизонѣ". Единственнымъ шансомъ въ его глазахъ являлась счастливая случайность: „война имѣетъ много случайностей", писалъ онъ, „и надобно разсчитывать, что непріятель не всегда дѣлаетъ, что могъ бы". „Ходъ дѣла въ Крыму издавна весьма испорченъ", писалъ онъ нѣсколько позже, „и полагая даже, что мнѣ удастся отстоять Севастополь до прибытія 40 баталіоновъ, слѣдующихъ изъ южной арміи—*что впрочемъ весьма сомнительно*—я не менѣе того буду гораздо слабѣе непріятеля, который стягиваетъ сюда огромныя силы"...

Очень скоро обнаружилось, что непріятель готовъ оправдать худшія ожиданія Горчакова и „дѣлаетъ все, что можетъ". Въ срединѣ мая флотъ союзниковъ предпринялъ очень удачную экспедицію въ Керченскій проливъ и Азовское море съ главною цѣлью уничтожить огромные склады провіанта, заготовленнаго зимою для

русской арміи. Цѣль эта была достигнута вполнѣ: запасы были сожжены частью непріятелемъ, частью нами самими при приближеніи непріятеля. Такъ было уничтожено въ Керчи 100 тыс. четвертей хлѣба, въ Геническѣ столько же, въ Бердянскѣ 40 тыс. и т. д. А въ концѣ того же мѣсяца французы овладѣли передовыми укрѣпленіями, защищавшими подступы къ Малахову кургану—въ томъ числѣ и командовавшимъ надъ этимъ послѣднимъ „зеленымъ бугромъ". „Положеніе мое начинаетъ дѣлаться отчаяннымъ", писалъ Горчаковъ Александру Николаевичу на другой день послѣ этого боя. „...Теперь я думаю объ одномъ только, какъ оставить Севастополь, не понеся непомѣрнаго, можетъ быть болѣе 20 тысячъ, урона. О корабляхъ и артиллеріи и помышлять нельзя, чтобы ихъ спасти. Ужасно подумать..." „Одно, въ чемъ не теряю я надежды, это то, что можетъ быть отстою полуостровъ. Богъ и Ваше Величество свидѣтели, что во всемъ этомъ не моя вина", въ отчаяніи и ужасѣ отъ всего, сообщеннаго имъ, прибавлялъ старый генералъ. Ободряя его въ своемъ отвѣтѣ, Александръ II уже мирился съ потерей крѣпости: „уповайте на Бога и не забывайте, что съ потерею Севастополя еще не все потеряно", писалъ онъ. Ошибка союзниковъ вновь оживила на короткое время побѣдоносное настроеніе въ Петербургѣ—и продлила агонію Севастополя. Новый французскій главнокомандующій, Пелисье, назначенный за свою энергію и рѣшительность на мѣсто малодѣятельнаго, по мнѣнію Наполеона III, Канробера, рѣшилъ поддержать свою репутацію и, ободренный успѣхомъ дѣла 25 мая (взятіе передовыхъ редутовъ), настоялъ на немедленномъ приступѣ. Молчаніе нашихъ батарей—объяснявшееся недостаткомъ пороха—еще болѣе увѣрило его и его англійскаго коллегу въ томъ, что крѣпости пришелъ конецъ. На разсвѣтѣ 6 іюня штурмовыя колонны союзниковъ двинулись на укрѣпленія Корабельной стороны—французы на Малаховъ курганъ, англичане на III бастіонъ, отъ которыхъ ихъ траншеи находились еще въ 200-300 саженяхъ разстоянія. Пройти это разстояніе подъ огнемъ русскихъ орудій, вовсе не сбитыхъ, какъ полагали союзники, оказалось невозможнымъ. Штурмъ былъ блестяще отбитъ. „Объ оставленіи Севастополя, надѣюсь, съ Божьей помощью, что рѣчи не будетъ больше", писалъ Александръ II Горчакову, получивъ донесеніе о 6 іюня. Самъ Горчаковъ прекрасно понималъ, что паденіе крѣпости—дѣло, только отложенное, но отнюдь не переставшее быть возможнымъ и даже очень вѣроятнымъ. Но теперь ему гораздо труднѣе было увѣрить въ этомъ своего государя. Между тѣмъ союзники вели работы съ неустанной энергіей, нисколько не обезкураженные временной неудачей. Въ концѣ іюня ихъ головныя траншеи были уже въ 110 саженяхъ отъ Корниловскаго бастіона, а въ началѣ августа всего въ 50. Отчаянныя донесенія главнокомандующаго о потеряхъ, которыя гарнизонъ терпитъ отъ непріятельскаго огня (онѣ доходили въ іюлѣ до 250 человѣкъ въ день, а въ началѣ августа уже до 500—700 человѣкъ) имѣли только одинъ резуль-

татъ: изъ Петербурга пришелъ приказъ еще разъ попытаться ударомъ извнѣ заставить непріятеля снять осаду. „Ежедневныя потери севастопольскаго гарнизона“, писалъ Александръ II, „приводятъ меня еще болѣе къ убѣжденію, выраженному въ послѣднемъ моемъ письмѣ, въ необходимости предпринять что-либо рѣшительное, дабы положить конецъ сей ужасной бойнѣ“. Горчаковъ прекрасно понималъ всю нелѣпость „рѣшительныхъ“ дѣйствій теперь, когда у союзниковъ было подъ Севастополемъ до 150 тыс. войска. „Было бы просто сумасшествіемъ начать наступленіе противъ превосходнаго въ числѣ непріятеля, главныя силы котораго занимаютъ, кромѣ того, недоступныя позиціи“, писалъ онъ военному министру. Но ослушаться онъ не смѣлъ, тѣмъ болѣе, что присланный изъ Петербурга генералъ, баронъ Вревскій, комментировалъ петербургскія инструкціи еще энергичнѣе, чѣмъ онѣ были задуманы. Собранный главнокомандующимъ военный совѣтъ высказался также за наступленіе большинствомъ голосовъ, (хотя наиболѣе освѣдомленные и толковые его члены, комендантъ Севастополя Сакенъ и ген. Хрулевъ, стояли за полное или частичное очищеніе крѣпости). Горчаковъ принялся за выполненіе „сумасшедшаго“ предпріятія съ полнымъ сознаніемъ того, что онъ дѣлаетъ. „Нельзя заблуждаться пустыми надеждами: я иду навстрѣчу непріятелю при самыхъ плохихъ обстоятельствахъ“, писалъ онъ военному министру. „Ежели — на что я впрочемъ мало надѣюсь—мнѣ послужитъ счастье, я постараюсь воспользоваться успѣхомъ... Если дѣла примутъ другой оборотъ, я нисколько не виноватъ въ томъ“... Рѣшено было атаковать „обсерваціонный“ корпусъ союзниковъ, состоявшій теперь изъ французовъ и сардинцевъ и считавшій (съ турецкимъ резервомъ) до 40 тыс. человѣкъ при 120 орудіяхъ. Горчаковъ могъ собрать противъ нихъ до 47 тыс. пѣхоты и 10 тыс. конницы съ 272 орудіями. Но непріятельскія позиціи были отлично укрѣплены, а наши распоряженія отличались такою же противорѣчивостью и спутанностью, какъ и 24 октября. Войска опять не смогли соединиться во-время, атака велась разрозненно — и дѣло 4-го августа (на рѣкѣ Черной) кончилось, какъ и предвидѣлъ Горчаковъ, полной неудачей, оставивъ памятникомъ по себѣ извѣстную пѣсню: „какъ четвертаго числа насъ нелегкая несла“... Послѣ этого главнокомандующій твердо сталъ на своемъ рѣшеніи — оставить городъ, и, къ великому негодованію черноморскихъ моряковъ (не хотѣвшихъ объ этомъ и слышать), сталъ строить мостъ черезъ Большую бухту для отступленія гарнизона. Ободренія Александра II, увѣрявшаго, что дѣло 4 августа ни въ чемъ не измѣнило общаго положенія, и что новый штурмъ будетъ отбитъ, конечно, столь же успѣшно, какъ и 6 іюня, уже не производили впечатлѣнія. Впрочемъ, и императоръ уже не настаивалъ—предоставляя послѣднее слово главнокомандующему. „Мостъ на бухтѣ будетъ готовъ черезъ два или три дня“, писалъ Горчаковъ военному министру, „и я предполагаю оставить южную сторону Севастополя 18-го либо 20-го числа этого

мѣсяца". „Здѣсь нѣтъ ни одного человѣка, который не считалъ бы безуміемъ дальнѣйшей обороны", прибавлялъ онъ. Въ самую послѣднюю минуту однако имъ опять овладѣли колебанія: мостъ былъ готовъ, но городъ не былъ очищенъ ни 18-го, ни 20-го. На этотъ разъ конецъ колебаніямъ положилъ непріятель. 27-го августа дивизія Макъ-Магона взяла штурмомъ Малаховъ курганъ. На прочихъ пунктахъ штурмъ опять былъ отбитъ — но теперь держаться на Корабельной сторонѣ было невозможно, а гарнизонъ Городской стороны съ часу на часъ могъ быть отрѣзанъ. Отступленіе было рѣшено окончательно. Въ ночь съ 27-го на 28-е войска были выведены изъ города, укрѣпленія взорваны, уцѣлѣвшіе корабли потоплены (ихъ оставалось уже очень немного, главнымъ образомъ, пароходовъ— парусники почти всѣ были затоплены въ нѣсколько пріемовъ ранѣе, чтобы загородить входъ въ бухту). Союзники вошли въ городъ только 30-го, но не остались въ немъ—такъ какъ среди этихъ „окровавленныхъ развалинъ", какъ правильно назвалъ останки Севастополя кн. Горчаковъ въ своемъ донесеніи, — жить было нельзя. Обѣ стороны расположились въ своихъ лагеряхъ.

5.

Итоги.

Паденіе Севастополя лишало смысла дальнѣйшее продолженіе Крымской кампаніи, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, какъ для насъ, такъ и для союзниковъ. Единственная задача русской арміи въ Крыму состояла въ томъ, чтобы освободить отъ осады Севастополь и спасти этимъ остатки черноморскаго флота. Теперь на стѣнахъ крѣпости развивалось непріятельское знамя, и флотъ былъ на днѣ бухты. Итти дальше вглубь полуострова союзники не имѣли ни малѣйшихъ основаній — это была бы операція, безусловно не окупающая издержекъ. Совершенно естественно, что военныя дѣйствія въ Крыму на осень и зиму 1855—56 гг. прекратились безъ всякаго формальнаго перемирія. Объ отсутствіи этой формальности нашимъ передовымъ отрядамъ напоминали изрѣдка набѣги непріятельской кавалеріи: но они не имѣли никакихъ стратегическихъ послѣдствій. Главная масса союзниковъ продолжала оставаться въ окрестностяхъ Севастополя. Такъ какъ остатокъ черноморскаго флота сохранился еще въ Николаевѣ—тамъ были 2 линейныхъ корабля, доки и склады— то непріятель сдѣлалъ попытку (въ октябрѣ) закончить дѣло разрушенія, завладѣвъ этимъ послѣднимъ убѣжищемъ морскихъ силъ Россіи на Черномъ морѣ. Подъ Николаевомъ готовились къ повторенію севастопольской обороны. Укрѣпленіе города было поручено выздоровѣвшему отъ севастопольской раны Тотлебену. Но приготовленія оказались напрасными. Союзный флотъ ограничился разрушеніемъ крѣпости Кинбурна (при входѣ въ Днѣпровско-Бугскій лиманъ): здѣсь между прочимъ впервые на войнѣ были употреблены панцырныя суда. Только это военно-техническое

нововведеніе и даетъ нѣкоторое историческое значеніе этой маленькой экспедиціи. Не трудно было видѣть, что осада Николаева, расположеннаго не на берегу моря, а въ глубинѣ страны, потребовала бы еще большаго напряженія сухопутныхъ силъ коалиціи, чѣмъ севастопольская. Но въ это время Наполеонъ III уже находилъ, что и Крымская кампанія обошлась дороже, чѣмъ стоилъ Севастополь. Повторять опытъ у него не было никакой охоты. А кромѣ французовъ, коалиція пока не имѣла сухопутныхъ войскъ, способныхъ бороться съ русской арміей.

Это нежеланіе французскаго правительства продолжать сухопутную кампанію на югѣ Россіи пріобрѣтало тѣмъ большее значеніе, что 1855 годъ доказалъ невозможность причинить Россіи какой-либо дальнѣйшій вредъ на морѣ. Крѣпости Балтійскаго моря были со стороны воды не менѣе неприступны, чѣмъ Севастополь. Попытка союзнаго флота (въ іюлѣ 1855 г.) разрушить Свеаборгъ бомбардировкой съ моря не дала никакихъ серьезныхъ результатовъ. Не защищенныя броней суда (припомнимъ, что первыя панцырныя „плавучія батареи“ появились у союзниковъ лишь въ октябрѣ) не могли приблизиться къ укрѣпленіямъ на такое разстояніе, при которомъ огонь ихъ артиллеріи могъ бы быть дѣйствительнымъ. Въ то же время союзники стали замѣчать нѣкоторые опасные симптомы со стороны русскаго флота: паровыя винтовыя суда, строившіяся въ 1854 году, теперь появились на водѣ. Становилось все болѣе очевидно, что для рѣшительнаго удара необходимо измѣнить весь планъ кампаніи,—или вовсе отказаться отъ нанесенія такого удара: удовольствоваться очевиднымъ моральнымъ пораженіемъ Россіи и не добиваться окончательнаго разгрома ея матеріальныхъ силъ. Наполеонъ снова выступилъ со своимъ старымъ проектомъ — перенести театръ войны въ Польшу. Французская дипломатія не скрывала, что въ возстановленіи Польши—въ воскресеніи главнаго дѣла первой имперіи на восточной окраинѣ Европы—она видитъ основной интересъ войны для Франціи. Но возстановленіе имперіи Наполеона I, хотя бы отчасти, настолько противорѣчило интересамъ ея союзницы, что англійское правительство, въ лицѣ Пальмерстона, отвѣчало категорическимъ отказомъ на всѣ подобныя предложенія. Тогда Франція рѣшила выйти изъ игры. Начиная съ октября мѣсяца, представитель Франціи въ Берлинѣ началъ черезъ посредство прусскаго правительства нащупывать почву для соглашенія съ новымъ русскимъ императоромъ. Дальнѣйшее въ значительной степени было вопросомъ самолюбія: ни французское, ни русское правительство не желали сдѣлать первыми офиціальныхъ шаговъ. Франція находила, что Россія должна заговорить первой, какъ побѣжденная; русскіе дипломаты находили, что именно вслѣдствіе этого для Россіи унизительно просить мира. *) Обстоятельства од-

*) Упрямство русскаго правительства въ этомъ случаѣ въ значительной степени, если не исключительно, объясняется запоздалыми успѣхами русскаго оружія въ Азіи: послѣ цѣлаго ряда „побѣдъ“, не имѣвшихъ никакихъ дальнѣйшихъ послѣдствій, новому кавказскому намѣстнику Муравьеву

нако очень скоро сложились такъ, что русскому самолюбію пришлось уступить.

Какъ и въ вопросѣ объ очищеніи дунайскихъ княжествъ, мечъ на вѣсы бросила Австрія. Положеніе „вооруженнаго нейтралитета“, заставлявшее ее держать подъ ружьемъ двухсоттысячную армію, было давно совершенно невыносимо для ея, далеко не оправившихся отъ 48 года, финансовъ. Ея министръ финансовъ, Брукъ, постоянно твердилъ о банкротствѣ. Война была единственнымъ выходомъ—въ случаѣ ея успѣха контрибуція и территоріальныя пріобрѣтенія съ лихвой могли покрыть издержки. Но всѣ усилія Австріи добиться для *наступательной* войны противъ Россіи тѣхъ же гарантій, какими она располагала уже для *оборонительной*—обязательной поддержки Пруссіи и Германскаго союза—остались тщетными: какъ Англія отнюдь не желала видѣть возстановленія первой имперіи, такъ Германія вовсе не желала видѣть возстановленіе имперіи Меттерниха. При такихъ условіяхъ графу Буолю не оставалось ничего другого, какъ добиваться ликвидаціи войны вообще—и вмѣстѣ съ тѣмъ возможности для Австріи перейти на мирное положеніе. Уже съ марта 1855 года въ Вѣнѣ засѣдала конференція, имѣвшая цѣлью выработать условія мира между Россіей, съ одной стороны, западными державами и Турціей, съ другой. Условія эти приняли мало-по-малу конкретную форму, въ образѣ знаменитыхъ „4 пунктовъ“. Первыми двумя изъ нихъ уничтожался русскій протекторатъ надъ дунайскими княжествами и устанавливалась свобода плаванія по Дунаю: тѣмъ и другимъ Австрія получала, минимальное правда, вознагражденіе за свои хлопоты и издержки. Четвертый пунктъ замѣнялъ исключительное покровительство православнымъ на Востокѣ со стороны Россіи—котораго добивался Николай I—покровительствомъ *всѣхъ* европейскихъ державъ *всѣмъ* христіанамъ Турціи. Это былъ тяжелый ударъ для русскаго самолюбія—но къ нему уже давно приготовились. *) Камнемъ преткновенія былъ *третій* пунктъ, звучавшій по формѣ весьма невинно: онъ касался пересмотра трактатовъ 1841 года,—закрывшихъ Дарданеллы для военныхъ судовъ всѣхъ націй. Для русскаго правительства не долго могло быть тайной, что подъ видомъ пересмотра трактатовъ, „морскія державы“ рѣшили добиваться распространенія нейтрализаціи Дарданеллъ и на Черное море, т. е. запрещенія русскому правительству держать на этомъ морѣ военныя суда. Пока была хотя малѣйшая надежда на спасеніе черноморскаго флота, пунктъ этотъ категорически отвергался нашими дипломатами. Паденіе Севастополя, сведшее наши морскія силы на югѣ къ двумъ кораблямъ въ Николаевѣ, заставило поколебаться: переговоры, прерванные въ іюнѣ, были вновь начаты—на этотъ разъ

удалось взять въ ноябрѣ 1855 года Карсъ со всею запершейся въ немъ турецкою арміей.

*) Первый набросокъ этихъ „пунктовъ“ относится еще къ осени 1854 года. Уже тогда имп. Николай готовъ былъ договариваться на основѣ 1, 2 и 4-го—категорически отклоняя только 3-й.

частнымъ путемъ съ одной Франціей. Но паденіе Карса (16 ноября 1855 г.) вновь подняло настроеніе Александра II, давно дожидавшагося этого успѣха, какъ реванша—хотя, нужно сознаться, и чрезвычайно слабаго—за Севастополь. *) „Надѣюсь на милость Божію, что паденіе сей гордыни Малой Азіи будетъ имѣть благодѣтельное вліяніе на ходъ политическихъ дѣлъ, какъ на Востокѣ, такъ и на Западѣ", писалъ императоръ Муравьеву въ отвѣтъ на его донесеніе о взятіи крѣпости. Признаніе 4-го пункта было взято назадъ,—подъ предлогомъ его „неопредѣленности"; было заявлено, кромѣ того, что Россія никогда не согласится на условія, „унизительныя для ея достоинства". Вновь возникъ вопросъ о продолженіи войны, которая казалась уже конченной. „Морскія державы" требовали отъ Австріи исполненія ея обязанностей, какъ союзницы **), и открытаго присоединенія къ коалиціи.

Положеніе Буоля было необычайно трудное. Разрывъ съ Россіей—при необезпеченности поддержки со стороны Германіи—грозилъ тяжелой и далеко небезопасной войной. Русскій штабъ уже выработалъ планъ похода прямо на Вѣну; номинально, русскія силы, собранныя на границахъ Австріи, были огромны—и только опытъ могъ рѣшить, насколько реальны эти грозныя цифры. А въ случаѣ неудачи—или даже неполной удачи и затяжки военныхъ дѣйствій—Брукъ навѣрняка предсказывалъ банкротство. Но еще опаснѣе былъ разрывъ съ Франціей. Колебанія Австріи давно уже вынудили Наполеона III къ шагу, имѣвшему гораздо болѣе политическое, чѣмъ военное значеніе: въ коалицію былъ введенъ Пьемонтъ *), маленькій, но чрезвычайно настойчивый антагонистъ Австріи на Апеннинскомъ полуостровѣ. Объединеніе Италіи подъ французскимъ вліяніемъ было уже въ это время настолько же важной задачей въ глазахъ императора французовъ, какъ и возстановленіе Польши. Пьемонту было обѣщано участіе на равныхъ правахъ при заключеніи мира—честь, которая отнюдь не объяснялась и не уравновѣшивалась тѣми жалкими 15 тысячами человѣкъ, которыхъ король Викторъ-Эммануилъ могъ послать въ Крымъ. Россія могла схватить за горло—Франція, опираясь на возставшую противъ австрійскаго ига Италію, могла каждую минуту сѣсть на спину: Буолю приходилось рѣшать, что опаснѣе. Онъ долго оставался въ нерѣшительности. Наконецъ, выборъ былъ сдѣланъ: 16 декабря 1855 года австрійское правительство предъявило представителю Александра II ультиматумъ—съ требованіемъ немедленно приступить къ мирнымъ переговорамъ на основѣ „четырехъ пуктовъ"; въ противномъ случаѣ, Австрія присоединялась къ коалиціи

*) Еще въ іюнѣ военный министръ писалъ Муравьеву о желаніи государя, „чтобы наступательныя дѣйствія были направлены къ скорѣйшему достиженію рѣшительныхъ успѣховъ, необходимость въ коихъ съ каждымъ днемъ увеличивается при настоящемъ оборотѣ дѣлъ въ Крыму".

**) Формально Австрія была союзницей „морскихъ державъ" уже съ декабря 1854 г.

*) У насъ, по старой памяти, носившій названіе Сардиній—откуда и пьемонтскія войска въ Крыму назывались „сардинцами".

и начинала военныя дѣйствія противъ Россіи.

3 января 1856 года Александръ Николаевичъ собралъ особое совѣщаніе подъ своимъ предсѣдательствомъ для обсужденія австрійскаго ультиматума. Здѣсь были: великій князь Константинъ Николаевичъ (генералъ-адмиралъ русскаго флота), бывшій намѣстникъ Кавказа Воронцовъ, ѣздившій въ 1854 г. съ чрезвычайнымъ порученіемъ въ Вѣну гр. Орловъ, бывшій посланникъ въ Вѣнѣ Мейендорфъ, Киселевъ, Блудовъ, военный министръ кн. Долгоруковъ и канцлеръ Нессельроде. Докладъ дѣлалъ послѣдній. Нессельроде, подобно многимъ николаевскимъ министрамъ и генераламъ былъ совершенно терроризованъ и сбитъ съ толку тѣмъ неожиданнымъ и страннымъ для этого рода людей оборотомъ, какой приняла Восточная война. Отъ необыкновенной заносчивости и высокомѣрія они перешли къ трусости, не имѣвшей границъ. Ведшій переговоры въ Вѣнѣ кн. А. М. Горчаковъ *) предлагалъ выходъ, если не болѣе выгодный—отъ наступившаго оборота дѣлъ выгоды Россіи и не приходилось ожидать—то, во всякомъ случаѣ, нѣсколько болѣе почетный для Россіи: игнорируя ультиматумъ Австріи, обратиться непосредственно къ Наполеону III и, такъ сказать, сдаться ему. Миръ съ Франціей самъ собою означалъ миръ и съ Австріей—которая одна, конечно, не рѣшилась бы начать войну, ей самой въ сущности не нужную и не желательную. Но Нессельроде былъ такъ напуганъ своими собственными прежними ошибками, что опасался проявить какую бы то ни было активность—и предпочелъ подчиниться требованію Буоля безъ всякихъ ограниченій. Подъ его вліяніемъ вопросъ на совѣщаніи былъ поставленъ такъ: или воевать, или принять австрійскій ультиматумъ. За войну, повидимому, былъ самъ Александръ Николаевичъ,—на совѣщаніи не высказывавшійся, чтобы не стѣснить слишкомъ явно своихъ министровъ,—но, какъ тѣмъ было хорошо извѣстно, любившій вспоминать, подобно своему отцу, о 1812 годѣ. *) Изъ членовъ совѣщанія въ этомъ смыслѣ говорилъ одинъ Блудовъ — и то нерѣшительно. „Если мы не умѣемъ воевать—заключимъ миръ!“ закончилъ онъ свою рѣчь. Всѣ прочіе наперерывъ приводили аргументы, доказывавшіе, какъ гибельно и безсмысленно было бы продолженіе войны. Наиболѣе рѣшительными изъ аргументовъ были, безъ сомнѣнія, военно-финансовые. Дошедшій до насъ разсказъ о совѣщаніи **) коротко говоритъ, что рѣчь военнаго министра „была переполнена подробностями,

*) Будущій преемникъ Несельроде въ качествѣ руководителя внѣшней политикой Россіи; его, конечно, не слѣдуетъ смѣшивать съ кн. М. Д. Горчаковымъ, главнокомандующимъ въ Крыму, не разъ упоминавшимся раньше.

*) Вскорѣ послѣ паденія Севастополя онъ писалъ Горчакову: „не унывайте, а вспомните 1812 годъ и уповайте на Бога. Севастополь—не Москва, а Крымъ — не Россія. Два года послѣ пожара московскаго побѣдоносныя войска наши были въ Парижѣ. Мы тѣ же русскіе и съ нами Богъ!“ Въ ноябрѣ переговоры съ Франціей были прерваны по его личной иниціативѣ.

**) Въ извѣстной книгѣ бар. Жомини: „Etude diplomatique sur la guerre de Crimée“. II, p. 390 ssq.

имѣвшими въ виду доказать невозможность продолженія войны". Можно представить себѣ, въ чемъ заключались эти „подробности". Крымская кампанія достаточно обнаружила невозможность вести войну во второй половинѣ XIX столѣтія съ нашими старыми путями сообщенія. Въ то время, какъ Австрія располагала довольно развитою желѣзнодорожною сѣтью, позволявшею ей быстро концентрировать войска на любомъ избранномъ пунктѣ, наши войска и ихъ обозы двигались по грунтовымъ дорогамъ со скоростью 4 версты въ сутки *). Пироговъ на курьерскихъ ѣхалъ отъ Симферополя до Севастополя болѣе полутора сутокъ. Санитарное состояніе арміи было ужасное—и отъ болѣзней она теряла гораздо больше людей, чѣмъ на полѣ сраженія. За время севастопольской осады войска, находившіяся въ Крыму, потеряли ранеными и убитыми около 128 тыс. человѣкъ, а больными 183 тысячи. Ополченіе,—которымъ, по примѣру 1807 и 1812 гг., наполнялась дѣйствующая армія, прямо вымирало, не видавъ непріятеля: курское, орловское, калужское и тульское ополченія за пять мѣсяцевъ потеряли около 50% своего состава (изъ 40.730 человѣкъ осталось 21.347). Качественный составъ этого послѣдняго ресурса русской арміи коротко, но достаточно выпукло обрисованъ въ извѣстномъ письмѣ Грановскаго. „Былъ свидѣтелемъ выборовъ въ ополченіе", писалъ онъ Кавелину въ сентябрѣ 1855 года послѣ своей поѣздки на югъ: „Трудно себѣ представить что-нибудь болѣе отвратительное и печальное. Я не признавалъ большого патріотизма и благородства въ русскомъ дворянствѣ, но то, что я слышалъ въ Воронежѣ, далеко превзошло мои предположенія. Богатые или достаточные дворяне безъ зазрѣнія совѣсти откупались отъ выборовъ; кандидаты въ должность начальниковъ дружинъ еще до избранія проповѣдовали о необходимости предоставить начальникамъ ополченій обмундировку ратниковъ и не скрывали своихъ видовъ на поправленіе обстоятельствъ..." *)

Крестьяне шли безропотно, по словамъ Грановскаго; мы послѣ увидимъ, что объ отношеніи крестьянъ къ ополченію можно было бы сказать больше. Но какова могла быть эта вооруженная сила въ чисто военномъ смыслѣ съ такимъ офицерствомъ—не трудно себѣ представить. Главнокомандующій южной арміей, Лидерсъ, вынужденъ былъ отдать особый приказъ о томъ, чтобы солдаты полковъ, къ которымъ прикомандировывали ополченцевъ, не смѣялись надъ послѣдними, а „помогали бы имъ въ узнаніи службы". Очевидно, насчетъ помощи ополченцамъ со стороны ихъ собственныхъ начальниковъ въ этомъ отношеніи опытный генералъ не питалъ никакихъ иллюзій.

Еще рѣшительнѣе могли быть аргументы финансоваго свойства. За три года войны (1853,-4 и-5) доходы казны возросли съ 227 до 261 милліона, а расходы съ 336 до 544 милліоновъ руб. Дефицитъ соста-

*) Обозъ съ провіантомъ, высланный изъ Перекопа 17 декабря, прибылъ въ Симферополь 21 января, слѣдовательно, прошелъ 134 версты въ 34 дня". Богдановичъ. III, 196.

*) „Т. Н. Грановскій и его переписка". II, 454.

влялъ въ 1853 году 109 милліоновъ, въ 1854 147 мил., въ 1855 282 слишкомъ милліона рублей—т. е. превышалъ всю сумму ежегодныхъ государственныхъ доходовъ. Для сокрытія истиннаго положенія вещей отъ публики, начиная опять-таки съ государственнаго совѣта—въ росписи намѣренно былъ утаенъ расходъ на военныя издержки въ 133 мил. руб. На 1856 годъ ожидали дефицита въ 258 милліоновъ. *) Несмотря на усердную поддержку курса канкриновскаго рубля, въ октябрѣ 1855 года онъ стоилъ лишь 90 копеекъ, и только къ декабрю, подъ вліяніемъ надежды на миръ, поднялся до 92,5 коп. Но расшатанностью государственнаго хозяйства еще не измѣрялись финансовые итоги Крымской кампаніи: не говоря объ ополченіи, уводившемъ изъ деревень лучшихъ работниковъ, наполовину безвозвратно, на ближайшія къ театру войны части Россіи падалъ цѣлый рядъ натуральныхъ повинностей: подводная, постойная и т. под. „Еще годъ войны и вся южная Россія разорена", писалъ въ томъ же письмѣ Грановскій Кавелину: „надобно самому съѣздить да посмотрѣть, что тамъ дѣлается". Но доставалось не одной только южной Россіи: при отсутствіи желѣзно-дорожнаго сообщенія съ заграницей (Варшавско-Вѣнская дорога была уже построена—но она не была связана ни съ центральной Россіей, ни съ Петербургомъ) морской путь оставался почти единственнымъ для русскаго экспорта. Если уже въ началѣ вѣка эта морская торговля могла сыграть опредѣляющую роль въ нашей внѣшней политикѣ, то тѣмъ болѣе это имѣло мѣсто теперь, въ 50-хъ годахъ: въ 1802—4 гг. цѣнность нашего хлѣбнаго вывоза немногимъ превышала 8 милліоновъ рублей, въ 1847 году она дошла до 70.772.000 руб. Фактъ настолько бросался въ глаза—что дошелъ до сознанія даже русской дипломатіи: возможность многолѣтней блокады нашихъ береговъ союзнымъ флотомъ и коммерческія послѣдствія этого были однимъ изъ главныхъ аргументовъ противъ войны въ рѣчи Нессельроде.

Въ числѣ доводовъ этого послѣдняго одинъ заслуживаетъ особеннаго вниманія: его мы напрасно стали бы искать среди условій, опредѣлявшихъ политику Николая Павловича. Тѣмъ болѣе знаменательно было его появленіе. Глава русской дипломатіи указывалъ на то, что наше упрямство можетъ возстановить противъ Россіи нейтральныя державы—и „даже прусскій король можетъ не выдержать давленія, которое на него оказываютъ", тогда какъ, пойдя навстрѣчу требованіямъ противниковъ, мы „дали бы Европѣ новое доказательство нашего миролюбія, а нейтральнымъ державамъ новый поводъ не вмѣшиваться въ борьбу". Нессельроде, стало быть, признавалъ, что есть какая-то сила, которая можетъ понудить нейтральныя державы, и даже богобоязненнаго и лояльнаго Фридриха-Вильгельма IV присоединиться къ коалиціи: какъ на грозный примѣръ, онъ указывалъ на Швецію, по договору 9/21 ноября 1855 г. ставшую союзницей Англіи и Франціи. Этой силой было европейское обществен-

*) Всего Крымская кампанія стоила 796.770.000 руб. См. Бліохъ, цит. ст., II, 28.

ное мнѣніе, высказывавшееся съ замѣчательнымъ единодушіемъ, и не только въ странахъ, вступившихъ въ открытую борьбу съ Россіей. Пріятельница Гоголя, А. О. Смирнова, жившая во время войны въ Дрезденѣ, писала оттуда Погодину: „Не могу пересказать Вамъ, какъ грустно русскимъ въ нынѣшнюю минуту за границей. Въ гостиныхъ, на биржахъ, на гульбищахъ, на торжищахъ, въ отвратительныхъ кофейняхъ, въ лакейскихъ, лишь слышишь одно ругательство, зависть, ненависть къ Россіи. Не говорю уже о газетахъ. Здоровье мое не позволяетъ болѣе ихъ читать: всякій листокъ придаетъ пудъ желчи".

Свѣтская дама не могла придумать этому явленію иного объясненія, кромѣ „зависти" европейцевъ къ Россіи. Ея корреспондентъ былъ проницательнѣе. Мы уже знаемъ, что Погодинъ былъ своего рода лейбъ-публицистомъ Николая Павловича въ послѣдніе мѣсяцы его жизни. Выше были приведены отрывки изъ его обширной записки (вѣрнѣе, ряда записокъ) о русской внѣшней политикѣ, — гдѣ Погодинъ развивалъ грандіозный планъ дѣйствій противъ Турціи и ея западныхъ союзницъ, въ особенности „коварной" Австріи, при помощи всеславянскаго возстанія, съ участіемъ даже и Польши. Мотивируя этотъ планъ, Погодинъ даетъ оцѣнку прежней русской политикѣ, такъ не похожей на то, что предлагалъ онъ. Охарактеризовавъ охранительную роль Россіи на западѣ и сопоставивъ ее съ политикой европейскихъ государей по отношенію къ Россіи („вотъ чѣмъ ихъ — Австріи, Пруссіи и Германіи—государи отблагодарили своего отца и покровителя"...), онъ спрашиваетъ: „не оказала ли русская политика послѣдствій, болѣе благопріятныхъ со стороны народовъ"? И отвѣчаетъ: „народы возненавидѣли Россію... Народы видятъ въ Россіи главнѣйшее препятствіе къ ихъ развитію и преуспѣянію, злобствуютъ за ея вмѣшательство въ ихъ дѣла, замѣчая только непріятную для себя сторону, и съ радостью ухватились теперь за первый открывшійся случай сколько-нибудь поколебать ее. Вотъ почему со всѣхъ сторонъ Европы, изъ Испаніи и Италіи, Англіи, Франціи, Германіи и Венгріи, стекаются офицеры и солдаты не столько помогать Турціи, сколько вредить Россіи. Европейцы управляютъ движеніемъ войскъ турецкихъ, строятъ крѣпости, служатъ на корабляхъ, начальствуютъ пароходами, учреждаютъ фабрики для огнестрѣльныхъ орудій. Журналы и газеты истекаютъ желчью, книги устремляютъ на насъ тяжелую свою артиллерію, и вотъ составился легіонъ общаго мнѣнія противъ Россіи въ дополненіе къ враждебнымъ флотамъ и арміямъ". Вотъ „горчайшій плодъ русской политики за послѣднее пятидесятилѣтіе".

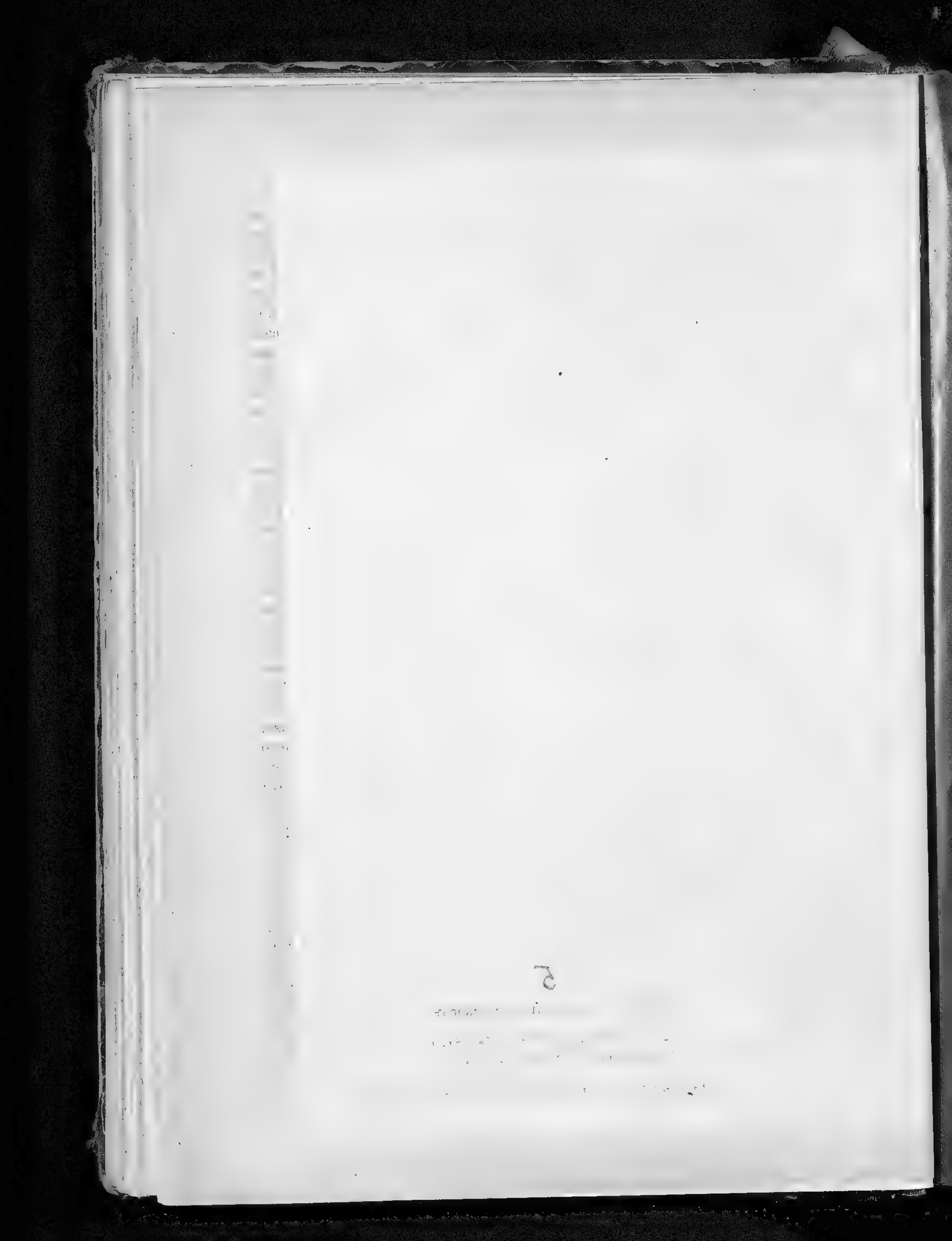
Коронованному читателю погодинскихъ „политическихъ писемъ" посчастливилось не дожить до того момента, когда пришлось капитулировать передъ „легіономъ общаго мнѣнія". Но тѣмъ болѣе растерянными и безпомощными были его министры передъ этимъ „легіономъ", — очутившись безъ своего вождя. Имъ казалось, что „духъ нашего времени"—вчера ненавистный и презрѣн-

5

[illegible]

[illegible]
[illegible]

[illegible]

ный, сегодня страшный—угрожаетъ имъ уже въ ихъ собственной цитадели. „На Волыни и въ Подоліи работаютъ эмиссары", говорилъ во время совѣщанія 3 января Киселевъ—бывшій „начальникъ штаба по крестьянской части" императора Николая: „недовольные тамъ обнаруживаютъ большую дѣятельность. Финляндія, при всемъ своемъ доброжелательствѣ, жаждетъ вернуться подъ власть Швеціи. Наконецъ, Польша настолько насъ ненавидитъ, что она поднимется вся, какъ только военныя операціи союзниковъ дадутъ ей къ тому возможность". Не участвовавшій въ совѣщаніи, но не менѣе вліятельный главнокомандующій крымской арміей, кн. Горчаковъ, шелъ въ своихъ мрачныхъ ожиданіяхъ гораздо дальше. „Если бы мы продолжали борьбу", писалъ онъ, „мы лишились бы Финляндіи, остзейскихъ губерній, Царства Польскаго, западныхъ губерній, Кавказа, Грузіи и ограничились бы тѣмъ, что нѣкогда называлось великимъ княжествомъ московскимъ. Наполеонъ кончилъ свое поприще потому, что хотѣлъ бороться со всею соединенною противъ него Европою. Нѣтъ державы, которая могла бы вести войну безъ союзниковъ противъ общаго на нее возстанія".

Паническій ужасъ тѣхъ, кто долженъ былъ бы быть главнымъ руководителемъ въ возобновленной борьбѣ двѣнадцатаго года, не давалъ выбора Александру II. Русскому представителю въ Вѣнѣ было послано приказаніе — подписать тѣ предварительныя условія мира, на которыхъ настаивала Австрія. Вмѣстѣ съ тѣмъ было заключено перемиріе и военныя дѣйствія прерваны (20 января — 1 февраля 1856 г.). 13/25 февраля открылось засѣданіе конференціи въ Парижѣ, а 18/30 марта былъ подписанъ Парижскій миръ, закончившій собою Восточную войну 1853—56 гг. Въ его основныхъ условіяхъ были детализированы уже знакомые намъ „четыре пункта". Россія потеряла право держать военный флотъ на Черномъ морѣ, отказалась отъ исключительнаго покровительства надъ православными на Востокѣ и отъ протектората надъ дунайскими княжествами. Ст. 24-ой этимъ послѣднимъ было обезпечено конституціонное устройство, уничтоженное при помощи русскихъ штыковъ въ 1848 году. Порта была признана „участвующею въ выгодахъ общаго права и союза державъ европейскихъ". Договаривающіяся стороны обязывались, каждая за себя, „уважать независимость и цѣлость имперіи Оттоманской" и заявляли, что онѣ „будутъ почитать всякое въ нарушеніе онаго дѣйствіе вопросомъ, касающимся общихъ правъ и пользы". Подъ такую же гарантію былъ взятъ и султанскій фирманъ, обезпечивавшій положеніе турецкихъ христіанъ, — изданный еще въ дни посольства Меншикова въ Константинополѣ.

Детализація 2-го пункта — о свободѣ плаванія по Дунаю—причинила русскому правительству послѣднее чувствительное огорченіе. Австрія никакъ не соглашалась признать, что эта свобода можетъ быть обезпечена, пока хоть верста дунайскаго берега принадлежитъ Россіи. Въ виду этого (ст. 20 — 21-й) трактатъ устанавливалъ „исправленіе" русской

границы въ этомъ пунктѣ, причемъ принадлежавшая Россіи часть устьевъ Дуная отходила къ княжеству Молдавскому. При всей ничтожности этой уступки, русскіе патріоты были весьма огорчены и встревожены,— въ виду историческихъ воспоминаній, связанныхъ съ этимъ клочкомъ земли. „Что за часть Бессарабіи уступается?" писалъ Погодинъ митрополиту Иннокентію при первыхъ слухахъ о мирѣ: „неужели съ Измаиломъ? А тѣнь Суворова?" Помимо обиды, причиненной тѣни Суворова, тутъ былъ, конечно, и моральный ударъ той офиціальной Россіи, которая, погнавшись за чужими территоріями, вынуждена была отдать часть своей. Наоборотъ, о присоединеніи къ Россіи областей, занятыхъ русскими войсками въ Азіатской Турціи — Карса и т. д., — не могло быть и рѣчи. Онѣ пошли въ обмѣнъ за Севастополь, Керчь, Кинбурнъ и другія русскія крѣпости, находившіяся въ рукахъ союзниковъ.

Можетъ быть, ни въ чемъ измѣнившееся соотношеніе силъ не сказывалось такъ рельефно, какъ въ поведеніи русской дипломатіи относительно „добраго друга" императора Николая—Наполеона III. Ни слѣда прежняго высокомѣрія нельзя было замѣтить. Вѣрные слуги Николая Павловича, гр. Орловъ и бар. Брунновъ, представлявшіе Россію на Парижской конференціи, всѣми силами старались показать, что Россія „научена опытомъ послѣднихъ лѣтъ" (едва ли не подлинная фраза перваго изъ названныхъ русскихъ дипломатовъ) и умѣетъ теперь цѣнить дружбу того, кого такъ пренебрежительно отвергъ покойный русскій императоръ. Подъ защиту Наполеона прибѣгали, когда нужно было обороняться отъ черезчуръ настойчивыхъ и безцеремонныхъ требованій Австріи и Англіи. Прежде такъ любившій вмѣшиваться во внутреннюю политику чужихъ державъ, русскій дворъ допустилъ теперь своего новаго покровителя до вмѣшательства во внутреннюю политику Россіи. Наполеонъ III очень желалъ возстановленія Польши. Мы видѣли, что онъ наткнулся при этомъ на сопротивленіе своихъ собственныхъ союзниковъ—и отъ экспедиціи французской арміи на берега Вислы пришлось отказаться. Но онъ хотѣлъ все же что-нибудь сдѣлать для поляковъ—и объ этомъ желаніи дошло до свѣдѣнія нашихъ дипломатическихъ круговъ. Предупреждая формальное выраженіе этого желанія, гр. Орловъ поспѣшилъ заявить французскому императору отъ имени Александра II, что о продолженіи николаевской политики относительно Польши не можетъ быть и рѣчи. Были, повидимому, опредѣленно обѣщаны административная автономія, прекращеніе всякихъ стѣсненій католической церкви и реформа образованія въ національномъ (польскомъ) духѣ. Въ обмѣнъ на эти обѣщанія русскій уполномоченный просилъ только объ одномъ —не поднимать разговора о Польшѣ офиціально на конференціи.

На Парижскомъ конгрессѣ николаевская политика, въ лицѣ своихъ главныхъ орудій, приносила международное покаяніе. Но система Николая была лишь проекціей русскаго режима на Западѣ. Николай спѣшилъ тушить пожаръ у сосѣда потому прежде всего, что боялся, какъ

бы не загорѣлась его изба. Разъ наша западная политика была признана ложной и вредной, и мы сами отъ нея отрекались, являлся вопросъ: что же дѣлать съ политикой внутренней? Въ слѣдующей главѣ мы увидимъ тѣ объективныя условія, которыя готовили крушеніе этой политики независимо отъ Севастополя. Но теперь, разсматривая, какъ повліялъ Севастополь на настроеніе нашихъ правящихъ круговъ, нельзя не обратиться опять къ лейбъ-публицисту императора Николая, русскому патріоту и православному христіанину, М. П. Погодину. Мы видѣли, какъ неумолимая логика жизни привела этого человѣка къ выводу, что борьба съ „духомъ времени" на Западѣ была сплошной ошибкой, давшей „горьчайшіе" плоды. Но та же логика заставляла, сдѣлавъ первый шагъ, сдѣлать и второй. Можно ли бороться съ „духомъ времени?" „Правительства насъ предали, народы возненавидѣли, а порядокъ, нами поддерживаемый, нарушенъ, нарушается и будетъ нарушаться", писалъ Погодинъ. „Слѣдовательно, политика наша была не только для насъ вредна, но и вообще безуспѣшна". Но отсюда выводъ былъ одинъ: если бороться съ „духомъ времени" нельзя, если онъ непреодолимъ, — то остается только, подчинившись ему добровольно и безъ не нужнаго упрямства, извлечь изъ него всю пользу, какую онъ можетъ принести русскому правительству. И вѣрноподданный историкъ николаевской Россіи идетъ по этому новому пути со смѣлостью, тѣмъ болѣе оригинальной, что она сочетается тутъ же съ мыслью объ административной карьерѣ—объ оберъ-прокурорствѣ синода и о министерскомъ портфелѣ, добытыхъ при помощи именно этой смѣлости. Практичный издатель „Москвитянина" чувствовалъ, что онъ говоритъ то, что *нужно* слышать правительству—и не могъ угадать только одного—*желаетъ ли* оно уже это слушать. „Нельзя жить въ Европѣ", писалъ онъ, „и не участвовать въ общемъ ея движеніи, не слѣдить за ея изобрѣтеніями, открытіями физическими, химическими, механическими, финансовыми, административными, житейскими. Если Австрія и Пруссія могутъ въ день примчать свои войска къ границамъ Польши, то нельзя намъ волочиться туда два мѣсяца. Если ихъ штуцера берутъ теперь на двѣ тысячи шаговъ, то нельзя довольствоваться намъ тульскими ружьями и надѣяться на одинъ штыкъ, который и не доходитъ теперь до своего мѣста назначенія. Если ихъ коническія пули уходятъ глубже въ тѣло и производятъ рану смертельную, то нельзя намъ стрѣлять прежнимъ горохомъ! Если винтъ сообщаетъ ихъ кораблямъ способность двигаться какъ угодно, то нельзя остаться намъ со старыми методами кораблестроенія,—а механика, химія, физика, астрономія позовутъ къ себѣ естественныя науки; естественныя науки приманятъ математику, высшая математика потребуетъ философіи и пр. Нельзя ограничить число людей образованныхъ извѣстными цифрами, ибо предѣлы этихъ офиціальныхъ цифръ наполняются, по извѣстному закону, посредственностями и пошлостями; а таланты-то всѣ останутся внѣ оныхъ..." „Настоящая война есть крестовый походъ

Россіи. Назначеніе ея въ европейской исторіи—возбудить Россію, державшую свои таланты подъ спудомъ, къ принятію дѣятельнаго участія въ общемъ ходѣ потомства Іафетова на пути къ совершенствованію, гражданскому и человѣческому, что непремѣнно должно случиться, какъ бы ни кончилась для нея эта война...“

Въ дальнѣйшихъ письмахъ Погодинъ пытается конкретно представить себѣ и своему читателю этотъ „путь“. Но здѣсь его голосъ сливается въ общемъ хорѣ противниковъ официальной Россіи,—по своему не менѣе благонамѣренныхъ, но на иной ладъ. Не даромъ „политическія письма“ сдѣлали на время другомъ Погодина даже К. Д. Кавелина — не даромъ, больше того, моментъ сдѣлалъ Кавелина минутами похожимъ на Погодина. Въ своей практической части, „политическія письма“ являются однимъ изъ наиболѣе яркихъ и интересныхъ—по своей полной оригинальности — проявленій той новой *буржуазной* идеологіи, которая шла на смѣну старой, дворянской, барско-крѣпостнической. А появленіе этой идеологіи было, въ свою очередь, отраженіемъ экономическаго переворота, пережитаго крѣпостной Россіей въ первой половинѣ вѣка *).

ГЛАВА II.

Крестьянская реформа.

(М. Н. Покровскаго).

1.

Новое общество.

„Нѣкогда въ Москвѣ пребывало богатое, не служащее боярство, вельможи, оставившіе дворъ, люди независимые, безпечные, страстные къ безвредному злорѣчію и къ дешевому хлѣбосольству. Нѣкогда Москва была сборнымъ мѣстомъ для всего русскаго дворянства, которое изо всѣхъ провинцій съѣзжалось въ нее на зиму... Нынѣ въ присмирѣвшей Москвѣ огромные боярскіе дома стоятъ печально между широкимъ дворомъ, заросшимъ травою, и садомъ, запущеннымъ и одичалымъ. Подъ вызолоченнымъ гербомъ торчитъ вывѣска портного, который платитъ хозяину тридцать рублей въ мѣсяцъ за квартиру, великолѣпный бель-этажъ нанятъ мадамой для пансіона — и то слава Богу! На всѣхъ воротахъ прибито объявленіе, что домъ продается и отдается въ наймы—и никто его не покупаетъ, и никто его не нанимаетъ“...

Такой представлялась Пушкину Москва уже въ 30-хъ годахъ XIX вѣка: за тридцать лѣтъ до дворянскаго „оскудѣнія“ шестидесятыхъ

*) См. слѣдующую гл. II. 1. Новое общество.

годовъ отъ дворянскаго общества уже отдавало запахомъ тлѣнья. Для Пушкина — „шестисотлѣтняго дворянина“ — это было прежде всего тлѣнье, прежде всего упадокъ. Но онъ былъ достаточно чутокъ и объективенъ, чтобы отмѣтить оборотную — для него — сторону медали. „Москва, утративши свой блескъ аристократическій, процвѣтаетъ въ другихъ отношеніяхъ: промышленность, сильно покровительствуемая, въ ней оживилась и развилась съ необыкновенной силой. Купечество богатѣетъ и начинаетъ селиться въ палатахъ, покидаемыхъ дворянствомъ“ *).

Новый соціальный слой, который долженъ былъ занять мѣсто, покидаемое дворянствомъ, для проницательнаго взгляда опредѣлился уже достаточно ясно за двадцать лѣтъ до Севастополя. Вмѣстѣ съ капитализмомъ **) буржуазія властно шла впередъ, безцеремонно ломая юридическія рамки, въ свое время придуманныя для своей охраны феодальнымъ режимомъ. Этотъ режимъ не признавалъ права собственности за крѣпостными: но современная Пушкину новорожденная русская буржуазія наполовину была крѣпостная, если не больше. „Село Иваново“, говоритъ историкъ русской фабрики, „представляло собою въ началѣ этого вѣка оригинальную картину. Самые богатые фабриканты, имѣвшіе болѣе 1.000 рабочихъ, юридически были такими же безправными людьми, какъ и послѣдніе голыши изъ ихъ рабочихъ“. Родоначальникъ династіи Морозовыхъ, Савва, былъ простымъ ткачомъ и крѣпостнымъ помѣщика Рюмина. Владѣлецъ одной изъ крупнѣйшихъ шелковыхъ фабрикъ Николаевскаго времени не только былъ крѣпостнымъ по рожденію, но и оставался имъ до самаго 19 февраля. Гакстгаузенъ указываетъ на такое же происхожденіе московскихъ Гучковыхъ, табачнаго фабриканта Жукова и др. *). Старый режимъ монополизировалъ владѣніе населенной землей въ рукахъ дворянства: но большая часть крѣпостныхъ буржуа были не только владѣльцами капиталовъ и промышленныхъ заведеній,—а и владѣльцами земли и людей. Одному изъ упомянутыхъ ивановскихъ фабрикантовъ, Гарелину, принадлежало сельцо Спасское со всѣмъ населеніемъ; у другого было даже нѣсколько деревень. Тотъ же Гакстгаузенъ приводитъ примѣры крѣпостныхъ капиталистовъ, накупившихъ себѣ по шести и семи сотъ душъ крестьянъ. Крѣпостную прислугу имѣли, конечно, всѣ они. Юридически всѣ эти крѣпостные люди были записаны за господами ихъ господъ: но оброчный мужикъ, дававшій барину двадцать тысячъ въ годъ, какъ ивановскіе фабриканты, былъ слишкомъ выгодной доходной статьей, чтобы не уважать его правъ, какъ ни были они экстравагантны съ крѣпостнической точки зрѣнія. И вотчинныя конторы безпрекословно регистрировали имущественныя сдѣлки крѣпостной буржуазіи, — дополняя этимъ штрихомъ ту картину государства въ государствѣ, какую пред-

*) „Мысли на дорогѣ“.

**) См. часть I, гл. IV. Экономическое развитіе Россіи въ первой полов. XIX в.

*) Туганъ-Барановскій. Русская фабрика въ прошломъ и настоящемъ.

ставляло собою помѣщичье имѣніе начала XIX вѣка.

Эта первобытная русская буржуазія, соотвѣтствовавшая западно-европейской буржуазіи эпохи первоначальнаго накопленія, оставила по себѣ мрачный слѣдъ въ русской художественной литературѣ. „Купеческія" комедіи Островскаго, чрезвычайно характерныя, какъ симптомъ, именно для этого времени, прочно наклеили на нее ярлыкъ „темнаго царства". Но оно не во всемъ было темнымъ. Раскрѣпощающая сила денегъ сказалась въ Россіи, какъ и вездѣ. Обрабатывающая промышленность не могла существовать безъ резервной арміи труда, — а эту армію нельзя было сформировать, не создавъ юридически свободнаго работника. Объективную сторону исторіи раскрѣпощенія русскаго фабричнаго рабочаго въ 40-хъ годахъ читатели уже видѣли во главѣ, посвященной экономическому развитію Россіи въ первой половинѣ XIX вѣка. Для насъ важно подчеркнуть, что это раскрѣпощеніе не было создано одной механической силой хозяйственныхъ условій—но что предприниматели къ нему сознательно стремились. Прошеніе купцовъ Хлѣбниковыхъ *) является типичнымъ для цѣлаго рода подобныхъ документовъ. „Какъ съ духомъ времени измѣнилось фабричное производство", писали Хлѣбниковы министру финансовъ, „введенъ механизмъ, замѣняющій ручныя работы..., то и производство на фабрикахъ работъ поссессіонными (крѣпостными) людьми не только неудобно, но и наноситъ постоянно важные убытки, да и самые при нихъ поссессіонные люди сдѣлались уже излишними и обременительными для владѣльца"...

Но отпущенные на свободу поссессіонные люди составляли слишкомъ ничтожную количественно группу, чтобы на нее одну могло опираться дальнѣйшее развитіе промышленности. Уже въ 1825 году болѣе половины рабочихъ на купеческихъ фабрикахъ (54%) составляли „вольнонаемные". Эти „вольнонаемные" въ подавляющемъ большинствѣ были тоже крѣпостные люди, но крѣпостные не фабриканта, а помѣщичьи, — или отданные въ работу на фабрику ихъ владѣльцами, или отпущенные по оброку и нанявшіеся на фабрику сами. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ фабрикантъ оказывался въ зависимости отъ землевладѣльца — и очень тягостно чувствовалъ эту зависимость. Нельзя было установить никакого ограниченія правъ помѣщика надъ этой категоріей его „подданныхъ", не касаясь крѣпостного права—между тѣмъ помѣщики, руководясь интересами собственнаго хозяйства, снимали иногда съ фабрики своихъ людей какъ разъ въ ту минуту, когда они были болѣе всего нужны фабриканту. Уже въ 1829 г. московскіе и владимірскіе мануфактуристы подавали на этотъ счетъ жалобу министру финансовъ; мануфактурный совѣтъ вполнѣ подтвердилъ справедливость жалобы. Правительство пыталось помочь бѣдѣ палліативами: запрещеніемъ, напримѣръ, помѣщикамъ снимать своихъ людей съ фабрики до истеченія срока найма. Но оно не могло заставить помѣщика отдавать въ наймы, или отпускать на оброкъ сво-

*) Приводимое г. Туганъ-Барановскимъ. Оно относится къ 1844 году.

ихъ крѣпостныхъ, когда это нужно фабриканту—ни брать ихъ обратно, какъ только они становились фабриканту не нужны. Отношенія попрежнему оставались неподвижными — свободная фабрика не мыслима была въ крѣпостной деревнѣ. Нужно было сдѣлать шагъ дальше. Раскрѣпощенной фабрикѣ должна была соотвѣтствовать раскрѣпощенная деревня.

Здѣсь, казалось бы, буржуазія должна была встрѣтить ожесточенное сопротивленіе со стороны того именно общественнаго класса, который она была призвана замѣстить на соціальной лѣстницѣ. Подъ давленіемъ интересовъ ничтожнаго меньшинства тогдашняго общества,—ибо промышленная буржуазія все - таки была лишь небольшимъ островкомъ среди дворянскаго моря—юридическое раскрѣпощеніе деревни прошло однако почти безъ труда. Намъ, свидѣтелямъ того отчаяннаго сопротивленія, какимъ встрѣтило русское дворянство попытку окончательной ликвидаціи крѣпостного строя, — больше, чѣмъ предыдущимъ поколѣніямъ, 19 февраля должно представляться своего рода соціологическимъ чудомъ. Всѣ козни и ковы крѣпостниковъ передъ крестьянской реформой кажутся дѣтской шуткой сравнительно съ дѣяніями черной сотни нашихъ дней. Если теперь, переживъ еще полвѣка разложенія, дворянство оказалось настолько жизнеспособнымъ—то какую силу сопротивленія могло бы оно развить въ 50-хъ годахъ?

Историческая загадка допускаетъ лишь два объясненія. Одно изъ нихъ,—въ него слѣпо вѣрили современники и его до сихъ продолжаетъ повторять либерально - идеалистическая исторіографія—заключается въ томъ, что дѣло было рѣшено вмѣшательствомъ своего рода deus ex machina, *внѣклассовой* государственной власти, которая, во имя чисто политическихъ интересовъ, нашла нужнымъ положить конецъ крѣпостному праву. Въ литературномъ отношеніи эта гипотеза, несомнѣнно, обладаетъ большою стройностью и законченностью — и, вѣроятно, она еще долго будетъ примѣняться при всякихъ педагогическихъ обработкахъ русской исторіи. Но объяснять какое-нибудь событіе вмѣшательствомъ deus ex machina для научной исторіи значитъ выдавать себѣ свидѣтельство о бѣдности. 19 февраля какъ „государственная“ реформа, совершенная по почину сверху руками бюрократіи — именно и остается чудомъ: объясненіе такого рода равносильно отсутствію всякаго объясненія. Починъ сверху былъ и при Екатеринѣ II, — бюрократія и тогда была, а крестьянской реформы, какъ извѣстно, не было. Въ еще большей мѣрѣ и то, и другое было при Николаѣ I—и всѣмъ извѣстно однако же, какимъ жалкимъ выкидышемъ кончился столь рѣшательно имъ объявленный „процессъ противъ рабства“. Очевидно, что ключь къ замку слѣдуетъ искать гдѣ-то въ другомъ мѣстѣ. Въ новѣйшее время такъ называемая „матеріалистическая“ исторіографія выдвинула объясненіе, которое пока имѣетъ значеніе лишь предварительной развѣдки, но которое имѣетъ всѣ шансы стать со временемъ вполнѣ научной гипотезой. Объясненіе это заключается въ томъ, что въ 50-хъ годахъ освобожденіе кре-

стьянъ отвѣчало правильно понятымъ интересамъ самихъ владѣльцевъ крѣпостного труда. Чувство самосохраненія дворянства, какъ класса, требовало крестьянской реформы: только эта реформа гарантировала сохраненіе его соціальнаго преобладанія еще на одно или два поколѣнія. Наоборотъ, отсрочка этой реформы грозила экономической и соціальной катастрофой, которая могла ликвидировать феодальный строй сразу.

Читателю уже извѣстна сущность той перемѣны, которую пережило помѣщичье хозяйство на протяженіи второй четверти XIX вѣка. Ее, эту перемѣну, можно кратко охарактеризовать словами историка прусскаго крѣпостного права: der Ritter wird Landwirth — „баринъ" сталъ „сельскимъ хозяиномъ". Около этого превращенія феодала въ предпринимателя вертится, можно безъ преувеличенія сказать, вся экономическая исторія Россіи за тѣ сорокъ лѣтъ, которые прошли между гибелью декабристовъ, съ одной стороны, и выстрѣломъ Каракозова, съ другой. И не одна экономическая исторія: введеніе въ Россіи начатковъ упорядоченнаго буржуазнаго общежитія,— будетъ ли то судъ присяжныхъ, нѣкоторые проблески свободы печати, или безсословное мѣстное самоуправленіе—не понятно и не объяснимо безъ этой прививки буржуазнаго духа къ засыхавшему стволу русскаго феодализма. Потому что и въ новыхъ судахъ, и въ земствѣ, и въ тѣхъ учрежденіяхъ, который вѣдали русскую печать и отъ которыхъ зависѣла ея „свобода", мы видимъ все тѣхъ же дворянъ. Интересы новорожденной буржуазіи могли оказывать извѣстное давленіе на государственную машину—но рычагъ этой машины крѣпко держали въ рукахъ старые люди. И не захоти они повернуть рычагъ такъ, какъ нужно было буржуазіи,—давленіе послѣдней, можетъ быть, въ концѣ концовъ сломало бы машину, но не заставило бы ее работать по новому. Если стоявшій на посту государственнаго машиниста дворянинъ оказался такъ чутокъ къ требованіямъ буржуазіи, то это потому, что онъ самъ былъ уже до нѣкоторой степени буржуа.

Но переходъ помѣщичьяго хозяйства къ буржуазному типу совершился далеко не сразу. Основа буржуазнаго хозяйства — юридически свободный работникъ — именно въ земледѣліи прививается всего туже. Здѣсь слишкомъ сильны старыя, „рыцарскія" привычки, съ одной стороны; здѣсь слишкомъ остра иногда бываетъ нужда въ рабочихъ рукахъ, съ другой. Въ мелкихъ произведеніяхъ Кавелина сохранилась чрезвычайно яркая и выразительная картина „рабочаго вопроса" наканунѣ паденія крѣпостного права, какъ разъ въ томъ краю, откуда массами шла на рынокъ пшеница,—гдѣ, стало быть, были наиболѣе благопріятныя условія для развитія аграрнаго капитализма *). Въ Самарской губерніи, которую описываетъ Кавелинъ, борьба за рабочія руки доходила до того, что сосѣди-конкуренты даже дрались между собою въ самомъ буквальномъ смыслѣ и захватывали другъ друга въ плѣнъ**)! Цѣна на рабочія руки прыгала не меньше цѣны азартныхъ бумагъ на

*) „Письма изъ деревни", 1860 года.
**) Соч. Кавелина. II, 667.

биржѣ, колеблясь между 6 и 15 руб. за (сороковую) десятину. При этомъ „святость контракта, вѣрность данному слову не существуетъ даже по имени. Когда поспѣваетъ пшеница, все думаетъ только о томъ, чтобы зашибить копейку жнивьемъ". Въ Самарской губерніи помѣщику приходилось это терпѣть, потому что крѣпостныхъ рабочихъ рукъ въ горячую пору не хватало. Но тамъ, гдѣ крѣпостное населеніе было достаточно густо, естественно было попробовать — использовать старое, феодальное „внѣ-экономическое принужденіе" для новыхъ, буржуазныхъ цѣлей. Такъ выросъ на русской почвѣ—какъ раньше на почвѣ остъэльбской Германіи—ублюдокъ: имѣніе - предпріятіе на крѣпостномъ трудѣ, имѣніе - плантація. Мы не будемъ подробно разбирать исторію плантаціоннаго хозяйства на русской почвѣ: отчасти читатели познакомились съ ней въ предыдущемъ изложеніи *). Для насъ важно то, что въ концѣ концовъ ублюдочный типъ хозяйства, уже не феодальнаго, но и не вполнѣ буржуазнаго, оказался непригоднымъ ни для старыхъ, ни для новыхъ цѣлей. Уже въ половинѣ 40-хъ годовъ Ив. Кирѣевскій могъ дать такую пессимистическую характеристику новаго курса въ помѣщичьемъ хозяйствѣ: „Учреждались плодоперемѣнныя хозяйства, гдѣ избытокъ земли и недостатокъ рукъ указывали на устройство, прямо противоположное... Заводили многосложныя орудія, не соотвѣтствующія мѣстнымъ потребностямъ. Педантическое улучшеніе маленькаго клочка земли, еще не имѣющей большой цѣны въ Россіи, покупали важною потерей времени, особенно цѣннаго въ нашемъ земледѣліи... вводили усиленную работу и часто излишнее отягощеніе барщины тамъ, гдѣ прежняя была выгоднѣе даже для помѣщика. Прежній естественный характеръ сельскихъ отношеній замѣнили характеромъ *фабричной напряженности*. Многіе разорили своихъ крестьянъ. *Многіе возбудили въ нихъ мысль о разрозненности ихъ выгодъ съ интересами помѣщика-фабриканта*. Другіе разорялись сами". Послѣдняя, подчеркнутая нами, фраза прекрасно резюмируетъ одну не непосредственно экономическую, но очень важную по своимъ отдаленнымъ экономическимъ послѣдствіямъ сторону вопроса,—къ которой мы сейчасъ вернемся. Пока же отмѣтимъ, что фактъ краха плантаціонной системы, описанный, но не объясненный Кирѣевскимъ, нашелъ себѣ и объясненіе въ помѣщичьей литературѣ начала 50-хъ годовъ. Интенсивно-барщинное хозяйство оказывалось въ концѣ концовъ очень экстенсивнымъ. „Смѣло можно сказать", писалъ въ 1852 году псковской помѣщикъ Воиновъ, „что въ хорошо управляемыхъ барщинахъ три четверти барщинниковъ отвѣчаютъ за себя и за другихъ, т. е. что *работы утягиваются, по крайней мѣрѣ, на четвертую долю времени*". Другой помѣщикъ, Ладыженскій, утверждалъ даже, что въ барщинѣ всегда пропадало работы *на половину*. Только въ мелкихъ имѣніяхъ, гдѣ „свой глазокъ—смотрокъ" хозяина могъ непосредственно наблюдать за всѣми мелочами, удавалось внѣ-экономическимъ путемъ выжимать изъ крѣпостного работника

*) См. часть I, гл. IV.

все, что теоретически возможно. Но жизнь такого мелкопомѣстнаго плантатора (превосходный портретъ его, прямо списанный съ натуры, далъ Салтыковъ въ „образцовомъ помѣщикѣ“ своей „Пошехонской старины“) была настоящей каторгой,—и для всякаго разсуждающаго хозяина замѣна внѣ-экономическаго принужденія экономическимъ, или, какъ тогда красиво выражались, принудительнаго труда вольнымъ,—являлась самымъ очереднымъ вопросомъ. Буржуазное хозяйство требовало и новаго буржуазнаго права въ деревнѣ.

Мы потомъ увидимъ, что и самый типъ новаго помѣщичьяго хозяйства, счастливо сочетавшаго то, что было еще жизнеспособно въ крѣпостномъ режимѣ, съ пріемами буржуазной эксплуатаціи, былъ уже знакомъ „дореформенной“ Россіи—и не даромъ онъ былъ открытіемъ одного изъ талантливѣйшихъ ея идеологовъ, Хомякова. Къ этому типу, вѣроятно, и перешла бы дворянская Россія безъ всякаго давленія сверху, если бы она имѣла время разобраться въ своихъ собственныхъ интересахъ, и если бы дворянская интеллигенція успѣла во-время преодолѣть треніе отсталыхъ слоевъ дворянской массы. Но исторія не дала этой отсрочки русскому дворянству—и реформа приняла катастрофическій характеръ, дорого стоившій отдѣльнымъ землевладѣльцамъ,—но не измѣнившій ея конечныхъ результатовъ. Дворянская Россія все-таки вышла изъ „эпохи великихъ реформъ“ укрѣпленной и освѣженной — и способной еще разъ дать бой той буржуазной Россіи, передъ которой она какъ-будто пасовала уже въ 30-хъ годахъ.

Условіемъ, принудившимъ помѣщиковъ ликвидировать барщинное хозяйство съ быстротой, совсѣмъ не отвѣчавшей ихъ ближайшимъ экономическимъ интересамъ, было несомнѣнно, опасеніе, что иначе ликвидація пойдетъ снизу революціоннымъ путемъ—и не ограничится уже одной барщиной. Обычная либеральная схема исторіи 19 февраля, помимо своей научной несостоятельности, искажала и фактическую сторону дѣла. Разъ все шло сверху — къ изученію хода реформы нужно было подходить съ анализа того, что дѣлалось на верхахъ общества. Начинать исторію паденія крѣпостного права съ воспитанія Александра II и „завѣтовъ“ Жуковскаго, правда, давно уже стало тривіальностью, въ сколько-нибудь серьезномъ изложеніи недопустимой. Но ограничиваться изученіемъ того, что происходило въ различныхъ „комитетахъ“ и „комиссіяхъ“, заранѣе принимая массы за anima vilis, надъ которою производятъ извѣстную операцію, но которая сама въ этой операціи активной роли не играетъ,—это почти общая черта всѣхъ существующихъ по настоящее время исторій крестьянской реформы. При этомъ знаменательныя слова Александра Николаевича, сказанныя имъ въ мартѣ 1856 года московскому дворянству: „лучше, чтобы это (освобожденіе крестьянъ) произошло свыше, нежели снизу“, производили впечатлѣніе какой-то книжной фразы, не къ мѣсту попавшаго мотива изъ передовой статьи либеральной газеты. На самомъ дѣлѣ это вовсе не была фраза, — какъ не фразой было и воспоминаніе Николая Павловича о Пугачевскомъ

бунтѣ при обсужденіи въ государственномъ совѣтѣ закона объ обязанныхъ крестьянахъ въ 1842 году. Сѣкира лежала у подножія дерева—и самодержавіе наравнѣ съ дворянствомъ было заинтересовано въ томъ, чтобы во-время отвести ударъ. Современная—неподцензурная—литература не оставляетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что этотъ мотивъ, — опасеніе крестьянской революціи, не только существовалъ, но и могъ быть аргументированъ съ достаточной полнотой. Число крестьянскихъ волненій по мѣрѣ приближенія къ 50-мъ годамъ росло въ очень крупной прогрессіи: изъ всѣхъ 556 крестьянскихъ бунтовъ, зарегистрированныхъ офиціально при Николаѣ I, на первое четырехлѣтіе его царствованія приходилось только 41, а на четырехлѣтіе 1845-49гг.—172, 1850-54 — 137. Увеличившись по количеству случаевъ почти вчетверо, волненія въ то же время пріобрѣтали все болѣе серьезный характеръ. Изъ болѣе или менѣе случайныхъ вспышекъ, легко подавлявшихся полицейскими мѣрами, онѣ превращались въ длительныя и иногда задолго подготовленныя, почти планомѣрныя попытки возстанія. Такъ, броженіе въ имѣніяхъ кн. Голицына въ Данковскомъ уѣздѣ Рязанской губерніи тянулось два года (1847—48). На второй годъ крестьяне начали съ того, что прекратили всякія барщинныя работы, смѣнили всѣ сельскія власти и подвергли ихъ тѣлесному наказанію за слишкомъ усердную службу помѣщику. А когда рязанскій губернаторъ съ экзекуціоннымъ отрядомъ двинулся на бунтовавшія деревни, онъ нашелъ ихъ совершенно пустыми: все населеніе разбѣжалось по сосѣднимъ селеніямъ казенныхъ крестьянъ, попрятавъ у нихъ свое имущество и скотъ. Большей части такъ и не удалось разыскать — и пришлось ограничиться разрушеніемъ домовъ „главныхъ зачинщиковъ“—что едва ли очень удовлетворило помѣщика. Особенно грандіознымъ характеромъ отличались волненія, происходившія въ томъ же 1847 году въ Витебской губерніи. О степени эксплуатаціи здѣсь крестьянъ можно судить по слѣдующему донесенію генералъ-губернатора Игнатьева, относящемуся къ немного болѣе позднему времени (1853 году): „Въ Витебской губерніи крестьяне почти не знаютъ хлѣба, питаются грибами и разными сырыми веществами, порождающими болѣзни; нищета страшная, а рядомъ роскошь помѣщиковъ; жизненныя силы края совершенно истощены въ нравственномъ и физическомъ отношеніяхъ, разслабленіе достигло крайнихъ предѣловъ“. Цѣлью движенія было прямо и непосредственно освобожденіе отъ крѣпостной зависимости: между крестьянами ходила легенда, что въ великороссійскихъ губерніяхъ воля уже дана, и они массами двигались въ сосѣдніе псковскіе уѣзды, чтобы ею воспользоваться. Въ движеніи приняло участіе до 10.000 человѣкъ. Готовясь къ выступленію, крестьяне пріобрѣтали ружья, покупали порохъ, лили пули, перековывали лемеши на пики. Полиція, пытавшаяся ихъ остановить, потерпѣла полное пораженіе,—такова же была участь и небольшихъ военныхъ отрядовъ. По словамъ очевидцевъ, крестьяне шли, „сохра-

няя всѣ военныя предосторожности: впереди обоза шла партія человѣкъ въ полтораста, вооруженныхъ дубинами, пращами, косами и проч.; по сторонамъ, въ серединѣ и въ замкѣ также вооруженные люди". На вопросы вступившихъ съ ними въ переговоры властей они отвѣчали, что „идутъ къ царю показать, какимъ хлѣбомъ ихъ кормятъ паны". Для подавленія движенія пришлось пустить въ дѣло цѣлый пѣхотный полкъ и нѣсколько ротъ отъ другихъ полковъ.

Въ послѣдніе годы жизни Николая Павловича кошмаръ пугачевщины, преслѣдовавшій его всю жизнь, былъ, повидимому, ближе чѣмъ когда-либо къ тому, чтобы стать реальностью. Указъ о „морскомъ ополченіи" (3 апрѣля 1854 г.) вызвалъ рядъ волненій въ Рязанской, Тамбовской, Владимирской и Нижегородской губерніяхъ. „Толпы крестьянъ изъ Рязани отправились даже въ Москву для объявленія своего желанія поступить въ ополченіе", говоритъ одинъ современный документъ. „Вооруженные дубинами и желѣзными пиками, они, на вопросъ станового, — что за люди? — отвѣтили угрозами, чтобы ѣхалъ прочь, или они убьютъ его. Посланы были войска для задержанія этихъ партій и возвращенія ихъ на мѣсто". Манифестъ о государственномъ ополченіи (мартъ 1855 года) вызвалъ въ Кіевской губерніи рядъ бунтовъ: крестьяне поняли его, какъ возстановленіе казачества и толпами шли записываться въ ратники. Въ результатѣ, для усмиренія одной этой губерніи понадобились 16 эскадроновъ, двѣ роты саперовъ и батальонъ егерей. А одновременно на той же почвѣ были безпорядки въ Нижегородской губерніи, въ Симбирской, Саратовской и въ Тверской: всюду крестьяне были убѣждены, что кто три года прослужитъ въ ратникахъ, тому свобода вмѣстѣ съ семьей. Между тѣмъ, по свидѣтельству Самарина, „призывы въ морское и сухопутное ополченіе безспорно были составлены со всевозможною ясностью и осторожностью. Видно, что перомъ сочинявшаго ихъ правило не столько желаніе поднять духъ народный, сколько боязнь безпорядковъ и сопряженныхъ съ ними хлопотъ. Все, что можно было придумать для предупрежденія неосновательныхъ толковъ, которыхъ опасались, было употреблено въ дѣло, и, несмотря на все это, опасенія до нѣкоторой степени оправдались". Потому что, „при современномъ настроеніи крѣпостного сословія, пьяная рѣчь бѣглаго солдата, превратно понятый указъ, появленіе небывалой болѣзни, пріѣздъ государя въ Москву (какъ это было въ 1843 году), всякое происшествіе, почему-либо обращающее на себя вниманіе, можетъ произвести гдѣ-нибудь тревогу и возбудить мгновенно присущую мысль о свободѣ; ничтожный безпорядокъ можетъ также легко перейти въ бунтъ, а бунтъ развиться до общаго возстанія". *)

Новому типу дворянина—предпринимателя, „плантатора"—соотвѣтствовалъ и новый типъ крестьянина, не безсмысленно покорнаго и не безсмысленно бунтовавшаго, а чуявшаго, что гдѣ-то есть новая „правда"—и отыскивавшаго ощупью эту „правду".

*) Сочиненія Самарина. II. 33 стр.

„Параллельно съ измѣненіемъ системы помѣщичьяго управленія, измѣняется и взглядъ крестьянъ на помѣщиковъ“, читаемъ мы въ той же запискѣ Самарина. „Прежняя безропотная покорность крѣпостныхъ людей, доходившая иногда до изумительнаго самозабвенія, слабѣетъ съ каждымъ поколѣніемъ, несмотря на то, что суровость и жестокость въ личномъ обращеніи съ ними еще быстрѣе смягчается *). „Народъ сталъ сильно портиться“, слышимъ мы безпрестанно изъ устъ старыхъ помѣщиковъ и приказчиковъ. Это значитъ, что теперь уже рѣдко проходятъ безнаказанно такія злоупотребленія, противъ которыхъ лѣтъ 50 назадъ никто бы не сталъ и роптать, и очень часто распоряженія, вовсе не жестокія и не противныя законамъ, но стѣснительныя или придирчивыя, встрѣчаютъ прямое сопротивленіе...“

„Въ какой числительности возрастаютъ ежегодно уголовныя дѣла о неповиновеніи крестьянъ, возмущеніяхъ, убійствахъ и покушеніяхъ на жизнь помѣщиковъ и управляющихъ — это можетъ быть въ точности извѣстно только тѣмъ, кому доступны офиціальные статистическіе матеріалы“, замѣчаетъ по этому поводу Самаринъ. „Но несомнѣнно, что число ихъ увеличивается и что многія дѣла этого рода, какъ напримѣръ, неудавшіяся покушенія, поджоги и др., заглушаются на мѣстахъ и до высшаго правительства не доходятъ“. Мы уже знаемъ теперь, что относительно прямыхъ попытокъ возстанія Самаринъ былъ вполнѣ правъ. Убійствъ помѣщиковъ офиціально зарегистрировано за 19 лѣтъ, съ 1835 по 1854 годъ, 144, а покушеній 75 *); уже одно сопоставленіе этихъ двухъ цифръ ясно показываетъ, что Самаринъ былъ правъ и въ другомъ своемъ предположеніи — что большинство покушеній въ офиціальную статистику не попадало: на практикѣ число неудачныхъ покушеній, по всей вѣроятности, разъ въ 10 превышало число удачныхъ. И уже конечно только въ очень рѣдкихъ случаяхъ доходили до начальства тѣ покушенія особаго рода, о которыхъ сейчасъ же вслѣдъ за этимъ упоминаетъ нашъ авторъ: „по частнымъ, но достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, въ послѣдніе годы въ нѣкоторыхъ подмосковныхъ губерніяхъ, Тульской, Рязанской, Тверской, крестьяне стали довольно часто подвергать своихъ помѣщиковъ *тѣлеснымъ исправительнымъ наказаніямъ*, чего прежде не бывало. Едва ли это не самый вѣрный признакъ паденія нравственнаго авторитета помѣщичьей власти“. Статистики поротыхъ помѣщиковъ, конечно, мы не найдемъ, но наличность и распространенность такихъ случаевъ (одинъ изъ нихъ, благодаря Герцену, былъ увѣковѣченъ въ русской литературѣ) засвидѣтельствованы тѣмъ, что нѣкоторые изъ нихъ попали даже въ офиціальные документы **).

Мы сказали, что крестьяне искали новаго права „ощупью“. Быть можетъ, болѣе тщательные поиски въ

*) Здѣсь авторъ, конечно, имѣетъ въ виду не ослабленіе гнета крѣпостного права, какъ системы, а уменьшеніе случаевъ „рукоприкладства“.

*) В. Семевскій. Крестьянскій вопросъ въ Россіи. II, 583—4.

**) См. назв. соч. В. Семевскаго, стр. 581.

мемуарахъ и перепискѣ людей, близко стоявшихъ тогда къ крестьянству, анализъ сектантскаго движенія и т. под. и позволятъ когда-нибудь возстановить революціонную идеологію крѣпостной массы, поскольку она вырабатывалась ею самой. Пока приходится на слово вѣрить современникамъ, дающимъ, можетъ быть, незамѣтно для самихъ себя, подъ видомъ политическаго вѣроисповѣданія крестьянства то, что „народъ", по ихъ мнѣнію, долженъ былъ исповѣдывать. Съ такой оговоркой, напр., приходится принимать очень стройную формулировку „народной" идеологіи у Самарина. „Крѣпостное сословіе, хотя, конечно, не сознаетъ отчетливо, зато живо ощущаетъ историческую беззаконность своего обиднаго положенія и по естественному порядку вещей ставитъ его въ вину дворянству. Дворянство разлучило простой народъ съ царемъ. Ставши поперекъ между ними, оно заслоняетъ народъ отъ царя и не допускаетъ до него народныхъ жалобъ и надеждъ. Оно же скрываетъ отъ народа свѣтлый образъ царя, и оттого слово послѣдняго или не доходитъ до простыхъ людей, или доходитъ искаженнымъ. Но народъ любитъ царя и рвется къ нему, и царь съ своей стороны съ любовью смотритъ на народъ, издавна замышляя его избавленіе. Когда-нибудь они откликнутся и черезъ головы дворянъ протянутъ руки другъ другу. Таковы представленія и постепенно зрѣющія надежды 11 милліоновъ людей. Что же помѣшаетъ имъ перейти въ дѣло?" Но прежде всего таково было представленіе славянофиловъ, къ которымъ принадлежалъ Самаринъ. И трудно сказать, ближе ли оно къ дѣйствительно „народнымъ" воззрѣніямъ, чѣмъ характеристика петрашевца Ястржембскаго, увѣрявшаго, что „принципомъ зла простой народъ непремѣнно понимаетъ государя", и ссылавшагося при этомъ на слова одного крестьянина, что помѣщики „хотѣли было ихъ освободить, да государь не захотѣлъ". Опытъ послѣднихъ лѣтъ долженъ былъ достаточно убѣдить, что между „народомъ" и „интеллигенціей" далеко нѣтъ той психологической пропасти, которую одни боялись, а другіе желали видѣть. И что „народъ" очень легко усваиваетъ себѣ интеллигентскую идеологію, если она отвѣчаетъ его, уже сознаннымъ имъ, интересамъ. Идеологія революціонной интеллигенціи 40-хъ годовъ, поскольку она была демократической и антикрѣпостнической, вѣроятно, могла бы быть усвоена волнующимися массами не труднѣе, чѣмъ это случилось полвѣка спустя. Эта возможность сближенія интеллигентской и народной революціи очень безпокоила Николая Павловича и его полицію. И нельзя не сказать, что въ данномъ случаѣ послѣдняя обнаружила большую чуткость. Она, несомнѣнно, лучше поняла *возможное* революціонное значеніе петрашевцевъ, чѣмъ это сдѣлали нѣкоторые позднѣйшіе ихъ историки.

Въ настоящее время едва ли можетъ быть споръ о томъ, что Петрашевскому не удалось основать серьезнаго конспиративнаго общества: „заговора" въ настоящемъ смыслѣ слова не было. *) Близко по-

*) Внѣшнюю исторію петрашевцевъ и

священные въ дѣло люди знали это тогда же. „Впрочемъ, всѣ означенныя собранія, отличавшіяся вообще духомъ, противнымъ правительству и стремленіемъ къ измѣненію существующаго порядка, не обнаруживаютъ единства дѣйствій“, доносилъ императору Николаю генералъ-аудиторіатъ. „Къ разряду организованныхъ тайныхъ обществъ они тоже не принадлежали и что бы имѣли сношенія въ Россіи не доказывается никакими положительными данными“. Одинъ новѣйшій историкъ сдѣлалъ изъ этого выводъ, что петрашевцы представляли собою „общество литературныхъ журфиксовъ“. Большое подспорье такому взгляду представляютъ и позднѣйшія воспоминанія нѣкоторыхъ петрашевцевъ—подъ старость отрекшихся отъ своихъ „увлеченій“—и, естественно, представлявшихъ все дѣло себѣ именно „увлеченіемъ“. Въ памяти читающей публики крѣпко засѣла шутливая характеристика Достоевскаго,—сказавшаго какъ-то, что его товарищи, „чуть ли не собирались переводить самого Фурье“. Разсматривать фурьеризмъ петрашевцевъ, какъ нѣчто серьезное, конечно, не приходится. Мѣсто этимъ „увлеченіямъ“ интеллигенціи 40-хъ годовъ, конечно, въ исторіи литературы, а не въ исторіи общественныхъ движеній. Но даже сыщики императора Николая скоро должны были понять, что суть дѣла здѣсь совсѣмъ не въ фурьеризмѣ. Слѣдственная комиссія не одинъ разъ возвращается къ тому, что тремя *главными* вопросами, дебатировавшимися на знаменитыхъ „пятницахъ“, были: *освобожденіе крестьянъ*, *свобода книгопечатанія* и *преобразованіе судопроизводства*. По словамъ генералъ-аудиторіата, разбиравшаго дѣло, „самъ Буташевичъ-Петрашевскій *преимущественно* возбуждалъ вопросъ о перемѣнѣ судопроизводства и объ освобожденіи крестьянъ“. Въ разговорѣ двухъ петрашевцевъ, наиболѣе преисполненныхъ „бунтарскимъ духомъ“, Черносвитова и Спѣшнева (автора извѣстной „подписки“, предназначавшейся для членовъ неосуществившагося тайнаго общества), оба сошлись на томъ, что самая полезная реформа въ Россіи — „реформа крѣпостного состоянія“. Только Спѣшневъ разсчитывалъ для этой цѣли на заговоръ, Черносвитовъ—на бунтъ уральскихъ заводовъ, гдѣ онъ брался поднять 400 тысячъ народа, — а Петрашевскій больше уповалъ на легальныя средства. Легальные пріемы, которые онъ надѣялся пустить въ ходъ, глубоко характерны. То онъ разсчитывалъ на демократизацію мѣстнаго управленія — начавъ съ использованія только что проведенной тогда въ Петербургѣ и Москвѣ городской реформы *). Въ письмѣ къ одному провинціальному знакомому онъ рекомендуетъ организовать кампанію прошеній отъ мѣстныхъ обывателей въ министерство внутреннихъ дѣлъ—о введеніи и у нихъ городского управленія по петербургскому образцу. „Черезъ это въ завѣдываніи городского хозяйства должны принять участіе тѣ лица въ уѣздныхъ и губернскихъ городахъ, которыя сравнительно съ другими, т. е. съ массою населенія, могли быть названы умственною аристокра-

очеркъ ихъ міросозерцанія см. ниже въ главѣ „Сороковые годы“.

*) См. о ней часть I, стр. 199—208.

тіей, и ихъ участіе весьма благодѣтельно должно быть для общественнаго развитія". То онъ надѣется подстрекнуть предпринимательскіе аппетиты дворянства— и тѣмъ усилить въ его средѣ буржуазное теченіе насчетъ крѣпостническаго. Въ „запискѣ о способахъ увеличенія цѣнности дворянскихъ или населенныхъ имѣній", распространявшейся Петрашевскимъ во время дворянскихъ выборовъ, онъ первый изъ такихъ „способовъ" видитъ въ замѣнѣ привилегированной дворянской земельной собственности—собственностью буржуазной. „Предоставленіе купцамъ права пріобрѣтать земли, подъ условіемъ дѣлать обязанными крестьянъ, на сихъ земляхъ находящихся, вмѣстѣ съ правомъ голоса и участія въ дворянскихъ собраніяхъ въ качествѣ землевладѣльцевъ", по его словамъ, настолько увеличитъ спросъ на землю, что отъ одного этого „должны обратиться на пріобрѣтеніе земель до 500.000.000 руб. асс. и даже болѣе купеческихъ капиталовъ". То, что носилось въ умѣ Петрашевскаго, было, какъ мы знаемъ, осуществлено земской реформой Александра II, замѣнившей сословный цензъ для участія въ мѣстныхъ дѣлахъ цензомъ имущественнымъ—главнымъ образомъ по землѣ. А послѣднимъ изъ „способовъ" оказывается „улучшеніе формъ судопроизводства и надзора за административными или исполнительными властями. Таковыя усовершенствованія не могутъ не имѣть вліянія на цѣнность имѣній, какъ на все другое, чрезъ усиленіе кредита, наличнаго довѣрія между гражданами".

Какъ видимъ, практическая программа Петрашевскаго была весьма далека отъ всякаго утопизма. Всего семь лѣтъ спустя о „трехъ главныхъ вопросахъ" заговорилъ такой закоренѣлый консерваторъ, какъ Погодинъ, въ одной изъ своихъ записокъ *).

Петрашевцы добивались того, что было необходимо для складывавшагося буржуазнаго общества, какъ вода для рыбы. И именно поэтому они были опасны для николаевскаго режима—и именно поэтому защитники послѣдняго боялись, и совершенно правильно, ихъ вліянія на широкіе общественные круги. Николай привыкъ къ дворянскому либерализму— онъ съ нимъ справился 14 декабря, и неустанно наблюдалъ за нимъ черезъ своихъ жандармовъ. Здѣсь, кромѣ „безвреднаго злорѣчія", о которомъ говорилъ Пушкинъ, теперь

---

*) „Освободи отъ излишнихъ стѣсненій печать, въ которой не позволяется теперь употреблять даже выраженіе *общаго блага*", взывалъ онъ къ Николаю I. „Не книги опасны, а событія... Печатной артиллеріи европейской мы должны отвѣчать такъ же, какъ осаднымъ пексанамъ Севастополя, а намъ не позволяютъ рта разинуть въ защиту родной земли". А о крѣпостномъ правѣ онъ же писалъ; „Помѣщичье спасеніе— въ дурномъ управленіи государственныхъ имуществъ... Но улучшись жизнь казеннаго крестьянина—будьте увѣрены—заварится каша крутая. Да и теперь, не убиваютъ ли ежегодно до тридцати помѣщиковъ... Вѣдь это все мѣстныя революціи, которымъ не достаетъ только связи, чтобъ получить значеніе особаго рода! Онѣ усмиряются порознь; но несчастные крестьяне, которые, выведенные изъ терпѣнія, берутъ ножъ въ руки и подвергаются зато кнуту и каторжной работѣ въ сибирскихъ рудникахъ, неужели не заслуживаютъ лучшей участи?" См. Барсуковъ, цит. соч. XIII, 195, 166 и др.

6

Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ

[illegible]

[illegible]

нечего было болѣе опасаться: люди, способные на большее, или были далеко, или стояли совсѣмъ въ другихъ рядахъ. Нѣсколько больше боялся онъ крестьянскаго бунта, „безсмысленнаго и безпощаднаго“. Но хаотичность крестьянскаго движенія ручалась, что ему не справиться съ прочной полицейской организаціей. И вотъ находились люди, которые были готовы внести смыслъ и организацію въ пугачевщину. Люди эти обнаруживали опасную близость къ настоящей, не славянофильской, народной идеологіи. „Всѣ вы идете смотрѣть, какъ наказываютъ мужиковъ, что посмѣли ослушаться господина или убили его“, писалъ петрашевецъ Филипповъ въ своихъ „Десяти заповѣдяхъ“, назначенныхъ, несомнѣнно, для самаго широкаго распространенія. „Развѣ вы не понимаете, что они исполнили волю Божію, и что принимаютъ наказаніе, какъ мученики за своихъ ближнихъ? Развѣ не будете защищаться, коли нападутъ на васъ разбойники? а помѣщикъ, обижающій крестьянъ своихъ, не хуже ли онъ разбойника?“ „И теперь еще пробѣгаетъ холодный трепетъ по жиламъ при воспоминаніи о видѣнномъ мною кусочкѣ хлѣба, которымъ питаются крестьяне Витебской губерніи“, писалъ въ своемъ дневникѣ другой петрашевецъ, поручикъ Момбели: мы знаемъ уже, что этотъ хлѣбъ витебскіе крестьяне шли „показать царю“. „Мука вовсе не вошла въ его составъ: онъ состоитъ изъ мякины, соломы и еще какой-то травы, не тяжелѣе пуху, и видомъ похожъ на высушенный конскій навозъ, сильно перемѣшанный съ соломою. Хотя противникъ всякаго физическаго наказанія, но желалъ бы чадолюбиваго императора въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль посадить на пищу витебскихъ крестьянъ. Какъ странно устроенъ свѣтъ: одинъ мерзкій человѣкъ и сколько онъ можетъ сдѣлать...“ Пусть эти люди пока только „болтали“: но въ ихъ лицѣ крестьянская революція могла найти кадръ сознательныхъ вождей, тѣмъ болѣе опасныхъ, что они были связаны съ этою массой не только общностью симпатій и антипатій, но и цѣлымъ рядомъ незамѣтныхъ соціальныхъ переходовъ. Составъ вновь открытаго „тайнаго общества“ чрезвычайно смутилъ сыщиковъ императора Николая—передъ ними развернулась совсѣмъ непривычная для ихъ взгляда картина. „Обыкновенные заговоры бываютъ большею частію изъ людей однородныхъ, болѣе или менѣе близкихъ между собою по общественному положенію“, писалъ въ своемъ донесеніи главный шпіонъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Липранди. „Напримѣръ, въ заговорѣ 1825 года участвовали исключительно дворяне и притомъ преимущественно военные. Тутъ же, напротивъ, съ гвардейскими офицерами и съ чиновниками министерства иностранныхъ дѣлъ рядомъ находятся не кончившіе курсъ студенты, мелкіе художники, купцы, мѣщане, даже лавочники, торгующіе табакомъ“. Характерно, что и самъ Петрашевскій разсчитывалъ въ провинціи именно на этотъ слой,—который мы теперь назвали бы мелкой буржуазіей, или (кто не любитъ марксистскихъ терминовъ) „разночинной интеллигенціей“. Пытаясь конкретнѣе опредѣлить свою „умствен-

ную аристократію", онъ даетъ такой перечень: „кромѣ купцовъ, учителя училищъ, доктора, аптекаря, попы, отставные небогатые чиновники". Дальнѣйшее развитіе капитализма должно было сюда прибавить инженеровъ и техниковъ всякаго рода, земскихъ статистиковъ, агрономовъ, желѣзнодорожныхъ и банковскихъ служащихъ: но уже въ 40-хъ годахъ соціальный субстратъ будущаго революціоннаго движенія опредѣлился, по крайней мѣрѣ, отчасти. Новое революціонное движеніе ни въ коемъ случаѣ не могло уже быть дворянскимъ, но оно не могло еще быть и пролетарскимъ, за отсутствіемъ сколько-нибудь значительнаго пролетаріата,—и ему не дали сдѣлаться крестьянскимъ, во время замѣтивъ опасность. Оно и осталось на тридцать лѣтъ движеніемъ мелко-буржуазной, городской интеллигенціи.

Опасеніе переворота снизу имѣло два послѣдствія. Одно мы уже указали: оно состояло въ ускореніи темпа, который приняли реформы 60-хъ годовъ. Этотъ ускоренный темпъ создалъ у нѣкоторой части русскаго общества иллюзію необыкновенной силы и стремительности буржуазно-либеральнаго движенія. Казалось, что до „увѣнчанія зданія" уже очень недалеко. На самомъ дѣлѣ, дворянство очень скоро раскаялось и въ тѣхъ немногихъ уступкахъ, которыя оно сдѣлало—и совсѣмъ не расположено было къ дальнѣйшимъ. Что же касается „увѣнчанія зданія", то — какими бы подчасъ „недоразумѣніями" между Александромъ II и его дворянствомъ ни была ознаменована реформа 19 февраля—прогрессивная часть дворянства, да и сама крупная буржуазія на этотъ разъ были противъ всякаго ослабленія центральной власти. И въ этой солидаризаціи имущихъ классовъ съ самодержавіемъ заключается *второе* послѣдствіе опасности снизу, почуянной общественными верхами въ концѣ 40-хъ годовъ. Два раза потомъ имѣла мѣсто въ русской исторіи подобная же солидаризація—въ 80-хъ годахъ и на нашихъ глазахъ въ началѣ XX вѣка. И всякій разъ была причина одна и та же: угроза демократической революціи.

Для настроенія нашей буржуазно-помѣщичьей интеллигенціи накануне крестьянской реформы характерно прежде всего отношеніе этой интеллигенціи къ соціализму. Еще недавно предметъ увлеченія не въ однихъ мелко-буржуазныхъ кругахъ, теперь онъ фигурируетъ въ роли пугала, которое выставляютъ передъ самодержавіемъ, чтобы толкнуть послѣднее на путь истинный. Говоря о вредномъ вліяніи крѣпостного права на народное хозяйство, Самаринъ не можетъ припомнить ничего лучше тѣхъ возраженій, какія дѣлались во Франціи въ 1848 году противъ „торжествовавшихъ" якобы тогда соціалистовъ. „Мы рукоплескали издали мужественнымъ противникамъ въ то время торжествовавшей школы", сообщаетъ Самаринъ своему высокопоставленному читателю*),— не безъ явной натяжки, — „и не находили словъ для осужденія соціалистовъ". Но Самаринъ славянофилъ. Быть можетъ, кромѣ того, такія фразы были своего рода „благочестивымъ

*) Его „записка" предназначалась, какъ извѣстно, не для печати, по тогдашнимъ цензурнымъ условіямъ она и не могла быть напечатана, а для дворянства и высшихъ административныхъ „сферъ".

обманомъ", разсчитаннымъ на то, чтобы снискать благоволеніе его специальной публики. Но вотъ что писалъ Кавелинъ въ статьѣ, уже предназначенной для печати и появившейся въ самомъ разгарѣ „эпохи реформъ": „Различіе сословій, различное участіе ихъ въ государственной и общественной жизни есть явленіе общее всему человѣческому роду, отъ начала міра до нашего времени.... Ясно, что неравенство сословій дано не обстоятельствами, а самой природой человѣка и человѣческаго общества, и причину его открыть не трудно. Люди, по физической природѣ, по умственнымъ и другимъ своимъ способностямъ, не равны между собою со дня рожденія. Изъ этого прирожденнаго неравенства вытекаетъ и неравенство внѣшней ихъ дѣятельности: одни предпріимчивы, изобрѣтательны, неутомимы, другіе нѣтъ; одни дѣлаютъ много, скоро, хорошо; другіе мало, медленно и плохо. То, что человѣкъ творитъ во внѣшнемъ мірѣ, становится его собственностью, которую онъ оставляетъ послѣ себя дѣтямъ, или завѣщаетъ близкимъ; отсюда новый источникъ неравенства. Одни, создавая много, имѣютъ большую собственность; другіе, творя мало, имѣютъ мало принадлежащихъ имъ вещей, или вовсе не имѣютъ собственности... Отчего почти у всѣхъ народовъ рано или поздно создаются *необузданныя теоріи равенства, наполняющія исторію слезами и кровью*, и безусловно отрицающія всякое неравенство, которое однако, какъ мы видѣли, есть основной законъ человѣческихъ обществъ?..."*) Дворяне—по предположенію Кавелина,—сѣтуютъ на то, что крестьяне освобождены съ землею (мы послѣ увидимъ, что правильно понятымъ интересамъ дворянства отвѣчала именно эта форма освобожденія). Это не бѣда, это даже очень хорошо: „этимъ мы заранѣе навсегда избавляемся отъ голоднаго пролетаріата и *неразрывно съ нимъ связанныхъ мечтательныхъ теорій имущественнаго равенства*, отъ непримиримой зависти и ненависти къ высшимъ классамъ и отъ послѣдняго ихъ результата—соціальной революціи"*)...

Варіаціи на эту же тему мы встрѣчаемъ и у Чичерина—и, ужъ конечно, у Погодина—крайняя правая и крайняя лѣвая буржуазно-помѣщичьяго движенія въ этомъ случаѣ сходились. Мы не встрѣчаемъ ихъ, конечно, у Герцена: но Герценъ уже въ половинѣ 50-хъ годовъ былъ даже для Кавелина „человѣкъ ожесточенный, не сладившій со своимъ самолюбіемъ" и только что не „злонамѣренный"**). Манчестерская доктрина одинаково господствовала въ эти дни и надъ умами славянофиловъ, и надъ умами западниковъ. „Цѣнность всякаго предмета, выражая отношеніе запроса къ предложенію, устанавливается при условіи полной свободы договаривающихся сторонъ", читаемъ мы у Самарина. „Чтобы поднять въ Россіи цѣны на хлѣбъ и тѣмъ возвысить благосостояніе владѣльцевъ и крестьянъ", нужно „свободное установленіе на хлѣбномъ рынкѣ того minimum, ниже котораго цѣны на хлѣбъ упасть не могутъ"—вторитъ ему Кавелинъ, по-

*) Сочин., т. II, стр. 111—114. Курсивъ нашъ.

*) Ibid., 128. Курсивъ опять нашъ.

**) Ibid., 1174.

6*

вторяя, въ свою очередь, Заблоцкаго-Десятовскаго... Свобода торговли — душа всѣхъ свободъ для просвѣщеннаго буржуа—всегда была одной изъ необходимыхъ исходныхъ точекъ для эмансипаціонныхъ проектовъ. Но изъ свободы торговли западная буржуазія извлекла всѣ свободы. Такъ ли было у насъ? Политическіе взгляды Самарина намъ уже извѣстны: они были весьма далеки отъ политическаго либерализма; нѣсколько позже, когда самодержавію стали грозить цѣлыхъ два противника —дворянская фронда справа и вновь поднявшаяся волна мелко-буржуазной „интеллигентской" революціи слѣва, онъ нашелъ случай еще разъ и еще болѣе энергично подчеркнуть свою солидарность со старымъ политическимъ порядкомъ, смѣшавъ въ одну кучу всѣхъ его враговъ. Въ началѣ 60-хъ годовъ онъ писалъ (въ письмѣ М. А. Милютиной): „Теперь, какъ 200 лѣтъ назадъ, на всей русской землѣ есть только двѣ живыя силы: личная власть наверху и сельская община на противоположномъ концѣ: но эти двѣ силы вмѣсто того, чтобы быть соединенными, раздѣлены всѣми посредствующими слоями. Эта тупая среда, лишенная всякихъ корней въ народѣ и въ теченіе вѣковъ карабкавшаяся на вершину, начинаетъ храбриться и дерзко кривляться передъ своей собственной, единственной подпорой (доказательство — дворянскія собранія, университеты, пресса и т. д.). Ея крикливыя выходки напрасно пугаютъ власть и раздражаютъ массы. Власть отступаетъ, дѣлаетъ уступку за уступкой безъ всякой пользы для общества, которое дразнитъ власть изъ удовольствія ее дразнить. Но это не можетъ длиться долго, иначе нельзя избѣжать сближенія двухъ полюсовъ—самодержавія и простонародья, сближенія, которое смететъ и раздавитъ все, что находится въ промежуткѣ"... „Конституція—вотъ что составляетъ теперь предметъ тайныхъ и явныхъ мечтаній и горячихъ надеждъ дворянъ", писалъ Кавелинъ въ 1862 году. „Это теперь самая ходячая и любимая мысль высшаго сословія". Какъ же онъ самъ относится къ этой мысли? „Но возможны ли и достижимы ли у насъ политическія гарантіи въ настоящее время?... Мы глубоко убѣждены, что нѣтъ; а слѣдовательно, и мечтать о нихъ теперь нечего". Дальше идетъ довольно сбивчивое доказательство этого: оказывается, что „основныхъ стихій народа у насъ двѣ: крестьяне и помѣщики"; первые слишкомъ невѣжественны, чтобы воспользоваться политической свободой, а дворянская конституція встрѣтила бы „единодушное противодѣйствіе, не только со стороны правительства, но и со стороны массы народа и всего просвѣщеннаго, либеральнаго въ Россіи". Откуда выпрыгнула эта послѣдняя, самая внушительная, сила—просвѣщеннаго либерализма,—тогда какъ раньше констатировалось, только что передъ этимъ, что „о среднемъ сословіи нечего и говорить" — этого, вѣроятно, и самъ Кавелинъ не сумѣлъ бы объяснить. Одно было само по себѣ ясно: крѣпостническую конституцію нельзя было вырабатывать при томъ настроеніи массы народа, которое ближайшимъ образомъ и привело къ 19 февраля. Конституція же не крѣпостническая привела бы къ тому, что, говоря словами Кавелина,

сказанными имъ въ другомъ мѣстѣ и по другому поводу—„грубое невѣжественное большинство заглушило бы въ управленіи и общежитіи просвѣщенное меньшинство"... А потому—не надо никакой конституціи...

Форма грядущаго переворота была дана: онъ долженъ былъ отлиться въ актъ самодержавной власти, поддержанный дворянскимъ обществомъ. При такой формѣ онъ не могъ быть „доведенъ до конца": раскрѣпощеніе земли не должно было еще привести къ освобожденію человѣка. Мы увидимъ впослѣдствіи, что и раскрѣпощенію земли суждено было остаться далеко не полнымъ. Вмѣсто новаго костюма, о которомъ мечтали нѣкоторые, Россія должна была получить нѣсколько довольно прочныхъ заплатъ на старый. Крайняя лѣвая буржуазной оппозиціи должна была съ этимъ примириться, если она хотѣла, чтобы возъ вообще сдвинулся съ мѣста. Герценъ объявилъ либерализмъ „экзотическимъ цвѣткомъ", который „не можетъ укорениться на русской почвѣ". Взамѣнъ подлинной гражданской свободы,—которой „простому народу" такъ же не удалось увидѣть, какъ дворянству конституціи, — мужика утѣшали тѣмъ, что онъ—„человѣкъ будущаго". Въ настоящемъ же все дѣло должно было быть совершено дворянскими руками. „Пусть правительство только позволитъ дворянамъ прямо и открыто заняться этимъ вопросомъ", писалъ Герценъ въ 1853 году: „пусть разрѣшитъ всѣмъ, кто хочетъ, составленіе обществъ, товариществъ для выкупа крестьянъ, для помощи освобождающимся..." Царь разрѣшаетъ, дворянство „занимается" — такова схема ликвидаціи крѣпостного права у самаго радикальнаго и самаго европейскаго русскаго дворянина 50-хъ годовъ. Какъ сейчасъ увидимъ, схема была угадана очень вѣрно: но вѣрно были угаданы и возможные результаты такого хода дѣла. Одинъ изъ двухъ исходовъ, который предвидитъ Герценъ для самодержавія, заключался въ томъ, чтобы „передѣлаться въ демократическое и соціальное самовластье, что, можетъ, не совершенно невозможно". Удачно уклонившись отъ опаснаго опыта демократической революціи, правящіе классы должны были считаться съ перспективою, что самодержавіе не только не ослабѣетъ, а наоборотъ, окрѣпнетъ въ результатѣ реформы; что сохраненіе соціальнаго преобладанія дворянства будетъ куплено тяжелой цѣной отказа отъ всякой возможности стать когда-нибудь политической силой. И, конечно, лишь немногіе изъ дворянской „лѣвой" могли утѣшать себя своеобразнымъ максимализмомъ Герцена, увѣрявшаго, что „Россія никогда не будетъ juste milieu", что „Россія никогда не сдѣлаетъ революціи съ цѣлію отдѣлаться отъ царя Николая и замѣнить его царями-представителями, царями-судьями, царями-полицейскими"; что русскому народу не зачѣмъ „проливать кровь свою для достиженія тѣхъ полурѣшеній, до которыхъ мы (европейцы) дошли и которыхъ вся важность состоитъ въ томъ, что черезъ нихъ мы дошли до иныхъ вопросовъ, до новыхъ стремленій",—такъ какъ лишь очень немногіе согласились бы съ Герценомъ, что „въ то время, какъ въ Европѣ соціализмъ принимается

за знакъ безпорядка и ужасовъ, у насъ, напротивъ, онъ является радугой, пророчащей будущее народное развитіе" *). Это было хорошо для Герцена, но это совсѣмъ не годилось для „реальныхъ политиковъ"—назывались ли они Самариными или Кавелиными.

Но полу-реформа могла привести лишь къ полу-свободѣ и полу-буржуазному режиму. Во всѣхъ случаяхъ, гдѣ крѣпостное право уничтожалось путемъ реформы сверху, отъ него оставались болѣе или менѣе значительные куски. Только тамъ, гдѣ оно подрывалось снизу, медленными, частичными завоеваніями народной массы — или тамъ, гдѣ оно падало одновременно съ демократическимъ переворотомъ (первое, какъ извѣстно, имѣло мѣсто во Франціи и въ Англіи, въ средніе вѣка, второе—въ XIII в. въ Тосканѣ), только тамъ въ деревнѣ торжествовало, дѣйствительно, новое право. У насъ этого быть не могло. И заранѣе можно было предвидѣть, что русскій крестьянинъ останется полу-крѣпостнымъ, и что дѣло сведется къ замѣнѣ въ деревнѣ феодальнаго „внѣ экономическаго принужденія" буржуазнымъ экономическимъ принужденіемъ въ минимальныхъ размѣрахъ — необходимыхъ для того, чтобы парализовать невыгодные для помѣщика результаты барщины. Мы уже упоминали, что новый типъ хозяйства былъ открытъ однимъ помѣщикомъ усиліями собственнаго ума задолго до того, какъ дворянскіе комитеты и комиссіи выработали этотъ типъ сообща, какъ общую норму. Этимъ Колумбомъ пореформенной Россіи былъ А. С. Хомяковъ. Въ концѣ 40-хъ годовъ онъ поставилъ себѣ задачей замѣнить въ своихъ деревняхъ крѣпостныя отношенія—договорными, — не прибѣгая однако къ къ формальному освобожденію крестьянъ по существовавшимъ тогда законамъ (1803 и 1842 годовъ) — такъ какъ ни одинъ изъ нихъ не отвѣчалъ его требованіямъ. Въ 1850 году онъ писалъ уже одному изъ своихъ знакомыхъ, что ему „удалось въ одной деревнѣ сдѣлать *ряду* съ крестьянами", а еще черезъ два года онъ говорилъ уже о „полномъ успѣхѣ его сдѣлокъ съ крестьянами". Въ чемъ же заключалась эта ряда? Хомякову нужно было поставить своихъ крестьянъ въ необходимость работать на него, не прибѣгая при этомъ къ прямому принужденію,—и избѣгая тѣмъ всѣхъ невыгодъ барщины. Онъ этого достигъ тѣмъ, что, отдавъ въ пользованіе крестьянамъ меньшую часть всей культурной площади (около $^1/_3$), онъ обложилъ ихъ чрезвычайно высокимъ оброкомъ. При этомъ взысканіе оброка должно было производиться „съ величайшей строгостью, посредствомъ продажи имущества, скота и т. д." — „въ этомъ дѣлѣ неумолимая и почти жестокая строгость есть истинно милосердіе". Понятно, что крестьянинъ, которому некуда было податься, — и который былъ привязанъ въ то же время къ деревнѣ своимъ маленькимъ надѣломъ, вынужденъ былъ продавать свою рабочую силу въ барскую экономію. И Хомяковъ съ великимъ удовольствіемъ могъ извѣщать два года

*) Сочиненія Герцена (женевское изданіе), т. V, стр. 198, 209, 215, 233, 279, 283, 289, 292.

спустя своего пріятеля Кошелева, что онъ намѣренъ вести „все хозяйство наймомъ“. Барщина была преодолѣна.

Мы увидимъ впослѣдствіи, что хомяковскія имѣнія 50-хъ гг., съ ихъ тремя основными признаками: маленькимъ надѣломъ крестьянъ, высокими податями и повинностями и „неумолимымъ“ способомъ ихъ собиранія— были очень точнымъ прообразомъ помѣщичьяго имѣнія средней полосы 60—70-хъ годовъ. Русскій крестьянинъ пересталъ быть крѣпостнымъ— но онъ не сдѣлался и свободнымъ мелкимъ собственникомъ. Изъ бѣлаго негра онъ превратился въ *батрака съ надѣломъ.*

2.

Губернскіе комитеты.

Мы видѣли, что *объективно* крестьянская реформа съ логической неизбѣжностью вытекала изъ основного факта русской исторіи XIX вѣка — развитія капитализма на русской почвѣ. Это положеніе теперь можно считать банальнымъ: но читатель извинитъ насъ за повтореніе этой банальности, если вспомнитъ, что еще на свѣжей памяти читающаго поколѣнія, всего за десять лѣтъ назадъ, это банальное положеніе было самой свѣжей ересью. А что всего двадцать лѣтъ назадъ изслѣдователь „крестьянскаго вопроса въ Россіи“ нашелъ нужнымъ отвести въ генезисѣ крестьянской реформы моральнымъ чувствованіямъ русскихъ литераторовъ и прожектерству русскихъ чиновниковъ гораздо больше мѣста, чѣмъ объективнымъ условіямъ хозяйственнаго развитія. Если у насъ „нова рожденьемъ знатность“, то научное отношеніе къ русскому недавнему прошлому еще новѣе. Мы видѣли затѣмъ, что изъ этого объективнаго положенія съ такою же логической неизбѣжностью вытекало господство *буржуазной идеологіи* не только среди буржуазіи въ собственномъ смыслѣ, но и среди того класса, который, по принятой классификаціи, называется феодальнымъ, и, какъ таковой, противополагается буржуазіи. Русское манчестерство въ дворянскихъ кругахъ 50-хъ годовъ было едва ли даже не сильнѣе, чѣмъ въ купеческихъ. Но положеніе русскаго дворянина было объективно противорѣчивымъ въ данномъ случаѣ: ибо, съ одной стороны, онъ долженъ былъ вносить пріемы буржуазнаго хозяйства въ крѣпостную обстановку; съ другой стороны, онъ долженъ былъ съ продуктами своего крѣпостного хозяйства оспаривать мѣсто на рынкѣ у капиталистическихъ производителей. Это объективное противорѣчіе не могло не отражаться на его идеологіи: ставъ буржуа, онъ не пересталъ быть феодаломъ; желая буржуазнаго строя, онъ въ то же время оставался вѣренъ самодержавію. Онъ могъ бы сказать, что въ его груди живутъ двѣ души: одна жаждетъ свободы, другая нуждается въ рабствѣ. Разрѣшенію этого противорѣчія посвящена вся послѣдующая исторія русскихъ владѣющихъ классовъ: ибо тѣ же двѣ души, хотя и въ менѣе дифференцированномъ видѣ, жили въ груди и

подлиннаго русскаго буржуа той эпохи. Буржуазіи періода первоначальнаго накопленія всюду была нужна сильная власть—Англія времени Тюдоровъ, Франція Людовика XIV и Германія первой половины XIX вѣка въ этомъ отношеніи не отличаются отъ Россіи Александра II и Александра III. Но всюду передовые слои буржуазіи, чѣмъ дальше, тѣмъ сильнѣе чувствовали неизбѣжность крушенія абсолютизма именно въ процессѣ капиталистическаго развитія. Прибавьте къ этому, что общая опасность взрыва снизу всегда въ такія времена сплачиваетъ всѣхъ власть имущихъ и владѣющихъ, что въ этомъ отношеніи Россія 50-хъ годовъ девятнадцатаго столѣтія ничѣмъ не отличалась отъ Англіи временъ крестьянскихъ бунтовъ, и что только преодолѣвъ эту опасность, можно было безъ риска ослабить гнетъ сверху: и вы получите приблизительно точную картину политическаго настроенія русскаго общества наканунѣ крестьянской реформы. Его нельзя назвать ни либеральнымъ, ни абсолютистскимъ: но оно было одновременно и тѣмъ и другимъ. Въ наши дни такое смѣшеніе противоположностей—остатокъ старины—представляетъ собою „союзъ 17 октября": но теперь изъ владѣющей массы уже опредѣленно выдѣлились два крыла, одно послѣдовательно буржуазное и въ политической области, другое столь же послѣдовательно феодальное. Критика этихъ крыльевъ и болѣе яркій свѣтъ политическаго сознанія, освѣщающій всю сцену, лишаютъ нашъ современный октябризмъ той наивности и непосредственности, какою отличалось сходное настроеніе конца 50-хъ годовъ. Тогдашніе прогрессивные дворяне были „искренними октябристами": сочетаніе словъ, которое для насъ звучитъ теперь нѣсколько странно. Но такъ какъ тогдашнее правительство было гораздо правѣе даже самаго праваго изъ современныхъ намъ октябристовъ, то коллизія между самой благонамѣренной буржуазностью и чисто феодальнымъ духомъ традиціонной власти получилась довольно острая. Благодаря этой коллизіи, въ исторіи крестьянскаго дѣла нашелся моментъ, когда дворянское эмансипаціонное движеніе оказалось субъективно либеральнымъ—и это придало реформѣ 19 февраля тотъ налетъ политическаго идеализма, котораго по существу дѣла въ ней не слѣдовало бы ожидать. Правда, дальше налета, дальше словъ дѣло не пошло,—какъ оно и не могло пойти дальше. Но и словъ было достаточно, чтобы въ глазахъ довѣрчиваго потомства капитальный ремонтъ стараго режима показался зарей новой эры. И 19 февраля, какъ 14 декабря 1825 г., обросло своего рода легендой, разрушившейся—далеко не окончательно притомъ—лишь на нашихъ глазахъ.

Въ центрѣ этой легенды стоялъ такъ называемый „общественный характеръ" реформы—рѣзко противополагаемый „бюрократическому характеру" крестьянскаго дѣла при Николаѣ I. Выходитъ такъ, что послѣдній какъ-будто стремился освободить крестьянъ безъ содѣйствія правящаго класса Россіи, — почему и потерпѣлъ неудачу, — а Александръ II, понявъ ошибку своего

предшественника, привлекъ „общество“ къ участію въ дѣлѣ, почему и довелъ его благополучно до конца. Но въ чемъ можно было обвинить Николая Павловича всего меньше, такъ это въ пренебреженіи къ классовымъ интересамъ помѣщиковъ и въ невнимательномъ отношеніи къ „общественному мнѣнію“ дворянства. Переводъ крестьянъ на „обязанное“ положеніе (по закону, изданному 2 апрѣля 1842 года) первоначально, какъ извѣстно, предполагался въ видѣ общей мѣры: Николай отказался отъ этого плана подъ вліяніемъ того ропота, который раздался изъ широкихъ дворянскихъ круговъ при первыхъ слухахъ о предполагаемой реформѣ. Дѣлать своихъ крестьянъ „обязанными“ было предоставлено доброй волѣ помѣщика—причемъ былъ изданъ спеціальный циркуляръ, разъяснявшій, что эту волю правительство отнюдь не намѣрено стѣснять *). Но Николай Павловичъ не потерялъ надежды склонить на свою сторону помѣщиковъ путемъ убѣжденій—и то, какъ онъ за это принялся, достаточно ясно показываетъ, что его собственная „желѣзная воля“ становилась мягкою, какъ воскъ, при соприкосновеніи съ интересами „первенствующаго въ имперіи сословія“. Упомянутый уже выше его разговоръ съ депутаціей смоленскихъ дворянъ (въ 1847 году) могъ бы служить образцомъ „внутренней дипломатіи“. Николай началъ съ комплиментовъ смоленскому дворянству за его „чувства и рыцарскія правила“. Потомъ заговорилъ о своемъ намѣреніи провести шоссе, которое для губерніи будетъ очень полезно, усовершенствовать водяныя сообщенія, связывавшія Смоленскую губернію съ Ригой. И только послѣ всѣхъ этихъ пріятныхъ вещей рѣшился коснуться непріятной—со всевозможными оговорками подошелъ къ крестьянскому вопросу. Нѣсколько разъ подчеркнувъ, что онъ говоритъ, какъ „первый дворянинъ въ государствѣ“, онъ мотивировалъ свое вмѣшательство въ этотъ вопросъ точно такъ же, какъ девять лѣтъ спустя это сдѣлалъ его сынъ: интересами самого дворянства. Въ переходѣ крестьянъ на „обязанное“ положеніе, по его словамъ, заключалась единственная возможность предотвратить „крутой переломъ“. Отнюдь не запирая вопроса для дворянскаго обсужденія, онъ просилъ смольнянъ только поговорить объ этомъ „келейно“—причемъ келейность нужна была опять-таки въ интересахъ того же дворянства,—неосторожная огласка могла взволновать прежде времени крѣпостную массу. Отвѣтъ смоленскихъ дворянъ, послѣ ихъ „келейныхъ“ совѣщаній, показывалъ, что они вовсе не расположены итти навстрѣчу намѣреніямъ своего государя *). И, какъ извѣстно, послѣд-

*) См. въ I части главу VI. Внутренняя политика Николая Павловича. Стр. 215—217.

*) Смоленскій предводитель, кн. Друцкой-Соколинскій, такими красками живописалъ экономическіе результаты крестьянской реформы: „...Количество произведеній съ помѣщичьихъ полей, главнѣйшихъ источниковъ хлѣбныхъ запасовъ, уменьшится до того, что ихъ не достанетъ не только для отпуска за границу, но и для внутренняго потребленія въ государствѣ. Скотоводство и коннозаводство уничтожатся, лѣса отъ недосмотра подвергнутся истребленію...

ній не сдѣлалъ ни одной попытки принудить дворянство повиноваться его волѣ. Напротивъ, послѣ февральской революціи онъ даже почувствовалъ потребность торжественно заявить, что эта воля нисколько не расходится съ волею владѣльцевъ крѣпостныхъ людей. Это заявленіе (въ рѣчи къ депутатамъ петербургскаго дворянства, явившимся къ нему въ концѣ 1848 года съ выраженіемъ готовности дворянъ помочь Николаю въ борьбѣ съ европейской революціей) такъ характерно, что мы позволимъ себѣ привести его здѣсь цѣликомъ. „Господа, я не боюсь внѣшнихъ враговъ“, говорилъ Николай Павловичъ. „Но у меня есть внутренніе, болѣе опасные. Противъ нихъ-то мы должны вооружаться и стараться сохранить себя, и въ этомъ я полагаюсь на васъ. Благодарю моихъ товарищей-дворянъ здѣшней губерніи за адресъ, который они хотѣли мнѣ поднести. Въ чувствахъ ихъ и привязанности ко мнѣ и къ отечеству я не сомнѣваюсь и за удовольствіе поставляю принадлежать къ ихъ сословію, потому что я и жена моя — мы тоже помѣщики петербургскіе. Между мною и ими, вообще дворянами, было недоразумѣніе, можетъ быть, и неудовольствіе и даже огорченіе; теперь должно быть все забыто. Мы должны крѣпко и дружно взяться за руки, стать около престола и, во главѣ васъ, я непобѣдимъ. Я увѣренъ, что дворянство при первомъ воззваніи готово пожертвовать мнѣ и отечеству не только имѣньемъ, но и жизнью; но въ настоящее время помощь мнѣ не нужна: я надѣюсь управиться своими средствами. Съ горестью однако же я долженъ сказать, что изъ 50 дворянъ я считаю 15 очень хорошихъ, 25 посредственныхъ, а 10 негодныхъ. За этими-то вы, предводители, должны надзирать и принимать мѣры къ ихъ исправленію. *Въ послѣднее время распустили слухи о какой-то эманципаціи. Эта мысль и самые толки о ней нелѣпы.* Въ первомъ моемъ манифестѣ объ обязанныхъ крестьянахъ я объявилъ ясно и опредѣлительно, что земля есть собственность помѣщика; это такое его право, которое никогда не должно быть нарушено. Я всегда дѣйствую откровенно и потому все, что я вамъ теперь говорилъ, вы можете передать всѣмъ и каждому“. Одновременно съ этимъ Николай воспользовался первымъ подходящимъ случаемъ, чтобы офиціально, на бумагѣ, заявить, что онъ „отнюдь не имѣетъ намѣренія измѣнить настоящихъ отношеній крестьянъ помѣщичьихъ съ ихъ владѣльцами“ *). Смыслъ „реакціи“, наступившей въ крестьянскомъ вопросѣ послѣ 48-го года, становится такимъ образомъ совершенно понятнымъ: дворянство въ концѣ 40-хъ годовъ далеко еще не было во всей своей массѣ ни проникнуто убѣжденіемъ въ экономической неизбѣжно-

---

Фабрики и заводы лишатся въ обѣднѣвшихъ помѣщикахъ своихъ потребителей. Сколько погибнетъ капиталовъ, какое сдѣлается замѣшательство во всей государственной экономіи!...“

*) По поводу представленной наслѣднику помѣщикомъ Огильви записки о крестьянскомъ вопросѣ. См. Матеріалы для исторіи упраздненія крѣпостного состоянія etc. I, стр. 74—76.

сти эмансипаціи, ни охвачено страхомъ, что крестьяне начнутъ освобождаться сами, если освобожденіе сверху замедлится. Волненія первой половины 50-хъ годовъ какъ разъ усилили это послѣднее чувство. Въ концѣ Крымской войны, по авторитетному свидѣтельству Кошелева, многіе дворяне „готовы были согласиться на большія пожертвованія и на всякое, самое для нихъ убыточное, прекращеніе крѣпостного состоянія, лишь бы освободили ихъ отъ страха, возбужденнаго въ нихъ возможностью провозглашенія вольности при вторженіи враговъ въ наши предѣлы". „Мнѣ случилось тогда видѣть нѣсколько поборниковъ крѣпостного права на людей, уговаривавшихъ меня, какъ можно скорѣе окончить и подать мой проектъ освобожденія крестьянъ", добавляетъ онъ. Такая полоса страха не могла пройти даромъ,—какъ бы ни были „позабыты" страхи временъ войны черезъ два года, какъ нѣсколько субъективно замѣчаетъ дальше Кошелевъ. Въ 1857 году крестьянское дѣло встрѣтило иную психологическую почву, нежели въ 1842 или 48-мъ, и этимъ достаточно объясняется какъ „реакціонность" Николая, такъ и „либерализмъ" его наслѣдника и вѣрнаго продолжателя его государственной традиціи. Не трудно было придать реформѣ „общественный характеръ", когда большая часть дворянскаго общества была на сторонѣ реформы: и совсѣмъ невозможно было это сдѣлать, когда большинство помѣщиковъ видѣло въ освобожденіи крестьянъ нѣчто въ родѣ второго татарскаго нашествія.

Другой вопросъ: зачѣмъ нужно было правительству отступать отъ проторенной колеи „келейнаго" обсужденія? Классовые интересы дворянства при Николаѣ отнюдь не страдали отъ того, что дѣло было въ рукахъ бюрократіи. „Келейное" вліяніе помѣщиковъ и въ реформѣ 19 февраля, какъ увидимъ дальше, было, не менѣе дѣйствительно, чѣмъ вліяніе прямое и явное. Зачѣмъ понадобился правительству Александра II своего рода „конституціонный зигзагъ"? Что ему могло дать *открытое* обращеніе къ дворянству? Мы очень погрѣшили бы противъ истины, если бы отнесли переворотъ насчетъ *личной* перемѣны — стали объяснять его измѣнившимися воззрѣніями Александра II и его министровъ. Новое царствованіе было вѣрно традиціи предшествующаго. Оно началось съ торжественнаго заявленія правительства, очень напоминавшаго только что цитированную рѣчь Николая: „Всемилостивѣйшій Государь Нашъ повелѣлъ мнѣ ненарушимо охранять права, вѣнценосными Его предками дарованныя дворянству", писалъ министръ внутреннихъ дѣлъ губернскимъ предводителямъ дворянства шесть мѣсяцевъ спустя послѣ воцаренія Александра II (въ циркулярѣ отъ 28 августа 1855 года). Формальный приступъ къ крестьянскому дѣлу былъ обставленъ совершенно такъ же, какъ это бывало при Николаѣ. Первый комитетъ, согласно николаевской традиціи, былъ секретный: открывая его засѣданія (3 января 1857 года), государь пригласилъ присутствующихъ хранить всѣ рѣшенія совѣщанія „въ величайшей тайнѣ". Даже впослѣдствіи, когда дѣло получило само собою широкую

огласку, всякое новое расширеніе этой огласки вызывало неудовольствіе Александра Николаевича и стремленіе его чиновниковъ зажать ротъ обществу. Когда въ печати появилась (помимо желанія автора) часть весьма благонамѣренной записки Кавелина, трактовавшей о надѣлѣ, выкупѣ и тому подобныхъ, чисто дѣловыхъ вещахъ, Александръ II пришелъ въ негодованіе. Министръ иностранныхъ дѣлъ, кн. Горчаковъ, по протекціи котораго Кавелинъ попалъ въ преподаватели къ наслѣднику, получилъ строгій нагоняй за такую рекомендацію *)— и мятежный профессоръ былъ немедленно уволенъ отъ этой должности. Мало того: Кавелинскій инцидентъ послужилъ непосредственнымъ поводомъ къ спеціальному циркуляру по цензурѣ, въ которомъ послѣдней ставилось на видъ, что она пропускаетъ иногда статьи, „гдѣ предлагаются не тѣ начала, кои указаны правительствомъ, излагается необходимость освободить крестьянъ вполнѣ отъ всякой зависимости помѣщиковъ и даже (!) отъ полицейской ихъ власти". Все подобное отнынѣ должно было быть совершенно запрещено. Въ результатѣ, послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ борьбы, „Русскій Вѣстникъ" съ августа 1858 года закрылъ свой „крестьянскій отдѣлъ", а „Сельское Благоустройство", основанное Кошелевымъ спеціально ради обсужденія вопросовъ, связанныхъ съ реформою, и вовсе прекратилось (въ началѣ 1859 года) „по причинамъ совершенно отъ редакціи не зависящимъ", какъ заявляла послѣдняя. Влачилъ свое существованіе—и то съ затрудненіями—только защищавшій интересы помѣщиковъ „Журналъ Землевладѣльцевъ". Но и распространенію мнѣній помѣщиковъ старались, по возможности, положить границу: журналы губернскихъ комитетовъ запрещено было не только печатать въ газетахъ и другихъ повременныхъ изданіяхъ, но даже печатать и литографировать для членовъ комитетовъ. Послѣднее настолько стѣсняло занятія комитетовъ, что имъ пришлось начать борьбу за „свободу печати", по крайней мѣрѣ, въ ихъ внутреннемъ обиходѣ: министерство нехотя уступило. Кульминаціоннымъ пунктомъ торжества николаевской традиціи былъ знаменитый циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ, запрещавшій даже дворянскимъ собраніямъ входить въ какія бы то ни было „сужденія по предметамъ, до крестьянскаго вопроса касающимся" (ноябрь 1859 года). И хотя циркуляръ былъ непосредственно вызванъ нѣкоторыми спеціальными осложненіями, которыя мы впослѣдствіи разсмотримъ подробно, — тѣмъ не менѣе въ немъ не приходится видѣть чего-либо исключительнаго,—напротивъ, онъ былъ вполнѣ въ духѣ всей „системы".

Итакъ, когда Александръ Николаевичъ въ манифестѣ о восшествіи на престолъ обѣщалъ быть орудіемъ „желаній и видовъ" „незабвеннаго Нашего родителя", онъ былъ,

*) Любопытнѣе всего, что Горчаковъ даже и не самъ рекомендовалъ Кавелина— въ этомъ былъ „виноватъ" его пріятель Титовъ: тѣмъ не менѣе Горчакову за одну „прикосновенность" къ этому дѣлу пришлось выслушать выговоръ въ совѣтѣ министровъ.

можно думать, вполнѣ искрененъ и говорилъ отнюдь не фразу. „Келейное“ обсужденіе крестьянскаго вопроса всего больше отвѣчало бы его вкусамъ и привычкамъ. И если въ этомъ вопросѣ въ концѣ концовъ восторжествовала, хотя отчасти, гласность и „общественность“, то это отнюдь не было плодомъ его доброй воли, — какъ не по доброй волѣ онъ подарилъ Россіи европейскія судебныя учрежденія, искренно считая адвокатуру и судъ присяжныхъ „западными дурачествами“ *). Если правительство Александра II, на первыхъ порахъ, пошло „западнымъ“ курсомъ, то это съ его стороны не былъ обдуманный шагъ и расчетъ: это было его несчастіе; такъ это понималось и тогдашними правительственными дѣятелями, и вовсе не только „крѣпостниками“—а и такими, какъ Н. А. Милютинъ. Вся исторія редакціонныхъ комиссій есть исторія попытки правительства вернуть себѣ разъ утерянную иниціативу: и не кто другой, какъ Милютинъ, въ достиженіи этой цѣли видѣлъ главное условіе успѣха.

Одной изъ причинъ безпомощности правительства на первыхъ шагахъ крестьянской реформы была, конечно, его совершенная теоретическая неподготовленность. „Нельзя не выразить удивленія“, пишетъ одинъ хорошо освѣдомленный современникъ, „что правительство, приступая къ столь важному дѣлу, нисколько не было къ оному подготовлено и не составило себѣ никакого предварительнаго плана дѣйствія“. Секретный комитетъ началъ съ того, что сталъ собирать бумаги своихъ предшественниковъ, начиная съ комитета 6 декабря 1826 г. Присоединивъ сюда частные проекты, ходившіе по рукамъ (Кошелева, Самарина, Кавелина и др.), секретарь комитета, Бутковъ, началъ составлять изъ всего этого „синоптическую вѣдомость“— и рѣшено было всякія занятія отложить, пока она не будетъ готова. Съ самаго начала, такимъ образомъ, „бюрократіи“ пришлось уподобиться студенту, готовящемуся къ экзамену —и при этомъ искать еще себѣ репетиторовъ среди „общества“, въ лицѣ авторовъ частныхъ проектовъ. Любопытно, что эта частная иниціатива не только снабдила правительство теоретическими свѣдѣніями, но подсказала ему и ту практическую форму, въ которую впослѣдствіи должна была отлиться иниціатива правительственная: планъ „редакціонныхъ комиссій“ мы находимъ прежде всего въ одной частной запискѣ Кавелина, причемъ проектируемый имъ примѣрный составъ комиссій тоже, въ значительной части, осуществился впослѣдствіи на дѣлѣ. Такъ какъ и идея губернскихъ комитетовъ была подсказана правительству частной иниціативой—хотя и исходившей отъ лица чиновнаго (Н. А. Милютина), но состоявшаго въ сильномъ подозрѣніи у власти въ этомъ періодѣ *), и дѣйствовавшаго въ данномъ слу-

*) Одобрительная высочайшая отмѣтка противъ соотвѣтствующей характеристики новаго суда въ запискѣ галичанина Зубрицкаго, представленной Александру въ 1858—59 гг.

*) „Ты мнѣ за него ручаешься“, внушительно сказалъ Александръ II министру внутр. дѣлъ Ланскому, соглашаясь поручить Милютину обязанности товарища министра.

чаѣ по порученію частнаго лица *), то чрезвычайно трудно сказать, что во всемъ предпріятіи можетъ быть отнесено на долю собственно правительственнаго творчества. Это неумѣнье „шагу ступить" въ начатомъ дѣлѣ, конечно, сильно обусловливало исканіе поддержки со стороны общества. Но однимъ этимъ объяснять отступленіе отъ николаевской традиціи было бы неосторожно. Русское правительство и раньше, и послѣ неоднократно имѣло случаи доказывать, что ученостью его не обморочишь—и что у него достаточно мужества, чтобы браться за разрѣшеніе вопросовъ, къ которымъ оно совершенно не подготовлено. Притомъ же свѣдущихъ людей изъ общества можно было добыть на гораздо менѣе убыточныхъ условіяхъ—не давая имъ рѣшающаго голоса, какой вначалѣ несомнѣнно былъ обѣщанъ губернскимъ комитетамъ, — а пригласивъ ихъ въ скромномъ качествѣ экспертовъ, какъ это и было впослѣдствіи сдѣлано для редакціонныхъ комиссій. Но когда начали дѣйствовать редакціонныя комиссіи, въ 1859 году, правительство уже твердо сидѣло въ сѣдлѣ и было увѣрено, что оно сможетъ собственными силами довести дѣло до конца. За два года раньше этой увѣренности у него далеко не было—ему казалось, что почва подъ нимъ трясется, что катастрофа неминуема и близка, и эта-то атмосфера *испуга* ближайшимъ образомъ объясняетъ намъ, почему николаевскій режимъ, во всемъ цвѣтѣ и красѣ стоявшій еще въ первые годы новаго царствованія, унизился до заискиванія передъ общественнымъ мнѣніемъ. Позже онъ раскаялся въ своемъ паденіи—и подъ конецъ далъ этому общественному мнѣнію рядъ грубыхъ пинковъ, начиная съ упомянутаго уже нами циркуляра, запрещавшаго дворянамъ разсуждать о дѣлѣ, которое всего ближе ихъ касалось, и кончая назначеніемъ въ предсѣдатели редакціонныхъ комиссій человѣка, единственнымъ достоинствомъ котораго было, что онъ не смѣлъ разсуждать вовсе. Но вначалѣ страхъ бралъ верхъ надъ всѣмъ. Страхъ былъ преобладающимъ чувствомъ тѣхъ, кто, подъ покровомъ „строжайшей тайны", призванъ былъ работать надъ освобожденіемъ крестьянъ въ секретномъ комитетѣ. „Мы начали великое дѣло", писалъ предсѣдатель его, кн. Орловъ, своему сыну: „*я не обманываю себя и знаю, что оно не обойдется безъ безпорядковъ и возмущеній*, но не сомнѣваюсь, что съ благоразуміемъ мы совершимъ его успѣшно. Если будутъ возстанія, надо быть безпощадно строгимъ, не теряя времени (il faudra sévir juste et fort)". „Возстаніе", „мятежъ" — вотъ что прежде всего представлялось уму ближайшаго довѣреннаго лица императора при мысли объ освобожденіи крестьянъ. И не веселѣе смотрѣлъ на дѣло самъ императоръ. Мрачныя предчувствія сквозятъ изъ каждой фразы его знаменитаго обращенія къ московскимъ дворянамъ. „Было нѣсколько случаевъ неповиновенія крестьянъ помѣщикамъ", слышимъ мы въ самомъ началѣ этой короткой

*) Вел. княгини Елены Павловны. Задумавъ освободить крестьянъ своего полтавскаго имѣнія, Карловки, она обратилась за совѣтомъ къ Милютину — и тотъ присовѣтовалъ ей обсудить дѣло въ комитетѣ изъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ.

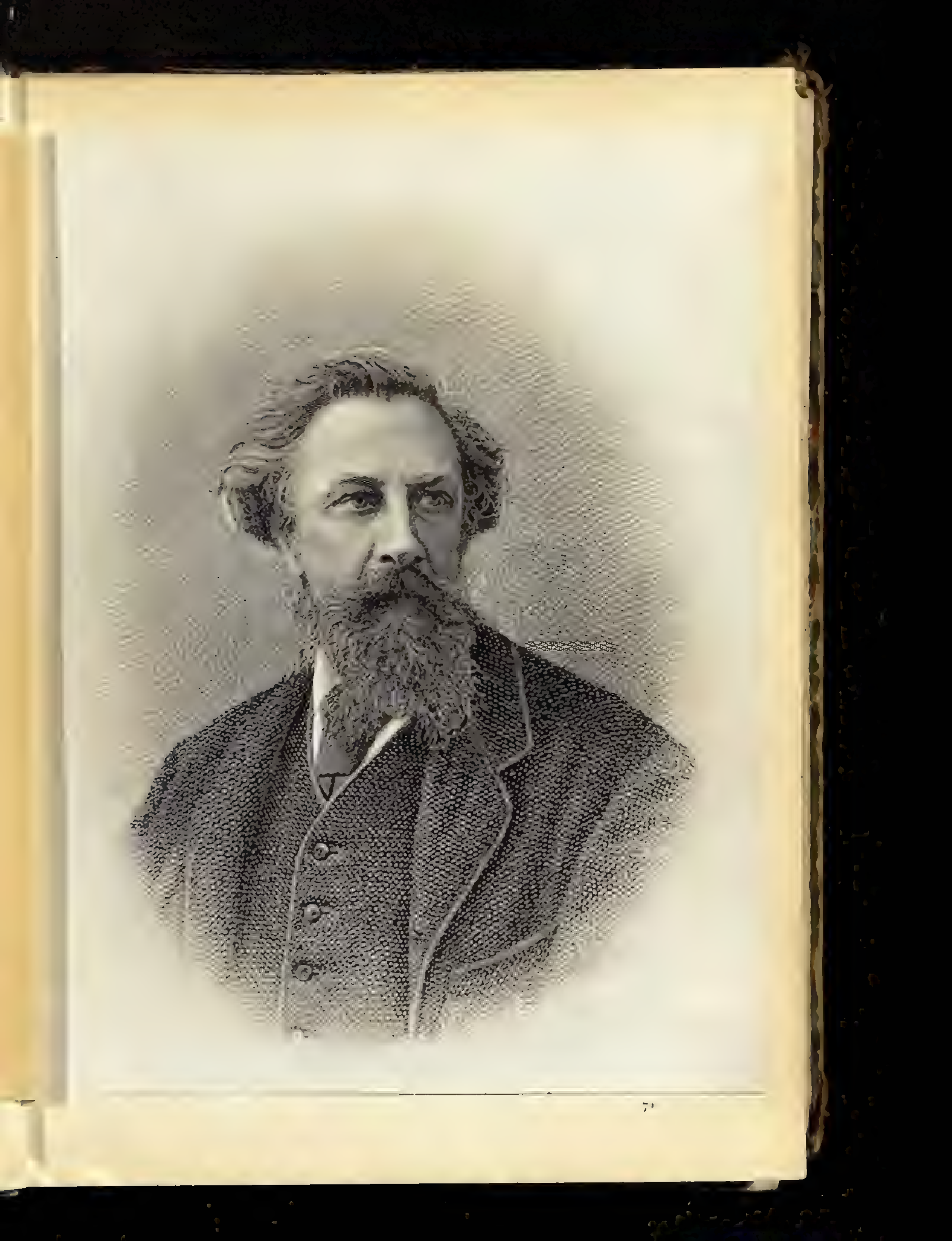
рѣчи. А черезъ двѣ фразы: „мы живемъ въ такомъ вѣкѣ, что современемъ это (освобожденіе) должно случиться“... „Слѣдовательно, гораздо лучше, чтобы это произошло свыше, нежели снизу...“*). „Спасайтесь, пока не поздно“ — такъ можно резюмировать это обращеніе. Исторія не менѣе знаменитаго, чѣмъ эта рѣчь, проекта осуществить крестьянскую реформу при посредствѣ временныхъ генералъ-губернаторовъ съ чрезвычайными полномочіями — показываетъ, что Александръ Николаевичъ не только пугалъ другихъ, но и совершенно искренно боялся самъ. Противъ этой мѣры было, какъ извѣстно, и само министерство внутреннихъ дѣлъ—къ этому времени (лѣто 1858 года) уже убѣдившееся, что страхи передъ бунтомъ совершенно неосновательны. Ланской подалъ Александру II записку, составленную Арцимовичемъ при ближайшемъ участіи Милютина, гдѣ доказывалось весьма убѣдительно, что военное положеніе среди полнаго спокойствія будетъ излишней роскошью. Императоръ былъ очень разгнѣванъ этимъ дерзкимъ намекомъ на то, что онъ безпокоится совершенно понапрасну—и въ своихъ замѣчаніяхъ на записку далъ полную волю какъ своему раздраженію, такъ и своей мрачной фантазіи. „Все это такъ“, писалъ онъ въ отвѣтъ на заявленіе Ланского о полномъ спокойствіи массъ, „пока народъ находится въ ожиданіи, но кто можетъ поручиться, что когда новое положеніе будетъ приводиться въ исполненіе и народъ увидитъ, что *ожиданіе его, т. е. свобода по его разумѣнію, не сбылось*, не настанетъ ли для него *минута разочарованія?* Тогда уже будетъ поздно посылать отсюда особыхъ лицъ для усмиренія. Надобно, чтобы они были уже на мѣстахъ. Если Богъ поможетъ и все останется спокойно, тогда можно будетъ отозвать временныхъ генералъ-губернаторовъ“.... „Мы должны быть готовыми ко всему“, читаемъ мы дальше. „Эти всѣ опасенія (т. е. опасенія, что раздѣленіе Россіи на генералъ-губернаторства принесетъ одинъ вредъ) возбуждены людьми, которые желали бы, чтобы правительство ничего не дѣлало, дабы имъ легче было достигнуть ихъ цѣли, т. е. ниспроверженія законнаго порядка“. Потомъ „эти люди“ названы прямо: оказывается, это были, ни болѣе, ни менѣе, директора департаментовъ министерства внутреннихъ дѣлъ (т. е., прежде всего все тотъ же „красный“ Милютинъ)... „Красный призракъ“ въ мундирѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника — дальше этого едва ли могло итти самое встревоженное воображеніе. Но, бросая яркій свѣтъ на настроеніе Александра Николаевича въ первые годы реформы, этотъ драгоцѣнный документъ вскрываетъ передъ нами еще одну черту, окончательно обрисовывающую позицію правительства: правительство прекрасно сознавало, что свобода, которую оно собирается дать, будетъ не настоящей, не той, которую ожидаетъ народъ — и что непосредственнымъ результатомъ освобожденія будетъ „разочарованіе“ народной массы. Если мы не ошибаемся, нѣтъ документа,

*) Мы беремъ неофиціальный текстъ, гораздо лучше сохранившій впечатлѣніе живой рѣчи, нежели выглаженная впослѣдствіи офиціальная редакція.

гдѣ въ *классовомъ* характерѣ реформы признавались бы откровеннѣе.

Правительство Александра II не бралось приготовить „разочарованіе" народу исключительно своими усиліями и за своей личной отвѣтственностью. Дворянство должно было всего больше выиграть отъ реформы—дворянство и должно было приложить къ ней руку и взять на себя часть отвѣтственности. Послѣ Севастополя, какъ и послѣ Тильзита, самодержавіе нуждалось въ людяхъ, которые раздѣлили бы съ нимъ опасность стать жертвою „всеобщаго негодованія",—нѣкогда, по извѣстнымъ словамъ Бибикова, создавшаго Пугачева. Но насколько холодно отнеслось дворянство къ заискиваніямъ правительства послѣ Тильзита—настолько теплаго участія могло ожидать правительство теперь. Потому что само дворянство было напугано нисколько не менѣе. Министерство внутреннихъ дѣлъ было засыпано донесеніями предводителей дворянства, полными самыхъ мрачныхъ ожиданій. „Неизвѣстно, что готовитъ намъ будущее", писалъ, напримѣръ, одинъ изъ нихъ: „тѣмъ болѣе, что войска, кромѣ двухъ батальоновъ, во всей губерніи нѣтъ. Всѣ распущенные изъ полковъ солдаты разсыпаны по деревнямъ и при первомъ случаѣ станутъ во главѣ всякаго безпорядка. На земскую полицію разсчитывать невозможно". Повидимому, отпускныхъ солдатъ больше всего боялось и правительство. Не даромъ министръ внутреннихъ дѣлъ въ циркулярѣ губернаторамъ и предводителямъ дворянства (въ апрѣлѣ 1856 г.), рекомендовалъ особенному вниманію послѣднихъ „отставныхъ и безсрочно отпускныхъ нижнихъ чиновъ, которые будутъ приходить въ селенія, изъ коихъ первоначально поступили на службу". И хотя министръ счелъ долгомъ выразить надежду, что „сіи заслуженные воины" „подадутъ добрый примѣръ" крестьянамъ, тѣмъ не менѣе подъ его перо какъ-то случайно тутъ же попало „отклоненіе отъ законнаго порядка и отъ повиновенія помѣщичьей власти". Крайне характерно это косвенное свидѣтельство о настроеніи николаевской арміи на другой день послѣ Севастополя. Итакъ, страхъ былъ общимъ чувствомъ,—какъ въ центрѣ, такъ и на мѣстахъ. Воззванія правительства должны были теперь гораздо легче найти благосклонныхъ слушателей, чѣмъ въ 1809 году. Но, при общности страха, помѣщики, ближе стоявшіе къ деревнѣ и могшіе поэтому болѣе конкретно представить себѣ опасность, все же менѣе теряли голову. Ни частные разговоры Александра II съ предводителями, ни даже московское обращеніе не заставили ихъ, безъ всякихъ условій и даромъ, броситься на вызовъ самодержавія. Частные разговоры товарища министра внутреннихъ дѣлъ, Левшина, съ дворянами въ Москвѣ (во время коронаціи въ августѣ 1856 года) тоже ни къ чему не привели. Дворяне не хотѣли играть въ темную и желали, чтобы правительство показало имъ свои карты—дало нѣкоторыя торжественныя обѣщанія, на которыя потомъ можно было бы опереться, на почвѣ которыхъ, въ случаѣ нужды, можно было бы даже вести борьбу противъ возможныхъ капризовъ сверху. Пришлось уступить. Такъ какъ наибо-

7

лѣе предупредительными въ частныхъ разговорахъ съ правительствомъ показали себя дворяне западныхъ губерній *), въ особенности литовскіе, то первая уступка была сдѣлана имъ. 20 ноября 1857 г. появился рескриптъ Александра II на имя виленскаго, ковенскаго и гродненскаго генералъ-губернатора, Назимова.

По господствующей традиціи, этотъ рескриптъ составилъ эпоху въ крестьянскомъ дѣлѣ. Зная такую его репутацію, вы готовитесь встрѣтить въ немъ нѣчто совершенно новое—и встрѣчаете хорошо знакомый вамъ законъ 1842 года объ обязанныхъ крестьянахъ. Въ самомъ дѣлѣ, вотъ основныя положенія рескрипта:

1) Помѣщикамъ сохраняется право собственности на всю землю, но крестьянамъ оставляется ихъ усадебная осѣдлость, которую они въ теченіе опредѣленнаго времени пріобрѣтаютъ въ свою собственность посредствомъ выкупа; сверхъ того, предоставляется въ пользованіе крестьянъ надлежащее, по мѣстнымъ удобствамъ, для обезпеченія ихъ быта и для выполненія ихъ обязанностей предъ правительствомъ и помѣщиками, количество земли, за которую они или платятъ оброкъ или отбываютъ работу помѣщику.

2) Крестьяне должны быть распредѣлены на сельскія общества, помѣщикамъ же предоставляется вотчинная полиція и

3) при устройствѣ будущихъ отношеній помѣщиковъ и крестьянъ должна быть надлежащимъ образомъ обезпечена исправная уплата государственныхъ и земскихъ податей и денежныхъ сборовъ.

Отличіе отъ проекта Киселева, легшаго въ основу закона 1842 года, заключалось главнымъ образомъ въ томъ, что послѣдній совершенно опредѣленно сохранялъ прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ, — а рескриптъ 1857 года замалчивалъ вопросъ о томъ, имѣетъ ли право крестьянинъ, отказавшись и отъ усадьбы, и отъ надѣла, попросту итти въ широкій божій міръ искать, гдѣ онъ выгоднѣе можетъ продать свой трудъ. Но, не говоря этого всѣми буквами, и рескриптъ, очевидно, предполагаетъ всѣмъ своимъ содержаніемъ, что крестьяне останутся крѣпки тому имѣнію, гдѣ ихъ застало освобожденіе. Наиболѣе недогадливымъ совершенно опредѣленно разъясняло это дополнявшее торжественный рескриптъ *секретное* отношеніе министра къ тому же генералъ-губернатору Назимову, гдѣ уже всѣми буквами было сказано, что крестьянамъ оставляется ихъ усадебная осѣдлость „въ видахъ предотвращенія вредной подвижности и бродяжничества въ сельскомъ населеніи". Отношеніе рекомендовало даже „принять мѣры къ возможному обезпеченію осѣдлости батраковъ"—т. е. къ уничтоженію сельскаго пролетаріата даже тамъ, гдѣ онъ уже народился. Принявъ все это въ соображеніе, мы увидимъ, что разница со старымъ проектомъ Киселева заключается только въ установленіи за крестьянами права *собственности* на ихъ усадьбы — которыя предоставлялись „обязаннымъ" крестьянамъ лишь въ

*) О введеніи въ западныхъ губерніяхъ инвентарей, которыми ближайшимъ образомъ было недовольно тамошнее дворянство см. ч. I., стр. 223 и сл.

пользованіе. Но это установленіе крестьянской собственности на клочокъ земли, не имѣвшей никакого хозяйственнаго значенія, преслѣдовало свою особую цѣль—вполнѣ откровенно раскрытую въ другомъ „отношеніи“ того же министра,—по поводу рескрипта петербургскому ген.-губернатору Игнатьеву (отъ 5 декабря), аналогичнаго съ назимовскимъ. Дѣло въ томъ, что усадьбу крестьяне обязаны были *выкупать*; „размѣръ выкупа“, пояснялъ министръ, „опредѣляется оцѣнкой не одной усадебной земли и строеній, но и *промысловыхъ выгодъ* и *мѣстныхъ удобствъ*“. Другими словами, заставляя крестьянина выкупать усадьбу, можно было заставить его выкупить и оброкъ, который онъ платилъ барину за право уходить на промыселъ, т. е. заставить крестьянина выкупить и свою *личность*. А до взноса выкупа за усадьбу крестьянинъ не получалъ и личной свободы. Такимъ образомъ съ самаго начала была пущена на выкупъ не только земля, но и право на людей, жившихъ на этой землѣ. Эта идея вовсе не прокралась въ реформу незамѣтно, благодаря проискамъ „крѣпостниковъ-помѣщиковъ“: честь ея изобрѣтенія принадлежитъ правительству—тому самому правительству, которое потомъ съ такимъ истинно-пуританскимъ лицемѣріемъ преслѣдовало всякое упоминаніе о выкупѣ личности. Въ самомъ дѣлѣ, „путь былъ указанъ“, лазейка была оставлена съ самаго начала. Къ чему же компрометировать „святое дѣло“, грубо выставляя на показъ голые классовые инстинкты?

Итакъ, правительство Александра II начало съ того, на чемъ остановился Николай I: традиція, связывающая два царствованія, еще разъ выступаетъ передъ нами со всей отчетливостью. Дворянству вторично предлагали то, отъ чего оно отказалось въ 40-хъ годахъ. И новость заключалась въ томъ, что теперь оно и не думало отъ этого отказываться. Крѣпостное право собирались ликвидировать вполнѣ согласно съ выгодами помѣщиковъ, и, что еще важнѣе, при ихъ активномъ участіи. Это разумѣлось само собой при основаніи дворянскихъ комитетовъ: чрезвычайно характерно тутъ прежде всего то, что составъ этихъ комитетовъ былъ чисто классовый. Въ противоположность редакціоннымъ комиссіямъ, гдѣ были соединены помѣщики и чиновники, притомъ первые по выбору и назначенію правительства, въ комитетахъ были только помѣщики. Комитеты состояли изъ выборныхъ дворянскихъ депутатовъ, по два на уѣздъ, и назначенныхъ администраціей, по два на губернію: но послѣдніе, помимо того, что они всегда составляли ничтожное меньшинство, брались непремѣнно изъ числа мѣстныхъ же землевладѣльцевъ. Такимъ образомъ комитеты выражали помѣщичью классовую точку зрѣнія съ такой чистотой, какъ только это было возможно. Но эта точка зрѣнія не должна была остаться господствующей только на низшей ступени, въ подготовительной стадіи. По первоначальному проекту она должна была быть широко представлена и при окончательномъ рѣшеніи дѣла. Офиціально это было выражено въ довольно сдержанной формѣ,—оказавшей по-

томъ большія услуги правительству, когда оно получило возможность отпереться отъ своихъ первоначальныхъ обѣщаній. Высочайшее повелѣніе гласило: 1) „предоставить каждому губернскому комитету объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ, по составленіи въ комитетѣ проекта, избрать по своему усмотрѣнію и прислать въ С.-Петербургъ двухъ членовъ для представленія высшему правительству всѣхъ тѣхъ свѣдѣній и объясненій, кои оно признаетъ нужнымъ имѣть при окончательномъ обсужденіи и разсмотрѣніи каждаго проекта... 10) предоставить главному комитету также право, если онъ признаетъ нужнымъ, приглашать и въ свои засѣданія членовъ, командированныхъ губернскими комитетами, а также требовать отъ нихъ нужныя свѣдѣнія и объясненія". Буквально, отсюда не вытекало еще больше *совѣщательнаго* голоса для представителей дворянства,—да и то не навѣрное. Но этотъ сдержанный языкъ казеннаго документа получилъ высоко компетентное разъясненіе въ рѣчахъ самого императора, къ которымъ дворяне были вправѣ относиться съ бо́льшимъ довѣріемъ, чѣмъ къ какой бы то ни было бумагѣ. Въ концѣ лѣта 1858 г., въ разгаръ дѣятельности губернскихъ комитетовъ, Александръ Николаевичъ совершилъ большую поѣздку по сѣверной и средней Россіи и во всѣхъ губернскихъ городахъ держалъ къ дворянамъ рѣчи о крестьянскомъ дѣлѣ. Смыслъ этого обращенія былъ совершенно ясенъ: самодержавная власть продолжала думать, что она нуждается въ поддержкѣ дворянства. Это было сказано всѣми словами въ обращеніи къ тверскимъ дворянамъ: „Я увѣренъ, что могу быть покоенъ", сказалъ Александръ II: „вы Меня поддержите и въ настоящемъ дѣлѣ". И тутъ же, въ непосредственной связи съ этимъ, было дано такое разъясненіе цитированному выше высочайшему повелѣнію отъ 15 іюля: „я уже приказалъ сдѣлать распоряженіе, чтобы изъ вашихъ же членовъ было избрано двое депутатовъ для присутствія и *общаго обсужденія* въ Петербургѣ, при разсмотрѣніи положенія всѣхъ губерній въ главномъ комитетѣ". Что бы ни думалъ при этихъ словахъ самъ ораторъ—можно согласиться, что онъ не соединялъ съ ними черезчуръ отчетливыхъ представленій—но слушатели могли ихъ понять только однимъ образомъ: что крестьянское дѣло будетъ рѣшено при участіи выборныхъ отъ дворянства.

Какъ въ 1842 году дѣло отдано на волю каждаго дворянина въ отдѣльности, такъ въ 1857 году оно, казалось, съ перваго до послѣдняго шага должно было зависѣть отъ воли всего дворянства въ цѣломъ. Тогда на призывъ откликнулись три дворянина,—теперь навстрѣчу правительству пошло дворянство всѣхъ губерній *). Уже самая кар-

*) Рескриптъ 20 ноября 1857 года былъ разосланъ, какъ извѣстно, всѣмъ губернаторамъ, что разсматривалось, какъ приглашеніе дворянъ всѣхъ губерній ходатайствовать объ организаціи комитетовъ, подобныхъ учрежденнымъ въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ. Но не дождавшись результатовъ этой разсылки, правительство поспѣшило подогрѣть усердіе дворянскихъ обществъ вторымъ высочайшимъ рескриптомъ, на этотъ разъ относившимся къ петербургской

тина открытія комитетовъ, съ молебнами и обѣдами, съ тостами въ честь Александра II и рѣчами во славу русскаго дворянства, съ балами, на которыхъ гремѣла музыка крѣпостныхъ оркестровъ,—показывала, что приступъ къ крестьянской реформѣ не былъ тѣмъ тяжелымъ ударомъ для „крѣпостниковъ-помѣщиковъ", какимъ его иногда представляли себѣ впослѣдствіи. Находились, конечно, отдѣльные ворчуны-старовѣры, которымъ претили самые разговоры объ освобожденіи крестьянъ, находились Коробочки, владѣлицы десятковъ душъ, которымъ реформа въ самомъ дѣлѣ была невыгодна, но ни тѣ, ни другіе не пользовались никакимъ вліяніемъ въ губернскомъ обществѣ. Изъ всѣхъ 1.377 членовъ губернскихъ комитетовъ ни одинъ не выступилъ на защиту стараго порядка въ его неприкосновенномъ видѣ.

И было бы очень неосторожно объяснять это холопствомъ русскихъ дворянъ того времени,—ибо тѣ же самые дворяне за десять лѣтъ передъ тѣмъ не боялись же давать отповѣдь самому Николаю Павловичу,—выглядѣвшему, конечно, болѣе страшно, чѣмъ его куда болѣе обходительный и доступный преемникъ. Напротивъ, прислушиваясь къ рѣчамъ, раздававшимся на этихъ торжествахъ, мы улавливаемъ скорѣе нотки ликованія и самодовольства, — нѣсколько преждевременнаго, какъ показали событія. Воспѣтый впослѣдствіи Щедринымъ „Новый Нарциссъ" расцвѣлъ во всей красѣ впервые именно въ губернскихъ комитетахъ. Еще ничего не сдѣлавъ, дворяне уже умилялись по поводу своей доброты и своего великодушія. Вотъ, напримѣръ, какъ говорилъ херсонскій губернскій предводитель Касиновъ на обѣдѣ, которымъ, разумѣется, было ознаменовано открытіе губернскаго комитета: „четыре дня тому назадъ, движимые благою и всеобъемлющею мыслію августѣйшаго монарха, мы собрались здѣсь, въ этой же залѣ, для предварительнаго, но гласнаго разрѣшенія великой задачи, въ которой цѣлая Россія принимаетъ участіе семейное. Труденъ казался вопросъ!

губерніи (петербургскіе дворяне за нѣсколько лѣтъ передъ этимъ хлопотали о разрѣшеніи заняться крестьянскимъ вопросомъ). Первой откликнулась на призывъ Нижегородская губернія (постановленіе дворянскаго собранія 17 декабря и отвѣтный рескриптъ 24-го декабря — скорость безпримѣрная въ русскихъ офиціальныхъ сношеніяхъ до тѣхъ поръ). Затѣмъ 7 января 1858 года послѣдовало подобное же постановленіе московскаго дворянства—вовсе не особенно опоздавшаго, какъ обыкновенно думаютъ: явная немилость къ нему была только мотивирована его якобы медленностью, а на самомъ дѣлѣ объяснялась тѣмъ, что московскіе дворяне осмѣлились „свое сужденіе имѣть", намекнувъ, что рескрипты для нихъ не обязательны. Прочія губерніи на самомъ дѣлѣ отстали значительно: въ Оренбургской, Самарской, Саратовской, Симбирской, Кіевской, Подольской, Волынской, Орловской и Тверской губерніяхъ комитеты появились только въ *мартѣ*; въ Астраханской, Новгородской, Казанской, Рязанской, Костромской, Екатеринославской, Тамбовской, Полтавской, Харьковской, Пензенской, Воронежской и Курской—только въ *апрѣлѣ*, въ остальныхъ еще позже. Впрочемъ, моменты офиціальнаго учрежденія комитета и фактическаго начала его дѣйствій невсегда совпадали: такъ, комитеты сѣверо-западныхъ губерній, къ которымъ былъ обращенъ рескриптъ 20 ноября, открылись въ февралѣ-мартѣ, московскій началъ свою работу въ апрѣлѣ, кіевскій и симбирскій—только въ іюнѣ.

Во имя истины намъ предстояло отрѣшиться отъ нашихъ личныхъ интересовъ, отъ нашихъ страстныхъ увлеченій. И мы его разрѣшили: дружно, честно, по-русски! Счастливъ каждый изъ насъ, вынося святое убѣжденіе, что какой бы ни былъ возбужденъ вопросъ въ любезномъ отечествѣ нашемъ, онъ всегда будетъ разрѣшенъ цѣлой Россіей, какъ одной семьей, такъ же дружно, мирно, по-русски!“ „Продолжительное „ура“ отвѣтило на эти слова“, добавляетъ передающій эту рѣчь современникъ, „и сугубый тостъ провозглашенъ въ честь предводителя“.

Такъ говорили добродушные провинціалы: но отъ нихъ не отставала и дворянская интеллигенція. Профессоръ Кавелинъ—тогда еще не подвергшійся опалѣ—говорилъ на знаменитомъ московскомъ обѣдѣ (28 декабря 1857 года): „просвѣщеннѣйшему сословію, стоящему выше другихъ, интересы котораго существенно зависятъ отъ того или другого рѣшенія задачи, предоставлена въ немъ самая дѣятельная роль. *Въ этомъ, милостивые государи, скрывается глубокое нравственное начало, составляющее вѣрный залогъ мирнаго успѣха(!).* Кто просвѣщеннѣе другихъ, тотъ, естественно, и разумнѣе; кто высоко стоитъ на общественной лѣстницѣ, тотъ и способнѣе обсудить дѣло со стороны не только частной выгоды, но и всенародной пользы, у кого право и власть, тотъ отвѣчаетъ за свои дѣйствія передъ Богомъ, отечествомъ и исторіей, а высокое призваніе поднимаетъ нравственно каждаго человѣка...“ Оказывалось такимъ образомъ, что дворяне, именно потому, что они были владѣльцами крѣпостного труда, чуть ли не способнѣе были правильно оцѣнить интересы крестьянъ, чѣмъ сами крестьяне... И это говорилъ не какой-нибудь захолустный помѣщикъ, а одинъ изъ самыхъ талантливыхъ публицистовъ своего времени, говорилъ, несомнѣнно, искренно въ минуту большого душевнаго подъема. Форма, въ которую отлился этотъ подъемъ, тоже необычайно характерна: выпивъ рядъ тостовъ за Александра II, цвѣтъ московской интеллигенціи, собравшійся въ залѣ купеческаго собранія, хоромъ пропѣлъ „Боже, царя храни!“ передъ царскимъ портретомъ. И нѣтъ надобности прибавлять, это было тоже совершенно искренно: люди были такъ умилены на себя и такъ довольны собой, жизнь казалась имъ такой полной и гармоничной, что они не могли не чувствовать горячей благодарности къ виновнику своего счастья. Въ эти дни то лояльное чувство, которое, какъ мы видѣли *), вообще проникало эмансипаціонное движеніе сверху донизу, отличалось особенной напряженностью, и всякое другое правительство, вѣроятно, сумѣло бы превосходно использовать подобный моментъ для того, чтобы прочно закрѣпить на своей сторонѣ общественное мнѣніе. Нужно было быть министрами и чиновниками, воспитанными въ николаевской школѣ, чтобы общество, даже такъ настроенное, оттолкнуть отъ себя и сдѣлать своимъ врагомъ. Но моментъ столкновенія былъ еще не близокъ — 28 декабря его никто не предчувствовалъ.

---

*) См. выше гл. II. 1. Новое общество.

Въ знаменитомъ обѣдѣ была еще и другая любопытная черта,—на которую менѣе обратили вниманія и современники, и историки, но которая не меньше заслуживаетъ вниманія. Этой чертой было братаніе дворянства съ передовой буржуазіей. О послѣдней напомнилъ прежде всего профессоръ политической экономіи Бабстъ. „Еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія“, сказалъ онъ, „говорилъ Шторху одинъ изъ фабрикантовъ, родоначальниковъ нашей мануфактурной промышленности, что послѣдняя не можетъ широко развиваться при обязательномъ крѣпостномъ трудѣ“. Слова Бабста вызвали единодушное одобреніе всего собранія. Но еще выразительнѣе была рѣчь откупщика Кокорева, которой ему не удалось произнести на самомъ обѣдѣ и о которой напечатавшій ее „Русскій Вѣстникъ“ выразился, что это — „не рѣчь, а поступокъ“. Основная идея этого „поступка“—что освобожденіе крестьянъ сулитъ въ будущемъ огромныя выгоды именно купечеству, буржуазіи. „Когда новый порядокъ сообщитъ довольство крестьянамъ, тогда вся торговля разовьется и приметъ другіе размѣры, значитъ, и мы, купцы, будемъ имѣть новую огромную выгоду“. Отсюда Кокоревъ дѣлалъ выводъ, что купечество должно прійти на помощь своими капиталами неизбѣжной при ликвидаціи крѣпостного права выкупной операціи. Это были только однѣ фразы; какъ мы знаемъ, крестьянамъ пришлось самимъ выкупать себя. Но вѣдь и все остальное, говорившееся на этомъ обѣдѣ, были только однѣ фразы—и сомнѣваться въ искренности Кокорева мы такъ же мало имѣемъ права, какъ и сомнѣваться въ искренности Кавелина. А то сочувствіе, съ какимъ была встрѣчена рѣчь Кокорева дворянской интеллигенціей, показало, что дворянство и буржуазія поняли другъ друга, поняли, насколько эмансипація отвѣчаетъ ихъ обоюднымъ интересамъ—и если въ будущемъ крестьянской реформѣ суждено было встрѣтить подводные камни, то, во всякомъ случаѣ, они лежали не въ этой сторонѣ. Соперничество разыгралось не между дворянствомъ и буржуазіей, какъ мы увидимъ сейчасъ, а между отдѣльными слоями самого дворянства.

Мы уже видѣли, что защитниковъ крѣпостного права въ его чистомъ видѣ среди дворянства, взявшаго въ руки крестьянское дѣло въ 1858 г., не нашлось. Если мы часто встрѣчаемъ упоминаніе о „крѣпостникахъ“ въ губернскихъ комитетахъ, если мы слышимъ, что „либералы“ всюду, кромѣ тверского комитета, составляли меньшинство—то это значитъ лишь, что комитеты болѣе или менѣе послѣдовательно проводили классовую, помѣщичью точку зрѣнія на реформу, — причемъ, какъ мы увидимъ, „либералы“ отличались отъ „крѣпостниковъ“ болѣе въ собственномъ воображеніи и изображеніи, чѣмъ объективно. Мы знаемъ, что экономической задачей эмансипаціи былъ выходъ изъ того тупика, куда завело помѣщичье хозяйство развитіе новой, капиталистической барщины. Барщинное хозяйство становилось явно невыгоднымъ—его нужно было замѣнить болѣе прогрессивнымъ типомъ. Но, во-первыхъ, барщинное хозяйство и крѣпостное право не вполнѣ покрывали другъ друга. По

тогдашнему счету, приблизительно *половина* всѣхъ крѣпостныхъ крестьянъ была на оброкѣ *). Но оброчное хозяйство *экономически* ничѣмъ не отличалось отъ вольнаго крестьянскаго хозяйства,—за исключеніемъ такихъ случаевъ, далеко не составлявшихъ общее правило, гдѣ крестьяне одновременно и платили оброкъ и отбывали барщину. Если отказъ отъ барщины, по экономической невыгодности ея, не составлялъ пожертвованія для помѣщика—то отмѣна оброка, безъ дальнѣйшихъ послѣдствій, была уже на самомъ дѣлѣ экспропріаціей значительной доли помѣщичьей собственности. Едва ли нужно говорить, что на какое-либо „принудительное отчужденіе" того, что имѣло дѣйствительную, а не номинальную только цѣнность, тогдашніе помѣщики такъ же мало были согласны, какъ и теперешніе. Вопросъ о выкупѣ оброка, въ той или иной формѣ, явился поэтому первымъ камнемъ преткновенія для губернскихъ комитетовъ и первымъ предметомъ споровъ. Но этимъ затрудненія не ограничивались. И барщина была невыгодна на всемъ пространствѣ России и для всѣхъ имѣній лишь теоретически,—какъ бываетъ невыгодно технически отсталое предпріятіе. Тѣмъ не менѣе едва ли скоро найдется фабрикантъ, склонный отдать фабрику съ устарѣвшими машинами просто даромъ, безъ всякаго вознагражденія. Если вы предложите ему бросить технически устарѣвшее, невыгодное предпріятіе, онъ, по всей вѣроятности, отвѣтитъ вамъ контръ-предложеніемъ — дать ему ссуду, которая помогла бы ему технически обновить его фабрику и сдѣлать ее выгодной. „Капиталъ въ обмѣнъ на барщину" — такой лозунгъ помѣщиковъ нисколько не стоялъ въ противорѣчіи съ тѣмъ фактомъ, что барщина была устарѣвшимъ типомъ хозяйства. И, наконецъ, ликвидація барщиннаго хозяйства, даже съ воспособленіемъ отъ государства на переходъ къ новымъ формамъ эксплуатаціи, ставила ребромъ вопросъ о вольно-наемномъ трудѣ. Но мы уже со словъ Кавелина знаемъ, въ какомъ положеніи былъ этотъ вопросъ, напримѣръ, въ черноземномъ, великолѣпно подготовленномъ для сельско-хозяйственнаго капитализма, но въ то же время малолюдномъ нижнемъ Поволжьѣ. Если здѣсь рабочій вопросъ былъ страшенъ въ дѣйствительности, то во многихъ другихъ мѣстахъ онъ былъ страшенъ помѣщичьей массѣ просто по непривычкѣ. „Почти всѣ наши помѣщики убѣждены въ томъ, что заведеніе хлѣбопашества на коммерческомъ основаніи, (кромѣ нѣкоторыхъ мѣстностей, не требующихъ удобренія и необыкновенно щедро вознаграждающихъ самый ничтожный трудъ), при вольномъ наймѣ рабочихъ, было бы убыточно", говоритъ Самаринъ. Отсюда слѣдовало, что на пути къ новымъ формамъ хозяйства нужно было „соломки подостлать", чтобы помѣщикъ не очень почувствовалъ переходъ отъ стараго порядка, съ которымъ онъ такъ свыкся: другими словами, чтобы свободная деревня отличалась отъ крѣпостной какъ можно меньше на

*) О дѣйствительномъ соотношеніи барщинныхъ и оброчныхъ крестьянъ для 19 губерній сѣверной и средней России см. ч. I, стр. 151.

первыхъ порахъ. И въ то же время, ради спасенія отъ жакеріи, нужно было, чтобы крестьяне приняли все имъ дарованное за настоящую, подлинную свободу. Задача была болѣе головоломная, чѣмъ обыкновенно себѣ представляютъ, и чреватая уже цѣлымъ рядомъ разногласій среди дворянства.

Всѣ эти вопросы нашли себѣ въ губернскихъ комитетахъ очень компетентныхъ и тонкихъ судей—легенда, пущенная въ ходъ тогдашнимъ чиновничествомъ, о неспособности и невѣжествѣ большинства засѣдавшихъ въ комитетахъ помѣщиковъ, должна быть окончательно оставлена. Приводя извѣстный отзывъ Ланского, что „едва ли $^{1}/_{10}$ доля (членовъ комитетовъ) занималась предложеннымъ предметомъ, остальные безсознательно покорялись вліянію нѣсколькихъ людей, успѣвшихъ завладѣть дѣлами", новѣйшій изслѣдователь дѣятельности губернскихъ комитетовъ замѣчаетъ: „Едва ли этотъ отзывъ былъ справедливъ. Десятую часть всѣхъ членовъ комитетовъ составляли уже одни члены, подписавшіе проекты меньшинства разныхъ комитетовъ и тверского большинства, къ которымъ, несомнѣнно, фраза эта не относилась. Изъ числа же членовъ большинства весьма многіе участвовали въ дѣлѣ не только вполнѣ сознательно, но и чрезвычайно активно. Какъ свидѣтельствуютъ современники и какъ это видно изъ журналовъ губернскихъ комитетовъ, члены большинства многихъ комитетовъ отнюдь не могутъ быть причислены сплошь и безъ разбору къ тѣмъ заскорузлымъ и тупымъ консерваторамъ, которымъ противно всякое преобразованіе. Нѣкоторые изъ нихъ были по своимъ взглядамъ скорѣе либералами, въ политическомъ смыслѣ этого слова, и если они не сочувствовали предложенной имъ реформѣ, то въ значительной мѣрѣ потому, что реформа эта задумана была безъ ихъ участія и имъ предлагали обсудить ее по готовой программѣ, не согласованной съ ихъ мѣстными нуждами и интересами. Многіе изъ нихъ не сочувствовали и вообще либеральнымъ видамъ правительства, но и эти консерваторы дѣйствовали вовсе не безсознательно, а наоборотъ, съ полнымъ сознаніемъ своихъ сословныхъ интересовъ и выгодъ. Можно ихъ обвинять въ сословномъ и классовомъ эгоизмѣ, можно говорить объ отсутствіи у нихъ гуманныхъ и филантропическихъ чувствъ, о недостаткѣ великодушія, но совершенно невѣрно приписывать имъ безсознательное отношеніе къ дѣлу. Разумѣется, и здѣсь, какъ и во всякомъ человѣческомъ дѣлѣ, были вожаки и рядовые, но это такъ же мало свидѣтельствуетъ о „безсознательномъ" подчиненіи послѣднихъ первымъ, какъ и въ любомъ парламентѣ или другомъ общественномъ собраніи, гдѣ есть партіи, а слѣдовательно, и партійная дисциплина" *).

Первый вопросъ, на которомъ обозначились различныя помѣщичьи „партіи", былъ вопросъ о переходныхъ мѣрахъ отъ стараго къ новому хозяйству. Киселевскій проектъ, вос-

*) А. Корниловъ. Губернскіе комитеты по крестьянскому дѣлу („Очерки по исторіи общественнаго движенія"). СПб. 1905, стр. 205).

произведенный рескриптомъ 1857 года, звучалъ въ этомъ случаѣ весьма консервативно. Согласно ему, надѣлъ предоставлялся крестьянамъ лишь въ *пользованіе*—право собственности даже и на надѣльную крестьянскую землю оставалось за помѣщикомъ. За эту землю крестьяне должны были или платить оброкъ, или „отбывать работу" на помѣщика. Чтобы оцѣнить, какъ слѣдуетъ, классовый смыслъ этого требованія государственной власти, нужно не забывать экономическое значеніе крестьянскаго надѣла при крѣпостномъ правѣ. Участокъ земли, отводившійся крестьянину бариномъ, былъ натуральной формой заработной платы: изъ дохода съ этого участка крестьянинъ, во-первыхъ, пропитывался со своей семьей, во-вторыхъ, оплачивалъ подати. Мы увидимъ, какъ правительственная политика въ тотъ моментъ, когда она хотѣла стать антикрѣпостнической, построила свой планъ атаки на этой второй функціи крестьянскаго надѣла. Пока остановимся на первой: если крестьянинъ продолжалъ оплачивать работой уступленный ему помѣщикомъ надѣлъ, то крѣпостное хозяйство фактически не прекращало своего существованія. Это и входило, совершенно сознательно, въ планы Киселева, который, подобно всѣмъ эмансипаторамъ николаевскаго времени, начиная со Сперанскаго, имѣлъ въ виду *юридическое* раскрѣпощеніе крестьянъ — изъятіе людей изъ числа возможныхъ объектовъ собственности. Разложеніе хозяйственнаго строя барской вотчины Сперанскій и его послѣдователи, въ томъ числѣ и Киселевъ, оставляли на волю естественной, экономической эволюціи: въ этомъ случаѣ Сперанскій былъ вѣрнымъ ученикомъ XVIII вѣка, съ его теоріей невмѣшательства въ экономическія отношенія. Въ 50-хъ годахъ XIX вѣка рѣчь шла именно о принудительной ликвидаціи крѣпостного *хозяйства*: но архаизмомъ рескриптовъ могли воспользоваться тѣ помѣщики, которые не чувствовали еще себя готовыми къ переходу на новые рельсы. Приспособляясь къ интересамъ наиболѣе отсталыхъ изъ своихъ собратій, цѣлый рядъ комитетовъ *) желалъ, чтобы обязательства крестьянъ къ помѣщикамъ по надѣламъ продолжались столько, сколько это нужно помѣщикамъ для того, чтобы естественнымъ путемъ, медленно и не спѣша, перейти къ новымъ формамъ хозяйства: они стояли за *безсрочное* пользованіе, съ сохраненіемъ права помѣщиковъ требовать барщину. Экономическое значеніе этого требованія было, впрочемъ, не одинаково для различныхъ комитетовъ: и если по отношенію къ петербургскому и московскому рѣчь можетъ итти только объ отсталости помѣщичьихъ хозяйствъ, то для саратовскаго или самарскаго приходится говорить объ отсталости *края* вообще,—мы видѣли, въ какомъ положеніи тамъ былъ вопросъ о рабочихъ рукахъ. Вотъ почему здѣсь даже такіе передовые люди, какъ Самаринъ, стояли за обязательныя отношенія. „*Внезапная* и *обязательная* отмѣна барщины повлекла бы за со-

*) Петербургскій, московскій, псковской, олонецкій, ярославскій, владимирскій, самарскій, саратовскій, могилевскій, черниговскій и тульскій, и общія комиссіи кіевская и виленская.

бою большія неудобства", писалъ послѣдній въ одномъ изъ своихъ проектовъ: „ибо на первыхъ порахъ нечѣмъ было бы замѣнить ее". Изложивъ затѣмъ положеніе рабочаго вопроса въ заволжскихъ губерніяхъ,— уже знакомое намъ со словъ Кавелина—Самаринъ заключаетъ: „по этимъ причинамъ слѣдовало бы, пока не установится само собою равновѣсіе между предложеніемъ и запросомъ на вольный трудъ — этотъ почти небывалый у насъ товаръ — оставить помѣщику право на нѣсколько обязательныхъ рабочихъ дней (8 или 10 съ тягла), какъ вспомогательную повинность лѣтъ на 10 или на 12". Какъ видимъ, можно было вовсе не быть крѣпостникомъ—и стоять тѣмъ не менѣе даже за сохраненіе барщины. Вполнѣ понятно, что и размѣры рабочей повинности крестьянъ старались сохранить тѣ, какіе исторически выработались въ крѣпостномъ хозяйствѣ. Чтобы дать нѣкоторое основаніе словамъ объ „улучшеніи быта" почти всѣ комитеты заявляли, что они руководятся нормой, пониженной сравнительно съ указной барщиной (опредѣленной императоромъ Павломъ): требуютъ 2 дня въ недѣлю вмѣсто 3. Но при этомъ всѣ они оговаривали, что $^2/_3$ или $^3/_4$ этихъ дней могутъ быть потребованы лѣтомъ въ рабочую пору. Это давало при 94 рабочихъ дняхъ въ *году* отъ 63—69 дней барщины *въ лѣто*: больше этого количества въ Московской, напр., губерніи помѣщики и раньше никогда у крестьянъ не брали.

Интересы самыхъ заднихъ рядовъ помѣщичьей массы были бы совершенно удовлетворены подобнымъ рѣшеніемъ вопроса: ибо въ концѣ концовъ самые заскорузлые крѣпостники интересовались не правомъ мѣнять людей на собакъ, а доходами, которые они получали со своихъ имѣній. Но какъ разъ въ этомъ послѣднемъ пунктѣ ихъ интересы приходили въ очевидное столкновеніе съ тѣми, кто надѣялся извлекать гораздо больше дохода по новому. Этой категоріи передовыхъ помѣщиковъ совсѣмъ не интересна была барщина, осужденная и экономической наукой, и ихъ собственными опытами. Они желали начать новое хозяйство на чисто буржуазныхъ началахъ. Густота населенія, удобныя пути сообщенія, близость рынковъ сбыта давали, по ихъ мнѣнію, полную объективную возможность этого: но имъ нуженъ былъ *капиталъ*. Единственное средство получить его они видѣли въ выкупѣ за деньги тѣхъ самыхъ повинностей, которыя были обѣщаны помѣщикамъ рескриптомъ— въ формѣ выкупа надѣла. Такъ какъ мы уже знаемъ, что надѣлъ былъ натуральной оплатой барщины, то выкупъ надѣла фактически совпадалъ съ выкупомъ этой послѣдней. На эту точку зрѣнія стали комитеты тверской, калужскій и харьковскій и меньшинство комитетовъ владимірскаго, рязанскаго и симбирскаго. Близки къ ней были новгородскій, ярославскій, пензенскій, саратовскій и меньшинство московскаго. Преобладаніе губерній, расположенныхъ по большимъ воднымъ путямъ, Окѣ и Волгѣ, и по единственной тогда желѣзной дорогѣ, Николаевской, бросается въ глаза. Нужно имѣть въ виду, что охраняя интересы помѣщичьей массы, правительство всячески стѣсняло наиболѣе

прогрессивные проекты—выкупа надѣловъ въ собственность крестьянъ —порою даже запрещало сужденія объ этомъ—и потому немногіе высказавшіеся въ этомъ смыслѣ комитеты должны были преодолѣть значительное сопротивленіе. Иначе, вѣроятно, выкупныхъ проектовъ было бы гораздо больше. Ихъ типомъ можетъ служить наилучше обработанный и обоснованный тверской проектъ. Согласно ему, крестьяне выкупали свои надѣлы *сразу, цѣлымъ обществомъ*, причемъ помѣщикъ единовременно получалъ всю сумму выкупа. Для субсидированія крестьянъ предполагалось учрежденіе особаго акціонернаго общества, которому правительство гарантировало уплату крестьянами ссуды въ теченіе 42 лѣтъ. Помѣщикъ получалъ часть выкупной суммы наличными и часть облигаціями, приносившими $4^1/_2$% въ годъ („выкупными свидѣтельствами", какъ они назывались впослѣдствіи: проектъ тверичей, какъ извѣстно, былъ принятъ въ концѣ концовъ и правительствомъ). Проектъ этотъ былъ мотивированъ Унковскимъ—самымъ энергичнымъ дѣятелемъ тверского комитета, — съ полною откровенностью и послѣдовательностью. „Выдача капитала", писалъ онъ, „необходима для поддержанія помѣщичьихъ хозяйствъ и приспособленія ихъ къ обработкѣ наемными руками". Онъ не скрывалъ при этомъ, что выкупъ земли есть лишь только маска: „справедливость требуетъ", писалъ онъ, „чтобы помѣщики были вознаграждены, какъ за землю, отходящую изъ ихъ владѣнія, *такъ и за самихъ освобожденныхъ крестьянъ*". „Лица, имѣющія *по закону* право владѣть людьми, надѣясь на силу законовъ, до сего времени не опасались употреблять капиталы на покупку людей, какъ имущества, котораго обладаніе дозволено и ограждено законами. Признать это имущество незаконнымъ и изъять безъ всякаго вознагражденія несправедливо потому, что лица, владѣющія крѣпостными людьми въ данную минуту, не могутъ отвѣчать за прочность государственныхъ вѣковыхъ учрежденій, и потому, что законы не могутъ имѣть обратной силы". Въ выкупѣ барщины Унковскій видѣлъ „единственное вѣрное средство *освободить крестьянъ не словомъ, а дѣломъ*, не постепенно, а разомъ, единовременно и повсемѣстно, не нарушивъ ничьихъ интересовъ, не порождая ни съ какой стороны неудовольствій и не рискуя будущимъ Россіи"...

Проектъ замаскированнаго сохраненія крѣпостного права рѣзко сталкивался такимъ образомъ съ проектомъ замаскированнаго его выкупа. „Вы насъ разорите, если сразу не на словахъ, а на дѣлѣ освободите крестьянъ", стонали отсталые помѣщики-феодалы. „Вашимъ призрачнымъ освобожденіемъ вы только раздражите массу и вызовете общій взрывъ, который погубитъ и насъ и васъ", отвѣчали имъ помѣщики-буржуа. „Объявить народъ свободнымъ, оставивъ его почти въ той же неволѣ и не улучшая его быта, по нашему мнѣнію, хуже, нежели оставить его въ крѣпостной зависимости", говорилъ Унковскій. „Это объявленіе свободы безъ дарованія ея въ дѣйствительности уничтожитъ въ народѣ довѣріе къ правительству, отниметъ у него послѣднюю надежду на улуч-

шеніе его быта и вслѣдствіе этого отчаянія *можетъ вызвать всѣ дикія явленія пугачевщины*". Это значило ударить въ самое чувствительное мѣсто — вся реформа двигалась страхомъ передъ пугачевщиной. Выйти изъ этого противорѣчія отдѣльные дворянскіе комитеты, очевидно, не могли—рѣшить вопросъ можно было только въ центрѣ: уже это давало центральной власти перевѣсъ надъ дворянскимъ обществомъ. Но тотъ расколъ, который мы сейчасъ охарактеризовали, былъ не единственнымъ: рядомъ съ проектами сохраненія барщины и выкупа ея въ цѣломъ рядѣ комитетовъ выдвигалось *третье* рѣшеніе вопроса: ликвидація барщины *даромъ*, но съ передачей всей земли помѣщику.

Если Самаринъ выражалъ интересы до-капиталистическаго землевладѣнія, Унковскій — интересы развитого сельско-хозяйственнаго капитализма, то проекты безземельнаго освобожденія отражаютъ собою интересы капитализма эпохи первоначальнаго накопленія. Эти проекты шли изъ губерній, гдѣ не было крупныхъ городскихъ центровъ, не было развитой промышленности и не было поэтому основаній опасаться ухода работниковъ изъ деревни—какъ это, несомнѣнно, имѣло мѣсто въ районѣ Николаевской желѣзной дороги. Здѣсь въ то же время почва была еще такъ мало истощена, что хозяйство могло вестись самыми примитивными средствами и почти не требовало предварительныхъ затратъ—неизбѣжныхъ на истощенномъ уже суглинкѣ Тверской губерніи. Земля здѣсь обрабатывалась, по большей части, крестьянскимъ инвентаремъ и почти не удобрялась. Работника съ инвентаремъ найти было не трудно—но крѣпостной крестьянинъ былъ наименѣе выгоднымъ типомъ такого работника. За него приходилось платить подати, ему приходилось помогать въ годы неурожая, снабжать его лѣсомъ на постройку избы,—а главное, съ нимъ приходилось дѣлиться „самымъ цѣннымъ товаромъ", по выраженію кн. Черкасскаго, — черноземомъ. Невыгоды эти были такъ велики, что въ 50-хъ годахъ здѣсь имѣніе съ крестьянами цѣнилось обычно дешевле такой же площади земли безъ крѣпостныхъ. Очень выпуклый примѣръ этого рода разсказалъ Кокоревъ въ своей рѣчи на обѣдѣ 28 декабря: „Недавно я купилъ въ Орловской губерніи 2.200 десятинъ земли (безъ крестьянъ) у гр. Р. за 100.000 руб. сер. и отдалъ эту землю въ аренду за 9.000 р. въ годъ, тогда какъ имѣніе съ крестьянами никогда не можетъ дать такихъ процентовъ", говорилъ Кокоревъ. „Въ той же губерніи мнѣ предлагаетъ кн. О. 3.500 десятинъ земли по той же расцѣнкѣ, какъ я купилъ у гр. Р., но я не могъ на это согласиться потому только, что на этой землѣ живутъ 500 крестьянъ, значитъ, и нѣтъ возможности пріобрѣсть эту землю купцу, а владѣніе подъ чужимъ именемъ никому не по нутру. *Надобно вамъ сказать, что за 500 лицъ крестьянъ никакой не полагалось цѣны*. Изъ этого очевидно, что *въ хлѣбородныхъ губерніяхъ желающихъ арендовать землю будетъ болѣе, чѣмъ земля того требуетъ*, и оттого арендныя цѣны будутъ возрастать къ выгодѣ землевладѣльцевъ"..

Слова Кокорева, какъ мы теперь знаемъ, были для этой части Россіи

почти пророческими. Помѣщикъ, забравъ себѣ всю землю, отнюдь не рисковалъ, что она останется у него на рукахъ. Отдавъ крестьянамъ въ аренду гораздо меньшую часть, чѣмъ какая теперь лежала подъ крестьянскими надѣлами, онъ могъ пріобрѣсти столько рабочей силы, сколько ему было нужно. Оттого комитеты *черноземныхъ* губерній почти сплошь стояли за *безземельное даровое* освобожденіе крестьянъ. Въ этомъ смыслѣ высказались комитеты: воронежскій, тамбовскій, курскій, орловскій, полтавскій, екатеринославскій, херсонскій, таврическій и части рязанскаго и симбирскаго *). Настроеніе помѣщиковъ этихъ губерній хорошо изобразилъ одинъ изъ корреспондентовъ Погодина, писавшій ему о тамбовскихъ дворянахъ: „почти никто не боится потерять однихъ крестьянъ, безъ земли. Можно, говорятъ, дать имъ по рублю серебромъ, напоить водкой и отслужить еще, на радостномъ прощаніи, молебенъ... Доказываютъ (и это, кажется, такъ), что обработка полей наемными людьми несравненно выгоднѣе, ибо ихъ кормить только во время работы, а тамъ прощай, ступай, куда знаешь! Своихъ же корми цѣлый годъ, всю сволочь и старье, какое только есть"... Само собою разумѣется, что при этомъ тамбовскіе помѣщики вовсе не имѣли въ виду переходъ къ вольнонаемному труду въ томъ смыслѣ, какъ о немъ говорилъ Унковскій. Манчестерскія фразы въ данномъ случаѣ были только приличнымъ облаченіемъ истинно-русской сущности. Объ этомъ между строкъ очень хорошо проговорилось большинство симбирскаго комитета. Конечная цѣль реформы, говорило оно, должна состоять въ совершенномъ замѣненіи обязательнаго надѣла добровольнымъ соглашеніемъ; до этого же времени „въ Россіи, одной изъ всѣхъ державъ европейскихъ, трудъ не будетъ свободенъ и крестьяне останутся подъ другимъ именемъ крѣпостными". Отрѣзавъ этотъ пышный павлиній хвостъ, мы легко вскрываемъ сущность дѣла; симбирскіе дворяне стремились къ тому, чтобы *вынудить* крестьянина арендовать у нихъ тотъ надѣлъ, который при крѣпостномъ правѣ они сами вынуждены были давать ему *даромъ*. Тутъ былъ на очереди переходъ не къ буржуазному хозяйству, а къ самому беззастѣнчивому земельному ростовщичеству, позволявшему получать „рабочія силы" „дешевле дѣйствительной ихъ стоимости", какъ справедливо выразился Самаринъ по другому поводу.

По отношенію къ размѣрамъ крестьянскаго *надѣла* два первыхъ способа ликвидаціи крѣпостного права сходились между собою. Для тѣхъ, кто стоялъ вообще за status quo, украшенное новой юридической тер-

*) Комитеты смоленскій и нижегородскій попали въ эту категорію по спеціальнымъ условіямъ: о смоленскомъ будетъ еще рѣчь ниже, въ нижегородскомъ, благодаря неловкому вмѣшательству правительства, взяли верхъ владѣльцы барщинныхъ имѣній южной, черноземной части губерніи. Очень характерно стремленіе къ экспропріаціи крестьянъ со стороны дворянства сѣверныхъ губерній — Костромской, Вологодской, Вятской и Пермской; г. Корниловъ совершенно правильно объясняетъ его тѣмъ, что здѣсь „крестьянскіе надѣлы, представляющіе участки, разработанные изъ-подъ лѣса съ приложеніемъ значительнаго труда, имѣли и весьма значительную цѣнность". L. c, стр. 253.

минологіей, логически обязательно было и status quo крестьянскаго надѣла. Самаринъ не безъ жара отстаивалъ сохраненіе за крестьянами полностью ихъ земельнаго надѣла (вспомнимъ, что Самарская губернія была одною изъ самыхъ многоземельныхъ) и не безъ эффекта становился при этомъ даже на демократическую точку зрѣнія. „Мы вообще никакъ не можемъ одобрить уменьшенія существующаго надѣла землею гдѣ бы то ни было", писалъ онъ: „развѣ бы сами крестьяне изъявили на то свое согласіе, чего почти нигдѣ ожидать нельзя... Такова уже привязанность крестьянъ къ землѣ... Лучше потерпѣть еще нѣсколько лѣтъ, только бы не уступать ни пяди земли — вотъ что мы не одинъ разъ слышали изъ устъ крестьянъ и что постоянно отдается въ толкахъ, возбужденныхъ рескриптами... На крестьянъ гораздо сильнѣе подѣйствуетъ отобраніе самой незначительной доли мірской земли, чѣмъ огромная льгота въ повинностяхъ, и предполагаемая мѣра отзовется въ ихъ понятіяхъ не какъ улучшеніе ихъ быта, а какъ экспропріація, какъ нарушеніе ихъ права на землю". И въ этомъ пунктѣ съ нимъ сходился противоположный экономическій полюсъ—тверской комитетъ съ Унковскимъ во главѣ. „Весьма естественно", писалъ послѣдній, „что крѣпость землѣ въ продолженіе двухсотъ лѣтъ привела крестьянъ къ полному сознанію своего права владѣнія, и никакія внушенія правительства и постановленія губернскихъ комитетовъ не въ состояніи поколебать этого вѣрованія". Здѣсь крестьянамъ нужно было дать максимумъ земли ради того, чтобы получить максимальный выкупной капиталъ для веденія новаго хозяйства. Совершенно естественно, что тѣ, кто надѣялся выжимать доходы изъ земельной нужды крестьянина, не затрачивая никакого капитала, не хотѣли оставлять крестьянину ни сажени земли. По истеченіи „временно-обязаннаго" періода (который полтавскій, напримѣръ, комитетъ опредѣлялъ въ 12 лѣтъ) вся крестьянская земля становилась собственностью помѣщика.

Во всѣхъ трехъ случаяхъ *барщиннаго* хозяйства положеніе было такимъ образомъ очень просто и ясно. Сложнѣе и запутаннѣе дѣло было по отношенію къ *оброчному* хозяйству. Идеаломъ и здѣсь, конечно, было полное обезземеленіе крестьянъ, съ цѣлью заставить ихъ арендовать ихъ бывшіе надѣлы и замѣнить такимъ способомъ устарѣвшую категорію *оброка*—болѣе современной *арендной платой*. Примѣръ этого мы уже видѣли въ Симбирской губерніи. На черноземѣ, такимъ образомъ, интересы барщинныхъ и оброчныхъ помѣщиковъ сходились—вотъ почему черноземные комитеты и были такъ единодушны въ своихъ экспропріаторскихъ проектахъ. Но сложнѣе обстояло дѣло въ нечерноземныхъ и промышленныхъ губерніяхъ. Здѣсь простое обезземеленіе привело бы только къ запустѣнію деревни, все взрослое населеніе которой разошлось бы на отхожіе промыслы. Самымъ простымъ выходомъ здѣсь былъ бы выкупъ *личности* крѣпостныхъ—о чемъ откровенно говорилъ Унковскій: онъ и на суглинкѣ примирилъ бы оброчниковъ и барщинниковъ, какъ на черноземѣ. Но мы

уже знаемъ, что самая постановка вопроса о выкупѣ личности была формально запрещена правительствомъ (журналъ главнаго комитета 12 января 1859 г.). Волею неволею, сбитое съ прямого пути, дворянство должно было пойти окольнымъ. Результатомъ запрещенія правительства явились неимовѣрно высокія, фантастическія оцѣнки *усадебъ*—которыя, какъ мы знаемъ, крестьянинъ непремѣнно долженъ былъ выкупать. Такъ, напримѣръ, московскій комитетъ положилъ за усадебную землю отъ 400 до 1.200 рублей за десятину, — т. е. до полтинника за сажень: въ то время земля въ самомъ городѣ Москвѣ, на окраинахъ, цѣнилась гораздо дешевле. Вологодскій комитетъ за минимальную усадьбу въ 500 кв. сажень назначилъ 200 рублей и за каждую сажень сверхъ того по 20 коп. Чтобы оцѣнить, какъ слѣдуетъ, эти цифры, нужно знать, что въ Кіевской, Подольской и Волынской губерніяхъ усадебная земля была оцѣнена въ 9 коп. сажень, въ Саратовской въ 10 коп., въ Оренбургсксй—въ *двѣ* копейки. Москвичи оцѣнили такимъ образомъ свой суглинокъ въ пять разъ дороже поволжскаго чернозема. Уже одно сопоставленіе этихъ оцѣнокъ ясно показываетъ, что дѣло шло здѣсь не о вознагражденіи за землю. Но одинъ изъ нечерноземныхъ комитетовъ, смоленскій, самъ разсказалъ намъ, какъ помѣщики приходили къ подобнымъ цифрамъ. Смольняне подавали спеціальный адресъ Александру II, прося разрѣшить имъ поставить вопросъ о выкупѣ личности крѣпостныхъ, мотивируя это тѣмъ, что въ Смоленской губерніи „по свойству почвы, крѣпостной трудъ составляетъ главную цѣнность нашихъ имѣній“. „Всемилостивѣйшій Государь!“ патетически восклицали смоленскіе помѣщики, „излагая все это, смоляне не обманываютъ Ваше Величество. Если нужны жертвы дворянъ для блага отечества, то жизнь и все достояніе наше повергаемъ къ стопамъ Вашимъ; но достояніе наше нынѣ болѣе принадлежитъ кредиторамъ нашимъ, чистаго расчета съ которыми требуетъ честное имя дворянина и забота объ участи дѣтей нашихъ... Безъ полнаго за отходящую отъ насъ собственность вознагражденія, шесть тысячъ дворянъ смоленскихъ лишатся честнаго имени, пріобрѣтеннаго службою Вашимъ предкамъ, подвергнутся нищетѣ неизбѣжной“. Но когда на эту трогательную мольбу даже не отвѣтили, смольняне назначили по 15 копеекъ за каждую сажень усадебной земли и сверхъ того отъ 75—206 рублей за постройки (смотря по мѣстности)... Справедливость требуетъ однако отмѣтить, что на оцѣнкѣ усадебъ играли не только нечерноземные помѣщики, для которыхъ не было другого выхода: воронежскій комитетъ назначилъ, напримѣръ, за усадебную землю по 25 к. за сажень. Нужно сказать впрочемъ, что воронежскіе помѣщики отличались непомѣрными аппетитами даже среди своихъ собратій.

Мы видимъ такимъ образомъ, что вмѣшательство правительства ни мало не послужило въ данномъ вопросѣ къ пользѣ крестьянъ. Наивная и элементарная постановка крестьянскаго дѣла въ рескриптахъ, на двадцать лѣтъ отставшихъ отъ жизни, никакъ не мог-

ла охватить всей сложности дѣйствительныхъ экономическихъ отношеній. Природу гнали въ дверь, она возвращалась въ окно... Та же неудача, какая постигла правительство на попыткѣ запретить выкупъ личности, ждала его и на другомъ вопросѣ: борьбѣ съ тенденціей обезземеленія. Замѣтивъ экспропріаторскія наклонности нѣкоторыхъ комитетовъ, правительство неустанно напоминало о необходимости „обезпеченія крестьянамъ прочной осѣдлости и надежныхъ средствъ къ жизни и къ исполненію ихъ обязанностей". „Средства къ жизни" были здѣсь больше для красоты слога, но о „прочной осѣдлости", о томъ, чтобы „не положить у насъ начала вреднаго пролетаріата, оказавшаго столь печальныя послѣдствія на западѣ Европы", а равно и о томъ, что бы всѣ „государевы дани и оброки сходились сполна"—объ этомъ правительство заботилось, конечно, серьезно. Но что же изъ этого вышло? Южные комитеты, подчиняясь формальному требованію правительства, установили нормы надѣловъ,—втайнѣ утѣшая себя, что это лишь временно, что по истеченіи нѣсколькихъ лѣтъ надѣльная земля „вернется" къ ея „собственникамъ" (см. выше). Но эти нормы были таковы, что отъ исторически сложившагося крестьянскаго хозяйства оставалось одно воспоминаніе. До 50-хъ годовъ, по крайней мѣрѣ, *треть* помѣщичьей земли находилась въ распоряженіи крестьянъ. Теперь такія многоземельныя губерніи, какъ Херсонская или Таврическая, имѣвшія въ среднемъ 24,4 и 56 десятинъ на душу, проектировали надѣлы: Херсонская отъ 1,3 до 3 десятинъ, Таврическая отъ 3 до 5. Екатеринославская губернія, гдѣ земли въ помѣщичьихъ имѣніяхъ приходилось по 18,9 дес. на душу, предлагала своимъ крестьянамъ удовольствоваться надѣлами отъ 2 до 3 десятинъ. Воронежскіе дворяне себѣ оставляли 2.000.000 десятинъ, а крестьянамъ давали 240.000. Тамбовскіе требовали отрѣзки отъ $^1/_2$ до $^2/_3$ существующаго надѣла. И т. д., и т. д. За невозможностью полнаго обезземеленія можно было помириться и на этомъ. При ликвидаціи барщиннаго хозяйства эти нормы обезпечивали достаточное предложеніе батрацкаго труда почти столь же, какъ и освобожденіе съ одной усадьбой. При ликвидаціи оброчнаго на лицо былъ готовый классъ обязательныхъ—въ силу экономической необходимости—арендаторовъ. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ, формально подчиняясь, черноземные дворяне вели все-таки свою линію.

Опасность для этой линіи заключалась, очевидно, не въ правительствѣ—оно было слишкомъ неуклюжимъ противникомъ,—а въ тѣхъ противоположныхъ тенденціяхъ, какія существовали среди самого дворянства. Оно, какъ мы видимъ, совсѣмъ не представляло однородной массы даже въ экономической области. Между черноземнымъ „плантаторомъ", тверскимъ либеральнымъ буржуа и самарскимъ феодаломъ было не больше ладу въ иныхъ пунктахъ, чѣмъ между помѣщикомъ и крестьяниномъ. Если бы правительство было, дѣйствительно, тою внѣклассовой силой, какою его часто представляютъ, оно опираясь на эти взаимно перекрещивающіяся тенденціи, могло бы достигнуть очень многаго. Но оно поступило

К. П. Брюловъ. Автопортретъ

8

Julius Sittenfeld, Berlin W.

такъ, какъ *исторически* оно привыкло поступать. Испугавшись *политической* программы передовыхъ комитетовъ— въ сущности, чрезвычайно невинной, оно попыталось было въ свою очередь „пугнуть“ дворянство: но не могло выдержать такой совсѣмъ несвойственной ему роли. И очень скоро, вернувшись къ своему привычному положенію—правящаго комитета помѣщиковъ—оно помирилось на минимальныхъ экономическихъ уступкахъ, сдѣланныхъ наиболѣе отсталой частью дворянства. Реформа прошла не по тверскому типу, а по самарско-воронежскому.

Мы не будемъ сейчасъ разсматривать эту напугавшую правительство политическую программу комитетовъ —она вскрылась позже, при столкновеніи ихъ съ редакціонными комиссіями, и получила своеобразную окраску, отчасти благодаря этому столкновенію. Когда первые комитеты заканчивали свою работу, этого столкновенія еще никто изъ дворянъ не предчувствовалъ. Напротивъ, заключительныя сцены носили такой же идиллически лояльный характеръ, какъ и вступительныя. Костромской комитетъ кончилъ свои занятія 15 января 1859 года, разсказываетъ современникъ. „Въ этотъ день принесенъ былъ въ залу дворянскаго собранія чудотворный образъ Өеодоровской Богоматери для совершенія предъ онымъ молебствія. Мѣстный епископъ произнесъ увлекательное слово, а начальникъ губерніи Романусъ — благодарственную дворянству рѣчь, или лучше сказать, какъ онъ самъ выразился, шесть словъ. „Благодареніе Господу Богу и хвала комитету“. Затѣмъ начальникъ губерніи и члены комитета составили группу, которая была снята „на память всѣмъ посредствомъ фотографическаго снаряда“. Тверской комитетъ закрылся 7 февраля. „Въ этотъ же день члены комитета дали обѣдъ начальнику губерніи гр. Баранову. Первый тостъ былъ провозглашенъ губернскимъ предводителемъ А. М. Унковскимъ „за здравіе и благоденствіе пресвѣтлаго солнца, которое грѣетъ и свѣтитъ Россіи, Государя Императора Александра Николаевича“. Потомъ слѣдовали: второй тостъ за здравіе государя, тостъ за гр. Баранова и наконецъ за членовъ комитета. Черезъ день послѣ обѣда членами былъ поднесенъ предсѣдателю комитета Унковскому серебряный вызолоченный кубокъ работы Сазикова; на крышкѣ кубка стоитъ крестьянинъ безъ шапки и съ низкимъ поклономъ держитъ на подносѣ хлѣбъ-соль, въ знакъ благодарности за свободу и землю“. Но съ особенной торжественностью закончилъ свои занятія харьковскій комитетъ — единственный изъ черноземныхъ, гдѣ плантаторскія вожделѣнія не проявились въ слишкомъ обнаженномъ видѣ. Члены харьковскаго комитета, видимо, умѣли цѣнить себя и свое дѣло. Проектъ положенія они подписали спеціально приготовленными броэзовыми перьями съ буквами А II и надписью на ручкахъ: „24 марта 1859 года. Харьковъ“. „Перья эти унесены каждымъ членомъ для храненія оныхъ въ ихъ приходскихъ церквахъ“. Предсѣдатель комитета, онъ же губернскій предводитель, Бахметевъ, отправилъ къ министру внутреннихъ дѣлъ такую телеграмму: „Комитетъ харьковскій кончилъ дѣло по христіански:

онъ закрытъ сего дня съ мольбою о своемъ монархѣ". Нужно ли говорить, что все это сопровождалось обѣдами, громомъ музыки, тостами и т. д.?

3.

Редакціонныя комиссіи.

Въ теченіе 1859 года работы губернскихъ комитетовъ мало-по-малу заканчивались: 22 августа довелъ до конца свое дѣло самый запоздавшій изъ нихъ, олонецкій. Взгляды дворянства на крестьянскую реформу лежали теперь передъ глазами центральной власти въ подробной и отчетливой формулировкѣ. Оставался моментъ, котораго съ нетерпѣніемъ ждали помѣщики,—въ которомъ они не безъ основанія видѣли кульминаціонный пунктъ борьбы за крѣпостной трудъ: моментъ встрѣчи представителей помѣстнаго дворянства, депутатовъ отъ губернскихъ комитетовъ—съ представителями „бюрократіи", т. е. дворянства придворнаго и чиновнаго, засѣдавшими въ главномъ комитетѣ по крестьянскому дѣлу. Въ наступленіи такого момента, казалось, не могло быть сомнѣній: вызовъ депутатовъ въ Петербургъ „для окончательнаго разсмотрѣнія" всего дѣла обѣщалъ самъ императоръ. Въ результатахъ встрѣчи тоже, повидимому, сомнѣваться не приходилось: работы комитетовъ только что показали, насколько помѣстное дворянство въ конкретныхъ деталяхъ вопроса сильнѣе офиціально руководившаго всѣмъ чиновничества. А въ конкретныхъ деталяхъ была вся суть дѣла: „принципіально" насчетъ освобожденія, какъ мы видѣли, никто серьезно не спорилъ.

И вотъ по мѣрѣ того, какъ дѣло должно было приближаться къ этому рѣшительному моменту—въ дворянскихъ кругахъ все шире и шире и все настойчивѣе распространялась странная вѣсть: что такъ нетерпѣливо ожидавшейся встрѣчи не будетъ вовсе, что правительство передумало и собирается рѣшить крестьянскій вопросъ самостоятельно, помимо дворянства, что уже и детальный, конкретный проектъ реформы выработанъ — выработанъ учрежденіемъ, гдѣ нѣтъ и помину о дворянскихъ уполномоченныхъ, и выработанъ окончательно: такъ что въ основѣ онъ критикѣ не подлежитъ, а измѣнены могутъ быть развѣ кой-какія второстепенныя подробности — „примѣнительно къ мѣстнымъ условіямъ". Основа же его такова, что дворянству грозитъ „единовременно разореніе и уничтоженіе", какъ гласилъ одинъ документъ, лѣтомъ 1859 года ходившій по рукамъ помѣщиковъ. Въ августѣ этого года уже не могло быть сомнѣній, что депутаты отъ губернскихъ комитетовъ „предназначаются", говоря словами того же документа, „къ разыгрыванію странной роли—быть призванными для отвѣтовъ и разъясненій на вопросы, какіе будетъ имъ дѣлать главный комитетъ или комиссія: положеніе унизительное до крайности, даже смѣшное"...

Нѣтъ надобности говорить, что дворяне объясняли себѣ ошеломив-

шую ихъ перемѣну правительственнаго курса „интригами“ „бюрократіи“: цитированный нами сейчасъ документъ и былъ проектомъ адреса, долженствовавшаго раскрыть глаза монарху и довести до него заглушаемый чиновниками голосъ его дворянства. Намъ нѣтъ также надобности принимать буквально это объясненіе: для самихъ дворянъ, по крайней мѣрѣ болѣе развитыхъ изъ нихъ, это была не болѣе, какъ лояльная оболочка вѣрноподданническаго протеста. Государь не могъ быть неправъ—неправы могли быть только его слуги,—если государь дѣлалъ что нехорошее, то это потому, что слуги ввели его въ заблужденіе. Мы можемъ игнорировать этотъ литературный этикетъ всеподданнѣйшаго адреса—мы скоро увидимъ, что не одни „слуги“ принимали участіе въ созданіи условій, поставившихъ дворянство въ положеніе „унизительное и даже смѣшное“. Но нельзя игнорировать самаго факта—рѣзкой перемѣны во взглядахъ правительства на „ходъ и исходъ крестьянскаго вопроса“,—какъ любилъ выражаться Я. И. Ростовцевъ. Правительство кончало крестьянскую реформу совсѣмъ не такъ, какъ оно ее начало, и у этого факта должно быть свое объясненіе, помимо всякихъ „придворныхъ интригъ“, — объясненіе, вытекающее изъ общихъ условій момента.

Мы видѣли, что главной пружиной, толкавшей впередъ крестьянское дѣло въ концѣ 50-хъ годовъ, былъ страхъ передъ пугачевщиной: безъ этого мы имѣли бы медленную эволюцію экономическихъ отношеній, а не революцію сверху 19 февраля. Мы видѣли также, что въ первые годы реформы эта пружина сильнѣе дѣйствовала на правительство, чѣмъ на общество. Въ то время, какъ Александръ II еще серьезно вѣрилъ въ неизбѣжность мужицкаго бунта, ближе стоявшіе къ массамъ помѣщики видѣли, что опасность не такъ близка—и, болѣе трезво смотря на дѣло, пользовались этимъ своимъ преимуществомъ, чтобы торговаться съ охваченной паническимъ ужасомъ властью. Таково было положеніе дѣла въ 1856—57 гг. Главная перемѣна и состояла прежде всего въ томъ, что это чувство относительной безопасности, сознаніе того, что революціонность крестьянской массы была значительно переоцѣнена подъ вліяніемъ волненій середины 50-хъ годовъ—все это мало-по малу сообщалось теперь и высшимъ сферамъ. До конца 1857 года продолжали приходить изъ губерній тревожныя вѣсти: едва ли здѣсь не имѣлось въ виду, по крайней мѣрѣ отчасти, еще больше запугать правительство, чтобы еще больше отъ него выторговать. По крайней мѣрѣ, вскорѣ послѣ опубликованія рескриптовъ 20 ноября и 5 декабря, показавшихъ, что правительство, наконецъ, приняло опредѣленное рѣшеніе, ледъ тронулся,—потокъ алармистскихъ извѣстій быстро начинаетъ изсякать. Уже въ первыхъ числахъ января слѣдующаго года одинъ изъ генералъ-губернаторовъ доносилъ: „я твердо убѣжденъ, что крестьяне, ожидая и предвидя измѣненіе своего положенія къ лучшему, никогда не посягнутъ на какія-либо преступныя дѣйствія“. Въ то же время отъ другого полученъ былъ отзывъ, что

„неблагонамѣренные толки начинаютъ затихать, встревоженные умы видимо успокаиваются". Донесенія же, полученныя во второй половинѣ января, единогласно свидѣтельствовали, что полное спокойствіе между крестьянами ничѣмъ не нарушается. Начальникъ одной изъ губерній писалъ, что „помѣщичьи крестьяне тише и спокойнѣе, чѣмъ когда-либо". Цифры были краснорѣчивѣе всякихъ словъ: въ 1858 году не было ни одного случая убійства крестьянами помѣщика, тогда какъ въ предшествующіе годы такихъ бывало, въ среднемъ, по 13 ежегодно *).

Крестьянство оказывалось гораздо благонамѣреннѣе, чѣмъ отъ него ожидали. А въ то же самое время изъ всколыхнутаго рескриптами дворянскаго моря, покрывшагося было въ николаевскіе дни густой болотной плѣсенью, стали доноситься звуки одинъ другого тревожнѣе. Уже офиціальныя работы губернскихъ комитетовъ должны были глубоко разочаровать тѣхъ, кто надѣялся, что эти учрежденія будутъ мирно разрабатывать экономическія и юридическія подробности реформы „по указаніямъ" рескриптовъ и главнаго комитета. Провинціальное дворянство не ограничилось—да и не могло ограничиться—этою скромной задачей. Политическая сторона паденія крѣпостного права могла бы ускользнуть развѣ отъ очень тупыхъ и индифферентныхъ людей,—какими члены дворянскихъ комитетовъ вовсе не были. Помѣщикъ при крѣпостномъ правѣ былъ не только хозяиномъ въ своемъ имѣніи: ему принадлежала крупная доля *государственной власти* надъ его крѣпостными *). Къ кому же перейдетъ эта доля власти послѣ освобожденія крестьянъ? Рескрипты глухо говорили о томъ, что „вотчинная полиція" оставляется за помѣщикомъ. Но что это значитъ? Значитъ ли это, что помѣщикъ сохранитъ нѣкоторое ограниченное право полицейскаго надзора внутри своего хозяйства—право смотрѣть за порядкомъ въ своей усадьбѣ, налагать домашнія наказанія на свою прислугу и рабочихъ? Но на этотъ счетъ у большинства не было никакихъ сомнѣній — и интересно было не это. Сохранятъ ли вчерашніе „подданные" какія-нибудь обязательныя юридическія отношенія къ своимъ бывшимъ „государямъ", какъ они должны были сохранить къ нимъ на время обязательныя экономическія отношенія? Очень многіе комитеты—и, характернымъ образомъ, преимущественно тѣ изъ нихъ, которые мечтали сдѣлаться „монополистами цѣннаго товара — чернозема" — готовы были сохранить за помѣщикомъ въ нѣсколько измѣненныхъ юридическихъ формахъ всю ту власть, которою онъ пользовался и раньше. Они доходили до того, что предоставляли бывшему барину заключать своихъ бывшихъ крѣпостныхъ „въ смирительные и рабочіе дома, въ арестантскія роты гражданскаго вѣдомства и другія исправительныя заведенія"—обставляя это лишь формальностью „утвержденія" со стороны мѣстнаго присутствія, гдѣ должны были преобладать тоже помѣщики. А на злоупотребленія помѣщика мож-

*) „Матеріалы для исторіи упраздненія крѣпостного состоянія". I, стр. 175—179.

*) См. въ части I. Россія въ концѣ XVIII в.

но было жаловаться лишь съ разрѣшенія „добросовѣстныхъ“ сельскихъ старшинъ и иныхъ деревенскихъ властей, — которыхъ въ свою очередь помѣщикъ могъ „удалять и замѣнять новыми“,—иногда даже безъ чьего-либо согласія или „утвержденія“. Могилевскіе дворяне, кромѣ того, желали, чтобы и право выдачи паспортовъ крестьянамъ было сохранено за помѣщиками — послѣ чего разница между старымъ и „новымъ“ порядкомъ сглаживалась уже до неузнаваемости. Всѣ эти „проекты“ смотрѣли назадъ, а не впередъ—въ нихъ, повидимому, нельзя было еще усмотрѣть ничего крамольнаго. Но въ мотивировкѣ даже и этихъ реакціонныхъ плановъ звучали иногда тревожныя ноты. Такъ, калужское большинство, мотивируя оставленіе полицейскихъ полномочій за помѣщикомъ, утверждало, что „передача помѣщичьей власти въ руки мѣстной полиціи не будетъ соотвѣтствовать ожиданію крестьянъ и не оградитъ ихъ отъ произвола; что *самоуправство чиновниковъ слѣдовало бы замѣнить управленіемъ, соотвѣтствующимъ духу народа*, которому предоставить выборъ попечителя изъ мѣстныхъ дворянъ, пользующихся его довѣріемъ; что *народъ не отвергаетъ неоспоримаго права дворянъ участвовать въ управленіи* и, несмотря на неистовыя выходки поборниковъ извѣстной пропаганды, принявшихъ на себя личину любви къ Россіи и рѣзко напоминающихъ сословные нападки 1789 года, сознаетъ высокое значеніе дворянъ, какъ самаго твердаго оплота престола и государственнаго порядка“. Таврическій комитетъ ограничился глухимъ утвержденіемъ, что „вѣковая связь между помѣщикомъ и крестьянами не можетъ и не должна быть вдругъ разорвана, *но она принимаетъ другую форму, болѣе сообразную съ законами справедливости и современными понятіями*“.

Комитеты, экономически болѣе прогрессивные, шли гораздо дальше этой какофоніи, — гдѣ увѣренія въ преданности престолу такъ странно чередовались съ ссылками на волю народа, — будто бы желающаго вѣчно оставаться въ подчиненіи у дворянъ. Уже несравненно тоньше и искуснѣе аргументировалъ въ пользу той же идеи смоленскій комитетъ— ставившій всѣ вопросы, и экономическіе, и политическіе, съ рѣдкой отчетливостью, какъ въ этомъ мы могли убѣдиться на примѣрѣ личнаго выкупа. „Сельское управленіе“, писали смоленскіе помѣщики, „должно быть составлено преимущественно изъ лицъ мѣстнаго дворянскаго сословія, которымъ близки мѣстные интересы и знакомы мѣстныя условія: по своему положенію и знанію дѣлъ они внушатъ къ себѣ болѣе довѣрія, чѣмъ всякое постороннее лицо; но *власть ихъ должна быть основана на общественномъ довѣріи и избраніи, а не на правѣ на имущество*“. Грубая форма вотчинной полиціи казалась поэтому смольнянамъ совершенно не соотвѣтствующей требованіямъ времени: сельское управленіе должно быть основано на такихъ началахъ, которыя „и не напоминали бы прежнихъ владѣльческихъ отношеній“. И въ этомъ вполнѣ былъ согласенъ со смольнянами самый прогрессивный изъ всѣхъ тверской комитетъ. Личное вмѣшательство помѣщиковъ въ дѣла крестьянъ повело

бы только къ разнымъ непріятнымъ столкновеніямъ, утверждали тверичи. „Вслѣдствіе этого *судъ и попечительство надъ крестьянами должны быть переданы всему сословію дворянъ*".

Эта еще очень консервативная формулировка тверского меньшинства (по существу, какъ мы сейчасъ увидимъ, большинство и меньшинство тверского комитета расходились какъ разъ менѣе всего въ данномъ вопросѣ) далеко отставала отъ того, что находилъ нужнымъ и возможнымъ сказать вождь большинства тверичей въ своемъ отзывѣ на работы редакціонныхъ комиссій. Правда, Унковскій писалъ это далеко позже того хронологическаго момента, на которомъ мы сейчасъ стоимъ, писалъ, когда только назрѣвавшій въ період занятій губернскихъ комитетовъ конфликтъ былъ въ полномъ разгарѣ. Но время написанія могло отразиться развѣ на формѣ мыслей Унковскаго—тѣ же идеи красною нитью проходили черезъ всю работу комитета.

Крестьянская реформа останется пустымъ звукомъ, положеніе о крестьянахъ, выходящихъ изъ крѣпостной зависимости, останется мертвою бумагою, наравнѣ со всѣми прочими томами нашихъ законовъ, если освобожденіе крестьянъ не будетъ сопровождаться коренными преобразованіями всего русскаго государственнаго строя: вотъ главная и основная изъ этихъ идей. Въ настоящее время новое устройство управленія является въ Россіи первою и главною потребностью, писалъ Унковскій. Вся Россія раздѣляется на вотчины частныя и вотчины государственныя, и повсюду господствуетъ полный произволъ; въ одной половинѣ—въ частныхъ вотчинахъ, этотъ произволъ умѣряется собственными выгодами владѣльцевъ, которые болѣе или менѣе связаны съ благосостояніемъ подвластныхъ лицъ... Другая половина Россіи, расписанная по разнымъ вѣдомствамъ, не знала иного порядка вещей, и принадлежа по нравамъ и положенію къ крѣпостному сословію, терпѣливо сносила произволъ въ своемъ управленіи, тѣмъ болѣе, что помѣстное дворянство, имѣвшее выгоду въ сохраненіи общественнаго спокойствія, умѣряло произволъ мѣстныхъ чиновниковъ, не допуская ихъ до открытаго грабежа... Вотъ истинныя причины, по которымъ могъ держаться до этого времени настоящій порядокъ вещей... При освобожденіи крѣпостныхъ крестьянъ этотъ порядокъ лишится всякой опоры. Если управленіе останется попрежнему, то помѣщичьи крестьяне должны неминуемо подпасть подъ необузданный произволъ чиновниковъ. Въ сущности, вѣдь все равно, быть ли крѣпостнымъ помѣщика, или крѣпостнымъ чиновника, и *даже еще лучше быть крѣпостнымъ помѣщичьимъ*... Чего же можно ждать отъ народа, если онъ будетъ обманутъ въ своихъ надеждахъ?... Для охраненія общественнаго порядка нужно прочное обезпеченіе строгаго исполненія законовъ, а при нынѣшнемъ управленіи гдѣ это обезпеченіе?...

Упорядоченный буржуазный режимъ требовалъ и новой юридической оболочки. Нельзя было ввести новый хозяйственный строй и оставить старые законы и старую администрацію, по старому примѣнявшую эти законы. Нужно сказать, что въ

своихъ положительныхъ требованіяхъ по части этой новой оболочки, Унковскій былъ гораздо скромнѣе и умѣреннѣе, чѣмъ въ своей критикѣ. На юридическій источникъ феодальнаго произвола онъ и не думаетъ посягать. Признавая, что „самодержавіе находится въ рукахъ низшихъ чиновниковъ“, и что это очень худо, онъ не задается вопросомъ, что же собственно худо: то ли, что въ странѣ вообще существуетъ узаконенный произволъ и администрація „представляетъ цѣлую систему злоупотребленій, возведенную на степень государственнаго устройства“, или что этимъ „правомъ на произволъ“ слишкомъ многіе пользуются? А изъ его сожалѣній о томъ, что „самодержавная воля плохо исполняется“ и „верховная власть лишена на дѣлѣ всякой власти“—придирчивый читатель могъ бы, пожалуй, заключить, что нашъ непримиримый врагъ произвола удовлетворился бы, можетъ быть, на дѣлѣ весьма скромной формой „правового порядка“, въ родѣ просвѣщеннаго деспотизма Фридриха II. Въ сущности, дальше *отвѣтственности чиновниковъ* Унковскій не шелъ: всѣ рекомендуемыя имъ нововведенія,—гласность, независимый (отъ мѣстной администраціи) судъ, отвѣтственность должностныхъ лицъ передъ судомъ, „строгое раздѣленіе властей“ и „самоуправленіе общества въ хозяйственномъ отношеніи“, при сохраненіи политическаго абсолютизма, могли обуздать произволъ развѣ провинціальныхъ администраторсвъ не выше губернатора—а на практикѣ, вѣроятно, не обуздали бы даже и ихъ. Но уже тотъ фактъ, что тверской комитетъ вышелъ изъ рамокъ крестьянскаго вопроса въ тѣсномъ смыслѣ и коснулся сюжетовъ, строго запретныхъ въ глазахъ николаевскаго правительства, какимъ продолжало быть правительство Александра II—уже одно это должно было сразу оживить въ правящихъ кругахъ все то злобное недовѣріе ко всякой иниціативѣ снизу, которое составляло „душу живу“ всей николаевской системы. Прибавьте къ этому, что дерзость большинства тверского комитета не являлась одиночнымъ фактомъ, что именно въ *этомъ* пунктѣ оно было ближе къ среднимъ дворянскимъ тенденціямъ, чѣмъ въ чемъ-либо другомъ. Представитель тверского меньшинства, Кардо-Сысоевъ, владимирскій депутатъ Безобразовъ, новгородскій Косаговскій, рязанскіе кн. Волконскій и Офросимовъ, харьковскіе Хрущовъ и Шретеръ говорили по поводу „существующаго порядка“ почти то же, что и Унковскій и почти тѣми же словами. „Ежели болѣе или менѣе патріархальное управленіе помѣщиковъ признается несовременнымъ, тягостнымъ для крестьянъ“, писалъ Кардо-Сысоевъ, „то тѣмъ больше вредно и невозможно начало бюрократическое въ управленіи свободными обществами. Чиновникъ-бюрократъ и членъ общества—два существа совершенно противоположныя“. И несогласный съ экономическими взглядами Унковскаго тверской „меньшевикъ“ въ этомъ пунктѣ одинаково поддерживалъ *оба* проекта тверского комитета—и большинства и меньшинства. „Чтобы оправдать довѣріе государя и осуществить его ожиданія“, писалъ въ весьма многомъ несогласный съ Унковскимъ Безобразовъ, „на дворянахъ

лежитъ священная обязанность указать твердыя основанія къ благоденствію страны и, возрождая народъ, дать ему не одни только средства къ жизни, но вполнѣ оградить его отъ всякаго произвола и стѣсненій—указать ему широкій путь къ разумному развитію и положить конецъ злоупотребленіямъ". Передъ этимъ шло обычное, почти какъ формула, сравненіе крѣпостного права, „то суроваго, то мягкаго", съ „произволомъ, жадностью и лихоимствомъ чиновниковъ", всегда суровыми и никогда не смягчающимися, а дальше слѣдовали тѣ же мѣропріятія, что и у Унковскаго — „строгое раздѣленіе властей", „хозяйственно-распорядительное управленіе, выборное отъ всѣхъ сословій и отвѣтственное только передъ судомъ и обществомъ", „непосредственная отвѣтственность всѣхъ и каждаго передъ судомъ" (не исключая чиновничества) и т. д. А заявленія рязанскихъ депутатовъ производятъ впечатлѣніе почти списанныхъ съ мнѣнія тверскихъ... „Чиновники деспотически управляютъ всѣмъ народомъ, не допуская до правительства истины", говорили кн. Волконскій и Офросимовъ. „По освобожденіи крестьянъ таковой порядокъ вещей будетъ лишенъ всякой опоры; крестьяне попадутъ подъ крѣпостную зависимость чиновниковъ, всегда худшую, чѣмъ помѣщичья, ибо чиновникъ, руководясь тѣмъ же произволомъ, не имѣетъ никакихъ выгодъ въ сохраненіи благосостоянія крестьянъ. Крестьяне будутъ обмануты въ своихъ надеждахъ"... Прибавьте къ этому, что въ частныхъ разговорахъ люди были, конечно, откровеннѣе, нежели въ офиціальныхъ запискахъ—и не стѣснялись называть своими именами то, на что тамъ были только намеки—и общее впечатлѣніе правительственныхъ круговъ будетъ для насъ достаточно понятно. Это общее впечатлѣніе окончательно окристаллизовалось въ извѣстной запискѣ, представленной Александру II министромъ внутреннихъ дѣлъ Ланскимъ въ августѣ 1859 года.

„Съ самаго появленія рескриптовъ", читаемъ мы въ этой запискѣ, „противники освобожденія крестьянъ пугали, что дворянство взамѣнъ крѣпостного права потребуетъ правъ политическихъ. Думаю, что и теперь есть люди, которые говорятъ о конституціи лишь съ цѣлью напугать правительство и задержать крестьянское дѣло. *Но не подлежитъ сомнѣнію, что нѣкоторые дѣйствительно желаютъ воспользоваться настоящимъ случаемъ, чтобы понемногу ввести представительное правленіе въ рѣшеніе дѣлъ государственныхъ*". Само собою разумѣется, что министръ находилъ эту мысль противною „и нашимъ нравамъ, и степени образованія, и кореннымъ государственнымъ интересамъ". Само собою разумѣется, что отвѣтственность за злоупотребленія и лихоимство онъ старался свалить обратно — съ чиновничества на голову дворянскихъ обличителей. Но онъ былъ рѣшительно неправъ, утверждая, будто „все это есть не что иное, какъ пошлое подраженіе иностраннымъ памфлетистамъ, происходящее отъ совершеннаго незнанія отечественнаго быта и крайней незрѣлости въ мысляхъ". Проекты дворянства всего меньше можно было упрекнуть въ томъ, что подъ ними нѣтъ „исторической поч-

вы“: скорѣе напротивъ, они были черезчуръ „историческими“. Анализируя ихъ конкретныя подробности, мы узнаемъ въ нихъ родныхъ внуковъ того аристократически-либеральнаго „монаршизма“, который вдохновлялъ публицистовъ вѣка Екатерины, который далъ теоретическую основу проектамъ „старыхъ служивцевъ“ при Александрѣ I—и отзвукъ котораго мы нашли даже въ политическихъ планахъ декабристовъ. Чисто буржуазная идеологія давалась русскому дворянству въ концѣ 50-хъ годовъ такъ же туго, какъ и въ серединѣ 20-хъ — даже больше: въ этомъ отношеніи мы замѣчаемъ отнюдь не прогрессъ, а скорѣе регрессъ, а въ лучшемъ случаѣ стояніе на одномъ мѣстѣ. Вотъ какъ рисовало себѣ, напримѣръ, либеральное меньшинство калужскаго комитета будущую Россію, освобожденную сразу и отъ крѣпостного права, и отъ опеки и произвола чиновниковъ. „Дворянству, взамѣнъ отходящей отъ него крѣпостной власти, предоставляется право участія въ мѣстной администраціи“. Затѣмъ за нимъ же остается „важное право ходатайства въ пользу мѣстныхъ интересовъ“. Далѣе „гласное отправленіе суда есть высшій аттрибутъ человѣческаго достоинства, высшее проявленіе той духовной силы, которая дѣлаетъ человѣка царемъ мірозданія“. Отсюда ясно, что судъ также долженъ быть порученъ дворянамъ. Для того, что бы „привлечь“ дворянъ къ занятію административныхъ и судебныхъ должностей (хотя, казалось бы, что же еще „привлекать“ людей къ тому, что само по себѣ такъ почетно и вліятельно?), эти послѣднія предполагалось сдѣлать „ступенью для достиженія высшихъ государственныхъ должностей“: не рѣшаясь прямо потребовать, чтобы губернаторовъ выбирали дворяне, ихъ предлагалось назначать, но по указанію „общественнаго мнѣнія,—вѣрнаго цѣнителя достоинствъ и заслугъ“, изъ людей, ранѣе уже отмѣченныхъ божественнымъ перстомъ дворянскаго избранія. Чѣмъ это, въ самомъ дѣлѣ, хуже „людей, довѣренностью нашею и общею почтенныхъ“, изъ которыхъ составилъ свой первый государственный совѣтъ Александръ Павловичъ? А чтобы общественное мнѣніе какъ-нибудь не ошиблось, указавъ не дворянина, калужскіе дворяне признавали существенно полезнымъ „предоставить дворянскому сословію право контроля надъ желающими войти въ него новыми членами“ — „въ видахъ государственной пользы, для доставленія дворянскому элементу прочности, основанной на нравственныхъ началахъ“. Сдѣлаться дворяниномъ можно было, по этому проекту, только съ согласія одного изъ дворянскихъ обществъ—путемъ баллотированія. Тутъ уже приходится припомнить времена не Александра I, а его бабушки, и дворянскіе наказы комиссіи 1767 года—если не „шляхетскія“ требованія 1730 года. Пожеланія, чтобы въ Россіи были введены субституція и маіоратъ достойнымъ образомъ заканчиваютъ этотъ архидворянскій проектъ. Какъ видимъ, исторіи въ немъ хоть отбавляй, и если здѣсь повиненъ какой-нибудь „иностранный памфлетистъ“, то развѣ покойный „президентъ Монтескье“, столь безжалостно „ограбленный“ въ свое время

Екатериной II. Осуществленіе этой архаической утопіи означало бы, что весь экономическій и соціальный прогрессъ, показателемъ котораго явилась реформа 19 февраля, былъ лишь призракомъ—и что Россія вернулась опять къ разбитому корыту докапиталистическаго крѣпостного хозяйства второй половины XVIII вѣка. Но въ половинѣ XIX столѣтія опасаться чего-нибудь подобнаго было бы смѣшно, и министръ Александра II напрасно тратилъ порохъ на такого противника. А между тѣмъ выставить что-нибудь болѣе грозное,—грозное хотя бы идейно, въ теоріи,—дворянскіе комитеты были рѣшительно не въ состояніи. Не договариваясь до такихъ наивностей, какъ калужскіе либералы, даже Унковскій не могъ однако разорвать этотъ заколдованный кругъ дворянской идеологіи. Онъ модернизовалъ только тѣ доказательства, которыми обычно подкрѣплялось прирожденное право дворянъ повелѣвать и прирожденная обязанность крестьянъ повиноваться. Онъ спрашивалъ: какъ устранить дворянъ отъ участія въ общественныхъ дѣлахъ, оставивъ однихъ крестьянъ съ ихъ невѣжествомъ и безграмотностью? Но и въ этомъ случаѣ его предупредилъ одинъ изъ членовъ комиссіи 1767 года—Строгановъ, обѣщавшій крестьянамъ „собственность и вольность“, когда они будутъ „просвѣщеннѣе“. Къ тому же самъ Унковскій только что блестяще побилъ этотъ аргументъ, съ большою горячностью ополчившись на ходячее возраженіе противъ суда присяжныхъ, — будто русскій народъ, недостаточно образованъ и потому до этой формы суда не доросъ. Тамъ Унковскій доказывалъ, что для суда присяжныхъ нужны только „здравый смыслъ и добросовѣстность“: но почему же этого недостаточно для мелкихъ дѣлъ мѣстнаго управленія въ кругу отношеній, одинаково хорошо знакомыхъ всѣмъ сельскимъ жителямъ? А другіе аргументы въ пользу дворянскаго управленія въ родѣ того, что „народъ, если и не любитъ дворянъ, то во всякомъ случаѣ вѣритъ идущимъ отъ нихъ слухамъ“ или того, что лишь „одни дворяне-землевладѣльцы имѣютъ истинную выгоду въ сохраненіи общественнаго спокойствія“, тогда какъ „чиновникамъ, напротивъ, безпорядки выгодны“ — только подчеркиваютъ теоретическую слабость занятой тверскими либералами позиціи, на полдорогѣ между допотопнымъ лэндлордизмомъ и слишкомъ радикальной даже для Унковскаго буржуазной теоріей господства собственности, — собственности вообще, независимо отъ происхожденія собственника. И нельзя не сознаться, что даже скромная земская реформа Александра II оказалась съ этой соціальной стороны не правѣе пожеланій самаго передового изъ губернскихъ комитетовъ: и что *среднему* уровню требованій *всѣхъ* комитетовъ гораздо больше отвѣчала контръ-реформа Александра III.

Повторяемъ, никакого серьезнаго „посягательства“ на права и прерогативы верховной власти здѣсь, вѣроятно, не нашла бы даже очень ревностная прокуратура. Надо было быть чиновникомъ, воспитаннымъ въ школѣ Николая I для того, чтобы встревожиться отъ умѣреннѣйшихъ и консервативнѣйшихъ заявленій губернскихъ комитетовъ. Однако мы

видѣли, что Ланской встревожился не на шутку: а не нужно забывать, что за Ланскимъ стоялъ въ это время талантливѣйшій изъ чиновниковъ, оставленныхъ Николаемъ I въ наслѣдство своему сыну,—Н. А. Милютинъ. Максимальной температуры эта тревога достигла въ концѣ лѣта 1859 года, съ приближеніемъ момента, когда въ Петербургъ должны были съѣхаться главари дворянскихъ крамольниковъ, депутаты 1-го призыва. Но въ своей запискѣ Ланской упоминаетъ, что первый изъ документовъ, убѣдившихъ его въ существованіи у дворянства злокозненнаго намѣренія воскресить „Боярскую думу“,—именно памфлетъ Николая Безобразова—дошелъ до него „годъ тому назадъ“, — т. е. еще осенью 1858 года *). Но было бы странно, если бы о настроеніи дворянскаго общества высшая администрація узнавала только изъ памфлетовъ: у нея, конечно, были гораздо болѣе прямые источники. Когда будутъ опубликованы бумаги бывшаго III отдѣленія государевой канцеляріи, можно будетъ детально прослѣдить, какъ свѣдѣнія изъ этихъ прямыхъ источниковъ мало-по-малу стекались къ центру. Если будетъ когда-нибудь опубликована интимная переписка Александра II съ его ближайшими совѣтниками, мы сможемъ наблюдать шагъ за шагомъ, какъ подъ впечатлѣніемъ этихъ извѣстій созрѣвалъ новый курсъ крестьянской политики зимою 1858—59 гг. Пока мы можемъ отмѣтить только главнѣйшіе этапы этого процесса — по косвеннымъ, но достаточно характернымъ признакамъ. 18 октября 1858 года, послѣ значительнаго перерыва, происходило весьма торжественное засѣданіе главнаго комитета по крестьянскому дѣлу, подъ предсѣдательствомъ императора. Рѣшенія этого засѣданія обычная традиція, все сводящая къ личнымъ вліяніямъ, ставитъ въ связь съ возвращеніемъ изъ-за границы генералъ-адъютанта Ростовцева, который около этого времени становится „начальникомъ штаба по крестьянской части“ при Александрѣ II, какъ Киселевъ былъ такимъ при Николаѣ Павловичѣ. Дѣйствительно, нѣкоторыя фразы протокола цѣликомъ списаны съ писемъ Ростовцева (изъ-за границы) къ императору: съ этими письмами намъ еще придется имѣть дѣло въ дальнѣйшемъ. Но характерны и новы въ засѣданіи 18 октября не эти черты: характерно и ново то почти нескрываемое недовѣріе къ дворянству, которое проходитъ красной чертой черезъ весь протоколъ засѣданія. Уже въ самомъ началѣ, въ пунктѣ 2-мъ, министру внутреннихъ дѣлъ ставится въ обязанность особымъ циркуляромъ потребовать отъ всѣхъ комитетовъ, „чтобы они... непремѣнно объяснили во всей подробности, чѣмъ состояніе помѣщичьихъ крестьянъ (по ихъ проектамъ) улучшается въ будущемъ, *объявивъ комитетамъ, что въ справедливости ихъ показаній императоръ вполнѣ полагается на ихъ дворянскую честь*“... Когда требуютъ показаній подъ честнымъ словомъ—значитъ сомнѣваются чтобы безъ этого условія была сказана правда: нельзя было безцеремоннѣе

*) Этого памфлета — напечатаннаго тогда же заграницей—не слѣдуетъ смѣшивать съ извѣстной запиской М. Безобразова, о которой ниже.

намекнуть, что представители дворянства подозрѣваются въ намѣреніи надуть правительство. Слѣдующій, 3-й пунктъ журнала развиваетъ дальше тотъ же мотивъ. Получивъ отъ дворянства показанія подъ честнымъ словомъ, министерство внутреннихъ дѣлъ (т. е. собственно его земскій отдѣлъ, учрежденный спеціально для работъ по крестьянскому дѣлу) должно было подвергнуть каждый комитетскій проектъ внимательному разсмотрѣнію, на предметъ того, а) нѣтъ ли въ немъ какихъ-либо отступленій отъ началъ и указаній, высочайше утвержденныхъ собственно для крестьянскаго вопроса? б) нѣтъ ли въ немъ отступленій вообще отъ духа государственныхъ узаконеній? и в) дѣйствительно ли улучшается имъ бытъ помѣщичьихъ крестьянъ и въ чемъ именно? Особенно пикантна была эта послѣдняя операція—фактическая провѣрка того, за что дворяне только что поручились честнымъ словомъ. Но собака зарыта, конечно, не здѣсь, а въ пунктѣ б): корнемъ недовѣрія къ дворянству была именно неувѣренность въ томъ, что проекты комитетовъ во всемъ согласны съ „духомъ государственныхъ узаконеній". Журналъ засѣданія 18 октября — чисто политическій документъ, дающій намъ четкую линію разрыва, только что происшедшаго между двумя группами дворянства: дворянствомъ придворнымъ и чиновнымъ, владѣвшимъ и правившимъ, выразителемъ мнѣній котораго былъ главный комитетъ,—и дворянствомъ провинціальнымъ, владѣвшимъ, но не правившимъ, до сихъ поръ не смѣвшимъ свое сужденіе имѣть, но теперь нашедшимъ для этого органъ въ лицѣ губернскихъ комитетовъ по крестьянскому дѣлу. И чтобы не оставалось сомнѣній, съ кѣмъ собственно ведется борьба, главный комитетъ дѣлаетъ первый шагъ къ тому, чтобы разрушить тотъ планъ всероссійскаго дворянскаго собранія, сообща съ главнымъ комитетомъ рѣшающаго крестьянскій вопросъ, который увѣнчивалъ собою зданіе дворянскихъ надеждъ и чаяній. 10-й пунктъ журнала 18 октября категорически устанавливаетъ, что въ занятіяхъ главнаго комитета могутъ и будутъ принимать участіе „не только члены, избранные отъ губернскихъ комитетовъ", т. е. не только представители дворянства, но и „всѣ тѣ лица (эксперты), которые своими познаніями въ сельскомъ хозяйствѣ и бытѣ крестьянъ могутъ принести пользу разсматриваемому дѣлу". А чтобы заранѣе показать, что правительство поставитъ на одну доску съ дворянскими депутатами и своихъ собственныхъ агентовъ, дальше говорится о вызовѣ съ той же цѣлью губернаторовъ и членовъ губернскихъ комитетовъ по назначенію губернаторовъ. Все это — журналъ комитета не оставляетъ въ томъ ни малѣйшаго сомнѣнія—лишь различные и притомъ вполнѣ равноправные источники информаціи: рѣшающій голосъ правительство признаетъ только за собой—и ни за кѣмъ больше.

Собственно, формальная сторона конфликта, разыгравшагося въ началѣ осени слѣдующаго 1859 года, въ засѣданіи 18 октября уже намѣтилась сполна. Но дѣло не могло ограничиться одною формальной стороной. Нельзя было сказать: „теперь я буду рѣшать дѣло, а не вы"

—и все же рѣшить его такъ, какъ намѣтили комитеты. Политическій элементъ, ворвавшись въ крестьянскій вопросъ, долженъ былъ разрушить ту соціальную гармонію, которая спаивала въ одно цѣлое при Николаѣ правительство и дворянство. Въ первые дни царствованія его сына страхъ передъ пугачевщиной еще усилилъ на короткое время эту спайку: за пугачевщиной можно было забыть о конституціи,—тѣмъ болѣе, что съ 1825 года ничто о ней и не напоминало. Теперь пугачевщина оказалась миѳомъ, а „конституціонныя вожделѣнія" совершенно неожиданной реальностью. Тѣмъ, кто владѣлъ и правилъ, владѣніе начинало казаться болѣе или менѣе обезпеченнымъ—опасность грозила политической власти. „Мужикъ съ факеломъ" вдругъ сталъ лояльнѣйшимъ вѣрноподданнымъ, а вѣрноподданный еще вчера дворянинъ — едва не Робеспьеромъ. И въ первую минуту ничто не могло быть естественнѣе, какъ перенести свое благоволеніе съ одной соціальной группы на другую. Въ первую минуту такъ оно и случилось.

Въ засѣданіяхъ 19, 22 и 29 ноября 1858 года, происходившихъ въ столь же торжественной обстановкѣ, были заново установлены „тѣ главныя основанія, которыми должны руководствоваться" главный комитетъ и учрежденная при немъ комиссія при разсмотрѣніи губернскихъ проектовъ. „Главныя основанія" рескриптовъ и сопровождавшихъ ихъ министерскихъ циркуляровъ, очевидно, считались уже устарѣвшими. Дѣйствительно, новые принципы, усвоенные теперь главнымъ комитетомъ, шли несравненно дальше того, что признавалось допустимымъ годъ тому назадъ—и шли дальше именно въ направленіи крестьянскихъ интересовъ. Рескрипты связывали освобожденіе съ выкупомъ усадьбы, подъ которымъ комитеты, съ молчаливаго согласія правительства, какъ мы видѣли, разумѣли выкупъ личности. Только *заплативъ* за себя барину въ той или иной формѣ, крестьянинъ пріобрѣталъ, по рескриптамъ, право свободнаго человѣка. Журналъ 4 декабря 1858 года (резюмировавшій результаты трехъ названныхъ нами выше засѣданій главнаго комитета) постановилъ, что „право свободныхъ сословій, лично, по имуществу и по праву жалобы", крестьяне получаютъ немедленно по обнародованіи новаго положенія, — безъ какихъ-либо дополнительныхъ условій. Рескрипты оставляли вотчинную полицію за помѣщиками: журналъ 4 декабря категорически заявляетъ, что „власть надъ личностью крестьянина... сосредоточивается въ мірѣ и его избранныхъ... Помѣщикъ долженъ имѣть дѣло только съ міромъ, не касаясь личностей". И наконецъ, рескрипты отдавали земли крестьянамъ только въ пользованіе: мы видѣли, что этого принципа министерство внутреннихъ дѣлъ сначала держалось такъ твердо, что запрещало разсужденія о выкупѣ земли крестьянами въ собственность даже самимъ дворянскимъ комитетамъ—являясь въ данномъ случаѣ болѣе помѣщикомъ, чѣмъ сами помѣщики. Теперь объ этомъ не было и помину: журналъ 4 декабря безъ околичностей заявлялъ, что „необходимо стараться, чтобы крестьяне постепенно дѣлались земельными соб-

ственниками. Для этого слѣдуетъ: а) сообразить, какіе именно способы могутъ быть предоставлены со стороны правительства для содѣйствія крестьянамъ къ выкупу поземельныхъ ихъ угодій...“ А еще недавно „надъ словомъ *выкупъ* было произнесено какъ бы проклятіе, и всякій разъ, какъ Ланской заикался о немъ государю, его прерывали словами: это невозможно, объ этомъ нельзя и думать“ *). Такъ политическая борьба сразу разрубила гордіевъ узелъ. Если крупное землевладѣніе становилось крамольнымъ—надо было въ противовѣсъ ему создать мелкое землевладѣніе облагодѣтельствованныхъ и вѣрноподданныхъ крестьянъ.

Основныя линіи новаго курса были теперь твердо обозначены. Оставалось выработать его подробности. Мы уже знаемъ, что само правительство именно въ этой области было совершенно безсильно: у него не было ни людей, ни знаній, ни умѣнья найти людей и пріобрѣсти знанія. Волей неволей пришлось передать—на время — свою власть тѣмъ, кто не стоялъ на высшихъ ступенькахъ бюрократической лѣстницы, но зато обладалъ знаніями и умѣлъ ихъ прилагать къ дѣлу. То были отчасти чиновники, но второстепенные, отчасти тѣ же помѣщики — но такіе, въ благонамѣренности которыхъ правительство не сомнѣвалось. Изъ тѣхъ и изъ другихъ было создано учрежденіе, совершенно безпримѣрное въ нашей административной исторіи, — которое не было пріурочено ни къ какому вѣдомству и не нашло бы себѣ мѣста въ табели о рангахъ, — но которое вмѣшивалось въ дѣла всѣхъ вѣдомствъ и заставляло склоняться передъ собою „тайныхъ и даже дѣйствительныхъ тайныхъ совѣтниковъ“, напоминая имъ, что время ихъ „миновало безвозвратно“, по горькому признанію одного изъ номинальныхъ „начальниковъ“ этого страннаго учрежденія, графа Панина. Горечь была преждевременной: тайные совѣтники очень быстро вернули себѣ всю присвоенную ихъ рангу власть, и окончательное рѣшеніе было все же произнесено ими. Но въ исторіи освобожденія крестьянъ осталась полоса яркая и характерная, безъ которой нельзя и представить себѣ этой исторіи. Этой полосой является дѣятельность *редакціонныхъ комиссій*.

Офиціально редакціонныя комиссіи, какъ показываетъ ихъ названіе, преслѣдовали скромную цѣль—окончательной *редакціи* положенія о крестьянахъ, выходящихъ изъ крѣпостной зависимости. Съ этой точки зрѣнія онѣ занимали такимъ образомъ весьма второстепенное мѣсто — вспомогательнаго, рабочаго учрежденія при такъ называемой „особой комиссіи“ главнаго комитета („комиссіи четырехъ“, какъ ее еще иногда называютъ, потому что она состояла изъ четырехъ лицъ: Ланского, Панина, М. Н. Муравьева и Ростовцева). На дѣлѣ „особая комиссія“, какъ безъ труда можно было догадаться по ея составу, оказалась совершенно неработоспособной — и офиціальное положеніе редакціонныхъ комиссій не имѣло никакого отношенія къ ея дѣйствительному значенію. „Въ порядкѣ подчиненія, редакціонныя комиссіи стояли фактически во все время ихъ занятій въ непосредственномъ вѣдѣніи государя императора чрезъ сво-

*) Записки М. А Милютиной. „Рус. Стар.“ 1899 г., январь.

ихъ предсѣдателей, сначала Я. И. Ростовцева, а потомъ гр. В. Н. Панина, внѣ всякаго подчиненія государственнымъ учрежденіямъ", говоритъ ихъ историкъ: „такъ что въ дѣйствительности онѣ представляли сами какъ бы отдѣльное въ государствѣ временное учрежденіе" *). Этотъ историкъ возводитъ мысль о созданіи такого учрежденія къ двумъ запискамъ, одной Милютина, другой Ростовцева, почти одновременно представленнымъ Александру II въ началѣ 1859 года. На самомъ дѣлѣ эта мысль гораздо старше: мы уже упоминали, что первый эскизъ редакціонныхъ комиссій, вполнѣ точно намѣчающій основныя линіи ихъ дѣятельности и почти точно—ихъ составъ, встрѣчается въ одной запискѣ Кавелина, составленной по порученію вел. кн. Константина Николаевича еще въ 1857 году. Въ то время не было еще губернскихъ комитетовъ, и Кавелинъ не имѣлъ надобности маскировать истинную цѣль занятій своей комиссіи офиціальнымъ предлогомъ—разсмотрѣнія и окончательнаго редактированія выработанныхъ комитетами проектовъ. Но съ этимъ офиціальнымъ предлогомъ весьма мало церемонились даже въ офиціальныхъ документахъ: редакціонная задача комиссій была выдвинута на первый планъ только въ указѣ сенату, распубликованномъ во всеобщее свѣдѣніе. Въ болѣе интимномъ „увѣдомленіи", которое получилъ первый предсѣдатель комиссіи отъ предсѣдателя главнаго комитета, прямо было сказано, что комиссіи, наряду съ составленіемъ свода изъ проектовъ губернскихъ комитетовъ, „обязаны постановить *свои* окончательныя заключенія и начертать проекты положеній, руководствуясь Высочайшими повелѣніями, на сей предметъ послѣдовавшими, Высочайше утвержденными положеніями главнаго комитета по крестьянскому дѣлу и постановленіями комиссіи сего комитета" (т. е. бездѣйствовавшей комиссіи четырехъ). При этомъ редакціонныя комиссіи обязаны были „принимать въ соображеніе" весьма многое,—но только никакъ не проекты, составленные губернскими комитетами: съ ними онѣ считаться вовсе не были обязаны.

Предсѣдателемъ редакціонныхъ комиссій *) и „непосредственнымъ начальникомъ" ихъ былъ назначенъ давній сотрудникъ Александра II, еще въ бытность его наслѣдникомъ, генералъ-адъютантъ Яковъ Ивановичъ Ростовцевъ: когда цесаревичъ Александръ Николаевичъ числился начальникомъ военно-учебныхъ заведеній, Ростовцевъ былъ при немъ начальникомъ штаба—т. е. фактически управлялъ этими заведеніями. Имя Ростовцева извѣстно теперь едва ли не всякому грамотному русскому человѣку—и мы съ трудомъ можемъ себѣ представить, что было время, когда съ этимъ именемъ связывались самыя тягостныя представленія. Когда будущій фактическій руководитель занятіями редакціонныхъ комиссій, Николай Милютинъ, узналъ, что ему придется работать вмѣстѣ съ Ростовцевымъ, онъ пришелъ въ самое подавленное настроеніе—и двѣ недѣли не

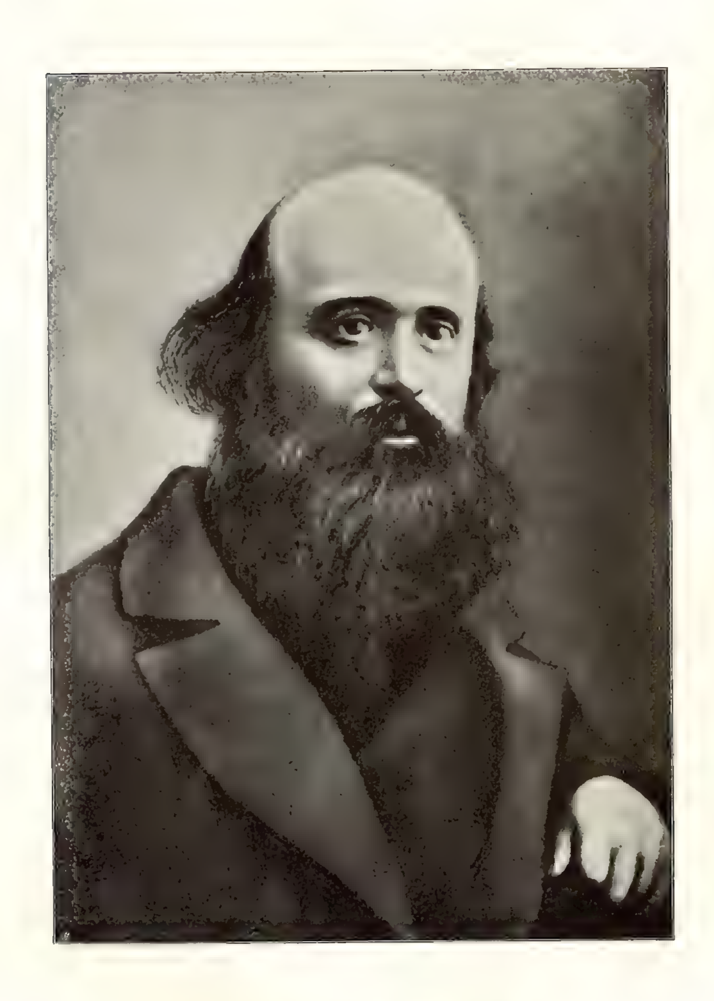
*) Н. П. Семеновъ. Освобожденіе крестьянъ въ царствованіе имп. Александра II. I, 15.

*) Множественное число въ названіи этого учрежденія получилось потому, что сначала предполагались *двѣ* комиссіи—одна для разработки общихъ началъ, другая для мѣстныхъ положеній.

могъ рѣшиться даже поѣхать съ визитомъ къ своему будущему предсѣдателю. Только убѣжденіе, что отъ „подобнаго дѣла отказываться нельзя“, преодолѣло его колебаніе. А Милютинъ не даромъ славился въ кругу своихъ друзей „оборотливостью“ своего ума и умѣньемъ вести дѣла „посреди самыхъ затруднительныхъ обстоятельствъ и препятствій“. Недоумѣніе болѣе широкихъ и менѣе посвященныхъ круговъ, выразившееся въ извѣстномъ отзывѣ Герцена, было, такимъ образомъ, болѣе, чѣмъ понятно. Любопытно, что отзвуки этого первоначальнаго мнѣнія о Ростовцевѣ продолжали слышаться и долго послѣ,—когда самъ онъ уже сошелъ въ могилу и его дѣятельность по крестьянской реформѣ лежала у всѣхъ передъ глазами. Одинъ изъ его ближайшихъ сотрудниковъ по редакціоннымъ комиссіямъ, Я. Соловьевъ (умершій въ 1876 году), въ своихъ запискахъ готовъ изобразить иногда своего бывшаго „начальника“ вульгарнымъ интриганомъ, руководившимся исключительно желаніемъ забрать всю власть въ свои руки. Соловьевъ былъ человѣкъ желчный и злопамятный: но и отзывы людей, гораздо болѣе объективныхъ, не имѣвшихъ противъ Ростовцева никакихъ „личностей“, весьма далеки отъ легендарнаго образа, такъ знакомаго теперь читающей публикѣ. Авторъ первой, по времени, исторіи крестьянской реформы, — вышедшей въ 1861 году въ Берлинѣ подъ скромнымъ именемъ „Матеріаловъ для исторіи упраздненія крѣпостного состоянія въ Россіи“,—горячій сторонникъ эмансипаціи и большой знатокъ крестьянскаго дѣла, Д. Хрущовъ, сравнивая—по поводу смерти Ростовцева—покойнаго предсѣдателя редакціонныхъ комиссій съ его замѣстителемъ, гр. Панинымъ, находитъ въ этихъ двухъ столь противоположныхъ людяхъ одно сходство: „оба страшные деспоты, оба, вмѣстѣ съ тѣмъ страшные льстецы верховной власти“. „Съ веселымъ, шутливымъ характеромъ, пользуясь даже отъ рожденія косноязычіемъ, какъ средствомъ забавлять и смѣшить, онъ (Ростовцевъ) скоро успѣвалъ нравиться особливо высшимъ и дѣлался человѣкомъ необходимымъ въ домашнемъ быту. Можно бы сдѣлать богатый сборникъ изъ всѣхъ остротъ и шутокъ, которыми онъ потѣшалъ въ теченіе многихъ лѣтъ великаго князя Михаила Павловича и покойнаго государя. Съ помощью этого искусства онъ успѣвалъ благотворить другимъ, не забывая и собственнаго возвышенія. Въ дѣлахъ гражданскихъ онъ никогда не упражнялся и не имѣлъ о нихъ никакого понятія. Тѣмъ не менѣе, и особенно въ послѣдніе годы его жизни, когда кругъ его дѣятельности по управленію военно-учебными заведеніями становился тѣснымъ для его безпрерывно возраставшаго честолюбія, онъ имѣлъ претензію упражняться и въ высшихъ государственныхъ вопросахъ и съ наслажденіемъ читалъ своимъ подчиненнымъ сочиненныя имъ по разнымъ предметамъ записки, любя пристрастныя ихъ похвалы и вынужденный фиміамъ“ *).

Хотя авторъ и прибавляетъ въ заключеніе этой малолестной характеристики, что хорошее преобладало въ Ростовцевѣ надъ дурнымъ—онъ едва ли удовлетворитъ этимъ своего

*) „Матеріалы“, т. II, стр. 381 и 19.

М. В. Буташевич-Петрашевский

9

читателя. Съ точки зрѣнія индивидуалистической исторіографіи никакими „смѣшеніями“ „хорошаго“ и „дурного“ не объяснишь, какъ *такой* человѣкъ могъ сдѣлаться свѣтлымъ ангеломъ крестьянской реформы. Предоставляя психологическую разгадку перваго предсѣдателя редакціонныхъ комиссій представителямъ этого историческаго направленія, съ своей точки зрѣнія мы не видимъ никакого противорѣчія между личными свойствами Ростовцева, какъ они описаны выше, и его исторической ролью. Александру II въ начинавшемся имъ походѣ противъ залиберальничавшаго дворянства былъ нуженъ человѣкъ, безгранично лично ему преданный и по возможности не связанный ни своими общественными отношеніями, ни черезчуръ опредѣленными политическими убѣжденіями; послѣднихъ, какъ мы уже знаемъ, Александръ Николаевичъ и вообще не жаловалъ—недаромъ онъ и преемника Ростовцева, Панина, назначилъ по той главной причинѣ, что у того не было никакихъ убѣжденій. Ростовцевъ, внукъ слесаря и сынъ купца, позже выбравшагося въ чиновники, всей своей карьерой обязанный императору Николаю, чужой въ дворянскомъ обществѣ, — которое, само нѣкогда предавъ декабристовъ, тѣмъ не менѣе считало своимъ долгомъ „не прощать“ Ростовцеву, что онъ первый разсказалъ Николаю о заговорѣ — былъ именно такимъ человѣкомъ, который требовался Александру II въ эту минуту во главѣ крестьянскаго дѣла. Что взгляды Ростовцева на это дѣло не отличались ни опредѣленностью, ни глубиной и не обнаруживали въ немъ большихъ познаній—это была наименьшая изъ бѣдъ. Зато они обладали завидной гибкостью и приспособляемостью къ обстоятельствамъ. Въ своихъ письмахъ къ Александру изъ-за границы Ростовцевъ,—тогда еще только членъ главнаго комитета,—раздѣляетъ еще всѣ иллюзіи перваго, „дворянскаго“, періода реформы. Выкупъ онъ считаетъ невозможнымъ, называетъ его „утопіей“—и не только потому, что для него необходимо „посредничество огромныхъ капиталовъ“, которыхъ у правительства нѣтъ, но и потому, что его нельзя провести „безъ нарушенія правъ помѣщиковъ“. Помѣщикъ остается „начальникомъ всей общины“: „оскорбленіе помѣщику и членамъ его семейства, нанесенное крестьяниномъ, судится, какъ преступленіе уголовное, какъ оскорбленіе отца“ (!). Порядокъ во время самаго освобожденія обезпечивается, во-первыхъ, чрезвычайными генералъ-губернаторами (идея эта, вызвавшая, какъ мы видѣли, такой горячій споръ Александра II съ его министромъ внутреннихъ дѣлъ, принадлежала именно Ростовцеву), а во-вторыхъ, на мѣстахъ уѣздными начальниками—причемъ въ спискѣ лицъ, пригодныхъ для занятія этой послѣдней должности, страннымъ образомъ перемѣшиваются камергеры и „достойные офицеры гвардіи“ съ „бывшими студентами университетовъ и равныхъ онымъ высшихъ учебныхъ заведеній“. Ростовцевъ въ это время (августъ — сентябрь 1858 года) еще вполнѣ раздѣлялъ быстро старѣвшій предразсудокъ о неизбѣжности пугачевщины — сохранивъ его даже и долго послѣ: „мужикъ съ топоромъ“

зачастую всплывалъ въ рѣчахъ и въ засѣданіяхъ редакціонныхъ комиссій. Но любопытно, что значеніе этого миѳическаго мужика съ теченіемъ времени радикально измѣнилось: въ письмахъ возможность безпорядковъ вызываетъ только заботу объ огражденіи правъ и безопасности помѣщика—а въ редакціонныхъ комиссіяхъ та же опасность выдвигается уже противъ помѣщика, какъ аргументъ въ пользу сохраненія за крестьянами въ неприкосновенномъ видѣ всего ихъ земельнаго надѣла.

Ростовцевъ, очевидно, не могъ быть руководителемъ занятій редакціонныхъ комиссій—онъ могъ только наблюдать за тѣмъ, чтобы онѣ не отступали отъ принциповъ, одобренныхъ императоромъ и главнымъ комитетомъ. Но отъ него большаго и не требовалось: роль положительная и творческая новымъ курсомъ съ самаго начала была отведена другому человѣку, котораго самъ Ростовцевъ въ шутку называлъ „нимфой Эгеріей". Этимъ человѣкомъ былъ Николай Алексѣевичъ Милютинъ. То, что было для Ростовцева служебнымъ долгомъ, который онъ выполнялъ добросовѣстно и съ большимъ оффиціальнымъ рвеніемъ,—но не по собственному почину и выбору, а просто потому, что ему приказали дѣлать именно это, а не другое, сегодня учить кадетовъ, завтра освобождать крестьянъ — то для Милютина было вполнѣ личнымъ дѣломъ, вытекавшимъ изъ глубочайшаго внутренняго убѣжденія. Въ придворныхъ кругахъ, какъ мы уже знаемъ, этого человѣка считали „краснымъ", чуть не якобинцемъ; озлобленные дворяне впослѣдствіи обвиняли его въ „коммунизмѣ". Но удивительнѣе всего, что либеральная историческая традиція тоже записала его въ свой синодикъ,—какъ бы подтверждая этимъ своимъ приговоромъ, если не послѣднее, то первое изъ двухъ указанныхъ мнѣній. На самомъ дѣлѣ Милютинъ былъ одинаково далекъ и отъ коммунизма, и отъ якобинства,—а въ особенности отъ либерализма. На зарѣ капиталистическаго развитія мы во многихъ странахъ встрѣчаемъ фигуру министра, сознательно приносящаго политическую свободу общественныхъ верховъ въ жертву матеріальному благосостоянію массы. „Поднять и поставить на ноги угнетенную массу"—эти слова изъ одного позднѣйшаго письма Милютина (писаннаго имъ изъ Польши) могли бы служить девизомъ всей его дѣятельности. Но какъ у всѣхъ дѣятелей того же типа, — какъ у Помбаля, Струэнзе, или Іосифа II, этотъ своеобразный, наивный демократизмъ сопровождался чертой совершенно антидемократической,—до фанатизма доходящей вѣрой въ то, что только неограниченная государственная власть способна совершить это чудо: голодныхъ рабовъ сдѣлать сытыми и счастливыми людьми. Въ своей слѣпотѣ люди этого типа не замѣчали, что они въ сущности стремятся только замѣнить одинъ видъ рабства другимъ: феодальную зависимость массы отъ частныхъ лицъ, свойственную натуральному хозяйству,—государственнымъ рабствомъ, характернымъ для эпохи первоначальнаго накопленія. Но они не замѣчали этого совершенно искренно—и это придавало необыкновенную цѣльность всей ихъ дѣятельно-

сти и желѣзную твердость ихъ натиску на „олигархическія“ свободы привилегированныхъ верховъ, противъ которыхъ они ополчались. Въ первый періодъ крестьянской реформы, когда она казалась всецѣло отданной въ руки дворянскихъ комитетовъ, не было человѣка несчастнѣе Милютина. „Въ какихъ теперь все это рукахъ?“ писалъ онъ въ началѣ 1858 года своему дядѣ, бывшему министру государственныхъ имуществъ Николая Павловича, графу Киселеву. „Что за безсмысліе и неурядица! Горестно вспомнить, какъ творится такое трудное и важное дѣло. Дворянство, корыстное, неподготовленное, неразвитое, предоставлено собственнымъ силамъ. Не могу себѣ представить, что выйдетъ изъ этого безъ руководства и направленія при самой грубой оппозиціи высшихъ сановниковъ, при интригахъ и недобросовѣстности исполнителей. Нельзя не изумляться рѣдкой твердости государя, который *одинъ* обуздываетъ настоящую реакцію и силу инерціи“. По горькой ироніи судьбы именно этотъ государь, о которомъ авторъ письма былъ такого высокаго мнѣнія, — именно онъ-то больше всего и не довѣрялъ своему почитателю. Стоитъ прочесть — въ запискахъ вдовы Милютина — длинную трагикомедію назначенія „краснаго“ директора департамента товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ: Александръ II употреблялъ всѣ усилія, чтобы отдѣлаться отъ Милютина и подвергъ его—двадцать лѣтъ прослужившаго чиновника, дослужившагося до генеральскихъ чиновъ — чему-то въ родѣ спеціальнаго экзамена на благонадежность. Только по удовлетворительной сдачѣ этого высочайшаго экзамена Милютинъ удостоился назначенія—и то не товарищемъ, а лишь „временно исполняющимъ обязанности товарища“ министра. Слово „временно“ было заботливо вписано самимъ Александромъ Николаевичемъ: въ сенатскомъ указѣ его было пропустили.

Такъ какъ у насъ въ доброе старое время—когда не было еще ни программъ, ни партій—принято было считать „либералами“ всѣхъ, кто состоялъ на подозрѣніи у правительства,—то едва ли не этой исторіи обязанъ своей либеральной репутаціей и Милютинъ. Вѣроятно, по этой причинѣ и наивный Ростовцевъ относилъ его къ либераламъ: „человѣкъ вполнѣ современный и весьма способный“, говорилъ о Милютинѣ его будущій „начальникъ“—какъ же не либералъ? Къ чести Александра II нужно сказать, что въ этомъ вопросѣ онъ умѣлъ разобраться. Упомянувъ въ разговорѣ съ Ланскимъ, что Милютина одни обвиняютъ въ ненависти къ дворянству, а другіе въ любви къ конституціи,—императоръ невольно улыбнулся. Въ самомъ дѣлѣ, можно ли было представить себѣ такое сочетаніе чувствъ въ дни редакціонныхъ комиссій?

Намъ совершенно нѣтъ надобности выяснять, какимъ индивидуальнымъ условіямъ Милютинъ былъ обязанъ своею ненавистью къ дворянству и своимъ равнодушіемъ къ конституціи. Весьма возможно, что служба въ хозяйственномъ департаментѣ министерства внутреннихъ дѣлъ, — гдѣ передъ нимъ въ теченіе двадцати лѣтъ вереницей проходили всевоз-

можныя помѣщичьи безобразія, — дѣйствительно, какъ указываетъ одинъ изъ его біографовъ, помогла воспитаться первому чувству—или, по крайней мѣрѣ, дала богатый матеріалъ для его субъективнаго оправданія. Но вторая черта Милютина—его крайній гувернементализмъ, вѣра въ самодержавную власть и невѣріе въ общество, была слишкомъ распространена въ то время *) и слишкомъ хорошо объясняется положеніемъ тогдашнихъ передовыхъ группъ—поставленныхъ между косностью большинства помѣщиковъ, съ одной стороны, и опасностью дожить до пугачевщины, — съ другой. Мы видѣли, что и Кавелинъ и, въ особенности, Самаринъ были въ этомъ случаѣ очень недалеки отъ Милютина, и что отъ скептицизма по адресу конституціи не былъ свободенъ даже Герценъ. Оттого и Самаринъ, и другіе сторонники эмансипаціи того же типа такъ легко и акклиматизировались въ редакціонныхъ комиссіяхъ, куда они были вызваны въ качествѣ экспертовъ. Тамъ не нашлось только мѣста ни для Унковскаго, ни для Кошелева: отсутствіе перваго въ подобномъ учрежденіи было достаточно понятно само по себѣ. Отсутствіе второго пытались иногда объяснить тѣмъ, что онъ пользовался наверху не особенно блестящей моральной репутаціей—былъ недостаточно святымъ человѣкомъ для такого „святого" дѣла. Но въ комиссіяхъ были отнюдь не одни святые люди: генералъ-провіантмейстера Булгакова, занимавшаго въ комиссіяхъ (по назначенію отъ правительства) весьма почетное мѣсто—одно время онъ даже предсѣдательствовалъ—, кажется, никто въ святости не подозрѣвалъ. А въ числѣ членовъ экспертовъ былъ полтавскій помѣщикъ Позенъ—„личность въ высшей степени подлая и гнусная", по энергическому выраженію перваго историка крестьянской реформы *). На самомъ дѣлѣ Позенъ былъ главнымъ образомъ виноватъ въ томъ, что черезчуръ энергично и послѣдовательно отстаивалъ интересы помѣщиковъ. Но какъ бы то ни было, его репутація, заслуженная или нѣтъ, не помѣшала ему быть приглашеннымъ въ комиссіи и даже пользоваться тамъ, въ первое время, большимъ вліяніемъ на Ростовцева. Для остракизма Кошелева приходится, такимъ образомъ, искать другихъ основаній: и едва ли не главное изъ нихъ было въ томъ, что рязанскій комитетъ по части политики отнюдь не былъ на хорошемъ счету, требуя раздѣленія властей съ самаго корня съ такою неукоснительностью, что даже мелкія деревенскія правонарушенія готовъ былъ поручить особаго рода суду присяжныхъ; а къ тому же еще лично Кошелевъ пользовался репутаціей большой независимости. Нѣтъ сомнѣнія, что именно послѣдняя причина закрыла двери комиссій передъ ихъ иниціаторомъ, Кавелинымъ: послѣ исторіи съ его „запиской" онъ считался рѣшительно неблагонадежнымъ.

Въ этомъ устраненіи отъ комиссій людей, которые несомнѣнно были бы имъ очень полезны, мы вовсе не должны видѣть однако сознательную политическую тенденцію. Мы были бы слишкомъ хорошаго мнѣнія о „высшихъ сферахъ" 1859 года, если бы предположили у этихъ сферъ хотя

*) См. выше 1. Новое общество.

*) „Матеріалы". II, 22.

какую-нибудь принципіальную выдержанность. Мы видѣли, какіе барьеры ставились передъ Милютинымъ — который однако же имѣлъ всѣ права на то, чтобы быть поставленнымъ во главѣ подобнаго дѣла. Зато людей „своихъ“, къ которымъ привыкли чуть не съ дѣтства, готовы были пустить туда безъ всякихъ условій—хотя бы съ перваго взгляда было ясно, что они будутъ не помогать, а вредить, что они явятся въ комиссіяхъ форменной делегаціей отъ враждебнаго, помѣщичьяго лагеря. Таково было именно положеніе въ комиссіяхъ двухъ представителей самаго аристократическаго круга—князя Паскевича, сына николаевскаго фельдмаршала, и графа Шувалова,—петербургскаго губернскаго предводителя дворянства. Обоихъ въ обществѣ считали сторонниками освобожденія крестьянъ безъ земли, а между тѣмъ задачей комиссій было выработать проектъ освобожденія примѣнительно къ журналу 4 декабря, требовавшему насажденія въ Россіи мелкой земельной собственности. Что получилось отъ ихъ участія въ работахъ комиссій, не трудно себѣ представить. Какъ только Ростовцевъ заикнулся о выкупѣ, онъ немедленно наткнулся на горячія возраженія обоихъ своихъ аристократическихъ сочленовъ. Шуваловъ и Паскевичъ въ одинъ голосъ доказывали, что выкупъ земли—возможность котораго они политично не оспаривали—есть частная сдѣлка между помѣщикомъ и его бывшими крѣпостными, сдѣлка совершенно добровольная, которая можетъ состояться, а можетъ и не состояться. Государственную мѣру, какой является отмѣна крѣпостного права, нельзя ставить въ зависимость отъ „всякихъ полюбовныхъ сдѣлокъ“. Введеніе же обязательнаго выкупа есть „нарушеніе предоставляемой крестьянамъ свободы“: „ибо неестественно заставлять свободнаго человѣка пріобрѣтать, вопреки его волѣ, поземельную собственность“. На пренія съ этими радѣтелями крестьянской свободы комиссіи должны были потратить цѣлый рядъ засѣданій. Дѣло восходило на рѣшеніе самого Александра II,—который употребилъ на то, чтобы удержать въ комиссіяхъ Шувалова и Паскевича, не меньше усилій, чѣмъ для того, чтобы не пустить Милютина въ товарищи министра. Комиссіи должны были отводить душу въ довольно желчныхъ протоколахъ, гдѣ изъяснялось, что „еще и донынѣ нѣкоторыя лица продолжаютъ поддерживать мнѣніе по крестьянскому вопросу, *прямо противорѣчащее Высочайше указаннымъ началамъ* и клонящееся въ той или другой формѣ къ окончательному освобожденію крестьянъ *безъ земли* и къ болѣе или менѣе постепенному образованію изъ нихъ класса свободныхъ, но бездомныхъ, безземельныхъ работниковъ“. Образованіе такого класса должно сопровождаться „ничѣмъ несдержанной борьбой“ „между двумя сословіями“: „правительство, имѣя въ въ виду и исторію, и настоящее положеніе вещей въ другихъ государствахъ, безъ сомнѣнія не можетъ допустить подобныхъ послѣдствій“. „Уклоненіе отъ указаннаго Высочайшей волею пути“ можетъ поэтому „довести до результатовъ самыхъ гибельныхъ“...

Тенденціи крупнаго землевладѣнія, представленнаго въ комиссіяхъ

Шуваловымъ и Паскевичемъ, вели, конечно, не къ созданію „класса свободныхъ безземельныхъ работниковъ“: ему нужно было юридическое превращеніе оброка въ ренту. Аргументъ его противниковъ билъ дальше цѣли: но онъ остается тѣмъ не менѣе чрезвычайно выразительнымъ. Такъ боялись образованія въ Россіи пролетаріата тѣ самыя редакціонныя комиссіи, которыя потомъ подвергались со стороны раздраженнаго дворянства обвиненіямъ въ коммунизмѣ! Мы увидимъ впослѣдствіи, что соціальный консерватизмъ выражался у комиссій не только въ этой экономической формѣ (въ *этой* формѣ онъ не былъ чуждъ и тогдашнимъ радикаламъ,—напримѣръ, Чернышевскому), но и въ другихъ формахъ, гораздо болѣе „николаевскихъ“. Доводы Паскевича и Шувалова были ничѣмъ не хуже аргументаціи тѣхъ почтенныхъ англійскихъ буржуа, которые возставали противъ фабричнаго законодательства на томъ основаніи, что оно стѣсняетъ „свободу труда“. Съ этой точки зрѣнія они могли не безъ основанія гордиться своей „прогрессивностью“ передъ „отсталыми“ николаевскими чиновниками и помѣщиками - славянофилами, составлявшими большинство редакціонныхъ комиссій. Тѣмъ не менѣе большинство все же оставалось большинствомъ— и Паскевичъ съ Шуваловымъ, несмотря на всѣ усилія императора „помирить“ ихъ съ ихъ коллегами, вышли изъ состава комиссій *).

*) Впослѣдствіи, по настоянію императора, они вернулись, но дѣятельнаго участія въ работахъ не принимали.

Этотъ инцидентъ, не имѣвшій формальныхъ послѣдствій, если не считать таковыми протоколовъ, былъ однако же чрезвычайно характеренъ, какъ симптомъ. Милютинъ могъ мечтать о внѣклассовой государственной власти, безстрастной и неумолимой, какъ судьба — но реальные люди всегда люди какого-нибудь опредѣленнаго класса. Даже такъ мало понимавшій въ экономическихъ и юридическихъ вопросахъ Ростовцевъ сталъ сознавать подъ конецъ жизни, что онъ въ сущности все время стоялъ со своими сотрудниками на *классовой* точкѣ зрѣнія—именно на точкѣ зрѣнія классоваго *крестьянскаго* интереса *). Но такая позиція была слишкомъ искусственна для большинства членовъ комиссій. Они были все же дворяне: „большинство принадлежало къ числу помѣщиковъ, большею частію зажиточныхъ и даже богатыхъ“ („Матеріалы“. II, 22). Отрѣшиться вовсе и окончательно отъ помѣщичьей точки зрѣнія они могли такъ же мало, какъ мало могъ Александръ II отрѣшиться отъ пристрастія къ Шуваловымъ и Паскевичамъ. Это сказалось со всею силой на первомъ же самомъ элементарномъ вопросѣ — вопросѣ о крестьянскомъ *надѣлѣ*.

Докладъ „объ основаніяхъ и размѣрѣ надѣла“ былъ порученъ хозяйственнымъ отдѣленіемъ комиссій **) кн. Вл. А. Черкасскому. Какъ

*) „Комиссіи иногда наклоняли вѣсы на сторону крестьянъ и дѣлали это потому, что наклонять вѣсы *потомъ* отъ пользы крестьянъ къ пользѣ помѣщиковъ будетъ *и много охотниковъ и много силы*, а наоборотъ — иначе“ (письмо Ростовцева Александру II отъ 23 октября 1859 г.).

**) Комиссіи, отчасти согласно съ пер-

и Самаринъ, Черкасскій былъ одною изъ крупнѣйшихъ литературныхъ силъ комиссій,—но его литературный талантъ былъ менѣе индивидуаленъ и болѣе гибокъ, чѣмъ самаринскій. Оттого ему охотнѣе всего и поручали редакцію всякаго рода документовъ общаго характера—онъ, напримѣръ, составлялъ для Ростовцева его предсмертную записку о ходѣ крестьянскаго дѣла (представленную Александру II 6 февраля 1860 года). Въ докладѣ о надѣлѣ Черкасскій оказался, по общему мнѣнію, на высотѣ своей репутаціи: докладъ отличался большой убѣдительностью. Его исходной точкой была та мысль, что „главная цѣль правительства состоитъ въ созданіи обезпеченнаго сословія сельскихъ обывателей“. Совершенно правильно Черкасскій видѣлъ минимальное условіе для достиженія этой цѣли въ томъ, чтобы оставить за освобождаемыми крестьянами весь тотъ надѣлъ, какимъ они пользовались при крѣпостномъ правѣ,—надѣлъ, какъ мы знаемъ, съ начала столѣтія уже сильно уменьшившійся *). Это рѣшеніе, разумное само по себѣ, вполнѣ отвѣчало и исторической традиціи, какъ она сложилась со временъ Николая. При первомъ ограниченіи крѣпостного права въ западныхъ губерніяхъ—путемъ введенія инвентарей — было установлено, что „вся земля, находящаяся нынѣ въ пользованіи крестьянъ и подробно означенная въ инвентарѣ, должна, какъ мірская, оставаться у нихъ безъ всякаго измѣненія“ *).

Основное положеніе Черкасскаго казалось, такимъ образомъ, вдвойнѣ несокрушимымъ: за него были и логика и исторія. Оно вызывало только одну поправку: такъ какъ добрая доля крестьянъ была еще въ теченіе крѣпостного періода совсѣмъ или почти обезземелена, то, не измѣняя основной цѣли „новаго курса“—созданію мелкой земельной собственности—приходилось установить извѣстный minimum надѣла, съ обязательствомъ для помѣщика прирѣзать крестьянамъ земли, если у нихъ было меньше этого minimum'а. Но историческая традиція дворянской эры начала царствованія Александра II вносила и еще одну поправку: при введеніи инвентарей въ Могилевской и Витебской губерніяхъ (въ 1855 году) были установлены не только наименьшіе, но и *наибольшіе* размѣры крестьянскихъ участковъ. Другими словами, допускалась не только прирѣзка въ пользу крестьянъ, но и отрѣзка крестьянской земли въ пользу помѣщика. Въ общемъ собраніи редакціонныхъ комиссій (засѣданія 18 и 20 іюня) этотъ вопросъ вызвалъ ожесточенные споры. Цѣлый рядъ членовъ-экспертовъ высказывался противъ самой идеи существующаго надѣла: многіе находили вполнѣ естественнымъ, что у крестьянъ будетъ отрѣзаться земля для увеличенія барской запашки, но никакъ не мирились съ тѣмъ, что часть барской запашки можетъ быть

воначальнымъ планомъ Кавелина, раздѣлялись на 3 „отдѣленія“: *юридическое*, *административное* и *хозяйственное*. Впослѣдствіи къ нимъ присоединилась еще *финансовая* комиссія, разсматривавшая спеціально вопросъ о выкупѣ.

*) См. часть 1, гл. IV. Экономическое развитіе Россіи въ первой половинѣ XIX в.

*) Высочайше утверж. правила 29 декабря 1848 года (для Кіевск. губ.), повелѣніе 22 дек. 1852 года (для литовскихъ губ.).

отдана крестьянамъ. Члены по назначенію отъ правительства — въ томъ числѣ даже и Милютинъ—иногда „уклонялись отъ прямого отвѣта“: характерный показатель атмосферы, которая царствовала въ собраніи. Ростовцевъ колебался: сначала и онъ пытался „уклониться“—предложивъ отсрочить отрѣзку на 12 лѣтъ, до окончанія переходнаго срочно-обязаннаго періода. „Въ то время оно и разрѣшится, это будетъ ходъ историческій... Тогда, можетъ быть, представится совсѣмъ другое. Это, такъ сказать, осьмушка столѣтія“. Но по мѣрѣ того, какъ разгарались пренія, предсѣдатель начиналъ понимать жгучесть вопроса. „Отрѣзкой мы уничтожаемъ крестьянина“, говорилъ Ростовцевъ въ концѣ второго засѣданія: „а это бунтъ; всѣ юридическія теоріи прекрасны, но здѣсь дѣло идетъ о кускѣ хлѣба; мы отнимаемъ у крестьянина этотъ кусокъ изъ вѣжливости къ помѣщику, для популярности у дворянства. Государь велѣлъ намъ улучшить бытъ; какое же это улучшеніе?“ Самаринъ занялъ среднюю позицію: онъ стоялъ на томъ, что существующій надѣлъ — фактъ историческій, и что поэтому не слѣдуетъ допускать ни наибольшаго, ни наименьшаго размѣра. „И вообще никакой отрѣзки земли у крестьянъ“, прибавлялъ онъ однако, явно обнаруживая тѣмъ, что *этому* отступленію отъ исторіи онъ сочувствовалъ во всякомъ случаѣ меньше, чѣмъ противоположному. Черкасскій поставилъ точку надъ і, сказавъ послѣ долгихъ споровъ: „Конечно, не слѣдуетъ допускать уменьшенія у крестьянъ земли, и это согласуется вполнѣ съ моимъ личнымъ убѣжденіемъ; но что отрѣзка у нихъ земли будетъ популярна у дворянства, въ этомъ я не имѣю сомнѣнія, а если отвергнуть ее, то произойдетъ общее неудовольствіе. Нужна ли эта популярность — дѣло другое“. На этотъ вопросъ отвѣтило голосованіе, — именное, какъ всѣ важныя голосованія редакціонныхъ комиссій: „большинство или всѣ почти были за отрѣзку“, говорила протокольная запись, страннымъ образомъ умалчивая именно здѣсь, кто же были тѣ немногіе, которые не искали „популярности у дворянства“... Такимъ образомъ, идея знаменитыхъ „отрѣзковъ“ вовсе не была навязана редакціоннымъ комиссіямъ критикой депутатовъ 1-го и 2-го призывовъ — какъ иногда думаютъ. Она возникла совершенно самопроизвольно въ ихъ средѣ, и представителямъ помѣщичьихъ интересовъ оставалось только толкать ихъ по этой дорогѣ все дальше и дальше, доводя въ нѣкоторыхъ случаяхъ отрѣзку до настоящей экспропріаціи крестьянъ въ пользу помѣщиковъ.

Еще меньше твердости обнаружили комиссіи въ другомъ вопросѣ, тѣсно связаннымъ съ первымъ: въ вопросѣ о *способѣ*, какимъ долженъ перейти къ крестьянамъ этотъ урѣзанный надѣлъ, и о юридической формѣ этого перехода. Такъ какъ вся реформа носила принудительный характеръ, то было совершенно естественно и передачу крестьянамъ надѣла облечь въ форму *принудительнаго отчужденія* у помѣщиковъ крестьянской земли (которая, формально, принадлежала, конечно, имъ, какъ и сами крестьяне)—или, какъ тогда говорили, въ форму *принудительнаго выкупа.*

Но этотъ единственно правильный логическій выводъ, сдѣланный еще Кавелинымъ въ его запискѣ, *) былъ жупеломъ для большинства членовъ комиссій, чѣмъ и пользовались противники этого большинства: когда Шуваловъ хотѣлъ прижать къ стѣнѣ Милютина, Черкасскаго и другихъ, онъ ставилъ имъ въ упоръ вопросъ, долженъ быть выкупъ обязательнымъ или нѣтъ? И Милютинъ съ Черкасскимъ смущались, „старались доказать, что между возраженіями гр. Шувалова и тѣмъ, что было выражено въ предложеніи, не было дѣйствительнаго различія“ (!) и начинали говорить объ уступкахъ**). Въ концѣ концовъ комиссіи одновременно заявили, и что онѣ „почитаютъ выкупъ крестьянской земли главнымъ исходомъ вопроса“, и что онѣ однако „не дѣлаютъ выкупа обязательнымъ“, т. е., что „главный исходъ“ вопроса онѣ оставляютъ въ рукахъ помѣщиковъ...***) Рано или поздно это пришлось сказать всѣми словами. Въ журналѣ общаго присутствія 13 августа гр. Шуваловъ, вернувшійся къ тому времени въ комиссіи, имѣлъ удовольствіе прочесть: „...если бы помѣщикъ предложилъ крестьянамъ выкупить весь утвержденный за ними надѣлъ и если бы по разсрочкѣ уплаты этой суммы пришлось крестьянамъ вносить ежегодно ...не болѣе установленнаго съ нихъ оброка, въ такомъ случаѣ *нѣтъ надобности ставить выкупъ земли исключительно въ зависимость отъ произвола крестьянъ*.“ Въ этомъ случаѣ правительство „по заявленіи желанія выкупа со стороны одного только помѣщика, выдавало ему выкупную сумму“. А такъ какъ —мы знаемъ это изъ проектовъ губернскихъ комитетовъ—выкупъ считали для себя выгоднымъ очень многіе помѣщики, то дѣло и рѣшалось въ концѣ концовъ вполнѣ согласно съ интересами землевладѣльческаго класса.

Еще разъ сказался консерватизмъ комиссій на вопросѣ о крестьянскомъ „самоуправленіи“. „Одно изъ важнѣйшихъ условій улучшенія быта помѣщичьихъ крестьянъ и самаго выхода ихъ изъ крѣпостной зависимости, по мнѣнію редакціонныхъ комиссій, заключается въ замѣнѣ прежней безотчетной полицейской власти и безотчетнаго суда помѣщика правильнымъ „полицейскимъ и судебно-полицейскимъ устройствомъ крестьянъ“. Кромѣ непосредственнаго вліянія на будущее благосостояніе освобождаемыхъ крестьянъ, вопросъ о лучшемъ въ этомъ отношеніи устройствѣ ихъ имѣетъ первостепенную важность и въ видахъ сохраненія общаго порядка и спокойствія“ *).

Уже это послѣднее „соображеніе“ редакціонныхъ комиссій вводитъ насъ въ кругъ весьма архаичныхъ представленій о задачахъ „устройства“ крестьянъ. Чѣмъ-то глубоко никола-

*) „...Владѣльцевъ слѣдуетъ вознаградить за выкупаемыхъ у нихъ крѣпостныхъ самымъ простымъ и самымъ справедливымъ образомъ: оцѣнить крѣпостныхъ *съ слѣдующею имъ землею*, по существующимъ на мѣстѣ цѣнамъ, какъ можно добросовѣстнѣе, какъ можно ближе къ истинѣ, и затѣмъ выдавать всю выкупную сумму сполна, при самомъ отчужденіи крѣпостныхъ изъ частнаго владѣнія“. (Сочиненія, II, стр. 48).

**) Семеновъ. I, 156.

***) „Дополнительный журналъ 27 мая 1859 года. Тамъ же, стр. 187.

*) Скребицкій. Крестьянское дѣло, т. I, стр. 337.

евскимъ вѣетъ отъ этой сразу откуда-то выскакивающей заботы о „сохраненіи общаго порядка и спокойствія“. Вы чувствуете, что объ этотъ краеугольный камень полицейскаго государства должны были разбиться всѣ прекрасныя намѣренія, выражавшіяся комиссіями по другимъ поводамъ и въ другихъ мѣстахъ своихъ проектовъ: о предоставленіи крестьянамъ „совершенно самостоятельнаго управленія“, о нежелательности какого бы то ни было контроля надъ ними со стороны и т. д. Все это было мало-по-малу принесено въ жертву молоху „порядка и спокойствія“, и чѣмъ дальше комиссіи шли по торной дорогѣ бюрократически - сословнаго государства, тѣмъ ближе онѣ оказывались къ упраздняемому ими крѣпостному праву.

Нѣкоторые губернскіе комитеты, напр., тверской—высказывали пожеланіе, чтобы никакого особеннаго „крестьянскаго управленія“ не существовало—кромѣ распоряженія сельской общины своими хозяйственными дѣлами. По ихъ мнѣнію, должно было быть организовано мѣстное управленіе, общее для всѣхъ сословій, или вѣрнѣе, вовсе безсословное. Это было единственное рѣшеніе вопроса, отвѣчавшее духу предпринимаемой реформы, такъ какъ и по рескриптамъ, и по журналу 4 декабря крестьяне рано или поздно должны были превратиться въ свободныхъ сельскихъ обывателей, равноправныхъ со всѣми другими. Но на бѣду для той системы, которая на защиту себя выдвинула реакціонныя комиссіи, крестьяне были не только этимъ: „это сословіе въ критическія минуты всегда служило правительствамъ самою надежною опорою для охраненія общаго порядка и спокойствія“. А разъ это такъ, то смѣшивать этихъ благонадежныхъ людей въ одну кучу съ другими сословіями, благонадежность которыхъ болѣе или менѣе сомнительна, — а въ особенности съ явно неблагонадежными въ данную минуту помѣщиками, было очевиднымъ неблагоразуміемъ. И вотъ комиссіи мало-по-малу приходятъ къ убѣжденію, что безсословный строй въ деревнѣ, может быть и согласный съ духомъ крестьянской реформы, несогласенъ съ „духомъ нашихъ законовъ“—а мы знаемъ, что комиссіи должны были строго его блюсти и охранять отъ всякихъ покушеній. „На основаніи дѣйствующихъ законовъ“, разсуждаютъ комиссіи, „всѣ свободныя сословія, несмотря на различіе правъ, предоставленныхъ имъ въ составѣ обществъ, пользуются полною другъ отъ друга независимостью. Всѣ они, отъ высшихъ до низшихъ, непосредственно *тянутъ* (по выразительному юридическому термину нашего древняго законодательства) къ живому средоточію государственнаго устройства, олицетворяющему собою единство Русской земли и единство правящей ею верховной власти“.

Не трудно себѣ представить, къ чему должно было привести это старомосковское начало *тягла*, такъ глубоко раздробившее на сословія московское общество XVII вѣка, въ примѣненіи къ освобождаемымъ крестьянамъ. Основной единицей крестьянскаго самоуправленія, по проектамъ редакціонныхъ комиссій, являлось „мірское общество“—для великорусскихъ губерній совпадавшее съ по-

земельной общиной (послѣднее слово не нравилось Ростовцеву, такъ какъ напоминало ему „фаланстерію“). Это и былъ тотъ *міръ*, съ которымъ впредь долженъ былъ имѣть дѣло помѣщикъ, „не касаясь личностей“. Существуетъ мнѣніе, что сохраненіемъ мірского устройства крестьянъ мы обязаны славянофильскимъ воззрѣніямъ руководящихъ членовъ редакціонныхъ комиссій. Самаринъ былъ однимъ изъ виднѣйшихъ теоретиковъ славянофильства, котораго славянофилы-практики даже побаивались, считая его черезчуръ прямолинейнымъ: „пуще всего не давайте воли Самарину“, писалъ Кошелевъ, „злѣйшему доктринеру, человѣку, который и самого Гизо за поясъ заткнетъ“. Черкасскій былъ очень близокъ къ славянофильскимъ кругамъ: а Милютинъ, числившійся раньше западникомъ, въ комиссіяхъ, по увѣренію И. С. Аксакова, подпалъ подъ теоретическое вліяніе Самарина и Черкасскаго. Возможно, что это и такъ—и тѣмъ не менѣе „міръ“, какъ онъ былъ поставленъ въ проектахъ редакціонныхъ комиссій, попалъ туда вовсе не ради соблюденія „народныхъ началъ“, а въ гораздо болѣе скромной роли. Объ этой роли прямо и просто выразился Ростовцевъ, въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Александру II: „общинное устройство теперь, въ настоящую минуту, для Россіи необходимо“, читаемъ мы здѣсь: „*народу нужна еще сильная власть, которая замѣнила бы власть помѣщика*. Безъ міра помѣщикъ не собралъ бы своихъ доходовъ ни оброкомъ, ни трудомъ, а правительство своихъ податей и повинностей“. Не мудрено, что „міръ“ редакціонныхъ комиссій, какъ община временъ Ивана Грознаго, гораздо больше выражалъ идею „государева тягла“, чѣмъ право крестьянъ на самоуправленіе. Сущность этого міра для Ростовцева составляла *круговая порука*, которую онъ въ простотѣ души считалъ неотдѣлимой отъ общиннаго землевладѣнія. „Сознавая многія неудобства круговой поруки“, писалъ онъ *) Александру II въ своей предсмертной запискѣ, „которая ставитъ личность крестьянъ въ слишкомъ большую зависимость отъ міра, комиссіи приняли ее, какъ неизбѣжное зло, такъ какъ, при существующемъ нынѣ общинномъ владѣніи землею, она составляетъ главный способъ обезпеченія повинности; *уничтожить же искусственно общинное владѣніе землей*, съ которымъ крестьяне такъ сроднились, было бы мѣрою искусственной“. Вполнѣ согласно съ этимъ пониманіемъ дѣла, административное отдѣленіе комиссій въ своемъ докладѣ полагало, что „поземельной общинѣ могутъ быть предоставлены лишь тѣ хозяйственныя мѣры, которыя истекаютъ изъ самаго существа круговой поруки“. Не мудрено также, что „славянофильскія“ мѣропріятія редакціонныхъ комиссій прежде всего „привели въ ужасъ“ самихъ славянофиловъ, Константина Аксакова и Хомякова. Первый усмотрѣлъ въ докладѣ административнаго отдѣленія „ни болѣе, ни менѣе, какъ совершенное нарушеніе всей сущности русскаго общиннаго начала, полнѣйшее истязаніе міра, уничтоженіе всей

*) или, вѣрнѣе, по его указаніямъ кн. Черкасскій. См. ниже.

самобытной общественной свободы русскаго народа"... „Вы говорите, что на мірской сходкѣ первое лицо— староста. Когда міръ собранъ, то первое лицо здѣсь одно — міръ, а другого нѣтъ и быть не можетъ... Хорошъ міръ, въ которомъ есть начальникъ или, по крайней мѣрѣ, первое лицо и распорядитель! Вы говорите: „первое мѣсто на сходахъ и охраненіе на нихъ должнаго порядка принадлежитъ старостѣ". Итакъ, староста будетъ распоряжаться совѣщаніемъ? Широкое поприще открывается старостѣ черезъ *охраненіе должнаго порядка!*". А еще Аксаковъ не зналъ тогда слѣдующаго доклада того же административнаго отдѣленія (подъ № 6)—„о сельскихъ должностныхъ лицахъ". Тамъ онъ прочелъ бы, что этотъ староста, поставленный въ начальники надъ „міромъ", самъ имѣетъ надъ собой очень много начальства: пунктъ 17 ставилъ ему въ обязанность „исполненіе всѣхъ требованій начальствующихъ лицъ и властей". Общее собраніе комиссій, подумавъ, прибавило: „всѣхъ *законныхъ* требованій". Неужели раньше предполагалось безпрекословное исполненіе и незаконныхъ?

Но власти „мірского старосты" было, очевидно, мало для охраненія „общаго порядка и спокойствія". Губернскіе комитеты большею частью не останавливались на мысли о созданіи особыхъ полицейскихъ и quasi судебныхъ органовъ для крестьянства. Но живой примѣръ такихъ учрежденій имѣлся въ управленіи государственными крестьянами *). Тамъ надъ сельскимъ обществомъ стояла еще болѣе обширная административная единица, *волость*, съ волостнымъ головой, волостной расправой и т. д. Сами редакціонныя комиссіи хорошо видѣли, что „все управленіе для каждой волости составляется изъ многихъ категорій различныхъ чиновниковъ двухъ сословій, составляющихъ начальство крестьянъ государственныхъ имуществъ". Казалось бы, совершенно ясно, что волость есть не что иное, какъ органъ административной опеки надъ крестьянствомъ, — несмотря на нѣкоторые демократическіе аттрибуты, въ видѣ выборовъ, волостного схода и т. п. Комиссіи однако нашли, что „въ основаніи этого устройства, очевидно, лежитъ та же мысль самоуправленія, которая принята и комиссіями; но строгое въ то же время подчиненіе его блюстительной власти администраціи по необходимости должно было сдѣлать это управленіе болѣе сложнымъ, нежели долговременная практика показала въ томъ нужду". Комиссіи обѣщали изъ основаній, принятыхъ при Николаѣ министерствомъ государственныхъ имуществъ, развить „дѣйствительное и полное самоуправленіе общественное". Просматривая однако обязанности волостного старшины, какъ онѣ перечислены въ 19 пунктахъ въ докладѣ административнаго отдѣленія комиссій (разсматривавшемся 5 августа 1859 г.), мы не найдемъ, что же въ этомъ магистратѣ „общественнаго",—кромѣ того, что онъ, на подобіе земскихъ старостъ московской Руси, „ставился" изъ своей среды населеніемъ. Порученныя ему дѣла, начиная съ „наблюденія за охраненіемъ порядка и

*) См. въ части I главу VII. Государственные крестьяне при Николаѣ I.

общественнаго спокойствія", и продолжая таковымъ же „наблюденіемъ" за исправной уплатой податей, за паспортами, за рекрутами, „принятіемъ мѣръ" „къ предупрежденію" и „для открытія и задержанія" и т. д., и т. д.—все это тѣ государственно-полицейскія функціи, которыя при крѣпостномъ правѣ выполнялъ „даровой полицеймейстеръ", помѣщикъ. Теперь этотъ даровой (для государства) полицеймейстеръ былъ изъ крестьянъ,—и стереотипная фраза объ „исполненіи всѣхъ требованій начальствующихъ мѣстъ и лицъ" имѣла по отношенію къ нему, конечно, болѣе реальное значеніе, чѣмъ по отношенію къ дворянину-помѣщику. При полной эмансипаціи крестьянства отъ власти мѣстныхъ землевладѣльцевъ это было бы все же чувствительный ударъ для непосредственнаго вліянія этихъ послѣднихъ. Но редакціонныя комиссіи, весьма краснорѣчиво доказавъ въ другомъ мѣстѣ (по поводу предложенія многихъ комитетовъ сдѣлать помѣщика „начальникомъ общества"), что сохраненіе административной помѣщичьей власти „будетъ повтореніемъ большей части явленій истекающаго крѣпостного времени", тѣмъ не менѣе даже теоретически не смогли возвыситься до представленія о крестьянахъ, независимыхъ отъ дворянъ. Въ качествѣ ближайшаго опекуна надъ волостнымъ старшиной ихъ проектъ ставилъ мирового судью, по мысли Ростовцева, избиравшагося крестьянами изъ мѣстныхъ дворянъ-помѣщиковъ: „тогда въ мировомъ судьѣ сольются элементы обоихъ сословій". Тщетно Милютинъ возставалъ противъ этой новой формы дворянской опеки надъ крестьянами. Тщетно онъ, впадая въ нѣсколько неожиданный для него политическій демократизмъ, доказывалъ, что „выборныя лица тогда только сильны, когда находятся въ независимости отъ судебныхъ и полицейскихъ учрежденій": между тѣмъ какъ самъ же онъ въ другомъ мѣстѣ оспаривалъ зависимость волостного старшины отъ схода, чѣмъ и вызвалъ замѣчаніе Черкасскаго, что при самоуправленіи иначе нельзя. Ростовцевъ твердо стоялъ на своемъ. „Извините", говорилъ онъ, „это моя мысль, выраженная и въ одномъ изъ журналовъ нашихъ. Я буду проводить эту мысль учрежденія мировыхъ судей, чтобы мировой судья былъ охранителемъ крестьянъ. Эта обязанность прямо до него относится". Милютину пришлось удовлетвориться формальной уступкой: вмѣсто слова „мировые судьи" въ журналѣ написали: „тѣ лица или учрежденія, кому будетъ указано положеніемъ".

Но если большинство комиссій такъ легко мирилось съ мыслью, что крестьянское „самоуправленіе" непремѣнно должно быть опекаемо какими-нибудь „лицами или учрежденіями", причемъ молчаливо принималось, что это будутъ лица или учрежденія, поставленныя мѣстными помѣщиками,—то еще болѣе само собою разумѣлась для нихъ независимость дворянъ отъ деревенской администраціи. Особенно хорошо эта мысль была выражена въ § 5 проекта, представленнаго административнымъ отдѣленіемъ: въ обязанности волостного старшины по этому пункту входило „предотвращеніе и пресѣченіе разврата, какъ между кресть-

янами, такъ и отставными нижними чинами и вообще проживающими въ волости лицами, за исключеніемъ лицъ дворянскаго сословія и лицъ, проживающихъ у нихъ". Въ общемъ собраніи статья эта вызвала возраженія, но не потому, что члены комиссій были противъ привилегіи дворянъ — а потому, что статья эта могла „дать поводъ старшинамъ и старостамъ вмѣшиваться въ домашнія отношенія крестьянъ". Статья была исключена, привилегія же дворянъ оговорена въ болѣе общей—и потому еще болѣе рѣшительной формѣ: „само собою разумѣется", было сказано, „что лица дворянскаго сословія и лица, находящіяся у послѣднихъ въ услуженіи и у нихъ проживающія, совершенно изъемлются изъ вѣдомства волостного и мірского управленія".

Разъ волостныя учрежденія до людей бѣлой кости не касались, было естественно оставить за волостнымъ судомъ и репрессіи прежняго, сословнаго типа. Жалованная грамота дворянству говорила: „тѣлесное наказаніе да не коснется до благороднаго". Неблагородныхъ же обывателей, хотя бы и „свободныхъ", оно весьма и весьма касалось. Мысль о ненормальности такого положенія была не чужда нѣкоторымъ губернскимъ комитетамъ. Московскій комитетъ, какъ большинство, такъ и меньшинство, въ своемъ проектѣ вовсе отмѣнялъ тѣлесное наказаніе по приговорамъ сельскихъ судовъ,— причемъ меньшинство энергически заявляло, что этого рода наказаніе „можетъ быть уничтожено во всѣхъ его видахъ, безъ всякаго вреда для общества". Владимирскіе проекты оставляли розги и плети въ видѣ уголовнаго наказанія за преступленія, но точно также отмѣняли ихъ „въ порядкѣ полицейскаго суда" — т. е. для деревенской расправы. Тульскій комитетъ освобождалъ отъ тѣлеснаго наказанія женщинъ, а самарскій позволялъ отъ него откупаться. Редакціонныя комиссіи „не позволили" себѣ „войти въ разсмотрѣніе возможности исключить изъ числа исправительныхъ наказаній тѣлесное наказаніе, ибо вопросъ этотъ связанъ съ принятою нашимъ законодательствомъ общею системою исправительныхъ и уголовныхъ наказаній",—несмотря на то, что въ преніяхъ нѣкоторые члены указывали на отсутствіе розогъ въ практикѣ многихъ крѣпостныхъ имѣній. Одинъ изъ нихъ утверждалъ даже, что оставленіе въ законѣ тѣлеснаго наказанія „можетъ довести крестьянъ до отчаянія". Тѣмъ не менѣе розги остались въ числѣ наказаній, налагаемыхъ волостными судами; отъ нихъ изъяты были только женщины и крестьяне, „получившіе значительную степень образованія". Что же касается всей остальной крестьянской массы, то комиссіи утѣшили себя размышленіемъ, что, конечно, тѣлесныя наказанія будутъ замѣнены „другими, болѣе правильными взысканіями", какъ скоро „съ уничтоженіемъ крѣпостного права, обнаружатся ожидаемыя отъ того благодѣтельныя въ нравственномъ и вещественномъ отношеніяхъ послѣдствія". Ждать, какъ мы знаемъ, пришлось долго.

Нигдѣ, какъ въ организаціи волости, не выразилась такъ отчетливо „николаевская" традиція редакціон-

ныхъ комиссій: здѣсь, какъ мы видѣли, даже формальнымъ образцомъ были учрежденія, созданныя въ 30-хъ годахъ Киселевымъ для государственныхъ крестьянъ. Чиновники конца 50-хъ годовъ рѣшились уклониться отъ нихъ влѣво весьма не на много *). Члены - эксперты комиссій были смѣлѣе. Если доминировавшіе между ними славянофилы и могли быть отчасти повинны въ той организаціи, которую комиссіи дали мірскому управленію, то отношеніе самаго виднаго изъ нихъ, Самарина, къ волости не оставляло ничего желать по своей опредѣленности. „Вы навязываете народу такую насильственную правительственную форму въ волостномъ управленіи", говорилъ онъ, „въ которой крестьяне вовсе не поймутъ ни вашего учрежденія, ни того, что вы отъ нихъ требуете, и примутъ на себя предписанныя вами обязанности, какъ тяжелую для нихъ повинность. Они совсѣмъ не будутъ интересоваться этимъ управленіемъ". Самарину горячо возражалъ одинъ изъ главныхъ работниковъ „земскаго отдѣла" министерства внутреннихъ дѣлъ, Соловьевъ (авторъ извѣстныхъ „записокъ" о крестьянскомъ дѣлѣ) — а не поддержалъ „злѣйшаго доктринера" никто, даже кн. Черкасскій **). Николаевская традиція побѣдила. Крестьянской реформѣ не суждено было выйти изъ сословно-полицейскихъ рамокъ, и освобождаемые помѣщичьи крестьяне вовсе не стали вполнѣ свободными и равноправными со всѣми другими сельскими обывателями, какъ значилось на бумагѣ, а просто образовали новое административное „вѣдомство"—по выраженію одного изъ членовъ губернскихъ комитетовъ, критиковавшихъ труды редакціонныхъ комиссій.

Таковы были въ общихъ чертахъ итоги занятій редакціонныхъ комиссій въ *первый періодъ* ихъ дѣятельности,—въ тотъ періодъ, когда онѣ еще были предоставлены самимъ себѣ и не подверглись еще натиску

*) Главнѣйшее уклоненіе состояло въ томъ, что *волостной старшина* редакціонныхъ комиссій былъ всегда выборный, а *волостной голова* государственныхъ крестьянъ, однажды выбранный, могъ затѣмъ быть утверждаемъ начальствомъ безъ перевыборовъ.

**) Споръ возобновился впослѣдствіи съ еще большей силой въ такъ называемомъ *второмъ* періодѣ занятій редакціонныхъ комиссій. Въ 68-мъ засѣданіи (16 декабря 1859 г.) Самаринъ говорилъ; „изъ волостного старшины сдѣлается уже только полицейскій чиновникъ, который будетъ отвѣчать за все, и ему не останется времени употребить себя на что-либо другое. Новыя отношенія вызовутъ новыя стороны дѣятельности полиціи, а такая дѣятельность можетъ стать неудобоисполнимою для всякаго, кто не чиновникъ полиціи. Напримѣръ, въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ нужна вооруженная сила..." Одинъ изъ членовъ спросилъ: „можетъ ли полиція потребовать смѣны волостного старшины, если онъ плохо исполняетъ ея предписанія?"—„Это еще не страшно, что полиція могла бы смѣнять", отвѣтилъ Самаринъ, „страшнѣе то, *чтобы старшины не стали служить съ особенной ревностью полиціи*, чтобы они не попали въ совершенное ея порабощеніе и не сдѣлались бы чиновниками". Тутъ Черкасскій уже совершенно разошелся со своимъ коллегой. „А по моему", возразилъ онъ, „тутъ страшнѣе всего то, чтобъ не поставить полицію въ невозможность охранять закономъ установленный порядокъ и ограждать общество отъ бѣглыхъ воровъ, бродягъ и дезертировъ и не устроить бы такъ, что нельзя было бы даже ихъ ловить..."

(Семеновъ, назв. соч., II, стр. 344—345).

губернскихъ комитетовъ, въ лицѣ депутатовъ „перваго“ и „второго“ „призывовъ“. Мы видѣли, что удержать внѣклассовую позицію,—на которой очень желалъ бы, можетъ быть, оставаться Милютинъ,—оказалось невозможнымъ даже теперь: члены комиссій показали, что они все же „помѣщики, и даже очень богатые помѣщики“, плоть отъ плоти и кость отъ кости русскаго дворянства. А между тѣмъ близился моментъ, когда они должны были стать лицомъ къ лицу съ настоящими уполномоченными представителями своего сословія: въ августѣ 1859 года стали съѣзжаться въ Петербургъ депутаты губернскихъ комитетовъ.

4.

Ликвидація крѣпостного права.

Уже при самомъ открытіи редакціонныхъ комиссій „высшія сферы“ не безъ тревоги смотрѣли въ будущее. Александръ II, принимая (6 марта 1859 г.) членовъ комиссій, назвалъ порученное имъ дѣло „щекотливымъ“, а самую работу комиссій „трудной“— и рѣшилъ выразить только надежду, а не увѣренность въ благополучномъ окончаніи всего предпріятія. Предсѣдатель главнаго комитета, кн. Орловъ, былъ еще откровеннѣе: „Господа“, сказалъ онъ „на васъ лежитъ трудная обязанность распутать дѣло сложное и запутанное. Такъ уже сдѣлалось, пойти назадъ невозможно“... По мѣрѣ того, какъ приближалась рѣшительная минута, колебанія наверху усиливались. Полная безпринципность „высшихъ сферъ“, которыя очень желали „не пущать“, но не ясно представляли себѣ, кого и куда должны онѣ не пустить, сказывалась все сильнѣе. Безпринципность вела къ тому, что друзей не умѣли отличить отъ враговъ — и готовы были прислушиваться къ такимъ голосамъ, которые звали совсѣмъ въ сторону отъ новаго курса. Какая-нибудь вздорная заграничная брошюра—въ родѣ „письма“ гр. Орлова-Давыдова Ростовцеву — вызывала вниманіе самого Александра Николаевича, разъ она шла отъ человѣка, принадлежавшаго къ близкому и понятному для него кругу. Объ этомъ „письмѣ“ императоръ имѣлъ спеціальный разговоръ съ Ростовцевымъ, — и, повидимому, остался не совсѣмъ доволенъ, что тотъ не зналъ (или прикинулся, что не зналъ) этого документа. О длинной вознѣ съ гр. Шуваловымъ и Паскевичемъ, единомышленниками гр. Орлова, мы уже разсказывали. Но такіе же единомышленники были и еще ближе къ Александру II: гр. В. Ѳ. Адлербергъ, уже совсѣмъ свой человѣкъ въ царской семьѣ, „открыто говорилъ, что редакціонныя комиссіи разорятъ дворянство, не удовлетворятъ крестьянъ и похоронятъ самодержавіе“ *). Мало-по-малу у Милютина и вдохновляемаго имъ Ланского стало складываться опредѣленное опасеніе, что императоръ можетъ имъ измѣнить въ самый критическій мигъ, пожертвовать редакціонными комиссіями дворянству — и они рѣшились предпринять спеціаль-

*) „Матеріалы“. II, 117.

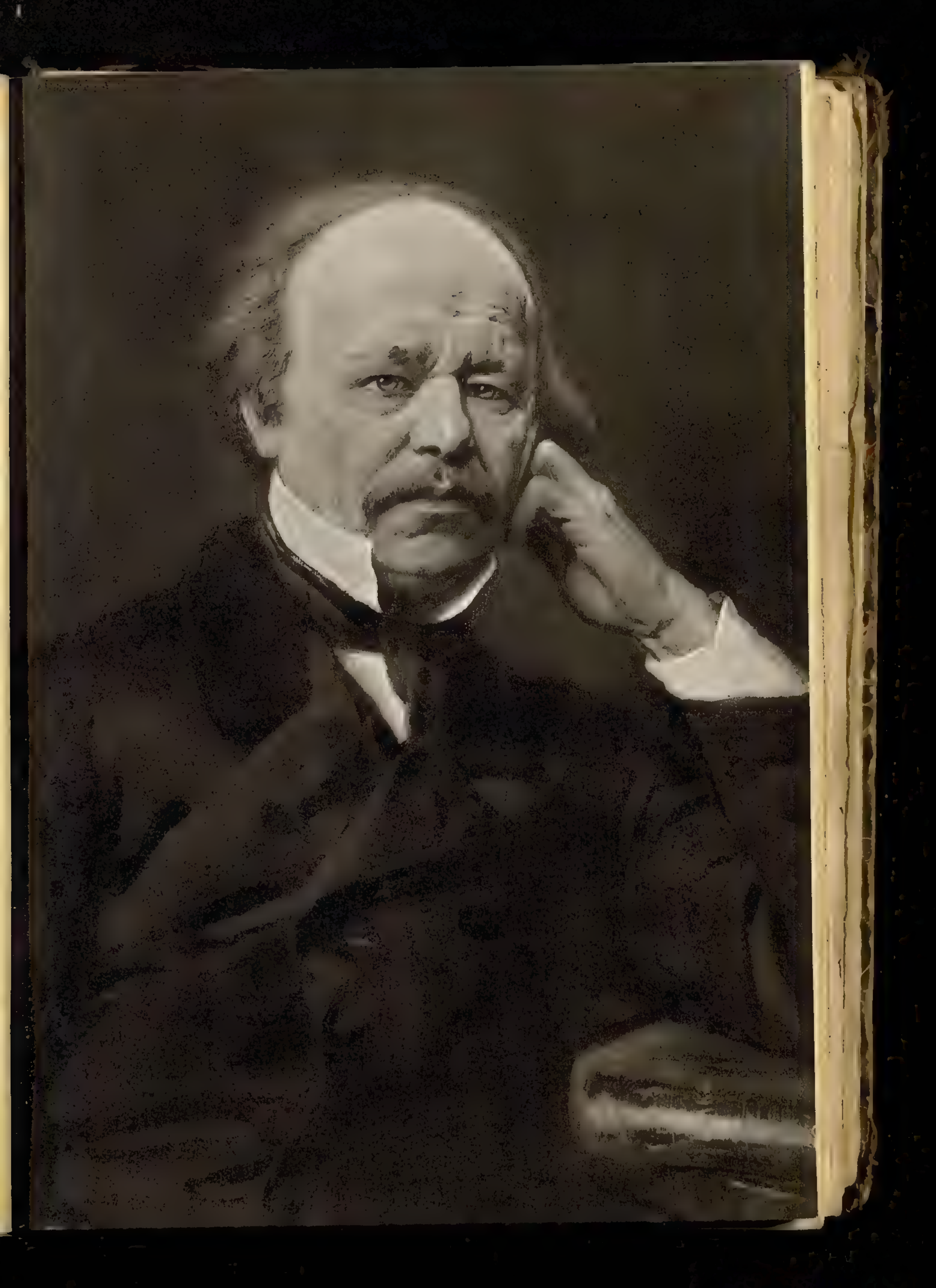

Александръ Сергѣевичъ Даргомыжскій.

Съ портрета, писаннаго К. Е. Маковскимъ

[illegible]

[illegible]

ныя мѣры воздѣйствія на своего колеблющагося государя. Такъ возникла знаменитая въ исторіи крестьянскаго дѣла записка Ланского „Взглядъ на положеніе крестьянскаго вопроса въ настоящее время“, представленная Александру II въ августѣ 1859 года, передъ самымъ съѣздомъ депутатовъ перваго приглашенія. Запискѣ этой долго придавалось значеніе первостепеннаго историческаго источника—ее цитировали, какъ фактическій отчетъ о положеніи дѣла въ данное время. На самомъ дѣлѣ, это вполнѣ публицистическое произведеніе, своего рода контръ-памфлетъ, параллельный дворянской публицистикѣ того времени, но написанный съ противоположной точки зрѣнія. Авторъ его (по всей вѣроятности, Милютинъ) очень хотѣлъ бы изобразить губернскіе комитеты скопищемъ тупыхъ и невѣжественныхъ реакціонеровъ, стремившихся обмануть правительство, сохранивъ въ нѣсколько видоизмѣненномъ видѣ прежнее крѣпостное право. Мы уже знаемъ, что исторически эта оцѣнка совершенно не вѣрна (см. выше 2. Губернскіе комитеты.): но авторъ „записки“ и не имѣлъ въ виду писать исторію. Ему важно было доказать, что „комитетскія положенія не рѣшаютъ крестьянскаго вопроса, а знакомятъ только съ тѣмъ, какъ смотритъ на него большинство дворянства“: и что это „большинство почти вездѣ не оправдало ожиданій правительства“. Зная, чѣмъ онъ можетъ заинтересовать своего высокаго читателя, онъ въ концѣ еще разъ проводитъ тотъ же мотивъ, но уже въ гораздо болѣе опредѣленной формѣ,—указывая на стремленія „мнѣній, разсѣянно выраженныхъ въ разныхъ комитетахъ“, сомкнуться „въ единомышленныя“, „разноцвѣтныя“ „партіи, гибельныя, какъ для правительства, такъ и для народа“, и намекая на желаніе этихъ партій добиваться „измѣненія въ государственномъ устройствѣ“. Цѣли своей онъ достигъ вполнѣ: „нахожу взглядъ этотъ совершенно правильнымъ и согласнымъ съ моими собственными убѣжденіями“, написалъ на этомъ документѣ Александръ II. Насколько прочно было это согласіе—вопросъ другой. Не далѣе, какъ черезъ три недѣли, Ланскому пришлось представлять новую записку,—цитированную уже нами выше (см. 3. Редакціонныя комиссіи.) и изображавшую злокозненность дворянства гораздо болѣе яркими красками*). Тутъ понадобилось уже извлечь изъ пыли забвенія и призракъ крестьянскаго бунта,—который, какъ мы знаемъ, больше всего дѣйствовалъ именно на Александра Николаевича. „Одно опасно“, говоритъ эта вторая записка, „если народъ потеряетъ вѣру въ слово государя. Крестьяне знаютъ царскую волю объ улучшеніи ихъ участи, ждутъ исполненія съ примѣрнымъ терпѣніемъ и покорностью. Но Богъ знаетъ, что случится, если они увидятъ себя и по освобожденіи подъ властью дворянскаго самоуправленія“. Прочитавъ эту вторую записку, Александръ II, повидимому, еще больше проникся идеями своего министерства внутреннихъ дѣлъ. Выразивъ опять полное согласіе съ основными мыслями Ланского (или Милю-

*) Формальнымъ поводомъ была записка члена-эксперта редакціонныхъ комиссій Апраксина, дошедшая до Ланского черезъ императора.

тина), онъ прибавилъ: „всю мою надежду къ довершенію сего жизненнаго для Россіи вопроса возлагаю на Бога и на тѣхъ, которые, подобно вамъ, служатъ мнѣ *вѣрою и правдою* и въ мысляхъ своихъ не раздѣляютъ отечества отъ своего государя!“ Кажется, теперь можно было положиться—но характеръ Александра II не даромъ сравнивали съ женскимъ.

Сопоставляя двѣ записки, мы находимъ въ нихъ еще одну любопытную черту. Первая написана до пріѣзда депутатовъ въ Петербургъ, вторая—послѣ ихъ первой встрѣчи съ редакціонными комиссіями (помѣчена 31 августа, а встрѣча произошла 25-го). Какъ отзывается о дворянскомъ самоуправленіи послѣдняя, мы сейчасъ видѣли. Въ первой же мы читаемъ: „дабы вознаградить дворянъ за потерю помѣщичьей власти, имъ слѣдуетъ предоставить первенство въ мѣстной хозяйственной администраціи; а для того, чтобы даровать имъ возможность нравственнаго вліянія на мѣстныхъ жителей, полезно было бы прямое ихъ участіе въ выборахъ мировыхъ судей и другихъ, общихъ для обоихъ сословій, должностныхъ лицъ, въ собраніяхъ какъ дворянскаго, такъ и крестьянскаго сословій“. Во второй запискѣ мы уже не встрѣчаемъ ни одной свѣтлой черты въ изображеніи политическихъ стремленій дворянства—въ первой сочувственно отмѣчаются экономически прогрессивные комитеты, напримѣръ, тверской, — несмотря на то, что они были наиболѣе лѣвыми и въ политической области. Первая записка еще оставляла кое-что въ резервѣ и не утратила надежды столковаться хотя съ частью дворянъ—вторая уже свободна отъ всякихъ иллюзій на этотъ счетъ. Конфликтъ уже произошелъ и обѣ стороны стояли на боевыхъ позиціяхъ.

Что предстоитъ война—объ этомъ можно было съ увѣренностью говорить задолго до первой встрѣчи, и нужна была политическая наивность Ростовцева, чтобы тѣшить себя на этотъ счетъ какими-нибудь иллюзіями. Вполнѣ правильно разсуждая, что врагу военныхъ тайнъ не выдаютъ, Милютинъ съ самаго начала стоялъ за то, чтобы подвергнуть полной огласкѣ труды редакціонныхъ комиссій, напечатать ихъ лишь *послѣ* совѣщаній съ депутатами отъ губернскихъ комитетовъ. Стѣсняясь прямо высказать свою мысль, онъ то приводилъ отзывы какихъ-то членовъ комитетовъ, будто бы завѣрявшихъ его, что имъ совсѣмъ и не нужны пока „труды“ комиссій, то заявлялъ, что нельзя издавать первоначальные черновые наброски потому, что „въ публику не являются не причесанными“ —но въ концѣ концовъ долженъ былъ признаться, что боится „напугать“ помѣщиковъ. Его, повидимому, однако не поддержали — и „труды“ появились изъ печати до начала разговоровъ съ депутатами перваго призыва, но—случайно или нѣтъ—все же такъ поздно, что депутаты имѣли полное основаніе жаловаться на отсутствіе времени для ознакомленія съ этой трехтомной работой: депутаты, какъ мы знаемъ, съѣхались въ августѣ, а „первое изданіе матеріаловъ редакціонныхъ комиссій“ вышло въ полномъ видѣ изъ печати 10 сентября. Между тѣмъ отвѣты и отзывы на проекты комиссій должны были быть даны въ мѣсячный срокъ: противникъ сразу ста-

вился такимъ образомъ въ очень тѣсныя условія. Въ мѣсяцъ времени каждый отдѣльный депутатъ, конечно, могъ справиться со своей задачей: но столковаться въ такой срокъ по вопросамъ, отнявшимъ у комиссій почти полгода — а члены комиссій, конечно, солидарнѣе были между собою, чѣмъ комитеты разныхъ полосъ Россіи — это была задача почти не выполнимая. Но не дать депутатамъ столковаться, не дать врагу объединить и организовать свои силы—въ этомъ-то и заключалась *вторая* задача, поставленная себѣ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. Депутатамъ при первомъ приглашеніи ихъ въ комиссіи (25 августа) была прочитана „инструкція", вполнѣ гармонировавшая по духу съ запиской Ланского—и утвержденная императоромъ подъ впечатлѣніемъ этой записки. Въ „инструкціи" подчеркивалось, что депутаты должны дать „*мѣстныя* свѣдѣнія", „*мѣстныя* данныя и соображенія, какія еще окажутся необходимыми при дальнѣйшемъ ходѣ работъ". „Такъ какъ сущность работы вызванныхъ членовъ заключается, по Высочайшему указанію, собственно въ примѣненіи общихъ правилъ по особенностямъ *каждой* губерніи, то каждый членъ представляетъ особый, по своей губерніи, письменный отвѣтъ на каждый вопросъ отдѣльно, или члены одной губерніи даютъ отвѣты за общимъ подписаніемъ"...

Какъ впослѣдствіи, въ 80-хъ годахъ, въ дни реакціи Александра III, „бюрократія" требовала отъ студентовъ, чтобы они считали себя „отдѣльными слушателями" университета, а отнюдь не членами какого-нибудь цѣлаго,—такъ и въ дни „великихъ реформъ" она требовала отъ каждаго дворянскаго депутата, чтобы онъ выступалъ, какъ отдѣльное лицо, какъ представитель отдѣльной мѣстности, а отнюдь не какъ представитель цѣлаго класса, или, Боже сохрани, какъ членъ какой-нибудь „партіи". Но мало было написать такое требованіе на бумагѣ — нужно было принять фактическія мѣры, чтобы помѣшать депутатамъ дѣйствовать солидарно: какъ впослѣдствіи строжайше воспрещались сходки студентовъ, такъ въ 1859 году рѣшено было отнюдь не допускать общихъ совѣщаній депутатовъ перваго призыва, ни вмѣстѣ съ членами редакціонныхъ комиссій, ни отдѣльно. По этому поводу происходило особое секретное совѣщаніе Милютина и наиболѣе солидарныхъ съ нимъ членовъ комиссій. Ростовцевъ не нашелъ удобнымъ на этомъ совѣщаніи присутствовать. Предложенія Милютина носили столь запретительный характеръ, что вызвали горячій отпоръ даже со стороны членовъ этой интимной коллегіи. Какъ ни презиралъ дворянство Самаринъ, онъ все же не могъ согласиться, чтобы сословіе, къ которому принадлежалъ онъ самъ, какъ сословіе было лишено всякаго голоса при рѣшеніи крестьянскаго дѣла. Но „большинство участвовавшихъ въ происходившемъ совѣщаніи приняло сторону Милютина". И депутаты собрались всѣ вмѣстѣ и сообща съ членами комиссій только для того, чтобы выслушать цитированную нами выше инструкцію. Когда она со всѣми приложеніями была прочитана, „водворилось глубокое молча-

ніе". Впечатлѣніе было настолько опредѣленное и сильное, что Ростовцевъ замѣтно смутился: чтобы нѣсколько разсѣять смущеніе, онъ занялся формальностями, сталъ лично раздавать пакеты съ печатной инструкціей, — но настроеніе не проходило. Тогда, окончательно растерявшись, онъ пробормоталъ нѣсколько словъ „такъ тихо, что нельзя было разслышать", и ушелъ изъ залы. Вскорѣ послѣ его ухода депутаты „въ непрерывной линіи, одинъ за другимъ" также направились къ выходу *).

Настроеніе ушедшихъ одинъ изъ нихъ, по свѣжимъ воспоминаніямъ, изображалъ такими чертами: „Депутаты были въ крайнемъ недоумѣніи. Они спрашивали себя и другъ друга: кѣмъ составлена эта инструкція? Какъ могла она попасть въ государственную канцелярію? Кѣмъ она была разсмотрѣна и поднесена на Высочайшее утвержденіе?—Государь изволилъ говорить о депутатахъ, имѣющихъ прибыть въ С.-Петербургъ для присутствія и общаго обсужденія при разсмотрѣніи положеній въ главномъ комитетѣ; что же значитъ перемѣна, въ силу которой члены отъ комитетовъ обязаны только представить въ редакціонныя комиссіи мѣстныя свѣдѣнія и объясненія по вопросамъ, которые возникли впослѣдствіи при разработкѣ крестьянскаго дѣла **)? Что значитъ то, что, по полученіи отвѣтовъ на упомянутые вопросы, предъявляются членамъ труды комиссій съ предложеніемъ новыхъ вопросовъ? Что значитъ, что члены обязаны представить, каждый по своей губерніи, или члены одной губерніи за общимъ подписомъ, свои письменные отзывы? Съ какою цѣлью назначенъ для занятій депутатовъ срокъ, по краткости своей невозможный? Почему не допущены офиціальныя собранія депутатовъ? Наконецъ, что значитъ явное устраненіе прежняго ихъ названія: *депутаты*, и замѣна его другимъ: *члены, избранные губернскими комитетами?*" *)

Въ послѣднемъ вопросѣ было не безъ наивничанья: уже самый составъ „депутатовъ перваго призыва" ясно показывалъ, что правительство хотѣло на нихъ смотрѣть не какъ на представителей дворянскаго сословія, а какъ на экспертовъ особаго рода. Во-первыхъ, были приглашены представители не всѣхъ комитетовъ: комитеты были раздѣлены на двѣ очереди, и въ первую вошли лишь 21 изъ нихъ (а всѣхъ было 46). Во-вторыхъ, были приглашены представители не только *большинства* комитетовъ, но и *меньшинства*, притомъ въ равномъ количествѣ: совершенно

*) Всѣ подробности этого дня и предшествовавшаго „секретнаго" совѣщанія см. Семеновъ, назв. соч., т. I, стр. 603 и слѣд.

**) Эти вопросы, которые ждавшимъ всероссійскаго дворянскаго собранія для кореннаго рѣшенія крестьянскаго дѣла, дѣйствительно, могли показаться насмѣшкой, были таковы: 1) о мѣрахъ къ охраненію владѣльческихъ лѣсовъ; 2) о порядкѣ заключенія условій по найму вольныхъ рабочихъ; 3) о межевыхъ средствахъ; 4) о порядкѣ обращенія промышленныхъ селъ въ посады и мѣстечки; 5) о сельскихъ хлѣбныхъ магазинахъ; 6) о взаимномъ страхованіи и 7) о предоставленіи права пріобрѣтать населенныя имѣнія лицамъ, непринадлежащимъ къ потомств. дворянству.

*) Изъ брошюры „Депутаты и редакціонныя комиссіи по крестьянскому дѣлу", (Лейпцигъ, 1860 г.), приписывавшейся одними Кошелеву, другими Позену. Ср. „Матеріалы". II, стр. 122—123.

своеобразный способъ „пропорціональнаго представительства“, кажется, нигдѣ болѣе въ такомъ видѣ не примѣнявшійся. Совѣщательный характеръ русскаго государственнаго совѣта ничѣмъ такъ не подчеркивался, какъ тѣмъ, что императору представлялись одинаково, какъ мнѣніе большинства, такъ и мнѣніе меньшинства, и онъ могъ выбрать любое. Составъ делегаціи отъ губернскихъ комитетовъ не могъ означать ничего другого. И вообще мы не должны, конечно, разсматривать пріемъ, встрѣтившій депутатовъ въ Петербургѣ, какъ нѣчто, неожиданно свалившееся имъ на голову—хотя Кошелевъ, въ цитированномъ нами выше отрывкѣ, можетъ быть, и желалъ бы внушить эту мысль своему читателю. Уже проектъ адреса, ходившій по рукамъ задолго до съѣзда депутатовъ перваго приглашенія (см. выше 3. Редакціонныя комиссіи.), ясно доказывалъ, что дворянство давно знало о готовившемся ему сюрпризѣ. И то, какъ быстро нашлись депутаты тотчасъ послѣ того, какъ ожидаемое стало фактомъ, доказываетъ не менѣе ясно, что и они въ частности находились въ состояніи полной боевой готовности. 25-го они услыхали знаменитую „инструкцію“, а 26-го у нихъ уже готовъ былъ проектъ адреса на имя императора,—представлявшій собою первую, довольно еще пока скромную попытку вынудить у правительства исполненіе его первоначальныхъ обѣщаній. „Первенцы земли русской“,—такъ именовали себя дворяне—еще твердо стояли здѣсь на позиціи, занятой лѣтнимъ „проектомъ“ адреса: государь добръ, милостивъ, намѣренія его самыя лучшія, чувства его самыя благородныя, но все это „искажено“ и „растравлено“ „лживыми устами“ бюрократіи. „Государь!“ вѣрноподданно вопіяли дворяне: „возэри, что сдѣлали съ приказаніемъ, о коемъ торжественно соизволилъ Ты объявить дворянству и которое объявлено во всенародное свѣдѣніе!“ А чтобы помочь памяти своего государя, депутаты почтительно воспроизводили подлинное царское обѣщаніе, высказанное нѣкогда передъ тверскимъ дворянствомъ: вызвать по два представителя (настоящихъ представителей!) отъ дворянства „для засѣданія въ главномъ комитетѣ и общаго разсмотрѣнія проектовъ положеній по вопросу объ устройствѣ быта крестьянъ“.

Александръ Николаевичъ, повидимому, основательно успѣлъ позабыть это свое обѣщаніе — или эту свою обмолвку. По крайней мѣрѣ, сейчасъ онъ весьма энергично отъ нея отрекся, написавъ на поляхъ адреса противъ этой фразы „никогда!“ Но уже тотъ фактъ, что адресъ былъ *на другой же день* въ рукахъ императора — а на третій депутаты имѣли уже и частный отвѣтъ на него черезъ Ростовцева (который посовѣтовалъ и самый адресъ оставить на правахъ частной записки, не пытаясь подносить его офиціально)—уже одно это достаточно обнаруживало, насколько правы были Ланской съ Милютинымъ въ своихъ мрачныхъ предвидѣніяхъ. Нуженъ былъ рядъ новыхъ безтактностей со стороны дворянъ, чтобы сдѣлать мягкаго Александра Николаевича на короткій мигъ снова твердымъ. Вторая записка Ланского чуть-чуть подогрѣла „новый курсъ“—но этого хватило лишь для

того, чтобы не разрѣшить офиціальныхъ собраній депутатовъ — помѣшать образоваться въ Петербургѣ дворянскому собранію для рѣшенія крестьянскаго дѣла. Это уже слишкомъ походило бы на ту дворянскую конституцію, которой пугалъ въ своей второй запискѣ Ланской. Но общія собранія депутатовъ, неофиціальныя, получили даже косвенное одобреніе—и изъ всей инструкціи характернымъ образомъ было повторено то мѣсто, которое обѣщало, что всѣ мнѣнія депутатовъ будутъ непремѣнно приняты въ расчетъ при окончательномъ рѣшеніи вопроса въ главномъ комитетѣ. А затѣмъ Александръ Николаевичъ почувствовалъ необходимость уѣхать въ продолжительную поѣздку по Россіи: 12 сентября его уже не было въ Петербургѣ. Депутаты же съ обновленною бодростью начали натискъ на ненавистную имъ „бюрократію“ въ лицѣ редакціонныхъ комиссій.

Вопреки тому, чего можно было бы ожидать, если бы принять на вѣру характеристику извѣстной намъ милютинской записки, споры депутатовъ перваго призыва съ членами редакціонныхъ комиссій не носили принципіальнаго характера. Основная точка зрѣнія у тѣхъ и другихъ была одна и та же — исходнымъ пунктомъ для обѣихъ сторонъ являлись классовые помѣщичьи интересы. Правда, Ростовцевъ — и уже, конечно, Милютинъ—не прочь были иногда, преимущественно въ чисто экономическихъ вопросахъ, становиться и на крестьянскую точку зрѣнія, какъ мы уже это видѣли. У Ростовцева мелькала даже одно время, неоформившаяся и не имѣвшая практическихъ послѣдствій, мысль—пригласить въ комиссіи, въ качествѣ экспертовъ, наряду съ помѣщиками и *старостъ*. Но цѣну этого крестьянофильства хорошо опредѣлилъ самъ же Ростовцевъ, писавшій какъ разъ около этого времени императору: „...проектъ положенія долженъ быть составленъ комиссіями такъ, что бы *возможныя уступки оставались въ запасѣ*, дабы уступки могли быть сдѣланы“. Помириться со своими провинціальными собратьями насчетъ мужицкихъ интересовъ даже наиболѣе крестьянолюбивые члены комиссій, мы видимъ, были всегда готовы—сознательно готовы. Съ другой стороны, въ лицѣ депутатовъ перваго призыва комиссіи имѣли передъ собою отнюдь не закоренѣлыхъ крѣпостниковъ. Говоря словами кошелевской брошюры, „всѣ депутаты, безъ исключенія, были за уничтоженіе крѣпостного состоянія,.. всѣ они желали развязки скорѣйшей и окончательной...“ Въ чисто юридическомъ вопросѣ, уничтоженія крѣпостного *права* и вообще замѣны сословно-полицейскаго строя буржуазнымъ, депутаты были даже, можно сказать, лѣвѣе комиссій: проекты крестьянскаго „самоуправленія“, выработанные Ростовцевымъ и его сотрудниками по николаевскимъ образцамъ, встрѣтили со стороны депутатовъ ожесточенную критику, часто остроумную и убѣдительную. Съ другой стороны, и самъ Ростовцевъ не рѣшался отрицать, ни раньше (вспомнимъ споръ его съ Милютинымъ), ни послѣ, что „хозяйственно-распорядительное управленіе уѣздами (кромѣ собственно полиціи), дѣйствительно, было бы полезно осно-

вать на выборномъ началѣ и подчинить вліянію сословному" *),—т. е. отдать въ руки помѣстному дворянству. Въ этомъ пунктѣ Милютинъ всегда былъ одинокъ—да и онъ, какъ мы видѣли, минутами колебался. Здѣсь споръ могъ быть только пикировкой двухъ близкихъ другъ къ другу группъ—которымъ именно въ силу ихъ близости разногласія и кажутся огромными: причемъ болѣе либеральная позиція, несомнѣнно, доставалась на долю дворянству, а не „бюрократіи". Нѣсколько иначе дѣло обстояло съ *экономической* стороной: тутъ была не пикировка, а торгъ, — торгъ изъ-за тѣхъ именно „уступокъ", о которыхъ конфиденціально говорилъ Ростовцевъ, и совершенно гласно—кн. Черкасскій (въ рѣчи на одномъ обѣдѣ). Но для того, чтобы до чего-нибудь доторговаться, нужно было говорить на одномъ языкѣ. Обѣ спорящія стороны и здѣсь опять-таки были достаточно солидарны. Комиссіи стояли на выкупной точкѣ зрѣнія—съ самаго начала съ поправкою въ пользу дворянства: выкупъ обязательный для крестьянъ, но не для помѣщиковъ. Большинство депутатовъ перваго призыва стояло за выкупъ, обязательный для обѣихъ сторонъ. И тутъ, стало быть, въ принципіальномъ вопросѣ „реакціонеры" были лѣвѣе „либераловъ". Декораціи мѣнялись, какъ только переходили къ конкретнымъ подробностямъ дѣла,—по вопросу о томъ, *что* и *за какую цѣну* выкупать. Нѣсколько примѣровъ изъ протоколовъ комиссій **) покажутъ намъ, о чемъ и какъ велись здѣсь пренія. Представитель нижегородскаго комитета оспаривалъ maximum надѣла, установленный комиссіями для нижегородскаго уѣзда въ $4^1/_2$ десятины,—доказывая, что всей-то земли во владѣльческихъ имѣніяхъ нижегородскаго уѣзда приходится по пяти десятинъ на душу. Цифра эта, кстати сказать, была не далека отъ истины. Вмѣсто этого нижегородскій губернскій комитетъ предлагалъ „нормальный" надѣлъ въ *двѣ* десятины на душу, — мотивируя это между прочимъ тѣмъ, что „предоставленіе крестьянамъ въ постоянное пользованіе болѣе того количества земли, сколько дѣйствительно необходимо для обезпеченія ихъ быта, есть закрѣпленіе въ мертвомъ общинномъ владѣніи обширныхъ пространствъ помѣщичьихъ земель въ ущербъ полной и самостоятельной личной собственности" (!). Члены комиссій не возражали противъ такихъ тирадъ въ манчестерскомъ духѣ, а просто отстаивали — и въ данномъ случаѣ отстояли — свои цифры. Они указывали на то, что между maximum'омъ и среднимъ количествомъ земли на душу никакой связи нѣтъ, „такъ какъ никакой прирѣзки земли, кромѣ какъ до низшаго размѣра надѣла, составляющаго отъ 1 до 2 дес. на душу, не полагается, и вообще надѣлы остаются безъ измѣненій"; а что, впрочемъ, хозяйственное отдѣленіе „вполнѣ допускаетъ исправленіе высшихъ цифръ надѣла, по представленнымъ гг. депутатами доказательствамъ, что эти

*) Письмо къ Александру II отъ 23 октября 1859 г.

**) Протоколы эти — неофиціальные, но довольно точные,—опубликованы, какъ извѣстно, Н. П. Семеновымъ и составляютъ главную часть его труда „Освобожденіе крестьянъ въ царствованіе Александра II".

цифры слишкомъ высоки". Въ другихъ случаяхъ, какъ мы увидимъ дальше, такія „исправленія" и были сдѣланы. Съ депутатами отъ меньшинства того же нижегородскаго комитета шелъ другой споръ. Это меньшинство установило „нормальный" надѣлъ въ $1^1/_4$ десятины на душу,—оцѣнивъ десятину въ 64 рубля—такъ что весь надѣлъ обошелся бы крестьянину въ 80 рублей. Комиссіи, отстаивая существующій надѣлъ, первую десятину съ усадьбой цѣнили даже дороже, чѣмъ ихъ противники,—въ 65 руб.: но зато вторую лишь отъ 25 р. до 40 р., а третью отъ 12 р. до 25 р. *). Десятина съ четвертью при этомъ расчетѣ не могла бы стоить дороже 75 р.: къ этимъ 5 рублямъ и сводилась вся „экспропріація" помѣщика по проекту зловредной „бюрократіи". Правда, иногда цифры комиссій и комитетовъ отстояли другъ отъ друга гораздо дальше: такъ, харьковскій комитетъ, отводившій крестьянамъ надѣлъ въ $1^1/_2$ (и въ многоземельныхъ уѣздахъ $1^3/_4$ десятины) на душу, желалъ получить за него 138 рублей —т. е. по 90 р. за десятину, тогда какъ десятина продавалась тогда въ Харьковской губерніи по 40 рублей.

Ополчаться противъ подобныхъ расцѣнокъ заставляли комиссіи не однѣ только симпатіи къ крестьянамъ,— а еще въ гораздо большей степени, тенденція, слишкомъ хорошо знакомая русской „государственности" и опиравшаяся на не менѣе реальныя основанія, чѣмъ классовый интересъ помѣщиковъ: казенный интересъ. Если опасеніе, что „государевы дани и оброки не сойдутся сполна", побудило комиссіи стянуть славянофильскій „міръ" желѣзнымъ обручемъ круговой поруки,—и даже сдѣлать эту послѣднюю краеугольнымъ камнемъ „самоуправленія" будущихъ „свободныхъ сельскихъ обывателей", то это же опасеніе должно было всячески предостерегать отъ перегрузки крестьянъ будущими выкупными платежами. Вѣдь собирать ихъ пришлось бы казнѣ—и она отнюдь не была бы въ выигрышѣ, если бы, заплативъ помѣщику 90 рублей, она сама смогла бы выбрать съ крестьянъ только 40—50. Здѣсь комиссіи въ сущности только глубже обосновывали ту же точку зрѣнія дворянскаго интереса. Если государству было суждено и въ будущемъ оставаться прежде всего организаціей классоваго господства крупныхъ землевладѣльцевъ—а ради этого и была предпринята вся реформа, — то послѣднимъ *въ цѣломъ* было совсѣмъ невыгодно хищничество харьковскихъ или нижегородскихъ помѣщиковъ.

Самое главное возраженіе, дѣлавшееся депутатами редакціоннымъ комиссіямъ, было основано на—безсознательномъ или намѣренномъ—недоразумѣніи. Не рѣшаясь говорить объ обязательномъ выкупѣ, комиссіи производили всѣ свои расчеты примѣнительно къ той юридической фикціи, которая осталась имъ въ наслѣдство еще отъ рескриптовъ: онѣ исходили изъ представленія, что надѣлы останутся въ *вѣчномъ пользованіи* крестьянъ за *неизмѣнныя повинности*. Такъ какъ помѣщикъ всегда могъ перевести крестьянъ на выкупъ, и крестьяне не могли отъ

*) Такъ называемая система *градацій*: см. о ней ниже, въ характеристикѣ выкупа.

этого отказаться, то эта юридическая фикція на практикѣ нисколько не стѣсняла землевладѣльцевъ. Тѣмъ не менѣе послѣдніе основательно использовали ее, крича о нарушеніи священнаго права частной собственности:—такъ какъ „вѣчное пользованіе" ничѣмъ не отличается отъ „вѣчнаго владѣнія", а то, чѣмъ владѣютъ крестьяне, не есть уже собственность помѣщика, то тутъ-де очевидная „экспропріація",—и доказывая, что „неизмѣнныя повинности" навсегда отрѣзываютъ дворянству возможность воспользоваться плодами тѣхъ экономическихъ улучшеній, которыя принесетъ съ собой свободный трудъ. Все это, нужно сознаться, была одна декламація. Но Ростовцевъ былъ правъ, когда онъ писалъ Александру II: „какой бы проектъ положенія редакціонныя комиссіи ни написали, хотя такой, по которому помѣщики даже ничего не теряли бы, все-таки многіе депутаты и многіе дворяне потребовали бы уступокъ". Бѣльмомъ на глазу „первенцевъ земли Русской" было самое существованіе комиссій. Что изъ того, что это покушеніе на права и интересы дворянства на три четверти осталось покушеніемъ съ негодными средствами. Надо было побороть самую идею—рѣшать дворянскія дѣла безъ вѣдома и согласія дворянства. Только этимъ чисто политическимъ мотивомъ и можно объяснить послѣдній ударъ, нанесенный депутатами перваго призыва ненавистной имъ „бюрократіи",—ударъ, рикошетомъ больно ударившій самихъ депутатовъ и представляемое ими сословіе. Только этимъ политическимъ характеромъ натиска можно объяснить и его дружность. Экономическіе интересы помѣщиковъ разныхъ полосъ Россіи далеко не были тождественны,—это нашло себѣ выраженіе въ комитетскихъ проектахъ, это же отразилось и на воззрѣніяхъ депутатовъ. „Они расходились на приверженцевъ обязательнаго выкупа, которые составляли огромное большинство, и на защитниковъ или постояннаго пользованія съ переоцѣнкою, или освобожденія крестьянъ съ правомъ свободныхъ переходовъ *). Число членовъ двухъ послѣднихъ категорій было незначительно. Далѣе, депутаты дѣлились на сторонниковъ нормальныхъ и существующихъ надѣловъ; за первые стояло большинство". Изображая такъ дѣло, кошелевская записка старается увѣрить читателя, что всѣ эти разногласія было бы легко уладить, „если бы только были допущены офиціальныя совѣщанія"; но мы вправѣ этому не повѣрить. Въ офиціальномъ совѣщаніи большинство могло бы подавить меньшинство, но это вызвало бы только новыя и болѣе острыя тренія въ средѣ самихъ депутатовъ. Зато ихъ политически сословные интересы, дѣйствительно, были одинаковы — и притомъ постепенно оказывалось, что эти интересы общи съ ними даже и многимъ членамъ той правящей группы, которая издали принимала ихъ за своихъ враговъ.

Соціальный смыслъ конфликта, представляющагося намъ съ внѣшней стороны, какъ столкновеніе „правительства" съ „помѣщиками", заключался въ сущности въ относительной противоположности интересовъ са-

*) Т. е., попросту, безземельнаго освобожденія.

маго крупнаго землевладѣнія, представители котораго непосредственно окружали императора, съ землевладѣніемъ средне-крупнымъ и просто среднимъ, представленнымъ въ губернскихъ комитетахъ. Основной вопросъ, расколовшій послѣдніе по нѣсколькимъ географическимъ линіямъ, вопросъ о судьбѣ барщины, не существовалъ для наиболѣе крупнаго землевладѣнія, такъ какъ большія вотчины почти сплошь были на оброкѣ: здѣсь было крѣпостное право, но не было крѣпостного хозяйства. Уже въ началѣ вѣка крупный вотчинникъ чувствовалъ себя гораздо больше получателемъ ренты, чѣмъ владѣльцемъ душъ *). Сохраненіе ренты, связанное съ сохраненіемъ права на землю, составляло основную тенденцію этой группы: мы это имѣли уже случай наблюдать, анализируя позицію Шувалова и Паскевича въ редакціонныхъ комиссіяхъ. Но экономическое противорѣчіе двухъ группъ было именно относительнымъ и очень относительнымъ. Оно было бы непримиримымъ лишь въ томъ случаѣ, если бы большинство комитетовъ стояло на точкѣ зрѣнія Самарина, — либо Унковскаго: при всей противоположности этихъ двухъ точекъ зрѣнія (см. 2. Губернскіе комитеты.) онѣ обѣ были несовмѣстимы одинаково съ интересами людей, стремившихся къ увѣковѣченію оброковъ въ образѣ ренты. Но большинство комитетовъ тяготѣло къ обезземеленію крестьянъ, полному или частичному: причемъ, при ближайшемъ разсмотрѣніи, послѣднее оказывалось даже выгоднѣе для помѣщика, чѣмъ полное. Жгучій вопросъ о выкупѣ былъ улаженъ уже редакціонными комиссіями, какъ скоро онѣ признали выкупъ обязательнымъ для крестьянъ, но не для помѣщиковъ. Экономическій конфликтъ былъ уже почти улаженъ, когда стороны встрѣтились: оставалось политическое недоразумѣніе. Крупное землевладѣніе держалось за власть не меньше, чѣмъ за землю,—а провинціальные помѣщики, казалось изъ Петербурга,— покушались на эту власть. Но тутъ было именно недоразумѣніе: и достаточно было спорящимъ сторонамъ увидать другъ друга, чтобы оно разсѣялось.

Съ опасеніями „мятежныхъ замысловъ“ дворянства случилось то же, что и съ пугаломъ крестьянскаго мятежа въ свое время: въ непосредственной близи призракъ оказывался совсѣмъ не страшнымъ. Александръ II и тутъ оставался наибольшимъ консерваторомъ: онъ дольше всѣхъ окружающихъ вѣрилъ и въ тотъ, и въ другой призракъ. Но какъ въ свое время министерство внутреннихъ дѣлъ сравнительно легко и скоро эмансипировалось отъ страха передъ пугачевщиной, такъ теперь непосредственно окружавшая императора аристократическая камарилья *) очень скоро убѣдилась, что въ лицѣ дворянскихъ депутатовъ передъ нею вовсе не скопище красныхъ демагоговъ, а весьма приличные люди одного съ нею происхожденія и воспитанія. Традиціонная связь—своего рода „голосъ крови“—тотчасъ же сказалась: передъ чиновниками типа Милютина всѣ дворяне должны были чувство-

*) См. часть I, стр. 34.

*) Такъ тогда она и называлась; см. отрывки изъ дневника Кавелина (Сочиненія, т. II, стр. 1159).

вать себя одинаково. Скоро въ Петербургѣ насчитывали цѣлый рядъ крупнѣйшихъ и вліятельнѣйшихъ людей, стоявшихъ въ конфликтѣ на сторонѣ не комиссій, а депутатовъ. Сюда причисляли рядомъ съ М. Н. Муравьевымъ (тогда министромъ государственныхъ имуществъ), гр. Адлербергомъ, Чевкинымъ (министромъ путей сообщенія), гр. Панинымъ (министромъ юстиціи), кн. В. А. Долгоруковымъ (шефомъ жандармовъ), кн. Меншиковымъ, кн. П. Гагаринымъ и другими— и самого предсѣдателя главнаго комитета кн. Орлова. Послѣдній „громко объявлялъ, что, если печатаніе трудовъ комиссій не будетъ запрещено и у Ростовцева не будетъ отнятъ прямой доступъ къ государю по крестьянскому дѣлу, то онъ выйдетъ въ отставку“ *). Тотъ же авторъ прямо указываетъ на всю эту группу лицъ, какъ на непосредственныхъ подстрекателей депутатовъ къ „рѣшительной демонстраціи“.

„Демонстрація“ заключалась, какъ извѣстно, въ подачѣ коллективныхъ адресовъ Александру II, который во второй половинѣ октября вернулся изъ путешествія. Всѣхъ адресовъ было три. Собравшій наибольшее число подписей (18) былъ составленъ очень осторожно. Въ первоначальной редакціи, принадлежавшей Кошелеву, не было рѣзкостей даже по отношенію къ главному врагу—редакціоннымъ комиссіямъ: говорилось только, что „разногласіе въ мнѣніяхъ между означенными комиссіями и нами (депутатами)—значительно, даже существенно“. Этимъ мотивировалась основная просьба подписавшихъ адресъ: „дозволить намъ разсмотрѣть окончательные труды редакціонныхъ комиссій до поступленія ихъ на обсужденіе главнаго комитета“. Участіе въ засѣданіяхъ этого послѣдняго также было формулировано очень скромно: депутаты просили „даровать“ имъ „возможность представить сему комитету изустныя объясненія въ подтвержденіе изложенныхъ нами мнѣній“. Дворянство, увѣренное теперь въ сочувствіи той группы своихъ сановныхъ односословниковъ, которая преобладала въ главномъ комитетѣ, довольствовалось такимъ образомъ съ самаго начала лишь совѣщательнымъ голосомъ, успокаивая этимъ ревнивую подозрительность Александра II. Кошелевъ правильно оцѣнивалъ, что отрицательная гарантія — отстраненіе Милютина и его кружка—важнѣе всякой положительной, создавая для дворянскихъ депутатовъ монополію фактической освѣдомленности, — какъ мы уже давно знаемъ, совершенно отсутствовавшей у „высшихъ сферъ“. Однако же въ концѣ концовъ и это требованіе показалось представителямъ дворянства слишкомъ смѣлымъ — и въ окончательной редакціи адресъ 18, отведя душу въ рѣзкой характеристикѣ ненавистныхъ комиссій (предположенія ихъ, „въ настоящемъ ихъ видѣ, не соотвѣтствуютъ общимъ потребностямъ и не приводятъ къ исполненію тѣхъ основныхъ началъ, которыя съ благоговѣйною готовностью дворянство приняло въ руководство по крестьянскому дѣлу“), просилъ лишь о томъ, „чтобъ дозволено было намъ представить наши соображенія на окончательные труды редакціонныхъ комиссій до поступленія ихъ въ глав-

*) Матеріалы, II, 164.

ный комитетъ по крестьянскому дѣлу". Но это уже было дозволено „частнымъ образомъ"—депутаты въ сущности только выражали желаніе, чтобы ихъ „келейныя" совѣщанія, разрѣшенныя уже императоромъ, получили офиціальную высочайшую санкцію.

Подъ этимъ адресомъ подписалось большинство депутатовъ безъ различія ихъ экономическихъ тенденцій: подпись яраго сторонника обязательнаго выкупа, Кошелева, стоитъ здѣсь рядомъ съ подписью не менѣе яро отстаивавшаго безземельное освобожденіе гр. Шувалова. Выдѣлилась только группа, *политически* стоявшая значительно лѣвѣе этого большинства, и составившаяся изъ *пяти* человѣкъ: тверского депутата Унковскаго, харьковскихъ—Хрущова и Шретера и ярославскихъ—Дубровина и Васильева. Экономически это были два полюса: тверичи стояли за существующій надѣлъ, харьковцы были изъ числа самыхъ жадныхъ до земли помѣщиковъ, отводившихъ своимъ бывшимъ крѣпостнымъ до минимума сокращенные „нормальные" надѣлы (см. выше). Но тѣ и другіе сошлись на томъ, что можно и должно говорить гораздо болѣе смѣлымъ языкомъ, чѣмъ рѣшалось раболѣпное большинство. Во вступленіи къ этому „адресу пяти" дѣлается явная попытка утилизировать на пользу дворянства ту знакомую намъ у Александра II боязнь бунта, которой съ своей точки зрѣнія пользовался около этого же времени и министръ внутреннихъ дѣлъ: эта черта психологіи императора была уже, очевидно, достаточно популярна. Нашему отечеству, говоритъ „адресъ пяти", „предстоитъ два пути развитія: одинъ мирный и правомѣрный; другой путь насилій, борьбы и печальныхъ послѣдствій". На послѣдній путь толкаютъ Россію редакціонныя комиссіи: „изъ внимательнаго изученія заключеній комиссій" авторы адреса убѣдились, „что увеличеніемъ надѣла крестьянъ землею и крайнимъ пониженіемъ повинностей въ большей части губерній помѣщики будутъ разорены, а бытъ крестьянъ вообще не будетъ улучшенъ по той причинѣ, что хотя крестьянамъ и предоставляется самоуправленіе, но оно будетъ подавлено и уничтожено вліяніемъ чиновниковъ". Чтобы повернуть Россію на „путь мирнаго развитія" необходимо парализовать это вредное вліяніе: съ этою цѣлью Унковскій и его товарищи предлагаютъ тѣ реформы, съ которыми мы уже встрѣчались, изучая политико-юридическія desiderata губернскихъ комитетовъ (см. выше 3. Редакціонныя комиссіи.): „хозяйственно - распорядительное управленіе, общее для всѣхъ сословій, основанное на выборномъ началѣ", „независимую судебную власть, т. е. судъ присяжныхъ, и гражданскія судебныя учрежденія, независимыя отъ административной власти, съ введеніемъ гласнаго и словеснаго судопроизводства и съ подчиненіемъ должностныхъ лицъ непосредственной отвѣтственности передъ судомъ", наконецъ, „печатную гласность", съ цѣлью „доводить до свѣдѣнія верховной власти недостатки и злоупотребленія мѣстнаго управленія": словомъ, правовой порядокъ, прикрытый сверху горностаевой мантіей самодержавія—утопія, какъ мы знаемъ, всегда грезившаяся Унковскому, и, во всякомъ случаѣ,

совершенно безобидная для верховной власти. Гораздо реалистичнѣе былъ первый пунктъ требованій: „даровать крестьянамъ полную свободу съ надѣленіемъ ихъ землею въ собственность, посредствомъ немедленнаго выкупа, *по цѣнѣ и на условіяхъ, не разорительныхъ для помѣщиковъ*“: но подъ нимъ могъ подписаться не одинъ тверской либералъ, а громадное большинство депутатовъ перваго призыва. Ничего, оправдывавшаго „ конституціонные“ страхи, внушавшіеся Ланскимъ и Милютинымъ Александру Николаевичу, и въ этомъ адресѣ не было: но нельзя не замѣтить, что онъ своимъ тономъ и стилемъ, а отчасти и конкретнымъ содержаніемъ, весьма способенъ былъ оживить воспоминаніе о тѣхъ „дерзостяхъ“ губернскихъ комитетовъ, которыя и дали поводъ къ учрежденію редакціонныхъ комиссій. Этой непредвидѣнной авторомъ цѣли адресъ и достигъ: Александръ охарактеризовалъ его, какъ „ни съ чѣмъ несообразный и дерзкій до крайности“.

Окончательно испортили дѣло два „партизанскихъ выступленія“ отдѣльныхъ дворянъ, одинъ изъ которыхъ не удовлетворился ни однимъ изъ составленныхъ его коллегами адресовъ и сочинилъ свой собственный, а другой и вовсе не принадлежалъ къ числу депутатовъ. Первый былъ симбирскій депутатъ Шидловскій, допустившій въ своемъ высокопарномъ „письмѣ“ фразу, какъ-будто нарочно написанную по заказу министерства внутреннихъ дѣлъ: „удостой призвать, Государь, къ подножію престола Твоего нарочито избранныхъ уполномоченныхъ отъ дворянства и кончи подъ личнымъ Твоимъ, Государь, предсѣдательствомъ дѣло, которое составитъ славу царствованія Твоего“. По всей вѣроятности, бѣдный симбирскій помѣщикъ думалъ сказать комплиментъ самодержавному императору, отведя ему роль предсѣдателя дворянскаго собранія: но не трудно себѣ представить, *какъ* должна была подѣйствовать подобная фразеологія на Александра II. Письмо было передано Ланскому въ качествѣ документа, вполнѣ оправдывающаго содержаніе его „записокъ“, съ выразительной высочайшей отмѣткой: „вотъ какія мысли бродятъ въ головахъ этихъ господъ“.

Документъ, вышедшій изъ-подъ пера камергера Михаила Безобразова, племянника кн. Орлова,—значитъ, лица, непосредственно связаннаго съ ближайшимъ кругомъ императора—удостоился не одной, а цѣлаго ряда отмѣтокъ. Уже самый тонъ этихъ послѣднихъ: „вздоръ!“, „непомѣрная наглость“, „хорошъ софизмъ!“ и т. п. — ясно свидѣтельствуетъ о крайнемъ раздраженіи читавшаго. И дѣйствительно, если мы вспомнимъ, что читателемъ былъ сынъ Николая Павловича и вѣрный хранитель его политическихъ традицій, мы должны будемъ согласиться, что камергеръ и племянникъ князя Орлова не могъ сдѣлать большей безтактности. „Записка“ Безобразова состояла изъ двухъ частей — или, вѣрнѣе, въ ней проводились двѣ основныя мысли, мѣстами перепутывавшіяся. Во-первыхъ, это былъ доносъ на министерство внутреннихъ дѣлъ и на редакціонныя комиссіи, на всю „бюрократію“ сразу. „Бюрократія“ обвинялась ни болѣе, ни ме-

нѣе, какъ „въ сочувствіи и сообщничествѣ“ съ заграничными „памфлетистами“, т. е. съ Герценомъ и его кружкомъ. На это Александръ Николаевичъ могъ реагировать только восклицательными знаками: словъ онъ не нашелъ. Годъ тому назадъ онъ еще, пожалуй, повѣрилъ бы чему-нибудь подобному относительно Милютина: но Ланской и Ростовцевъ—корреспонденты Герцена—это не было даже смѣшно. Курьезнѣе же всего, что совершенно рядомъ съ этимъ допотопнымъ доносительствомъ, Безобразовъ находилъ умѣстнымъ говорить такія вещи, какъ то, что наше управленіе „основано на произволѣ“, и что „собраніе выборныхъ есть природный элементъ самодержавія“: въ этомъ и заключалась вторая мысль, которую онъ посильно старался развить въ своей запискѣ. Цѣли онъ этимъ достигъ для себя совершенно неожиданной. „Онъ меня вполнѣ убѣдилъ въ желаніи подобныхъ ему учредить у насъ олигархическое управленіе“, гласила послѣдняя, заключительная отмѣтка императора.

Крамольность дворянства была теперь внѣ сомнѣній—и оно со связанными руками было выдано головою своему заклятому врагу, министерству внутреннихъ дѣлъ. 4-го ноября 1859 года состоялся высочайшій приказъ объ увольненіи отъ службы безъ прошенія камергера Безобразова. А на другой день, 5-го ноября, происходило засѣданіе главнаго комитета по крестьянскому дѣлу подъ личнымъ предсѣдательствомъ Александра Николаевича. Оно началось чтеніемъ новой записки, составленной Ланскимъ (или Милютинымъ для Ланского) — который самъ по болѣзни отсутствовалъ. Въ виду совершенно опредѣленнаго настроенія императора, министерство внутреннихъ дѣлъ позволяло себѣ быть великодушнымъ: оно объясняло поступки депутатовъ ихъ „неразуміемъ“,—которому долженъ быть положенъ предѣлъ для собственнаго спасенія дворянства. Въ подробную критику адресовъ и вообще предположеній депутатовъ перваго призыва новая „записка“ Ланского не входила, удовольствовавшись бѣглымъ замѣчаніемъ, что „безусловное осужденіе редакціонныхъ комиссій касается не столько трудовъ ихъ (еще не всѣмъ извѣстныхъ), сколько тѣхъ основныхъ и коренныхъ началъ, которыя приняты высшимъ правительствомъ и которымъ слѣдовали комиссіи“. Не безъ ядовитаго намека на адресъ Унковскаго, министръ доказывалъ, что „стремленія, крайне опасныя для будущаго спокойствія Россіи“, заключаются отнюдь не въ проектахъ редакціонныхъ комиссій, а именно въ поползновеніяхъ дворянства — урѣзать крестьянскій надѣлъ и взять за него съ крестьянъ возможно дороже. Но козыремъ въ игрѣ Ланского являлось, какъ и можно было ожидать, нелѣпое „письмо“ Шидловскаго. Оно выставляется въ „запискѣ“ наиболѣе полнымъ и искреннимъ выраженіемъ дворянскихъ пожеланій,—та же мысль якобы выражена и въ адресѣ 18, „хоть въ значительно смягченномъ видѣ“, а „въ болѣе скрытой формѣ“ и въ адресѣ пяти. Возмездіе, по размѣрамъ крамолы, предполагалось довольно мягкое: „поставить на видъ всѣмъ членамъ, подписавшимъ ад-

ресы, сдѣлавъ имъ чрезъ губернскія начальства надлежащія внушенія по сему предмету". Но перепуганнымъ сторонникамъ депутатовъ въ главномъ комитетѣ этого показалось мало: и, стремясь засвидѣтельствовать свое усердіе передъ разгнѣваннымъ государемъ, они наперерывъ предлагали болѣе строгія мѣры. Въ результатѣ, Шидловскій и Унковскій были отданы подъ надзоръ полиціи, четыремъ товарищамъ Унковскаго сдѣлано форменное „замѣчаніе" и лишь по отношенію къ наиболѣе скромнымъ и умѣреннымъ „18" удовольствовались внушеніемъ.

„Неоспоримая побѣда осталась какъ-будто за редакціонными комиссіями", пишетъ въ своихъ мемуарахъ вдова Н. Милютина, заканчивая разсказъ объ этомъ эпизодѣ. „Какъ-будто" вставлено здѣсь весьма у мѣста. Происшедшій конфликтъ былъ чисто политическимъ, въ узкомъ смыслѣ этого слова. Его острота и глубина всецѣло зависѣли отъ того, насколько политическій моментъ былъ важенъ для обѣихъ сторонъ. Но мы видѣли, что для депутатовъ эта сторона не только не представляла первостепенной важности, но даже была инкриминирована имъ, въ значительной степени по недоразумѣнію. Какой же, въ самомъ дѣлѣ, былъ „сторонникъ олигархическаго правленія" даже Шидловскій? А о неблагонадежности „восемнадцати" даже и говорить было странно, — само министерство внутреннихъ дѣлъ рѣшалось на это лишь съ большими ограниченіями. Рано или поздно недоразумѣніе должно было разъясниться. Рано или поздно Александръ II долженъ былъ увидѣть, что онъ отчасти по недоразумѣнію, отчасти по „навѣтамъ" своего министра, принималъ за красныхъ революціонеровъ самыхъ лояльныхъ вѣрноподданныхъ. Сторонники „аристократической партіи" прекрасно это понимали — и не теряли мужества. „Неужели вы думаете, что мы вамъ дадимъ кончить это дѣло?" спрашивалъ Милютина графъ Бобринскій: „неужели вы серьезно это думаете?.. Полноте, пожалуйста. Не пройдетъ и мѣсяца, какъ вы всѣ въ трубу вылетите, а мы сядемъ на ваше мѣсто"... Дѣло совершилось не буквально такъ, но весьма близко къ этому: разъ Александръ Николаевичъ убѣдился въ политической невинности дворянства, онъ не могъ устоять противъ дружнаго натиска этого сословія, съ которымъ онъ соціально былъ связанъ тысячами нитей *).

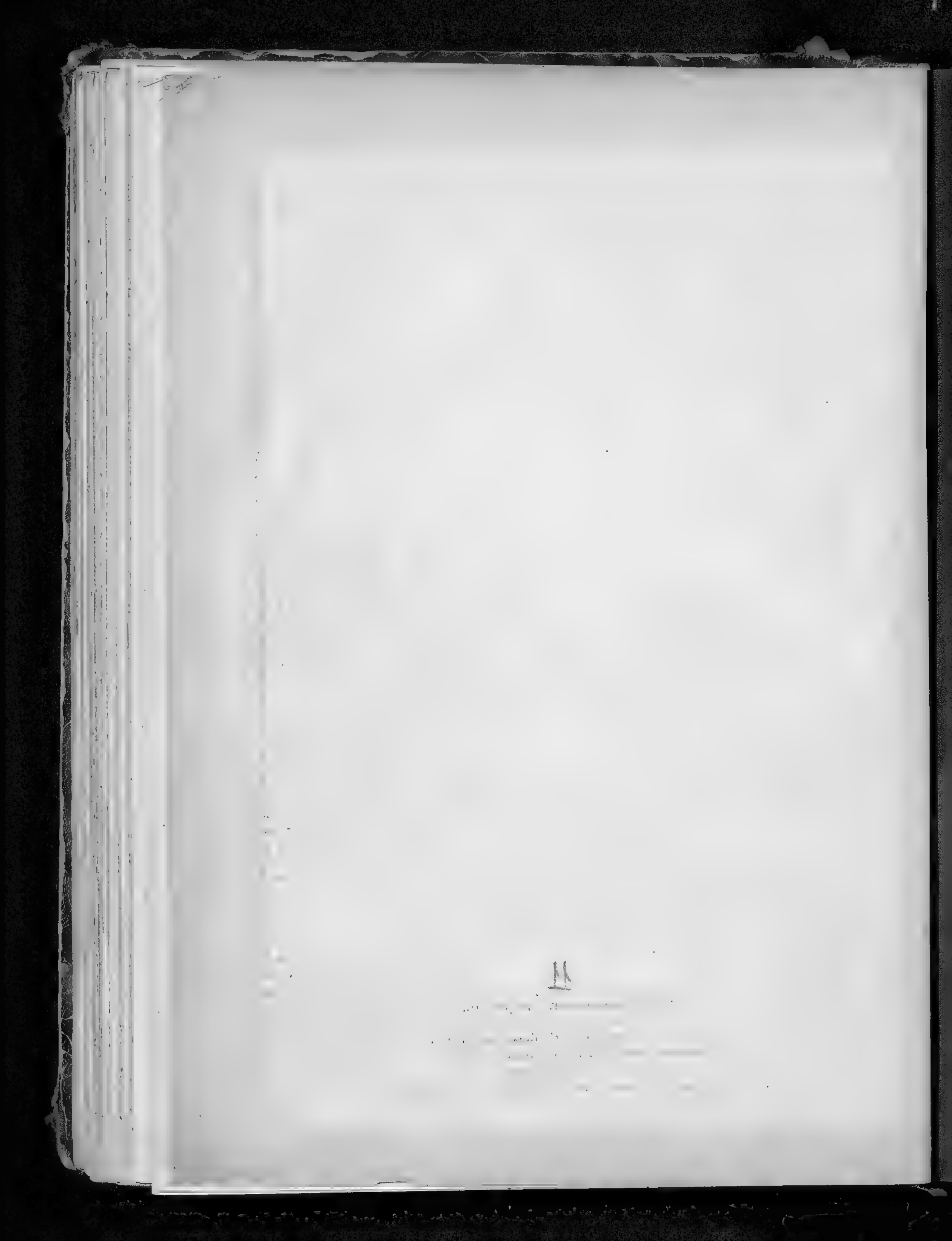
Дружности натиска снова очень помогла сама же „бюрократія". Какъ это часто бываетъ, опасаясь новыхъ манифестацій, министерство внутреннихъ дѣлъ приняло такія мѣры, которыя неизбѣжно должны были подогрѣть настроеніе и вызвать манифестаціи въ удвоенномъ масштабѣ. Тотчасъ вслѣдъ за отъѣздомъ депутатовъ изъ Петербурга Ланской

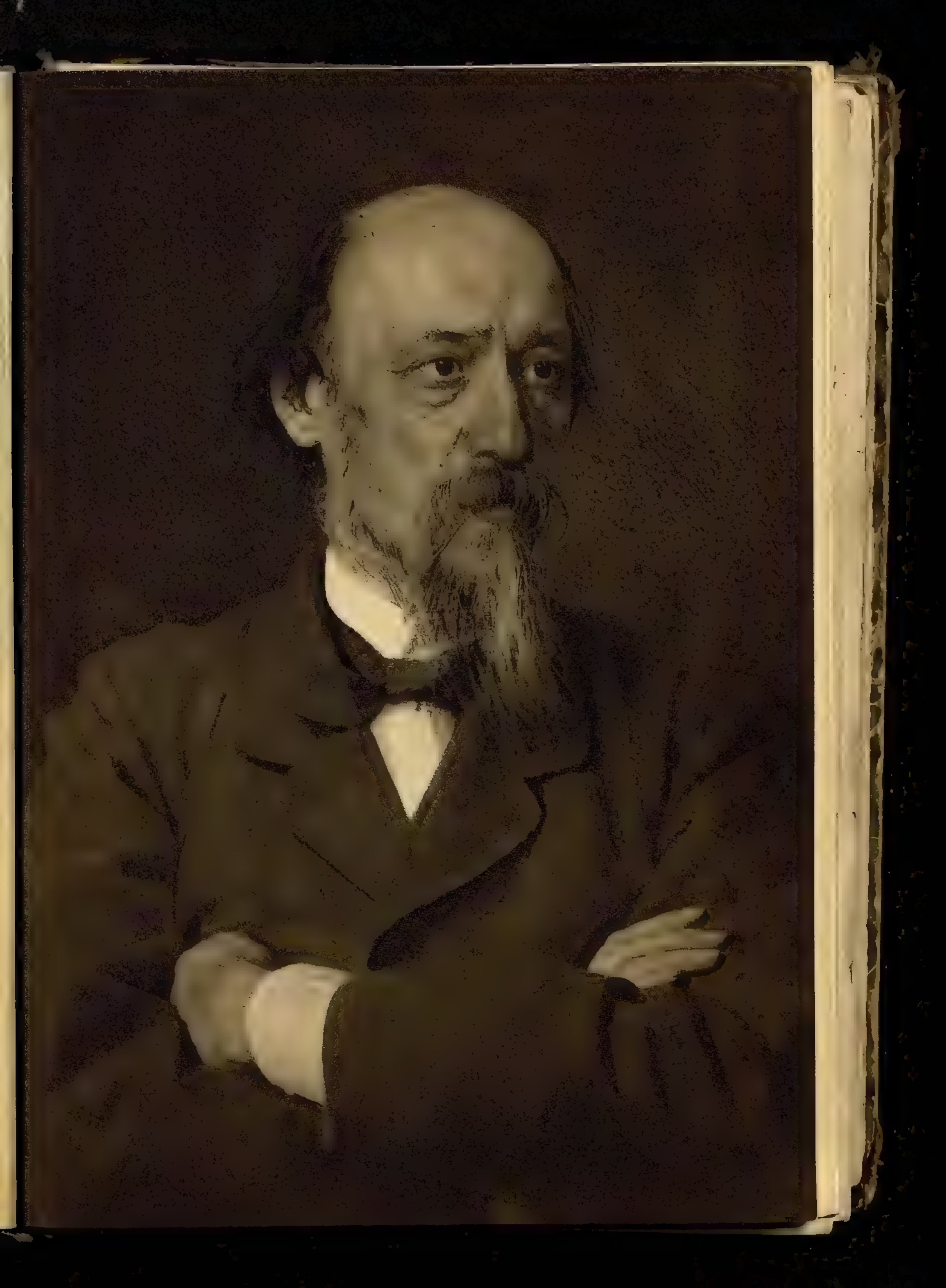
---

*) Отъ этой соціальной связи Александръ II не отрекался—и засвидѣтельствовалъ ее не дальше, какъ въ рѣчи, съ какой онъ обратился къ тѣмъ же депутатамъ перваго призыва, принимая ихъ въ первый разъ 2-го сентября. „Я считалъ себя первымъ дворяниномъ, когда еще былъ наслѣдникомъ", говорилъ онъ въ этой рѣчи, „я гордился этимъ, горжусь этимъ и теперь и не перестаю считать себя въ вашемъ сословіи". Ср. выше 2. Губернскіе комитеты.

вспомнилъ, что въ цѣломъ рядѣ губерній вскорѣ предстоятъ дворянскіе выборы, и, сообразивъ, что депутаты непремѣнно используютъ губернскія собранія для отчета о своихъ дѣйствіяхъ въ Петербургѣ, поспѣшилъ исхлопотать Высочайшее повелѣніе, воспрещавшее дворянамъ на своихъ очередныхъ собраніяхъ „входить въ какія бы то ни было сужденія по предметамъ, до крестьянскаго вопроса вообще касающимся". Повелѣніе было не безъ прецедента: предшествовавшей осенью (1858 года) былъ уже разосланъ аналогичный циркуляръ: тогда это была одна изъ первыхъ ласточекъ новаго курса. Но тогда помѣщики были еще исполнены увѣренности въ предстоящемъ созывѣ всероссійскаго дворянскаго собранія. Теперь эта мечта была навсегда разрушена—и дѣло принимало такой видъ, что дворянамъ просто напросто зажимаютъ ротъ въ вопросѣ, который всего ближе ихъ касается. Почти всѣ дворянскія собранія декабря 1859 года ознаменовались бурными сценами, демонстраціями въ честь вернувшихся депутатовъ, и отправкой императору петицій и адресовъ, по содержанію тождественныхъ съ заявленіями 18 и 5—но по тону даже болѣе рѣзкихъ. Особенной рѣшительностью требованій отличался адресъ владимирскаго дворянства, гдѣ впервые за это время мы встрѣчаемъ уже дѣйствительно конституціонныя заявленія, хотя и въ робкой формѣ: владимирскіе дворяне по ихъ „искреннему и глубокому убѣжденію" находили необходимымъ для Россіи „строгое раздѣленіе властей" и „управленіе, общее для всѣхъ сословій". Что здѣсь рѣчь шла не о мѣстномъ самоуправленіи, а о государственномъ устройствѣ вообще, доказывается тѣмъ, что „хозяйственно распорядительному управленію", тоже „общему для всѣхъ сословій", отведенъ особый пунктъ, слѣдующій за приведенными выше. Въ рѣчахъ депутатовъ, предшествовавшихъ подписанію адреса, говорилось еще прямѣе о „свободныхъ общихъ выборныхъ началахъ, не стѣсняемыхъ никакимъ особымъ произволомъ" и о „строжайшемъ охраненіи неприкосновенности правъ". Но въ тѣхъ же рѣчахъ впервые прозвучала и еще одна характерная нота: сознаніе того, что дворяне одни, какъ сословіе, совершенно не въ силахъ отстоять эту „неприкосновенность" собственнаго права. „Если мы нынѣ воспользуемся прежними выборными правами, то мы сами какъ-будто отодвинемся назадъ навсегда и выключимъ себя добровольно изъ общей массы государственнаго народонаселенія", говорилъ депутатъ Протопоповъ. „Пожертвуемте же сами для новой возрождающейся жизни кичливыми грамотами, бархатными книгами, аристократическими титулами и—за все это прежнее гордое и суетно безполезное величіе наше—всеподданѣйше испросимъ, какъ необходимое для пользы и нуждъ нашихъ, одно общее со всѣми сословіями названіе свободныхъ гражданъ". Все это были пока только фразы—и сквозь „демократизмъ" этихъ фразъ слишкомъ ясно сквозила горечь именно дворянской обиды. Но каковы бы ни были мотивы, мысль — опереться на все общество противъ произвола сверху— встрѣчается намъ теперь не въ однѣхъ рѣчахъ владимирскихъ депутатовъ: рязанское дворянское собра-

11

11

ніе сочло нужнымъ въ своемъ прошеніи на первомъ мѣстѣ поставить такой пунктъ: „ускорить разрѣшеніе вопроса и *окончательно освободить крестьянъ*". Манифестаціи имѣли мѣсто и на собраніяхъ орловскаго, ярославскаго—а впослѣдствіи и петербургскаго дворянства. Но самой громкой исторіей была тверская. Унковскій былъ здѣсь губернскимъ предводителемъ, очень популярнымъ—и уже въ силу одного этого его личное столкновеніе съ „бюрократіей" должно было стать общедворянскимъ дѣломъ. Тверскіе дворяне также начали съ петиціи о снятіи запрета съ крестьянскаго вопроса. Но когда эта петиція не только не достигла цѣли, а вызвала удаленіе Унковскаго отъ должности предводителя, тверское дворянство явно перешло въ оппозицію. На мѣсто Унковскаго никто не захотѣлъ баллотироваться. Мало того: въ 8 уѣздахъ не удалось выбрать ни предводителей, ни депутатовъ — большинство дворянъ отказывалось отъ службы по выборамъ, а желавшихъ избираться забаллотировывали. Это было, кажется, первое примѣненіе политическаго бойкота на русской почвѣ. Въ то же время дворяне устраивали неофиціальныя собранія, обсуждая на нихъ запретный крестьянскій вопросъ и въ частности проекты выкупа на принятыхъ тверскимъ комитетомъ началахъ. До Петербурга стали доходить слухи, что Унковскій и его кружокъ собираются, въ пику правительству, самостоятельно освободить крестьянъ—и что у нихъ даже заготовлено нѣчто въ родѣ манифеста на этотъ счетъ, который они собираются напечатать въ тайной типографіи... Организованность и упорство тверского движенія перепугали Петербургъ—и противъ Унковскаго и его ближайшихъ сотрудниковъ, Европеуса и Головачева, были приняты экстраординарныя мѣры: они были отправлены въ административную ссылку, (Унковскій въ Вятку, откуда его, впрочемъ, скоро вернули).

Это былъ послѣдній ударъ грома: уже владимирское дворянство, дѣло котораго попало на разсмотрѣніе высшихъ властей позже тверского, отдѣлалось легкимъ выговоромъ, а съ петербургскимъ Александръ II вступилъ въ переговоры. Пока министерство внутреннихъ дѣлъ свирѣпствовало, Александръ Николаевичъ, послѣ первой вспышки гнѣва, вызванной „олигархическими" проектами Шидловскаго и Безобразова, очень скоро вернулся къ той двойственной политикѣ, которой не безъ основанія такъ боялись Ланской и Милютинъ. Уже 10 ноября, меньше, чѣмъ черезъ недѣлю послѣ „суда" надъ депутатами, онъ ѣздилъ во Псковъ — на балъ, который былъ ему предложенъ псковскими дворянами еще раньше, во время его путешествія, но тогда отклоненъ. Теперь императоръ пробылъ во Псковѣ два дня, два раза принималъ дворянскихъ предводителей и оба раза держалъ къ нимъ рѣчи, успокаивавшія и обнадеживавшія „первенцевъ земли Русской". Особенно характерна была въ этомъ отношеніи вторая рѣчь: „Я увѣренъ въ вашемъ ко Мнѣ довѣріи и имѣю одинаковое къ вамъ", говорилъ Александръ Николаевичъ. „Будьте увѣрены, что интересы ваши всегда близки къ Моему сердцу. Я надѣюсь, что

общими силами, съ помощью Божіею, Мы достигнемъ желаемаго конца въ этомъ дѣлѣ къ общей пользѣ. Прошу васъ не вѣрить никакимъ превратнымъ толкамъ, которыми только хотятъ васъ мутить, а *вѣрьте Мнѣ одному* и Моему слову". Скоро императоръ получилъ возможность обнадежить свое вѣрное дворянство не одними словами. Здоровье Ростовцева не выдержало той передряги, какую заставила его пережить разыгравшаяся осенью 1859 г. „политическая драма". Предсѣдатель редакціонныхъ комиссій, по словамъ современника, „боялся депутатовъ, приписывая имъ слишкомъ большое значеніе". На такого человѣка, какимъ былъ Ростовцевъ, угрозы кн. Орлова и другихъ властныхъ людей должны были имѣть свое вліяніе. Переутомленіе отъ спѣшныхъ, лихорадочныхъ занятій надъ совершенно новымъ и непривычнымъ для стараго генерала дѣломъ тоже не могло пройти даромъ. Въ концѣ октября Ростовцевъ уже не могъ предсѣдательствовать въ общихъ собраніяхъ комиссій,—а въ декабрѣ у него образовался карбункулъ (по всей вѣроятности, на почвѣ нервнаго истощенія)—и отъ послѣдствій неудачной операціи надъ нимъ онъ умеръ 6-го февраля слѣдующаго 1860 г. Возникъ вопросъ о замѣстителѣ. Ланской предлагалъ себя—что означало фактически передачу всего дѣла въ руки Милютина. Но до такой степени солидаризироваться со своимъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ Александръ вовсе не желалъ. Онъ увѣрилъ Ланского въ своемъ довѣріи, — точно такъ же, какъ увѣрялъ въ немъ недавно псковское дворянство, — но уклонился отъ прямого отвѣта на его предложеніе подъ тѣмъ предлогомъ, что ему еще нужно ознакомиться съ предсмертною запиской Ростовцева. А четыре дня спустя предсѣдателемъ редакціонныхъ комиссій былъ назначенъ одинъ изъ виднѣйшихъ членовъ аристократической камарильи, министръ юстиціи, графъ В. Н. Панинъ. „Глава самой дикой, самой тупой реакціи поставленъ во главѣ освобожденія крестьянъ", писалъ „Колоколъ"...

Личность Панина довольно хорошо извѣстна русской читающей публикѣ по той массѣ анекдотовъ, которую собрала около его имени либеральная историческая традиція. Анекдоты эти—помимо недостатковъ, свойственныхъ анекдотическому методу оцѣнки историческихъ дѣятелей вообще — представляютъ еще то неудобство, что они закрываютъ отъ читателя то серьезное, что было въ Панинѣ — и что дѣлало символическимъ его назначеніе. Эту сторону новаго предсѣдателя редакціонныхъ комиссій хорошо подмѣтилъ тотъ авторъ, у котораго мы уже заимствовали характеристику Ростовцева. Продолжая сравнивать этого послѣдняго и Панина, онъ говоритъ: „Деспотизмъ Ростовцева происходилъ болѣе отъ его желчнаго темперамента и отъ военнаго воспитанія; притомъ доброта сердца постоянно смягчала слишкомъ подчасъ рѣзкіе порывы воли; напротивъ, деспотизмъ Панина—врожденный, холодный, злой, умышленный и обдуманный, преслѣдующій жертву, неспособный ни на какія сдѣлки и уступки. Лесть Ростовцева болѣе была похожа на лакейское шутовство, желающее развеселить и позабавить барина; лесть Панина — раз-

считанная, тонкая угодливость, готовая обратить его въ палача для исполненія желаній и видовъ власти" *). Именно эта-то послѣдняя особенность, повидимому, и выдвинула Панина: для третьей фазы крестьянской политики нуженъ былъ человѣкъ, у котораго „вовсе не было убѣжденій, и была только одна забота — угодить" **). Можно было быть спокойнымъ, что Панинъ не хуже Ланского сумѣетъ подавить всякія „либеральныя" попытки, отъ кого бы онѣ ни исходили: но въ то же время этотъ крупный помѣщикъ и непремѣнный членъ „аристократической партіи" былъ живой порукой, что „интересы дворянства будутъ, сколько возможно, гарантированы". Назначеніемъ Панина кончалась размолвка Александра Николаевича съ его дворянствомъ, начавшаяся въ 1858 году и ознаменовавшаяся учрежденіемъ редакціонныхъ комиссій. Правительство взяло назадъ тѣ уступки, которыя у него вырвалъ страхъ передъ пугачевщиной—дворянство потеряло то, что оно выиграло, благодаря этому страху: теперь возстановилось прежнее равновѣсіе, и Александръ Николаевичъ не желалъ его нарушать первый.

„Колоколъ" совѣтовалъ „комиссіямъ" попросту закрыться послѣ назначенія Панина,—а членамъ ихъ подать въ отставку. Герценъ вѣрно оцѣнивалъ *идею* этого учрежденія — но онъ идеализировалъ его практику: на самомъ дѣлѣ, комиссіи вѣдь вовсе не были такъ радикальны, чтобы ихъ нельзя было примирить съ Панинымъ. Мы уже видѣли, что и въ до-панинскій періодъ онѣ съ большимъ трудомъ удерживали то неустойчивое равновѣсіе между дворянскими и крестьянскими интересами, которымъ такъ дорожилъ Ростовцевъ — постоянно твердившій, что „крестьянинъ долженъ немедленно почувствовать, что бытъ его улучшенъ, а помѣщикъ—что интересы его ограждены". Съ этого равновѣсія комиссія всегда готова была сойти въ сторону интересовъ помѣщика. Теперь, когда землевладѣльцы окончательно высказались, правительство — сколько бы оно ни дѣлало видъ, что оно „не колеблется" и ни съ чьимъ мнѣніемъ считаться не желаетъ — не услыхать голоса господствующаго класса не могло. Съ Панинымъ или безъ Панина—„уступки" должны были начаться: новый предсѣдатель комиссій имѣлъ значеніе только симптома.

Какъ только начался *второй періодъ* занятій редакціонныхъ комиссій,—когда онѣ должны были пересмотрѣть свои первоначальные проекты въ связи съ „отзывами" на

*) „Матеріалы". II, стр. 381.

**) Самъ Панинъ увѣрялъ вел. кн. Константина Николаевича, что у него, Панина, „есть убѣжденія, сильныя убѣжденія". „Но", прибавилъ онъ, „по долгу вѣрноподданнической присяги, я считаю себя обязаннымъ прежде всего узнавать взглядъ государя. Если я какимъ-либо путемъ, прямо или косвенно, удостовѣрюсь, что государь смотритъ на дѣло иначе, чѣмъ я,—я долгомъ считаю тотчасъ отступить отъ своихъ убѣжденій и дѣйствовать даже совершенно наперекоръ имъ съ тою же и даже съ большею энергіею, какъ если бы я руководствовался моими собственными убѣжденіями". Передававшій эту авто-характеристику современникъ опредѣлилъ ее, какъ „самую совершенную апологію подлости, какую только ему удавалось слышать".

11*

нихъ депутатовъ перваго призыва,— то сразу, при пересмотрѣ перваго же доклада, „основаніе и размѣръ надѣла“, атмосфера сгустилась — и въ воздухѣ запахло „потасовкой“, по выраженію одного изъ членовъ. Члены-эксперты, очевидно, сильнѣе почувствовали толчокъ отъ только что происшедшаго столкновенія комиссій съ депутатами комитетовъ — и сдѣлали явную попытку повернуть назадъ. Членъ-экспертъ Галаганъ, крупный малороссійскій помѣщикъ, выступилъ съ форменнымъ предложеніемъ: отказаться отъ выдвинутаго комиссіями принципа существующаго надѣла и усвоить защищаемый большинствомъ комитетовъ принципъ надѣла „нормальнаго“ — только принявъ норму не одинаковую для всѣхъ имѣній, а, такъ сказать, подвижную, —установивъ для каждой мѣстности maximum и minimum нормальнаго надѣла. Галагана поддержало еще нѣсколько человѣкъ. Милютинъ (предсѣдательствовавшій за болѣзнью Ростовцева) страшно взволновался. „Намъ нечего скрывать“, говорилъ онъ Галагану, „вашими возраженіями уничтожается существо нашего положенія“. Но попытка подавить противника безапелляціонной ссылкой на высочайшую волю совершенно не удалась временному замѣстителю Ростовцева — Галаганъ, очевидно, о настроеніи этой воли имѣлъ болѣе или менѣе правильное представленіе. Пришлось заставить появиться на сцену больного Ростовцева: слѣдующее засѣданіе происходило въ его квартирѣ, такъ какъ прійти въ комиссію онъ не могъ и даже „едва сидѣлъ“, по собственному его признанію. Аргументы, къ которымъ долженъ былъ прибѣгнуть Ростовцевъ, чтобы провести „во второмъ чтеніи“ основной принципъ комиссій, очень напоминали положеніе утопающаго, хватающагося за соломинку. Онъ стращалъ Галагана пугачевщиной—которая на того, повидимому, подѣйствовала нѣсколько сильнѣе, чѣмъ аргументъ предыдущаго засѣданія — и просилъ сохранить основаніе существующаго надѣла „въ заглавіи, *какъ вывѣску*“. При этомъ онъ весьма недвусмысленно давалъ понять, что на практикѣ отъ этого принципа будутъ сдѣланы всѣ возможныя отступленія, но что для этого нужно подождать, пока комиссіи перейдутъ къ конкретному выясненію размѣровъ надѣла на практикѣ. „Я хозяинъ“, говорилъ, въ видѣ пояснительной притчи Ростовцевъ, „а вы гости. Вдругъ одинъ изъ гостей, приглашенныхъ на обѣдъ, потребовалъ бы жаренаго: дозвольте, тутъ есть горячее, тутъ есть еще соусъ, и я, какъ хозяинъ, предъявляю, что жареное будетъ, но надо повременить, его подадутъ въ своемъ мѣстѣ“. Докладъ прошелъ — но два эти засѣданія (18 и 23 ноября 1859 года) были самымъ мрачнымъ предзнаменованіемъ для будущности принятаго комиссіями „основного принципа“. Слѣдующее засѣданіе, 3 декабря, и началось съ чтенія „предложенія“ Ростовцева — „обратить особенное вниманіе на пересмотръ высшаго душевого надѣла“. Хотя при отрѣзкѣ здѣсь и рекомендовалась „величайшая осторожность“, но тѣмъ не менѣе настойчиво указывалось на необходимость соблюдать, какъ непремѣнное условіе, „чтобы размѣръ и оцѣнка высшаго

надѣла *сколь возможно не измѣняя нынѣшній доходъ помѣщика съ его поземельной собственности*. Вслѣдствіе этого назначеніе цифры maximum'а для каждой мѣстности требуетъ самыхъ тщательныхъ соображеній"...

Это значило предложить комиссіямъ на рѣшеніе квадратуру круга: какъ вышли комиссіи изъ затрудненія, покажутъ нѣсколько примѣровъ. Черноземныя губерніи, по отношенію къ размѣрамъ надѣла, были первоначально раздѣлены комиссіями на три „мѣстности" съ максимальнымъ надѣломъ въ 3, $3^1/_2$ и $4^1/_2$ десятины, смотря по цѣнѣ земли въ данной „мѣстности". Минимальный надѣлъ былъ принятъ въ $^2/_5$ максимальнаго —т. е. для самой дорогой полосы онъ составлялъ $1^1/_5$ десятины. Припомнимъ, что обязательнымъ для помѣщика былъ только этотъ минимальный надѣлъ — и то не безъ исключеній: если по выдѣлѣ крестьянской пашни у помѣщика оставалось не болѣе $^1/_3$ всей земли, онъ не былъ обязанъ прирѣзывать землю крестьянамъ, даже если у нихъ было ея и меньше minimum'а. Во второй редакціи эта оговорка была еще усилена — было сказано „о сохраненіи во всякомъ случаѣ за владѣльцемъ не менѣе одной трети" etc· Казалось бы, дальше, въ смыслѣ огражденія помѣщичьихъ интересовъ, было трудно итти. Однако комиссіи во второмъ періодѣ своихъ занятій сдѣлали еще шагъ. Онѣ вмѣсто трехъ полосъ раздѣлили черноземныя губерніи на *шесть* съ максимальными надѣлами въ $2^3/_4$, 3, $3^1/_2$, 4, $4^1/_2$ и 6 десятинъ на душу (послѣдняя полоса была переходной къ степнымъ губерніямъ и обнимала тѣ мѣстности, гдѣ сохранились признаки залежнаго хозяйства). Минимальный же, т. е. болѣе или менѣе обязательный для помѣщика надѣлъ, былъ принятъ въ $^1/_3$ максимальнаго. Вслѣдствіе этого для двухъ уѣздовъ Тульской губерніи и семи уѣздовъ Курской получились минимальные „кошачьи" надѣлы — въ 2.200 кв. саженъ (0,92 десятины) на душу. Такимъ образомъ классическое малоземелье этихъ мѣстностей отнюдь не было косвеннымъ результатомъ неудачнаго или недобросовѣстнаго п иміненія принциповъ реформы, — а было сознательно предустановлено тѣмъ самымъ учрежденіемъ, которое, по словамъ его предсѣдателя, еще „наклоняло вѣсы въ сторону крестьянъ". Огрѣзка должна была коснуться въ этой мѣстности по нѣкоторымъ уѣздамъ 37—41% общаго числа душъ, — а по одному даже 57%: такимъ образомъ никакъ нельзя было сказать, что отрѣзкѣ „подверглось возможно ограниченное число крестьянъ", какъ этого хотѣло „предложеніе" Ростовцева отъ 3 декабря. Размѣры же отрѣзки здѣсь составляли отъ 0,33 до 0,88 десятинъ на душу: т. е. максимальная отрѣзка почти равнялась минимальному надѣлу *).

*) Во *второй* черноземной мѣстности (10 уѣздовъ Рязанской губерніи, 3—Тамбовской, 2—Воронежской, 2—Харьковской, 8—Курской, 9—Тульской, неполныхъ 6 — Орловской и 3—Пензенской) съ низшимъ надѣломъ немного больше первой—въ 1 десятину—отрѣзка по отдѣльнымъ уѣздамъ доходила до 49% душъ, а въ среднемъ захватывала около $^1/_3$. Размѣры ея составляли отъ $^1/_2$ до $^3/_4$ дес. на душу — а въ орловскомъ уѣздѣ доходили почти до 1 десятины. Въ *третьей* мѣстности (32 уѣзда и

Какъ видимъ, уже въ редакціонныхъ комиссіяхъ—и притомъ въ ростовцевскій періодъ ихъ дѣятельности—отрѣзки у крестьянъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ земля имѣла для помѣщика цѣну, приняли характеръ настоящей экспропріаціи надѣльныхъ земель въ пользу барской запашки—однимъ рѣшительнымъ ударомъ завершая ту эволюцію, которая медленно развертывалась на черноземномъ югѣ съ начала столѣтія. Редакціоннымъ комиссіямъ оставалось только утѣшать себя, что „какъ бы ни былъ малъ наименьшій размѣръ надѣла, бытъ *безземельныхъ* крестьянъ, сравнительно съ настоящимъ тяжелымъ ихъ положеніемъ, сдѣлается лучше". Пролетаріата все-таки не будетъ,—а съ точки зрѣнія государственнаго интереса это главное, такъ какъ,—аргументировали комиссіи въ другомъ мѣстѣ,—„коалиціи работниковъ, коллективная оппозиція противъ капиталистовъ и властей, со всѣми ихъ послѣдствіями,.. развились почти исключительно въ тѣхъ сословіяхъ, въ которыхъ распущенныя личности, *несвязанныя никакимъ общимъ поземельнымъ интересомъ* и предоставленныя самимъ себѣ, сознали свою единичную слабость и сложились въ искусственные союзы, враждебные правительству, собственности и общественному порядку"... Тамъ, гдѣ у крестьянина есть хоть квадратная сажень земли, привязывающая его къ „естественному" союзу-общинѣ съ круговой порукой—нѣтъ мѣста ничему подобному.

Для полноты картины этого отступленія редакціонныхъ комиссій—отступленія, повторимъ это еще разъ, не принципіальнаго, не качественнаго, а чисто *количественнаго*—приходится еще взглянуть на другую сторону. Если въ принципѣ допускалась *отрѣзка* земли у крестьянъ въ пользу помѣщика, какъ исключеніе, — то точно такъ же, тоже какъ исключеніе, допускалось и противоположное—*прирѣзка* земли помѣщикомъ къ крестьянскому надѣлу, если онъ былъ ниже minimum'а. Насколько мало исключеніемъ было первое, мы сейчасъ видѣли. Что же касается прирѣзки, то таковая во всей черноземной полосѣ должна была коснуться 18.302 душъ въ 59 имѣніяхъ и добавить имъ 5.473 десятины земли. Такъ какъ вся площадь надѣльной земли въ этой полосѣ составляла 9.841.000 десятинъ, то въ % увеличеніе крестьянскаго надѣла составитъ 0,06%. Въ этомъ состояла экспропріація помѣщичьихъ земель въ пользу крестьянъ по проектамъ редакціон-

---

частью еще 3 уѣзда губерній: Харьковской, Воронежской, Тамбовской, Нижегородской, Симбирской, Курской, Орловской, Пензенской, Казанской), отрѣзки въ отдѣльныхъ случаяхъ затрагивали болѣе 80% душъ—т. е. подавляющее большинство крестьянъ, а величина ихъ въ пензенскомъ уѣздѣ доходила до 1,32 десятины на душу—т. е. превышала минимальный надѣлъ этой мѣстности ($1^1/_6$ дес. на душу). Въ *четвертой* мѣстности (приволжскіе уѣзды Казанской и Самарской губерній) отрѣзка захватывала отъ 36 до 50% всего числа душъ и доходила (въ свіяжскомъ уѣздѣ Казанской губ.) до 2,83 дес. на душу—т. е. была вдвое больше минимальнаго надѣла этой мѣстности ($1^1/_3$ дес.). Всего меньше была отрѣзка въ 5-й и 6-й мѣстностяхъ — наиболѣе многоземельныхъ. Благодаря имъ и получалась успокоительная средняя: во всей черноземной полосѣ число имѣній съ отрѣзками редакціонныя комиссіи насчитывали около 25%.

ныхъ комиссій *второго* періода. Въ *третьемъ* періодѣ своихъ занятій, „когда имѣвшіяся свѣдѣнія вполнѣ разъяснили предметъ“, комиссіи „нашли возможнымъ еще болѣе уменьшить число случаевъ прирѣзки“. А именно: губернскія присутствія получили право освобождать помѣщика отъ прирѣзки при всякомъ размѣрѣ надѣла и при всякихъ относительныхъ размѣрахъ барской запашки, если присутствія найдутъ, что „бытъ крестьянъ обезпеченъ или встрѣчаются какія-либо препятствія къ прирѣзкѣ земли“.

Исходной точкой для дальнѣйшаго движенія комиссій по усвоенному ими пути въ этомъ *третьемъ* періодѣ послужило появленіе въ Петербургѣ второй группы депутатовъ отъ губернскихъ комитетовъ — такъ называемыхъ „депутатовъ второго приглашенія“.

„Большая часть новыхъ представителей губернскихъ комитетовъ *) были свидѣтелями всего, что свѣжо происходило на дворянскихъ выборахъ вслѣдствіе циркуляра министра внутреннихъ дѣлъ. На нихъ лежала какъ бы обязанность отомстить правительству за всѣ нанесенныя дворянству обиды. Одинъ изъ нихъ, напр., пензенскій депутатъ Горсткинъ, былъ тотъ самый, который недавно еще въ московскомъ Англійскомъ клубѣ грозилъ кн. Черкасскому, что по прибытіи въ Петербургъ, депутаты обнаружатъ всѣ скрытые преступные замыслы редакціонныхъ комиссій. Сверхъ того, депутаты второго приглашенія имѣли все необходимое время, чтобы на досугѣ изучить предположенія комиссій“ *).

Можно было ожидать столкновенія, еще болѣе горячаго, чѣмъ въ первый разъ: но ничего такого не произошло. Даже бесѣда съ членами комиссій знаменитаго Горсткина кончилась рукопожатіями и комплиментами. Острый моментъ явно проходилъ. Одинъ изъ депутатовъ перваго приглашенія—тотъ же Кошелевъ — обратился къ второочереднымъ представителямъ дворянства съ открытымъ письмомъ, распространявшимся въ спискахъ. Здѣсь онъ, на основаніи горькаго опыта своего и своихъ товарищей, настаивалъ на томъ, чтобы ихъ преемники не дробились на группы и кружки, а объединились вокругъ двухъ основныхъ требованій — обязательнаго выкупа и той умѣренной программы политическихъ реформъ, которую выдвинулъ Унковскій. Но и то, и другое уже устарѣло: необходимость политическихъ реформъ умѣреннаго типа, — и притомъ именно, какъ противоядіе противъ исключительнаго вліянія дворянства,—была сознана правительствомъ Александра II уже давно: изъ проектовъ Унковскаго новостью былъ только судъ присяжныхъ—но домогаться его вовсе не входило въ классовые интересы помѣщиковъ. Логическимъ остріемъ дворянскихъ требованій являлась сословная конституція: но опять-таки классовые интересы крупнаго и средняго землевладѣнія вовсе не такъ настойчиво ея требовали, чтобы рѣшиться второй разъ дразнить этимъ краснымъ

*) Ихъ было всего 45 человѣкъ отъ 20 губернскихъ комитетовъ и 2 „общихъ комиссій“, виленской и кіевской.

*) „Матеріалы“. II, 394.

платкомъ монарха, абсолютно не переносившаго мысли, что его власть чѣмъ-нибудь и когда-нибудь можетъ быть ограничена. Новый, европейскій способъ проводить свои сословныя требованія рѣшительно не удавался: но никто не мѣшалъ прибѣгнуть къ старому — дѣйствовать черезъ дворцовую переднюю. Имѣя теперь „своего человѣка“ даже во главѣ редакціонныхъ комиссій, этимъ испытаннымъ путемъ можно было достигнуть очень многаго. Было вполнѣ естественно, что дворяне къ нему обратились, и что ходъ крестьянскаго дѣла принялъ еще болѣе „николаевскій“ характеръ, чѣмъ онъ имѣлъ раньше. Но при данной ситуаціи было бы наивностью, если бы они этимъ путемъ стали домогаться обязательнаго выкупа, какъ совѣтовалъ имъ Кошелевъ. Обязательный выкупъ обозначалъ постановку всей реформы подъ сильнѣйшій контроль правительства, — той самой „бюрократіи“, съ которой дворянство воевало. Пока помѣщики еще надѣялись покорить противника себѣ „подъ нози“—они могли стоять за эту форму ликвидаціи крѣпостного хозяйства. Теперь, когда дѣло шло на компромиссъ, вопросъ стоялъ иначе. Дворянству нуженъ былъ возможно полный просторъ отъ вмѣшательства органовъ администраціи, какъ центральной, такъ и мѣстной. И между депутатами второго призыва была особенно популярна идея „добровольныхъ соглашеній“ помѣщиковъ съ крестьянами,—легшая въ основу проекта, выработаннаго петербургскимъ дворянствомъ съ согласія императора*). Согласно этому проекту, для „добровольныхъ соглашеній“ относительно земли назначался трехгодичный срокъ: по окончаніи его въ тѣхъ имѣніяхъ, гдѣ соглашенія не состоялись, вводился „нормальный надѣлъ“,—какъ мы знаемъ, любимая мысль большинства комитетовъ.

Но въ концѣ концовъ большинство депутатовъ „второго приглашенія“ нашло и этотъ проектъ недостаточно радикальнымъ — и обратилось къ Панину съ письмомъ, гдѣ требовало абсолютной свободы соглашеній (по истеченіи извѣстнаго переходнаго срока) въ томъ quasi-манчестерскомъ духѣ, какимъ были проникнуты нѣкогда рѣчи Шувалова и Паскевича (см. 3. Редакціонныя комиссіи). Это письмо было кульминаціоннымъ пунктомъ дворянской реакціи въ экономическомъ вопросѣ: какъ всѣ идеальныя требованія, оно не воплотилось въ жизнь цѣликомъ, но Александръ Николаевичъ отнюдь не желалъ обострять вторично своихъ отношеній къ дворянству — и притомъ изъ-за экономики. Редакціоннымъ комиссіямъ пришлось сдѣлать еще нѣсколько шаговъ по пути къ „уступкамъ“: было введено болѣе дробное раздѣленіе полосъ на „мѣстности“ (которыхъ теперь въ *черноземной* полосѣ оказалось 10, а въ *нечерноземной* 11) съ такимъ расчетомъ, чтобы путемъ мелкихъ отрѣзокъ еще болѣе понизить maximum надѣла въ той или другой „мѣстности“. Въ результатѣ

*) Едва ли нужно прибавлять, что этотъ проектъ шелъ навстрѣчу желаніямъ самаго крупнаго землевладѣнія,—однимъ изъ представителей котораго въ редакціонныхъ комиссіяхъ и былъ именно петербургскій предводитель гр. Шуваловъ. См. выше 3. Редакціонныя комиссіи.

получились „наивысшіе“ надѣлы менѣе *среднихъ* надѣловъ государственныхъ крестьянъ въ той же „мѣстности“ *).

Конецъ совмѣстныхъ занятій комиссій и депутатовъ 2-го приглашенія ознаменовался дружескимъ обѣдомъ, на которомъ говорились рѣчи о неприкосновенности священнаго права собственности—со ссылками на договоры Олега и Игоря съ греками — и злѣйшій „бюрократъ“ изъ сидѣвшихъ въ комиссіяхъ, Я. Соловьевъ, провозгласилъ тостъ въ честь губернскихъ комитетовъ. То было символическое примиреніе двухъ группъ дворянства, такъ рѣзко разошедшихся было полтора года назадъ. И, глядя на эту сцену, русскій крестьянинъ могъ повторить, нѣсколько переиначивъ, слова, которыми одинъ московскій купецъ привѣтствуетъ примиреніе между боярами въ извѣстной драмѣ А. Толстого: „помирились вы нашими землями!“

Съ открытіемъ старыхъ путей воздѣйствія „общества“ на „правительство“, редакціонныя комиссіи совершенно утратили то значеніе самостоятельнаго учрежденія, автономно рѣшающаго вопросъ, какое онѣ имѣли по первоначальному плану. Чѣмъ ближе дѣло подходило къ концу, тѣмъ становилось яснѣе, что послѣднее слово „тайные совѣтники“ оставятъ все же за собой, а послѣ всѣхъ выскажется самъ императоръ. Уже лѣтомъ 1860 года Панинъ попытался дѣйствовать не какъ предсѣдатель, а какъ „начальникъ“ комиссій. А когда Милютинъ и его кружокъ дали ему отпоръ, онъ попросту отложилъ свои возраженія до того времени, когда комиссій уже не будетъ — до рѣшенія дѣла въ главномъ комитетѣ. Ввести въ этотъ послѣдній хотя бы одного Милютина не удалось, — несмотря на то, что за него хлопоталъ великій князь Константинъ Николаевичъ. 10 октября 1860 года комиссіи были офиціально закрыты—причемъ у нихъ предварительно не спросили даже, смогутъ ли онѣ кончить свое дѣло къ этому сроку. Чтобы нѣсколько

---

*) Высшій надѣлъ былъ установленъ:

			Средній госуд. крест. (безъ лѣса).
Черноземная полоса:			
въ 1-й мѣстн.	$2\frac{3}{4}$ дес.	(13 уѣз.).	3,14 дес.
„ 2-й „	3 „	(49 „).	3,35 „
„ 3-й „	$3\frac{1}{4}$ „	(12 „).	3,51 „
„ 4-й „	$3\frac{1}{2}$ „	(20 „).	4,19 „
„ 5-й „	4 „	(13 „).	4,85 „
„ 6-й „	$4\frac{1}{4}$ „	(5 „).	6,60 „
„ 7-й „	$4\frac{1}{2}$ „	(13 „).	5,18 „
„ 8-й „	5 „	(3 „).	5,30 „
„ 9-й „	$5\frac{1}{2}$ „	(8 „).	8,12 „
„ 10-й „	6 „	(8 „).	7,79 „
Степная полоса:			
	9 „	(10 „).	14,60 „
Нечерноземная полоса:			
1-я мѣстн.	$3\frac{1}{4}$ „	(22 „).	2,82 „
2-я „	$3\frac{1}{2}$ „	(14 „).	3,09 „
3-я „	$3\frac{3}{4}$ „	(6 „).	3,00 „
4-я „	4 „	(43 „).	3,57 „
5-я „	$4\frac{1}{4}$ „	(8 „).	3,58 „
6-я „	$4\frac{1}{2}$ „	(34 „).	3,84 „
7-я „	5 „	(44 „).	3,80 „
8-я „	$5\frac{1}{2}$ „	(25 „).	3,60 „
9-я „	6 „	(14 „).	4,74 „
10-я „	7 „	(3 „).	2,67 „
11-я „	8 „	(20 „).	8,02 „

Какъ видимъ, на нечерноземномъ сѣверѣ,—тамъ, гдѣ, по откровенному выраженію одного помѣщика, современника реформы, „земля почти ничего не стоила“, на нее не скупились—помѣщичьи интересы ограждались тамъ иными путями. Сопоставляя эти цифры, необходимо имѣть въ виду, что 8-мидесятинный надѣлъ впослѣдствіи совсѣмъ исчезъ изъ таблицы, а прочія нормы хотя и не измѣнились, но цѣлый рядъ уѣздовъ былъ перемѣщенъ въ слѣдующій низшій разрядъ. См. ниже.

загладить эту грубость, Ланской добился у императора прощальной аудіенціи для членовъ комиссій. Она состоялась 1 ноября—и едва ли могла поправить впечатлѣніе. Александръ Николаевичъ довольно сухо поблагодарилъ за „добросовѣстные труды" орудія своего „новаго курса"—ставшаго теперь устарѣлымъ, — и тутъ же кстати упомянулъ о „несовершенствахъ" всякаго труда, и о томъ, что „можетъ быть, придется многое измѣнить". Только подъ самый конецъ рѣчи прозвучало нѣсколько теплыхъ нотъ, но заключительный аккордъ—особая благодарность Панину, отношеніе котораго къ членамъ комиссій въ послѣднее время было прямо враждебнымъ,—долженъ былъ заглушить и ихъ.

А затѣмъ дѣло пошло такъ, какъ будто „нормальный" ходъ его съ ноября 1857 года ничѣмъ не прерывался. 10-го же октября происходило первое засѣданіе главнаго комитета по крестьянскому дѣлу для разсмотрѣнія проекта „Положенія"—причемъ со всѣхъ членовъ, по высочайшему повелѣнію, было взято обязательство, что о всемъ происходящемъ въ комитетѣ они будутъ хранить безусловную тайну. „Открывшійся" 20 ноября 1857 года комитетъ вновь сталъ „секретнымъ", какъ во времена Николая Павловича. Любопытнѣе всего, что секретъ распространялся и на бывшихъ членовъ редакціонныхъ комиссій, которые были лишены всякой возможности знать, что же собираются дѣлать съ плодами ихъ усидчивой полуторагодичной работы. Не мудрено, что, какъ и во времена Николая Павловича, темнота тотчасъ же наполнилась самыми невѣроятными слухами — причемъ не казалась исключенной даже и возможность, что никакой реформы вовсе не будетъ... На самомъ дѣлѣ, въ главномъ комитетѣ продолжалась та же ожесточенная борьба, которая, при дневномъ свѣтѣ, происходила со времени встрѣчи депутатовъ перваго призыва съ редакціонными комиссіями—борьба изъ-за земли. Принципіальнаго вопроса никто не поднималъ. Изъ сторонниковъ обязательнаго выкупа въ комитетѣ оказался одинъ Блудовъ. Добровольныя соглашенія защищалъ кн. Гагаринъ, но и то съ поправкой, что по 1 десятинѣ крестьяне все-таки должны получить непремѣнно: это было въ сущности только количественное отличіе отъ проекта комиссій, которыя для отдѣльныхъ мѣстностей сами допускали минимальный надѣлъ даже и меньше 1 десятины. Но и Гагарина почти никто не поддерживалъ. Большинство, съ предсѣдателемъ вел. кн. Константиномъ Николаевичемъ во главѣ, стояло за проектъ редакціонныхъ комиссій,—но для абсолютнаго большинства этой группѣ не хватало одного голоса: такъ какъ въ комитетѣ образовалась еще четвертая группа, съ министромъ госуд. имуществъ М. Н. Муравьевымъ (Виленскимъ) во главѣ, стоявшая просто за отсрочку окончательной ликвидаціи поземельныхъ отношеній „впредь до обмежеванія и кадастрированія всѣхъ владѣльческихъ дачъ"—т. е. на неопредѣленное время. Внѣ всякихъ группъ стоялъ Панинъ—много говорившій о неуклонномъ соблюденіи высочайшей воли, но рѣшительно отказывавшійся признать заключенія высочайше учрежденныхъ и состояв-

шихъ полгода подъ его предсѣдательствомъ редакціонныхъ комиссій по 4 пунктамъ: онъ стоялъ за вотчинную полицію помѣщиковъ, возставалъ противъ идеи „безсрочнаго пользованія" и, въ связи съ этимъ, противъ „ограниченія правъ собственности помѣщика на его землю",—наконецъ, требовалъ дальнѣйшаго пониженія maximum'a крестьянскаго надѣла — т. е. дальнѣйшихъ отрѣзковъ. Такъ какъ только голосъ Панина могъ сдѣлать большинство большинствомъ, то въ концѣ концовъ онъ и оказался вершителемъ судебъ русскаго крестьянства. Насчетъ безсрочнаго пользованія его удалось убѣдить, что тутъ лишь юридическая фикція, вполнѣ безобидная для помѣщика; вотчинной полиціей онъ тоже соглашался поступиться,—но насчетъ земли онъ былъ неумолимъ. И вотъ длинный и сложный процессъ, съ небывалой въ Россіи широтой и публичностью развертывавшійся въ теченіе двухъ лѣтъ передъ всѣмъ обществомъ, закончился чрезвычайно домашней сценой, живо напоминавшей, какъ вершились дѣла за „выгибнымъ столикомъ" въ уборной Екатерины II. Бывшій предсѣдатель редакціонныхъ комиссій съ бывшимъ ихъ секретаремъ, П. Семеновымъ, въ сотрудничествѣ нѣсколькихъ чиновниковъ министерства юстиціи, спѣшно и горячо перекраивали крестьянскіе надѣлы, еще уцѣлѣвшіе отъ операцій, производившихся надъ ними ранѣе. „Мѣстности съ 8 десятинами высшаго надѣла были совсѣмъ отброшены изъ провѣрки, съ общимъ переводомъ изъ 8-мидесятинныхъ надѣловъ на 7 - мидесятинные", разсказываетъ очевидецъ этой достопамятной сцены. „Тамъ, гдѣ высшій надѣлъ былъ предположенъ въ $3^3/_4$ десятины, вмѣсто этого размѣра было принято назначать $3^1/_2$ или 4 десятины, смотря по мѣстному положенію. Когда дошли до даниловскаго уѣзда Ярославской губерніи, и гр. Панинъ спросилъ Топильскаго" (чиновника министерства юстиціи, до сего момента не имѣвшаго никакого касательства къ аграрному вопросу), „какую принять въ немъ цифру для высшаго размѣра, послѣдній (т. е. Топильскій) не понялъ и сказалъ: $4^1/_2$ десятины. Гр. Панинъ, прочтя выставленную въ вѣдомостяхъ цифру сказалъ: „А я думалъ $3^1/_2$ десятины". Я замѣтилъ, что въ даниловскомъ уѣздѣ мало земли у помѣщиковъ, и надѣлы крестьянъ въ натурѣ вообще не велики. Тогда графъ опять спросилъ Топильскаго: какъ же рѣшить? Топильскій отвѣчалъ, что—въ такомъ случаѣ 4 десятины" *). Попытка Панина сбить наименьшій maximum (для чернозема) до $2^1/_2$ десятинъ однако не удалась—мы видѣли, что и при maximum'ѣ комиссій уже наименьшій надѣлъ и безъ того почти равнялся обезземеленію. Просидѣвъ еще нѣсколько часовъ за этой работой, Панинъ оттягалъ $^1/_2$ десятины надѣла у новороссійскихъ крестьянъ: тогда было уже 12 часовъ ночи. Позднее время спасло русское крестьянство отъ худшаго.

Съ присоединеніемъ Панина въ главномъ комитетѣ образовалось прочное большинство — и Муравьеву съ его „тормазовой методой" **) при-

*) Семеновъ, назв. соч., III, ч. 2-я, стр. 770—771.

**) Выраженіе Валуева.

шлось стушеваться. Попытка его сочинить наскоро контръ-проектъ—при участіи Валуева — тоже потерпѣла неудачу. Ему и его другу, шефу жандармовъ кн. В. А. Долгорукову, пришлось пустить въ ходъ самыя грубыя средства, чтобы повліять на исходъ дѣла. Долгоруковъ, напримѣръ, разсказывалъ, что „въ виду общаго неудовольствія дворянства, ежедневно заявляемаго получаемыми на Высочайшее имя письмами, онъ, Долгоруковъ, не отвѣчаетъ за общественное спокойствіе, если предположенія редакціонныхъ комиссій будутъ утверждены". *) Но выставлять такія угрозы значило совсѣмъ не понимать характера Александра Николаевича: бояться дворянской революціи въ 1860 году было бы смѣшно, а дворянская фронда, не пугая, могла его только раздражать. Свое отношеніе къ подобнымъ толкамъ императоръ рѣзко подчеркнулъ въ послѣднемъ засѣданіи главнаго комитета, 26 января 1861 года, которое опять происходило подъ его предсѣдательствомъ. „Вы должны помнить", внушительно замѣтилъ Александръ Николаевичъ, „что въ Россіи издаетъ законы самодержавная власть".

Самодержавная власть повелѣла „окончить дѣло къ 15 февраля". При такихъ условіяхъ обсужденіе проекта въ государственномъ совѣтѣ было чистой формальностью,—тѣмъ болѣе, что по установившемуся еще при Николаѣ обычаю императоръ могъ соглашаться и съ меньшинствомъ,—чѣмъ Александръ II при обсужденіи „Положенія 19 февраля" и пользовался очень часто. Тѣмъ не менѣе крестьянскіе надѣлы пострадали еще разъ и здѣсь. Но самая главная брешь въ проектѣ редакціонныхъ комиссій — право помѣщиковъ ликвидировать свои отношенія къ крестьянамъ, предоставивъ имъ *даромъ* ничтожный надѣлъ (въ $^1/_4$ максимальнаго) — имѣла за себя большинство уже въ главномъ комитетѣ. *) Такъ какъ „кошачьи" надѣлы допускались, какъ мы видѣли, для отдѣльныхъ мѣстностей и редакціонными комиссіями, то принципіальнаго противорѣчія и здѣсь не было. Введеніе этого „нищенскаго" или, какъ его еще называли, „гагаринскаго" надѣла (по имени предложившаго его кн. Гагарина),—привязывавшаго крестьянъ къ мѣсту, но отнюдь не обезпечивавшаго ихъ, только сильнѣе подчеркнуло основную тенденцію всей реформы—превращеніе крѣпостного крестьянина въ полусвободнаго батрака съ надѣломъ.

Легенда 19 февраля начала слагаться съ самаго же дня реформы,—даже, можно сказать, раньше этого дня. За нѣсколько дней до этой достопамятной даты, лейбъ-публицистъ императора Николая въ послѣдніе мѣсяцы его жизни, Погодинъ, писалъ о предстоящемъ освобожденіи крестьянъ: „Есть ли въ исторіи европейской, всемірной, событіе чище, выше, благороднѣе этого, событіе равное, подобное этому? Найдите, укажите мнѣ его! Русскіе люди! Русскіе люди! На колѣни! Молитесь, молитесь Богу за это высокое, несравненное счастье, всѣмъ намъ ниспосылаемое, за это безпримѣрное въ лѣтописяхъ ощущеніе, которое всѣхъ насъ ожидаетъ,

*) Барсуковъ. Жизнь и труды М. П. Погодина. Т. XVII, стр. 213.

*) См. Семеновъ, назван. соч., т. III, часть 2, стр. 762.

за эту великолѣпную страницу, которою украшается отечественная исторія“.

Погодинъ былъ консерваторъ и патріотъ стараго закала, но онъ не былъ наемнымъ перомъ. Ту же мысль, въ менѣе аляповатой формѣ, можно было встрѣтить и у либеральныхъ историковъ, и даже у лидеровъ россійскаго либерализма долго спустя. Дѣйствительно ли 19 февраля было такой свѣтлой катастрофой въ русской исторіи? Дѣйствительно ли можно говорить о „паденіи крѣпостного права въ Россіи“ 19 февраля 1861 г.? Бѣглаго взгляда на „Положеніе 19 февраля“ достаточно, чтобы съ полной опредѣленностью отвѣтить на этотъ вопросъ. Крѣпостное право слагалось изъ трехъ элементовъ: во-первыхъ, права помѣщика на трудъ крестьянина, непосредственно, въ видѣ барщины, и посредственно, въ видѣ натуральнаго и денежнаго оброка; во-вторыхъ, права помѣщика на ту землю, на которой сидѣли крестьяне (исторически первое право вытекало изъ второго); въ-третьихъ, изъ нѣкоторыхъ функцій государственнаго, полицейскаго и судебнаго характера, которыя помѣщикъ осуществлялъ не въ силу лично принадлежавшаго ему права, а какъ агентъ центральной власти. Второй изъ отмѣченныхъ нами элементовъ крѣпостного права былъ объявленъ подлежащимъ выкупу— но только съ согласія помѣщика: лишь въ 1883 году выкупъ сталъ обязательнымъ. Какъ фактически была обставлена выкупная операція— этимъ мы займемся въ заключеніе настоящаго очерка. Юридически помѣщикъ остался собственникомъ всей земли своего имѣнія и послѣ 19 февраля. Очевидно, долженъ былъ остаться въ силѣ и первый изъ указанныхъ выше элементовъ крѣпостного права: помѣщикъ второй половины XIX вѣка, какъ и помѣщикъ первой половины XVII, могъ требовать съ крестьянъ въ обмѣнъ за землю повинностей — натуральныхъ или денежныхъ,—барщины или оброка. Сохранило ли „Положеніе 19 февраля“ барщину и оброкъ?—Вполнѣ. „Положеніе“ отмѣнило лишь различные мелкіе виды натуральнаго оброка: птицею, баранами, разными съѣстными припасами, холстомъ, пряжею, шерстью и проч.—остатки натуральнаго хозяйства, не имѣвшіе ровно никакого экономическаго значенія во второй половинѣ XIX вѣка. Денежный оброкъ остался и не былъ даже фиксированъ, какъ того первоначально хотѣли редакціонныя комиссіи: черезъ 20 лѣтъ—т. е. къ тому времени, когда новыя экономическія условія должны были сказаться со всей силой, помѣщикъ могъ потребовать переоброчки и увеличенія платежей. Еще меньшему измѣненію подверглась барщина: мужская осталась совсѣмъ въ прежнемъ видѣ. Правда, помѣщикъ не имѣлъ права требовать себѣ болѣе *трехъ* дней въ недѣлю: но, во-первыхъ, *по закону* на большее онъ не имѣлъ права уже со времени императора Павла; а во-вторыхъ, сами редакціонныя комиссіи уже согласились, чтобы $^{3}/_{5}$ барщинныхъ дней было взято помѣщиками въ лѣтнее, рабочее время — такъ что даже и по закону барщина въ страдную пору оказывалась выше трехдневной. Затѣмъ остается уменьшеніе женской барщины до *двухъ* дней въ недѣлю: это было единственное, что оправды-

вало терминъ „облегченіе“ въ манифестѣ. Но мы видѣли, что за исключеніемъ мало населенныхъ губерній нижняго Поволжья, барщина всюду была въ разной степени невыгодна самимъ помѣщикамъ: прогрессивныя имѣнія въ ней, собственно говоря, уже не нуждались. Отсталымъ нужно было дать только время на переходъ къ новымъ формамъ хозяйства: вотъ почему совсѣмъ уже дешевымъ благодѣяніемъ было предоставленіе крестьянамъ права по истеченіи двухъ лѣтъ требовать перевода ихъ съ барщины на оброкъ. Въ этомъ пунктѣ „Положеніе“ особенно ярко отражаетъ непреодолимую силу экономической тенденціи, которая заставляетъ хозяйство въ интересахъ класса итти впередъ, хотя бы по трупамъ наиболѣе отсталыхъ хозяевъ: не умѣлъ самъ приспособиться къ условіямъ товарнаго производства, не мѣшай, по крайней мѣрѣ, крестьянамъ. Но для того, чтобы воспользоваться этимъ прогрессивнымъ шагомъ закона въ своемъ собственномъ интересѣ, крестьянинъ долженъ былъ стать тѣмъ „свободнымъ сельскимъ обывателемъ“, тѣмъ „мелкимъ земельнымъ собственникомъ“, о какомъ мечтало охваченное антидворянскимъ настроеніемъ правительство осенью 1858 года. Дѣлало ли „Положеніе“ крестьянина тѣмъ и другимъ? Отвѣчая на первый вопросъ, мы подходимъ къ третьему, указанному нами элементу крѣпостного права—и зная проектъ редакціонныхъ комиссій даже въ его первоначальномъ видѣ, мы уже можемъ отвѣтить на этотъ вопросъ отрицательно. До момента учрежденія волостныхъ правленій помѣщикъ сохранялъ всю ту судебно-полицейскую власть, которая ему принадлежала и ранѣе. Съ момента ихъ учрежденія эта власть фактически переходила къ другому помѣщику, который въ первоначальномъ проектѣ носилъ названіе *мирового судьи*, а въ окончательномъ сталъ называться *мировымъ посредникомъ*,—и которому волостной старшина, выборный крестьянскій начальникъ волости, былъ вполнѣ и непосредственно подчиненъ. Въ проектѣ редакціонныхъ комиссій была единственная черта, позволявшая говорить о крестьянскомъ самоуправленіи: мировой посредникъ по этому проекту, хотя и былъ непремѣнно дворянинъ-помѣщикъ, хотя и выбирался изъ списка кандидатовъ, просмотрѣннаго и одобреннаго мѣстными дворянами,—но выбирался онъ все-таки крестьянами черезъ особыхъ уполномоченныхъ. Въ главномъ комитетѣ и этотъ послѣдній проблескъ *само*управленія исчезъ: непосредственный начальникъ волостного старшины назначался изъ среды дворянъ и отчасти съ ихъ одобренія и по ихъ указанію—но назначался общей администраціей, въ лицѣ губернатора. То, что потеряли крестьяне, перешло не прямо къ мѣстнымъ помѣщикамъ, но къ правящей дворянской группѣ, въ лицѣ ея мѣстнаго агента: на счетъ власти отдѣльнаго помѣщика усилилось централизованное дворянское государство.

Остается созданіе мелкой земельной собственности. Самая идея не составляла оригинальнаго изобрѣтенія правительства: она вышла изъ среды самихъ дворянскихъ комитетовъ, хотя и была, въ извѣстный моментъ, обращена въ орудіе къ обузданію дворянскихъ притязаній.

„Гражданская полноправность освобожденныхъ крестьянъ невозможна безъ обезпеченія ихъ достаточною собственностью“, писало меньшинство калужскаго комитета: „крестьяне наши не мыслятъ свободы безъ земли“. „Пока крестьяне“, говорили 14 членовъ московскаго комитета, „прикрѣплены къ землѣ съ обязанностью принять извѣстную часть ея за обязательную повинность, личность является далеко несвободною на дѣлѣ. Несовмѣстимо... понятіе о личномъ правѣ съ обязательнымъ трудомъ, исполняемымъ подъ полицейскимъ надзоромъ прежняго помѣщика“... „Собственность есть матеріальное выраженіе свободы, лучшій ея стражъ“, разсуждали 11 членовъ волынскаго комитета: „она обезпечиваетъ человѣка, привязываетъ его къ мѣстности и дѣлаетъ его болѣе нравственнымъ; поэтому необходимо, чтобы крестьяне, работая для себя, могли пріобрѣтать въ собственность недвижимое имущество, — чтобы съ уничтоженіемъ барщины осталась обязанность трудиться“. Тверское большинство полагало, что (когда крестьяне станутъ земельными собственниками) „независимо отъ гарантіи матеріальной, явится и нравственная, обезпечивающая крестьянскіе платежи“. Но помимо такихъ соображеній, болѣе или менѣе возвышеннаго свойства, простой экономическій расчетъ училъ помѣщиковъ передать часть земли въ собственность освобождаемымъ крестьянамъ,—какъ это откровенно и весьма наглядно объяснило меньшинство нижегородскаго комитета. „Землевладѣльцу“, писало это меньшинство, „важно имѣть въ сосѣдствѣ земледѣльческое населеніе, а при выкупѣ однѣхъ усадебъ, онъ будетъ имѣть въ сосѣдствѣ батраковъ, на первое время выведенныхъ изъ своего нормальнаго положенія, *по необходимости уменьшившихъ*, а можетъ быть и вовсе уничтожившихъ *количество рабочаго скота, мало-по-малу отставшихъ отъ земледѣлія и обратившихся къ другой дѣятельности*, сулящей имъ на первое время бо́льшіе барыши съ меньшимъ противу прежняго трудомъ“. Въ то же время „землевладѣльцы“, по словамъ нижегородскаго меньшинства, „замѣнятъ обезпеченныя имъ повинности за пользованіе земли капиталомъ“, — а это единственное средство „дать земледѣлію нужное развитіе, замѣнивъ обязательный трудъ вольнымъ наймомъ“. Въ результатѣ, какъ выяснили редакціонныя комиссіи, „только въ проектахъ *семи* комитетовъ не содержится никакихъ указаній на пріобрѣтеніе крестьянами земель въ собственность; 14 губернскихъ комитетовъ высказали мысль о продажѣ крестьянамъ угодій, находящихся въ ихъ пользованіи; по 11 губерніямъ представлены болѣе или менѣе подробныя соображенія по этому предмету, а изъ комитетовъ 14 губерній поступили цѣлые планы выкупной операціи. Наконецъ, изъ отзывовъ членовъ отъ губернскихъ комитетовъ оказывается, что 69 членовъ отъ 34 комитетовъ и отъ 2-хъ общихъ комиссій (кіевской и виленской) признаютъ выкупъ необходимымъ, хотя и не всѣ въ одинаковой мѣрѣ“ *).

Но комитеты отражали мнѣніе болѣе прогрессивной экономически

*) Скребицкій, IV, стр. 398.

части дворянства: а эта часть была и болѣе вольномыслящей въ политическомъ отношеніи. Чтобы подрѣзать крылья ея вольномыслію, пришлось пойти на уступки экономически болѣе отсталымъ, а потому и политически болѣе реакціоннымъ слоямъ дворянства. Первую изъ этихъ уступокъ (хронологически она была послѣдней) мы уже видѣли: она выразилась въ созданіи „дарственнаго" или „нищенскаго" надѣла. Что крестьянинъ, получившій такой надѣлъ, отнюдь не становился „свободнымъ сельскимъ собственникомъ", это разумѣлось само собой: дарственникъ представлялъ такимъ образомъ первый вычетъ изъ того новаго общественнаго слоя, который проектировало создать правительство. Какъ великъ былъ этотъ вычетъ? Одинъ новѣйшій изслѣдователь опредѣляетъ число дарственниковъ въ полмилліона приблизительно душъ—что составляло около 4% всего крѣпостного населенія *). Но такъ какъ обезземеленіе было выгодно далеко не всюду, то эта средняя цифра не даетъ еще намъ достаточнаго представленія о размѣрахъ явленія: чтобы получить его, нужно взять черноземныя губерніи, комитеты которыхъ стремились сдѣлать помѣщиковъ „монополистами цѣннаго товара". Тогда средній процентъ обезземеленныхъ поднимется до 18—19, возвышаясь въ отдѣльныхъ случаяхъ до 33 (Саратовская) и даже до 35% (Самарская губ.) — и лишь въ двухъ случаяхъ спускаясь ниже 10 (Тамбовская и Харьковская).

Но „дарственниками" обезземеленіе отнюдь не ограничивалось: увеличеніе отрѣзковъ шло совершенно въ томъ же направленіи, только останавливаясь немного ранѣе. Прогрессивный ростъ отрѣзковъ мы уже разсматривали на предыдущихъ страницахъ: теперь остается только бросить взглядъ на конечные итоги. По даннымъ того же изслѣдователя, въ пользованіи освобожденныхъ крестьянъ до 19 февраля было 29.169.000 дес.; отрѣзано 5.262.000 дес.—18,1%. Но эта средняя опять-таки не даетъ яснаго представленія о размѣрахъ явленія: для этого снова надо взять черноземныя губерніи отдѣльно. Среди нихъ на первомъ мѣстѣ идутъ опять-таки Самарская съ 44% отрѣзковъ и Саратовская съ 41%. Далѣе: Полтавская (40%), Екатеринославская (столько же), Казанская (32%), Харьковская и Симбирская (по 31%)—всего *семь* губерній, гдѣ у крестьянъ отрѣзано *болѣе* $^1/_3$ надѣльной земли. Затѣмъ идутъ: Пензенская (28%), Таврическая (27%), Черниговская и Воронежская (по 25%): еще *четыре* губерніи, гдѣ у крестьянъ экспропріировано было *не менѣе четверти* надѣла. Наконецъ, процентъ былъ выше средняго для всей Россіи еще въ *трехъ* губерніяхъ: Тамбовской (24%), Курской (22%) и Нижегородской (21%). Мы видимъ, что скромная средняя получилась опять-таки благодаря принятію въ расчетъ нечерноземнаго сѣвера—гдѣ „земля ничего не стоила" — а потому не стоило биться и за отрѣзки *).

*) Лосицкій. Хозяйственныя отношенія при паденіи крѣпостного права. («Образованіе». 1906, кн. 11).

*) Но въ *центральныхъ* губерніяхъ, вблизи столицъ, и на суглинкѣ % отрѣзковъ былъ

Но болѣе реакціонная и болѣе отсталая экономически часть помѣщиковъ цѣплялась не только за землю: въ ея глазахъ представлялъ извѣстную цѣну и крѣпостной *трудъ*. Убѣжденіе въ невыгодности барщины составляло особенность экономически прогрессивнаго и либеральнаго меньшинства. Сверхъ того, вся нечерноземная полоса Россіи жила эксплуатаціей не столько крестьянина, какъ рабочей силы въ имѣніи, сколько отхожихъ крестьянскихъ промысловъ, которые усиленно культивировались и поощрялись въ этой полосѣ самими помѣщиками; и въ этомъ случаѣ тверскіе и ярославскіе либералы уже ничѣмъ не отличались отъ черноземныхъ реакціонеровъ. Мы уже знаемъ однако (см. 2. Губернскіе комитеты), что правительство категорически запретило всякіе прямые разговоры о выкупѣ личности—и комитеты вынуждены были замаскировать эту операцію выкупомъ усадебъ по невѣроятной цѣнѣ. Но правительство, какъ скоро выяснилось, вовсе не желало на дѣлѣ быть такимъ же суровымъ, какъ на словахъ — и по отношенію къ этому вопросу держалось въ сущности правила: „грѣхъ не бѣда, молва не хороша". Приступая къ установленію размѣровъ выкупной суммы и выкупныхъ платежей, редакціонныя комиссіи разсуждали слѣдующимъ образомъ. „По отмѣнѣ крѣпостной зависимости, крестьяне обязаны будутъ отбывать въ пользу помѣщика за земли, отведенныя имъ въ безсрочное пользованіе, опредѣленныя повинности, въ издѣльныхъ имѣніяхъ — работами, а въ оброчныхъ — деньгами... При уступкѣ земель крестьянамъ въ собственность за выкупъ, помѣщикъ лишится этого дохода, а потому и долженъ получить соразмѣрное вознагражденіе. Отсюда вытекаетъ необходимость опредѣлить высшій размѣръ выкупной суммы не оцѣнкою выкупаемыхъ угодій, а суммою постояннаго дохода или денежнаго оброка, установленнаго на основаніи „Положенія". Не подлежитъ сомнѣнію, что доходъ этотъ во многихъ случаяхъ будетъ превышать дѣйствительную стоимость поземельныхъ угодій, такъ какъ для опредѣленія размѣра крестьянскихъ оброковъ, редакціонныя комиссіи приняли за исходную точку не поземельную ренту, а нынѣшнія повинности, установившіяся подъ вліяніемъ крѣпостного права" *).

Не подлежитъ сомнѣнію, что крестьянинъ заплатитъ за землю дороже, чѣмъ она стоитъ: прочитавъ это откровенное признаніе того учрежденія, которое само, въ лицѣ своего предсѣдателя, ставило своей задачей огражденіе крестьянскаго интереса— и даже извинялось, что зашло въ этомъ направленіи слишкомъ далеко, — прочитавъ это, мы поймемъ, какъ наивно очень распространенное въ нашей публикѣ мнѣніе, будто помѣщики обманули крестьянъ при реформѣ, взявъ съ нихъ за землю дороже, чѣмъ она стоитъ. Никакого индивидуальнаго обмана здѣсь и въ поминѣ не было: въ глубоко обдуманный планъ всей „великой реформы" входило: принудить крестьянъ выкупить свою *личность*, заставляя ихъ

порядочный: Владимирской—16%, Псковской—13, Московской и Смоленской—1 1

*) Скребицкій, IV, стр. 301.

въ то же время думать, что они выкупаютъ *землю*. Этимъ и объясняется странный пріемъ оцѣнки, заимствованный редакціонными комиссіями у тверского комитета—знаменитая *градація*, которой ни за что не понять человѣку, стоящему на точкѣ зрѣнія выкупа *земли*. Градація заключалась въ томъ, что чѣмъ меньше крестьянинъ получалъ надѣлъ, тѣмъ больше онъ платилъ за каждую десятину этого надѣла. Такъ, при трехдесятинномъ максимальномъ надѣлѣ въ черноземной полосѣ крестьянинъ платилъ по 40 р. за десятину: если его надѣлъ былъ меньше maximum'а и составлялъ лишь 2 десятины, то каждая обходилась ему уже въ 43 р. 33 коп.; а за минимальный надѣлъ въ 1 десятину онъ платилъ уже 53 р. 33 к. Дѣло въ томъ, что наименьшій надѣлъ былъ въ имѣніяхъ наиболѣе эксплуатируемыхъ—съ наивысшими, относительно, повинностями: переводя эти повинности на деньги, мы получаемъ сумму, которая падала не прямо пропорціонально уменьшенію надѣла, а нѣсколько медленнѣе. Болѣе эксплуатируемый при крѣпостномъ правѣ крестьянинъ оставался такимъ образомъ болѣе эксплуатируемымъ и послѣ своего освобожденія.

Естественно является вопросъ: откуда же, по представленію редакціонныхъ комиссій, долженъ былъ брать деньги крестьянинъ для уплаты выкупныхъ платежей, если эти послѣдніе были завѣдомо выше того дохода, какой могъ крестьянинъ получить отъ земли? Комиссіи давали и въ этомъ себѣ совершенно ясный отчетъ: „Нельзя сомнѣваться“, разсуждали онѣ, „что послѣ выкупа, *при достаточной свободѣ располагать своей личностью,* означенные крестьяне будутъ вносить исправно слѣдующіе съ нихъ выкупные платежи, которые, по своей умѣренности, могутъ быть зарабатываемы ими безъ особенныхъ усилій“. Ёнъ достанетъ!

Такимъ образомъ, являясь сами по себѣ выкупомъ личной эксплуатаціи, выкупные платежи являлись въ то же время и увѣковѣченіемъ этой эксплуатаціи на будущее, — только ужъ не въ пользу помѣщика, который, получивъ выкупное свидѣтельство, отходилъ въ сторону, а въ пользу помѣщичьяго государства. Вполнѣ понятно, что между суммами, которыя выплатили крестьяне, и дѣйствительною стоимостью доставшагося имъ обрѣзаннаго надѣла было очень мало соотвѣтствія. Цѣнность всей площади надѣльныхъ земель въ нечерноземныхъ губерніяхъ составляла, по продажнымъ цѣнамъ 50-хъ годовъ, 155 мил. рублей, а по цѣнамъ 60-хъ гг. — 180 мил.: а крестьяне заплатили за нее 342 милліона. „Даромъ“, великодушно пожертвованная дворянами личная свобода обошлась здѣсь крестьянамъ въ 162 милліона рублей! Для черноземной полосы соотвѣтствующія цифры будутъ: 219, 284 и 342 милліона р. *) Здѣсь недаромъ передъ волей имѣнія съ крестьянами продавались дешевле пустопорожней земли: взявъ на сѣверѣ двойную цѣну за землю, которая „ничего не стоила“, здѣсь за личность, которая тоже „ничего не стоила“, взяли только 58 милліоновъ рублей.

Нужно однако признать, что заплативъ эти безусловно хорошія деньги, крестьяне получили зато въ обмѣнъ

*) См. Лосицкій. Выкупная операція. Стр. 16.

единственное реальное благо, дарованное имъ „великой реформой". Помѣщикъ, сохранивъ многое, все же потерялъ возможность распоряжаться людьми, какъ рабочимъ скотомъ. Со дня изданія манифеста прекращалась личная продажа крестьянъ и дворовыхъ людей, и всякія сдѣлки на лица не могли имѣть мѣста; крестьянамъ предоставлялось право безъ разрѣшенія владѣльца вступать въ бракъ, пріобрѣтать въ собственность движимое и недвижимое имущество и распоряжаться имъ. Наконецъ, они могли обращаться по своимъ дѣламъ съ просьбами и жалобами въ правительственныя мѣста, наравнѣ съ прочими свободными обывателями: феодальная стѣна, отдѣлявшая 1/3 деревенскаго населенія Россіи отъ центральной власти, была сломлена. Крестьянинъ пересталъ быть „подданнымъ" помѣщика и превратился въ то, съ чего онъ началъ въ XVI вѣкѣ — въ крѣпкаго землѣ государева тяглеца.

Носитель этой центральной власти былъ убѣжденъ, что все совершившееся—дѣло его рукъ. Въ знаменитой рѣчи передъ государственнымъ совѣтомъ (28 января 1861 года) сказано было, что „крѣпостное право установлено самодержавною властью и только самодержавная власть можетъ его уничтожить,—а на это есть моя прямая воля". Какъ всѣ теперь знаютъ, это не такъ относительно прошлаго — крѣпостного права никто искусственно не устанавливалъ, оно само собою возникло, какъ плодъ экономическаго развитія московской Руси. Это было далеко не такъ и относительно настоящаго: крѣпостное право отмѣнялось потому, что этого желали помѣщики, и такъ, какъ они этого желали. Но правильно была подмѣчена связь между ростомъ самодержавія и крестьянской реформой: на пути превращенія феодальной Россіи въ централизованную бюрократическую монархію 19 февраля было самымъ важнымъ этапомъ.

ГЛАВА III.

Земская реформа.

(С. Я. Цейтлина.)

1.

Дореформенное мѣстное управленіе.

Основой дореформеннаго мѣстнаго управленія являлось помѣщичье село. Соціально-экономическія условія крѣпостного строя отнюдь не требовали отдѣленія административно-судебныхъ функцій отъ функцій по организаціи сельско-хозяйственнаго производства, въ особенности въ предѣлахъ низшихъ мѣстныхъ единицъ. Наоборотъ, возможно боль-

шая концентрація и тѣхъ и другихъ въ однѣхъ рукахъ, въ рукахъ дворянина-помѣщика, давала возможность использовать самымъ интенсивнымъ образомъ крѣпостной трудъ крестьянства. Помѣщикъ имѣлъ почти неограниченное право распоряженія трудомъ своихъ крѣпостныхъ, имѣлъ право оторвать своего крестьянина отъ пашни и перевести его во дворъ, имѣлъ право переселять своихъ крѣпостныхъ, порознь или цѣлыми селами, имѣлъ право продавать ихъ, съ землей и безъ земли,—ясно, что административно-хозяйственная, судебная и полицейская власть въ предѣлахъ помѣстья должна была также принадлежать ему. Центральная государственная власть отдавала себѣ вполнѣ ясный отчетъ въ этихъ требованіяхъ крѣпостного строя. Императоръ Павелъ I былъ убѣжденъ, что крестьяне живутъ счастливѣе подъ управленіемъ помѣщиковъ, чѣмъ подъ властью назначенныхъ чиновниковъ; онъ любилъ называть помѣщиковъ — своими полицеймейстерами („У меня столько полицеймейстеровъ, сколько помѣщиковъ въ государствѣ" *). И вплоть до самой крестьянской реформы теорія и практика административнаго права всецѣло основывалась на возможномъ устраненіи всякаго вмѣшательства агентовъ государственной власти во внутреннія дѣла помѣщичьяго села. Извѣстный идеологъ крѣпостного строя, многократно цитированный въ литературѣ, В. Н. Каразинъ, полагалъ даже, что губернское и уѣздное управленіе являлось чуть ли не совершенно излишнимъ при наличности этихъ „генералъ-губернаторовъ въ маломъ видѣ" — дворянъ-помѣщиковъ; онъ утверждалъ, что число губерній и уѣздовъ можно было сильно сократить — стоило лишь предоставить и земскую полицію все тѣмъ же „наслѣдственнымъ государственнымъ чиновникамъ" — помѣщикамъ.

*) Подробнѣй см. введеніе къ I-ой части и I и II главы II-ой части „Исторіи".

Эти разсужденія Каразина приходится однако признать увлеченіями идеолога, не имѣвшими основы въ дѣйствительной жизни. Несомнѣнно, все губернское и уѣздное управленіе должно было служить и служило интересамъ помѣщика. Но столь же несомнѣнно, что развитіе крѣпостного строя влекло за собой отнюдь не упрощеніе, а усложненіе извѣстныхъ функцій губернскихъ и уѣздныхъ властей. Достаточно напомнить о массовыхъ побѣгахъ и массовыхъ волненіяхъ крестьянъ, о массовыхъ убійствахъ помѣщиковъ и ихъ управляющихъ, столь характерныхъ, въ особенности, для Николаевской эпохи. Что могъ предпринять противъ нихъ отдѣльный помѣщикъ, полновластный въ своемъ имѣніи? И репрессивныя и предупредительныя мѣры были ему совершенно не подъ силу. Соціально-экономическія условія крѣпостного строя вызывали такимъ образомъ къ жизни уѣздныя и губернскія административныя власти, питали ихъ дѣятельность, расширяли ихъ обязанности, увеличивали ихъ авторитетъ и вліяніе.

Главнымъ лицомъ въ губернскомъ управленіи былъ губернаторъ,—подчиненный центральному правительству, и въ особенности, министру внутреннихъ дѣлъ. Въ Николаевскую

эпоху неоднократно предлагались и разсматривались въ высшихъ государственныхъ учрежденіяхъ проекты объ ограниченіи должности губернатора исключительно функціями высшаго мѣстнаго надзора за дѣятельностью должностныхъ лицъ, правительственныхъ и общественныхъ учрежденій. Губернаторъ долженъ былъ быть отстраненъ отъ активнаго управленія губерніей, лишенъ рѣшающаго значенія въ администраціи и являться лишь блюстителемъ точнаго исполненія законовъ на мѣстахъ. Нечего и говорить, что при условіяхъ крѣпостного права, при порабощеніи и лишеніи гражданскихъ и политическихъ правъ огромной части населенія — крѣпостного крестьянства, при самовластіи дворянъ-помѣщиковъ въ ихъ помѣстьяхъ, всѣ эти проекты являлись совершенно утопичными. Николай I былъ совершенно правъ, когда недоумѣвалъ по поводу аналогичныхъ проектовъ Сперанскаго, кому же вручить административную власть вмѣсто губернатора—не предводителю ли дворянства, отъ котораго слѣдуетъ ждать еще большаго увлеченія самыми узкими интересами дворянства! Наказъ губернаторамъ 1837 г., подробно регулировавшій функціи губернаторовъ и поручавшій имъ также функціи надзора, въ общемъ и цѣломъ построенъ на признаніи за губернаторомъ самой активной и вліятельной роли въ губернскомъ управленіи. Губернаторъ — *непосредственный начальникъ ввѣренной ему губерніи*. Дѣйствіемъ данной ему власти онъ обязанъ охранять общественное спокойствіе, безопасность всѣхъ и каждаго и соблюденіе установленныхъ правилъ—порядка и благочинія. Ему поручено принятіе мѣръ для сохраненія народнаго здравія, обезпеченіе продовольствія въ губерніи, доставленіе страждущимъ и безпомощнымъ надлежащаго призрѣнія, высшій надзоръ за скорымъ отправленіемъ правосудія и немедленнымъ исполненіемъ всѣхъ законныхъ постановленій и требованій. Какъ *хозяинъ* ввѣренной ему губерніи, губернаторъ всѣми зависящими отъ него мѣрами способствуетъ утвержденію и возвышенію народнаго благосостоянія (ст. 1 — 2 Наказа). И Наказъ отнюдь не ограничивается этимъ принципіальнымъ признаніемъ роли губернатора, какъ руководителя всѣхъ жизненныхъ интересовъ губерніи. Въ многочисленныхъ статьяхъ онъ детально характеризуетъ его функціи, и нѣтъ той отрасли администраціи, которой онъ такъ или иначе не касался бы *), въ которую онъ такъ или иначе не вмѣшивался бы, по большей части самымъ рѣшительнымъ и вліятельнымъ образомъ. Губернаторъ — главный начальникъ мѣстной полиціи: онъ оберегаетъ общественную нравственность и охраняетъ государственное спокойствіе и безопасность; онъ охраняетъ права и преимущества состояній и сословій, въ особенности преимущества, пожалованныя благородному россійскому дворянству; онъ прекращаетъ безпорядки, возникшіе „между поселянами или горожанами“, пользуясь содѣйствіемъ внутренней стражи или воинскихъ командъ — для усмиренія и священниковъ—для увѣщеванія; онъ

*) А. Градовскій. Системы управленія на Западѣ Европы и въ Россіи (т. IX сочин., стр. 498).

преслѣдуетъ и забираетъ подъ стражу дезертировъ, бѣглыхъ и бродягъ, отсылаетъ по просьбамъ помѣщиковъ крѣпостныхъ въ Сибирь или въ солдаты и т. д. и т. д. — всѣ полицейскія функціи губернатора мы, конечно, совершенно лишены возможности перечислить. Далѣе, губернаторъ имѣетъ надзоръ за судебными мѣстами и даже отчасти самъ участвуетъ въ судныхъ дѣлахъ, наблюдаетъ за точнымъ исправленіемъ государственныхъ и мѣстныхъ повинностей (рекрутской, квартирной, дорожной и т. д.) и участвуетъ въ дѣлахъ казеннаго управленія. Столь же обширны и его административно-хозяйственныя функціи,—онъ предсѣдательствуетъ въ приказѣ общественнаго призрѣнія, въ комиссіи народнаго продовольствія, въ строительной и дорожной комиссіи, въ оспенномъ комитетѣ, въ губернскомъ комитетѣ общественнаго здравія, въ отдѣленіи коммерческаго совѣта и мануфактурномъ комитетѣ, въ комитетѣ земскихъ повинностей и особомъ о сихъ повинностяхъ присутствіи, въ статистическомъ комитетѣ, — и мы увидимъ ниже, какъ велико было его вліяніе въ этихъ административно - хозяйственныхъ учрежденіяхъ.

Жизнь еще болѣе расширяла содержаніе этихъ юридическихъ нормъ Наказа. Середонинъ насчиталъ 189 взысканій, наложенныхъ на губернаторовъ при Николаѣ I однимъ только комитетомъ министровъ (а далеко не всѣ такія дѣла проходили черезъ комитетъ и далеко не всегда, конечно, комитетъ министровъ каралъ губернаторовъ). И въ чемъ только губернаторы ни обвинялись! „Неправосудіе, своеволіе и насиліе, лихоимство, бездѣйствіе и потворство — вотъ преступленія, которыя постоянно возводились на мѣстныхъ властей“.

Всевластіе губернаторовъ, ихъ насильническія и произвольныя дѣйствія, ихъ частыя тренія и конфликты съ отдѣльными дворянами и даже дворянскими собраніями—все это не должно однако обманывать насъ относительно дѣйствительнаго соціальнаго значенія губернаторской власти въ дореформенную эпоху. Губернаторъ былъ почти всегда самъ крупнымъ дворяниномъ-помѣщикомъ; перефразируя извѣстное выраженіе, мы можемъ сказать, что дворянство было тѣмъ тѣстомъ, изъ котораго пеклись губернаторы. Рюриковичи и Гедиминовичи, потомки бояръ и окольничьихъ, записанныхъ въ родословной книгѣ 1682 г., встрѣчались чаще среди губернаторовъ, чѣмъ даже среди предводителей дворянства. Огромныя преимущества, которыя были предоставлены дворянству при прохожденіи правительственной службы, привели почти къ полной монополизаціи всѣхъ высшихъ мѣстъ за дворянской аристократіей, жадно стремившейся къ центру въ погонѣ за чинами, за властью, за жалованьемъ. По остроумному выраженію Лохвицкаго, это была настоящая „эмиграція“ въ столицы, въ министерскіе департаменты, откуда только и можно было явиться черезъ нѣсколько лѣтъ въ провинцію на видное мѣсто *). Противники „новыхъ

*) Эта тяга къ центру была такъ сильна, что въ 1837 г. было предписано молодымъ дворянамъ, желающимъ вступить на государственную службу начинать ее не-

теченій“ въ дворянствѣ ничего, конечно, не могли подѣлать, и имъ оставалось лишь возмущаться въ прозѣ и стихахъ: „а слава древняя дружинъ, сословіе дѣтей боярскихъ, на мѣсто теплое иль заряся на чинъ, погрязло въ дрязгахъ канцелярскихъ, и саблю замѣнивъ перомъ, кольчугу бранную позорнымъ вицмундиромъ, ярыжкамъ уподобилось во всемъ, и стало мерзостнымъ вампиромъ, который день и ночь сосетъ всѣ соки лучшіе изъ русскаго народа, и даже ухомъ не ведетъ, что есть ужъ два изданья Свода *)“.

Но не только составъ губернаторовъ былъ дворянскій. При назначеніи отдѣльныхъ лицъ приходилось считаться съ спеціальными желаніями мѣстнаго дворянства. Сенаторъ Я. А. Соловьевъ, занимавшій въ 50-хъ годахъ отвѣтственный постъ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, разсказываетъ въ своихъ запискахъ, что „помѣщики желали видѣть въ губернаторахъ людей *представительныхъ, богатыхъ, любезныхъ и исполняющихъ просьбы дворянъ, въ особенности вліятельныхъ изъ нихъ*. При этомъ, знаютъ ли они дѣло, понимаютъ ли свои обязанности, способны ли они къ административной дѣятельности—считалось вопросомъ второстепеннымъ“. Что удивительнаго, если издатель „Матеріаловъ для исторіи упраздненія крѣпостного состоянія“ (Хрущовъ) насчиталъ среди 45 современныхъ ему губернаторовъ 24 такихъ, которые должны быть смѣщены немедленно, изъ нихъ 12, какъ всѣмъ извѣстные мошенники, а 12 — по сомнительной честности и совершенной неспособности, изъ остальныхъ же 21—10 могутъ быть терпимы по необходимости, 9—довольно хороши и только 2 могутъ быть названы образцовыми. Все это, какъ мы уже знаемъ, являлось дѣломъ второстепеннымъ, какъ для дворянства, такъ и для министра внутреннихъ дѣлъ, который „гордился“ тѣмъ, что „со званіемъ министра внутреннихъ дѣлъ сопряжена высокая обязанность быть представителемъ у престола Его Императорскаго Величества доблестнаго россійскаго дворянства“. Важно было совершенно другое, важна была организація господства дворянско-помѣщичьяго класса, и въ этомъ смыслѣ подборъ губернаторовъ не заслуживалъ порицанія. По словамъ того же сенатора Соловьева, изъ 46 губернаторовъ (въ губерніяхъ, гдѣ были крѣпостные крестьяне) лишь *трое-четверо* сочувствовали освобожденію крестьянъ *). Въ числѣ этихъ 3—4 „бѣлыхъ вороновъ“ Соловьевъ считаетъ также нижегородскаго губернатора А. Н. Муравьева, назначеннаго туда ужъ въ началѣ царствованія Александра II. До этого назначенія, нижегородское губернское начальство ничѣмъ, вѣроятно, не отличалось отъ всѣхъ другихъ. Мы можемъ привести любопытную картинку энергичной его дѣятельности по охраненію господства дво-

премѣнно въ губернскихъ мѣстахъ, причемъ на губернаторовъ были возложены почетныя обязанности *дядекъ* этихъ дворянъ: они должны были заботиться о нихъ не только какъ начальники, а „какъ отцы семействъ, коимъ поручаются дѣти благовоспитанныя“. С. А. Корфъ. Дворянство и его сословное управленіе, стр. 474—75.

*) Русскій Архивъ, 1888, кн. II, стр. 376.

*) Русская Старина, 1882, т. XXXVI.

рянъ-помѣщиковъ надъ крестьянскимъ населеніемъ. Въ княгининскомъ уѣздѣ Нижегородской губерніи начались „толки и безпорядки" среди крестьянъ, вызванные необычными призывами въ ополченіе священника Никольскаго. Губернское начальство развиваетъ немедленно самую интенсивную дѣятельность: сносится съ епархіальнымъ начальствомъ о немедленномъ удаленіи Никольскаго, предписываетъ исправнику о принятіи мѣръ къ предупрежденію толковъ и безпорядковъ; далѣе, назначается временное отдѣленіе земскаго суда для изслѣдованія и, конечно, преслѣдованія на мѣстѣ, отдается распоряженіе по нижегородской полиціи—наблюдать за появленіемъ отлучившихся изъ княгининскаго уѣзда крестьянъ и въ случаѣ прибытія тотчасъ отсылать на мѣсто жительства.

За крупной фигурой крѣпостника-губернатора мы различаемъ въ дореформенномъ мѣстномъ управленіи цѣлый рядъ другихъ—*губернскихъ и уѣздныхъ*—властей, пользовавшихся также немаловажнымъ вліяніемъ и замѣщавшихся въ большей своей части форменными ставленниками дворянства. Дворянство избирало цѣлый рядъ чиновниковъ: по судебному управленію — засѣдателей и (съ 1831 г.) предсѣдателей уголовной и гражданской палатъ, совѣстнаго судью и засѣдателей совѣстнаго суда, уѣздныхъ судей и засѣдателей уѣзднаго суда; по полицейскому управленію — земскихъ исправниковъ и засѣдателей земскихъ судовъ, и представляло губернатору списокъ кандидатовъ на должности становыхъ приставовъ. Незавидное положеніе занимали эти избираемые—полицейскіе и судебные — чиновники въ дореформенномъ дворянскомъ обществѣ. На ихъ долю выпадала въ высшей степени важная, но зато и наиболѣе грязная работа по поддержанію и охраненію крѣпостного режима. Стиснутые между крупнымъ дворяниномъ-помѣщикомъ, государемъ въ своемъ помѣстьѣ, и губернаторомъ, всемогущимъ хозяиномъ и начальникомъ губерніи, они встрѣчали и въ томъ, и въ другомъ одинаково—презрительное отношеніе. У нихъ были строгіе, требовательные господа, на нихъ были возложены тяжелыя, развращающія обязанности, и въ то же время они являлись паріями въ дворянскомъ обществѣ, для вящщей славы котораго они не щадили ни силъ, ни чести, ни совѣсти. Какъ и во Франціи, дворянскіе „верхи" упорно отказывались служить въ этихъ зависимыхъ должностяхъ, которыя къ тому же не открывали предъ ними никакой карьеры. Здѣсь не могли помочь ни измѣненія избирательнаго закона и ограниченія активнаго избирательнаго права, ни обращенія правительства къ совѣсти и разуму дворянства, ни даже угрозы судомъ: „лучше хотятъ быть подъ судомъ, только бы впредь отъ службы (выборной) быть свободными". Обыкновенно эти должности замѣщались захудалыми помѣстными дворянами, нерѣдко — подонками дворянскаго общества, такъ называемыми личными дворянами. Романовичъ-Славатинскій, самъ наблюдавшій бытъ и нравы личнаго дворянства, даетъ ему убійственную характеристику. „Бѣдное матеріальными средствами, но богатое искусственными потреб-

ностями, личное дворянство боялось запачкать свои благородныя руки какими-нибудь мѣщанскими занятіями и предавалось темнымъ, неопредѣленнымъ занятіямъ; поставленное выше народа, оно съ гордостію относилось къ нему; мальтретируемое же столбовымъ дворянствомъ, оно явно раболѣпствовало передъ нимъ, заискивало въ немъ". Эти личные дворяне шли, конечно, и на службу по выборамъ, шли всѣ, кто „умѣлъ и себя не забывать, и угодить сильному сосѣду-помѣщику", кто способенъ былъ „склонять вѣсы правосудія на ту сторону, которая больше дастъ", кто понималъ толкъ въ эксплуатаціи крестьянъ, бѣглыхъ, преступниковъ, мѣщанъ, купцовъ и т. д. *).

Чтобы закончить характеристику дореформеннаго судебно-полицейскаго управленія въ губерніи и уѣздѣ, мы должны еще упомянуть о значительной роли въ немъ предводителей дворянства. Губернскій предводитель дворянства занималъ въ губерніи первое мѣсто послѣ губернатора, уѣздный предводитель стоялъ во главѣ уѣздныхъ чиновниковъ; на предводителей возлагались самыя разнообразныя функціи, полицейскія, слѣдственныя, по дѣламъ ополченскимъ и рекрутскимъ, по попечительству о тюрьмахъ и т. д.

Дворянство же in corpore обладало также немаловажнымъ правомъ ходатайства о своихъ пользахъ и нуждахъ; представленія и жалобы могли быть приносимы имъ сенату и государю черезъ особо избранныхъ депутатовъ.

Вплоть до самаго начала 19 вѣка функціи мѣстной администраціи почти цѣликомъ исчерпывались судебно-полицейскимъ управленіемъ (не считая такъ называемаго управленія казеннаго). На административно-хозяйственныя дѣла, которыя теперь являются однимъ изъ важнѣйшихъ предметовъ внутренняго управленія, не обращалось почти никакого вниманія. Въ Екатерининскомъ учрежденіи о губерніяхъ мы встрѣчаемъ лишь краткія указанія на обязанности земской полиціи по исправному содержанію дорогъ, отводу квартиръ военнымъ чинамъ и ихъ сопровожденію при проходѣ черезъ уѣздъ и на функціи приказовъ общественнаго призрѣнія. Не было также общаго положенія и опредѣленныхъ постановленій о раскладкѣ и отправленіи земскихъ повинностей. Вліятельнѣйшій классъ общества — дворянство, изолированное и самовластное въ своихъ помѣстьяхъ, — былъ совершенно не заинтересованъ въ губернскомъ и уѣздномъ хозяйственномъ управленіи. Повинности падали почти исключительно на крестьянъ и мѣщанъ. Недостатки механизма вызывали, конечно, ощутительныя неудобства—но для кого? развѣ все для тѣхъ же „поселянъ и мѣщанъ", отъ которыхъ, напримѣръ, Александръ I при своемъ проѣздѣ по губерніямъ узнавалъ, что, „раздробительность и

*) Одинъ примѣръ изъ многихъ: крупные помѣщики сплошь и рядомъ захватывали въ свое владѣніе земли, принадлежавшія казнѣ и даже отведенныя въ пользованіе государственнымъ крестьянамъ. Крестьяне никогда не могли найти себѣ защиты ни въ мѣстномъ судѣ, ни въ мѣстной полиціи, находившихся въ рукахъ ставленниковъ дворянства. Дворянскіе чиновники при этомъ оставались, конечно, не безъ непосредственныхъ прибылей лично для себя самихъ.

различные сроки казенныхъ и земскихъ повинностей настолько лишаютъ ихъ возможности знать о точномъ ихъ количествѣ, что отъ власти земскихъ чиновниковъ (т. е. полиціи) зависитъ увеличить или уменьшить эти сборы,... при сборѣ этихъ податей существуетъ лихоимство и самовластныя требованія земскихъ начальствъ *).

Только съ обнародованіемъ въ 1805 г. предварительнаго положенія о земскихъ повинностяхъ и организаціей впервые особаго губернскаго присутствія для завѣдыванія ими въ дореформенной Россіи начинается сколько-нибудь дѣйствительное регулированіе земско-хозяйственнаго управленія. Въ 1833 г. были учреждены губернскія дорожныя комиссіи, которыя соединяются въ 1849 г. съ губернскими строительными комиссіями; въ томъ же 1833 г. учреждены уѣздныя дорожныя комиссіи; въ 1808 и 1840 гг.—въ городахъ квартирныя комиссіи и въ уѣздахъ квартирные комитеты для завѣдыванія квартирной и подводной повинностями; въ 1834 г. издано общее положеніе объ обезпеченіи народнаго продовольствія и учреждены комиссіи народнаго продовольствія; наконецъ, въ 1851 г. изданъ уставъ о земскихъ повинностяхъ и образованы губернскія и уѣздныя учрежденія для завѣдыванія ими. Цѣлыхъ пятьдесятъ лѣтъ — послѣднихъ пятьдесятъ лѣтъ крѣпостного режима—продолжался тяжелый процессъ образованія изъ судебно-полицейскихъ единицъ, какими были дореформенныя губерніи и уѣзды,—также единицъ административно-хозяйственныхъ. И въ результатѣ, какимъ неразвитымъ, зачаточнымъ характеромъ отличались всѣ эти новообразованія даже въ самые послѣдніе годы предъ реформой: „Порядокъ мѣстнаго хозяйственнаго управленія, по сознанію мѣстныхъ властей, общественнаго мнѣнія и самого правительства, далеко не удовлетворялъ самымъ необходимымъ и законнымъ требованіямъ".

Обратимся къ характеристикѣ этого порядка мѣстнаго хозяйственнаго управленія. Земскія повинности раздѣлялись на денежныя и натуральныя; денежныя повинности подраздѣлялись на государственныя, губернскія и частныя (по сословіямъ и обществамъ); натуральныя повинности также подраздѣлялись на общія, отправляемыя всѣмъ населеніемъ губерніи, и частныя, особыя для каждаго города и села. Между губернскими и государственными повинностями законодателю не удалось провести строго-принципіальнаго различія, и онъ удовлетворился перечнемъ тѣхъ и другихъ; а дореформенная административная практика и вовсе почти не признавала этого различія и, подъ вліяніемъ классовыхъ интересовъ дворянства и изъ соображеній цѣлесообразности, все болѣе и болѣе относила главную массу расходовъ къ государственнымъ земскимъ повинностямъ *). Натуральныя

*) Высочайшее повелѣніе 1802 г. см. у Кошкарова:—Историческій обзоръ законодательныхъ работъ по общему устройству земскихъ повинностей, стр. 2. Ibid. характерныя „разсужденія" государственнаго совѣта 21 апрѣля 1804 г. и мнѣніе д.т. с. гр. Румянцева 1805 г. „Еще изъ указовъ Петра... замѣтить можно, что грабить губерніи есть дѣло у насъ не новое".

*) Въ періодъ отъ 1814 г. по 1862 г. государственныя денежныя повинности воз-

земскія повинности, къ которымъ были отнесены квартирная, подводная и дорожная повинности, законодатель и не пытался подраздѣлять на государственныя и губернскія. Характеристика ихъ въ законѣ — была самая неопредѣленная и предоставлявшая обширный просторъ произволу исполнительныхъ властей. Вообще же изъ всего перечня земскихъ—денежныхъ и натуральныхъ—повинностей ясно проглядывала элементарность хозяйства дореформенной губерніи, немногосложность ея потребностей, односторонность задачъ, ставившихся земству.

Характеру потребностей и задачъ соотвѣтствовала и организація учрежденій. Главнѣйшими изъ нихъ являлись особое присутствіе о земскихъ повинностяхъ и губернскій комитетъ земскихъ повинностей. И въ томъ, и въ другомъ видное мѣсто занимали представители дворянства. Особое присутствіе, въ которомъ предсѣдательствовалъ губернаторъ, состояло изъ губернскаго предводителя дворянства, предсѣдателя казенной палаты, управляющаго палатой государственныхъ имуществъ и головы губернскаго города. Въ губернскомъ комитетѣ, кромѣ тѣхъ же лицъ, засѣдали также уѣздные предводители и депутаты дворянства, подвѣдомственные палатѣ государственныхъ имуществъ уѣздные начальники, депутаты отъ городовъ губерніи. Въ уѣздахъ составлялись отдѣльныя присутствія губернскаго комитета подъ предсѣдательствомъ уѣзднаго предводителя дворянства. Впрочемъ, эти послѣднія существовали только на бумагѣ. Особыми успѣхами не могли похвалиться и общія собранія губернскихъ комитетовъ. Предводители дворянства относились къ дѣламъ въ высшей степени индифферентно. Дворянскіе депутаты или вовсе не являлись, или совершенно бездѣйствовали. Городскіе депутаты заранѣе подписывались на бланковыхъ листахъ, чтобы только скорѣе уѣхать. Собираясь разъ въ три года на короткое время, члены комитета не имѣли, конечно, простой физической возможности отнестись серьезно къ обсуждавшимся финансовымъ и хозяйственнымъ вопросамъ, прочесть и разобрать отчеты и смѣты. Въ концѣ концовъ дѣла рѣшались губернаторомъ, по его личному усмотрѣнію, при помощи канцеляріи. Такое положеніе вещей въ нѣкоторыхъ губерніяхъ до того вошло въ обычай, что всякое замѣчаніе противъ отчетовъ, смѣтъ и раскладокъ считалось уже безпорядкомъ и лишней тратой времени. Причины были тѣ же, по которымъ и все земско-хозяйственное управленіе приходилось не ко двору крѣпостному режиму. Повинности вѣдь падали почти исключительно на крестьянъ и мѣщанъ *). Классо-

растали среднимъ числомъ ежегодно на 16%. Губернскія же повинности увеличились въ трехлѣтіе 1857—59 гг. лишь на 1,8%, а въ слѣдующее трехлѣтіе 1860—62 гг. уменьшились даже на 7,9%.

*) Въ 1864 г. изъ 24.429.000 р. государственныхъ, земскихъ и частныхъ повинностей на долю частныхъ землевладѣльцевъ, казны, удѣловъ, торговцевъ и промышленниковъ было назначено всего 1.300.000 р.; все же остальное должно было быть взыскано съ крестьянъ и мѣщанъ. По свѣдѣніямъ податной комиссіи, земскій сборъ съ податного населенія увеличился

вые дворянскіе интересы были въ достаточной степени защищены самыми нормами закона и губернаторской властью,—къ чему было отдѣльнымъ дворянамъ еще портить свои отношенія къ губернатору, который слишкомъ часто могъ оказать сильное воздѣйствіе на *личныя* дѣла каждаго изъ нихъ *). Подавляющимъ образомъ дѣйствовали и ограничительныя нормы закона, предоставлявшія мѣстнымъ земскимъ учрежденіямъ исключительно совѣщательныя функціи и передававшія рѣшающій голосъ центральному правительству (а исполнительныя дѣйствія—полиціи), хотя, можетъ быть, эти нормы и сами были вызваны „несокрушимымъ упорствомъ" помѣстнаго дворянства въ его безучастности и индифферентизмѣ къ административно-хозяйственному управленію. Законъ передавалъ провѣрку хозяйственныхъ отчетовъ за предшествовавшее трехлѣтіе и составленіе предварительной смѣты денежныхъ земскихъ повинностей на новое трехлѣтіе—особому присутствію, но послѣднее не могло предлагать по своему усмотрѣнію ни предметовъ расхода, ни даже размѣровъ его по отдѣльнымъ статьямъ. Всѣ расходы, указанные въ законѣ, были обязательными. Размѣры каждаго расхода были также заранѣе опредѣлены закономъ или предписаніями министерствъ. Проектъ смѣты утверждался общимъ собраніемъ губернскаго комитета, который проектировалъ также раскладку губернскихъ денежныхъ повинностей. Но и здѣсь онъ былъ связанъ по рукамъ и ногамъ. Съ торгово-промышленныхъ капиталовъ запрещалось взыскивать болѣе 10% суммы, получаемой казной съ торговыхъ и промышленныхъ свидѣтельствъ, съ земли—больше 5 копеекъ съ десятины, вся же остальная часть сборовъ распредѣлялась между сословіями по числу податныхъ лицъ. Сами нормы закона перелагали такимъ образомъ всю тяжесть земскихъ повинностей на податные классы населенія, почти совершенно освобождая отъ нихъ дворянство. Утвержденные общимъ собраніемъ проекты смѣты и раскладки все же оставались еще только проектами. Они отсылались министру финансовъ, которымъ и составлялась общая роспись денежнымъ сборамъ и расходамъ на земскія повинности. Эта роспись разсматривалась въ департаментѣ экономіи, въ общемъ собраніи государственнаго совѣта и восходила на высочайшее утвержденіе. На представленныя комитетами смѣты и раскладки центральная власть обращала столько же вниманія, сколько въ болѣе позднюю эпоху—на ходатайства земскихъ собраній о мѣстныхъ нуждахъ, т. е. почти никакого. Въ результатѣ получалась крайняя неуравнительность раскладокъ, продиктованныхъ изъ центра, вѣчная недоимочность населенія, произвольность составленія смѣтъ, включеніе въ нихъ совершенно не относившихся къ земству расходовъ (въ особенности по воинской части), обиліе сверхсмѣтныхъ расходовъ.

Еще хуже обстояло дѣло съ *ис-*

за 30 лѣтъ (съ 1829/33 — 1860/62 гг.) въ 5 разъ (съ 17 коп. до 94½ к. на душу).

*) См. А. Головачевъ. Десять лѣтъ реформъ, стр. 157. Головачевъ пытался работать въ дореформенномъ земствѣ Тверской губерніи — съ весьма печальными послѣдствіями для себя лично.

полненіемъ денежныхъ повинностей и *отчетностью* по нимъ. Земскихъ исполнительныхъ органовъ не было. Дорожныя и квартирныя комиссіи бездѣйствовали или существовали лишь на бумагѣ. Исполненіе повинностей производилось отдѣльными вѣдомствами или губернаторомъ, „не только безъ соблюденія выгодъ земства, но часто и съ явными злоупотребленіями". Отчетность по денежнымъ земскимъ повинностямъ была сконцентрирована главнымъ образомъ въ казенныхъ палатахъ и лишь отчасти въ комитетѣ земскихъ повинностей и особомъ присутствіи, причемъ ревизія палатъ заключалась въ провѣркѣ по книгамъ и документамъ формальной правильности приходовъ, расходовъ и остатковъ, являясь такимъ образомъ лишь совершенно безцѣльнымъ и излишнимъ тормазомъ. Еще менѣе удовлетворительной была ревизія особыхъ присутствій и губернскихъ комитетовъ. Дворянское депутатское собраніе (совмѣстно съ депутатами отъ городовъ) получало также возможность разъ въ три года проконтролировать общій хозяйственный отчетъ. Но обыкновенно оно утверждало ихъ, даже не прочитавъ цѣликомъ. Часто дворянство и не подозрѣвало о наличности у него права ревизіи, до того рѣдко это право проводилось въ жизнь. Біографъ Унковскаго разсказываетъ объ изумленіи тверскихъ дворянъ, когда они узнали о правѣ депутатовъ дворянства производить ревизію земскихъ сборовъ. Лишь когда депутаты (Головачевъ и Унковскій) указали имъ на прямую статью закона, они согласились поддержать ихъ требованіе о выдачѣ губернаторомъ документовъ, необходимыхъ для провѣрки отчета.

Отправленіе *натуральныхъ* повинностей было организовано еще хуже, чѣмъ денежныхъ. По закону, натуральными повинностями въ губерніи завѣдывалъ губернаторъ, особое о земскихъ повинностяхъ присутствіе, губернская строительная и дорожная комиссія; фактически и здѣсь господствовала одна воля губернатора. Вмѣшательство центральной власти, по крайней мѣрѣ, на бумагѣ, было здѣсь еще сильнѣй, чѣмъ при составленіи смѣтъ и раскладокъ денежныхъ повинностей. Обращеніе каждой отдѣльной натуральной повинности въ денежную зависѣло отъ окончательнаго утвержденія общимъ собраніемъ государственнаго совѣта — правило, совершенно не примѣнявшееся въ жизни и вызывавшее лишь усиленіе полицейскихъ поборовъ. Полиція, почти единственный органъ *уѣзднаго* земско-хозяйственнаго управленія, получала, кромѣ исполнительныхъ, и нѣкоторыя распорядительныя и контрольныя функціи—такой порядокъ съ необходимостью вызывался самымъ существомъ натуральныхъ повинностей. Больнѣй всего эта власть полиціи отзывалась на крестьянствѣ, на плечи котораго падала вся тяжесть натуральныхъ повинностей *). Согласно закону, разверстка натуральныхъ повинностей въ уѣздѣ дѣлалась по числу ревизскихъ душъ *сельскихъ обществъ*. Помѣстное дворянство, не входившее въ составъ

*) По свѣдѣніямъ кадастровыхъ комиссій министерства государственныхъ имуществъ, несомнѣнно, преуменьшеннымъ, общая стоимость натуральныхъ повинностей въ 50-ые годы равнялась $75^1/_2$ к. на душу.

обществъ, освобождалось такимъ образомъ совершенно отъ отбыванія натуральныхъ повинностей.

Для полноты характеристики дореформеннаго хозяйственнаго управленія мы остановимся еще на функціяхъ его по народному продовольствію и общественному призрѣнію. Народнымъ продовольствіемъ завѣдывала въ губерніи губернская комиссія народнаго продовольствія, въ которую входили три представителя отъ дворянства: губернскій предводитель дворянства, одинъ изъ уѣздныхъ предводителей и избираемый дворянствомъ непремѣнный членъ. Въ уѣздѣ все управленіе продовольственной частью (кромѣ чисто исполнительныхъ функцій) было возложено на уѣзднаго предводителя дворянства, его помощниковъ-попечителей хлѣбныхъ запасныхъ магазиновъ, избираемыхъ дворянствомъ, а также непосредственно на помѣщиковъ. Дворянство получило такимъ образомъ въ свои руки чуть ли не все завѣдываніе и управленіе народно-продовольственнымъ дѣломъ, и, вѣроятно, ни въ одной отрасли мѣстнаго хозяйства оно не обнаружило большей небрежности и безучастности, болѣе настойчиваго противодѣйствія всякимъ попыткамъ организовать дѣло во всей странѣ на какихъ бы то ни было общихъ началахъ. Если что-либо и дѣлалось для ослабленія нужды крестьянства въ хлѣбѣ въ голодные годы, то это дѣлалось отдѣльнымъ помѣщикомъ въ силу его неограниченной вотчинной власти въ помѣстьѣ. Губернское же и уѣздное управленіе народнымъ продовольствіемъ привело въ концѣ 50-хъ годовъ къ тому, что „учрежденіе сельскихъ магазиновъ служило собственно не для обезпеченія народнаго продовольствія, а для содержанія попечителей“; степень же пользы ничтожныхъ денежныхъ суммъ, выдававшихся на продовольствіе крѣпостныхъ (не выше 3 р. на душу) въ распоряженіе помѣщиковъ, „не обнаружилась никакимъ видимымъ образомъ“.

Столь же ничтожны были результаты почти вѣковой дѣятельности приказовъ общественнаго призрѣнія, въ задачу которыхъ входила организація медицинской, учебно-воспитательной и благотворительной помощи населенію. Дѣятельность ихъ концентрировалась главнымъ образомъ въ крупныхъ губернскихъ городахъ, лишь изрѣдка захватывая нѣкоторые уѣздные. Крестьянскія массы были фактически лишены призрѣнія самимъ закономъ, который на бумагѣ возлагалъ призрѣніе крѣпостныхъ на ихъ помѣщиковъ. Къ самому концу эпохи, по всей Россіи въ вѣдѣніи приказовъ состояло лишь 519 больницъ, 33 дома для умалишенныхъ, 8 воспитательныхъ домовъ, 113 богадѣленъ, инвалидныхъ домовъ и домовъ для неизлѣчимыхъ, 23 сиротскихъ дома, нѣсколько училищъ для канцелярскихъ служителей, фельдшерскихъ школъ и исправительныхъ заведеній. Совершенная неудовлетворительность постановки врачебнаго, педагогическаго и благотворительнаго дѣла во всѣхъ этихъ немногочисленныхъ учрежденіяхъ была общепризнана ко времени реформы и засвидѣтельствована офиціальными данными.

Соціально - экономическія условія крѣпостного строя накладывали свою печать на все дореформенное мѣст-

ное управленіе, уродливо развивая и усложняя его судебно-полицейскія функціи, обращая въ мертвую формалистику, выгодную развѣ только для одного помѣстнаго дворянства, его земско-хозяйственныя обязанности, усиливая власть и произволъ губернаторовъ и подчиненныхъ имъ чиновниковъ, заглушая общественную самодѣятельность и общественное самоуправленіе, замѣняя ихъ сплошь и рядомъ самой несносной опекой центра. Классовые интересы дворянства, суверенная власть помѣщика-дворянина въ его помѣстьѣ, порабощеніе огромной массы населенія опредѣляли тѣ предѣлы, въ которыхъ вращалась дореформенная мѣстная администрація; эти предѣлы были сравнительно широки для области судебно-полицейскаго воздѣйствія, крайне узки для хозяйственнаго управленія. Объективнымъ результатомъ всей дѣятельности дореформенной мѣстной администраціи являлась охрана неограниченнаго господства помѣстнаго дворянства надъ крѣпостнымъ населеніемъ. Только паденіе крѣпостного права открывало путь для преобразованія какъ организаціи управленія, такъ и его функцій. Оно же дѣлало это преобразованіе и приспособленіе къ новымъ соціально-экономическимъ условіямъ государственной необходимостью.

2.

Начало земской реформы.

Необходимая связь реформы мѣстнаго управленія съ паденіемъ крѣпостного права не осталась скрытой для правительства. По словамъ офиціальной исторической записки, „мысль о необходимости переустройства мѣстнаго общественнаго хозяйственнаго управленія, равно какъ преобразованіе прочихъ частей управленія — уѣзднаго, городского и губернскаго, возникла при начертаніи въ концѣ пятидесятыхъ годовъ положеній объ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости“. Уже въ 1858 году правительствомъ были сдѣланы вполнѣ опредѣленные шаги въ этомъ направленіи. Въ февралѣ 1858 г. были разсмотрѣны въ главномъ комитетѣ по крестьянскому дѣлу, а въ маѣ того же года—высочайше одобрены предварительныя соображенія о новомъ устройствѣ уѣзднаго управленія и о „порядкѣ разбора недоумѣній, могущихъ возникать между помѣщиками и крестьянами“. Уѣздную полицію и все вообще управленіе уѣздомъ рѣшено было сосредоточить въ рукахъ уѣзднаго начальника, назначаемаго преимущественно изъ военныхъ и облеченнаго большой властью; онъ предсѣдательствовалъ въ уѣздномъ управленіи (подъ этимъ названіемъ предполагалось объединить земскій судъ и городническое управленіе) и въ уѣздной расправѣ (спеціальномъ учрежденіи, организованномъ для разбора споровъ между помѣщиками и крестьянами); ему же былъ de facto подчиненъ уѣздный предводитель дворянства, лишавшійся такимъ образомъ своего прежняго главенствую-

щаго значенія въ уѣздѣ. Въ каждомъ станѣ предполагался становой приставъ съ помощниками. Кромѣ того, по мысли Ростовцева, вся Россія должна была быть раздѣлена на генералъ-губернаторства, съ назначеніемъ въ нихъ монархомъ довѣренныхъ лицъ съ особыми полномочіями; по слухамъ, эти генералъ-губернаторы были немедленно же назначены верховной властью *).

Нельзя отказать этому плану переустройства мѣстнаго управленія въ логической послѣдовательности. Династія и окружавшее ее высшее чиновничество пытаются использовать освобожденіе крестьянъ самымъ выгоднымъ для себя способомъ, создавая на развалинахъ крѣпостного режима строго централизованное, полицейское государство sans phrases, отнюдь не скрывая своей основной задачи—обезпеченія своей власти и надъ дворянствомъ, и надъ крестьянствомъ, своей вражды ко всякому самоуправленію и самодѣятельности и того и другого. Дореформенное мѣстное управленіе не сумѣло, какъ мы видѣли, организовать сильной власти въ уѣздѣ; проектъ реформы восполняетъ этотъ недостатокъ, создавая здѣсь особую административно - полицейскую должность, іерархически — подчиненную высшей бюрократіи и формально свободную отъ всякаго вліянія мѣстнаго дворянства. Губернаторская власть, усиленіе которой въ дореформенный періодъ мы уже имѣли случай наблюдать, признается все еще слабой; проектируются диктаторскія полномочія генералъ-губернаторовъ. Уродливое развитіе дореформеннаго мѣстнаго управленія получаетъ такимъ образомъ свое завершеніе. О преобразованіи хозяйственной администраціи вовсе не упоминается—старыя нормы, регулировавшія ее, остаются безъ перемѣнъ.

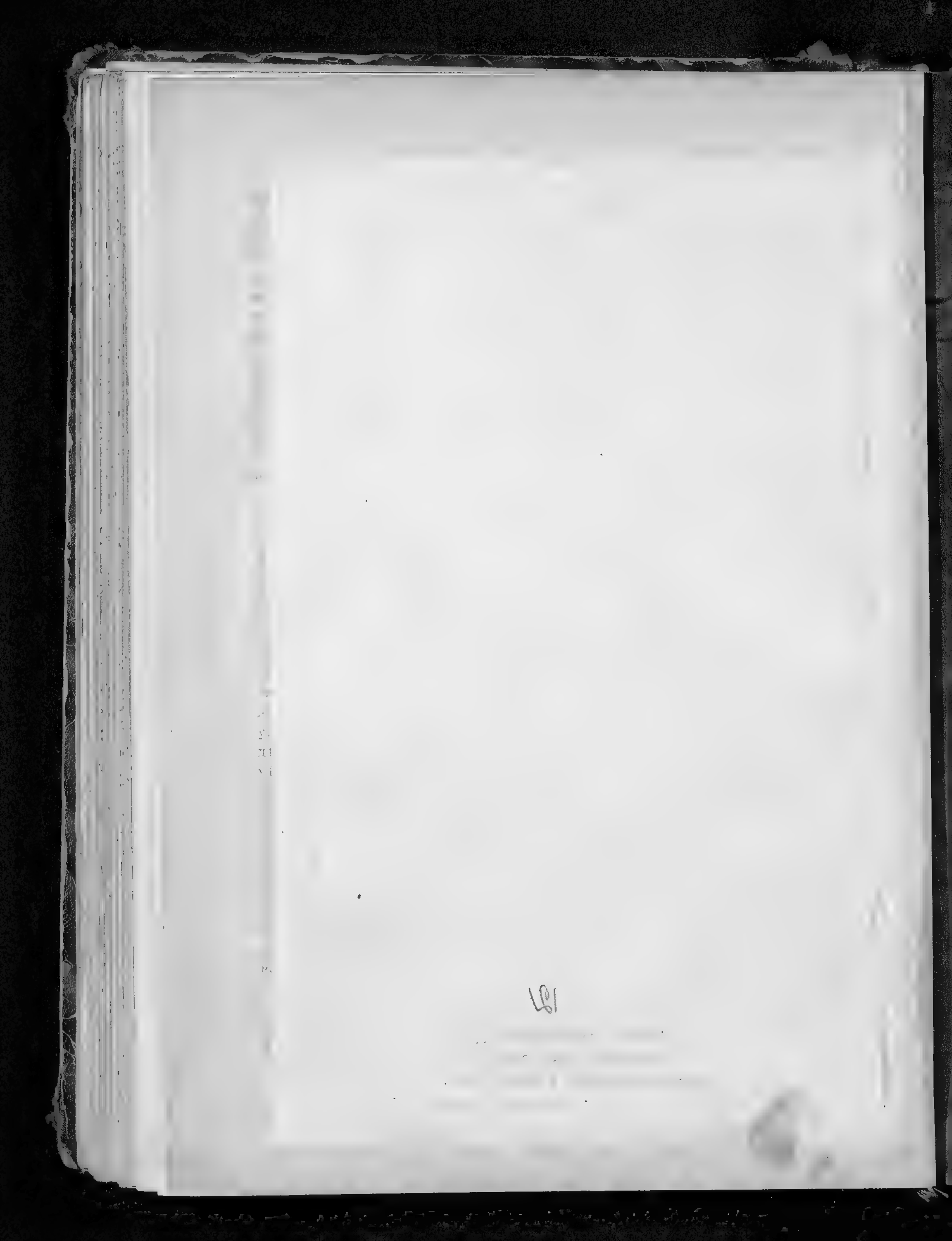
Правительственные проекты—какъ ни скрывались они въ глубокой канцелярской тайнѣ — не могли, конечно, остаться неизвѣстными господствующему сословію—помѣстному дворянству. Съ самой постановки правительствомъ на очередь крестьянской реформы началось сильнѣйшее возбужденіе въ средѣ дворянства; проектъ переустройства мѣстнаго управленія еще болѣе усилилъ его. Уже въ 1858 г. *) начинается формулировка дворянствомъ его требованій какъ въ области государственнаго права вообще, такъ и административнаго въ частности, формулировка, сопровождавшаяся безпощаднѣйшей критикой бюрократическихъ затѣй.

Консервативные представители дво-

*) Матеріалы для исторіи упраздненія крѣпостного состоянія. Стр. 268—9. Труды комиссіи о губернскихъ и уѣздныхъ учрежденіяхъ. Ч. I, кн. II, стр. 60.

*) И раньше такія пожеланія — не въ столь негодующемъ тонѣ — высказывались *отдѣльными* представителями дворянства. См., напр., „Записки" Кошелева, стр. 82—3 или „Матеріалы для біографіи кн. В. А. Черкасскаго, составленной кн. Трубецкой". Часть I, кн. I., прил. 2 (Записка о лучшихъ средствахъ къ постепенному переходу изъ крѣпостного состоянія—написана въ концѣ 1856 г.): „Преобразованіе администраціи государственной, конечно, необходимо и притомъ не въ однѣхъ только высшихъ, министерскихъ ея областяхъ... но еще и въ низшихъ, гдѣ язвы ея во всей наготѣ своей раскрыты взору всѣхъ и каждаго; ... необходимо призваніе дворянства къ истинно-серьезному контролю надъ дѣятельностью губернскихъ властей".

121

рянской аристократіи, крѣпостническаго крупнаго землевладѣнія, (С. И. Мальцевъ, Безобразовы, гр. Орловъ-Давыдовъ, Шуваловъ и др.) выработали цѣльную административно-политическую программу, основными пунктами которой являлись совѣщательное дворянское представительство въ центрѣ и передача дворянству всей административной власти на мѣстахъ. Характерно, какъ яростно они при этомъ открещивались отъ всякихъ конституціонныхъ замысловъ, которые приписывались имъ высшимъ чиновничествомъ. Нѣтъ, они добиваются лишь возстановленія старинной системы управленія, они первымъ своимъ долгомъ сочтутъ борьбу съ конституціоннымъ и революціоннымъ движеніемъ, или какъ выражается Безобразовъ, „верховная власть созоветъ около себя родныхъ, законныхъ своихъ совѣтниковъ и съ ними возстановитъ на твердыхъ основаніяхъ колеблющійся нынѣ государственный порядокъ, вновь воздвигнетъ уроненное самодержавіе".

Упорные сторонники сохраненія вотчинныхъ правъ за помѣщиками, Безобразовы и ихъ единомышленники добивались перенесенія англійскихъ аристократическихъ порядковъ въ высшія административныя единицы, гдѣ, каковъ бы ни былъ исходъ крестьянской реформы, совершенно невозможно было оставить старые, крѣпостническіе методы управленія. А совѣщательное представительство въ центрѣ должно было, наконецъ, примирить дворянское крупное землевладѣніе съ династіей и положить извѣстные предѣлы тому „недоразумѣнію", какимъ являлось въ ихъ глазахъ затѣянное правительствомъ освобожденіе крестьянъ. Такъ въ этихъ олигархическихъ требованіяхъ еще сильнѣйшимъ образомъ сказывалась старая, феодально-крѣпостническая психологія.

Нѣсколько иную административно-политическую программу выработали представители мелкаго и средняго землевладѣнія, въ особенности въ промышленныхъ губерніяхъ. Тверской губернскій комитетъ и его депутатъ въ редакціонныхъ комиссіяхъ (Унковскій) *) формулировали эту программу въ видѣ цѣлаго ряда требованій: строгаго раздѣленія властей, проведеннаго по всѣмъ ступенямъ управленія; независимаго, устнаго и гласнаго суда и суда присяжныхъ засѣдателей; отвѣтственности чиновниковъ безъ испрошенія согласія ихъ начальства; гласности и всесословнаго мѣстнаго самоуправленія съ преобладающимъ участіемъ въ немъ дворянства. Во главѣ всего мѣстнаго управленія (въ томъ числѣ и хозяйственно-распорядительнаго) предполагалось поставить уѣздныхъ предводителей, назначаемыхъ всесословнымъ уѣзднымъ собраніемъ. Низшей административной единицей являлась всесословная волость; волостное собраніе избирало волостного попечителя; вотчинныя права помѣщика, его судебно-полицейскія функціи въ помѣстьѣ, совершенно уничтожались. Преобладаніе дворянства въ мѣстномъ самоуправленіи тверской комитетъ, какъ мы уже говорили, считалъ необходимымъ, но совершенное устраненіе народнаго элемента изъ него онъ признавалъ со-

*) Джаншіевъ. Унковскій и освобожденіе крестьянъ. Стр. 125—130; его же: „Изъ эпохи великихъ реформъ". Стр. 140 и слѣд.

вершенно невозможнымъ; этимъ было бы положено, по его мнѣнію, революціонное начало въ самомъ основаніи общества; предоставленіе крестьянству участія въ управленіи должно было получить значеніе предохранительнаго клапана въ паровомъ котлѣ.

Другой представитель приблизительно тѣхъ же слоевъ дворянства, А. И. Кошелевъ, защищалъ аналогичную же програму; въ своемъ обращеніи къ депутатамъ дворянства второго призыва онъ говорилъ: „Чѣмъ мы будемъ вознаграждены за потерю власти (вотчинной)? Очевидно, не инымъ чѣмъ, какъ расширеніемъ нашихъ правъ на ту землю, которая остается въ нашемъ владѣніи, *предоставленіемъ намъ возможности имѣть вліяніе на окружающее насъ свободное населеніе*... Одно спасеніе для насъ, для народа, для государя есть принятіе нами благого рѣшенія присоединиться къ народу, слиться съ нимъ *и стать во главѣ его*. Все это возможно лишь при условіи ограниченія бюрократіи и усиленія мѣстнаго управленія". Требованіе совѣщательнаго дворянскаго представительства въ центрѣ также не забывается Кошелевымъ; оно лишь отодвигается имъ, изъ соображеній цѣлесообразности, нѣсколько вдаль. „Пуще всего" слѣдуетъ добиваться реформы мѣстнаго управленія и суда, а „все остальное придетъ само собой"; впрочемъ изъ этого „всего остальнаго" сейчасъ же необходимо реализовать кое-что, далеко не маловажное, а именно, собраніе дворянскихъ выборныхъ для обсужденія текущихъ правительственныхъ законопроектовъ.

Мы видимъ, что въ административно политической программѣ либеральной части дворянства звучатъ нѣсколько сильнѣе буржуазныя нотки, чѣмъ въ программѣ дворянской аристократіи *); потребности новаго времени выступаютъ здѣсь ярче, заслоняя въ глазахъ поверхностнаго наблюдателя сословно-дворянскія требованія. И эту программу нельзя назвать конституціонной, но буржуазный государственный порядокъ является *одной* изъ направляющихъ ее идей. Больше всего изъ-за сословныхъ пережитковъ страдаетъ, конечно, тотъ „демократизмъ", которымъ пытается прикрыться программа; противонародный характеръ ея бросается въ глаза.

Дальнѣйшее развитіе дворянской агитаціи не прибавило почти ничего новаго къ основнымъ требованіямъ дворянскихъ административно-политическихъ программъ. Въ редакціонныхъ комиссіяхъ и дворянскихъ собраніяхъ (адреса послѣднихъ начинаются съ 1859 и продолжаются даже послѣ изданія Положенія о земскихъ учрежденіяхъ 1864 г.) представители дворянской аристократіи и дворянскихъ „низовъ" очень часто выступали совмѣстно, рука объ руку, объединяясь на одной общей платформѣ, при содѣйствіи такихъ умѣлыхъ оппортунистовъ, какимъ былъ, напримѣръ, Кошелевъ **). У

*) Ср. Н. Іорданскій. Конституціонное движеніе 60-ыхъ годовъ, passim.

**) Кошелевъ отличался своимъ оппортунизмомъ не только въ общественной дѣятельности, но и въ личной жизни. Лучше всего свидѣтельствуютъ объ этомъ составленныя имъ самимъ „Записки". Издатель „Матеріаловъ для исторіи упраздненія крѣпостного состоянія" (также либеральный помѣщикъ) передаетъ, что Кошелевъ не

нихъ было много общаго: и негодованіе противъ угрожавшаго имъ полицейскаго государства, и стремленіе отстоять свои сословно-дворянскія привилегіи въ будущемъ свободномъ мѣстномъ самоуправленіи, и страхъ передъ широкими массами крестьянства.

Характерно, какъ при дальнѣйшемъ развитіи дворянской агитаціи и детализаціи дворянскихъ требованій, у дворянства, повидимому, пропадаютъ и охота и надежда получить въ свои руки *все* управленіе уѣздомъ и губерніей. Въ своихъ многочисленныхъ всеподданнѣйшихъ ходатайствахъ дворянскія собранія молчаливо—а иногда и громогласно—признаютъ необходимость правительственной администраціи и обращаютъ усиленное вниманіе лишь на организацію независимаго суда, гласности, отвѣтственности чиновниковъ передъ судомъ и мѣстнаго самоуправленія *по дѣламъ хозяйственно-распорядительнымъ*. Вырабатываются детальнѣйшіе проекты преобразованія земско-хозяйственныхъ присутствій дореформенной эпохи. Намѣчается широкая—въ предѣлахъ хозяйственнаго управленія — компетенція новыхъ—уѣздныхъ и губернскихъ—земскихъ учрежденій и ихъ полная самостоятельность какъ отъ уѣзднаго и губернскаго чиновничества, такъ и отъ центральной власти. И въ губерніи, и въ уѣздѣ предполагаются выборные исполнительные органы земства. Сорганизованное на всесословныхъ началахъ, это новое земство должно однако предоставить преобладающее вліяніе помѣстному дворянству; какъ откровенно выразилось новгородское губернское дворянское собраніе: „нужно имѣть въ виду, чтобы на земскихъ собраніяхъ элементъ образованный *не былъ подавленъ, и посему дворянству долженъ быть предоставленъ доступъ болѣе свободный для участія въ дѣлахъ собранія, чѣмъ другимъ, ниже его стоящимъ по развитію, сословіямъ* *).

Страхъ передъ этимъ „подавленіемъ“ широкими крестьянскими массами, страхъ передъ „изощреніемъ топоровъ противъ помѣщиковъ, ихъ семействъ и собратій“—проникаетъ вообще все дворянское движеніе съ самаго начала его до конца и сильнѣйшимъ образомъ ослабляетъ, конечно, энергію его давленія на династію и высшую бюрократію. Весь ходъ дворянской агитаціи вполнѣ оправдываетъ замѣчаніе Кошелева, который писалъ въ одномъ изъ своихъ памфлетовъ, что „дворянству нашему... несвойственны дѣйствія оппозиціонныя...; вѣроятно, оно рѣшится почтительно-вѣрноподданнически высказать свои опасенія и недоумѣнія“. Дальше вѣрноподданническихъ ходатайствъ движеніе и не пошло. Извѣстна лишь одна любопытная попытка—за все время крестьянской и земской реформы — дворянской агитаціи въ народныхъ

былъ приглашенъ Ростовцевымъ въ редакціонныя комиссіи вслѣдствіе ходившихъ слуховъ о не совсѣмъ добросовѣстныхъ дѣйствіяхъ его по откупамъ и противъ крестьянъ.

*) Еще краснорѣчивѣе постановленіе оренбургскаго дворянскаго собранія. (См. „Матеріалы по земскому устройству“, I, стр. 408); другія дворянскія собранія не были такъ щедры на принципіальныя заявленія о необходимости преобладанія дворянства; они стремились обезпечить его отдѣльными нормами своихъ проектовъ.

массахъ. Въ 1858 году С. П. Голицынъ издалъ тенденціозную народную брошюру въ 12 коп. сер., названную имъ „Печатной правдой" и снабженную изображеніемъ мужика, читающаго книжку; критикъ „Русскаго Вѣстника" тогда же остроумно назвалъ эту „печатную правду" — печатной ложью.

Такъ классовый характеръ дворянскаго движенія отразился не только на его административно-политической программѣ, но и на тактикѣ его, сузивъ и ослабивъ сильнѣйшимъ образомъ его размахъ.

Но слабая сторона дворянскаго движенія была также слабой стороной династіи и высшей бюрократіи. Страхъ передъ крестьянскими массами царилъ и въ правительственныхъ сферахъ, гдѣ едва не всеобщими были ожиданія крупнѣйшихъ крестьянскихъ волненій на другой же день послѣ освобожденія. Династія не переставала, въ сущности говоря, ни на одинъ моментъ искать согласія съ дворянствомъ. Уступчивость ея по отношенію къ извѣстнымъ требованіямъ послѣдняго диктовалась, кромѣ того, и новыми соціально-экономическими отношеніями, поскольку, лишь приспособляясь къ нимъ, возможно было создать централизованное полицейское государство, и поскольку административно-политическая программа дворянскаго движенія считалась — хотя бы въ незначительной степени — съ этимъ нарождавшимся буржуазно-капиталистическимъ строемъ. Правительство не могло долго настаивать на своемъ первоначальномъ проектѣ реформы мѣстнаго управленія, этомъ, такъ сказать, исправленномъ и дополненномъ изданіи крѣпостныхъ порядковъ. Даже губернаторы, на заключеніе которыхъ были отосланы соображенія проекта, дали о нихъ неблагопріятные отзывы. 25 марта 1859 г. состоялось новое высочайшее повелѣніе относительно главныхъ началъ будущаго устройства полиціи и учрежденій для разбора споровъ между помѣщиками и крестьянами, заключавшее въ себѣ уже нѣкоторыя уступки требованіямъ дворянства. Согласно этимъ началамъ, управленіе земской и городской полиціей объединялось въ одно уѣздное управленіе, составленное изъ предсѣдателя—уѣзднаго исправника, его помощника (оба — по назначенію), дворянскаго засѣдателя и двухъ сельскихъ засѣдателей; засѣдатели, конечно, должны были играть совершенно фиктивную роль. Начальство надъ всей городской и уѣздной полиціей передано уѣздному исправнику, содержаніе и классъ должности его повышены по сравненію съ прежнимъ положеніемъ земскаго исправника. Становые пристава оставлены въ уѣздѣ. Опредѣленіе во всѣ полицейскія должности, кромѣ ни для кого, въ сущности говоря, ненужныхъ засѣдателей, — и увольненіе отъ этихъ должностей — предоставлено губернаторамъ. Предположены усиленіе полицейской власти, увеличеніе ея самостоятельности и „точное опредѣленіе" тѣхъ случаевъ, когда уѣздная (и губернская) полицейская власть должна пользоваться „чрезвычайнымъ правомъ и полномочіемъ". Наконецъ, пунктъ 17-ый „главныхъ началъ" говорилъ о предоставленіи губернаторамъ въ извѣстныхъ случаяхъ „права дѣйствовать именемъ

Высочайшей власти“ и о назначеніи въ губерніи „по особеннымъ уваженіямъ“ спеціально уполномоченныхъ верховной властью лицъ. Мы видимъ, что въ области организаціи административно-полицейской власти „главныя начала“ 1859 г. почти ничѣмъ не отличаются отъ проекта 1858 г. Уступка была сдѣлана въ другомъ: согласно пунктамъ 6, 7 и 13 „главныхъ началъ“, слѣдственная часть отдѣляется отъ исполнительной полиціи и подчиняется министерству юстиціи; власть судебная вообще должна быть, „по возможности“, отдѣлена отъ власти исполнительной, а функціи послѣдней должны быть ограничены исключительно дѣлами полицейскими; наконецъ, согласно 16-ому пункту, „при устройствѣ исполнительной и слѣдственной полиціи, должно быть разсмотрѣно хозяйственно-распорядительное управленіе въ уѣздѣ, которое нынѣ раздѣляется между нѣсколькими комитетами и частью входитъ въ составъ полицейскаго управленія, причемъ необходимо предоставить хозяйственному управленію *большее единство, большую самостоятельность, большее довѣріе* и опредѣлить степень участія въ немъ каждаго сословія“. Написанная почти одновременно съ изданіемъ этихъ „главныхъ началъ“ всеподданнѣйшая записка министра внутреннихъ дѣлъ (августъ 1859 г.) дополняетъ указанные нами пункты, ставя, такъ сказать, точку надъ і *): „дабы вознаградить дворянъ за потерю помѣщичьей власти, *имъ слѣдуетъ предоставить первенство въ хозяйственной администраціи*“.

*) Н. П. Семеновъ. Освобожденіе крестьянъ, I, приложенія, стр. 826 и слѣд.

Итакъ, характеръ „главныхъ началъ“ 1859 г. для насъ ясенъ: обезпечивая сильную административно-полицейскую власть въ губерніи и уѣздѣ, бюрократически-организованную и строго зависимую отъ центра, они выдѣляютъ совершенно неразвитое въ крѣпостную эпоху земско-хозяйственное управленіе и строятъ его на всесословномъ началѣ съ значительнымъ преобладаніемъ въ немъ дворянства. Составленіе подробныхъ проектовъ положеній объ уѣздныхъ учрежденіяхъ, на основаніи этихъ началъ, было возложено на особую комиссію, учрежденную высочайшимъ повелѣніемъ 27 марта и составленную изъ предсѣдателя — статсъ-секретаря Н. А. Милютина, нѣсколькихъ членовъ отъ различныхъ министерствъ (въ томъ числѣ Жданова, Гирса, Соловьева, Калачова, Стояновскаго и др.), исполняющаго должность статсъ-секретаря Заруднаго и нѣсколькихъ губернаторовъ и высшихъ полицейскихъ чиновъ (Грота, Арцимовича, Шувалова и др.); позднѣе, 29 октября 1859 г. на эту же комиссію было возложено составленіе проектовъ преобразованія губернскихъ учрежденій, на тѣхъ же началахъ, что и уѣздныхъ.

Быстрѣе всего въ комиссіи подвигалось дѣло по преобразованію уѣздной полиціи. Уже въ 1860 г. новые проекты, касавшіеся этой стороны работъ комиссіи, были совершенно готовы, причемъ проектъ общаго учрежденія регулировалъ организацію, компетенцію, порядокъ дѣйствій, отчетность и отвѣтственность уѣздной полиціи, словомъ, всѣ стороны ея состава и дѣятельности. „Главныя

начала" 1859 г. были мастерски развиты Милютинской комиссией въ цѣльную послѣдовательную систему нормъ. Коллегіальный порядокъ управленія, какъ „ослабляющій быстроту, самостоятельность и силу полицейскаго дѣйствія", уступаетъ мѣсто, за ничтожными исключеніями, единоличной власти уѣзднаго исправника. „Какъ органъ правительственной власти", полиція назначается впредь губернскимъ начальствомъ, которому она вполнѣ подчинена. При охраненіи порядка и безопасности, полиція не должна быть стѣсняема административными или сословными преимуществами. Путемъ „удачной" ссылки на неудовлетворительное состояніе дореформеннаго суда, устраняется судебный контроль надъ дѣйствіями полиціи (жалобы на дѣйствія полиціи разсматриваются и рѣшаются непосредственнымъ начальствомъ ея; члены полицейскаго управленія предаются суду по опредѣленію губернскаго правленія и т. д.). „Въ случаяхъ чрезвычайныхъ" полномочія административно-полицейскихъ властей выростаютъ до чудовищныхъ размѣровъ, до военно-полевой юстиціи: если при чрезвычайныхъ случаяхъ народныхъ волненій и безпорядковъ, виновные оказали насильственное сопротивленіе оружіемъ военной командѣ, присланной для усмиренія, то *они предаются, по распоряженію губернатора учреждаемому на мѣстѣ чрезвычайному уголовному суду;* послѣдній составляется подъ предсѣдательствомъ уѣзднаго судьи изъ засѣдателя губернскаго полицейскаго управленія отъ того сословія, къ которому принадлежатъ виновные, слѣдственнаго судьи и *двухъ военныхъ офицеровъ*; онъ производитъ слѣдствіе и судъ на мѣстѣ, руководствуясь въ порядкѣ производства и рѣшенія дѣла *правилами, установленными для полевого-военнаго суда* *).

Сказаннаго достаточно для характеристики проектовъ Милютинской комиссіи, и мы не станемъ болѣе подробно разбирать ихъ тѣмъ болѣе, что лишь небольшая, хотя и очень важная, часть ихъ, касавшаяся организаціи полиціи, получила законодательное утвержденіе въ видѣ временныхъ правилъ 22 декабря 1862 г. Вслѣдствіе интенсивной законодательной дѣятельности, которая наблюдалась въ 60-ыхъ и 70-ыхъ годахъ (крестьянская, земская, судебная, городская и др. реформы), оказалось невозможнымъ ужъ въ самомъ началѣ этой эпохи подробно и систематически регламентировать на болѣе или менѣе долгій срокъ всѣ стороны дѣятельности губернскихъ и уѣздныхъ административно-полицейскихъ властей, тѣмъ болѣе это было невозможно, что дѣло шло о тѣхъ административно-полицейскихъ властяхъ, которыя должны были явиться главными, основными властями, опредѣлявшими весь характеръ мѣстнаго управленія въ пореформенномъ государствѣ. Временными правилами 1862 г. и были поэтому введены лишь самыя необходимыя съ этой точки зрѣнія реформы въ *организаціи* уѣздной администраціи, такъ какъ крѣпостныя формы этой организаціи оказывались

*) Статьи 223—226. Труды ком. объ уѣзд. и губ. уч., ч. I, кн. I, стр. 72—3; см. ibid., кн. II, стр. 123.

совершенно непримиримыми съ новыми началами полицейскаго государства. По отношенію же къ порядку дѣйствій и предѣламъ власти администраціи можно было оставить въ силѣ на извѣстный срокъ и старые законы 1837 г. (наказъ губернаторамъ, положеніе о земской полиціи), постепенно внося туда детальныя поправки путемъ текущаго законодательства по назрѣвавшимъ вопросамъ народной жизни.

На ту часть своихъ работъ, которая касалась *хозяйственно-распорядительнаго управленія*, Милютинская комиссія обратила меньше всего вниманія. Отложивъ выработку подробныхъ проектовъ на болѣе или менѣе отдаленное будущее — до преобразованія *губернскихъ* хозяйственныхъ учрежденій—она ограничилась составленіемъ „временныхъ правилъ объ уѣздныхъ земскихъ присутствіяхъ", которыя и помѣстила въ качествѣ приложенія къ одной изъ статей проекта общаго учрежденія уѣздной полиціи, ею же составленнаго. Характеренъ при этомъ и методъ работы комиссіи. Компетенція, предѣлы власти, порядокъ дѣйствій этихъ новыхъ уѣздныхъ земскихъ присутствій оставлены тѣ же самые, какіе мы наблюдали для дореформенныхъ хозяйственныхъ комитетовъ и земской полиціи. Новыя уѣздныя присутствія подчинены губернаторамъ и губернскимъ комитетамъ о земскихъ повинностяхъ, отъ которыхъ получаютъ разрѣшенія и указанія. Имъ переданы только тѣ дѣла, которыя производились въ дореформенныхъ отдѣльныхъ присутствіяхъ о земскихъ повинностяхъ, уѣздныхъ дорожныхъ комитетахъ, квартирныхъ комиссіяхъ и комитетахъ общественнаго здравія, далѣе,—дѣла, касавшіяся отправленія земскихъ натуральныхъ повинностей въ уѣздѣ, народнаго продовольствія, открытія фабрикъ, ярмарокъ и т. д.; словомъ, комиссія произвела чисто механическое сложеніе функцій дореформенныхъ земскихъ учрежденій и земской полиціи, и этимъ сочла свою задачу „временно" исполненной. Наконецъ, самый составъ этихъ уѣздныхъ присутствій: предсѣдателемъ является уѣздный предводитель дворянства, членами—дворянскій, городской и сельскій засѣдатели уѣзднаго полицейскаго управленія, крестьянскій засѣдатель уѣзднаго мирового присутствія, городской голова и, гдѣ таковые имѣются,—окружный начальникъ управленія государственныхъ имуществъ и удѣльный депутатъ. Уѣздный исправникъ получаетъ также сильное вліяніе на дѣла земства, такъ какъ исполненіе требованій присутствія, относящихся къ обязанностямъ уѣздной полиціи, должно дѣлаться черезъ него *).

Въ своихъ „историческихъ справкахъ" Джаншіевъ, основываясь на свѣдѣніяхъ, сообщенныхъ Леруа-Болье, полагаетъ, что „невыдержанность" земской реформы 1864 г. явилась слѣдствіемъ побѣды реакціонной партіи въ 1861 г. и паденія Н. А. Милютина. Это объясненіе совершенно не выдерживаетъ критики. Изученіе трудовъ комиссіи доказываетъ совершенно отличное отъ того, что полагалъ Джаншіевъ. Работы по земской реформѣ, детализація „главныхъ на-

*) Ibid., ч. I, кн. I, ст. 133—7 и кн. II: „Временныя правила объ уѣздныхъ земскихъ присутствіяхъ"—всего 15 статей.

чалъ“ 1859 г. („бо̀льшая самостоятельность, бо̀льшее довѣріе, бо̀льшее единство“), какъ разъ при Н. А. Милютинѣ не выходили изъ рамокъ самаго жалкаго копированія дореформенныхъ порядковъ. Династія и высшее чиновничество—въ рядахъ котораго находился и Милютинъ—не особенно охотно, и крайне медленно дѣлали *сколько-нибудь существенныя* уступки требованіямъ возбужденнаго дворянства (о позднѣйшемъ вліяніи революціоннаго движенія мы будемъ говорить ниже). Тѣмъ не менѣе, когда эти выработанныя Милютинской комиссіей временныя правила объ уѣздныхъ земскихъ учрежде-жденіяхъ были изготовлены и внесены въ государственный совѣтъ (апрѣль 1860 г.), они оказались слишкомъ запоздавшими. Было ясно, что эти временныя правила никого ужъ не могутъ удовлетворить, и ихъ пришлось вернуть обратно въ министерство внутреннихъ дѣлъ „для представленія оныхъ совмѣстно съ проектомъ положенія о *губернскихъ* учрежденіяхъ“ (высочайшее повелѣніе 9 іюня 1860 г.).

Колебанія въ высшихъ сферахъ дѣйствовали на комиссію, конечно, самымъ подавляющимъ образомъ. Относительно ея дальнѣйшихъ трудовъ въ 1860—61 гг. мы имѣемъ лишь самыя скудныя свѣдѣнія. Въ опубликованномъ Леруа-Болье письмѣ Милютина къ Головнину предсѣдатель комиссіи пишетъ отъ 22 января 1861 г.: мы проектируемъ двоякаго рода провинціальныя учрежденія; губернскія правленія подъ предсѣдательствомъ губернатора для дѣлъ административно-полицейскихъ и земскія присутствія или земскія учрежденія подъ предсѣдательствомъ предводителя дворянства или другого выборнаго лица для дѣлъ хозяйственно-экономическихъ, благотворительныхъ, des affaires de l'intérêt général и т. д.; мы предполагаемъ даровать этимъ земскимъ учрежденіямъ возможную самостоятельность подъ контролемъ выборныхъ отъ всѣхъ сословій и въ нѣкоторыхъ случаяхъ подъ надзоромъ губернаторовъ и министра *). На основаніи этого письма можно предположить, что комиссія сдѣлала нѣкоторые, небольшіе успѣхи по сравненію съ своимъ прежнимъ проектомъ, — но только предположить, такъ какъ подробностей ея работъ мы не знаемъ. Въ апрѣлѣ 1861 г. предсѣдательство въ комиссіи принялъ на себя новый министръ внутреннихъ дѣлъ П. А. Валуевъ. Тогда же комиссіей были составлены „главныя основанія“ преобразованія губернскихъ учрежденій—и работы комиссіи снова „замедлились“, какъ мягко выражается офиціальная историческая записка. Помогли дѣлу все тѣ же „несбыточныя ожиданія и свободныя стремленія разныхъ сословій,

*) Leroy-Beaulieu. Un homme d'état russe. P. 1884, p. 68 sq. Для характеристики колебаній высшихъ сферъ въ это время см. у того же Леруа-Болье (L'empire des tsars, t. II, p. 172): „Нѣкоторые совѣтники Александра II совѣтовали ему просто расширить составъ дворянскихъ собраній, допустивъ въ ихъ среду, кромѣ дворянъ-помѣщиковъ, также собственниковъ не-дворянъ и выборныхъ отъ крестьянъ“. Нѣсколько позже аналогичный проектъ „земской реформы“ нашелъ себѣ горячаго защитника въ лицѣ Каткова. При обсужденіи валуевскаго проекта въ государственномъ совѣтѣ московскій предводитель дворянства противопоставилъ ему этотъ катковскій проектъ.

возбужденныя по поводу образованія земскихъ учрежденій"; необходимость „положить предѣлъ" этимъ „ожиданіямъ и стремленіямъ", съ одной стороны, и проведеніе въ жизнь Положенія 19 февраля 1861 г., съ другой—вызвали, по словамъ той же исторической записки, въ началѣ 1862 г. высочайшій запросъ о положеніи работъ по составленію проекта положенія о земскихъ учрежденіяхъ, заставившій, наконецъ, комиссію и ея новаго предсѣдателя энергичнѣе взяться за дѣло. 22 февраля 1862 г. Валуевъ представилъ всеподданнѣйшій докладъ съ изложеніемъ основныхъ принциповъ земской реформы. 15 марта того же года въ совѣтѣ министровъ, а затѣмъ и въ особомъ совѣщательномъ собраніи совѣта министровъ былъ разсмотрѣнъ краткій очеркъ положенія о земскихъ учрежденіяхъ, составленный Валуевской комиссіей. Въ особомъ совѣщаніи была при этомъ прочитана критическая записка Н. А. Милютина и внесены нѣкоторыя измѣненія въ составленный комиссіей очеркъ положенія. 2 іюня 1862 г. этотъ очеркъ былъ утвержденъ Александромъ II, а осенью того же года опубликованъ во всеобщее свѣдѣніе. Наконецъ, въ мартѣ 1863 г. комиссіей были составлены окончательные проекты положенія о земскихъ учрежденіяхъ и временныхъ правилъ для земскихъ учрежденій по дѣламъ о земскихъ повинностяхъ, народномъ продовольствіи и общественномъ призрѣніи (впредь до коренного пересмотра соотвѣтствующихъ уставовъ); эти проекты были посланы на заключеніе главноуправляющаго II отдѣленіемъ собственной Е. И. В. канцеляріи графа М. А. Корфа, а затѣмъ 26 мая 1863 г. были внесены въ государственный совѣтъ.

Такова внѣшняя исторія подготовительныхъ работъ комиссіи по выработкѣ проекта положенія о земскихъ учрежденіяхъ. Мы должны теперь ознакомиться съ основнымъ характеромъ, съ существенными чертами этихъ трудовъ Валуевской комиссіи 1862—63 гг.

Задачи, которыя предстояло разрѣшить комиссіи, были не изъ легкихъ. Земско-хозяйственное управленіе, какъ мы выше видѣли, должно было быть выдѣлено изъ общей администраціи губерніи и уѣзда — таково основное условіе, при которомъ считалось возможнымъ какое бы то ни было самоуправленіе въ полицейскомъ государствѣ. Но что считать земско-хозяйственнымъ управленіемъ? Комиссія въ своихъ „соображеніяхъ" даетъ, повидимому, самый простой отвѣтъ. Земскими дѣлами губерній и уѣздовъ должны быть признаваемы дѣла, которыя составляютъ *мѣстный интересъ* губерніи и уѣзда: пока дѣйствія земскихъ учрежденій касаются только *мѣстнаго интереса*, *мѣстнаго хозяйства*, нѣтъ надобности въ участіи въ этихъ дѣлахъ государственной власти. Мы видимъ, комиссія хочетъ придерживаться основъ такъ называемыхъ общественно-хозяйственныхъ теорій мѣстнаго самоуправленія, противопоставляя чисто мѣстныя, чисто хозяйственныя дѣла самоуправляющейся единицы — дѣламъ государственнымъ. Но можетъ ли быть выдержано это противопоставленіе на практикѣ? Сама комиссія хорошо сознаетъ, что „*всѣ* дѣла, какія

только касаются губерніи или уѣзда, *всѣ* факты, совершающіеся въ предѣлахъ этихъ административныхъ единицъ, относятся, до извѣстной степени, къ мѣстнымъ интересамъ; общая государственная мѣра точно такъ же, какъ и отдѣльное дѣйствіе сельской или городской общины, имѣютъ свое прямое или косвенное вліяніе на интересы уѣзда или губерніи, въ предѣлахъ которой приводятся въ исполненіе". Если даже относить дѣла къ тому или другому разряду, въ зависимости отъ того, „какой интересъ является въ дѣлѣ главнымъ, преобладающимъ такъ сказать, характеристическимъ", то все же оказывается, что во многихъ случаяхъ разрѣшеніе и подобнаго вопроса „можетъ быть указано только *практическими соображеніями и историческими данными*". Такъ комиссія самымъ откровеннымъ образомъ провозглашаетъ банкротство принятаго ею же теоретическаго обоснованія и въ дальнѣйшемъ руководствуется уже только этими „практическими соображеніями и историческими данными". Новымъ земскимъ учрежденіямъ въ первую голову передаются дѣла о земскихъ повинностяхъ, но отнюдь не всѣ. Согласно началамъ, принятымъ одновременно засѣдавшей податной комиссіей, къ новымъ земскимъ учрежденіямъ должны были цѣликомъ перейти общія натуральныя земскія повинности; изъ денежныхъ же только тѣ, которыя удовлетворяли исключительно мѣстныя потребности, т. е. главнымъ образомъ такъ называемыя губернскія денежныя повинности; денежныя же земскія повинности, удовлетворявшія государственныя потребности, должны были получить форму и характеръ общихъ государственныхъ податей, т. е. перейти изъ рукъ земства къ государству. Валуевская комиссія принимаетъ цѣликомъ эти начала, отказываясь такимъ образомъ отъ „историческихъ данныхъ", которыя въ этомъ случаѣ довольно рѣзко разошлись съ „практическими соображеніями". Дореформенный уставъ о земскихъ повинностяхъ (а еще болѣе дореформенная административная практика), какъ мы знаемъ, не проводилъ принципіально строгаго отдѣленія мѣстныхъ потребностей отъ государственныхъ, ввѣряя почти на одинаковыхъ основаніяхъ старому земству и государственныя денежныя повинности, и губернскія. „Практическія соображенія" полицейскаго государства не могли, конечно, терпѣть такого порядка, при которомъ, по позднѣйшему выраженію Валуева въ государственномъ совѣтѣ, „единая правительственная власть раздробляется между 40 или 50 отдѣльными единицами и общественный порядокъ подвергается опасности". Но еще характернѣе для метода работы комиссіи слѣдующее: только что рѣшивъ вопросъ объ оставленіи за земскими учрежденіями „исключительно мѣстныхъ" потребностей, комиссія однако нашла, что значительнѣйшая часть этихъ самыхъ „исключительно мѣстныхъ" потребностей имѣетъ не только мѣстный, но и государственный интересъ, и признала выполненіе большей части этихъ повинностей *обязательнымъ* для земства. Такъ снова была посрамлена своя же собственная теорія!

Далѣе комиссія проектировала передачу новымъ земскимъ учрежде-

ніямъ дѣлъ по народному продовольствію, но также не всѣхъ. Продовольственные запасы хлѣба передавались въ распоряженіе сельскихъ и волостныхъ обществъ, а земскимъ учрежденіямъ ввѣрялся лишь надзоръ за дѣйствіями сходовъ. Денежные продовольственные капиталы передавались въ распоряженіе земскихъ учрежденій, но нѣкоторая часть ихъ, „въ силу государственной необходимости“, удерживалась центральнымъ правительствомъ въ видѣ общаго по имперіи капитала для пособія мѣстностямъ, подвергающимся особо крайей нуждѣ въ продовольствіи; *) кромѣ того, въ распоряженіи министерства государственныхъ имуществъ оставлены центральные хлѣбные магазины. За этими исключеніями, обязанности, которыя въ дореформенное время возлагались на комиссіи народнаго продовольствія, на мѣстныхъ агентовъ управленій государственныхъ имуществъ и удѣловъ, уѣздныхъ предводителей дворянства, попечителей магазиновъ, — ввѣрялись губернскимъ и уѣзднымъ земскимъ учрежденіямъ. Къ компетенціи ихъ были такимъ образомъ отнесены: завѣдываніе и распоряженіе продовольственнымъ капиталомъ губерніи или уѣзда, усиленіе или сокращеніе сборовъ на народное продовольствіе, принятіе общихъ мѣръ обезпеченія продовольствія, надзоръ за дѣйствіями сельскихъ и волостныхъ сходовъ по продовольственной части, надзоръ за исполненіемъ правилъ о привозѣ и продажѣ мѣстныхъ припасовъ и о таксахъ, наконецъ, представленія высшему правительству о чрезвычайныхъ случаяхъ, требующихъ распоряженія центральной власти *).

Дѣла общественнаго призрѣнія также передавались въ вѣдѣніе новыхъ земскихъ учрежденій. Капиталы, заведенія и имущества приказовъ общественнаго призрѣнія распредѣлялись между губернскимъ и уѣзднымъ земствомъ. На земскія же учрежденія возлагалось принятіе общихъ по уѣзду или губерніи мѣръ призрѣнія и мѣръ противъ нищенства, а также попеченіе о распространеніи оспопрививанія. Расходы, установленные уставомъ общественнаго призрѣнія, предположено также признать *обязательными* для земства.

Покончивъ съ дѣлами дореформеннаго земства, комиссія сочла затѣмъ возможнымъ передать новымъ земскимъ учрежденіямъ также управленіе дѣлами взаимнаго земскаго страхованія строеній отъ огня, попеченіе о развитіи мѣстной торговли и промышленности, раскладку государственныхъ денежныхъ сборовъ на основаніи особыхъ изданныхъ объ этомъ узаконеній, представленіе губернскому начальству, по его приглашенію, или по переданному имъ требованію высшихъ правительственныхъ властей, свѣдѣній и заключеній по предметамъ, касающимся мѣстныхъ интересовъ уѣзда или губерніи *и ходатайство по этимъ предметамъ*, наконецъ, дѣла, которыя

---

*) На этомъ настоялъ въ общемъ присутствіи комиссіи Валуевъ—вопреки первоначальнымъ предположеніямъ особаго отдѣла комиссіи. Матер. по земск. общ. устройству, I, стр. 264 и слѣд., тамъ же стр. 137—8, 235—6.

*) Расходы по дѣламъ о народномъ продовольствіи были также признаны обязательными для земства.

будутъ ввѣрены земству особыми уставами или правительственными распоряженіями. Кромѣ того, земскимъ учрежденіямъ, какъ юридическимъ лицамъ, предположено предоставить управленіе земскими имуществами и капиталами, пріобрѣтеніе, отчужденіе ихъ и т. д.; какъ публично-правовымъ организаціямъ имъ дано право назначенія раскладки и расходованія мѣстныхъ денежныхъ сборовъ на удовлетвореніе мѣстныхъ потребностей губерніи или уѣзда, производство выборовъ въ члены земскихъ учрежденій и назначеніе суммъ на ихъ содержаніе.

Характерно, что среди новыхъ дѣлъ, предоставленныхъ земскимъ учрежденіямъ, мы не находимъ ни содержанія почты въ губерніи, ни попеченія о распространеніи народнаго образованія, ни попеченія о народномъ здравіи, а передача именно этихъ дѣлъ, — и многихъ другихъ—требовалась многочисленными дворянскими ходатайствами. Если попеченіе о народномъ здравіи еще можно было подразумѣвать подъ мѣрами общественнаго призрѣнія, предоставленнаго земству, то относительно распространенія народнаго образованія Валуевъ, отстаивая нѣсколько позднѣе проектъ комиссіи въ государственномъ совѣтѣ, прямо заявилъ, что „еще не рѣшено, можетъ ли быть предоставлено въ дѣлахъ сего рода (рѣчь шла относительно попеченія о тюрьмахъ и распространеніи народнаго образованія) какое-либо участіе земскимъ учрежденіямъ, и если можетъ, то въ какой мѣрѣ"; поэтому упоминать о немъ въ проектѣ „было бы крайне неосторожно".

Опредѣливъ компетенцію земскихъ учрежденій, комиссія перешла къ установленію *предѣловъ власти* ихъ. Придерживаясь общественно-хозяйственной теоріи самоуправленія, такъ хорошо, повидимому, приспособленной къ основнымъ требованіямъ полицейскаго государства, комиссія, несомнѣнно, поступила бы вполнѣ логично, приравнявъ органъ мѣстнаго самоуправленія къ частнымъ союзамъ, акціонернымъ компаніямъ и тому подобнымъ организаціямъ частно-правового характера. Вопросъ о предѣлахъ власти былъ бы, конечно, разрѣшенъ самымъ простымъ образомъ, и въ соображеніяхъ комиссіи можно найти характерныя мѣста, склоняющіяся именно къ такому рѣшенію вопроса: „Земскія учрежденія, имѣя характеръ мѣстный и общественный, очевидно, не могутъ входить въ рядъ правительственныхъ —губернскихъ или уѣздныхъ—инстанцій, или имѣть въ своемъ подчиненіи какія-либо изъ правительственныхъ мѣстъ; подчиняясь общимъ законамъ на томъ же основаніи, *какъ частныя лица или отдѣльныя общества*, земскія учрежденія, съ другой стороны, имѣютъ право на содѣйствіе и исполненіе законныхъ своихъ требованій правительственными лицами и учрежденіями..."; „завѣдываніе земскими дѣлами уѣздовъ или губерній должно быть ввѣрено населенію уѣзда и губерніи на томъ же основаніи, какъ хозяйство частное предоставляется распоряженію частнаго лица, хозяйство общественное—распоряженію самаго общества". Удержаться на этой точкѣ зрѣнія комиссія, конечно, не могла—она должна была бы въ такомъ случаѣ отвергнуть принудительный характеръ

земскихъ единицъ, отрицать за ними, напримѣръ, финансовую власть, право принудительнаго обложенія населенія — и это при соціально-экономическихъ условіяхъ нарождавшагося буржуазно-капиталистическаго строя! Комиссія пытается стать на другую точку зрѣнія: „земскимъ учрежденіямъ... должна быть предоставлена *дѣйствительная и самостоятельная власть* въ завѣдываніи дѣлами мѣстнаго интереса, мѣстнаго хозяйства губерній или уѣздовъ“. Но мы уже знаемъ, что всѣ дѣла мѣстнаго интереса являются дѣлами и общегосударственнаго интереса. Признаетъ это и комиссія, заявляя, что „распоряженія по земскимъ дѣламъ губерніи и уѣзда нерѣдко могутъ имѣть существенное значеніе для интересовъ государственныхъ и правительственныхъ“. Слѣдовательно, „дѣйствительная и самостоятельная власть“ земства должна быть „дополнена“, по мнѣнію комиссіи, во-первыхъ, общимъ *надзоромъ правительственной власти за законностью состоявшихся постановленій* и *отвѣтственностью земскихъ учрежденій передъ судебной властью* *), а во-вторыхъ, *прямымъ спеціальнымъ „наблюденіемъ“ правительства, выражающимся въ формальномъ утвержденіи нѣкоторыхъ, особенно важныхъ для государственныхъ интересовъ распоряженій земства*; какихъ именно — опредѣляютъ и здѣсь, конечно, уже знакомыя намъ „практическія соображенія“ и „историческія данныя“.

*) Противозаконныя дѣйствія земскихъ собраній и управъ разсматриваются по требованіямъ правительственныхъ и общественныхъ учрежденій въ сенатѣ, который имѣетъ право уничтожить ихъ и предать виновныхъ уголовному суду, принявъ въ соображеніе заключеніе начальника губерніи.

Спеціальное „наблюденіе“ правительственной власти регулируется слѣдующими нормами. Только въ томъ случаѣ, если въ теченіе семи дней не получится отзыва отъ губернатора о его несогласіи на постановленіе, оно можетъ быть приведено въ исполненіе. Для министра этотъ срокъ увеличенъ до двухъ мѣсяцевъ. Мало того, губернаторъ получаетъ еще право veto въ тотъ же семидневный срокъ по отношенію ко *всѣмъ постановленіямъ земскихъ учрежденій, противнымъ законамъ или общимъ государственнымъ пользамъ*. Такое же право предоставляется и министру внутреннихъ дѣлъ въ теченіе всего промежутка времени между двумя сессіями земскаго собранія. И это veto губернаторовъ и министра внутреннихъ дѣлъ имѣетъ, вопреки мнѣнію Лохвицкаго, характеръ болѣе сложный и болѣе тягостный для мѣстнаго самоуправленія, чѣмъ обычное пріостанавливающее veto. Отзывы губернаторовъ и министра поступаютъ на разсмотрѣніе земскихъ собраній. Собранія постановляютъ свои „окончательныя“ заключенія, которыя должны приводиться немедленно въ исполненіе. Но министръ и губернаторы получаютъ право вторичнаго пріостановленія тѣхъ постановленій собраній, которыя они признаютъ незаконными. Они обязаны увѣдомить объ этомъ въ теченіе семи дней земское собраніе или земскую управу и представить все дѣло на разрѣшеніе правительствующаго сената. Опредѣленія сената исполняются безпрекословно, и на нихъ возможна для земскихъ собра-

ній лишь жалоба государю через комиссію прошеній.

Характерное обсужденіе этихъ проектированныхъ комиссией нормъ, подмѣнивавшихъ „дѣйствительную и самостоятельную власть“ земства сильнѣйшимъ вліяніемъ центральной власти и ея главныхъ мѣстныхъ агентовъ на земскія дѣла, происходило въ особомъ совѣщательномъ собраніи, созванномъ при совѣтѣ министровъ. Здѣсь была прочитана записка Н. А. Милютина, изъ которой ясно видно, что Милютинъ принципіально стоялъ на той же точкѣ зрѣнія, что и Валуевская комиссія. Возраженія его касались только излишнихъ и преувеличенныхъ стѣсненій земскихъ учрежденій. „Правильно поставленное земство“, писалъ Милютинъ, „привлечетъ къ себѣ лучшихъ образованныхъ людей, подниметъ уровень мѣстной администраціи, освободитъ высшее правительство отъ массы дѣлъ, *дастъ молодымъ поколѣніямъ практическое направленіе и отвлечетъ отъ анархіи*... При нынѣшнемъ (1862 г.) настроеніи русскаго общества можно разсчитывать на участіе лучшихъ и благонамѣренныхъ людей въ такомъ только случаѣ, когда они увидятъ, что ихъ призываютъ не для исполненія какихъ-либо механическихъ формальностей, но для разумной и истинно полезной дѣятельности, и въ то же время правительство, отказавшись отъ безплодныхъ усилій направлять и контролировать малѣйшія дѣйствія мѣстнаго управленія, не только ничего не потеряетъ, но пріобрѣтетъ новую силу, *сосредоточивъ все свое вниманіе на общихъ государственныхъ интересахъ*. Съ этой точки зрѣнія должно особенно настаивать на необходимости дать самое по возможности широкое развитіе *хозяйственной* дѣятельности новыхъ учрежденій. ...Нѣтъ надобности основывать новый законъ исключительно на недовѣріи или на преувеличенныхъ опасеніяхъ. *Тѣмъ не менѣе нужно отвратить всякое стремленіе выйти изъ предѣловъ законовъ*“. Исходя изъ этихъ соображеній, Милютинъ подвергъ критикѣ лишь нѣкоторыя проектированныя комиссией нормы относительно компетенціи и предѣловъ власти земскихъ учрежденій. Онъ полагалъ, что земству слѣдуетъ передать не только всѣ губернскія, но и государственныя земскія повинности, въ частности постройки и содержаніе дорогъ и почтовыхъ станцій. Соглашаясь, что въ извѣстныхъ случаяхъ дѣйствія земскихъ учрежденій должны подлежать наблюденію и утвержденію мѣстныхъ властей, онъ считалъ необходимымъ точно перечислить эти случаи въ законѣ. Наконецъ, онъ возражалъ противъ предоставленныхъ проектомъ комиссіи губернатору правъ утверждать членовъ земскихъ управъ, присутствовать на засѣданіяхъ губернскаго собранія съ совѣщательнымъ голосомъ и утверждать приговоры земскихъ управъ о преданіи своихъ членовъ суду. Очевидно, подъ вліяніемъ этихъ замѣчаній Милютина, особое совѣщаніе, а за нимъ и совѣтъ министровъ, выбросили изъ проекта комиссіи послѣднія двѣ оспоренныя Милютинымъ нормы; зато была добавлена статья, что въ случаѣ явнаго бездѣйствія земскихъ учрежденій, губернаторъ дѣлаетъ имъ напоминаніе, а въ случаѣ ихъ безуспѣшности приступаетъ, за своей

личной отвѣтственностью, къ непосредственнымъ исполнительнымъ распоряженіямъ насчетъ земства.

Но вернемся къ работамъ комиссіи. Не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что проектированныя комиссіей нормы, (въ которыя особое совѣщаніе внесло лишь незначительныя измѣненія), нарушали самымъ тяжкимъ образомъ интересы самоуправленія. Эти нормы устанавливали контроль надъ мѣстнымъ самоуправленіемъ не только центральнаго правительства, но и контроль надъ нимъ высшаго административно-полицейскаго должностного лица въ губерніи, контроль не только надъ законностью дѣйствій органовъ самоуправленія, но и надъ соотвѣтствіемъ ихъ „государственнымъ пользамъ", мало того, даже контроль надъ составомъ должностныхъ лицъ земства. Наконецъ, рѣшающей инстанціей признанъ первый департаментъ сената, высшій органъ административной юстиціи (земскія учрежденія получили право приносить жалобы первому департаменту сената на относящіяся до нихъ распоряженія губернаторовъ и высшихъ административныхъ властей; роль сената, какъ рѣшающей инстанціи при протестахъ губернаторовъ и министра внутреннихъ дѣлъ, мы уже подробно излагали выше). Между тѣмъ замѣнить независимую судебную коллегію, единственно компетентную для разрѣшенія конфликтовъ мѣстнаго самоуправленія съ центральнымъ правительствомъ, первый департаментъ сената, конечно, не могъ. Теорія и практика, напримѣръ, французскаго административнаго права, ясно свидѣтельствуетъ, что административная юстиція является, въ сущности говоря, той же администраціей, обставленной призрачными ограниченіями, дѣйствующей ради охраны интересовъ правительства и еще болѣе усиливающей административную централизацію *).

Но если комиссія въ интересахъ усиленія административной централизаціи вносила въ контроль правительства надъ земскими учрежденіями чуть ли не дореформенное начало опеки, вступая такимъ образомъ въ непримиримое противорѣчіе съ общественной теоріей самоуправленія, которой она оправдывала проектированную ею систему нормъ, — зато она упорно придерживалась самаго рѣзкаго противопоставленія органовъ общей администраціи и органовъ хозяйственнаго самоуправленія, какъ только дѣло касалось *исполнительной*, *административной* власти послѣднихъ. Въ результатѣ земскія учрежденія получали извѣстную компетенцію, но почти безъ всякой власти (Градовскій); выражаясь словами составителей „соображеній" комиссіи, „земскія учрежденія, имѣя характеръ мѣстный и общественный..., не могли имѣть въ своемъ подчиненіи какія-либо изъ правительственныхъ мѣстъ"... Но вѣдь они должны управлять мѣстными дѣлами, должны взыскивать налоги съ населенія, должны принимать мѣры къ развитію торговли и промышленности, къ обезпеченію народнаго продовольствія, къ прекращенію нищенства и т. д.—и въ *исполненіи* всѣхъ своихъ распоряженій

*) Свѣшниковъ. Основы и предѣлы самоуправленія, стр. 225, и ч. II, гл. IV passim.

и постановленій, касавшихся этихъ предметовъ — они вполнѣ зависимы отъ доброй воли совершенно оторванныхъ отъ нихъ общеправительственныхъ лицъ и учрежденій, на содѣйствіе которыхъ они *имѣютъ право*, на принужденіе которыхъ у нихъ совершенно *нѣтъ власти*! Мало того, связь ихъ съ населеніемъ кончается уѣзднымъ земствомъ и не проникаетъ ниже: мелкой земской единицы не установлено. Земскія управы приравнены чуть ли не къ правленіямъ акціонерныхъ компаній; они не имѣютъ на мѣстахъ облеченныхъ надлежащей властью агентовъ, да и не могутъ ихъ имѣть, такъ какъ въ этомъ случаѣ пришлось бы организовать въ губерніи и уѣздѣ цѣлый рядъ учрежденій, почти параллельныхъ общеправительственнымъ. Земскія учрежденія неминуемо попадаютъ такимъ образомъ въ косвенную зависимость отъ губернской и уѣздной администраціи, обладающей всей исполнительной властью. Уже Головачевъ подмѣтилъ это въ своемъ критическомъ обзорѣ земской реформы: „Положимъ, земское собраніе опредѣлитъ извѣстный налогъ, но плательщики его не вносятъ... Что дѣлать въ такомъ случаѣ? взыскивать черезъ полицію? а если полиція не исполнитъ требованія? Скажутъ, можно жаловаться губернатору. Но вѣдь полиція не сознается, что она не хочетъ исполнить требованія управы, и представитъ множество обстоятельствъ, по которымъ ей не было времени заниматься взысканіемъ. Что дѣлать тогда?.. Возьмемъ другой примѣръ: управленіямъ для представленія смѣтъ и раскладокъ нужны различныя свѣдѣнія изъ волостныхъ правленій; но волостной старшина отъ управы не зависитъ и можетъ не исполнить требованія управы въ особенности, если мировой посредникъ не въ ладахъ съ управой. Такимъ образомъ свѣдѣній нѣтъ, нѣтъ и смѣтъ, нѣтъ и раскладокъ. Собраніе открывается, и ему нечего утверждать и нечѣмъ исполнять обязательныхъ расходовъ. Это случаи не невозможные. На дѣлѣ мы слышали, что по взаимному страхованію въ одной управѣ нѣтъ денегъ на уплату за сгорѣвшія зданія вслѣдствіе недоимокъ, взысканія которыхъ управа не можетъ добиться. Развѣ органы самоуправленія могутъ находиться въ подобныхъ положеніяхъ?“ *)

Больше всего вниманія комиссія, какъ видно изъ ея трудовъ, посвятила вопросамъ *организаціи* земскихъ учрежденій. Признавъ, что „завѣдываніе земскими дѣлами уѣзда и губерніи должно быть ввѣрено самому населенію уѣзда и губерніи“, такъ какъ „никто не можетъ усерднѣй и заботливѣй вести хозяйственное дѣло, какъ тотъ, кому оно принадлежитъ“ (sic), комиссія высказывается за установленіе имущественнаго ценза для выборовъ въ уѣздныя земскія собранія: „общимъ правиломъ, общей мѣрой участія въ мѣстныхъ интересахъ, а черезъ то и участія въ управленіи ими, принимается размѣръ имуществъ, тѣмъ

*) Въ любомъ отчетѣ или сборникѣ постановленій новыхъ земскихъ учрежденій можно найти достаточное число жизненныхъ иллюстрацій этой зависимости органовъ самоуправленія отъ доброй воли общеправительственной администраціи въ дѣлѣ взысканія земскихъ сборовъ. Подробнѣй объ этомъ мы будемъ говорить въ III части.

или другимъ лицомъ владѣемаго". Итакъ, уѣздное собраніе должно составиться изъ представителей цензовой буржуазіи. Но здѣсь комиссія сталкивается съ сословно-дворянскими требованіями, и хотя она знаетъ, что „сословное дѣленіе, доселѣ признаваемое и принятое закономъ, не согласно съ характеромъ земскихъ учрежденій, имѣющихъ въ принципѣ не сословные, а общіе хозяйственные интересы", но она должна же считаться съ необходимостью „вознаградить дворянъ за потерю ими помѣщичьей власти"! Кромѣ того, комиссіи отнюдь не улыбалась, повидимому, перспектива лишенія избирательныхъ правъ только что освобожденнаго крестьянства, среди котораго лишь начинался процессъ имущественной дифференціаціи *), и это тѣмъ болѣе, что ей представлялось возможнымъ подмѣнить представительство крестьянства въ земствѣ „послушнымъ" представительствомъ крестьянскихъ должностныхъ лицъ—волостныхъ старшинъ и сельскихъ старостъ, подчиненныхъ общеправительственной — губернской и уѣздной—администраціи.

И вотъ комиссія начинаетъ вводить „коррективы" къ только что установленному ею же имущественному цензу. Уѣздное населеніе раздѣляется для избранія представителей на три главныя части: частные (или уѣздные) землевладѣльцы, не входящіе въ составъ обществъ, общества городскія и общества сельскія. Въ каждомъ изъ этихъ классовъ преобладаетъ „одно изъ главныхъ исторически-сложившихся сословій". Въ уѣздѣ образуются такимъ образомъ три избирательныя собранія.

Въ избирательномъ собраніи уѣздныхъ землевладѣльцевъ главное участіе, конечно, принимаютъ землевладѣльцы-дворяне, въ рукахъ которыхъ сосредоточена огромнѣйшая часть всей частной земельной собственности. Чтобы обезпечить господство въ избирательныхъ собраніяхъ въ частности за *крупнымъ и среднимъ дворянскимъ* землевладѣніемъ, комиссія проектируетъ и для дворянъ-землевладѣльцевъ высокій имущественный цензъ—сначала въ 50 высшихъ, указныхъ надѣловъ, а затѣмъ послѣ обсужденія въ особомъ совѣщаніи — даже въ 100 среднихъ душевыхъ надѣловъ (200—800 десятинъ въ различныхъ мѣстностяхъ). Далѣе первоначальный проектъ комиссіи вовсе отвергаетъ какое бы то ни было участіе въ выборахъ мелкаго дворянскаго землевладѣнія, даже черезъ уполномоченныхъ, и только послѣ обсужденія въ особомъ совѣщаніи, послѣднее вводится въ проектъ комиссіи. Землевладѣльцы-дворяне, владѣющіе не менѣе $^1/_{20}$ ценза (10—40 десятинъ), получаютъ право избирать уполномоченныхъ, по одному на полный цензъ. Голосъ крупнаго дворянина-землевладѣльца имѣетъ такимъ образомъ на выборахъ такое же зна-

*) Jbid. I, стр. 178—9 (Жур. общ. присут. ком., засѣд. 10 и 12 марта 1862 г.) „...Въ настоящее время разрядъ крестьянъ-собственниковъ еще крайне ограниченъ..., самое матеріальное положеніе крестьянъ-собственниковъ не можетъ считаться особенно и рѣзко превосходящимъ положеніе крестьянъ-пользователей. Въ настоящее время, повидимому, удобнѣй не дѣлать различія между крестьянами-собственниками и крестьянами-пользователями въ отношеніи правъ и способовъ участія въ составѣ земскихъ собраній".

ченіе, какъ 20 голосовъ его болѣе мелкихъ сосѣдей. Наименѣе же обезпеченная часть помѣстнаго дворянства (владѣющая менѣе $^1/_{20}$ ценза) попрежнему устранена отъ выборовъ. Зато лица съ дворянско-служебнымъ цензомъ (занимавшія въ теченіе трехлѣтія должности мировыхъ посредниковъ или судей) допускаются въ избирательныя собранія на равныхъ правахъ съ крупными землевладѣльцами.

Кромѣ землевладѣльцевъ-дворянъ, въ этомъ же избирательномъ собраніи участвуютъ немногіе землевладѣльцы-не-дворяне, долгосрочные арендаторы и уѣздные промышленники (послѣдніе могли играть сколько-нибудь видную роль лишь въ наиболѣе промышленныхъ губерніяхъ). Во избѣжаніе наплыва всѣхъ этихъ не дворянскихъ элементовъ въ избирательномъ собраніи для нихъ проектируется *повышенный* цензъ: для землевладѣльцевъ не-дворянъ 200 среднихъ душевыхъ надѣловъ (для участія въ избраніи уполномоченныхъ требуется ужъ $^1/_{10}$ повышеннаго ценза, т. е. 40—160 дес.), для арендаторовъ — шестилѣтняя аренда пространства земли, равнаго 400 душевымъ надѣламъ, для уѣздныхъ промышленниковъ—стоимость предпріятія въ 15.000 р. или годовой оборотъ въ 6.000 р. (для арендаторовъ и уѣздныхъ промышленниковъ, не владѣющихъ полнымъ цензомъ, избраніе уполномоченныхъ вовсе не допускается). Въ избирательное собраніе непосредственно входятъ такимъ образомъ лишь очень немногіе, наиболѣе крупные буржуазные элементы уѣзда. Къ числу „гражданъ“ второго разряда, избирающихъ только уполномоченныхъ, отнесены даже средніе не-дворяне-землевладѣльцы. Все мелкое не-дворянское землевладѣніе цѣликомъ отнесено къ разряду „лишенныхъ всѣхъ правъ“ (здѣсь имѣлись въ виду главнымъ образомъ будущіе крестьяне-собственники).

Льготный цензъ былъ удержанъ комиссіей лишь для сельскаго духовенства, хотя земли послѣдняго, по закону, не облагаются земскими сборами. Причины такой необычной привилегіи не скрывались комиссіей: представительство духовенства являлось желательнымъ и „особенно важнымъ въ мѣстностяхъ съ преобладающимъ польско-литовскимъ землевладѣніемъ“...

При всей сложности избирательныхъ нормъ, при всемъ разнообразіи цензовъ, характеръ избирательнаго собранія уѣздныхъ землевладѣльцевъ является такимъ образомъ вполнѣ опредѣленнымъ: въ немъ обезпечено самымъ прочнымъ и дѣйствительнымъ образомъ сильнѣйшее преобладаніе крупнаго и средняго дворянскаго землевладѣнія.

Во второмъ избирательномъ собраніи, названномъ *городскимъ*, главную роль играетъ крупная городская буржуазія. Въ немъ участвуютъ лица, имѣющія купеческія свидѣтельства, и лица, владѣющія въ городѣ недвижимостью, стоимостью въ 3.000—5.000 р. (смотря по величинѣ города) или торговопромышленнымъ предпріятіемъ съ оборотомъ въ 6.000 р. Мелкая, отчасти даже средняя городская буржуазія—не говоря уже о пролетарскихъ элементахъ—лишены избирательнаго права, такъ какъ и „выборные чины городского управленія“, принимающіе также участіе

въ городскомъ избирательномъ собраніи, являются, конечно, чьими угодно представителями, но только не этихъ низшихъ слоевъ городского населенія.

Еще суровѣй расправляется комиссія *съ представительствомъ крестьянскихъ массъ*. Признавъ невозможность установленія для крестьянъ имущественнаго ценза, „такъ какъ частной земельной собственности почти не существуетъ, различія въ имущественныхъ интересахъ членовъ сельскихъ общинъ весьма мало, *даже совсѣмъ нѣтъ* (?)“, комиссія однако и не задумывается надъ вопросомъ о введеніи всеобщаго и прямого избирательнаго права, хотя бы для одной крестьянской куріи. Мало того, она отвергаетъ далеко не демократическое предложеніе нѣкоторыхъ своихъ членовъ установить для крестьянъ трехстепенную подачу голосовъ, образовавъ избирательное собраніе изъ выборныхъ волостныхъ сходовъ. Комиссія рѣшаетъ составить „избирательный сельскій сходъ“ *изъ волостныхъ старшинъ и сельскихъ старостъ*, такъ какъ „при этомъ способѣ правомъ участія въ избирательномъ собраніи будетъ собственно пользоваться, черезъ представителя своего, цѣлая сельская община, и слѣдовательно, избирательныя права сельскаго сословія, очевидно, не будутъ болѣе обширны, нежели права землевладѣльцевъ“. Это заключеніе комиссіи сильно смахиваетъ на явное издѣвательство. Единственно правильный выводъ былъ бы тотъ, что „при этомъ способѣ“ крестьянскія массы de facto совершенно лишаются представительства въ земствѣ, ибо какими же представителями интересовъ крестьянства могутъ явиться должностныя лица крестьянскаго управленія, подчиненныя губернской и уѣздной администраціи?

Основныя черты проектированныхъ комиссіей трехъ курій—до прозрачности ясны: въ первой куріи господствуетъ крупное и среднее дворянское землевладѣніе, во второй—крупная городская буржуазія, въ третьей —должностныя лица крестьянскаго управленія и ихъ безчисленное губернское и уѣздное начальство.

При распредѣленіи между этими тремя куріями общаго числа гласныхъ уѣзднаго земскаго собранія, комиссія настойчиво преслѣдуетъ все ту же свою основную цѣль: дать сильнѣйшій перевѣсъ въ составѣ новаго земства дворянскому землевладѣнію. Для этого проектируется предоставить собранію уѣздныхъ землевладѣльцевъ избирать одного гласнаго на каждые *3.000* душевыхъ надѣловъ крестьянской куріи—одного гласнаго на каждые *6.000* надѣловъ, городской —одного гласнаго на 100—300 домовладѣльцевъ (относительное уменьшеніе представительства отъ болѣе крупныхъ городовъ, во избѣжаніе наплыва представителей городской буржуазіи въ дворянское земство) *). Только въ губерніяхъ Кіевскаго и Литовскаго генералъ-губернаторствъ (и 4 уѣздахъ Витебской губ.), т. е. въ мѣстахъ съ преобладающимъ польско-литовскимъ крупнымъ землевладѣніемъ, предположена одинако-

*) Для столицъ комиссія прямо указываетъ, что число избираемыхъ ими гласныхъ не должно превышать половины всего состава уѣзднаго земскаго собранія.

вая пропорція для дворянскаго и крестьянскаго представительства (на 4.500 надѣл.—1 гласный). Впрочемъ, для дворянскаго представительства проектируется еще одна крупнѣйшая привилегія: при расчетѣ приходящейся на каждое избирательное собраніе земли, не различается, находится ли земля въ собственности и непосредственномъ распоряженіи землевладѣльца, или сдается имъ въ аренду, *или отведена въ постоянное пользованіе крестьянамъ*. Послѣдняя норма создавала въ моментъ ликвидаціи крѣпостного права необычайно благопріятное положеніе для представительства дворянскаго землевладѣнія въ новомъ земствѣ.

Въ результатѣ, установленное комиссіей распредѣленіе гласныхъ между тремя куріями создавало такое чудовищное неравенство въ пользу помѣстнаго дворянства, что самой же комиссіи пришлось внести нѣкоторые коррективы. Въ малоземельныхъ и среднеземельныхъ губерніяхъ проведеніе въ жизнь принциповъ комиссіи означало въ среднемъ *тройное и четверное* представительство для дворянскаго сословія въ сравненіи съ крестьянскимъ, что комиссіей признавалось „не особенно рѣзкимъ" и вполнѣ нормальнымъ. Но въ нѣкоторыхъ многоземельныхъ мѣстностяхъ система комиссіи приводила къ тому, что число гласныхъ отъ уѣздныхъ землевладѣльцевъ должно было превышать число гласныхъ отъ крестьянъ въ 5, 8, 10, даже 13 разъ; мало того, въ нѣкоторыхъ уѣздахъ число полагавшихся отъ уѣздныхъ землевладѣльцевъ гласныхъ должно было превышать не только число всѣхъ землевладѣльцевъ-избирателей, но и общее число землевладѣльцевъ въ уѣздѣ. Это ужъ было бы полнѣйшимъ абсурдомъ, и вотъ комиссія вноситъ коррективы: число гласныхъ не можетъ превышать числа лицъ, имѣющихъ право участія въ избирательномъ собраніи; число гласныхъ отъ землевладѣльческой куріи не должно превышать *четверного* количества гласныхъ отъ сельскихъ обществъ *). Ничего не можетъ быть характернѣе для привилегированнаго положенія дворянства, которое устанавливалось проектомъ комиссіи, чѣмъ эти „ограничительныя" нормы самой же комиссіи!

Новыя — весьма важныя — привилегіи для членовъ собранія уѣздныхъ землевладѣльцевъ, въ особенности для дворянъ, входящихъ въ его составъ, создаются комиссіей въ области *пассивнаго избирательнаго права*. Вообще говоря, комиссія придерживается системы такъ называемыхъ „избирательныхъ стойлъ", т. е. въ данномъ избирательномъ собраніи пассивнымъ избирательнымъ правомъ пользуются лишь члены его. Но для членовъ собранія уѣздныхъ земле-

*) Оба ограниченія установлены въ докладѣ отдѣла комиссіи 10 января 1863 г. („Матеріалы", I, стр. 315, 308 и слѣд.), но въ окончательномъ проектѣ комиссіи 26 мая 1863 г. послѣдняго ограниченія мы уже не находимъ („Труды комиссіи о губернскихъ и уѣздныхъ учрежденіяхъ", ч. II, кн. I, стр. 8 „Положенія о земскихъ учрежденіяхъ"). Отмѣтимъ здѣсь же, что кромѣ гласныхъ отъ 3 курій, избиравшихся на трехлѣтній срокъ, въ уѣздномъ земскомъ собраніи, по проекту, присутствовало, на равныхъ правахъ съ остальными членами, 1—3 представителя по назначенію вѣдомства государственныхъ имуществъ и удѣловъ.

владѣльцевъ — исключеніе; они (а также и приходскіе священники, по извѣстнымъ ужъ намъ соображеніямъ) могутъ быть избираемы также и городскимъ избирательнымъ собраніемъ, *и сельскимъ избирательнымъ сходомъ*. Въ самомъ же собраніи уѣздныхъ землевладѣльцевъ арендаторы и уѣздные промышленники — члены его — пользуются пассивнымъ избирательнымъ правомъ лишь въ томъ случаѣ, если принадлежатъ къ потомственному дворянству.

Въ нормахъ, касающихся *избранія президіума* уѣздныхъ (и губернскихъ) земскихъ собраній, комиссія старается сочетать дворянскія привилегіи съ опекающей властью центральнаго правительства; послѣдняя въ концѣ концовъ получаетъ преобладающее значеніе. Сначала проектъ комиссіи передавалъ предсѣдательство въ уѣздномъ и губернскомъ земскихъ собраніяхъ—предводителямъ дворянства, а въ губерніяхъ, гдѣ не было дворянскихъ выборовъ, лицамъ, избраннымъ самими собраніями изъ своего состава, но принадлежащимъ обязательно къ дворянскому сословію. Особое совѣщаніе сочло такія привилегіи слишкомъ опасными и усилило вліяніе центральной власти: предсѣдатель уѣзднаго земскаго собранія назначается изъ числа его членовъ министромъ внутреннихъ дѣлъ; предсѣдатель губернскаго земскаго собранія назначается высочайшимъ указомъ *изъ числа мѣстныхъ землевладѣльцевъ*, вице-предсѣдателемъ является губернскій предводитель дворянства.

Мы подошли къ губернскому земскому собранію, на организаціи котораго должны нѣсколько остановиться. Къ губернскому земству полицейское государство, конечно, должно было относиться еще съ большей подозрительностью и опаской, чѣмъ къ уѣздному. Первоначально, какъ мы уже знаемъ, предполагалось организовать только одно уѣздное земство, и самая постановка на очередь вопроса о преобразованіи губернскаго хозяйственнаго управленія явилась ужъ дальнѣйшей уступкой общественнымъ требованіямъ. Извѣстно также, что въ позднѣйшую эпоху—вплоть до самаго послѣдняго времени—именно губернское земство подвергалось наибольшимъ нападкамъ командующихъ группъ стараго порядка. Въ проектированномъ Валуевской комиссіей составѣ губернскихъ земскихъ собраній мы уже находимъ характерныя черты, ясно указывающія на страхъ законодателей передъ губернскимъ „парламентомъ“ и на стремленіе ихъ обезвредить его „опасныя“ стороны, чуть ли не совершенно закрывъ къ нему доступъ всѣхъ слоевъ населенія, кромѣ одного привилегированнаго дворянства. Членовъ губернскаго земскаго собранія (кромѣ управляющихъ мѣстными палатой государственныхъ имуществъ и удѣльной конторой, присутствовавшихъ на собраніи ex officio) предположено было избирать на три года въ уѣздныхъ земскихъ собраніяхъ, при чемъ каждый уѣздъ долженъ былъ выбирать отъ двухъ до пяти губернскихъ гласныхъ, соотвѣтственно населенію. Такимъ образомъ за дворянами-землевладѣльцами, составлявшими въ уѣздныхъ собраніяхъ абсолютное и, во всякомъ случаѣ, крупнѣйшее относительное большинство, обезпечивалось не только преобладаніе въ

губернскомъ земскомъ собранiи надъ представителями другихъ классовыхъ и сословныхъ группъ, но при нѣкоторой сплоченности землевладѣльцевъ-дворянъ, и почти совершенно безраздѣльное господство въ немъ. Двухстепенная система выборовъ лишала меньшинство уѣзднаго собранiя почти *всякаго* представительства въ губернскомъ собранiи и обезпечивала избранiе въ составъ послѣдняго исключительно уѣздныхъ землевладѣльцевъ.

Въ извѣстной степени то же самое относится и къ исполнительнымъ органамъ земства: уѣздной и губернской земской управѣ. Первую предполагалось составить изъ двухъ членовъ, избираемыхъ на 3 года уѣзднымъ земскимъ собранiемъ *и утверждаемыхъ губернаторомъ*, подъ предсѣдательствомъ уѣзднаго предводителя дворянства; вторую—изъ 6 членовъ, избираемыхъ на тотъ же срокъ губернскимъ земскимъ собранiемъ, подъ предсѣдательствомъ губернскаго предводителя дворянства. Такимъ образомъ для членовъ *губернской* земской управы не требовалось утвержденiя, которое для *уѣзднаго* земства означало сильнѣйшую непосредственную зависимость его отъ губернской администрацiи. Такая необычайная льгота для губернской земской управы объясняется, повидимому, способомъ образованiя ея путемъ трехстепенной, отчасти даже четырехстепенной подачи голосовъ, являвшейся, даже по мнѣнiю комиссiи, вполнѣ достаточнымъ чистилищемъ, въ которомъ могли быть начисто смыты всѣ грѣхи выборныхъ представителей трехъ сословно-имущественныхъ курiй. И это мнѣнiе комиссiи тѣмъ болѣе было правильнымъ, что она же въ высокой степени облегчила административное влiянiе на самыя земскiя собранiя, установивъ составъ какъ уѣзднаго, такъ и губернскаго собранiя *возможно менѣе людным*ъ, такъ какъ „слишкомъ многочисленный составъ собранiя былъ бы неудобенъ по самой цѣли его, состоящей въ разсмотрѣнiи дѣлъ по преимуществу хозяйственныхъ, требующихъ спокойнаго, хладнокровнаго и основательнаго обсужденiя". Одинъ изъ представителей привилегированной буржуазiи, правившей Францiей во время Iюльской монархiи, предупредилъ членовъ нашей комиссiи, когда говорилъ въ палатѣ депутатовъ: „Я убѣжденъ, что, назначая такое значительное число совѣтниковъ, мы дѣлаемъ генеральные совѣты политическими, и съ этого момента мы наносимъ сильнѣйшiй вредъ нашей конституцiи!"...

Мы видимъ, даже въ той части своего проекта, которая касалась организацiи земскихъ учрежденiй, и въ основу которой были положены, повидимому, сословно-дворянскiя привилегiи, комиссiя не сумѣла примирить точку зрѣнiя полицейскаго государства хотя бы только съ требованiями дворянскаго движенiя. Нарождавшимся же новымъ силамъ буржуазной Россiи (не считая той части стараго дворянства, которая пыталась организовать свое сельско-хозяйственное производство на чисто капиталистическихъ началахъ) предоставлялось совершенно незначительное мѣсто въ проектированномъ комиссiей земствѣ. Въ этомъ отношенiи дворянство было, конечно, совершенно неправо, когда жаловалось въ своихъ ходатайствахъ, что „устройство мѣстнаго управленiя на

широкомъ демократическомъ выборномъ началѣ, какъ это предположено въ земско-хозяйственномъ проектѣ, вытѣснить изъ сей важной отрасли управленія самыхъ опытныхъ его дѣятелей—дворянъ-помѣщиковъ". Проектированная комиссіей организація новаго земства также мало отличалась демократизмомъ, какъ мало отличалось имъ и дворянское движеніе. Въ новой организаціи земскихъ учрежденій сказывались совершенно другія характерныя черты, черты полицейскаго режима, которыя мы уже наблюдали еще въ большей степени при опредѣленіи комиссіей компетенціи и предѣловъ власти реформированнаго земства, когда она строго ограничивала его дѣятельность лишь хозяйственнымъ управленіемъ, противопоставляя ему на мѣстахъ властную общеправительственную администрацію; когда она и въ ограниченной области хозяйственнаго управленія всячески суживала и сокращала кругъ дѣлъ, ввѣряемыхъ самоуправленію; когда она ставила его и въ непосредственную зависимость отъ центральной и губернской власти (утвержденіе важнѣйшихъ постановленій, право „veto" по соображеніямъ общей государственной пользы, представленіе ходатайствъ черезъ губернское начальство, рѣшающая роль высшаго органа административной юстиціи), и въ косвенную зависимость отъ той же губернской и даже уѣздной администраціи (благодаря лишенію земства административно-исполнительной власти и права издавать обязательныя для населенія постановленія, благодаря преграждению ему возможности проникнуть въ самые низы народной жизни наиболѣе мелкими своими организаціями).

3.

Валуевскій проектъ общеземскаго представительства 1863 г. и Положеніе о земскихъ учрежденіяхъ 1864 г.

Съ самаго начала земской реформы страхъ передъ чуть ли не всеобщимъ крестьянскимъ возстаніемъ, представлявшимся неминуемымъ на другой день послѣ освобожденія, оказывалъ сильнѣйшее вліяніе на династію и высшее чиновничество, толкая ихъ къ возможно скорому и полному соглашенію съ дворянствомъ. Извѣстно, что этотъ страхъ оказался далеко не безосновательнымъ. По свѣдѣніямъ министра внутреннихъ дѣлъ, скорѣй преуменьшеннымъ, чѣмъ преувеличеннымъ, за первые два года послѣ крестьянской реформы (1861—1863) въ 29 губерніяхъ было 1.100 крестьянскихъ бунтовъ. Всѣ эти бунты, изолированные одинъ отъ другого, не создавшіе никакой сколько-нибудь широкой организаціи, выражавшіе лишь стихійно-революціонное настроеніе крестьянства, не проникнутые опредѣленной соціально-политической сознательностью, были быстро подавлены правительствомъ, долго и основательно готовившимся къ этому моменту. Но опасность повторенія вспышекъ крестьянскаго бунтарства —еще въ болѣе крупномъ масштабѣ и въ болѣе организованномъ видѣ—не

только не исчезала, а наоборотъ, еще усиливалась начавшимся революціоннымъ движеніемъ среди разночинной интеллигенціи, которая послѣ незначительныхъ колебаній стала лицомъ къ крестьянскимъ массамъ, рѣзко отвернувшись и отъ либеральнаго правительства и отъ либеральнаго дворянства. Уже въ прокламаціи „Къ молодому поколѣнію" (сентябрь 1861 г.) достаточно ясно намѣчается эта революціонно-демократическая тактика разночинной интеллигенціи: „Все враждебное народу, эксплуатирующее его, есть правительство; а все, поддерживающее правительство, стремящееся не къ общему равенству, а къ привилегіямъ, къ исключительному положенію, есть дворянство и партія дворянская. Это врагъ народа, врагъ Россіи. Жалѣть его нечего, какъ не жалѣютъ вредныхъ растеній при расчисткѣ огорода... Если иначе нельзя, мы не только не отказываемся отъ насильственнаго переворота, но мы зовемъ охотно революцію на помощь къ народу... Надежду Россіи составляетъ народная партія изъ молодого поколѣнія всѣхъ сословій, затѣмъ всѣ угнетенные..., войско, находящееся въ такомъ же положеніи, и 23 милліона освобожденнаго народа, которому 19 февраля 1861 г. открыта широкая дорога къ европейскому пролетаріату... Говорите чаще съ народомъ и солдатами, объясняйте имъ все, что мы хотимъ, и какъ легко всего этого достигнуть; насъ милліоны, а злодѣевъ—мало"...

Правда, въ томъ же 1861 г. въ листкахъ „Великорусса" какъ-будто намѣчается другое теченіе въ революціонномъ движеніи разночинной интеллигенціи, желавшее опереться на тѣ стремленія къ буржуазному государственному порядку, которыя пробивались въ извѣстной части дворянства сквозь толщу сословныхъ пережитковъ. Но сами авторы „Великорусса", повидимому, мало вѣрятъ въ силу своихъ обращеній къ „либеральнымъ русскимъ", къ „просвѣщенной части націи", къ „образованнымъ классамъ"; свой послѣдній листокъ они заканчиваютъ суровымъ предостереженіемъ: „Мы посмотримъ, какое дѣйствіе произведетъ наше приглашеніе на образованные классы. Мы обращаемся къ нимъ, какъ обѣщали. Но если мы увидимъ, что они не рѣшаются дѣйствовать,—намъ не останется выбора: мы должны будемъ дѣйствовать на простой народъ, и съ нимъ будемъ принуждены говорить уже не такимъ языкомъ, не о такихъ вещахъ. Долго медлить рѣшеніемъ нельзя: если не составятъ образованные классы мирную оппозицію, которая вынудила бы правительство до весны 1863 г. устранить причины къ возстанію — народъ неудержимо подымется лѣтомъ 1863 г. Отвратить это возстаніе патріоты не будутъ въ силахъ и должны будутъ позаботиться только о томъ, чтобы оно направилось благотворнымъ для націи образомъ". А вскорѣ въ „Колоколѣ" (№ 107) появился „Отвѣтъ Великоруссу", подписанный „Однимъ изъ многихъ" и полный упреками по адресу „Великорусса" за то, что, сознавая неизбѣжность борьбы, онъ хочетъ подвинуть на нее „общество", которое никогда не пойдетъ взаправду противъ правительства и никогда не дастъ добровольно народу

того, что ему нужно. Нуженъ не призывъ къ обществу, нужно, чтобы „меньшинство соединилось съ народомъ, стало въ его ряды, открыло ему всѣ преступленія правительства и внушило ему правую ненависть“. Бѣда въ томъ, что народъ *„не формулируетъ, чего надо“*. Необходимъ дружный, тѣсно сплоченный революціонный союзъ, который могъ бы и долженъ опереться „на тѣ несчетныя массы, которыя благодаря полутора-вѣка правительственнаго звѣрства, распутства, помѣшательства, іезуитизма, террора,—представляютъ градаціи отъ апатіи до безвыходнаго отчаянія, которымъ нечего ждать отъ этого порядка, нечего терять съ нимъ, а остается только глубоко ненавидѣть его“.

Въ высшей степени слабое само по себѣ, революціонное движеніе разночинной интеллигенціи получало необычайное значеніе въ своей возможной связи и согласованіи съ грозными крестьянскими массами; и обратно, разрозненные бунты послѣднихъ, казалось, ужъ объединялись въ одну могучую волну усиліями „молодыхъ и не молодыхъ людей, сочинителей и приверженцевъ „Великоруссa“, „Молодой Россіи“ и т. д.“, какъ выражался запуганный Кошелёвъ (1862 г.).

Развитіе революціоннаго движенія не могло не оказать сильнѣйшаго вліянія на ходъ земской реформы ужъ въ 1862—63 гг. Даже ускореніе работъ Валуевской комиссіи зависѣло, какъ мы видѣли, отъ „необходимости положить предѣлъ... свободнымъ стремленіямъ *разныхъ сословій*“. Но вотъ комиссія закончила свои работы, проекты земской реформы—изготовлены, а главный вдохновитель ихъ ужъ чувствуетъ, какъ мало они гармонируютъ съ господствующимъ въ странѣ настроеніемъ. Только въ мартѣ 1863 г. Валуевъ препроводилъ проекты комиссіи на заключеніе главноуправляющаго II отдѣленіемъ канцеляріи Е. И. В., чтобы затѣмъ внести ихъ въ государственный совѣтъ,—и почти одновременно ему же, по порученію Александра II, приходится приступить къ составленію новой всеподданнѣйшей записки—на этотъ разъ ужъ „о допущеніи представителей населенія къ участію въ законодательствѣ“.

Коснувшись въ началѣ этой записки польскаго возстанія, Валуевъ останавливается затѣмъ на революціонномъ движеніи: „Всѣ прежнія связи внутренняго государственнаго строя поколеблены, а новыя не установились на твердой почвѣ; ...умы въ волненіи; между тѣмъ революціонная пропаганда, пользуясь обстоятельствами, усиливается подкопать самыя основы гражданскаго порядка“. Все это еще не опасно, „доколѣ чувства вѣрноподданнической преданности Вашему Величеству и теплой любви къ отечеству не поколеблены въ массахъ и сохраняютъ прежнюю силу въ огромномъ большинствѣ высшихъ классовъ населенія“. Но оказывается, что „въ послѣднее время приложеніе этихъ чувствъ къ дѣлу, въ средѣ разныхъ явленій гражданской жизни, какъ-будто парализовалось вліяніемъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ и разнородныхъ, большей частью неопредѣленныхъ стремленій и ожиданій, направленныхъ къ перемѣнѣ общихъ условій нашего нынѣшняго быта“. Этимъ „пользуются революціонные

агитаторы", которые „увлекаютъ весьма многихъ, и увлекаютъ ихъ весьма далеко". Отсюда слѣдуетъ, конечно, не тотъ, совершенно невозможный для представителя самодержавно-полицейскаго государства, выводъ, что слѣдовало бы уступить требованіямъ революціоннаго движенія, принять программу демократической интеллигенціи. Нѣтъ, заключеніе Валуева носитъ совершенно другой характеръ. На верховныя права самодержавной власти не должно быть допущено никакого посягательства. Но они вполнѣ примиримы съ стремленіемъ высшихъ классовъ „къ нѣкоторому участію въ дѣлахъ законодательства и общаго государственнаго хозяйства"; въ этомъ стремленіи, въ сущности говоря, выражается лишь „желаніе приблизиться къ престолу, занять мѣсто въ ряду учрежденій, которымъ непосредственно объявляется Высочайшая воля, принести (верховной власти) непосредственную дань гражданскаго труда и вѣрноподданнической покорности". „Нѣкоторое участіе въ дѣлахъ законодательства" должно быть, конечно, исключительно совѣщательнымъ. Организовать его въ видѣ чисто дворянскаго представительства sans phrases представляется однако уже невозможнымъ, вслѣдствіе „обнаружившагося съ большой силой *общаго* стремленія къ нему". Слѣдуетъ воспользоваться проектируемыми земскими учрежденіями, въ которыхъ будутъ объединены всѣ сословія и обезпечено преобладаніе дворянства, надъ которыми въ болѣе чѣмъ достаточной степени будетъ упрочена опека общеправительственной администраціи. Представителей земства (а гдѣ ихъ нѣтъ— сословій) слѣдуетъ призвать изъ всѣхъ частей Имперіи, кромѣ Царства Польскаго и Финляндіи, къ нимъ присоединить представителей немногихъ крупнѣйшихъ городовъ и нѣкоторыхъ членовъ высшаго духовенства, по высочайшему назначенію, и образованное такимъ образомъ собраніе представителей пріурочить къ государственному совѣту, который также является учрежденіемъ исключительно-совѣщательнымъ. При этомъ общеземское представительство должно играть чисто совѣщательную роль не только по отношенію къ верховной власти, но и по отношенію къ государственному совѣту, не пріобрѣтая и въ немъ ни въ какомъ случаѣ преобладающаго вліянія.

Послѣ обсужденія этой записки въ высочайшемъ присутствіи (15 апрѣля 1863 г.), Валуевъ приступилъ къ выработкѣ подробнаго „проекта новаго учрежденія государственнаго совѣта", который и былъ имъ представленъ 18 ноября Александру II. Насъ здѣсь будутъ интересовать лишь тѣ статьи проекта, которыя касаются „съѣзда государственныхъ гласныхъ" (названіе данное Валуевымъ проектированному имъ общеземскому представительству, примѣнительно къ терминологіи выработаннаго комиссіей положенія о земскихъ учрежденіяхъ).

Въ составъ съѣзда входятъ выборные гласные отъ губернскихъ земскихъ собраній 45 губерній Европейской Россіи (107 членовъ), отъ неземскихъ губерній, въ томъ числѣ сибирскихъ и кавказскихъ (32 члена), отъ крупныхъ городовъ и азовскихъ портовъ (18 членовъ), всего 151 человѣкъ. „Для обезпеченія правительственнаго вліянія

на составъ съѣзда“ часть гласныхъ назначается верховной властью, но не болѣе $^1/_5$ общаго числа выборныхъ членовъ. Въ видѣ „мѣры предосторожности противъ одностороннихъ увлеченій съѣзда“, проектируется передача предсѣдательства въ съѣздѣ одному изъ членовъ государственнаго совѣта по высочайшему назначенію, два вице-пресѣдателя избираются самимъ съѣздомъ, но утверждаются верховной властью. Съѣздъ созывается ежегодно высочайшимъ указомъ, открывается и закрывается по особому для каждаго раза высочайшему повелѣнію министромъ внутреннихъ дѣлъ. Далеко не всѣ дѣла, подлежащія обсужденію въ государственномъ совѣтѣ, входятъ также въ компетенцію государственныхъ гласныхъ. Дѣла, входящія въ компетенцію съѣзда, разсматриваются отдѣльно въ соотвѣтствующемъ департаментѣ совѣта и въ съѣздѣ государственныхъ гласныхъ, который приравнивается такимъ образомъ въ извѣстномъ смыслѣ къ совѣтскимъ департаментамъ. Съѣздъ можетъ при этомъ передать дѣло для предварительнаго разсмотрѣнія въ свою комиссію, члены которой однако намѣчаются предсѣдателемъ съѣзда (по соглашенію съ вице-предсѣдателями и секретарями), и лишь утверждаются самимъ съѣздомъ. Если департаментъ и министръ, къ вѣдомству котораго принадлежитъ дѣло, не согласятся съ заключеніемъ съѣзда, то дѣло разсматривается снова въ съѣздѣ, вторичное заключеніе котораго, какъ и департамента, считается „окончательнымъ“. Затѣмъ все дѣло, съ заключеніями съѣзда и департамента, вносится въ общее собраніе государственнаго совѣта, куда приглашаются однако не всѣ члены съѣзда, а лишь вице-предсѣдатели его и 14 гласныхъ, особо избираемыхъ съѣздомъ для каждаго изъ дѣлъ, предложенныхъ на его обсужденіе. Такимъ образомъ достигается тотъ эффектъ, что преобладаніе голосовъ въ общемъ собраніи всегда на сторонѣ старыхъ членовъ государственнаго совѣта по назначенію, среди которыхъ 16 гласныхъ составляютъ, конечно, ничтожное меньшинство. Мало того, „избраніе“ даже этихъ собственно четырнадцати гласныхъ (кромѣ вице-предсѣдателей, присутствующихъ ex officio) скорѣе смахиваетъ на назначеніе ихъ предсѣдателемъ съѣзда, такъ какъ оно происходитъ *путемъ баллотировки въ съѣздѣ списка изъ 20 кандидатовъ, предлагаемаго пресѣдателемъ по соглашенію съ вице-предсѣдателями и секретаремъ.* Не слѣдуетъ при этомъ забывать, что предсѣдатель съѣзда назначается верховной властью, вице-предсѣдатели — утверждаются ею же. Въ общемъ собраніи государственнаго совѣта составляется окончательное заключеніе, причемъ въ случаѣ разномыслія въ журналъ вносятся два мнѣнія, дополненія къ нимъ отдѣльныхъ членовъ, а также, по заявленію заинтересованныхъ, особыя мнѣнія тѣхъ или другихъ членовъ. Содержаніе журнала переходитъ—наряду съ заключеніями департамента и съѣзда—въ меморію, которая подносится на высочайшее усмотрѣніе.

Смѣшно, конечно, видѣть въ этомъ валуевскомъ проектѣ какую бы то ни было конституціонную уступку правительства. Основныя позиціи полицейскаго государства сохранены

въ цѣлости, и Валуевъ былъ правъ, когда говорилъ въ объяснительной запискѣ къ проекту о совершенствѣ исполненія, при которомъ не представлялось даже нужды „въ какой-либо оговоркѣ, или поясненіи, или подтвержденіи“ насчетъ неприкосновенности правъ самодержавной власти. Не трудно было бы показать на подробномъ анализѣ этого проекта все сходство его,—и *въ методѣ его составителя, и въ опредѣленіи имъ компетенціи и предѣловъ власти государственныхъ гласныхъ, и въ организаціи имъ самаго съѣзда*,—съ разобраннымъ нами выше проектомъ положенія о земскихъ учрежденіяхъ. Мы не станемъ этого дѣлать, тѣмъ болѣе, что самый проектъ не получилъ осуществленія, такъ какъ и эти жалкія уступки показались Александру II слишкомъ „важными и требующими зрѣлаго обсужденія“. Мы должны теперь перейти снова къ судьбѣ проекта Валуевской комиссіи, посвященнаго губернскимъ и уѣзднымъ земскимъ учрежденіямъ.

6 мая 1863 г. главноуправляющій II отдѣленіемъ собственной Е. И. В. канцеляріи баронъ М. А. Корфъ переслалъ Валуеву свои обширныя замѣчанія на проектъ комиссіи, который затѣмъ былъ разсмотрѣнъ въ соединенномъ присутствіи департаментовъ законовъ и государственной экономіи государственнаго совѣта. Изъ участвовавшихъ въ этомъ обсужденіи проекта назовемъ членовъ государственнаго совѣта кн. Гагарина, бар. М. А. Корфа, Е. П. Ковалевскаго, графа В. Н. Панина, Н. И. Бахтина, шефа жандармовъ В. А. Долгорукова, петербургскаго генералъ-губернатора кн. Суворова, министровъ Д. А. Милютина, Зеленаго, Валуева, Рейтерна и др. Кромѣ того, на первыя восемь засѣданій (1—29 іюля), въ которыхъ не выносилось никакихъ заключеній, а лишь высказывались замѣчанія присутствовавшими лицами, были приглашены также московскій и петербургскіе предводители дворянства и городскіе головы. Повидимому, государственному совѣту проекты комиссіи въ концѣ концовъ также показались слишкомъ „важными и требующими зрѣлаго обсужденія“; по крайней мѣрѣ, онъ затянулъ разсмотрѣніе ихъ до ноября, когда онъ вынужденъ былъ приступить къ болѣе энергичной работѣ въ виду личнаго требованія Александра II „кончить непремѣнно это дѣло къ 1 января“. 14—19 декабря 1863 г. проекты комиссіи были, наконецъ, окончательно разсмотрѣны и исправлены въ общемъ собраніи государственнаго совѣта.

Относительно роли бар. М. А. Корфа при выработкѣ Положенія о земскихъ учрежденіяхъ въ послѣднее время начинаетъ, повидимому, складываться такая же легенда, какая ужъ давно окружаетъ имя Н. А. Милютина. Г. Авиновъ, напр., въ своей статьѣ, спеціально посвященной бар. М. А. Корфу, признаетъ его замѣчанія на проектъ комиссіи—„по истинѣ замѣчательными“; при чтеніи ихъ „положительно не вѣрится, что они написаны 40 лѣтъ тому назадъ—такъ ясно и точно формулированы въ нихъ тѣ понятія государственнаго права, которыя получили широкое распространеніе особенно у насъ въ Россіи лишь впослѣдствіи“; они „клонятся именно къ тому, чтобы достигнуть возможно полнаго и послѣ-

довательнаго осуществленія началъ самоуправленія въ земскихъ учрежденіяхъ“.

Ничего не можетъ быть болѣе невѣрнаго, чѣмъ такое изображеніе М. А. Корфа *) смѣлымъ реформаторомъ, порывающимъ съ основами полицейскаго государства и всецѣло примыкающимъ къ началамъ новаго буржуазно-правового государственнаго порядка. И также мало, какъ и бар. М. А. Корфъ, въ этомъ были повинны и другіе члены государственнаго совѣта, которые обсуждали въ теченіе болѣе чѣмъ полугода проектъ комиссіи. Основныя начала проекта не подвергались здѣсь никакимъ измѣненіямъ и нисколько не были затронуты критикой бар. Корфа и государственнаго совѣта. Въ своихъ замѣчаніяхъ на проектъ бар. М. А. Корфъ даже прямо заявляетъ, что „главныя основанія... должны оставаться... неприкосновенными“, что онъ не можетъ не выразить „полнаго сочувствія общему направленію и характеру предположеній комиссіи министерства внутреннихъ дѣлъ“, которыя „рѣзко отличаясь отъ... робкихъ преобразовательныхъ попытокъ и полумѣръ..., имѣютъ въ виду сразу утвердить наше мѣстное самоуправленіе на широкихъ началахъ и окончательно расторгнуть связь съ старыми, отжившими свой вѣкъ преданіями и привычками нашей бюрократической администраціи“: болѣе лестный отзывъ объ „истинно-просвѣщенныхъ взглядахъ комиссіи“ (выраженіе бар. Корфа) едва ли могъ бы дать и самъ Валуевъ! Находя далѣе, что цѣлью, сущностью реформы должно явиться „измѣненіе самыхъ коренныхъ условій нашей системы мѣстнаго управленія, разрушеніе ея старыхъ основъ и построеніе ея на началѣ, почти совершенно ей чуждомъ—децентрализаціи и самоуправленіи“,—бар. М. А. Корфъ и не думаетъ дѣлать вытекающихъ изъ этого торжественнаго заявленія выводовъ. Характернѣйшая черта проекта комиссіи, противопоставившаго земскія учрежденія общеправительственной администраціи, ограничивавшаго компетенцію ихъ однимъ хозяйственнымъ управленіемъ, совершенно не останавливаетъ на себѣ вниманія Корфа, хотя онъ не прочь громогласно увѣрять, что „учрежденіе мѣстныхъ выборныхъ органовъ *управленія* (очевидно, *не только хозяйственнаго* управленія) есть, конечно, необходимое условіе раціональной децентрализаціи“. Точно такъ же и въ государственномъ совѣтѣ та часть ст. 1-й проекта Положенія, которая говорила о завѣдываніи земствомъ лишь дѣлами, относящимися къ мѣстнымъ хозяйственнымъ нуждамъ и пользамъ, не встрѣтила никакихъ возраженій даже у приглашенныхъ въ качествѣ экспертовъ губернскихъ предводителей дворянства. Мы ужъ указывали выше, какъ дворянство само отказывалось въ своихъ ходатайствахъ отъ требованія передачи ему всей общеправительственной власти на мѣстахъ, не считая возможнымъ обходиться безъ назначеннаго чиновничества при грозномъ настроеніи крестьянства и столь же

*) Въ Николаевскую эпоху М. А. Корфъ былъ членомъ, а затѣмъ и предсѣдателемъ Бутурлинскаго комитета 2 апрѣля, прославившагося своими террористическими мѣрами противъ печати.

сильно пугавшемъ дворянскія массы развитіи революціоннаго движенія. Въ государственномъ совѣтѣ петербургскій губернскій предводитель дворянства требовалъ „яснаго ограниченія круга дѣятельности земскихъ учрежденій *одними* хозяйственными дѣлами“, отвергалъ всякую „примѣсь политическаго значенія къ значенію хозяйственному“, и оказывался даже plus royaliste, чѣмъ самъ Валуевъ, противъ предложенія котораго—предоставить земству раскладку государственныхъ денежныхъ сборовъ— онъ горячо возражалъ. Это, дескать, выходитъ изъ рамокъ хозяйственныхъ дѣлъ, такъ какъ при обсужденіи раскладки податей въ земскихъ собраніяхъ могутъ невольно возникнуть „сужденія о самихъ податяхъ“. Его успокоили лишь тѣмъ, что земство будетъ вѣдать раскладку тѣхъ сборовъ, которые будутъ указаны закономъ, и что производиться эта раскладка будетъ также на основаніяхъ, указанныхъ въ законѣ, слѣдовательно, земству предоставлена будетъ лишь возможность распредѣлить уравнительно налогъ между отдѣльными плательщиками, что „весьма выгодно для земства и очень желательно для правительства“.

Если по отношенію *къ основнымъ началамъ* реформы, какъ въ области компетенціи, такъ и въ области предѣловъ власти и организаціи земскихъ учрежденій (мы объ этомъ будемъ говорить ниже), и записка бар. Корфа и заключенія государственнаго совѣта всецѣло примыкали къ проектамъ комиссіи, то при обсужденіи деталей такое единодушіе замѣчалось, конечно, далеко не всегда. Критика деталей была довольно подробная, но поправки предлагались, — мы должны повторить это,—лишь для того, чтобы „удобнѣе достигнуть“ намѣченныхъ комиссіей основныхъ началъ, или, чтобы „нынѣ, когда возбуждено общее ожиданіе устройства земскихъ учрежденій..., не дать слишкомъ мало, не удовлетворить общія надежды и не возбудить тѣмъ только неудовольствіе; тогда скажутъ, что вмѣсто дѣйствительнаго земскаго управленія прибавлено только нѣсколько новыхъ административныхъ мѣстъ“. Ростъ дворянскаго и революціоннаго движенія отражался такимъ образомъ весьма своеобразно въ головахъ бар. М. А. Корфа и другихъ членовъ государственнаго совѣта, стремившихся путемъ незначительныхъ уступокъ въ деталяхъ реформы подкупить общественное мнѣніе. На языкѣ „законодателей“ это называлось „призывомъ общества нашего, доселѣ занимавшагося только отрицательной дѣятельностью, критикой правительственныхъ распоряженій,—къ дѣятельности положительной“.

Въ противовѣсъ новѣйшимъ панегиристамъ бар. Корфа, слѣдуетъ здѣсь же отмѣтить, что многіе члены государственнаго совѣта по отношенію къ этимъ частичнымъ поправкамъ были настроены несравненно „лѣвѣе“ М. А. Корфа. Такъ, мы уже знаемъ, какъ всячески старалась комиссія сузить и сократить кругъ дѣлъ, ввѣряемыхъ земству даже въ области хозяйственнаго управленія. Записка Корфа заявляетъ однако свое полное удовлетвореніе по поводу „исчисленія предметовъ вѣдомства земскихъ учрежде-

ній". Опытъ, вѣроятно, покажетъ, что позднѣй возможно будетъ отнести къ вѣдѣнію ихъ и нѣкоторыя другія дѣла — но на первое время кругъ дѣятельности, намѣченный комиссіей, „представляется достаточнымъ".

Другіе члены государственнаго совѣта проявили болѣе „радикальную" инициативу. Н. И. Бахтинъ считалъ необходимымъ включить въ число дѣлъ, признаваемыхъ земскими, также попеченіе о тюрьмахъ и о народномъ здравіи, Е. П. Ковалевскій добавлялъ еще попеченіе о народномъ образованіи. Несмотря на горячее сопротивленіе Валуева и двусмысленныя возраженія Корфа, который на этотъ разъ отчасти сошелся во взглядахъ съ гр. Панинымъ („неудобно упоминать объ этомъ въ проектѣ"), общимъ собраніемъ эти дѣла, дѣйствительно, были включены въ число земскихъ *), хотя новыя права земства и были при этомъ прередактированы въ самыхъ эластическихъ выраженіяхъ: *участіе преимущественно въ хозяйственномъ отношеніи и въ предѣлахъ закономъ опредѣленныхъ*, въ попеченіи о народномъ образованіи, о народномъ здравіи и тюрьмахъ".

Но „эластичность" выраженій составляла *общую черту всѣхъ опредѣленій компетенціи земскихъ учрежденій*. Отъ этой эластичности не могли отказаться ни комиссія, ни государственный совѣтъ, такъ какъ, по справедливому замѣчанію позднѣйшей записки С. Ю. Витте, ею именно законодатели стремились и надѣялись удовлетворить различные слои „общества", охотно уступая сторонникамъ реформы внѣшность и надежды на будущее" и не связывая въ то же время правительства строгими и опредѣленными нормами. Объ этой эластичности между прочимъ заходила нѣсколько разъ рѣчь при обсужденіи реформы въ государственномъ совѣтѣ. Такъ, по поводу того, что проектъ комиссіи признавалъ земскими также всѣ дѣла, которыя будутъ ввѣрены земству на основаніи особыхъ законовъ или правительственныхъ распоряженій, петербургскій губернскій предводитель дворянства, поддержанный Бахтинымъ и отчасти Корфомъ и Д. А. Милютинымъ, указалъ, что предметы вѣдомства земскихъ учрежденій указаны далеко не точно, что ясное опредѣленіе ихъ отложено на долгій срокъ и можетъ послѣдовать лишь при изданіи новыхъ уставовъ о народномъ продовольствіи, общественномъ призрѣніи и земскихъ повинностяхъ, что, кромѣ всего этого, администрація получаетъ право возлагать на земство желательныя для нея дѣла („на основаніи особыхъ правительственныхъ распоряженій") и отвлекать его такимъ образомъ отъ другихъ дѣлъ, что въ результатѣ всего этого „самостоятельность земскихъ учрежденій въ опредѣленномъ для нихъ кругѣ дѣятельности" становится совершенно фиктивной. Несмотря на полную правильность этихъ замѣчаній пред-

*) Кромѣ этихъ дѣлъ, государственный совѣтъ отнесъ къ вѣдомству земства участіе въ построеніи церквей и содѣйствіе къ предупрежденію скотскихъ падежей и охраненіе посѣвовъ отъ истребленія саранчой, сусликами и другими вредными животными.

ставителя дворянства, государственный совѣтъ ограничился лишь освобожденіемъ земствъ отъ дѣлъ, которыя пожелала бы возложить на нихъ администрація, вычеркнувъ изъ текста 2-й ст. „Положенія“ (п. XII) слова „или правительственныхъ распоряженій“. Когда же московскій городской голова указалъ, что въ проектѣ не указано даже общаго принципа будущаго разграниченія земскихъ повинностей отъ государственныхъ, что все дѣло этого разграниченія предоставлено податной комиссіи при министерствѣ финансовъ, а въ результатѣ ея работъ отъ земства, можетъ быть, будутъ отняты всѣ такъ называемыя денежныя государственныя повинности, т. е. болѣе 4/5 того, что до реформы составляло земскія повинности, предсѣдательствовавшій въ соединенномъ присутствіи, послѣ громовой рѣчи Валуева, совершенно прекратилъ обсужденіе этого вопроса, „такъ какъ предрѣшеніе его положеніемъ о земскихъ учрежденіяхъ не можетъ быть допущено; заявлять теперь (до пересмотра податной комиссіей устава о земскихъ повинностяхъ) какія-либо обѣщанія въ законѣ—неумѣстно; если правительство признаетъ нужнымъ при разсмотрѣніи устава о земскихъ повинностяхъ имѣть въ виду отзывы земскихъ учрежденій, то это и будетъ тогда же обсуждено“. Между тѣмъ московскій городской голова былъ совершенно правъ въ своихъ опасеніяхъ: благодаря эластичной редакціи, изъ вѣдѣнія земства были изъяты не только всѣ денежныя *государственныя* повинности, но даже часть денежныхъ *губернскихъ* повинностей (изъ 3.123.839 р. по смѣтѣ губернскихъ повинностей въ началѣ 60-хъ годовъ для 30 губерній—земству передано лишь 2.192.858 р., кромѣ сбора на мировыя крестьянскія учрежденія *). По словамъ Головачева, въ нѣкоторыхъ губерніяхъ земству было передано сборовъ не болѣе, чѣмъ на 40—50 тысячъ рублей, въ то время, какъ одно содержаніе земскихъ учрежденій должно было обойтись въ 80—100 тысячъ.

Что касается *предѣловъ власти земскихъ учрежденій*, то и здѣсь записка бар. М. А. Корфа и заключенія государственнаго совѣта всецѣло примыкали къ основнымъ началамъ проекта комиссіи. Непосредственная и косвенная зависимость новаго земства отъ центральной, губернской и даже уѣздной власти, рѣшающая роль I департамента сената, лишеніе земства исполнительной власти, — все это не встрѣтило ни въ запискѣ бар. Корфа, ни въ средѣ государственнаго совѣта никакой принципіальной критики, несмотря на обиліе торжественныхъ заявленій о „самостоятельности“ органовъ самоуправленія. Точно такъ же были принципіально одобрены и надзоръ губернаторовъ и министра внутреннихъ дѣлъ за соотвѣтствіемъ постановленій земскихъ собраній „общимъ государственнымъ пользамъ“, и утвержденіе ими же нѣкоторыхъ важнѣйшихъ постановленій земскихъ собраній и представленіе черезъ губернское начальство ходатайствъ (которыя могли такимъ образомъ имъ

*) См. „Труды комиссіи для пересмотра системы податей и сборовъ“, т. XV, приложеніе къ статьѣ Руковскаго, вѣдомость подъ литерой Б.

быть задержаны). Поправки предлагались и были приняты лишь по отношенію къ самымъ мелкимъ деталямъ этихъ нормъ. Такъ, записка бар. Корфа предлагала отмѣнить утвержденіе министромъ внутреннихъ дѣлъ и губернаторомъ нѣкоторыхъ постановленій земскихъ собраній, нѣсколько ограничить исполнительныя распоряженія общеправительственной администраціи на счетъ земства, нѣсколько расширить права земства въ дѣлахъ народнаго продовольствія и общественнаго призрѣнія, но зато сильно уменьшить „почти безграничную власть“ его въ дѣлѣ раскладки повинностей. Та же записка рекомендовала дать губернскимъ земскимъ учрежденіямъ право издавать обязательныя для мѣстнаго населенія постановленія, въ предѣлахъ ввѣренныхъ имъ дѣлъ, такъ какъ „сіе право есть неотъемлемая прерогатива всякаго установленія, долженствующее имѣть самостоятельное мѣсто въ администраціи, орудіе, безъ котораго такому установленію невозможно было бы выполнять свое предназначеніе“. Но въ засѣданіяхъ государственнаго совѣта ни бар. Корфъ, ни кто-либо другой совершенно не возбуждали вопроса о предоставленіи земству этого права издавать обязательныя постановленія. Въ государственномъ совѣтѣ главнѣйшія измѣненія тоже предлагались лишь относительно отмѣны утвержденія административными властями нѣкоторыхъ постановленій земскихъ собраній. Во время возникшихъ по этимъ вопросамъ дебатовъ Валуевъ аргументировалъ необходимость утвержденія губернаторомъ земскихъ смѣтъ и раскладокъ, между прочимъ, тѣмъ соображеніемъ, что разъ онѣ приводятся въ исполненіе общеправительственной полиціей, то въ интересахъ самого земства, въ интересахъ правильнаго поступленія земскихъ налоговъ, слѣдуетъ установить для смѣтъ общеправительственную санкцію; иначе „пришлось бы дать земскимъ учрежденіямъ свою собственную полицію—но это значило бы создавать государство въ государствѣ“. Въ этихъ словахъ Валуева все было въ высокой степени характерно: и отождествленіе государства съ полиціей, и ясное сознаніе главнаго вдохновителя проектовъ комиссіи той косвенной зависимости, въ которую должно попасть земство отъ уѣздной и губернской власти вслѣдствіе отсутствія у него исполнительныхъ органовъ, и искусство, съ которымъ эта косвенная зависимость, установленная самимъ же проектомъ комиссіи, приводится въ видѣ доказательства необходимости уже непосредственной зависимости земства отъ губернской администраціи. Характерно также, что это заявленіе Валуева не встрѣтило никакой критики въ совѣтѣ, для всѣхъ членовъ котораго было, повидимому, также ясно, что дать земству особую полицію (или подчинить ему общую?) значитъ, дѣйствительно создать государство въ государствѣ...

Въ концѣ концовъ государственный совѣтъ внесъ въ этотъ отдѣлъ проекта комиссіи лишь самыя незначительныя измѣненія: утвержденіе министра внутреннихъ дѣлъ должно было требоваться лишь для займовъ, превышающихъ *двухгодовую* сумму земскихъ сборовъ и для открытія ярмарокъ на срокъ свыше *четырнадцати дней.*

Въ вопросахъ, касающихся *организаціи* земскихъ учрежденій, записка бар. Корфа и заключенія государственнаго совѣта также всецѣло раздѣляютъ основныя мысли проекта комиссіи. Баронъ Корфъ выражаетъ свое полное согласіе съ тѣмъ принципомъ привилегированнаго сословно-дворянскаго представительства, который былъ положенъ комиссіей въ основу этой части ея проекта. „Сила доводовъ“ комиссіи—„неопровержима“. Единственный грѣхъ комиссіи, что она слишкомъ откровенно и прямолинейно проводитъ свой принципъ; для успѣха всего дѣла необходимо больше дипломатіи. „Допущеніе въ новомъ законѣ столь рѣзкаго, единственно на сословномъ началѣ основаннаго различія между избирателями едва ли будетъ хорошо принято и лицами не дворянскаго званія и самими дворянами, которыхъ оно поставитъ въ довольно неловкое положеніе относительно другихъ сословій... посему, можетъ быть, было бы удобнѣе достигнуть той же цѣли инымъ путемъ“. Этотъ иной путь заключается въ томъ, чтобы въ текстѣ закона предоставить уменьшенный цензъ не просто—дворянамъ, а „владѣльцамъ такой земли, на которой существуетъ заселеніе“; повышенный цензъ—не просто не-дворянамъ, а „владѣльцамъ незаселенной пустошной, лѣсной или степной земли“. По существу результатъ будетъ достигнутъ тотъ же, на словахъ же нѣтъ и помину объ одіозныхъ привилегіяхъ для дворянства. Расширивъ разрядъ избирателей съ дворянско - служебнымъ цензомъ (предводители и депутаты дворянства) и исключивъ изъ избирательнаго собранія уѣздныхъ землевладѣльцевъ долгосрочныхъ арендаторовъ, можно также способствовать достиженію нужнаго результата. Правда, записка бар. Корфа предлагаетъ расширить избирательное право и недворянскихъ элементовъ, допустивъ въ избирательное собраніе уѣздныхъ землевладѣльцевъ также всѣхъ владѣльцевъ *недвижимой собственности* (а не только хозяйственныхъ заведеній, какъ предположено было комиссіей) цѣной въ 15.000 р. и даже *уполномоченныхъ отъ болѣе мелкихъ владѣльцевъ этого рода*, но она спѣшитъ сейчасъ же оговориться, что „эти мелкіе собственники отнюдь не должны своимъ числительнымъ вліяніемъ въ собраніяхъ перевѣшивать вліяніе богатыхъ и образованныхъ землевладѣльцевъ... представителей крупнаго и средняго землевладѣнія“. Записка предлагаетъ поэтому предоставить вообще всѣмъ мелкимъ собственникамъ (дворянамъ и не-дворянамъ) избирать по одному уполномоченному не съ каждаго полнаго ценза, а лишь съ двойного или даже тройного. Словомъ, избирательное собраніе уѣздныхъ землевладѣльцевъ должно и послѣ поправокъ остаться куріей дворянскаго крупнаго и средняго землевладѣнія.

Измѣненія, предлагаемыя запиской Корфа по отношенію къ городской куріи, также не противорѣчатъ общему направленію работъ комиссіи и отнюдь не задаются цѣлью обезпечивать достаточное представительство городской буржуазіи въ уѣздномъ земскомъ собраніи. Сущность этихъ измѣненій заключается въ томъ, что и мелкой городской буржуазіи предоставляется чисто фиктивное из-

бирательное право, которое она осуществляетъ черезъ уполномоченныхъ, посылаемыхъ ею въ избирательное собраніе уѣздныхъ землевладѣльцевъ или въ ближайшій избирательный сельскій сходъ. Большинство городовъ лишается особаго представительства, крупнѣйшая городская буржуазія этихъ городовъ участвуетъ въ собраніи уѣздныхъ землевладѣльцевъ. Губернскіе и другіе значительные города образуютъ особые выборные участки, но „и избирательный цензъ, и опредѣленіе числа гласныхъ отъ нихъ должны быть соглашены съ отношеніями, принятыми въ отношеніи обывателей уѣздныхъ“. Наконецъ, столицы и самые крупные города, которые комиссія также лишь съ величайшимъ трудомъ могла вмѣстить въ рамки сословно-дворянскаго самоуправленія и для представительства которыхъ она поэтому ввела особо ограничительныя нормы (чтобы не вызвать ихъ перевѣса надъ уѣзднымъ землевладѣніемъ),— бар. Корфъ предлагаетъ вовсе не вводить въ систему губернскаго и уѣзднаго земскаго представительства, устроивъ въ нихъ хозяйственное управленіе на особыхъ основаніяхъ. По существу здѣсь провозглашается частичное банкротство основныхъ началъ, принятыхъ и комиссіей и запиской Корфа, такъ какъ они громогласно признаются несовмѣстимыми съ наиболѣе развитыми силами буржуазно - капиталистическаго строя. „Невозможно будетъ избѣгнуть одной изъ двухъ несообразностей: или ограничить вліяніе столицъ на земскія дѣла въ степени, несоразмѣрной съ ихъ богатствомъ и значеніемъ,—или большимъ числомъ ихъ представителей задавить представителей остального населенія“.

Аналогичную „несообразность“ записка Корфа отмѣчаетъ и относительно проектированнаго комиссіей избирательнаго схода по крестьянской куріи. Болѣе раціонально составленіе избирательныхъ собраній изъ выборныхъ отъ волостныхъ сходовъ, такъ какъ „производство выборовъ черезъ административныя лица—хотя бы сами они были выборныя—не можетъ назваться явленіемъ совершенно правильнымъ“. Составленіе избирательныхъ собраній изъ волостныхъ старшинъ и сельскихъ старостъ вызоветъ неудовольствіе среди крестьянъ, которые обыкновенно не считаютъ своихъ волостныхъ и сельскихъ старшинъ людьми совершенно независимыми отъ поставленнаго надъ ними начальства, и „едва ли будутъ смотрѣть на гласныхъ, этими людьми избранныхъ, какъ на *своихъ* представителей“.

Нельзя такъ откровенно выдавать свои затаенныя намѣренія, нельзя такъ открыто бросать вызовъ въ лицо возбужденному общественному и народному мнѣнію—таковъ постоянный припѣвъ замѣчаній бар. Корфа. Вотъ, напримѣръ, чудовищное неравенство въ распредѣленіи уѣздныхъ гласныхъ отъ уѣздныхъ землевладѣльцевъ и крестьянъ. Бар. Корфъ, конечно, „вполнѣ уважаетъ причины, по которымъ полагается такая пропорція и не касается существа этого постановленія“, но „внѣшность его — должна быть обязательно измѣнена“. „Разница въ пространствѣ владѣнія, съ котораго полагается по одному гласному отъ того или другого сословія, бросается въ глаза; при го-

сподствующей наклонности объяснять все въ дурную сторону, это можетъ дать поводъ къ весьма неблагопріятнымъ толкамъ". Нельзя ли поэтому то же самое *выразить* нѣсколько иначе, напримѣръ, опредѣливъ, что отъ сельскаго сословія одинъ представитель полагается не съ извѣстнаго числа душевыхъ надѣловъ, а съ извѣстнаго числа душъ. Разница не будетъ такъ бросаться тѣмъ болѣе, что, можетъ быть, и пропорцію можно нѣсколько ослабить, не подвергая риску перевѣсъ дворянства въ уѣздномъ земствѣ и лишь избѣгая такимъ образомъ совершенно безполезныхъ крайностей.

Въ государственномъ совѣтѣ петербургскій предводитель дворянства, поддержанный Бахтинымъ, Д. А. Милютинымъ, отчасти тѣмъ же бар. Корфомъ, защищалъ проектъ петербургскаго дворянства, по которому для выбора гласныхъ устанавливалось одно избирательное собраніе въ уѣздѣ. Въ немъ участвовали всѣ крупные владѣльцы недвижимаго имущества въ уѣздѣ—лично, средніе собственники —черезъ уполномоченныхъ и крестьянскія общества,—черезъ представителей, избиравшихся по одному на волость *). Въ этомъ проектѣ сословная основа все еще далеко не исчезаетъ, но имущественный цензъ во всякомъ случаѣ играетъ нѣсколько другую роль, чѣмъ въ проектѣ комиссіи. Само собой разумѣется, огромное большинство общаго собранія государственнаго совѣта (40 голосовъ противъ 4) высказалось противъ предложенія петербургскаго предводителя дворянства и примкнуло къ трехклассной системѣ въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ она была проектирована комиссіей.

Большинство государственнаго совѣта *) поддержало лишь частич-

*) Московскій предводитель дворянства защищалъ катковскій проектъ, по существу носившій характеръ архи-дворянскій. По этому проекту дворянскія собранія должны быть обращены въ земскія собранія. Членамъ дворянскихъ собраній должно быть предоставлено пожизненное право личнаго участія въ земскихъ собраніяхъ съ измѣненіемъ подесятиннаго ценза на оцѣночный (владѣніе поземельной собственностью, оцѣненной въ 45.000). Крупные землевладѣльцы-не-дворяне, владѣющіе такимъ цензомъ, и купцы, имѣющіе свидѣтельства перваго разряда, получаютъ также право личнаго участія въ земскихъ собраніяхъ. Владѣльцы недвижимой собственности, оцѣненной выше 2.250 р. и ниже 45.000 р., и купцы, торгующіе по свидѣтельствамъ второго разряда, избираютъ уполномоченныхъ по одному уполномоченному на совокупную собственность ужъ не въ 45.000, а въ 90.000 р. (двойной цензъ); болѣе мелкіе собственники выбираютъ ужъ по одному уполномоченному — на тройной цензъ (135.000 р.), а лица, „имѣющія право наслѣдственнаго пользованія на казенныхъ или помѣщичьихъ земляхъ" — одного уполномоченнаго на совокупную недвижимую собственность въ 270.000 р. Итакъ, *отъ права личнаго участія* (*безъ выборовъ*) въ земскихъ собраніяхъ для крупныхъ собственниковъ-дворянъ, (крупное землевладѣніе было почти исключительно въ дворянскихъ рукахъ)—до *избранія одного уполномоченнаго* цѣлой массой крестьянъ, имѣющихъ въ общемъ владѣніи земли на 270.000, т. е. на сумму, превосходящую въ 6 разъ цензъ, установленный для личнаго участія дворянъ въ земскомъ собраніи! Даже графъ В. Н. Панинъ высказался въ государственномъ совѣтѣ противъ этого законопроекта: „Едва ли для сохраненія за дворянствомъ существующаго сословнаго значенія надобно прибѣгать къ возвышенію избирательнаго ценза, какъ предлагаетъ московскій предводитель дворянства".

*) Въ нѣкоторыхъ вопросахъ — мень-

ныя поправки, предложенныя представителями дворянства, или нѣкоторыми членами изъ среды самого же совѣта. Дворянско-служебный цензъ и повышенный цензъ для землевладѣльцевъ-не-дворянъ, какъ крупныхъ, такъ въ особенности среднихъ и мелкихъ,—были уничтожены („на съѣздахъ землевладѣльцевъ дворяне будутъ составлять почти повсемѣстно преобладающій элементъ... и не нуждаются для занятія перваго мѣста въ преимуществѣ по цензу"— аргументъ, который вполнѣ оправдался позднѣйшей статистикой выборовъ въ земскія собранія даже не только для дворянскаго землевладѣнія вообще, но для крупнаго и средняго въ частности). Избирательное собраніе для крестьянской куріи составлено было изъ выборныхъ отъ волостныхъ сходовъ (волостные сходы были доступнѣе для административнаго вліянія, чѣмъ сельскіе). Столичные города и г. Одесса были выдѣлены изъ сферы обще-уѣзднаго земскаго управленія; городскія думы этихъ городовъ получили права уѣздныхъ земскихъ собраній. Составлено было новое расписаніе числа уѣздныхъ гласныхъ отъ трехъ курій, въ которомъ было ослаблено „чрезмѣрное" представительство куріи уѣздныхъ землевладѣльцевъ. Одинъ гласный отъ послѣднихъ полагался на такое же количество среднихъ душевыхъ надѣловъ, что и въ крестьянской куріи (3.000). Но земли, находившіяся въ безсрочномъ пользованіи крестьянъ и ими еще не выкупленныя въ собственность, причитывались къ землямъ собранія уѣздныхъ землевладѣльцевъ, какъ это проектировалось и комиссіей. Правда, государственный совѣтъ устанавливалъ такое расписаніе лишь „временно", но оно просуществовало вплоть до отмѣны „Положенія о земскихъ учрежденіяхъ" 1864 г. Въ результатѣ, вопіющее неравенство проектированнаго комиссіей представительства дворянства и крестьянства было лишь нѣсколько уменьшено, но не совершенно устранено. „Въ наибольшей части уѣздовъ число гласныхъ отъ землевладѣльцевъ, равняясь совокупному числу гласныхъ отъ городовъ и сельскихъ обществъ, получило перевѣсъ надъ каждымъ изъ сихъ разрядовъ". За землевладѣльцами почти повсемѣстно было обезпечено такимъ образомъ сильнѣйшее относительное большинство (по всѣмъ 33 губерніямъ, въ которыхъ предполагалось по высочайшему указу 1 января 1864 г. ввести въ первую очередь земскія учрежденія, общее число уѣздныхъ гласныхъ равнялось 13.024, изъ нихъ отъ землевладѣльцевъ—6.204, отъ крестьянской куріи—5.171, отъ городской—1.649). Предсѣдательство въ уѣздномъ земскомъ собраніи было передано уѣздному предводителю дворянства, въ губернскомъ—губернскому, „если государю не угодно будетъ назначить для предсѣдательствованія въ ономъ особое лицо". Зато предсѣдателей уѣздной и губернской земскихъ управъ предоставлено было выбирать самимъ земскимъ собраніямъ. Самый составъ губернскихъ земскихъ собраній былъ оставленъ

шинство государственнаго совѣта, съ мнѣніями котораго соглашается Александръ II; въ соотвѣтствующихъ случаяхъ мы приводимъ мнѣнія этого вліятельнаго меньшинства.

исключительно дворянскій. Выдвинутыя бар. Корфомъ и нѣкоторыми другими членами совѣта пропорціональное представительство при избраніи губернскихъ гласныхъ уѣздными земскими собраніями, или избраніе ихъ тѣми же избирательными съѣздами, которые выбирали уѣздныхъ гласныхъ, чтобы дать такимъ образомъ въ губернскомъ собраніи представительство и двумъ другимъ куріямъ, кромѣ дворянско-землевладѣльческой были отвергнуты огромнымъ большинствомъ государственнаго совѣта (40 голосами противъ 6). Наконецъ, исполнительные органы губернскаго и уѣзднаго земства были отчасти сравнены въ своей зависимости отъ центральной власти и отъ губернской администраціи: утвержденіе требовалось для предсѣдателей и уѣздной, и губернской управъ (но не для членовъ ихъ).

Мы исчерпали важнѣйшія поправки, внесенныя государственнымъ совѣтомъ въ проектъ Валуевской комиссіи. Мы убѣдились, что въ своихъ основныхъ чертахъ онъ нисколько не пострадалъ отъ долгаго разсмотрѣнія въ высшемъ государственномъ учрежденіи страны. Высочайшимъ указомъ 1 января 1864 г. исправленный согласно заключеніямъ государственнаго совѣта проектъ комиссіи получилъ силу закона. Результатъ долгихъ трудовъ комиссіи объ уѣздныхъ и губернскихъ учрежденіяхъ и двухъ ея предсѣдателей—Н. А. Милютина и П. А. Валуева, — совѣта министровъ, бар. М. А. Корфа и государственнаго совѣта, своеобразно отражая на себѣ необходимость, явившуюся для династіи и высшаго чиновничества въ извѣстномъ приспособленіи къ соціально-экономическимъ нормамъ новаго буржуазно-капиталистическаго строя, стремленіе самодержавнаго правительства примириться съ недовольнымъ дворянствомъ и страхъ его передъ крестьянскими массами и революціонно-демократической интеллигенціей, — „Положеніе о губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ учрежденіяхъ“ 1 января 1864 г. представляетъ собой уродливое сочетаніе элементовъ буржуазно-правового порядка, полицейскаго государства и дореформеннаго крѣпостнически-сословнаго режима. Преобладаютъ, конечно, элементы полицейскаго государства, которые окрашиваютъ все „Положеніе“ въ характерный цвѣтъ и выдаютъ намѣреніе его творцовъ — создать въ лицѣ новаго учрежденія орудіе упроченія и укрѣпленія самодержавно-полицейскаго режима на долгіе годы.

Невѣроятными кажутся намъ теперь тѣ восторженные отзывы, которыми встрѣтило „Положеніе о земскихъ учрежденіяхъ“ либеральное дворянство.

Такой трезвый оппортунистъ, какъ А. И. Кошелевъ, писалъ въ 1864 г. въ своихъ запискахъ: „...На первыхъ порахъ *вполнѣ достаточно того, что намъ дали;* ...слѣдуетъ усердно заняться разработкой и пользованіемъ этого малаго, какъ отмѣреннаго; ...если мы исполнимъ эту нашу обязанность добросовѣстно и со смысломъ, *то и большее придетъ само собой*“. К. Д. Кавелинъ утверждалъ, что губернскія и уѣздныя земскія учрежденія—цѣлое огромное событіе, существенное и многознаменательное явленіе въ ряду нашихъ

преобразованій, что они образованы въ духѣ полнаго безпристрастія, достойнаго правительства великаго народа, что это — сѣмя, изъ котораго, при благотворныхъ обстоятельствахъ, можетъ развиться многовѣтвистое дерево. Леруа-Болье разсказываетъ объ энтузіазмѣ своихъ русскихъ знакомыхъ послѣ изданія „Положенія": они утверждали, что „мы (русскіе) начали воздвигать себѣ зданіе съ самаго фундамента, что мы построимъ его болѣе прочно и болѣе высоко, чѣмъ вы (европейцы) воздвигали свои хрупкія постройки". А кн. Васильчиковъ въ самомъ концѣ 60-хъ годовъ все еще увѣрялъ своихъ читателей, что „мы со смѣлостью, безпримѣрной въ лѣтописяхъ міра, выступили на поприще общественной жизни". Для конца шестидесятыхъ годовъ такой энтузіазмъ по поводу земскихъ учрежденій являлся запоздалымъ даже для дворянскихъ либераловъ; онъ объясняется, вѣроятно, личной психологіей автора книги „О самоуправленіи". Порядокъ введенія земскихъ учрежденій (1865 — 1876 гг.), первые шаги новаго земства, первыя дѣйствія общеправительственной администраціи уже въ рамкахъ, установленныхъ преобразованіями 60-хъ годовъ, ясно обнаружили подлинный характеръ земской реформы и для большинства недавнихъ поклонниковъ ея. Развитіе производительныхъ силъ страны не могло не нарушить того уродливаго и мнимаго равновѣсія разнородныхъ элементовъ, какимъ являлось мѣстное управленіе послѣ изданія „Положенія" 1 января 1864 года. Но эти первые шаги земства, эти первые конфликты его съ династіей, высшимъ чиновничествомъ и мѣстной администраціей, уже выходятъ за предѣлы того періода, которому посвящена эта статья.

ГЛАВА IV.

Судебная реформа.

(М. П. Чубинскаго).

1.

Всѣ реформы начала царствованія императора Александра II, несомнѣнно, находятся въ тѣсной связи другъ съ другомъ и являются отраженіемъ того общественнаго подъема энергіи и творчества, который пришелъ на смѣну невольнаго тридцатилѣтняго застоя и безмолвія. Наиболѣе же наглядной является указанная связь, если мы обратимся къ реформѣ судебной и предшествовавшей ей реформѣ крестьянской.

Неоднократныя попытки улучшить наши суды неизмѣнно терпѣли неудачу по многимъ причинамъ, но важнѣйшую изъ этихъ причинъ составляло существованіе того узаконеннаго безправія, которое какъ бы въ насмѣшку надъ всякой здравой правовой идеей носило имя крѣпостного „права". Крѣпостное право

накладывало свой отпечатокъ на всю жизнь Россіи, создавая тотъ „самобытный“ ея обликъ, который рѣзко отличалъ ее отъ западныхъ государствъ, достигшихъ высокаго уровня культуры, гражданственности и свободы въ рамкахъ закона. Оно, по прекрасному выраженію Салтыкова-Щедрина, „проникало во всѣ вообще формы общежитія, одинаково втягивая всѣ сословія въ омутъ унизительнаго безправія, всевозможныхъ изворотовъ лукавства и страха передъ перспективою быть ежечасно задавленнымъ“. Оно, по вѣрной характеристикѣ проф. Иванюкова, имѣло универсальное значеніе въ нашемъ отечествѣ и было тормазомъ, рѣшительно препятствовавшимъ его развитію; лишь съ его отмѣной Россія могла вступить въ новую эпоху, и на очередь стало переустройство на новыхъ началахъ всей системы управленія и суда.

Связь нашего безсудья съ наличностью крѣпостного права еще задолго до крестьянской реформы сознавалась болѣе просвѣщенными умами. Она была ясна для нѣкоторыхъ изъ декабристовъ, что явствуетъ изъ проекта манифеста отъ имени сената, составленнаго Рылѣевымъ передъ самымъ 14 декабря 1825 года. Здѣсь наряду съ установленіемъ равенства всѣхъ передъ закономъ, введеніемъ гласнаго судопроизводства и суда присяжныхъ, какъ необходимое предшествующее указанныхъ реформъ и конституціоннаго строя, поставлено освобожденіе крестьянъ. Много однородныхъ соображеній можно найти у Николая Тургенева, Пестеля и др.

Ту же мысль ярко выразилъ Пушкинъ, который не только мечталъ увидѣть „не угнетенный народъ и рабство, падшее по манію царя“, но въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Соболевскому съ удивительной прозорливостью прямо утверждалъ, что только послѣ освобожденія крестьянъ у насъ явятся „гласные процессы, присяжные, бо́льшая свобода печати“ и т. д.

И въ позднѣйшее время у лучшихъ людей живо было сознаніе, что для возрожденія и укрѣпленія Россіи нужно приступить къ пересозданію всѣхъ существующихъ порядковъ, прелесть и мнимое совершенство которыхъ въ соединеніи съ знаменитымъ офиціальнымъ „все благополучно“ привели къ трагедіи Севастополя, и что при этомъ всѣмъ реформамъ, и въ частности судебной, должна предшествовать отмѣна крѣпостного права.

О серьезной судебной реформѣ заговорили поэтому лишь тогда, когда повѣяло болѣе свободнымъ вѣтромъ и былъ сдѣланъ твердый приступъ къ рѣшенію крестьянскаго вопроса. Между прочимъ въ своей запискѣ тверской комитетъ указалъ, что, если ограничиться одной отмѣной крѣпостного права, то по существу все можетъ остаться по старому, ибо на мѣсто произвола помѣщиковъ только возрастетъ произволъ чиновниковъ и въ государствѣ скоро получится два враждебныхъ лагеря: съ одной стороны, полноправные чиновники, а съ другой,—безправные и безгласные жители. Отсюда, наряду съ проектомъ мѣстнаго всесословнаго самоуправленія, выставленъ, какъ необходимое условіе для блага страны, проектъ независимаго суда, храни-

теля той законности, существованіе которой при прежнихъ порядкахъ являлось невозможнымъ. Этотъ судъ, по мысли тверского комитета, долженъ быть не только независимымъ, но и гласнымъ и публичнымъ; онъ долженъ стоять на высотѣ, замѣняя силу матеріальную той моральной силой, какою является идея права.

Характерно, что пока въ области крестьянскаго вопроса шли колебанія, они немедленно отражались и на положеніи вопроса о судебной реформѣ. Недаромъ цѣлый рядъ дѣятелей этого времени, какъ изъ бюрократической среды, такъ и изъ общественной, сознавалъ, утверждалъ и не разъ писалъ, что, если бы не осуществилось освобожденіе крестьянъ, судебная реформа оказалась бы совершенно невозможной, по крайней мѣрѣ въ томъ видѣ, въ какомъ она была осуществлена. Хотя съ разныхъ сторонъ доносились голоса (особенно въ адресахъ, подносимыхъ дворянскими собраніями), домогавшіеся коренной реформы суда въ связи съ уничтоженіемъ произвола и установленіемъ законности и гарантій правъ личности, но правительство чуть не до самаго дня подписанія освободительнаго манифеста 19 февраля 1861 года находилось еще въ настолько колеблющемся состояніи, что авторовъ разныхъ проектовъ на тему о строгой законности подвергало легкимъ, а иногда и серьезнымъ административнымъ воздѣйствіямъ. Адресъ пяти депутатовъ по крестьянской реформѣ во главѣ съ Унковскимъ, поданный 16 октября 1859 года, былъ признанъ „ни съ чѣмъ несообразнымъ и рѣзкимъ до крайности“, и различнымъ репрессіямъ подверглись люди, основныя идеи которыхъ всего нѣсколько лѣтъ спустя были законодательнымъ порядкомъ проведены въ жизнь.

Мало того, имѣется такой въ высшей степени характерный фактъ, что до осуществленія крестьянской реформы сохраняло силу изданное въ 1857 году высочайшее повелѣніе государственному совѣту, занимавшемуся вопросомъ о судебной реформѣ, совершенно не касаться такихъ институтовъ, какъ адвокатура и судъ присяжныхъ...

Въ такомъ же направленіи имѣла инструкціи и цензура, и лишь въ „Морскомъ Сборникѣ“, состоявшемъ подъ особымъ покровительствомъ великаго князя Константина Николаевича, его дѣятельный сотрудникъ по судебной реформѣ въ морскомъ вѣдомствѣ помѣстилъ рядъ статей о состязательности въ процессѣ, о гласности суда и другихъ подобныхъ тогда запретныхъ матеріяхъ.

Послѣ крестьянской реформы положеніе дѣлъ рѣзко измѣнилось. Рубиконъ былъ перейденъ; реформаторское теченіе хоть не надолго взяло верхъ надъ противодѣйствіемъ крѣпостниковъ и рутинеровъ; дѣло судебнаго преобразованія могло рѣшительно двинуться впередъ. Да это и понятно. Только покончивъ съ вѣковымъ зломъ, такъ долго составлявшимъ одинъ изъ „священныхъ устоевъ“, только поставивъ крестъ надъ тѣмъ произволомъ, который de jure былъ ограниченъ, а de facto, переходя всѣ предѣлы, царилъ надъ милліонами людей,—можно было серьезно надѣяться на возможность и въ нашей странѣ насадить дѣйствительное правосудіе. Дѣйствительное пра-

восудіе требуетъ признанія извѣстныхъ незыблемыхъ началъ, извѣстнаго minimum'а уваженія къ личности, независимо отъ ея сословнаго и имущественнаго положенія, гарантій этой личности, хотя бы небольшихъ, но для всѣхъ одинаковыхъ, словомъ, многаго такого, чему кореннымъ и органическимъ образомъ противорѣчилъ весь строй крѣпостнической Россіи.

Когда крестьянская реформа свершилась, бывшіе рабы получили права гражданъ, и съ этой стороны почва для судебной реформы оказалась очищенной отъ препятствій.

Итакъ, для бытія судебной реформы предварительная отмѣна крѣпостного права была необходимой. Но для созданія суда, достойнаго этого имени, необходимо было также и другое: необходимо было реформировать нашу карательную систему. Было бы нелѣпостью сохранить безграничное господство въ карательной системѣ тѣлесныхъ наказаній для непривилегированныхъ и поручить это кровавое правосудіе суду, который желали поставить на извѣстную высоту, и которому стремились пріобрѣсти довѣріе народа. Образованный и гуманный судья, съ соблюденіемъ цѣлаго ряда гарантій личности приговаривающій къ плетямъ или розгамъ эту самую личность, представители общественной совѣсти въ лицѣ присяжныхъ, своимъ вердиктомъ о виновности подсудимаго вызывающіе приговоръ о законныхъ истязаніяхъ, — все это являлось бы очевидной и глубокой несообразностью, избѣгнуть которой было необходимо.

Необходимо также было, на первыхъ порахъ хотя бы палліативами, хоть немного ослабить разницу между старымъ духомъ нашихъ матеріальныхъ законовъ и прогрессивнымъ духомъ вновь создаваемыхъ процессуальныхъ. Здѣсь сдѣлано было немногое, но все же съ изданіемъ устава о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, и съ послѣдовавшимъ „согласованіемъ" уложенія съ судебными уставами кой-какія рѣзкія противорѣчія были устранены.

Но, конечно, центръ тяжести лежалъ не здѣсь, а въ предшествовавшей судебной реформѣ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній, радикально измѣнившей нашу карательную систему. Обѣ эти реформы стоятъ въ неразрывной связи; безъ второй первая въ значительной мѣрѣ была бы обречена на неудачу, а равенство всѣхъ передъ закономъ или вовсе не было бы провозглашено, или звучало бы насмѣшкой при существованіи высокой стѣны, отдѣляющей подлежащихъ тѣлесному наказанію отъ неподлежащихъ.

Поэтому наше изложеніе судебной реформы мы начнемъ съ разсмотрѣнія перемѣнъ, послѣдовавшихъ въ нашей карательной системѣ и въ матеріальномъ правѣ вообще.

Пользуемся случаемъ сдѣлать одну оговорку. Мы будемъ говорить о новыхъ судахъ и, слѣдуя установившейся терминологіи, мы пишемъ „судебная реформа"; но мы ясно сознаемъ неточность этого термина. Въ формальномъ смыслѣ произошла реформа, въ дѣйствительности же явилось нѣчто совершенно новое, по духу своему, началамъ и содержанію непримиримо противорѣчивое старымъ судебнымъ „порядкамъ". Какъ мы увидимъ далѣе, редакто-

рамъ судебныхъ уставовъ приходилось болѣе создавать и творить, чѣмъ перестраивать и исправлять.

2.

Для надлежащей оцѣнки нашей карательной системы въ томъ ея видѣ, въ какомъ она существовала до отмѣны крѣпостного права и тѣлесныхъ наказаній, необходимо помнить, что тѣлесныя наказанія составляли ея главную и, можно сказать, доминирующую часть. Во-первыхъ, за исключеніемъ случаевъ совершенія болѣе тяжкихъ преступленій, многомилліонная крестьянская масса подчинена была юрисдикціи помѣщиковъ, а эта юрисдикція въ значительной мѣрѣ сводилась къ практикѣ разнообразнѣйшихъ тѣлесныхъ наказаній, а во-вторыхъ, въ порядкѣ судебномъ для всѣхъ непривилегированныхъ лицъ лишеніе свободы сопровождалось дополнительнымъ тѣлеснымъ наказаніемъ. Клейменіе и плети отъ 30 до 100 ударовъ сопровождали каждый приговоръ къ каторжной работѣ; плети же были сопряжены съ наказаніемъ ссылкой на поселеніе въ Сибирь; при такъ называемыхъ исправительныхъ наказаніяхъ въ видѣ дополненія полагались розги до 100 ударовъ; тѣ же розги употреблялись для замѣны ареста и краткосрочнаго заключенія въ тюрьмѣ. Исполнителями наказанія плетьми были палачи, а наказанія розгами—полицейскіе служители.

Сверхъ того, жестокія тѣлесныя наказанія въ видѣ шпицрутеновъ, кошекъ и плетей примѣнялись къ нижнимъ чинамъ войска и флота, къ ссыльно-каторжнымъ и поселенцамъ.

Мы не будемъ распространяться обо всей отвратительности подобныхъ порядковъ, о развращеніи ими народной нравственности, о культивированіи жестокости и кровожадности и другихъ подобныхъ результатахъ. Добавимъ только, что на практикѣ болѣе тяжкія формы тѣлесныхъ наказаній являлись лишь замаскированной формой смертной казни. Озвѣрѣвшій или недостаточно подкупленный палачъ часто засѣкалъ до смерти плетьми; при наказаніи шпицрутенами многіе засѣкались на мѣстѣ, многіе умирали послѣ экзекуціи въ лазаретѣ, частью благодаря особо жестокой манерѣ битья, изобрѣтенной извѣстнымъ Аракчеевымъ, при которой бывали случаи засѣченія съ 400—500 ударовъ, частью благодаря чудовищнымъ цифрамъ назначаемыхъ ударовъ, которые доходили до 12.000, причемъ наказаніе предписывалось *производить безъ врача.*

Правосудіе такимъ образомъ являлось кровавымъ правосудіемъ; на площадяхъ, въ помѣщичьихъ конюшняхъ и въ полицейскихъ застѣнкахъ лилась кровь и раздавались стоны, и это была картина русской дѣйствительности. Да и понятно: весь старый строй держался не моральнымъ авторитетомъ, а грозою и страхомъ („тридцать лѣтъ правилъ нами страхъ“, — отмѣчаетъ въ своемъ дневникѣ одинъ изъ вдумчивыхъ современниковъ старыхъ порядковъ, академикъ Никитенко); человѣческой личности вообще не признавали; личностью, да и то въ тѣсныхъ предѣлахъ, были только привилегированные, а потому изъятые отъ тѣлесныхъ наказаній. Одно зло переплеталось съ другимъ, ка-

ждое отдѣльное явленіе было лишь звеномъ общей цѣпи...

Когда въ первые годы царствованія Александра II, казалось, повѣяло новымъ вѣтромъ, то между прочимъ это выразилось въ томъ, что 25 февраля 1855 года вышелъ законъ, освобождающій отъ наказанія плетьми слабосильныхъ преступниковъ,—категорія, къ которой чаще всего практика стала относить женщинъ. Однако въ то же время такъ сильна еще была вѣра въ необходимость устрашенія жестокой угрозой, что новый законъ былъ сообщенъ администраціи и судамъ *секретно*.

Лучшіе люди въ русскомъ обществѣ вообще и въ арміи—въ частности давно возмущались звѣрскими экзекуціями. Укажемъ, напримѣръ, что такъ смотрѣли на дѣло нѣкоторые изъ декабристовъ и что Пушкинъ, заклеймившій въ одномъ изъ своихъ стихотвореній „насильственную лозу", орудіе эксплуатаціи народа въ рукахъ „дикаго барства", чуждаго „чувства и закона", высказалъ свой общій отрицательный взглядъ на практику тѣлесныхъ наказаній въ запискѣ о народномъ воспитаніи, поданной имъ императору Николаю.

Даже простой народъ, несмотря на почти повальную грубость нравовъ, ненавидѣлъ и презиралъ палачей и съ состраданіемъ относился къ истязаемымъ, забывая на это время ихъ преступленія и видя въ нихъ несчастныхъ. Но все это также мало вело къ непосредственной реформѣ, какъ и давнее сознаніе лучшихъ людей о необходимости покончить съ крѣпостнымъ правомъ.

Пока не грянулъ громъ Севастополя, вскрывшій всю гнилость господствовавшей у насъ системы, эта система держалась прочно. Когда же система пошатнулась и первая брешь была пробита крестьянской реформой, на очередь сейчасъ же сталъ и вопросъ о тѣлесныхъ наказаніяхъ. Офиціально выступилъ съ проектомъ объ отмѣнѣ этихъ наказаній имѣвшій большое вліяніе въ придворныхъ сферахъ князь Н. А. Орловъ, но вдохновителемъ и совѣтникомъ его былъ оберъ-аудиторъ П. Н. Глѣбовъ, одинъ изъ главныхъ и гуманныхъ сотрудниковъ великаго князя Константина Николаевича во всѣхъ реформахъ по морскому вѣдомству.

Въ запискѣ, поданной государю въ мартѣ 1861 года, кн. Орловъ отстаивалъ необходимость покончить съ тѣлесными наказаніями, сдѣлавъ рѣшительный шагъ впередъ по сравненію съ прежними полумѣрами, какими явились отмѣна рванія ноздрей при Александрѣ I и отмѣна кнута при Николаѣ. Орловъ подробно отмѣчаетъ безнравственность, безполезность, противорѣчіе духу христіанской любви и громадный соціальный вредъ тѣлесныхъ наказаній, которыя питаютъ грубость нравовъ, создаютъ недовѣріе сословій, подверженныхъ побоямъ къ остальнымъ сословіямъ и препятствуютъ развитію уваженія къ человѣческой личности. Авторъ утверждаетъ, что тѣлесныя наказанія не свойствены духу русскаго народа, принесены на Русь татарами и узаконены бюрократіей. Съ ужасомъ, наконецъ, говоритъ онъ о наиболѣе жестокихъ наказаніяхъ, примѣняемыхъ военными судами, гдѣ солдатамъ навязывается

отвратительная роль палачей, и гдѣ тѣлесное наказаніе въ дѣйствительности является мучительнѣйшей смертной казнью. Записка заканчивается указаніемъ на необходимость къ предстоящему тысячелѣтію Россіи дополнить великую крестьянскую реформу отмѣной тѣлесныхъ наказаній.

Записка была передана въ особый комитетъ, который согласился съ основной точкой зрѣнія записки, прибавилъ отъ себя рядъ доводовъ и дополнилъ ихъ статистическими данными. Затѣмъ были запрошены представители вѣдомствъ, дѣло перешло въ государственный совѣтъ, а 17 апрѣля 1863 года въ день своего рожденія императоръ Александръ II подписалъ указъ объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній, создавшій цѣлый переворотъ въ карательной системѣ.

Нельзя не отмѣтить, что при прохожденіи этого дѣла по разнымъ перипетіямъ громадное большинство лицъ, имѣвшихъ къ нему отношеніе, отнеслось съ полнымъ сочувствіемъ къ его основной гуманной идеѣ. Ее поддержалъ, какъ главный представитель флота, великій князь Константинъ Николаевичъ, особенно убѣдительно ополчившійся на мнимую необходимость тѣлесныхъ наказаній для охраны общественной безопасности вообще и для поддержанія дисциплины въ войскахъ въ особенности. Въ пользу проекта высказался и министръ внутреннихъ дѣлъ Валуевъ; но съ особенной энергіей и силой при окончательномъ разсмотрѣніи дѣла въ государственномъ совѣтѣ выступилъ новый военный министръ Д. А. Милютинъ, а въ особыхъ запискахъ опровергли всѣ доводы противниковъ и дали превосходный матеріалъ для защитниковъ талантливые представители тогдашней прокуратуры Буцковскій и Ровинскій, будущіе корифеи судебной реформы.

Само собою разумѣется, что все, проникнутое крѣпостническими идеями, все боящееся прогресса и презирающее народъ, было противъ отмѣны тѣлесныхъ наказаній. Но факты, извѣстные всей Россіи, были настолько вопіющими, что лишь немногіе рѣшались открыто выступить защитниками кровавыхъ истязаній, и въ числѣ этихъ немногихъ главную роль играли министръ юстиціи графъ Панинъ и московскій митрополитъ Филаретъ.

Къ митрополиту Филарету обратился оберъ-прокуроръ синода графъ Толстой, который, какъ представитель духовнаго вѣдомства, долженъ былъ представить отзывъ на проектъ Орлова. Филаретъ составилъ цѣлую записку „о тѣлесныхъ наказаніяхъ съ христіанской точки зрѣнія“; въ ней знаменитый іерархъ, не сочувствовавшій освобожденію крестьянъ, столь же мало сочувствія проявилъ и къ новой гуманной реформѣ. Основная мысль его заключается въ томъ, что Христосъ создавалъ на землѣ церковь, а не государство, а потому государство можетъ не всегда слѣдовать высокимъ правиламъ христіанства и создавать свои правила, не становясь еще черезъ то недостойнымъ христіанства. Исходя изъ этого основного положенія, авторъ утверждаетъ, что вопросъ объ употребленіи или не употребленіи въ государствѣ тѣлесныхъ наказаній „стоитъ въ сторонѣ отъ христіанства“. Далѣе, ссылаясь на узаконеніе тѣлесныхъ наказаній черезъ Моисея самимъ Богомъ,

авторъ рѣшительно отрицаетъ разрушительное дѣйствіе этого наказанія на народную нравственность и на чувство чести въ наказываемомъ. Здѣсь мы встрѣчаемъ настоящіе перлы, въ родѣ софизма—„можно ли признать правильнымъ такое сужденіе, что виновный изъ-подъ розогъ съ безчестіемъ, а изъ тюрьмы съ честью выходитъ?“ Здѣсь же видимъ указаніе на то, что перенесшіе тяжкое тѣлесное наказаніе иногда „чувствуютъ внутреннее облегченіе и укрѣпляются въ надеждѣ небеснаго прощенія“. Въ заключеніе авторъ еще разъ отказывается съ христіанской точки зрѣнія осудить тѣлесныя наказанія и утверждаетъ, что „защищать личность существа, созданнаго по образу и подобію Божію, не значитъ защищать личность преступника“.

Рука объ руку съ митрополитомъ Филаретомъ и раздѣлившимъ его взгляды оберъ-прокуроромъ синода пошелъ министръ юстиціи графъ Панинъ, который тридцать лѣтъ стоялъ во главѣ русскаго правосудія и, по выраженію современника, „всегда являлся первымъ на поприщѣ тьмы и безправія“ и отстаивалъ букву и рутину съ усердіемъ и настойчивостью. Въ своихъ возраженіяхъ Панинъ утверждалъ, что народному пониманію идея наказанія доступна главнымъ образомъ въ видѣ наказанія тѣлеснаго, что оно единственное изъ наказаній возбуждаетъ страхъ, и что отмѣна его „въ грубомъ понятіи нѣкоторыхъ преступниковъ и окружающей ихъ среды“ явится какъ бы отмѣной всѣхъ уголовныхъ наказаній вообще, а потому пострадаетъ общественная безопасность.

Исходя изъ этихъ дышащихъ презрѣніемъ къ народу взглядовъ, Панинъ отстаивалъ всѣ виды тѣлесныхъ наказаній, отстаивалъ примѣненіе ихъ къ женщинамъ и защищалъ даже клейменіе, соглашаясь единственно на то, чтобы впредь клейма ставились на плечѣ, а не на лицѣ преступника.

Таковъ былъ вліятельный голосъ главы русскаго правосудія, слившійся въ трогательный аккордъ съ голосомъ наиболѣе авторитетнаго и знаменитаго духовнаго іерарха.

Но энергія сторонниковъ реформы, наглядное и вопіющее безобразіе существовавшей кровавой карательной системы, а главное еще не угасшій тогда порывъ къ обновленію родины сдѣлали свое дѣло. Подписанный 17 апрѣля указъ совершенно отмѣнилъ клейменіе, шпицрутены и кошки, уничтожилъ плети для всѣхъ, кромѣ рецидивистовъ каторжниковъ и ссыльно-поселенцевъ и изъялъ отъ какихъ бы то ни было тѣлесныхъ наказаній всѣхъ женщинъ, кромѣ каторжницъ и поселенокъ. Розги остались временно для замѣны, въ случаѣ недостатка помѣщеній, краткосрочнаго лишенія свободы, но черезъ нѣсколько лѣтъ и это наказаніе, какъ наказаніе по суду, окончательно исчезло изъ нашей карательной системы.

Такимъ образомъ былъ сдѣланъ громадный шагъ впередъ; наша карательная система совершенно измѣнила свой характеръ: ея центромъ стало простое лишеніе свободы и идея исправленія впервые получила перевѣсъ надъ идеей устрашенія.

Правда, тѣлесное наказаніе вмѣстѣ съ актомъ 17 апрѣля не умерло: оно

осталось въ практикѣ волостныхъ судовъ; его продолжали широко примѣнять въ Сибири къ каторжнымъ и ссыльнымъ, причемъ случаи засѣченія на смерть являлись далеко не исключительными; оно сохранилось въ войскѣ и флотѣ для присужденныхъ въ дисциплинарные батальоны и для такъ называемыхъ штрафованныхъ, причемъ также бывали случаи, когда послѣ наказанія 200—300 ударами розогъ наказанные умирали въ лазаретѣ или по дорогѣ въ лазаретъ; оно, наконецъ, широко продолжало примѣняться въ административномъ порядкѣ, какъ при выколачиваніи недоимокъ, такъ и при „усмиреніи" бунтовъ и безпорядковъ путемъ экзекуцій.

Всѣ эти возмутительные остатки старыхъ порядковъ темнымъ пятномъ продолжали лежать на русской жизни; но если они и не даютъ намъ возможности согласиться съ Ровинскимъ, въ умиленіи писавшимъ послѣ 17 апрѣля, что „словно въ сказкѣ какой изъ битаго царства другое небитое стало", то все же мы должны помнить, что перемѣна была колоссальной, а сохранившіеся пережитки были лишь осколкомъ сплошныхъ ужасовъ прошлаго.

Правда также, что благодаря крѣпости старыхъ привычекъ, отсутствію у нашей администраціи уваженія къ закону и крайней неудовлетворительности полицейскаго персонала разнообразные побои и истязанія остались жить на практикѣ. Но все же въ народное сознаніе мало-помалу стала просачиваться идея неприкосновенности личности, а вмѣстѣ съ этимъ стала преображаться прежняя трепетная и рабская психологія.

Какъ мы уже упоминали, отмѣной тѣлесныхъ наказаній не ограничилось измѣненіе нашего матеріальнаго права. Мы должны разсмотрѣть теперь эти измѣненія.

Прежде всего уже при самомъ приступѣ къ судебной реформѣ возникла мысль выдѣлить изъ нашего стараго уложенія о наказаніяхъ всѣ статьи, относящіяся къ менѣе тяжкимъ дѣяніямъ, которыя были предметомъ судебно-полицейскаго разбирательства. Этотъ вопросъ былъ вновь возбужденъ при обсужденіи въ 1862 году основныхъ положеній судебной реформы и получилъ высочайшее одобреніе. Затѣмъ въ силу 19-ой ст. основныхъ положеній былъ составленъ проектъ устава о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, куда, кромѣ маловажныхъ проступковъ и дѣлъ, допускающихъ примиреніе, вошли кража, мошенничество, присвоеніе, лѣсныя порубки и другія дѣянія преступнаго характера, совершаемыя лицами непривилегированными, если при этомъ не было особыхъ отягчающихъ обстоятельствъ и если сумма похищеннаго не превышала 300 рублей.

Проектъ получилъ утвержденіе 20 ноября 1864 года вмѣстѣ съ другими отдѣлами судебныхъ уставовъ. При обсужденіи окончательной его редакціи было признано, что въ виду его тѣсной связи по содержанію съ уложеніемъ о наказаніяхъ, необходимо сдѣлать согласованіе, отмѣнивъ, измѣнивъ, а иногда дополнивъ нѣкоторыя статьи уложенія. 27 декабря 1865 года было утверждено мнѣніе государственнаго совѣта съ проектомъ указаннаго согласованія. Въ основу произведенныхъ пе-

ремѣнъ формально были положены статьи стараго уложенія, но фактически, какъ и признали редакторы, „оказалось необходимымъ въ нѣкоторыхъ частяхъ отступить отъ системы и постановленій уложенія", считаясь съ „измѣнившимися со времени изданія уложенія взглядами и потребностями". Эти отступленія и были той разсѣлиной, черезъ которую новый духъ хоть немного проникъ въ ветхое зданіе нашего матеріальнаго права.

Прежде всего, основываясь на томъ, что правительство приняло мѣры къ увеличенію числа мѣстъ заключенія и что сохраненная на время замѣна лишенія свободы тѣлеснымъ наказаніемъ допущена лишь въ случаяхъ явной невозможности, т. е. полнаго недостатка мѣста, изъ мирового устава окончательно изгнали розги, даже какъ замѣняющее наказаніе, и такимъ путемъ освободили новый мировой институтъ отъ этого постыднаго груза.

Далѣе, необходимо отмѣтить, что былъ хоть въ самыхъ общихъ чертахъ урегулированъ режимъ тюрьмы и ареста, прежде отличавшійся полнѣйшимъ произволомъ, было упрощено запутанное ученіе о вмѣненіи и открытъ путь къ радикальной перестройкѣ системы наказаній для малолѣтнихъ и несовершеннолѣтнихъ.

Справедливо указавъ на то, что, „установленіе раціональной и практически удобной системы наказанія для несовершеннолѣтнихъ есть одна изъ труднѣйшихъ задачъ уголовнаго права" тѣмъ болѣе, что „въ виду особыхъ свойствъ указаннаго возраста примѣненіе къ лицамъ этого возраста обычныхъ наказаній *является нецѣлесообразнымъ*", редакторы дали описаніе исправительныхъ заведеній для малолѣтнихъ, существующихъ на Западѣ и ввели въ законъ (ст. 6 Мирового Устава) возможность замѣны тюрьмы для лицъ отъ 10 до 17 лѣтъ отдачей въ исправительные пріюты въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ *они будутъ учреждены.*

Такимъ образомъ въ наше законодательство было введено новое начало, была подчеркнута исправительная цѣль наказанія взамѣнъ идей устрашенія и возмездія во что бы то ни стало, была выдвинута на первый планъ мысль о созданіи „дѣятельныхъ исправительныхъ мѣръ для предупрежденія дальнѣйшей порчи малолѣтнихъ преступниковъ" и сдѣлано воззваніе къ правительственной и общественной инціативѣ въ дѣлѣ созданія новыхъ учрежденій, система которыхъ „оправдалась блестящими опытами въ другихъ странахъ".

Какъ извѣстно, общество, а особенно правительство, проявили потомъ въ данномъ дѣлѣ недостаточно энергіи, но починъ все же былъ сдѣланъ и является одной изъ серьезныхъ заслугъ редакторовъ судебныхъ уставовъ.

Изъ дальнѣйшихъ измѣненій мы должны указать на упрощеніе правилъ объ отмѣнѣ, увеличеніи и смягченіи наказаній, причемъ въ основу положено сознаніе необходимости, съ одной стороны, „ограничить произволъ судьи и оградить подсудимыхъ отъ возможной излишней его строгости", а съ другой — дать судьѣ полный просторъ для смягченія взы-

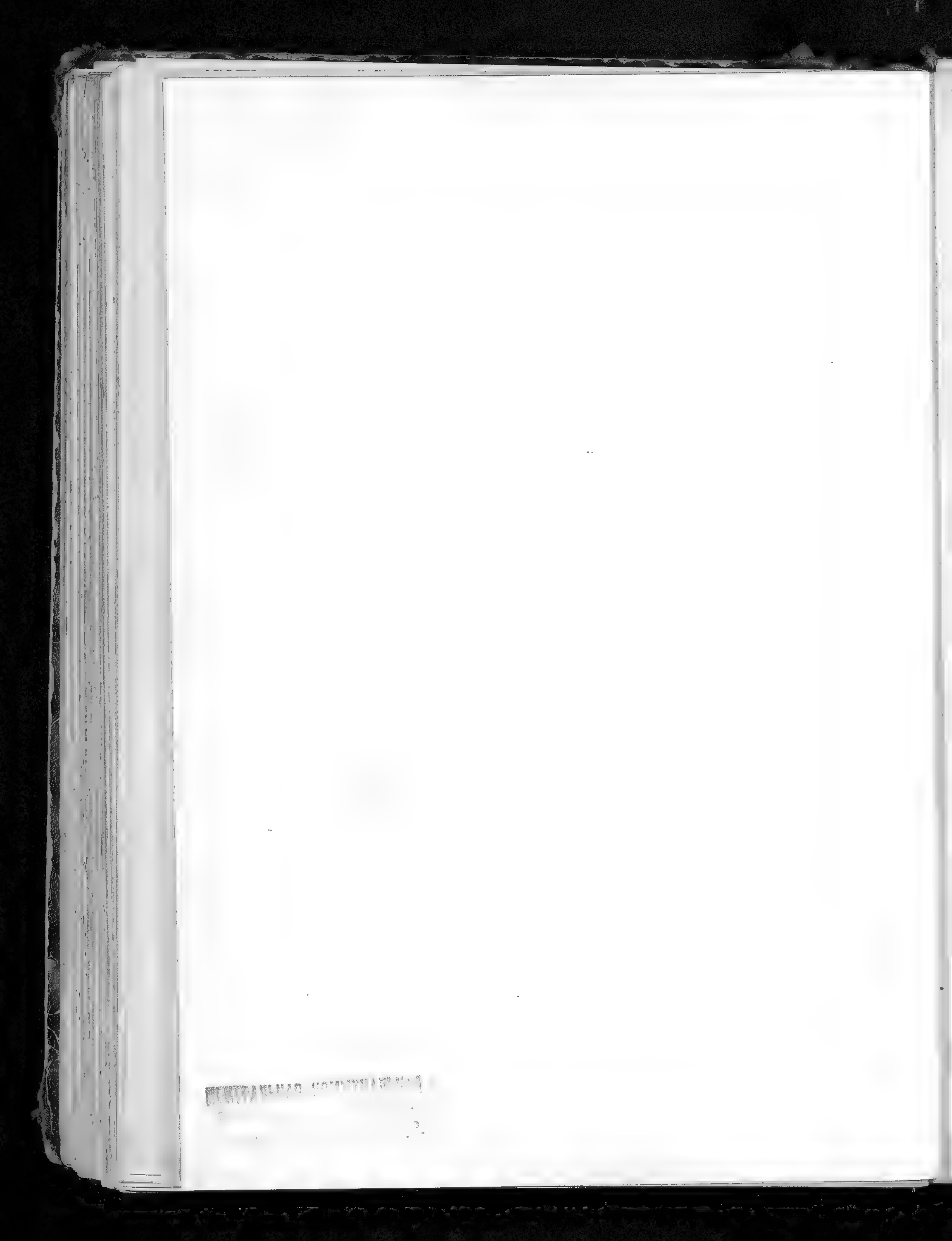

Николай Алексѣевичъ Милютинъ

Съ портрета, писаннаго художникомъ [illegible]
(Съ любезнаго разрѣшенія Ю. Н. Милютина въ С.-Петербургѣ)

ИСТОРІЯ РОССІИ ВЪ XIX ВѢКѢ. Изданіе [illegible]

сканій, установивъ здѣсь лишь „необходимыя ограниченія“. Это начало освободило судейскую совѣсть отъ сковывавшихъ ее раньше тяжкихъ путъ, хотя проведено оно было далеко не съ твердой послѣдовательностью, вопреки утвержденію редакторовъ, такъ что сохранились случаи, гдѣ формализмъ долженъ былъ торжествовать надъ моральной и житейской правдой. Говоря это, мы особенно имѣемъ въ виду запрещеніе свободнаго перехода отъ тюрьмы къ аресту, благодаря чему виновный въ кражѣ, напримѣръ, обязательно долженъ былъ попадать въ тюрьму даже при наличности такихъ особо смягчающихъ обстоятельствъ, какъ „крайность и неимѣніе средствъ къ пропитанію и работѣ“.

Обращаясь теперь къ особенной части мирового устава, нельзя не отмѣтить здѣсь мягкости наказаній за мелкіе проступки противъ порядка управленія, рельефно выдѣляющейся по сравненію съ той особой строгостью, съ какой относится и относилось къ дѣяніямъ этого рода наше уложеніе; заслуживаетъ вниманія и реформа наказаній за преступленія противъ чести съ отмѣной такихъ архаическихъ дополнительныхъ взысканій, какъ принудительное испрошеніе прощенія у обиженнаго и уплата безчестія. Здѣсь редакторы вѣрно замѣчаютъ, что часто „отъ дозволенія искать двойного за обиду возмездія, и уголовнаго, и гражданскаго, извлекали пользу люди, сами напрашивающіеся на обиды и торгующіе честью“. Законодатель, безспорно улучшилъ дѣло, отказавшись отъ поощренія „такого промысла“.

Въ области преступленій противъ собственности съ особой тщательностью обработанъ былъ отдѣлъ о самовольномъ пользованіи и болѣе рѣзко отдѣленъ отъ кражи, чѣмъ это было раньше въ уложеніи. Въ частности самовольная порубка лѣса, которая прежде каралась лишеніемъ особыхъ правъ и тюрьмой съ тѣлеснымъ наказаніемъ, со времени „положенія о крестьянахъ“ должна была наказываться лишь штрафомъ, и это гуманное и разумное правило было закрѣплено мировымъ уставомъ, который разрѣшилъ назначать лишеніе свободы лишь при вторичномъ рецидивѣ.

Наконецъ, при кражѣ и другихъ преступленіяхъ противъ собственности лишь благодаря соображеніямъ о точномъ разграниченіи подсудности между мировыми и общими судами удержано вліяніе на наказуемость *цѣнности похищеннаго*; по существу же редакторы устава въ своихъ разсужденіяхъ привели массу блестящихъ аргументовъ для доказательства несостоятельности указаннаго порядка.

Мы отмѣтили болѣе существенныя стороны измѣненій, произведенныхъ въ нашемъ матеріальномъ правѣ мировымъ уставомъ и отразившихся и на уложеніи о наказаніяхъ при согласованіи его съ уставомъ. Мы считали это необходимымъ, ибо усовершенствованіе права, хотя бы и въ области дѣлъ сравнительно маловажныхъ, имѣетъ весьма серьезное общественное значеніе. Болѣе тяжкія преступленія совершаются сравнительно рѣдко; проступки и нарушенія — на каждомъ шагу; ихъ совершителями часто являются люди, вовсе не отличающіеся особо преступными наклонностями; съ ними

массѣ людей приходится входить въ то или иное соприкосновеніе. Все это вмѣстѣ взятое заставляетъ признать, что произведенная въ этой области и на видъ скромная реформа явилась для широкихъ народныхъ массъ ощутительной и плодотворной.

Мы, конечно, не хотимъ этимъ сказать, что послѣ указанной реформы матеріальное право наше вообще достигло извѣстной высоты. Существованіе и дѣйствіе лишь частично согласованнаго съ новымъ уставомъ архаическаго, лишеннаго принципіальныхъ основъ, запутаннаго и казуистичнаго уложенія о наказаніяхъ не могло не отражаться вредно на ходѣ правосудія. Радикальная реформа здѣсь давно назрѣла и является вопросомъ неотложнымъ, но все же изданіе мирового устава и особенно предшествовавшая ему отмѣна тѣлесныхъ наказаній открыли новую эру русскаго правосудія; безъ этихъ реформъ введеніе въ жизнь новыхъ судовъ сопровождалось бы такими непримиримыми противорѣчіями, которыя легко могли бы скомпрометировать и значительно обезцѣнить всю судебную реформу. Но въ то время, какъ матеріальное право подновили, почининили и лишь частично перестроили, въ области процессуальнаго права, какъ мы увидимъ, старое зданіе разрушили, не оставивъ камня на камнѣ, и вмѣсто старыхъ уродливыхъ построекъ возвели новое величественное зданіе, имя которому „Судебные уставы императора Александра II“.

Мы должны теперь дать себѣ ясный отчетъ въ томъ, что такое представлялъ изъ себя старый дореформенный судъ въ Россіи, затѣмъ прослѣдить, какъ зарождалась, развивалась и выливалась въ окончательныя формы реформа этого суда и, наконецъ, должны сдѣлать оцѣнку тѣхъ основныхъ началъ, которыя являются наиболѣе характерными для судебныхъ учрежденій, созданныхъ судебными уставами и до нашихъ дней сохранившихъ названіе „новыхъ судовъ“.

3.

Какъ прекрасно и вѣрно отмѣтилъ однажды Утинъ, „типъ судьи, праведно судящаго и пользующагося общимъ довѣріемъ, чуждъ не только древней, но и новой Россіи“.

Если мы обратимся къ памятникамъ народнымъ, то и здѣсь ничего утѣшительнаго относительно суда мы не усмотримъ. Несомнѣнно правъ былъ поэтъ, сказавшій, что земля наша была „въ судахъ полна неправды черной“, и недаромъ народъ нашъ въ своихъ сказаніяхъ и пословицахъ отразилъ картину полнаго безсудья и безправія. „Съ сильнымъ не борись, съ богатымъ не судись“, —говоритъ одна пословица; „отъ суда отрѣжь полу и бѣги“,—вторитъ другая, малорусская пословица; „отъ сумы да отъ тюрьмы не зарекайся“, —съ мрачнымъ и безнадежнымъ пессимизмомъ совѣтуетъ третья.

Немало и другихъ сходныхъ, вродѣ „законъ что дышло, — куда повернешь, туда и вышло“, „хочу по немъ сужу, хочу на немъ сижу“ (судья о законѣ), „Богъ правду видитъ, да нескоро скажетъ“, „до Бога высоко, до царя далеко“, „не подмажешь, не поѣдешь“, „сухая ложка ротъ деретъ“ и т. д. и т. п.

Только вѣка произвола и безсудья могли оставить въ народной памяти такой слѣдъ; суммируя смыслъ приведенныхъ пословицъ и поговорокъ, нельзя не видѣть, что взяточничество процвѣтало у насъ на каждомъ шагу, что правосудіе существовало только для сильныхъ и богатыхъ, что въ примѣненіи закона царилъ полный произволъ, благодаря которому разумнѣе было отступиться отъ самаго законнаго права, какъ бы ни было оно попрано, что отъ суда и тюрьмы невинность никого не гарантировала, и что вообще народная психологія прониклась крайнимъ уныніемъ и вѣрой въ почти полную невозможность добиться правды на землѣ.

„Мой домъ—моя крѣпость", —гордо говоритъ гражданинъ Англіи; „есть судьи въ Берлинѣ",—говорили издавна у нѣмцевъ. Ничего подобнаго не говорилъ и не могъ сказать обыватель Россіи.

Если мы обратимся къ непосредственной дѣйствительности, то увидимъ, что народъ вѣрно отразилъ ее въ своихъ понятіяхъ. Официальные документы, литература, воспоминанія очевидцевъ,—все это даетъ яркую и въ полномъ смыслѣ слова ужасающую картину стараго суда и его порядковъ. Изъ массы лицъ, хоть нѣсколько знакомыхъ со старымъ судомъ, почти никто не поминалъ его иначе, какъ лихомъ; исключенія очень рѣдки, а сужденія въ этихъ случаяхъ противорѣчивы и не убѣдительны.

Такъ, напримѣръ, Викторъ Фуксъ въ своей книгѣ „Судъ и полиція" утверждаетъ, что „система прежняго суда, сложившагося постепенно подъ вліяніемъ практической необходимости, а не предвзятой теоріи, представляла, такъ сказать, компромиссъ между государственными и общественными требованіями минувшей эпохи", что въ старыхъ судахъ также, какъ и въ новыхъ, „люди, знакомые съ дѣломъ и не лишенные энергіи, успѣвали добиваться правды", что „и въ прежнее время встрѣчались образованные судьи и даже относительно добросовѣстныя судебныя канцеляріи".

Но тотъ же авторъ вынужденъ былъ признать наличность въ старомъ судѣ многихъ обременительныхъ и затруднительныхъ формальностей, сложность и запутанность инстанцій, чрезмѣрную роль полиціи, преобладаніе казуистики надъ закономъ, преобладаніе канцелярій и мн. др., результатомъ чего являлась „непомѣрная сложность и медленность процесса и необезпеченность интересовъ тяжущихся и подсудимыхъ". Авторъ вспоминаетъ истцовъ и отвѣтчиковъ, „не знающихъ конца ни своимъ исканіямъ, ни сомнѣніямъ, ни судебнымъ расходамъ", причемъ недобросовѣстная сторона могла до безконечности тянуть дѣло, а бѣдные и неопытные люди „дѣлались жертвой болѣе богатыхъ и опытныхъ соперниковъ"; онъ же не можетъ скрыть такихъ порядковъ въ уголовномъ судѣ, благодаря которымъ зачастую практиковалось многолѣтнее предварительное задержаніе подсудимыхъ, иногда даже по обвиненіямъ въ маловажныхъ преступленіяхъ, а „богатые и ловкіе уголовные преступники умѣли выходить сухими изъ воды послѣ самыхъ возмутительныхъ закононарушеній".

Какъ видимъ, у автора полное противорѣчіе между фактами и тѣми

оптимистическими выводами, которые ему продиктованы тенденціей умалить достоинства новаго суда. Авторъ, выступая со своими работами въ періодъ тяжелой реакціи восьмидесятыхъ годовъ, во имя „исконныхъ“ и „строго національныхъ“ идеаловъ, всѣми мѣрами старался ослабить отрицательныя стороны стараго суда, но картина получилась все же очень яркая.

Еще ярче окажется она, если мы обратимся къ другимъ источникамъ, къ даннымъ лицъ безпристрастныхъ.

Конечно, странно было бы отрицать, что между судьями и прежде попадались честные люди и невсегда торжествовала неправда. Довольно и того, что общая картина была иной, что все свѣтлое являлось лишь случайнымъ исключеніемъ среди общаго мрака и даже лучшіе люди вынуждены были опускать руки. При всемъ своемъ рвеніи и желаніи добиться правды, даже такіе дѣятели, какъ напримѣръ Аксаковъ, скоро убѣждались въ своемъ полномъ безсиліи, ибо причина зла лежала не въ людяхъ, а въ системѣ. „Не горячитесь“,—говаривали новичкамъ опытные дѣльцы: „пробовали тутъ и другіе, да ничего не взяли“. И скоро, скоро ретивый новичокъ или отучался „горячиться“, или послѣ неравной борьбы долженъ былъ уходить, издергавъ нервы и не добившись правды...

Правда, у того же Фукса можно встрѣтить формально вѣрное указаніе на коррективы, существовавшіе противъ злоупотребленій въ видѣ прокурорскаго надзора, ревизіонной дѣятельности сената и пересмотра дѣлъ по высочайшимъ повелѣніямъ. Посмотримъ, что давали эти коррективы.

Институтъ прокуратуры по закону имѣлъ надзоръ за всѣми присутственными мѣстами, контролировалъ дѣятельность этихъ мѣстъ и долженъ былъ во всѣхъ отношеніяхъ являться блюстителемъ закона и защитникомъ правды. И дѣйствительно, въ исторіи министерства юстиціи съ тридцатыхъ до шестидесятыхъ годовъ нерѣдки примѣры энергичныхъ попытокъ губернской прокуратуры бороться съ мѣстными злоупотребленіями. Но, во-первыхъ, борьба эта часто оставалась безуспѣшной, когда въ томъ или иномъ дѣлѣ участвовали или были заинтересованы сильные міра сего, а во-вторыхъ, господствовавшая въ судахъ система формальныхъ доказательствъ связывала не только судей, но и прокуроровъ, причемъ послѣдніе оказывались безсильными въ самыхъ вопіющихъ случаяхъ, разъ формальная сторона была соблюдена. Далѣе, пересмотръ дѣлъ по высочайшимъ повелѣніямъ является лишь въ исключительныхъ случаяхъ, да и вообще на ходъ правосудія невсегда оказывали вліяніе даже весьма рѣшительныя высочайшія резолюціи. Наконецъ, ревизіонный бумажный пересмотръ дѣла въ сенатѣ страдалъ общими недостатками тогдашняго судопроизводства и уже по одному этому не могъ вносить свѣжей струи, а отдѣльныя сенаторскія ревизіи, которыя, по образному выраженію Кони, „неслись, какъ грозовыя тучи, на мѣстность, пораженную правовою засухой“, были явленіями весьма рѣдкими; иногда, благодаря всей совокупности старыхъ порядковъ, вполнѣ заслуженную гро-

зу проносило мимо, во всякомъ же случаѣ всколыхнувшееся болото очень скоро приходило въ обычное состояніе.

Самое же существо стараго суда было таково, что о надлежащемъ отправленіи правосудія не могло быть и рѣчи. Въ организаціи судовъ историческими пластами лежали разныя наслоенія, между собой несогласованныя; здѣсь все являлось столь сложнымъ и запутаннымъ, что хожденія по судебнымъ инстанціямъ справедливо приравнивались современниками къ хожденію по мытарствамъ; наряду съ высшей инстанціей—сенатомъ и второй инстанціей въ видѣ палатъ гражданскаго и уголовнаго суда, шли столь разнообразныя судебныя учрежденія, какъ сельскіе суды для крестьянъ, магистраты и ратуши для купцовъ и мѣщанъ, суды уѣздные, коммерческіе, межевые, совѣстные и т. д. Сверхъ того, отдѣльныя судебныя функціи находились въ рукахъ такихъ чисто административныхъ учрежденій, какъ губернскія правленія, а въ дѣлахъ уголовныхъ громадная роль, какъ увидимъ ниже, принадлежала полиціи.

Кромѣ сенаторовъ и товарищей предсѣдателя въ палатахъ, составъ судовъ былъ исключительно выборный, но составъ этотъ отличался такой пестротой и былъ настолько неудовлетворительнымъ, что трудно было бы повѣрить возможности такихъ судей, если бы не существовало безспорныхъ данныхъ, представленныхъ современниками; сошлемся, напримѣръ, на глубоко поучительныя данныя, приведенныя извѣстнымъ дѣятелемъ судебной реформы Н. И. Стояновскимъ въ его рѣчи „О задачахъ кодификаціи", произнесенной въ 1880 году.

Образовательнаго ценза для судей и засѣдателей въ законѣ установлено не было. Даже въ сенатѣ образованные люди и въ частности юристы являлись настолько большой рѣдкостью, что въ 1841 году, напримѣръ, въ семи петербургскихъ департаментахъ сената и двухъ общихъ собраніяхъ, имѣвшихъ отдѣльныя канцеляріи, было всего *только шесть человѣкъ* съ высшимъ образованіемъ, и не анекдотъ, а историческій фактъ, что иногда попадали въ сенаторы люди *малограмотные*. Въ судахъ первой инстанціи неграмотные или малограмотные составляли *большинство* судей, благодаря чему коллегіальность рѣшеній, которая должна была по мысли законодателя служить гарантіей для подсудимыхъ и тяжущихся, обращалась въ пустой звукъ. По справедливому указанію Стояновскаго, самъ законъ иногда допускалъ такой составъ присутствія, въ которомъ всѣ судьи были неграмотные и возлагалъ въ этихъ случаяхъ на секретаря отвѣтственность за правильное изложеніе рѣшенія. Дѣла въ дѣйствительности почти никогда не докладывались не только въ магистратахъ, но и въ уѣздныхъ судахъ. Въ судахъ второй степени, гдѣ дѣла также обыкновенно безъ доклада рѣшались назначеннымъ отъ правительства товарищемъ предсѣдателя, всѣ прочіе члены только подписывали заготовленное уже рѣшеніе участи подсудимаго, котораго ни одинъ изъ нихъ и не видѣлъ.

Если мы прибавимъ сюда, что судъ во многихъ отношеніяхъ зави-

сѣлъ отъ администраціи, давленіе которой было дѣломъ обычнымъ, что въ засѣдатели отъ дворянъ часто попадали далеко не лучшіе и малоспособные люди, которые къ тому же старались ничего не дѣлать, что за право такого же ничегонедѣланья отъ купеческихъ засѣдателей брались выкупы, составлявшіе одинъ изъ регулярныхъ канцелярскихъ доходовъ судовъ и палатъ, и что засѣдатели отъ мѣщанъ и крестьянъ обычно не допускались въ присутствіе, а исполняли низшія служительскія обязанности, напримѣръ, мели полъ, бѣгали приказнымъ за водкой и т. п., то передъ нами ясно предстанетъ картина дореформеннаго судейскаго состава. Понятно отсюда, что вездѣ въ нашихъ судахъ вершителями дѣлъ были не судьи, а канцеляріи судебныхъ мѣстъ со всемогущими секретарями во главѣ.

Далѣе, не могло не отражаться на ходѣ правосудія содержаніе и состояніе нашего матеріальнаго и процессуальнаго законодательства.

Изданіе Свода законовъ внесло внѣшній порядокъ въ хаосъ нашего матеріальнаго права, но органической переработки его и сведенія къ основнымъ и общимъ началамъ не послѣдовало ни въ области гражданской, ни въ области уголовной, гдѣ даже изданное въ 1845 году уложеніе о наказаніяхъ явилось не новымъ кодексомъ, а лишь „усовершенствованнымъ сводомъ", какъ не безъ гордости характеризовалъ его стоявшій во главѣ комиссіи, составившей уложеніе, графъ Блудовъ.

Поэтому неясность, неполнота и противорѣчіе въ законахъ оставались и послѣ изданія свода, питая благодарную почву для недоразумѣній и прямыхъ злоупотребленій.

Еще хуже дѣло обстояло съ процессуальными законами. Виды процесса, особенно гражданскаго, были весьма разнообразны и сложны, а узаконенный формализмъ, тысячи ненужныхъ по существу мелочей и обязательное предпочтеніе буквы духу создавали порядокъ, крайне тяжкій для добросовѣстныхъ тяжущихся и лучшихъ изъ подсудимыхъ и весьма удобный для недобросовѣстныхъ. Въ частности въ области суда уголовнаго изъ трехъ частей прозводства,—слѣдствія, суда и исполненія приговора,—слѣдствіе и исполненіе были почти всецѣло предоставлены полиціи, которая являлась и судебной инстанціей для преступленій маловажныхъ.

Къ чему это вело при чрезвычайно низкомъ уровнѣ нашей полиціи и полномъ отсутствіи гласности,—догадаться нетрудно. Слѣдствіе, по словамъ Кони, „было въ грубыхъ и нечистыхъ рукахъ, а между тѣмъ составляло не только фундаментъ, но въ сущности единственный матерьялъ для сужденія о дѣлѣ". Какъ свидѣтельствуетъ очевидецъ Ровинскій, безотчетный произволъ, легкомысленное лишеніе свободы, напрасное производство обысковъ, отсутствіе всякой системы въ дѣйствіяхъ и раздуваніе дѣла—были характерными признаками полицейскаго слѣдствія.

Судъ, получивъ это слѣдствіе, знакомился съ дѣломъ лишь по бумажному производству, да и то не непосредственно; суду докладывалась *записка*, составленная канцеляріей и снабженная „рукоприклад-

ствомъ“ подсудимаго. Все производство шло подъ глубочайшимъ покровомъ канцелярской тайны, т. е. при отсутствіи публичности и гласности не только для постороннихъ, но въ очень многомъ и для участвующихъ въ дѣлѣ лицъ. Возбужденіе частныхъ производствъ по отдѣльнымъ вопросамъ, какъ въ гражданскомъ, такъ и въ уголовномъ судѣ допускалось закономъ, и часто по ничтожному поводу дѣло возвращалось назадъ и начиналось опять чуть не сначала. Затѣмъ, частью въ силу обжалованья, главнымъ же образомъ въ силу такъ называемаго ревизіоннаго порядка, требующаго, чтобы высшая инстанція обязательно контролировала и пересматривала работу низшей, громадное большинство дѣлъ совершало безконечное путешествіе по инстанціямъ изъ низшихъ судовъ въ палаты, изъ палатъ въ сенатъ, оттуда обратно и т. д., доходя иногда при разногласіи сенаторовъ и до государственнаго совѣта.

Не надо затѣмъ забывать, что весь уголовный, а частью и гражданскій процессъ проникало характерное для полицейскаго государства инквизиціонное начало, игнорировавшее право личности въ обвиняемомъ и сторонахъ, старающееся все напередъ предусмотрѣть и облечь въ механическія формы и связывающее свободу судейскаго убѣжденія. Дѣла рѣшались согласно установленной закономъ и неукоснительно проводимой въ жизнь теоріи такъ называемыхъ формальныхъ или предустановленныхъ доказательствъ. Лучшимъ и безспорнымъ доказательствомъ почиталось собственное признаніе, а остальныя доказательства дѣлились на совершенныя и несовершенныя, причемъ во главѣ совершенныхъ стояло согласное показаніе двухъ достовѣрныхъ свидѣтелей; законъ напередъ указывалъ; какое показаніе нужно считать достовѣрнымъ, отдавая предпочтеніе мужчинѣ передъ женщиной, знатному передъ незнатнымъ и духовному передъ свѣтскимъ; законъ же напередъ указывалъ степень возможнаго довѣрія къ оговору, къ косвеннымъ уликамъ и т. д.

При отсутствіи совершенныхъ доказательствъ осужденіе не допускалось, какъ бы тяжки ни были улики; обвиняемый оставлялся „въ подозрѣніи“, что влекло за собой нѣкоторое стѣсненіе правоспособности.

Словомъ, связывая по рукамъ и ногамъ судью и надзирающаго за нимъ прокурора, дѣлая судейскую работу бездушной и машинальной, теорія формальныхъ доказательствъ вела къ тому, что сплошь и рядомъ при формальной правильности приговора за нимъ скрывалась вопіющая неправда, всей тяжестью ложащаяся на невиннаго и выгодная для тѣхъ виновныхъ, которые, несмотря на массу серьезныхъ косвенныхъ уликъ, были наглы и тверды въ запирательствѣ. Немудрено поэтому, что, если при такихъ порядкахъ немного было оправданныхъ, то и обвиненныхъ по офиціальнымъ даннымъ бывало въ среднемъ не свыше $12^1/_2$ процентовъ; громадное же большинство составляли „оставленные въ подозрѣніи“.

И само по себѣ все это, вмѣстѣ взятое, должно было создавать неправильность и чрезвычайную медленность производства даже при хорошемъ судебномъ составѣ и добросовѣстномъ его отношеніи къ дѣлу.

При составѣ же, нами описанномъ, и при жалкихъ, иногда прямо нищенскихъ окладахъ судей, неправосудіе и волокита возрастали и усугублялись вслѣдствіе корысти судей и канцелярій.

Даже такой, сравнительно благосклонный къ старымъ судамъ писатель, какъ Фуксъ, вынужденъ былъ признать, что судьи, секретари и другіе чины канцелярій злоупотребляли своимъ вліяніемъ на ходъ дѣлъ, направляя или затягивая ихъ изъ своекорыстныхъ цѣлей и находя въ судебныхъ поборахъ единственный путь къ обезпеченію своихъ матеріальныхъ нуждъ. Система кормленія свила себѣ въ судахъ прочное гнѣздо, сдѣлалась источникомъ всевозможныхъ вопіющихъ нарушеній закона, потачекъ и притѣсненій и настолько вкоренилась въ нравы, что даже по безспорному дѣлу „правый платилъ за свою правду" и даже самъ министръ юстиціи графъ Панинъ однажды долженъ былъ дать взятку въ судѣ для ускоренія своего частнаго дѣла.

Дѣла росли, раздувались и запутывались до того, что экстракты изъ нихъ приходилось дѣлать на сотняхъ листовъ, а подлинныя дѣла иногда перевозились на десяткахъ подводъ. Въ уголовныхъ дѣлахъ подсудимые годами ждали рѣшенія и часто все это время томились подъ стражей; въ гражданскихъ дѣлахъ стороны успѣвали иногда состариться, не дождавшись конца своей тяжбы. Извѣстны даже такія знаменитыя дѣла, какъ напримѣръ, длившееся 21 годъ дѣло о пропажѣ изъ московскаго уѣзднаго казначейства 115 тыс. мѣдной монеты, длившееся болѣе 20 лѣтъ дѣло Энгельгардта, заподозрѣннаго въ убійствѣ своей любовницы, и мн. др., примѣры которыхъ приведены въ изобиліи у Стояновскаго, Кони, Джаншіева, Гессена и др. изслѣдователей нашего дореформеннаго судебнаго строя.

Но море взяточничества, произвола и крючкотворства и этимъ не исчерпывалось. При грубости нравовъ, общемъ безправіи и стремленіи „добиться" въ уголовныхъ дѣлахъ собственнаго признанія, „наилучшаго изъ доказательствъ въ мірѣ", у насъ долгое время существовала и процвѣтала пытка, несмотря на офиціальную ея отмѣну въ законѣ. Если, по вѣскому свидѣтельству Ровинскаго, пытки въ видѣ „виски", т. е. подвѣшиванія съ выкручиваніемъ рукъ, побоевъ и истязаній, заключенія не сознающихся подсудимыхъ въ подземелья, кишащія паразитами или настолько темныя, что подсудимые выходили изъ нихъ *ослѣпшими*, практиковались даже въ пятидесятыхъ годахъ въ Москвѣ, т. е. въ столицѣ, на глазахъ высшаго начальства, то можно себѣ представить, что дѣлалось въ провинціи! У насъ даже широко практиковалась своя самобытная форма пытки, состоявшая въ томъ, что запертому подсудимому давали соленую пищу и не давали пить, вымогая у него сознаніе мученіями жажды, и это даже пыткой не считалось. Вспомнимъ, съ какимъ глубокимъ сознаніемъ своей правоты говоритъ гоголевскій городничій: „Я тебя, любезный мой, не буду пытками пытать или тѣлесному наказанію подвергать, ибо это законами запрещено, а вотъ *ты у меня покушаешь селедки*". И это „кушаніе се-

ледки“ наряду съ „своеручными“ расправами съ правымъ и виновнымъ, подсудимымъ и просто подвернувшимся подъ руку,—достойно завершаютъ картину нашего стараго суда и даютъ тотъ послѣдній штрихъ, безъ котораго картина была бы неполной.

Ознакомившись съ этой картиной, мы видимъ правоту поэта, сказавшаго, что Русь была „полна въ судахъ неправды черной“, мы оцѣнимъ крикъ души, вырвавшійся у Аксакова, близко и на опытѣ изучившаго тогдашнее правосудіе; вспоминая старый судъ, авторъ чувствуетъ ужасъ и негодованіе и говоритъ, что „это была во истину мерзость запустѣнія на мѣстѣ святомъ“; передъ его глазами проходитъ и „неравная борьба съ судейской неправдой“, и „воспоминанія одно возмутительнѣе другого“, гдѣ „бездушное и мертвенное офиціальное изложеніе“ дѣла, образовавшееся „при фальшивомъ крючкотворствѣ однихъ, корыстномъ участіи и преступномъ безучастіи другихъ“ и при „путахъ и сѣтяхъ тогдашняго формальнаго судопроизводства“ создавали „безсиліе помочь истинѣ и невозможность провести въ дѣлѣ правду“...

Молчало общество, молчала сдавленная цензурными тисками печать, молчало, по прекрасному выраженію малорусскаго поэта, „все въ Россіи отъ Кавказа и до финна на всѣхъ языкахъ, ибо благоденствовало“, благоденствовало безъ правъ, безъ свободы, безъ правосудія, достойнаго этого имени. Всеопекающее правительство, проявлявшее столько энергіи въ дѣлѣ охраны внѣшняго порядка и безмолвія, было мало энергичнымъ въ борьбѣ съ язвой неправосудія, ибо эта язва была плоть отъ плоти всего стараго строя, охрана устоевъ котораго была дѣломъ близкимъ и дорогимъ, дѣломъ, для котораго приходилось закрывать глаза и на всѣ эксцессы крѣпостничества, и на позорные порядки правосудія.

Несправедливо было бы сказать, что правительство вовсе не стремилось къ улучшенію нашихъ судебныхъ порядковъ. Въ царствованіе Николая I мы видимъ цѣлый рядъ комиссій то по отдѣльнымъ вопросамъ судоустройства и судопроизводства, то для систематическаго пересмотра всего судебнаго строя, какой явилась созданная въ 1843 году комиссія подъ предсѣдательствомъ графа Блудова. Но вся бѣда заключалась въ томъ, что правительство стремилось объять необъятное: оно желало насадить въ странѣ истинное правосудіе и въ то же время, какъ огня, боялось гласности, общественной самодѣятельности, какой бы то ни было независимости, адвокатуры и всего прочаго, относящагося къ разряду „опасныхъ началъ“, „питающихъ революціонный духъ“ и вредныхъ для нашего отечества, призваннаго итти самобытнымъ путемъ, въ пику „гнилому Западу“.

Въ результатѣ правосудія не получалось, а попытки слабыми поверхностными палліативами лѣчить вѣковое зло не имѣли никакого результата. Безслѣдно прошелъ поданный еще Александру I превосходный проектъ Балугьянскаго, который доказывалъ необходимость коренныхъ реформъ, начиная съ отдѣленія судебной власти отъ административной и

кончая реорганизаціей всѣхъ судебныхъ мѣстъ въ духѣ судейской независимости, уничтоженія произвола и сокращенія безплодной формалистики; безслѣдно проходили даже отдѣльныя высочайшія резолюціи, въ которыхъ императоръ Николай I въ одномъ случаѣ возмущался „непомѣрной медленностью“ судопроизводства, въ другомъ — требовалъ мѣръ противъ „неслыханнаго срама“ и „неимовѣрной безпечности ближняго начальства“, допустившаго вопіющую медленность и запутанность денежной отчетности въ одномъ изъ столичныхъ судовъ. „Мнѣ стыдно“, гласила одна изъ резолюцій, „что подобный безпорядокъ могъ существовать почти подъ глазами моими“.

Но въ то же самое время достаточно было уже извѣстному намъ врагу всякихъ реформъ графу Панину сдѣлать въ качествѣ министра юстиціи докладъ, что то или иное задуманное „новшество“ имѣетъ революціонный духъ,—и сейчасъ же изрекалось veto на готовую уже иногда работу, и все оставалось по старому.

Если и предпринимались отдѣльныя мѣры, то царившій общій режимъ немедленно накладывалъ на нихъ свой мертвящій отпечатокъ. Напримѣръ, былъ созданъ новый разсадникъ юристовъ въ видѣ училища правовѣдѣнія, былъ открытъ въ числѣ другихъ факультетовъ юридическій факультетъ въ университетѣ св. Владимира въ Кіевѣ, но, во-первыхъ, число студентовъ было крайне ограничено установленіемъ обязательныхъ комплектовъ, во-вторыхъ, изъ преподаванія всячески изгонялся живой и свободный духъ, причемъ даже имя „правовѣдѣнія“ въ лекціяхъ предписывали замѣнять словомъ „законовѣдѣніе“, и въ-третьихъ, образованные юристы, по свидѣтельству Аксакова, Салтыкова и др., выходя въ жизнь, оказывались фактически безсильными, благодаря плотной стѣнѣ окружавшаго ихъ безправія, рутины и зависимости отъ произвола высшихъ.

Когда, убѣдившись въ недостаточности губернскаго прокурорскаго надзора, рѣшили принять энергичныя мѣры для поддержанія законности и правды, то охрана незыблемыхъ устоевъ и отвращеніе къ западнымъ порядкамъ вызвали къ жизни столь самобытное учрежденіе, какъ жандармерію съ „III-имъ Отдѣленіемъ“ во главѣ. Бороться съ неправдой, утирая слезы вдовъ и сиротъ—такую задачу ставилъ новому учрежденію Николай I; его приближенный, шефъ жандармовъ Бенкендорфъ указывалъ въ инструкціи посылаемымъ во всѣ губерніи штабъ-офицерамъ, что ихъ главная задача слѣдить за законностью во всѣхъ частяхъ управленія, „наблюдать чтобы спокойствіе и права гражданъ не были нарушены людьми властными“, внимать „гласу страждущаго“ и „защищать беззащитнаго“.

Извѣстна судьба этого учрежденія; оно дало начало всевластію у насъ полиціи, развило до крайнихъ предѣловъ политическій сыскъ и всякій произволъ и, давъ массу отрицательныхъ результатовъ, ни на іоту не улучшило ни законности въ управленіи, ни дѣла отечественнаго правосудія.

Лишь съ началомъ новаго царствованія, когда необходимость корен-

ныхъ реформъ стала очевидной и „устои“ перестали быть незыблемыми, открылась возможность обновить нашъ судебный строй. Началась колоссальная работа замѣны новыми порядками старыхъ, отжившихъ и, какъ мы видѣли, по существу никуда не годныхъ.

4.

Работы по судебному преобразованію, какъ мы уже говорили, не дали въ царствованіе Николая I почти никакихъ результатовъ, несмотря на существованіе комиссіи подъ предсѣдательствомъ графа Блудова и на то, что, въ силу высочайшихъ повелѣній 1850 и 1852 гг., дѣло преобразованія было сосредоточено въ комитетахъ при II-омъ Отдѣленіи, благодаря чему Блудовъ могъ дѣйствовать независимо отъ министра юстиціи Панина.

Вторая половина пятидесятыхъ годовъ и наставшее вмѣстѣ съ нею общее оживленіе отразились и на работахъ блудовскихъ комитетовъ; эти работы скоро пошли столь интенсивно, что съ 1857 по начало 1861 года Блудовъ могъ уже внести на разсмотрѣніе государственнаго совѣта 14 законопроектовъ, содержавшихъ въ себѣ рядъ существенныхъ измѣненій какъ судоустройства, такъ и судопроизводства. Не останавливаясь на содержаніи этихъ проектовъ, мы укажемъ только, что, вводя много безспорныхъ улучшеній и новыхъ началъ, въ видѣ ограниченія числа инстанцій, введенія устности, гласности, состязательности, допущенія защиты и т. п., они въ то же время останавливались на полъ-пути, не рѣшаясь ни на послѣдовательное проведеніе указанныхъ началъ, ни на такія коренныя „опасныя“ мѣры, какъ введеніе суда присяжныхъ, установленіе независимости суда отъ администраціи, уничтоженіе теоріи формальныхъ доказательствъ и т. п. Реформа имѣла характеръ компромисса между старымъ и новымъ; если бы она осуществилась, вмѣсто стараго безсудья мы получили бы нѣкоторое правосудіе, но правосудіе необезпеченное, неустойчивое и страдающее существенными дефектами.

Но осуществиться этой реформѣ не пришлось; несмотря на то, что труды блудовскихъ комитетовъ уже были на разсмотрѣніи государственнаго совѣта, дѣло судебнаго преобразованія вступаетъ на новый путь. За это время осуществилась крестьянская реформа, и этотъ рѣшительный шагъ, имѣющій характеръ разрыва съ прошлымъ, какъ мы уже отмѣчали въ началѣ нашего очерка, немедленно отразился на ходѣ и характерѣ работъ по судебному преобразованію. Лица, желавшія установить въ Россіи правосудіе, достойное этого имени, удачно уловили моментъ; они поспѣшили воспользоваться тѣмъ реформаторскимъ порывомъ, который въ данное время достигалъ апогея и, какъ извѣстно было по горькому россійскому опыту, скоро могъ смѣниться охлажденіемъ и реакціей. Неизвѣстно, какія именно вліянія сыграли здѣсь рѣшающую роль; можно думать, что между прочимъ небезслѣдно прошли и голоса вызванныхъ по дѣлу о крестьянской реформѣ дворянскихъ депутатовъ, мнѣнія которыхъ въ концѣ 1859 года во всеподданнѣйшемъ письмѣ Я. И. Ростовцевъ резюмиро-

валъ такъ: „Есть одна идея, равно всѣми раздѣляемая,—это несчастное устройство мѣстнаго управленія и судовъ и дѣйствія ихъ произвольныя, злоупотребительныя, скрытыя и необличимыя". Но такъ или иначе, когда послѣ возвращенія изъ Крыма осенью 1861 года императоръ Александръ II пожелалъ узнать, какъ подвигается дѣло судебной реформы, государственный секретарь В. П. Бутковъ представилъ докладъ, въ которомъ, указывая на разновременность составленія и несогласованность отдѣльныхъ блудовскихъ проектовъ, проводилъ мысль, что раньше окончательнаго обсужденія этихъ проектовъ необходимо опредѣлить и утвердить основныя начала всей реформы.

Докладъ былъ одобренъ. Работа по извлеченію и формулировкѣ основныхъ началъ была возложена на государственную канцелярію вмѣстѣ съ „прикомандированными къ ней юристами", а за графомъ Блудовымъ осталось лишь „общее наблюденіе", бывшее почти номинальнымъ; затѣмъ въ началѣ слѣдующаго года послѣдовало новое повелѣніе чрезвычайной важности, коимъ работники по дѣлу судебной реформы, получили право въ выработкѣ основныхъ началъ слѣдовать указаніямъ „науки и опыта европейскихъ государствъ", „несомнѣнное достоинство" которыхъ было торжественно провозглашено.

Такимъ образомъ руки работниковъ были развязаны; они освободились отъ неизбѣжной прежде обязанности блюсти „самобытность" и получили возможность войти въ сферу европейскаго опыта, знанія и культуры. Работа закипѣла и съ небывалой быстротой была доведена до конца, а 29 сентября того же 1862 года новыя „основныя положенія" послѣ разсмотрѣнія ихъ государственнымъ совѣтомъ уже получили высочайшее утвержденіе. „Основныя положенія" опредѣлили характеръ всей реформы, ибо вся дальнѣйшая работа была уже лишь развитіемъ и дополненіемъ тѣхъ общихъ принциповъ, которые, порывая съ нашимъ печальнымъ прошлымъ, смѣло выставили дѣятели судебной реформы.

Во главѣ этихъ дѣятелей стоялъ государственный секретарь В. П. Бутковъ, но душою дѣла и самымъ энергичнымъ и неутомимымъ работникомъ былъ С. И. Зарудный, математикъ по образованію, выработавшій изъ себя выдающагося юриста путемъ изученія лучшей литературы и практическаго ознакомленія съ нашими судебными порядками. Докладъ государю о необходимости выработки „основныхъ положеній" былъ написанъ имъ; онъ же былъ иниціаторомъ самой идеи дать именно такой ходъ судебной реформѣ, идеи, принесшей необычайно цѣнные плоды и внушенной имъ, тогда статсъ-секретаремъ департамента законовъ, Буткову. Онъ, уже раньше бывшій членомъ блудовскихъ комиссій, не покладая рукъ работалъ при созиданіи „основныхъ положеній"; онъ подалъ мысль объ опубликованіи этихъ положеній, которое вызвало живое обсужденіе въ прессѣ и рядъ отдѣльныхъ присланныхъ въ комиссію замѣчаній, составившихъ шесть большихъ томовъ: онъ въ комиссіи, составлявшей судебные уставы, былъ

предсѣдателемъ секціи гражданскаго судопроизводства и въ то же время работалъ неутомимо и въ остальныхъ секціяхъ. Недаромъ по окончаніи всѣхъ работъ первый экземпляръ отпечатанныхъ судебныхъ уставовъ Бутковъ послалъ Зарудному съ такой надписью: „Этотъ первый экземпляръ... вручается С. И. Зарудному, какъ лицу, которому судебная реформа въ Россіи болѣе другихъ обязана своимъ существованіемъ“. Здѣсь же было отмѣчено, что Зарудный „велъ все дѣло до конца“,—и это были не фразы, а лишь справедливая дань выдающемуся и неутомимому дѣятелю, который и послѣ изданія уставовъ продолжалъ затрачивать массу труда, систематизировавъ и приведя въ порядокъ какъ всѣ подлинные матерьялы судебной реформы, составившіе 74 объемистыхъ тома, такъ и цѣнное извлеченіе всего наиболѣе существеннаго изъ этихъ матерьяловъ, появившееся въ 4-ехъ томахъ, подъ заглавіемъ: „Судебные уставы 1864 года съ изложеніемъ разсужденій, на коихъ они основаны“.

Кромѣ Заруднаго въ трудахъ по выработкѣ судебныхъ уставовъ дѣятельно участвовалъ рядъ лучшихъ юридическихъ силъ Россіи, между которыми нельзя не отмѣтить К. П. Побѣдоносцева, А. А. Книрима, М. Е. Ковалевскаго, Ѳ. О. Квиста, Н. И. Утина и такихъ трехъ превосходно подготовленныхъ и талантливыхъ дѣятелей, какъ Н. И. Стояновскій, Д. А. Ровинскій и Н. А. Буцковскій.

При наличности такихъ силъ, богатыхъ знаніями и опытомъ, работавшихъ съ неослабѣвающей энергіей и съ пламенной вѣрой въ громадное и плодотворное значеніе дѣла, имъ порученнаго, комиссія уже къ концу 1863 года не только выработала проекты учрежденія судебныхъ установленій и уставовъ уголовнаго и гражданскаго судопроизводства, но и составила къ каждому изъ проектовъ прекрасныя и обстоятельныя объяснительныя записки.

Конечно, часть работы была облегчена наличностью готовыхъ блудовскихъ проектовъ, а также тѣмъ, что часть членовъ комиссіи была причастна къ предыдущей законодательной работѣ, а Зарудный, напримѣръ, былъ однимъ изъ активнѣйшихъ дѣятелей въ этой области; но все же, если мы примемъ во вниманіе, что духъ и основные принципы судебныхъ уставовъ являлись совершенно новыми и неизмѣримо далеко отошли отъ прежнихъ проектовъ палліативнаго характера, что, воплощая и осуществляя общекультурныя начала, редакторы въ то же время шли не путемъ слѣпого заимствованія и подражанія тѣмъ западнымъ формамъ, въ которыя вылились эти начала, а путемъ коренной переработки этихъ формъ и оригинальныхъ, иногда совершенно самостоятельныхъ построеній, то нельзя не отнестись съ удивленіемъ къ грандіозности и быстротѣ ихъ труда. „Нашъ нормальный путь не подражаніе, а разумное примѣненіе общихъ началъ, выработанныхъ юридическою наукою“,—писалъ одинъ изъ видныхъ дѣятелей судебной реформы Н. А. Буцковскій, и именно этимъ нормальнымъ путемъ была поведена и успѣшно доведена до конца реформа.

Въ декабрѣ 1863 года государ-

ственный совѣтъ приступилъ къ разсмотрѣнію проектовъ судебныхъ уставовъ. Въ обсужденіи дѣятельно участвовалъ искренній сторонникъ реформы министръ юстиціи Д. Н. Замятнинъ и допущенный по его ходатайству его товарищъ Стояновскій. Главнымъ докладчикомъ былъ Бутковъ, а помогали ему предсѣдатели секцій комиссіи по выработкѣ уставовъ Зарудный, Буцковскій и А. Н. Плавскій.

Въ концѣ концовъ проекты благополучно прошли через государственный совѣтъ и если при этомъ, какъ справедливо замѣчено и обстоятельно доказано І. В. Гессеномъ, мало обращено было вниманія на разнообразныя и часто весьма дѣльныя замѣчанія и возраженія, присланныя послѣ опубликованія основныхъ положеній съ разныхъ концовъ Россіи, если, развивая основныя положенія, не сдѣлали сравнительно съ ними ни одного почти по существу шага впередъ, взирая на нихъ какъ бы „на предѣлъ его же не прейдеши", то не надо забывать, что государственный совѣтъ, заключавшій въ себѣ между прочимъ и такихъ „столповъ" предыдущаго царствованія, какъ напримѣръ, Клейнмихель и бывшій министръ юстиціи графъ Панинъ, былъ да и не могъ не быть гораздо консервативнѣе по своему составу, чѣмъ составлявшая судебные уставы комиссія, такъ что уже одно проведеніе судебныхъ уставовъ черезъ государственный совѣтъ безъ коренныхъ поломокъ и искаженій было большой и, можетъ быть, не вполнѣ ожиданной побѣдой, которой Россія обязана вѣявшему еще тогда въ высшихъ сферахъ либеральному духу и *неусыпной энергіи и талантливости тѣхъ, кто былъ преданъ реформѣ, трудился для нея и горячо ее защищалъ.*

Второго ноября 1864 года разсмотрѣніе судебныхъ уставовъ было закончено; 20 ноября они получили санкцію императора Александра II и были въ тотъ же день переданы сенату при указѣ, гдѣ повелѣвалось опубликовать ихъ и гдѣ была дана такая оцѣнка новыхъ уставовъ: „Разсмотрѣвъ сіи проекты, мы находимъ, что они вполнѣ соотвѣтствуютъ желанію нашему водворить въ Россіи судъ скорый, правый, милостивый, равный для всѣхъ подданныхъ нашихъ, возвысить судебную власть, дать ей надлежащую самостоятельность и вообще утвердить въ народѣ то уваженіе къ закону, безъ коего невозможно общественное благосостояніе и которое должно быть постояннымъ руководителемъ всѣхъ и каждаго, отъ высшаго до низшаго".

Судебная реформа, которой такъ долго ждала Россія, стала фактомъ. На первый планъ была выдвинута идея законности, и правосудіе обрѣло новые, до сихъ поръ невѣдомые у насъ пути и формы.

Съ сущностью этихъ путей и формъ мы и должны теперь ознакомиться.

5.

Творцы судебныхъ уставовъ не безъ борьбы порвали съ нашимъ судебнымъ прошлымъ. Въ данномъ случаѣ, какъ и всегда, гдѣ дѣло касается серьезныхъ и сложныхъ интересовъ, всѣ лѣнивые, робкіе и рутинные умы склонны были предосте-

регать отъ увлеченій, указывать, что не все хорошее своевременно, и ссылаться на незрѣлость и неподготовленность русскаго народа. Считая, что коренная судебная реформа составляетъ вопросъ самый настоятельный для Россіи, и что хорошій и правильный законъ никогда не можетъ принести зла, творцы реформы возражали, что хорошее не можетъ быть несвоевременнымъ, что только при вполнѣ благоустроенныхъ судахъ народъ научится правдѣ и уваженію къ закону и потеряетъ незрѣлость и неподготовленность. Вѣря въ силы русскаго народа, его здравый смыслъ и добросовѣстность, они пошли твердо впередъ, а потому дали въ судебныхъ уставахъ воплощеніе принципіальныхъ, высококультурныхъ и необходимыхъ началъ, не смущаясь ихъ новизною. Не ихъ вина, что не всегда удалось выдержать принципіальную точку зрѣнія, что въ нѣкоторыхъ пунктахъ явились уступки и компромиссы, иногда на первый взглядъ не столь существенные, но чреватые послѣдствіями и, какъ показало будущее, открывшіе путь къ искаженію и разложенію прекраснаго дѣла: и тогда существовали „независящія обстоятельства", и тогда приходилось довольствоваться частью, зная, что при домогательствѣ цѣлаго можетъ потерпѣть крушеніе вся реформа. Что можно было сдѣлать,—они сдѣлали, возможнымъ оказалось многое.

Вѣдь еще недавно, какъ свидѣтельствовалъ академикъ Никитенко, можно было серьезно пострадать или быть признаннымъ за сумасшедшаго въ случаѣ „мечтаній" о гласности суда, объ учрежденіи адвокатуры, суда присяжныхъ и пр. Съ изданіемъ судебныхъ уставовъ эти „мечты" сдѣлались закономъ наряду съ многимъ другимъ, ранѣе абсолютно недопустимымъ.

Прежде всего, чтобы избавиться отъ дореформеннаго хаоса, нужно было обезпечить самостоятельность и независимость суда и высоко поднять его авторитетъ. Къ этому и были приняты всѣ мѣры. Судебная власть была отдѣлена не только отъ законодательной и исполнительной, но и отъ административной, и поставлена въ независимое положеніе; было указано, что эта власть принадлежитъ судамъ „безъ всякаго участія властей административныхъ", и такимъ образомъ судебное вѣдомство впервые получило полную самостоятельность. Судьямъ дарована *несмѣняемость*, въ силу которой увольненіе или перемѣщеніе судьи противъ его желанія могло имѣть мѣсто только по суду. Получивъ такимъ образомъ защиту отъ возможнаго произвола какъ общей администраціи, такъ и своего начальства, судьи имѣли возможность высоко держать свое знамя, подчиняясь лишь закону и игнорируя попытки побочныхъ вліяній, хотя бы и со стороны весьма сильныхъ міра сего.

Но и самыя условія судейской дѣятельности радикально измѣнились. Введеніе въ процессъ великихъ началъ гласности и публичности вывело правосудіе изъ мрака канцелярской тайны на свѣтъ божій и поставило суды подъ контроль общества и печати. Требованіе отъ судьи образованія и знакомства съ дѣломъ и достаточное матеріальное обезпеченіе судебнаго пер-

сонала не могли не измѣнить совершенно составъ судей; возможнымъ сдѣлался совершенно новый типъ судьи стойкаго, знающаго, а потому независимаго отъ канцеляріи, чуждаго корысти, крючкотворства и злоупотребленій.

Но законъ, поставленный надъ судьею, какъ единственный господинъ, долженъ былъ въ то же время сдѣлаться, по словамъ высочайшаго указа, „руководителемъ всѣхъ и каждаго отъ высшаго до низшаго. На первый планъ выдвинулась идея гарантій правъ личности отъ произвола; конецъ послѣднему долженъ былъ быть положенъ установленіемъ принципа „nullum crimen, nulla poena sine lege“, согласно которому можно понести наказаніе лишь за такое дѣяніе, которое въ законѣ признано преступнымъ, причемъ это наказаніе налагается лишь по суду и въ порядкѣ, закономъ установленномъ.

Далѣе, прежній хаосъ судебныхъ инстанцій былъ уничтоженъ, а вмѣстѣ съ нимъ и сословность судовъ, въ видѣ остатковъ которой сохранились, со сравнительно ограниченной компетенціей, волостные суды для крестьянъ и специальные суды духовные и военные. Въ общемъ были провозглашены равенство всѣхъ передъ закономъ и вытекающая отсюда одинаковая судебная защита правъ каждаго, а потому явились одинаковыя для всѣхъ судебныя инстанціи, немногочисленныя и приведенныя въ стройную систему. Для разбора дѣлъ сравнительно маловажныхъ были учреждены выборные мировые судьи съ высшей надъ ними инстанціей въ видѣ мирового съѣзда; для дѣлъ болѣе важныхъ были созданы окружные суды и въ качествѣ второй инстанціи судебныя палаты. Кассаціонной инстанціей и высшимъ блюстителемъ правильнаго и повсемѣстно единообразнаго примѣненія закона сдѣлался сенатъ въ лицѣ вновь созданныхъ кассаціонныхъ его департаментовъ.

Правило о разборѣ дѣлъ по существу не болѣе какъ дважды, установленіе точныхъ и притомъ недлинныхъ судебныхъ сроковъ, расширеніе правъ суда по толкованію законовъ, связанное съ запрещеніемъ пріостанавливать рѣшеніе по причинѣ неясности или пробѣловъ въ законахъ, — все это должно было способствовать скорости суда, устраняя одну изъ важнѣйшихъ причинъ прежней безконечной волокиты. Всѣ ужасы и безобразія прежняго слѣдствія, находившагося въ рукахъ полиціи, должны были прекратиться съ передачей этого дѣла въ руки особыхъ независимыхъ органовъ—судебныхъ слѣдователей, которые въ видѣ опыта за нѣсколько лѣтъ до реформы были введены въ наши старые суды, а теперь получили вполнѣ опредѣленную и твердую позицію.

Не могло, далѣе, не измѣниться все положеніе судебнаго дѣла съ учрежденіемъ взамѣнъ прежнихъ ходатаевъ по дѣламъ, мало образованныхъ и часто вербовавшихся изъ подонковъ общества, независимаго и самоуправляющагося адвокатскаго сословія, вооруженнаго юридическимъ образованіемъ и судебнымъ опытомъ.

Наконецъ, введеніе суда присяжныхъ, вѣнчало реформу судоустрой-

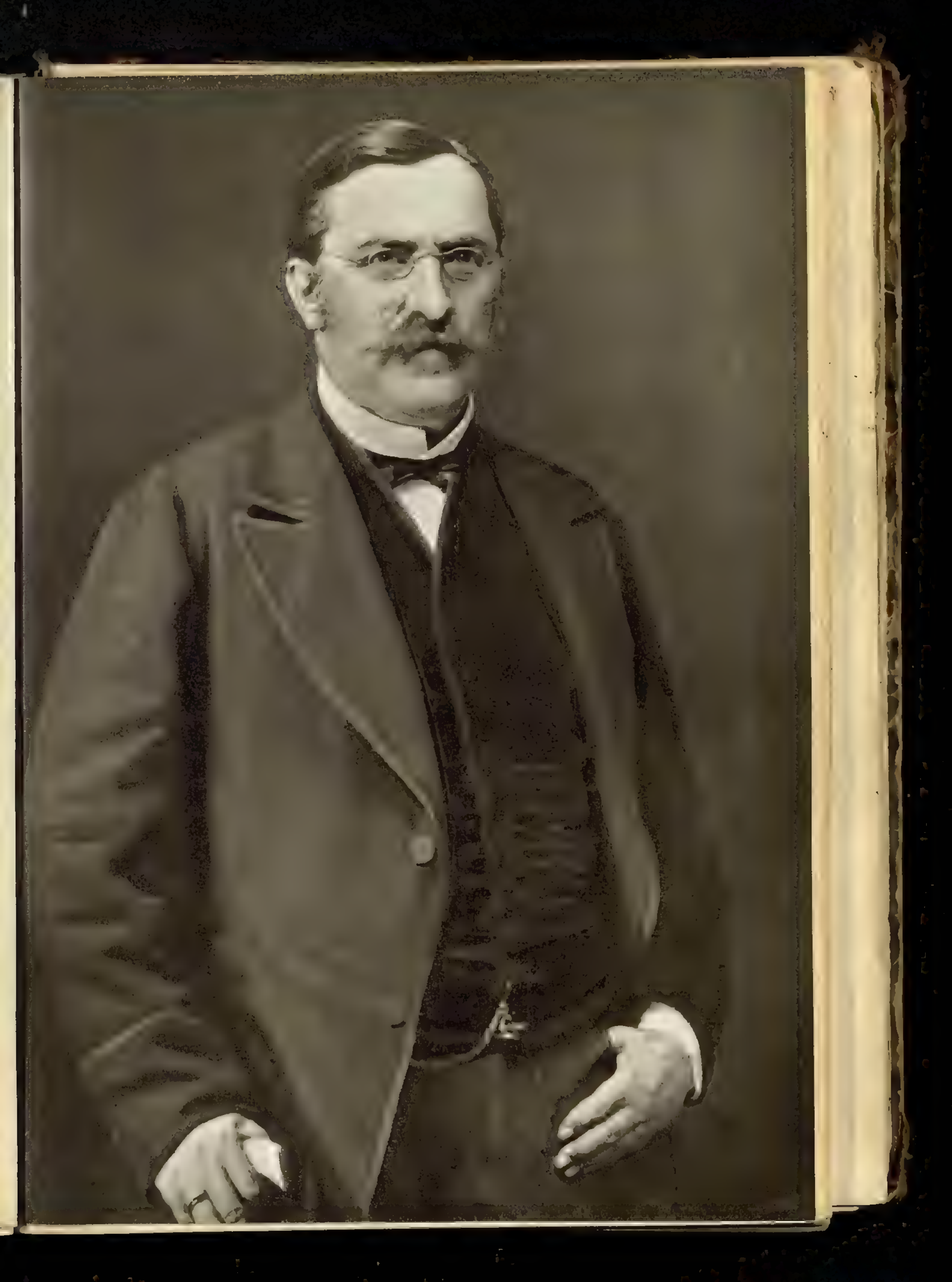

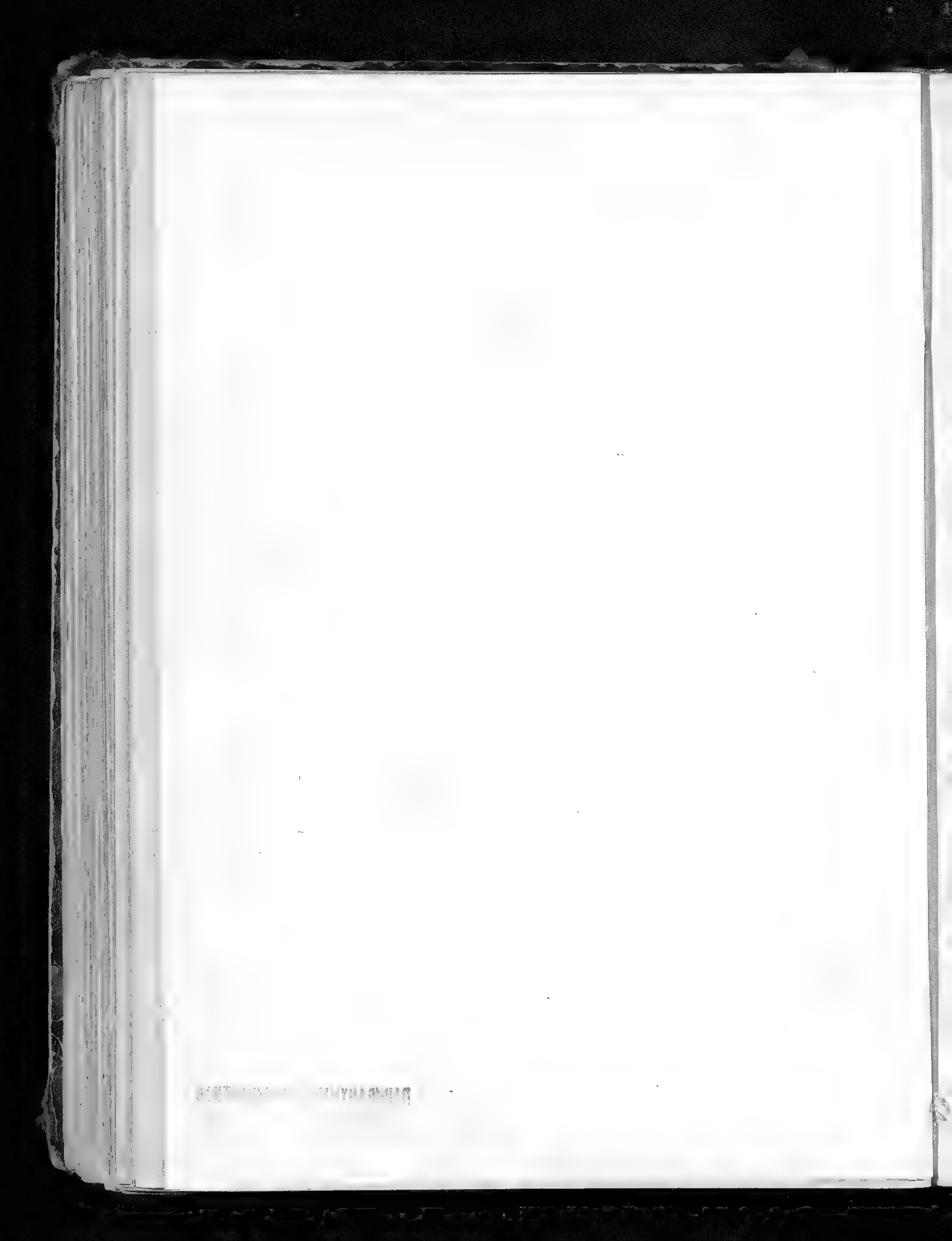
Кн. Владиміръ Александровичъ Черкасскій.

Съ портрета, писаннаго съ фотографіи И. Н. Крамскимъ.
(Городская галлерея П. и С. Третьяковыхъ въ Москвѣ.)

„ИСТОРІЯ РОССІИ ВЪ XIX ВѢКѢ". Изданіе Т-ва „Бр. А. и И. ГРАНАТЪ и К°"

ства, создавая живую связь между судомъ и обществомъ, призваннымъ въ лицѣ своихъ представителей-присяжныхъ къ содѣйствію дѣлу правосудія и произнесенію своего независимаго вердикта по разуму и велѣнію совѣсти.

Изъ описанной нами въ общихъ чертахъ реформы построеннаго на совершенно новыхъ началахъ судоустройства съ неизбѣжностью вытекала необходимость столь же коренной реформы судопроизводства, которая и была осуществлена какъ въ области уголовнаго суда, такъ и въ области гражданскаго.

Прежде всего былъ упрощенъ и пересозданъ самый типъ нашего процесса.

Въ уголовномъ процессѣ только первая часть—предварительное слѣдствіе—не получила характера состязательности, но и здѣсь были установлены нѣкоторыя гарантіи для привлеченнаго противъ увлеченій и злоупотребленій слѣдователя вообще и противъ напраснаго лишенія привлеченнаго свободы—въ частности; съ момента же перехода дѣла въ судъ оно должно было итти въ состязательномъ порядкѣ, съ прокуроромъ уже не въ роли охранителя закона, а въ роли обвинителя, и съ защитникомъ, которому на судѣ даны были одинаковыя права съ обвинителемъ. Далѣе, отмѣна системы формальныхъ доказательствъ и предоставленіе судьямъ права оцѣнивать обстоятельства дѣла по совѣсти и разумѣнію, а присяжнымъ даже не мотивировать своихъ вердиктовъ, освободили судъ отъ тѣхъ оковъ, которыя прежде вели къ торжеству формальной правды надъ матеріальной, не давая, какъ мы знаемъ, ни гарантій невинному, ни надлежащей охраны безопасности общества.

Знаменитое „оставленіе въ подозрѣніи" отошло въ область преданія; разумное сомнѣніе въ виновности подсудимаго должно было влечь за собою оправданіе и всякій долженъ былъ считаться невиннымъ, пока судебнымъ порядкомъ не было доказано противное.

Въ области гражданскаго процесса получило полное примѣненіе начало состязательности; судъ вращается лишь въ тѣхъ предѣлахъ, которые намѣчены споромъ сторонъ и оперируетъ лишь съ тѣми свѣдѣніями и доказательствами, которыя представлены сторонами, но въ этихъ рамкахъ онъ дѣйствуетъ свободно и отъ воли сторонъ независимо. Въ интересахъ быстроты и улучшенія процесса принятъ цѣлый рядъ мѣръ. Вмѣсто прежде существовавшаго *двадцати одного* процессуальнаго порядка установлено лишь два: общій и сокращенный; сокращены сроки для всѣхъ судебныхъ дѣйствій и ограниченъ обмѣнъ между сторонами состязательныхъ бумагъ; опредѣленъ порядокъ подачи и разсмотрѣнія частныхъ прошеній и жалобъ, которыя прежде столь часто на много лѣтъ задерживали разсмотрѣніе дѣлъ по существу; отмѣнены штрафы за неправильно начатые иски и за неправильныя аппеляціи; исполненіе судебныхъ рѣшеній изъято изъ рукъ полиціи и возложено на состоящихъ при судѣ и дѣйствующихъ подъ его контролемъ судебныхъ приставовъ и т. д., и т. д.

Наконецъ, съ созданіемъ мирового суда, появилась возможность обра-

щенія къ суду въ тѣхъ маловажныхъ дѣлахъ, которыя раньше обычно совсѣмъ не доходили до правосудія; примирительный характеръ разбирательства, простота и несложность производства какъ уголовныхъ, такъ и гражданскихъ дѣлъ, освобожденіе производства отъ гербовой бумаги и отъ всякихъ пошлинъ,—все это по мысли творцовъ судебныхъ уставовъ должно было сдѣлать судъ доступнымъ для населенія и близкимъ ему.

Такова была въ самыхъ общихъ чертахъ судебная реформа.

Какъ мы видимъ, дѣйствительно были приняты мѣры къ созданію скораго и праваго суда, къ возвышенію судебной власти и вообще ко введенію въ русскую жизнь путемъ судебной реформы тѣхъ лучшихъ началъ, которыя были выработаны наукою и опытомъ на Западѣ.

Отсюда понятно то воодушевленіе и то дружное одобреніе, съ которымъ печать и общество встрѣтили какъ опубликованіе основныхъ началъ, такъ и обнародованіе самихъ судебныхъ уставовъ. Въ нихъ видѣли одинъ изъ главныхъ путей къ обновленію Россіи; надѣялись, что благодаря имъ не только явится правосудіе, но и вообще вмѣсто прежняго всесторонняго произвола возникнетъ новый порядокъ, всецѣло проникнутый законностью. Энтузіасты считали даже, что это не надежды, а совершившійся фактъ, и устами поэта-современника было провозглашено, что у насъ „на обломкахъ произвола теперь царитъ законъ“. Скептическіе голоса раздавались рѣдко, да и то въ западной печати, а не въ нашей...

Кто былъ правъ, — мы увидимъ дальше, когда прослѣдимъ всю судьбу судебной реформы, но несомнѣнно, что открытія новыхъ судовъ ждали какъ праздника по всей Россіи.

Ожиданіямъ этимъ пришлось осуществиться далеко не въ полной мѣрѣ. Къ этому времени реформаторскія стремленія въ высшихъ сферахъ начали уже ослабѣвать и хотя еще неясно, но уже стали вырисовываться контуры грядущей реакціи. Бюрократія стала чувствовать, что для ея всевластія создается серьезная препона, отъ которой можетъ пострадать „престижъ“, отождествляемый ею со всякаго рода усмотрѣніемъ, въ ущербъ закону. Она, по свидѣтельству весьма компетентнаго современника, не хотѣла „выпустить власть изъ своихъ рукъ“, откуда и пошли толки, что „судебная реформа откладывается въ дальній ящикъ“. На сцену былъ выдвинутъ аргументъ относительно недостатка средствъ для повсемѣстнаго введенія судебной реформы и, оперируя съ этими „финансовыми затрудненіями“, добивались, чтобы новые суды первоначально были введены только въ столицахъ. Напрасно горячіе сторонники новой реформы во главѣ съ Зарудньмъ доказывали необходимость сразу покончить съ вѣковымъ зломъ безсудья и ввести новые суды повсемѣстно; эта идея потерпѣла пораженіе, несмотря на вліятельную поддержку предсѣдателя государственнаго совѣта, князя Гагарина. Поставленное между двухъ огней министерство юстиціи стало проводить компромиссъ; стоявшіе во главѣ его Замятнинъ и Стояновскій искренно опасались, что сразу нельзя осуществить судебную реформу не только по не-

достатку средствъ, но и по недостатку подготовленныхъ и надежныхъ людей; въ то же время они раздѣляли соображенія государственной канцеляріи о невозможности ограничить реформу только столицами, ибо это не соотвѣтствовало бы важности провозглашенной реформы и вызвало бы всеобщее разочарованіе.

Въ результатѣ рѣшено было открыть два судебныхъ округа, петербургскій и московскій; эти округа охватили 10 губерній; въ остальныхъ предполагалось вводить реформу постепенно въ ближайшіе же годы. Для многихъ мѣстъ эти ближайшіе годы потомъ на дѣлѣ оказались не только отдаленными, но и весьма отдаленными, и имъ пришлось довольствоваться старымъ судомъ, въ который были введены лишь частичныя поправки и измѣненія, но тогда почти никто не предвидѣлъ такого будущаго, и когда 17 и 23 апрѣля 1866 года осуществленіе реформы началось открытіемъ новыхъ судовъ въ Петербургѣ и въ Москвѣ, это открытіе вызвало громадный подъемъ общественнаго настроенія и чувство искренняго ликованія.

Трудное дѣло предстояло новымъ судамъ; одними собственными силами, среди совершенно измѣнившихся соціальныхъ условій, не успѣвшихъ вылиться въ законченныя формы и полныхъ обломками разрушеннаго прошлаго, безъ традицій, при скрытомъ, но ясно ощущаемомъ недоброжелательствѣ многихъ власть имущихъ и многихъ, пропитанныхъ крѣпостническими тенденціями, приходилось *создавать* дѣло правосудія и *насаждать* законность, которой раньше и въ поминѣ не было.

И нужно отдать справедливость первымъ дѣятелямъ судебной реформы: они съ честью вышли изъ тяжкаго историческаго испытанія и сумѣли доставить новому суду уваженіе и симпатію широкихъ общественныхъ круговъ. Частью благодаря тому подъему настроенія, который дѣлалъ судебную дѣятельность не службой, а призваніемъ, частью благодаря необычайно удачному подбору судебнаго персонала, судъ высоко поднялъ свое знамя и завоевалъ себѣ почетную страницу въ исторіи.

Въ первые же годы выдвинулся цѣлый рядъ людей, получившихъ почетную извѣстность. Достаточно назвать такія имена, какъ Буцковскій, Ровинскій, Зарудный, Кони, Мотовиловъ—въ магистратурѣ, Александровъ и Громницкій—въ прокуратурѣ, Унковскій, Спасовичъ и Арсеньевъ—въ адвокатурѣ, Квистъ и Неклюдовъ — въ мировомъ судѣ, чтобы увидѣть, какой притягательной силой сдѣлались въ глазахъ общества наши новые суды.

Довѣріе было не только завоевано, но и оправдано, и это будетъ для насъ особенно ясно, если мы обратимъ вниманіе на дѣятельность четырехъ основныхъ элементовъ новаго суда: мирового суда, суда присяжныхъ, кассаціоннаго сената и адвокатуры.

Въ области сравнительно менѣе важныхъ дѣлъ, которыя были переданы въ вѣдѣніе мирового суда, по справедливому опредѣленію одного изъ современниковъ, не было раньше не только тѣни правосудія, но даже понятія о возможности правосудія. Значительная часть этихъ дѣлъ на-

ходилась въ рукахъ полиціи; народъ боялся ея и избѣгалъ настолько, что по ревизіямъ книги для записи разбирательствъ даже въ полицейскихъ участкахъ столицъ неизмѣнно оказывались совершенно чистыми, а самое разбирательство, когда оно происходило, давало картины взятокъ, грубой брани, произвольныхъ арестовъ, побоевъ,—словомъ, всего чего угодно, кромѣ правосудія. Съ изумленіемъ народъ увидѣлъ новыхъ мировыхъ судей, доступныхъ, чуждыхъ формализма, вѣжливыхъ и со всѣми одинаково ровныхъ въ обращеніи. Первые приговоры произвели сенсацію въ народѣ, и дѣятельность мирового института быстро стала ломать вѣковое недовѣріе народа къ суду, сопряженное съ воспринятыми на опытѣ понятіями о томъ, что привилегированный свободно можетъ бить и обижать непривилегированнаго, что богатый всегда можетъ откупиться, какое бы безобразіе онъ ни учинилъ и какъ бы ни обидѣлъ бѣднаго и т. п. „Мировой" въ глазахъ народа сталъ чрезвычайно популяренъ; народъ валомъ повалилъ въ камеры, и послышались новыя рѣчи: „теперь всѣ равны", „теперь драться не велятъ", „вотъ мировой тебѣ покажетъ".

Словомъ, если новые суды быстро привились у насъ и пріобрѣли громадное довѣріе общества, то значительная доля заслуги въ этомъ, безспорно, принадлежитъ мировому институту.

Вторымъ краеугольнымъ камнемъ судебной реформы является судъ присяжныхъ. Мы знаемъ, что введеніе его произошло не безъ колебаній и не безъ борьбы. Не только умѣренный и осторожный Блудовъ считалъ нашъ народъ неподготовленнымъ къ дѣятельности присяжнаго засѣдателя, но и такіе склонные къ новаторству корифеи теоріи и практики, какъ Спасовичъ, сперва раздѣляли ту же точку зрѣнія. Взяло верхъ другое теченіе во главѣ съ Ровинскимъ; смѣлый опытъ допущенія къ судебному дѣлу людей, такъ недавно еще бывшихъ рабами, состоялся и увѣнчался успѣхомъ, засвидѣтельствованнымъ и цѣлымъ рядомъ судебныхъ дѣятелей, и печатью, и всеподданнѣйшими отчетами министра юстиціи.

Оказался глубоко правымъ Ровинскій, который вѣрилъ въ смыслъ и здоровыя чувства народа и утверждалъ, что, только допустивъ судъ присяжныхъ, правительство можетъ слить свои интересы съ нуждами общества и пріобрѣсти суду общественное уваженіе и сочувствіе, и что введеніе такого суда должно предшествовать юридическому развитію общества, ибо только въ немъ народъ научится правдѣ и законности.

И, дѣйствительно, судъ присяжныхъ способствовалъ не только популярности суда, но и правовому воспитанію общества; послѣднее научилось понимать, что въ лицѣ своихъ представителей-присяжныхъ оно призвано не къ чужому, а къ своему, къ важному дѣлу, которое требуетъ напряженія совѣсти и разумѣнія. Судъ абсолютно независимый, судъ по совѣсти, судъ, проводящій жизненную правду, а не только правду формальную, судъ, являющійся вѣрнымъ показателемъ того, что въ странѣ есть культура и граждан-

ственность—укрѣпился въ лицѣ суда присяжныхъ и въ жизни нашего отечества.

Третій устой судебной реформы есть кассаціонный сенатъ, который долженъ былъ объединять и направлять все громадное судебное дѣло. И здѣсь духъ времени и прекрасный личный составъ привели къ тому, что высоко и незыблемо стоялъ авторитетъ сената въ первые годы его дѣятельности. Правда, реакціонная струя сумѣла не допустить въ кассаціонные департаменты Заруднаго, который, какъ мы знаемъ, былъ душою судебной реформы, а получилъ назначеніе въ старый дореформенный судебный департаментъ, но другіе его соратники попали въ кассаціонные сенаторы и въ первые годы вынесли гигантскій трудъ, неизмѣнно и стойко стоя на стражѣ основныхъ началъ судебной реформы. Позже инымъ вѣтромъ повѣяло и въ сенатѣ, но объ этомъ намъ придется говорить въ другомъ мѣстѣ.

Наконецъ, адвокатура, самая мысль о которой еще недавно являлась преступленіемъ, составила одинъ изъ самыхъ существенныхъ элементовъ судебной реформы.

У насъ явился совершенно новый типъ, дореформенному строю невѣдомый. Этотъ строй зналъ ходатаевъ, въ рядахъ которыхъ, какъ мы знаемъ, темные дѣльцы, выгнанные чиновники, пьяницы, сутяги и т. п. доминировали, пользуясь частью страхомъ, частью презрѣніемъ со стороны общества. Теперь явилось автономное адвокатское сословіе, связанное корпоративными узами, вооруженное знаніемъ и привлекшее на первыхъ же порахъ въ свои ряды немало лицъ высокаго таланта и безупречнаго нравственнаго авторитета.

Словомъ, подводя итогъ, мы должны признать какъ созданіе, такъ и осуществленіе судебной реформы однимъ изъ важнѣйшихъ и лучшихъ моментовъ нашей исторіи; въ то же время мы должны отмѣтить, что успѣхъ судебной реформы былъ достигнутъ *новымъ* путемъ; она не имѣетъ почти ничего общаго съ нашими „историческими“ устоями, правами и порядками; она знаменуетъ собой торжество обще-человѣческихъ и обще-культурныхъ началъ, получившихъ къ намъ хоть на короткое время доступъ послѣ долгаго ихъ гоненія и отрицанія.

6.

Какъ извѣстно, недолговѣчны у насъ періоды либеральныхъ увлеченій. За недолгими порывами впередъ, не доведенными до конца, неизбѣжно является каждый разъ болѣе или менѣе длительная и упорная реакція. Такъ было и въ шестидесятые годы, включающіе въ себя и „эпоху великихъ реформъ“ и эпоху начавшихся и все болѣе и болѣе развивавшихся стремленій урѣзать эти реформы. Въ области судебныхъ уставовъ шагъ за шагомъ пошли сокращенія, разъясненія и перестройки; ихъ жизнь мало-по-малу превратилась въ „многострадальное житіе“ и со временемъ дѣло дошло до того, что основной лозунгъ судебныхъ уставовъ—„законность“ былъ почти офиціально признанъ стѣснительнымъ для власти, а привлекательная картина суда и судей по судебнымъ уставамъ замѣнилась той тяжелой картиной, которая запечатлѣна геві-

альной кистью автора „Воскресенья“.

Мы прослѣдимъ въ другомъ мѣстѣ эти судьбы новаго суда. Теперь же для завершенія нашего очерка судебной реформы, мы должны сказать нѣсколько словъ о тѣхъ причинахъ, которыя тормазили дѣло этой реформы, породили рядъ компромиссовъ при ея созданіи, а затѣмъ дали возможность пойти заднимъ ходомъ, исказить прекрасно поставленное дѣло и привести его въ полное разстройство.

Для рѣшенія поставленныхъ вопросовъ мы должны коснуться „подпочвы“ судебныхъ уставовъ и разсмотрѣть оставленные нами до сихъ поръ въ сторонѣ наиболѣе уязвимые ихъ пункты.

Мы знаемъ, какимъ ликованіемъ была встрѣчена судебная реформа. Нѣкоторые органы западной прессы (напримѣръ, „Independance Belge“ 19 Oct. 1862) отмѣтили, что уже обнародованіе основныхъ началъ будущей реформы вызвало „всеобщій восторгъ, небывалый со времени эмансипаціи крестьянъ“. О томъ же свидѣтельствуютъ цѣлый рядъ иностранныхъ и русскихъ органовъ прессы и записки многихъ современниковъ.

Какая же была причина восторга? —Мы усматриваемъ ее въ томъ, что судебная реформа имѣла не только громадную юридическую важность, но еще большую важность политическую. Общество не могло не цѣнить разрыва съ судебнымъ прошлымъ и появленія истиннаго правосудія на мѣсто почти полнаго безсудья, смѣны „неправды черной“ правдой и милостью, и оно дѣйствительно все это цѣнило; но энтузіазмъ вызывался не этимъ, а политической стороной реформы, которая выразилась въ провозглашеніи принципа строгой законности, въ тенденціи бороться съ произволомъ и въ цѣломъ рядѣ гарантій правъ личности. Общество ликовало, видя у насъ впервые появленіе нѣкоторыхъ *конституціонныхъ принциповъ* и надѣясь, что они являются прочнымъ залогомъ лучшаго будущаго.

Правда, сами творцы судебной реформы тщательно устраняли изъ своихъ объясненій мотивы политическаго характера, а иногда даже отмахивались отъ этихъ мотивовъ, упирая исключительно на потребности правосудія и строго юридическія соображенія. Но... могли ли они поступать иначе? Они не лгали, ибо всѣ тѣ основныя начала, которыя они проводили, дѣйствительно соотвѣтствовали нуждамъ правосудія и юридической логикѣ; они только не договаривали до конца и многое затушевывали, ибо знали, что не дремлетъ лагерь крѣпостниковъ и обскурантовъ, и имѣли горькій россійскій опытъ искаженія и гибели реформъ, заподозрѣнныхъ со стороны „благонадежности“.

Но каждое изъ созданныхъ новыхъ юридическихъ началъ имѣло неизбѣжно и политическую сторону; послѣдовательное проведеніе ихъ въ жизнь ставило бы серьезныя препоны произволу и подавало бы надежды на возможность дальнѣйшихъ шаговъ въ этомъ направленіи вплоть до той коренной реформы, которая подъ прозрачнымъ названіемъ „увѣнчаніе зданія“ уже стала, повидимому, признаваться со стороны общества возможной въ близкомъ будущемъ.

Русская пресса того времени лишена была возможности высказаться прямо, но въ болѣе или менѣе скрытой формѣ и она указала на политическую сторону судебной реформы. Западная же пресса главное вниманіе обратила именно на эту сторону и сдѣлала это очень дружно, какъ принужденъ былъ тогда же отмѣтить хроникеръ-обозрѣватель Журнала Министерства Юстиціи.

Этотъ послѣдній какъ бы нѣсколько удивленъ, почему сравнительно мало обращено вниманія на юридическую сторону, и объясняетъ это поверхностнымъ отношеніемъ къ дѣлу, но факты остаются фактами, и намъ необходимо остановиться на нихъ, чтобы рѣшить вопросъ, дѣйствительно ли въ обществѣ Россіи и Запада правильно оцѣнивали конституціонный характетъ судебной реформы.

„Съ обнародованіемъ новыхъ постановленій (пишетъ „National-Zeitung") Россія никоимъ образомъ не стала еще конституціоннымъ государствомъ, но она перестала быть государствомъ деспотическимъ". Болѣе подробную, но сходную оцѣнку даетъ и „Independance Belge"; эта газета указываетъ, что до судебной реформы „интересы гражданъ нисколько не были гарантированы" и „господствовалъ произволъ чисто восточный"; она выражаетъ надежду, что послѣ судебной реформы все это измѣнится, и что впредь отъ Европы Россія восприметъ уже не одинъ только внѣшній блескъ, но и „начала гражданственности и законости въ управленіи". Газета находитъ даже, что „судебной реформой нанесенъ ударъ громадной власти, предоставленной до сихъ поръ министрамъ, генералъ-губернаторамъ и т. д.", и что самъ монархъ „отстранилъ отъ себя всякую судебную власть, кромѣ права помилованія".

„N. Preuss. Kreuz-Zeitung" утверждаетъ, что „судебной реформой если не вдругъ искоренится основное зло русской государственной системы, то все же съ теченіемъ времени на него будетъ оказано въ высшей степени благотворное воздѣйствіе".

„Nord" также отмѣчаетъ конституціонный духъ реформы и говоритъ, что отдѣленіе судебной власти отъ административной, гласность, судъ присяжныхъ, несмѣняемость судей и пр. являются „гарантіями, которыя прямо или косвенно суть достояніе 89-го года"; газета привѣтствуетъ мирное установленіе равенства всѣхъ передъ судомъ и закономъ, стоившее Франціи большихъ кровопролитій.

Итакъ, на Западѣ, оцѣнивъ по преимуществу политическую сторону судебной реформы, въ ней усмотрѣли рядъ конституціонныхъ гарантій и шагъ впередъ къ будущей конституціи. Существовалъ ли такой взглядъ въ Россіи?

— Даже ярые враги конституціоннаго режима не даютъ на этотъ вопросъ вполнѣ отрицательнаго отвѣта. Извѣстный Левъ Тихоміровъ, утверждая, что „никакихъ *практическихъ* стремленій къ ограниченію самодержавія со времени попытки 14 декабря 1825 года не предпринималось", въ то же время признаетъ, что „самодержавіе какъ принципъ отвергалось либеральной частью образованнаго общества еще задолго до царствованія Императора Александра II".

Но и эти практическія стремленія

были, ибо еще до судебной реформы передъ правительствомъ не разъ возбуждались ходатайства о полномъ отдѣленіи судебной власти отъ административной (тульское дворянское собраніе), о независимости и несмѣняемости судей (петербургское) и о другихъ реформахъ, имѣющихъ характеръ конституціонныхъ гарантій.

Недаромъ же впослѣдствіи враги новаго суда такъ охотно выдвигали противъ него то соображеніе, что духъ и основы судебной реформы стояли въ противорѣчіи съ самодержавнымъ образомъ правленія.

Не могло не поддерживать конституціонныхъ надеждъ въ связи съ судебной реформой и то, что въ самомъ разгарѣ ея выработки (въ 1863 году) Александръ II говорилъ финляндскому сейму о „либеральныхъ учрежденіяхъ", признавая ихъ „не только не опасными", но даже „залогомъ порядка и благоденствія въ рукахъ народа мудраго, готоваго дѣйствовать заодно со своимъ государемъ".

Но, какъ мы знаемъ, реформаторскій потокъ остановился, а затѣмъ началось движеніе назадъ, такъ что о конституціи не могло быть и рѣчи. Въ томъ же 1863 году, по свидѣтельству Леруа-Болье, Александръ II говорилъ Н. Милютину, что хотя онъ „не имѣетъ отвращенія къ представительному правленію", но не можетъ дать его бунтующимъ полякамъ, не давая вѣрноподданнымъ русскимъ, а этихъ послѣднихъ онъ „не считалъ зрѣлыми для конституціи". Въ слѣдующемъ 1864 году, какъ мы узнаемъ изъ объяснительной записки къ проекту земскихъ учрежденій, спѣшная выработка и осуществленіе этихъ учрежденій между прочимъ была вызвана тѣмъ, чтобы „*положить предѣлъ* возбужденнымъ по поводу образованія земскихъ учрежденій *несбыточнымъ ожиданіямъ* и свободнымъ стремленіямъ разныхъ сословій".

Такимъ образомъ началось реакціонное теченіе, и чѣмъ больше оно укрѣплялось, тѣмъ въ большее противорѣчіе приходилъ правительственный курсъ съ началами „великихъ реформъ", особенно же судебной, поскольку въ ней были хоть какія-нибудь гарантіи конституціоннаго характера. Пошло „приспособленіе" судебной реформы къ новому курсу, тѣмъ болѣе энергичное, чѣмъ болѣе власть убѣждалась, что начала судебной реформы мѣшаютъ административному размаху, а разныя „гарантіи" дѣйствительно стѣсняютъ начальственное усмотрѣніе.

Начался длинный мартирологъ судебной реформы.

Старыя начала побѣдили новый порядокъ; первые конституціонные ростки стали глохнуть.

Разбираясь въ причинахъ этого грустнаго явленія, мы прежде всего должны отмѣтить, что подъ давленіемъ „независящихъ обстоятельствъ" уже при самомъ созданіи судебной реформы пришлось итти на компромиссы. Мы цѣнимъ всю грандіозность этой реформы; мы тщательно отмѣтили всѣ пріобрѣтенныя обществомъ благодаря ей права и гарантіи, но мы должны признать, что допущенные компромиссы во многомъ умаляли цѣнность пріобрѣтеннаго и открывали путь весьма нежелательнымъ послѣдствіямъ.

Уже въ 1862 году, критикуя основ-

ныя начала судебной реформы, Б. Утинъ въ „Отечественныхъ Запискахъ“ и Заринъ въ „Библіотекѣ для чтенія“ справедливо указали на нерѣшительность въ дѣлѣ отдѣленія судебной власти отъ административной.

И дѣйствительно, уже одинъ фактъ оставленія перваго департамента сената въ старомъ составѣ и на старыхъ основаніяхъ былъ чреватъ послѣдствіями и наносилъ ударъ идеѣ полнаго раздѣленія указанныхъ двухъ властей.

Еще болѣе важное значеніе имѣли такія стороны судебной реформы, какъ недостаточное огражденіе судейской независимости, ограниченіе компетенціи суда присяжныхъ, привилегированный порядокъ преданія суду должностныхъ лицъ и сохраненіе административныхъ взысканій за дѣянія политическаго характера.

Право министра юстиціи назначать судей и давать имъ повышеніе сдѣлалось тропой къ послѣдовательному развитію судебнаго карьеризма и у худшей части судебнаго сословія вырабатывало тенденцію подгонять гласъ закона и совѣсти къ тому, чего въ данномъ случаѣ могъ желать вѣщающій гласъ начальства. Правда, судебныя мѣста получили право выбирать на свободныя вакансіи слѣдователей и членовъ суда и палаты, но ихъ выборъ не связывалъ министра юстиціи; послѣднему было предоставлено право вмѣсто выбраннаго кандидата представить другого *безъ всякихъ объясненій и мотивировки*. Естественно, что выборная система стала быстро отодвигаться системой назначеній на задній планъ, сталъ поднимать голову слой, больше умѣвшій прислуживаться, чѣмъ служить, и, идя дальше по этому скользкому пути, дошли и до ограниченія судейской несмѣняемости, т. е. поколебали одну изъ важнѣйшихъ гарантій конституціоннаго характера.

Ограниченіе компетенціи суда присяжныхъ, допущенное уже въ текстѣ судебныхъ уставовъ, сразу создало изъятіе изъ того принципа, также имѣющаго конституціонный характеръ, что наказаніе, соединенное съ пораженіемъ гражданскихъ правъ, можетъ быть наложено лишь при наличности обвинительнаго вердикта присяжныхъ. Присяжные были устранены отъ дѣлъ политическаго характера, и этимъ былъ показанъ путь къ дальнѣйшимъ устраненіямъ и ограниченіямъ.

Не всѣ сразу оцѣнили значеніе этого изъятія. Неизвѣстный и, повидимому, оффиціозный авторъ писалъ въ 1862 году на страницахъ Журнала Министерства Юстиціи: „Что касается до преступленій политическихъ, къ которымъ присединены и преступленія, совершаемыя посредствомъ печати (?), то по ихъ тяжести и опасности для государства законодательство не рѣшилось передавать ихъ на рѣшеніе не испробованному еще опытомъ учрежденію присяжныхъ засѣдателей“. Такой вдумчивый юристъ и другъ присяжнаго суда, какъ Ровинскій, допускалъ возможность подобныхъ изъятій лишь „на первое время“, вѣрилъ, что они исчезнутъ и, видимо, не усматривалъ здѣсь опасности. Но будущее показало, что опасность была, и что правъ былъ обозрѣватель „Библіотеки для чтенія“, утверждавшій, что изъятіе сдѣлано безъ

достаточныхъ основаній, что оно „лишаетъ подсудимаго хорошей гарантіи“ и, наряду съ правомъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ закрывать двери судебнаго засѣданія, „поведетъ къ злоупотребленіямъ“.

Ровинскій пламенно вѣрилъ въ желаніе правительства итти впередъ и потому ошибся. Утверждая, что при передачѣ присяжнымъ засѣдателямъ политическихъ дѣлъ, общество выставило бы въ лицѣ присяжныхъ „людей порядка, которые гласно осудили бы всякое безсвязное волненіе“, онъ прибавляетъ: „Конечно, такой судъ, представляя законную поддержку законной власти, разоблачилъ бы и всѣ злоупотребленія и всѣ причины безсвязныхъ волненій, но тѣмъ легче было бы правительству предупреждать ихъ, знакомиться съ нуждами общества, итти во главѣ его и предлагать постоянно необходимыя преобразованія“.

Правительство не пошло на путь, указываемый Ровинскимъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ явилось предрѣшеннымъ не расширеніе компетенціи присяжныхъ, а дальнѣйшее ея сокращеніе.

Обратимся къ привилегированному порядку преданія суду должностныхъ лицъ.

Провозгласивъ начало раздѣленія властей, необходимо было сдѣлать тотъ правильный выводъ, что независимость представителей административной власти отъ власти судебной можетъ сохраняться лишь до тѣхъ поръ, пока эти представители держатся въ рамкахъ закона; разъ они вышли за эти рамки, они неизбѣжно должны попадать въ сферу господства судебной власти, ибо иначе нарушается, какъ провозглашенный судебными уставами принципъ равенства всѣхъ передъ закономъ, такъ и создаваемое раздѣленіемъ властей право судебной власти быть единственнымъ компетентнымъ судьей въ опредѣленіи того, что законно, а что нѣтъ. Требуемаго нами вывода сдѣлано не было, несмотря на достаточное количество энергичныхъ и извѣстныхъ государственному совѣту возраженій. Рядъ судебныхъ практиковъ въ своихъ „замѣчаніяхъ“ требовалъ, чтобы начальство было устранено отъ рѣшенія вопроса о преданіи чиновника суду, и чтобы этотъ вопросъ подлежалъ исключительно судебному рѣшенію. Авторы ссылаются и на существовавшій при прежнемъ порядкѣ бюрократическій произволъ, „парализующій“ защиту гражданами попранныхъ своихъ правъ, и на поощреніе такимъ путемъ взяточничества и другихъ злоупотребленій, которыя начальство можетъ быть склонно покрывать, чтобы не выносить сора изъ избы, и на необходимость въ этой области создать наибольшія гарантіи.

Тѣ же доводы выдвинула печать, особенно „Современникъ“, помѣстившій рядъ прекрасныхъ статей извѣстнаго А. М. Унковскаго, видѣвшаго громадную опасность отъ такого порядка для самой идеи законности и ея проведенія въ жизнь.

Но и ранѣе высказанныя и позднѣйшія соображенія не измѣнили дѣла. Государственный совѣтъ совершенно неправильно истолковалъ принципы независимости административной власти отъ власти судебной и въ результатѣ судебное

преслѣдованіе чиновниковъ за преступленія по должности поставлено судебными уставами въ зависимость отъ постановленія начальства обвиняемаго о преданіи его суду... Рѣшающимъ факторомъ здѣсь сдѣлалась воля начальства, и открылся просторъ для „прикрытія“ и „потушенія“ всевозможныхъ злоупотребленій, а вмѣстѣ съ тѣмъ для попранія интересовъ потерпѣвшихъ.

Наконецъ, что наиболѣе важно, съ самаго же начала былъ нанесенъ ударъ дѣлу правосудія сохраненіемъ административныхъ расправъ. Мы уже говорили, что судебные уставы въ ст. 1-й уст. уг. суд. ввели принципъ „nullum crimen, nulla poena sine lege“; этотъ конституціонный принципъ долженъ былъ служить вѣрной гарантіей правъ гражданъ, особенно въ соединеніи съ категорической формулой „основныхъ положеній“, гласившей, что судебная власть принадлежитъ судамъ „*безъ всякаго участія* властей административныхъ“. Обсуждавшая „основныя положенія“ печать выражала увѣренность, что мы вступаемъ на совершенно новый путь, и что такіе анахронизмы, какъ кары въ административномъ порядкѣ, быстро исчезнутъ въ виду ихъ полнаго противорѣчія основнымъ принципамъ судебной реформы.

Но несовмѣстимое оказалось совмѣстимымъ. Въ государственномъ совѣтѣ возникло во главѣ съ графомъ Панинымъ теченіе, отстаивавшее возможность въ нѣкоторыхъ случаяхъ для администраціи права налагать взысканія безъ суда. Предложеніе вызвало дружный протестъ; былъ высказанъ рядъ чрезвычайно вѣскихъ соображеній въ пользу недопустимости какихъ бы то ни было изъятій, а въ результатѣ... явился компромиссъ въ видѣ примѣчанія къ цитированной нами первой ст., гласившій: „Административная власть принимаетъ въ установленномъ закономъ порядкѣ мѣры для предупрежденія и пресѣченія преступленій и проступковъ“.

„Мѣры“ уцѣлѣли, а вмѣстѣ съ тѣмъ открылась возможность совершенно парализовать одну изъ важнѣйшихъ гарантій конституціоннаго характера, созданныхъ судебными уставами...

Итакъ, одной изъ причинъ, подготовившихъ темное будущее судебнымъ уставамъ, были компромиссы, попавшіе въ текстъ уставовъ и подрывавшіе ихъ же основные принципы. Хотя и былъ данъ рядъ гарантій, но, по справедливому замѣчанію „Отечественныхъ Записокъ“, *настоящія* гарантіи были допущены лишь для тѣхъ случаевъ, которые стояли внѣ всякаго соприкосновенія съ прерогативами правительства.

Вообще все лучшее въ судебной реформѣ оказалось недостаточно устойчивымъ, да это и понятно. Всякаго рода усовершенствованія и гарантіи только тогда могутъ проявить устойчивость и выдержать борьбу за существованіе, если они въ свою очередь опираются на какія-нибудь незыблемыя гарантіи. Такими гарантіями введеніе судебной реформы не сопровождалось, а между тѣмъ эта реформа, вмѣстѣ съ реформой крестьянской, земской и другими, задѣла цѣлый рядъ интересовъ. Все привилегированное и властное, все привыкшее эксплуатировать безправіе народа и дѣйствовать по произволу,

не считаясь съ закономъ, не могло очень быстро не почувствовать, что его сильно сократили и могутъ сократить еще больше. Оно быстро сомкнулось и приступило къ дѣйствіямъ.

А дѣйствовать было нетрудно. Права и гарантіи, созданныя судебной реформой, не были незыблемы. Нарушать ихъ можно было не только испытаннымъ незаконнымъ путемъ ограничительныхъ министерскихъ циркуляровъ и давленій, но и путемъ, съ формальной стороны совершенно законнымъ: путемъ новыхъ законодательныхъ актовъ, исходящихъ отъ ничѣмъ неограниченной верховной власти.

Вдвинутая въ рамки стараго политическаго строя судебная реформа могла бы развернуть всѣ свои великія положительныя стороны лишь въ томъ случаѣ, если бы дѣло шло въ сторону пересозданія самого упомянутаго строя. Но колесо исторіи тогда поворачивалось въ другую сторону. Великая судебная реформа создала невѣдомое у насъ доселѣ правосудіе, показала перспективу серьезнаго политическаго обновленія, но въ послѣдней области ничего прочнаго дать не смогла, а сама подверглась ряду серьезнѣйшихъ ударовъ.

Опредѣленныя причины дали опредѣленныя слѣдствія...

ГЛАВА V.

Польское возстаніе 1863 г.

(3. Ленскаго).

1.

Режимъ Паскевича.

Взятіе Варшавы было для Николая I чрезвычайно радостнымъ событіемъ. Оно знаменовало собой конецъ трудной и невсегда побѣдоносной войны; оно давало личное удовлетвореніе русскому самодержцу, самолюбіе и гордость котораго сильно страдали оттого, что усмиреніе непокорныхъ поляковъ, осмѣлившихся его лишить трона, требовало столькихъ жертвъ. Война 1831 г. была разорительна для государственнаго кошелька, и быстрое ея окончаніе такъ или иначе диктовалось не столько или не только династическимъ самолюбіемъ Николая I, сколько главнымъ образомъ финансовымъ положеніемъ Россіи.

Старанія сдѣлать новый голландскій заемъ долго были безуспѣшны, и министру финансовъ Канкрину пришлось прибѣгнуть къ обычной мѣрѣ—выпуску асигнацій на 100 мил. рублей. Благодаря войнѣ, финансы

русскіе, по замѣчанію Канкрина, „получили глубокую рану“. Было время — въ маѣ 1831 г., — когда въ виду военныхъ неудачъ фельдмаршала Дибича, Николай I былъ готовъ даже добровольно отказаться отъ большей части Царства Польскаго въ пользу Пруссіи, лишь бы поскорѣе окончить разорительную войну.

Неудивителенъ поэтому тотъ восторженно радостный тонъ, которымъ проникнуты письма императора къ „отцу-командиру“, фельдмаршалу Паскевичу, котораго онъ величаетъ спасителемъ Россіи и въ знакъ благодарности преподноситъ ему титулъ „князя Варшавскаго“. Его радость омрачаетъ лишь мысль о томъ, какъ бы русскіе офицеры не заразились въ Царствѣ Польскомъ революціоннымъ духомъ. Онъ проситъ обращать „самое бдительное вниманіе на сношенія и поведеніе офицеровъ“; выражаетъ крайнее неудовольствіе по поводу распространенія проекта конституціи для Россіи, найденнаго послѣ взрыва 29-го ноября въ бумагахъ Новосильцева и напечатаннаго по распоряженію польскаго „Жонда Народоваго“. „Чертковъ привезъ мнѣ экземпляръ проекта конституціи для Россіи, найденный у Новосильцева въ бумагахъ“, пишетъ по этому поводу 14/26 сентября государь своему „любезному Ивану Федоровичу“, — „напечатаніе сей бумаги крайне непріятно; на 100 человѣкъ нашихъ молодыхъ офицеровъ 90 прочтутъ, не поймутъ, или презрятъ, но 10 оставятъ въ памяти, обсудятъ—и главное *не забудутъ*“. Ему желательно по возможности скорѣе изолировать офицеровъ, въ особенности гвардейскихъ, отъ мятежной атмосферы.

Съ переходомъ польскихъ войскъ черезъ австрійскую и прусскую границу польская армія, разоруженная австрійцами и пруссаками, перестала существовать, ибо вслѣдъ за этимъ также сдались упорствовавшія въ теченіе почти мѣсяца послѣ капитуляціи Варшавы крѣпости Модлинъ и Замостье.

У Николая I и его alter ego, князя Паскевича, развязаны теперь были руки для того, чтобы приняться за внутреннее переустройство Царства Польскаго. „Упрочимъ, елико отъ насъ зависитъ, — пишетъ императоръ,—наше новое завоеваніе тѣми способами, которые въ виду имѣли и которые вновь по усмотрѣнію твоему нужными найдутся“.

Прежде всего нужно было явить милость и гнѣвъ по отношенію къ непосредственнымъ участникамъ революціи. 20 октября 1831 г. былъ объявленъ манифестъ объ амнистіи. Хотя по буквѣ манифеста исключеніе дѣлалось лишь для нѣкоторыхъ важнѣйшихъ группъ участниковъ — иниціаторовъ взрыва 29-го ноября, членовъ сейма, голосовавшихъ за лишеніе престола династіи Романовыхъ, членовъ Народоваго Жонда и др.—тѣмъ не менѣе кары коснулись и многихъ такихъ лицъ, которыя не исключались актомъ амнистіи. „Всѣ наслѣдники главнокомандованія обрѣтаться будутъ въ Ярославлѣ, а прочая вся сволочь въ Вологдѣ“,— злорадно сообщалъ Николай I уже послѣ изданія манифеста Паскевичу. Солдаты бывшей польской арміи стали на основаніи амнистіи возвращаться изъ Пруссіи и Австріи на

родину, но здѣсь ожидалъ ихъ довольно непріятный сюрпризъ: ихъ отсылали въ гаризоны, расположенные внутри Имперіи и главнымъ образомъ въ губерніи, пограничныя съ азіатскими владѣніями. — Амнистія совершенно не распространялась на жителей литовскихъ и украинскихъ губерній.

Спеціально учрежденный Верховный Уголовный Судъ долженъ былъ рѣшить дѣла тѣхъ, кто не подходилъ подъ манифестъ объ амнистіи. Дѣятельность этого суда затянулась на весьма продолжительное время. Главная масса обвиняемыхъ успѣла заблаговременно очутиться за границей, такъ что Николаю I пришлось невольно проявить великодушіе по отношенію къ 258 лицамъ, которыхъ судъ приговорилъ къ смертной казни и которымъ царскій манифестъ 1834 г. замѣнялъ послѣднюю безсрочнымъ изгнаніемъ изъ предѣловъ отечества. Въ числѣ этихъ приговоренныхъ къ изгнанію находятся Чарторыйскій, Лелевель, Скшинецкій, Баржиковскій и всѣ вообще наиболѣе видные участники возстанія. Петру Высоцкому, Викентію Нѣмоевскому и другимъ смертная казнь замѣнена каторжными работами въ сибирскихъ рудникахъ, нѣкоторымъ сокращенъ срокъ тюремнаго заключенія.

Но не въ этихъ мѣрахъ заключались способы упроченія новаго завоеванія, о которыхъ государь упоминалъ въ своемъ письмѣ фельдмаршалу. Николая I меньше занималъ вопросъ о карательныхъ, чѣмъ о предупредительныхъ мѣрахъ, которыя разъ навсегда обезопасили бы его отъ возможности повторной польской революціи.

Такъ какъ источниками, питавшими мятежный духъ въ полякахъ, были, по мнѣнію высшаго петербургскаго правительства, съ одной стороны, конституція 1815 г., съ другой, всѣ тѣ учрежденія, которыя развивали чувство патріотизма и поддерживали сознаніе польской національности, то уничтоженіе первой и вторыхъ стояло на первомъ планѣ.

Конституція 1815 года, формально никакимъ актомъ не отмѣненная, была просто оставлена безъ всякаго вниманія. „Я получилъ ковчегъ съ покойницей конституціей, за которую благодарю весьма, она изволитъ покоиться здѣсь въ Оружейной Палатѣ“— шутилъ по этому поводу Николай I въ своемъ письмѣ отъ 15 ноября 1831 г. Въ началѣ 1832 г. былъ изданъ новый основной законъ, такъ называемый „Органическій Статутъ“, который гарантировалъ Царству Польскому отдѣльныя законодательство и администрацію, свободу вѣроисповѣданій, печати, равенство всѣхъ передъ закономъ, неприкосновенность собственности и личности, мѣстное самоуправленіе и даже, въ ближайшемъ будущемъ, законосовѣщательное народно-представительное учрежденіе. Но всѣ эти обѣщанія остались на бумагѣ, они были написаны только на показъ для Западной Европы, которая въ лицѣ Англіи и Франціи требовала строгаго исполненія вѣнскихъ трактатовъ. Въ жизнь вошли только тѣ статьи Органическаго Статута, которыми уничтожались прежнія конституціонныя гарантіи и цѣлью которыхъ было „органическое“ сліяніе Царства съ Имперіей.

Однимъ изъ первыхъ шаговъ Вре-

меннаго Правленія, учрежденнаго еще указомъ 4-го сентября 1831 г. на мѣсто прежняго административнаго совѣта, были распоряженія о конфискаціи и секвестраціи имѣній эмигрантовъ. Формальнымъ камнемъ преткновенія для новаго польскаго правительства явилась статья неотмѣненной пока конституціи 1815 г., которой разъ навсегда уничтожалась конфискація имущества, какъ мѣра наказанія. Но это формальное препятствіе не помѣшало предпринять конфискацію въ самыхъ широкихъ, дотолѣ небывалыхъ размѣрахъ. Въ 1831 г. было конфисковано, взято подъ запрещеніе и секвестръ въ одномъ только Царствѣ Польскомъ громадное количество владѣльческихъ имѣній съ числомъ душъ муж. пола 257.598: въ то время, какъ количество временно секвестрованныхъ имѣній къ слѣдующему году значительно уменьшилось, количество конфискованныхъ, напротивъ, возросло, достигши въ 1832 г. цифры 142.204 д., не меньше, вѣроятно, $^{1}/_{10}$ всей земельной собственности помѣщиковъ Царства Польскаго. Еще гораздо раньше, чѣмъ въ этомъ послѣднемъ, мѣра конфискаціи была примѣнена къ имѣніямъ тѣхъ помѣщиковъ „возвращенныхъ отъ Польши губерній" (т. е. литовскихъ и украинскихъ), которые приняли участіе въ мятежѣ *).

Большая часть конфискованныхъ имѣній была впослѣдствіи раздарена разнымъ заслуженнымъ русскимъ чиновникамъ и генераламъ, въ видѣ майоратовъ. Во время намѣстничества Паскевича (1831—1855) роздано было 135 майоратовъ. Въ указѣ 1835 г. объ устройствѣ майоратовъ говорится, что „конфискація имѣній была вызвана необходимостью лишить закоснѣлыхъ враговъ закона и порядка способовъ и впредь употреблять достоянія свои на совершеніе преступныхъ замысловъ". Но наряду съ этой цѣлью преслѣдовалась и другая политическая задача — насажденіе въ Польшѣ русскаго крупнаго землевладѣнія. Послѣдняя цѣль не была достигнута. Новые владѣльцы чаще всего отдавали свои имѣнія въ аренду польскимъ помѣщикамъ, а сами пребывали за предѣлами Царства Польскаго; поскольку же они переселялись въ Польшу, они быстро полонизировались, отнюдь не стремясь къ укрѣпленію русскаго вліянія въ краѣ.

Въ своей нотѣ отъ 3-го іюля 1832 г. лордъ Пальмерстонъ на основаніи всѣхъ фактовъ управленія Царствомъ Польскимъ приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ: „Уничтоженіе польской арміи, введеніе въ качествѣ официіальнаго—русскаго языка, переведеніе изъ Царства въ Россію общественныхъ библіотекъ и научныхъ коллекцій, закрытіе многихъ школъ, насильственное переселеніе въ Россію большого количества дѣтей польскихъ подъ предлогомъ воспитанія ихъ на казенный счетъ, ссылка множества польскихъ семействъ въ отдаленныя губерніи Россіи, значительный и строгій рекрутскій наборъ, назначеніе на должности массы русскихъ чиновниковъ, наконецъ вмѣшательство въ дѣла національной церкви—все это свидѣтельствуетъ о стремленіи правительства уничтожить политическую національность въ Польшѣ и превратить ее постепенно въ русскую

*) Указъ 21 декабря 1830 года.

провинцію". Управленіе получило характеръ военной диктатуры, во главѣ которой стоялъ царскій намѣстникъ. Въ воеводствахъ, переименованныхъ въ 1837 году въ губерніи, высшей властью пользовались военные начальники. Еще въ 1833 году объявлено было въ Царствѣ военное положеніе, которое потомъ не отмѣнялось въ теченіе слишкомъ 20-ти лѣтъ. Даже ротнымъ командирамъ въ силу этого дано было право арестовывать по своему усмотрѣнію: „Это есть одно средство — писалъ фельдмаршалъ Николаю I—удержать дворянство и шляхту въ повиновеніи".

Особенное вниманіе обращено было на преобразованіе всего школьнаго дѣла, такъ какъ „дурному воспитанію"—по словамъ Николая I—„приписать должно въ особенности наклонность въ молодежи къ бывшему бунту". Университеты Варшавскій и Виленскій были закрыты, такая же участь постигла кременецкій лицей. Образованная изъ медицинскаго факультета бывшаго Виленскаго университета медико-хирургическая академія также была закрыта въ 1842 г. Для окончательнаго административнаго слиянія школьнаго дѣла въ Польшѣ съ русскимъ центральнымъ управленіемъ, въ 1839 г. департаментъ просвѣщенія въ комиссіи внутреннихъ дѣлъ былъ преобразованъ въ варшавскій учебный округъ, поставленный въ полную зависимость отъ русскаго министра народнаго просвѣщенія. Такъ какъ въ просвѣщеніи вообще усматривался источникъ революціонныхъ замысловъ, то запрещено было отправляться молодымъ людямъ для ученія за границу. Закрыто было варшавское „Общество друзей науки", основанное еще въ эпоху прусскаго господства. Дѣтей не-дворянъ запрещено было принимать въ гимназіи, а число послѣднихъ было сокращено. Гнетъ цензуры принялъ чудовищные размѣры: не только сочиненія, но даже имена такихъ писателей, какъ Мицкевичъ, Красинскій, Словацкій, Мохнацкій, Лелевель—были подъ самымъ строгимъ запретомъ...

Режимъ административнаго произвола и мстительныхъ репрессій съ еще большей силой, чѣмъ на Царство Польское обрушился на „возвращенныя отъ Польши губерніи". Помимо конфискаціи имѣній, закрытія высшихъ и среднихъ школъ, ссылки въ Сибирь и на каторгу громадной массы лицъ, заподозрѣнныхъ, какъ участниковъ революціи — тамъ жертвой преслѣдованій сдѣлались, съ одной стороны, уніаты и католики, съ другой, мелкая, такъ называемая загоновая шляхта. Эту послѣднюю, близкую къ крестьянству по своему соціальному положенію, а къ польскому дворянству—по своимъ національно-историческимъ традиціямъ, Николай I рѣшилъ уничтожить однимъ почеркомъ пера. По указу 19/31 октября 1831 г. вся эта шляхта превращена въ крестьянъ-однодворцевъ и мѣщанъ. Это отнюдь не былъ демократизмъ, а мѣра наказанія по отношенію къ мелкой шляхтѣ, которая „оказалась особенно враждебной и дѣятельной въ преступныхъ возмущеніяхъ противъ законно установленной власти". *) Въ октябрѣ же мѣсяцѣ императоръ приказалъ сослать на Кавказъ 5.000 мелко-шляхет-

*) Указъ 19/31 октября 1831 г.

Сергѣй Ивановичъ Зарудный

Съ портрета, писаннаго перомъ В. М. Зарудной 1890.
(Съ любезнаго разрѣшенія Е. С. Зарудной въ С.-Петербургѣ.)

„Исторія Россіи въ XIX вѣкѣ“ Изданіе Т-ва „Бр. А. и И. ГРАНАТЪ и К°“

скихъ семействъ Подольской губерніи, причемъ на докладѣ министра внутреннихъ дѣлъ Блудова собственноручно добавилъ: „Эти правила должны быть приняты въ руководство не только для Подольской, но для всѣхъ 9 западныхъ губерній, что въ общей сложности составитъ 45 тысячъ семействъ". Было ли это пожеланіе выполнено во всей точности, неизвѣстно, но, во всякомъ случаѣ, тысячи польскихъ семействъ подъ лицемѣрнымъ предлогомъ попеченія объ ихъ матеріальномъ благосостояніи были насильно оторваны отъ родныхъ мѣстъ и переселены на Кавказъ.

Но самой важной задачей правительства въ литовскихъ губерніяхъ сдѣлалось насажденіе православія. Уніатскіе монастыри были закрыты и обращены въ православные, имущество, принадлежавшее уніатскому ордену базиліановъ, было конфисковано. Наконецъ указомъ 1839 г. унія была офиціально уничтожена. Началось жестокое преслѣдованіе упорствующихъ. Паскевичъ поздравлялъ своего государя, что ему такъ легко удалось пріобщить къ православію 2 милліона литовскаго народа. Жертвой правительственныхъ репрессій сдѣлалась въ Литвѣ также католическая религія.

Преслѣдованія за вѣру только сближали литовскій католическій народъ съ польскимъ элементомъ, и страдавшій за унію или католичество крестьянинъ въ своей ненависти къ русской власти раздѣлялъ вполнѣ, хотя и по другимъ причинамъ, чувства поляка-помѣщика, несмотря на ту соціальную пропасть, которая лежала между ними.

2.

Эмиграція и демократическая пропаганда.

Въ теченіе цѣлыхъ 20-ти лѣтъ дѣйствовалъ этотъ режимъ реакціи и военно-полицейской диктатуры въ Царствѣ Польскомъ. Онъ былъ не только местью за возстаніе 1831 года. Импульсомъ для его примѣненія и обостренія служило опасеніе передъ будущимъ и постоянное непрекращавшееся революціонное движеніе въ настоящемъ. Ареной послѣдняго не были ни Царство Польское, ни „возвращенныя губерніи", но польская эмиграція, средоточіемъ которой сдѣлалась Франція. Здѣсь собрались тысячи поляковъ, среди которыхъ преобладали офицеры и солдаты бывшей польской арміи. Жондъ Народовый, члены сейма, писатели, публицисты, представители польской знати, простые шляхтичи, мѣщане и крестьяне—словомъ, Польша въ миніатюрѣ — искали убѣжища въ той Франціи, которая недавно сама пережила революцію и которая въ лицѣ своихъ наиболѣе выдающихся гражданъ выказывала столько симпатіи къ польскому дѣлу.

Идейная жизнь, задушенная на родинѣ, пышно расцвѣла на французской, свободной почвѣ. Въ то время, какъ тамъ литература и публицистика были скованы въ желѣзныхъ тискахъ режима Паскевича, въ эмиграціи онѣ достигли небывалой дотолѣ высоты. Недаромъ годы 1831—1850 считаются самой блестящей

эпохой въ исторіи польской поэзіи. Здѣсь посреди шума эмигрантскихъ партій вышли изъ-подъ пера Мицкевича, Словацкаго и Красинскаго—этихъ трехъ свѣтилъ польской литературы—ихъ наиболѣе крупныя произведенія. Нельзя понять характера поэзіи той эпохи, игнорируя тѣ соціально-политическія идеи, которыя дѣлили эмиграцію на различныя партіи. Поэты не могли оставаться совершенно въ сторонѣ отъ этой идейной борьбы. И если Красинскій является поэтомъ-аристократомъ, раздѣлявшимъ консервативно-католическія воззрѣнія партіи Чарторыйскаго, если его „Небожественная комедія" возводитъ аристократію на пьедесталъ творцовъ жизни, то Словацкій, высмѣивающій въ своей „Лиллѣ Венедѣ" шляхту-лехитовъ и надѣляющій моральной силой народъ-венедовъ—выступаетъ какъ поэтъ-революціонеръ, поэтъ-демократъ.

Съ перваго же момента появленія эмигрантовъ на французской почвѣ началась борьба партій, борьба, бывшая собственно продолженіемъ той, которая въ болѣе или менѣе рѣзкихъ формахъ не прекращалась въ теченіе революціи, борьба между аристократической партіей Чарторыйскаго и революціонными элементами Патріотическаго клуба. Сначала, такъ сказать, моральную власть надъ всей эмиграціей принялъ на себя временный комитетъ, состоявшій изъ послѣдняго предсѣдателя Народоваго Жонда Бонавентуры Нѣмоевскаго и пяти сеймовыхъ пословъ. Но такъ какъ Жондъ и сеймъ были тѣми козлами отпущенія, на которыхъ свалилась вся вина за неудачу возстанія, то большинство настроенной революціонно и озлобленной эмиграціи не захотѣло признавать этого комитета и выбрало новый „національный комитетъ" съ Лелевелемъ во главѣ. Комитетъ Лелевеля, который въ противовѣсъ аристократической фракціи хотѣлъ польское дѣло связать съ интересами европейскихъ *народовъ*, а не *правительствъ*, — обращаясь съ этой цѣлью въ рядѣ нѣсколько напыщенныхъ воззваній къ венгерцамъ, итальянцамъ, испанцамъ, даже къ русскимъ и евреямъ — тоже не вызвалъ сочувствія въ массахъ эмиграціи. Часть молодой эмиграціи отдѣлилась отъ него и основала въ мартѣ 1832 года „Польское Демократическое Общество". Основной принципъ этой новой организаціи состоялъ въ слѣдующемъ положеніи: „Польша должна искать спасенія не только въ вооруженномъ возстаніи противъ чужеземнаго ига, но также — въ радикальной и демократической революціи". Въ то время, какъ комитетъ Лелевеля занималъ неопредѣленную позицію по отношенію къ польской аристократіи, Демократическое Общество сразу объявило себя ея безусловнымъ врагомъ, обвиняя ее въ гибели Польши.

Настроить общественное мнѣніе противъ аристократіи и ея воплощенія, кн. Чарторыйскаго, было вначалѣ главной задачей Демократическаго Общества. Его агитація въ этомъ отношеніи была удачна. Кн. Чарторыйскій, который отъ имени польскаго народа стучался въ двери западно - европейскихъ кабинетовъ, главнымъ образомъ англійскаго и французскаго, ища дипломатическаго заступничества, былъ объявленъ въ 1833 г. цѣлыми колоніями (такъ на-

зываемые depôts, или „заклады") польской эмиграціи, разселенной французскимъ правительствомъ по многимъ провинціальнымъ городамъ, измѣнникомъ.

Секція Демократическаго Общества" въ Пуатье распространяла въ 1834 г. среди польскихъ эмигрантовъ актъ, покрытый 2-мя тысячами слишкомъ подписей, въ которомъ объявлялось, что „Адамъ Чарторыйскій не только не пользуется довѣріемъ соотечественниковъ, но признается врагомъ польской эмиграціи".

Посреди этой борьбы, переполненной часто дрязгами, взаимными обвиненіями и попреками, подготовлялась къ началу 1833 года экспедиція партизанскихъ отрядовъ. Планъ этой злополучной экспедиціи принадлежалъ Заливскому, офицеру польской арміи и одному изъ иниціаторовъ взрыва 29 ноября. Предполагалось маленькими партизанскими отрядами незамѣтно проникнуть въ Царство Польское и Литву, нападеніями на казачьи посты, мелкими стычками въ различныхъ пунктахъ страны вызвать броженіе среди населенія и, провозгласивъ свободу и равенство, привлечь его къ возстанію. Все это предпріятіе не имѣло никакихъ шансовъ на успѣхъ, оно было скорѣе продуктомъ пылкаго воображенія Заливскаго и его товарищей, нежели серьезно и зрѣло обдуманнымъ планомъ.

Маленькія партіи партизановъ подъ начальствомъ бывшихъ военныхъ стали съ марта 1833 г. пробираться черезъ Галицію и Княжество Познанское въ Царство Польское. Попытка, какъ и нужно было ожидать, кончилась трагически. Не успѣвъ даже заявить своими подвигами о себѣ народу, всѣ они были захвачены въ плѣнъ и приговорены военнымъ судомъ кто къ смертной казни, кто къ ссылкѣ въ каторжныя работы со страшнымъ „прогономъ" сквозь строй нѣсколькихъ тысячъ шпицрутеновъ. Около 20-ти человѣкъ участниковъ экспедиціи Заливскаго были повѣшены и разстрѣляны по конфирмаціи Паскевичемъ приговора военнаго суда. Самъ Заливскій, пробравшійся назадъ въ Галицію, былъ тамъ арестованъ вмѣстѣ съ 12-ью другими лицами и посаженъ въ крѣпость Куфштейнъ, откуда его освободила только революція 1848 года.

Для Царства Польскаго эта экспедиція явилась новымъ источникомъ репрессій. Она-то подала поводъ къ объявленію страны на военномъ положеніи. Тюрьмы переполнились сотнями политическихъ заключенныхъ, заподозрѣнныхъ хотя бы въ самой отдаленной связи съ партизанами. Сторонниковъ Демократическаго Общества въ эмиграціи она убѣдила, что раньше, чѣмъ вызвать то истинно всенародное возстаніе, которое имъ грезится, нужно совершить большую работу подготовительнаго характера, широко распространить демократическіе принципы, выяснить цѣлый рядъ вопросовъ, связанныхъ съ организаціей будущаго возстанія.

Пропагандистская и организаторская работа Демократическаго Общества усилилась послѣ 1836 г., т. е. послѣ изданія имъ манифеста, въ которомъ были изложены принципы польской демократіи. Этотъ манифестъ, вышедшій изъ-подъ пера наиболѣе дѣятельнаго публициста демократіи Виктора Гельтмана и под-

писанный 1.135-ью членами Общества, является символомъ вѣры демократической польской интеллигенціи. „Все для народа черезъ народъ: вотъ наиболѣе общій принципъ демократіи. Все для народа, для всѣхъ — цѣль; все черезъ народъ, черезъ всѣхъ — форма“. Исходя изъ этихъ общихъ основъ демократіи, манифестъ ставитъ передъ польскимъ демократическимъ обществомъ задачу: „Польша независимая и Польша демократическая“.

„Только независимая и демократическая Польша способна исполнить свою великую миссію, разорвать союзъ абсолютизма, уничтожить его пагубное вліяніе на западную цивилизацію, распространить демократическую идею среди славянъ, служащихъ нынѣ орудіями угнетенія, этой идеей ихъ сплотить, а своими добродѣтелями, чистотой и силой своего духа дать начало всеобщему освобожденію европейскихъ народовъ... Черезъ Польшу для человѣчества“. Тутъ слышатся отзвуки тѣхъ самыхъ идей, которыя четыре года передъ этимъ (1832) Мицкевичъ развивалъ въ своихъ библейско-пророческихъ „Книгахъ народа и пилигримства польскаго“, въ этой поэтической исторіософіи польскаго народа, которому поэтъ пророчитъ великую миссію: „Народъ польскій не умеръ, лишь тѣло его въ могилѣ... и въ третій день душа вернется въ тѣло, и народъ воскреснетъ и освободитъ всѣ народы Европы отъ рабства“. Хотя между религіозно-мессіанистическими идеями Мицкевича и прогрессивно-демократическимъ направленіемъ Демократическаго Общества было весьма мало общаго, но въ этомъ пунктѣ, во взглядѣ на освободительную миссію Польши они сходятся.

„Для возстановленія независимости Польша имѣетъ въ своемъ собственномъ лонѣ гигантскія силы, которыхъ донынѣ ничей добросовѣстный и искренній голосъ еще не пробудилъ къ жизни. Это — нетронутая почти одинаково грозная для внутреннихъ какъ и для внѣшнихъ враговъ сила“. Польское крестьянство, угнетаемое, презираемое, лишенное правъ и собственности — единственный возстановитель Польши. Поэтому „если новое возстаніе не хочетъ быть печальнымъ повтореніемъ прежнихъ, первымъ сигналомъ къ возстанію должно быть освобожденіе крестьянъ, возвратъ вырванной у нихъ земли въ полную безусловную собственность, возвратъ правъ, призывъ къ пользованію выгодами независимаго бытія всѣхъ безъ различія религіи и племени“.

Манифестъ заканчивается такими знаменательными словами: „Если бы необходимая перемѣна общественнаго порядка и идущая за ней слѣдомъ независимость не могли быть добыты безъ насильственныхъ потрясеній, если бы народу пришлось стать строгимъ судьей прошлаго, мстителемъ за совершенную надъ нимъ несправедливость и исполнителемъ категорическаго приговора времени—мы не пожертвуемъ счастіемъ двадцати милліоновъ ради кучки привилегированныхъ, а пролитая братская кровь падетъ на головы тѣхъ, кто въ упорствѣ своемъ поставилъ эгоистическіе интересы выше общаго блага и освобожденія родины“.

Крестьянскій вопросъ польская

демократія разрѣшала весьма радикально, отнюдь не думая однако отнимать у дворянъ-землевладѣльцевъ *всю* землю. Она требовала только уничтоженія барщины и оброка съ надѣленіемъ землей въ полную собственность всѣхъ разрядовъ крестьянъ, т. е. не только имѣющихъ усадебную осѣдлость, но и того безземельнаго и малоземельнаго пролетаріата, который подъ названіемъ „халупниковъ", „коморниковъ", „загродниковъ", „выробниковъ" составлялъ весьма значительный процентъ земледѣльческаго населенія во всѣхъ провинціяхъ бывшей Рѣчи Посполитой. Реформа должна совершиться безъ всякаго, прямого или косвеннаго, вознагражденія бывшихъ владѣльцевъ. Замѣна барщины оброкомъ или вознагражденіе владѣльцевъ со стороны не однихъ крестьянъ, но всей націи, то есть изъ государственныхъ средствъ, было бы по мнѣнію членовъ Демократическаго Общества несправедливостью и обманомъ, такъ какъ оно все равно легло бы тяжелымъ бременемъ на плечи народа. Полное, безусловное освобожденіе съ землей безъ всякаго вознагражденія владѣльцевъ — вотъ лозунгъ польской демократической интеллигенціи 30-хъ и 40-хъ годовъ.

Только такое радикальное уничтоженіе шляхетскихъ привилегій — говорили демократы—только возстановленіе исконныхъ и естественныхъ правъ народа, насильно отнятыхъ у него господствующимъ классомъ, дастъ силу новому польскому возстанію. „Только тогда священный огонь любви къ отечеству зажжетъ сердца народныхъ массъ и разовьетъ ихъ истинную мощь, такъ какъ только тогда отечество станетъ въ глазахъ всѣхъ матерью, одинаково пекущейся о всѣхъ своихъ дѣтяхъ; готовность къ пожертвованію ради нея будетъ безгранична, и мы возстанемъ одни безъ „чужой помощи и сами сумѣемъ разбить нашихъ враговъ". Такъ писалъ Гельтманъ въ „циркулярахъ Демократическаго Общества" въ 1837 г.

Въ „циркулярахъ" наиболѣе полно отражались взгляды польской демократіи программнаго и тактическаго характера. Они служили дискуссіонной трибуной для членовъ Общества, дававшихъ обстоятельный разборъ по различнаго рода соціально-политическимъ вопросамъ, предлагаемымъ на обсужденіе комитетомъ Общества, или „Централизаціей". Всѣ эти вопросы имѣли самую тѣсную связь съ возстаніемъ, такъ какъ Централизація исходила изъ той мысли, что „движеніе, опирающееся на принципы, недостаточно выработанные, легко можетъ сойти съ надлежащаго пути".

Было бы ошибочно думать, что, настаивая на необходимости путемъ широкой соціальной реформы привлечь народныя массы къ возстанію, Демократическое Общество смотрѣло на эти послѣднія лишь какъ на физическую силу, какъ на повстанческіе кадры. Нѣтъ, народъ въ глазахъ демократіи таилъ въ себѣ неизсякаемый источникъ новыхъ культурныхъ и моральныхъ силъ, способныхъ обновить польское общество.

„Шляхта—читаемъ мы въ одномъ изъ „циркуляровъ" 1840 г.—какъ сословіе, какъ корпорація, представляющая Польшу, дала очевидныя доказа-

тельства, что она не способна стать во главѣ общества и вырвать его изъ пропасти несчастій. Такъ пусть же безсиліе будетъ предоставлено своей собственной судьбѣ. Ея здоровые элементы, тѣ, которые готовы принести на алтарь отечества не только жизнь свою и богатства, но также предразсудки и привилегіи, понявъ, что безусловное надѣленіе народа землей представляетъ актъ великой національной и вмѣстѣ съ тѣмъ абсолютной справедливости, что ихъ право на землю, за которую народъ отбываетъ тяжелую барщину, основывается на простомъ грабежѣ, сознавъ, что безъ возврата отечеству того, что принадлежитъ не имъ, что безъ этой обыкновенной съ ихъ стороны добросовѣстности не будетъ независимой Польши,—понявъ все это, говоримъ мы, здоровые элементы шляхты перестанутъ считать заодно свои эгоистическіе интересы и интересы родины, захотятъ реабилитировать себя, искренно бросившись въ объятія народной революціи". Къ этимъ „здоровымъ элементамъ" шляхты и обращались польскіе демократы, которые сами были отпрыскомъ той же шляхты, предаваемой ими проклятію. Поэтому наиболѣе правильно было бы назвать ихъ „кающимися шляхтичами", въ которыхъ сильно говорило чувство соціальной справедливости. Непосредственно къ народу, стоявшему въ центрѣ всего демократическаго міровоззрѣнія, эта пропаганда не обращалась. И „Общество Польскаго Народа", организованное въ Краковѣ, и агитація замѣчательнаго революціонера-патріота Симона Конарскаго въ Литвѣ и Украйнѣ, и пропаганда демократическихъ идей въ Царствѣ Польскомъ и Княжествѣ Познанскомъ—не выходили за предѣлы учащейся молодежи, молодой шляхты, городской интеллигенціи.

Совершенно особое положеніе въ польской эмиграціи занимала колонія эмигрантовъ въ англійскомъ городкѣ Портсмутѣ, состоявшая не изъ шляхты, не изъ бывшихъ чиновниковъ и офицеровъ, а изъ простыхъ солдатъ-крестьянъ. Они прибыли въ началѣ 1832 г. въ числѣ 212 человѣкъ изъ прусской крѣпости Грудзіонзъ (Graudenz), куда были заключены прусскимъ правительствомъ за упорное нежеланіе отправиться черезъ русскую границу.

Не столько соціальный составъ, сколько соціально-политическое credo выдѣлило портсмутскую группу—принявшую въ 1835 г. названіе „Lud polski, gmina Grudziąz"—изъ массы польской эмиграціи. Основнымъ символомъ ея вѣры было уничтоженіе частной собственности. Этимъ принципомъ „польскіе солдаты въ Портсмутѣ" рѣзко себя противопоставляли Демократическому Обществу, вся программа котораго покоилась именно на надѣленіи крестьянъ землею въ частную собственность. Духовный вождь портсмутской колоніи, Станиславъ Ворцелль, въ своей брошюрѣ „О собственности", говоря о крестьянской реформѣ, предлагавшейся Демократическимъ Обществомъ, предвидитъ, что отъ этого въ концѣ концовъ получится лишь новое рабство—„господство капитала надъ пролетаріемъ".

Нужно однако сказать, что идеи „Гмины Грудзіонзъ" не пользовались распространеніемъ, онѣ такъ и оставались достояніемъ малочисленной группы эмигрантовъ. Власть надъ

умами имѣло Демократическое Общество.

Единственную попытку проведенія въ народъ принциповъ демократіи сдѣлалъ ксендзъ Сцѣгенный. Самъ сынъ крестьянина, Сцѣгенный въ качествѣ священника одного изъ приходовъ Люблинской губерніи пользовался большимъ вліяніемъ среди населенія. Онъ собиралъ крестьянъ въ лѣсахъ и развивалъ передъ ними демократическія идеи, возбуждая ихъ къ возстанію не только противъ русскаго правительства, но и противъ дворянъ-помѣщиковъ. Это было въ 1844 году. Сцѣгенный палъ жертвой предательства одного изъ крестьянъ Кѣлецкой губерніи. Онъ былъ приговоренъ военнымъ судомъ къ повѣшенію, но смертная казнь была замѣнена ему въ іюнѣ 1845 г. каторгой. Вмѣстѣ со Сцѣгеннымъ въ каторгу отправлено было 13 его ближайшихъ сторонниковъ, все крестьяне Люблинской и Кѣлецкой губерній.

Николай I, знавшій изъ рапортовъ фельдмаршала Паскевича о дѣлѣ Сцѣгеннаго, на этотъ разъ не только не выказалъ никакого огорченія, но, наоборотъ, даже обрадовался. „Въ описываемомъ событіи—дѣлится своими соображеніями государь съ намѣстникомъ—двѣ вещи хороши: то, что помѣщикамъ угрожаетъ опасность и что потому ихъ выгода съ нами быть заодно, а другая уже плодъ того, что *помѣщикъ* доноситъ на ксендза *); это славно!“ Демагогическое чутье подсказало русскому императору болѣе правильное пониманіе дѣйствительности, чѣмъ польскимъ демократамъ—ихъ энтузіазмъ и символъ вѣры.

3.

Положеніе крестьянскаго вопроса послѣ 1831 г.—Возстаніе 1846 г.—Указъ 26-го мая.

Крестьянскія отношенія, радикальную реформу которыхъ Демократическое Общество написало на своемъ знамени, были далеко не однородны въ это время во всѣхъ частяхъ бывшей Рѣчи Посполитой. Въ то время, какъ въ Княжествѣ Познанскомъ, начиная съ 1823 года, проводилась „регуляція“ земельныхъ отношеній на началахъ выкупа, такъ что къ началу 40-хъ годовъ тамошніе крестьяне были полными, свободными отъ барщины, собственниками своихъ участковъ,—польскіе помѣщики литовскихъ и украинскихъ губерній продолжали владѣть крестьянскими „душами“ на началахъ неограниченнаго крѣпостного права; въ то время, какъ въ Царствѣ Польскомъ крестьянинъ лично былъ свободенъ, но помѣщикъ былъ воленъ въ любой моментъ завладѣть его землей и усадьбой, въ Галиціи шляхтичъ не считался собственникомъ крестьянской земли, и крестьянинъ по закону былъ обезпеченъ отъ захвата своего участка помѣщикомъ.

Демократическое Общество мало

*) Николаю I, очевидно, сообщили, что выдалъ Сцѣгеннаго помѣщикъ, между тѣмъ, насколько извѣстно, въ этомъ дѣлѣ отличился крестьянинъ Яницъ, который за свой доносъ награжденъ былъ правительствомъ: онъ получилъ въ собственность участокъ земли.

считалось съ этой разнородностью условій. Мечтая о всеобщемъ польскомъ возстаніи, оно хотѣло единой соціально-политической формулой охватить всѣ польскія провинціи, „весь 20-тимилліонный народъ“. Мы напрасно стали бы искать въ обильной эмиграціонной демократической публицистикѣ какихъ-нибудь фактическихъ данныхъ о положеніи и развитіи сельскаго хозяйства въ этихъ провинціяхъ или детально разработаннаго проекта крестьянской реформы. Кромѣ брошюры Наквaскаго, вышедшей въ 1835 году въ Парижѣ, въ которой развивалась идея надѣленія крестьянъ землею при помощи выкупной операціи, эмиграціонная публицистика ничего не дала въ этомъ отношеніи.

Между тѣмъ для Царства Польскаго 15 лѣтъ, послѣдовавшихъ за ноябрьскимъ возстаніемъ, являются эпохой ломки старыхъ земельныхъ отношеній, но ломки, не идущей на встрѣчу идеаламъ польской демократіи, а, напротивъ, рѣзко противорѣчащей этимъ послѣднимъ.

Капиталистическая эволюція въ сельскомъ хозяйствѣ, начавшаяся еще въ эпоху конституціоннаго Царства Польскаго, дѣлала послѣ 1831 года все болѣе быстрые успѣхи, охватывая мало-по-малу всю страну. Очень много имѣній старой родовой шляхты, бѣжавшей за границу, перешло въ руки новыхъ людей, часто капиталистовъ, которые за безцѣнокъ скупали имѣнія эмигрантовъ. Старая система веденія хозяйства при помощи крестьянскаго инвентаря и исключительно барщиннаго труда, стала подвергаться значительнымъ измѣненіямъ. Разведеніе картофеля, винокуреніе, выгода отъ экономической запашки—всѣ эти обстоятельства привели, во-первыхъ, къ усиленному захвату помѣщиками крестьянской земли, которая по дѣйствовавшему въ Царствѣ Польскомъ Côde civile считалась безусловной собственностью помѣщика, во-вторыхъ, къ сугубому обремененію крестьянъ барщиннымъ трудомъ. Возросшую потребность въ рабочей силѣ помѣщикъ удовлетворялъ не путемъ созданія новыхъ крестьянскихъ усадебъ, но посредствомъ—добавочнаго отягощенія старыхъ, путемъ такъ называемыхъ принудительныхъ наймовъ за невозможно низкую плату. Такъ, напримѣръ, заработная плата за день принудительнаго найма равнялась въ Люблинской губерніи 3—10 копейкамъ.

Въ то же время вслѣдствіе непрекращавшагося удаленія крестьянъ съ ихъ усадебъ, земельный пролетаріатъ возросъ до необычайныхъ размѣровъ. Передъ 1830 г. этотъ пролетаріатъ находилъ убѣжище въ городахъ, гдѣ сильно развивалась промышленность. Но послѣ 1831 года, благодаря возвышенію пошлины на ввозимые изъ Царства Польскаго въ Россію продукты, польская промышленность, главнымъ образомъ текстильная, совершенно зачахла; она теперь не только не была въ состояніи поглотить избыточнаго населенія деревень, а наоборотъ, потерявшіе работу промышленные рабочіе лишь умножили ряды сельскаго пролетаріата.

Согнанный съ земли крестьянинъ снималъ уголъ въ избѣ крестьянина, еще не согнаннаго, получалъ отъ него нѣсколько полосокъ подъ картофель, за что онъ взамѣнъ него

выходилъ на барщину. Такимъ образомъ настоящій барщинный крестьянинъ являлся уже въ роли эксплуататора труда „коморника“. Кромѣ этой категоріи безземельнаго пролетаріата, также или даже еще быстрѣе росло количество батраковъ, жившихъ на господской землѣ и получавшихъ жалованье деньгами и натурой. Они находились въ полномъ распоряженіи помѣщичьяго двора. Этотъ процессъ пролетаризаціи подвигался настолько быстро, что въ 1846 году безземельные крестьяне составляли 40% крестьянскаго населенія, между тѣмъ какъ въ 1807 г. они составляли немногимъ больше 10%. Земледѣльческая физіономія страны подверглась значительнымъ измѣненіямъ. Прежнія населенныя крестьянскія деревни распадались; вмѣсто нихъ появлялись малоземельные „халупники“, сосредоточенные близъ господской экономіи, размѣры которой все больше и больше расширялись.

Гораздо лучше, чѣмъ въ частновладѣльческихъ, было положеніе крестьянъ въ казенныхъ имѣніяхъ и въ имѣніяхъ маіоратныхъ. Здѣсь крестьянская земля считалась неприкосновенной. Притомъ были уничтожены всѣ „даремщины“, принудительные наймы и прочія прибавки къ правильной, опредѣленной обычаемъ барщинѣ. Инструкція объ устройствѣ крестьянъ въ казенныхъ имѣніяхъ, изданная въ 1841 г., предписываетъ перевести крестьянъ этихъ имѣній на оброкъ (чиншъ), причемъ для опредѣленія нормы оброка день пѣшей барщины оцѣненъ былъ въ 6 копеекъ, а день барщины съ упряжкой—въ 12 копеекъ. Чиншъ этого размѣра установленъ былъ на срокъ въ 55 лѣтъ. Слѣдуетъ къ тому добавить, что количество земли, приходившееся на одинъ крестьянскій дворъ, въ казенныхъ имѣніяхъ значительно превосходило соотвѣтствующее количество въ помѣщичьихъ имѣніяхъ.

Сельско-хозяйственный „прогрессъ“, начавшійся въ Царствѣ Польскомъ послѣ 1831 г., властно диктовалъ уничтоженіе барщиннаго труда, какъ мало производительнаго и связаннаго съ цѣлымъ рядомъ неудобствъ для раціональной хозяйственной культуры: съ общностью пастбища, съ сервитутами *), черезполосицей и т. д. И уже въ 30-хъ годахъ, независимо отъ какой бы то ни было пропаганды Демократическаго Общества, а исключительно изъ хозяйственныхъ соображеній началось уничтоженіе барщины и замѣна ея вольнонаемнымъ трудомъ. Но этой стихійной помѣщичьей „регуляціи“ сопутствовало обезземеленіе крестьянской массы. Другимъ способомъ избавиться отъ барщины было чиншеваніе, переводъ крестьянъ на оброкъ.

Первый примѣръ въ этомъ направленіи подалъ гр. Андрей Замойскій, который въ 1833 г. приступилъ къ добровольной замѣнѣ барщины оброкомъ. Этому примѣру послѣдовало нѣсколько крупныхъ магнатовъ, какъ Вѣлепольскій, Потоцкій, для которыхъ оброчная система была безусловно выгоднѣе барщины. Но вся шляхетская масса, землевладѣльцы средняго пошиба, и слышать пока

*) *Сервитутомъ* называется право крестьянъ пользоваться главнымъ образомъ лѣсомъ, пастбищемъ и выгономъ, принадлежащими помѣщику.

не хотѣла объ очиншеваніи, которое въ ея глазахъ было равносильно полному разоренію.

Въ Царствѣ Польскомъ, слѣдовательно, отношенія сложились такъ, что въ то время, какъ положеніе крестьянъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ польской шляхты все ухудшалось, въ имѣніяхъ, принадлежащихъ русскому правительству и владѣльцамъ маіоратовъ (а такихъ имѣній было нѣсколько тысячъ), крестьянамъ жилось вполнѣ сносно. Для національной революціи, въ которой доминирующая роль должна была принадлежать народу, подобное соотношеніе могло бы оказаться роковымъ.

Мысль о революціи, которая охватила бы всѣ польскія провинціи, вырабатывалась и окончательно сформировалась внѣ и помимо того соціально-экономическаго процесса, который совершался въ этихъ провинціяхъ. Правда, Централизація Демократическаго Общества еще не считала моментъ подходящимъ для возстанія. Подготовительная эпоха пропаганды, которая согласно демократической теоріи должна была предшествовать эпохѣ борьбы за независимость, въ 1844/45 гг. еще не могла считаться завершенной, по мнѣнію большинства дѣятелей Общества. И если бы все дѣло зависѣло отъ нихъ, они растянули бы эту подготовительную эпоху еще на долгое время, до тѣхъ поръ, пока демократическіе принципы глубоко и широко проникли бы въ массы. Но возникавшіе въ самой Польшѣ революціонные кружки не хотѣли считаться съ теоріей „версальцевъ“, *) они не пожелали дожидаться неопредѣленно долгаго срока и требовали немедленнаго возстанія. Подъ напоромъ этихъ революціонныхъ кружковъ, главнымъ образомъ въ Краковѣ и Познани, Централизація, наконецъ, рѣшилась осуществить то возстаніе, теорію котораго она вырабатывала въ теченіе десятка лѣтъ. Къ тому времени наиболѣе вліятельнымъ и активнымъ членомъ Централизаціи былъ Людовикъ Мѣрославскій. Участвуя 18-тилѣтнимъ юношей въ возстаніи 1831 г. онъ дослужился до чина поручика, но въ эмиграціи его надѣлили, очевидно, за его сочиненія изъ области стратегіи титуломъ генерала. Генералъ Мѣрославскій, демократъ и пылкій революціонеръ, не склоненъ былъ давать отпоръ призывамъ къ немедленному возстанію, шедшимъ изъ Кракова и Познани. Ему, какъ знатоку военнаго дѣла, Централизаціей поручено было составленіе военнаго плана возстанія. Возстаніе предполагалось начать одновременно во всѣхъ трехъ „заборахъ“ въ день 21 февраля 1846 года.

Для подготовки его пріѣхалъ 31 декабря 1845 г. генералъ Мѣрославскій въ Познань, а отсюда въ Краковъ—два центра, гдѣ Демократическое Общество имѣло нѣкоторыя связи.

Царство Польское и „возвращенныя“ губерніи, находившіяся подъ военно-полицейскимъ режимомъ николаевскаго правительства, естественно, не могли служить центрами организаціи силъ будущаго возстанія. Познань и Краковъ—первый благодаря либеральнымъ вѣяніямъ въ Пруссіи со времени вступленія на престолъ Фридриха-Вильгельма IV, второй, пользовавшійся свободой не-

*) Мѣстопребываніе Централизаціи было въ Версалѣ.

зависимой республики, вольнаго города — находились въ гораздо лучшемъ положенiи. Были назначены для всѣхъ провинцiй военные начальники, между прочимъ для Царства Польскаго богатый помѣщикъ Домбровскiй, сынъ знаменитаго организатора польскихъ легiоновъ. Былъ выработанъ планъ военной кампанiи, состоявшiй въ томъ, чтобы повстанческiя армiи, познанская и галицiйская, двинулись къ Царству Польскому, дабы тамъ соединиться съ силами послѣдняго. Наконецъ 24-го января 1846 г. было выбрано нацiональное правительство (Rząd Narodowy) изъ 5 лицъ, каждое изъ которыхъ должно было представлять одну провинцiю, причемъ эмиграцiя тоже приравнена была къ провинцiи.

Казалось, весь формальный аппаратъ возстанiя былъ заготовленъ. Не было только оружiя и не было массы, готовой возстать. Дѣло, очевидно, обречено было на неуспѣхъ такъ же, какъ и экспедицiя Заливскаго. 12-го февраля въ Познани были арестованы Мѣрославскiй, Либельтъ (членъ недавно выбраннаго Жонда) и другiя посвященныя въ дѣло лица; такимъ образомъ то звено, которое представляло собою Княжество Познанское, вырвано было изъ общей цѣпи. Литва и Украйна даже не могли думать о возстанiи. Въ Царствѣ Польскомъ все ограничилось внезапнымъ ночнымъ нападенiемъ со стороны помѣщика Потоцкаго и двухъ молодыхъ людей, Коцишевскаго и Жарскаго, на офицерскiй клубъ въ Сѣдлецѣ, нападенiемъ, никому не причинившимъ вреда — только трое нападавшихъ были пойманы и повѣшены по приговору военнаго суда.

Только въ Краковской республикѣ возстанiе успѣло принять болѣе широкiе размѣры. Здѣсь оно продолжалось нѣсколько дней, сопровождаясь моментами неожиданнаго успѣха и торжества. Здѣсь торжественно на Краковскомъ рынкѣ провозглашено было Нацiональное Правительство, которое вскорѣ сложило всю власть въ руки одного своего члена Тыссовскаго, принявшаго званiе диктатора: здѣсь официально былъ напечатанъ и опубликованъ манифестъ о надѣленiи крестьянъ землею и объ ихъ полномъ освобожденiи; здѣсь началась организацiя вооруженныхъ отрядовъ. Все это могло происходить благодаря тому, что австрiйскiй генералъ Коллинъ, испуганный слухами о грозныхъ силахъ возстанiя, покинулъ со своимъ полкомъ Краковъ, оставивъ городъ во власти немногочисленныхъ повстанцевъ, которые очутились въ роли полныхъ его хозяевъ.

Но краковская революцiя замѣчательна не этимъ минутнымъ торжествомъ, а той трагической развязкой, которая извѣстна подъ именемъ „галицiйской рѣзни“.

Вѣсть о формированiи вооруженныхъ отрядовъ подъ начальствомъ помѣщиковъ подняла на ноги окрестныхъ крестьянъ. Среди нихъ началось броженiе, но не противъ австрiйскаго правительства, а противъ господъ.

Австрiйскiе чиновники нарочно распускали среди нихъ слухъ, что помѣщики вооружаются для того, чтобы отнять у крестьянъ права, дарованныя имъ австрiйскими императорами. Во всей западной Галицiи подъ влiянiемъ этихъ смутныхъ слуховъ нача-

лось крестьянское движеніе, выразившееся въ разгромѣ помѣщичьихъ имѣній, въ жестокихъ убійствахъ, при которыхъ никому не давалось пощады, ни женщинамъ, ни дѣтямъ. Отъ рукъ разъяреннаго крестьянства погибло въ Галиціи въ теченіе немногихъ дней 2.000 человѣкъ, не только помѣщиковъ и членовъ ихъ семействъ, но и масса управляющихъ и служащихъ въ господскихъ имѣніяхъ. Австрійское правительство принимало непосредственное участіе во всемъ этомъ ужасномъ дѣлѣ. Хотя оно впослѣдствіи старалось снять съ себя это обвиненіе, но дальнѣйшій его образъ дѣйствій, официальная благодарность, высказанная крестьянамъ, награды и отличія для главныхъ предводителей этой безпримѣрной жакеріи—все это свидѣтельствуетъ объ отношеніи къ ней австрійскихъ правящихъ сферъ.

Галиційская рѣзня была страшнымъ ударомъ для польской демократіи. Она открыла ей или, по крайней мѣрѣ, должна была открыть всю глубину соціальной пропасти, лежащей между ея политическими мечтами и реальной психологіей народа. Польскій хлопъ безпощадно убивалъ и отдавалъ въ руки враждебнаго правительства патріота-помѣщика. И это—несмотря на то, что революція совершалась подъ знаменемъ демократіи, на которомъ было написано освобожденіе и благоденствіе народа!

Краковская революція положила конецъ вліянію Демократическаго Общества; дальнѣйшее его существованіе было лишь прозябаніемъ. Мало того, на его голову посыпались со стороны шляхты обвиненія въ ужасной галиційской катастрофѣ, обвиненія, конечно, совершенно вздорныя, ибо не демократическая пропаганда, а пропаганда австрійскаго чиновника была тѣмъ революціоннымъ ферментомъ, который поднялъ темное галиційское крестьянство.

Русское правительство также поспѣшило использовать урокъ, преподанный Галиціей. 26-го мая 1846 года былъ изданъ указъ, обозначавшій цѣлую революцію въ аграрныхъ отношеніяхъ Царства Польскаго. Этимъ указомъ гарантировалась полная неприкосновенность занятыхъ крестьянами земельныхъ участковъ, поскольку послѣдніе превышали площадь 3-хъ морговъ ($^1/_2$ десятины) и, во-вторыхъ, отнималось у помѣщика право повышать размѣръ крестьянскихъ повинностей сравнительно съ тѣмъ, который существовалъ до 1-го января 1846 г. Одновременно съ указомъ 26-го мая вышло постановленіе совѣта управленія объ упраздненіи 121 различнаго рода барщинной повинности, неопредѣленныхъ по роду работы и количеству дней, которыя, слѣдовательно, подлежатъ отмѣнѣ, какъ „даремщины и принудительные наймы, не имѣющіе законнаго основанія“.

Были изготовлены престаціонныя табели (бланки), куда каждый помѣщикъ обязанъ былъ занести всѣхъ крестьянъ, владѣющихъ усадьбами болѣе 3-хъ морговъ, всѣ отправляемыя ими повинности, а также сервитутныя права. Такихъ усадебъ оказалось 270.508: изъ нихъ 144.326 состояло на барщинѣ, 55.528 на оброкѣ. Крестьянскихъ дворовъ, владѣющихъ усадьбами ниже 3-хъ морговъ, не пользовавшихся защитой закона, оказалось 36.920.

Указъ 26-го мая былъ, съ одной стороны, продиктованъ опасеніемъ повторенія въ Царствѣ Польскомъ галицiйской рѣзни, но, съ другой, въ немъ таились тѣ сѣмена правительственной демагогіи, о которыхъ упоминалъ Николай I въ своемъ письмѣ по поводу дѣла Сцѣгеннаго и которыя сослужили службу австрійскому правительству. Отнынѣ между польскимъ помѣщикомъ и крестьяниномъ сталъ правительственный чиновникъ, который въ глазахъ крестьянина являлся его защитникомъ. По изданіи указа участились многочисленныя жалобы крестьянъ на помѣщиковъ, предметомъ которыхъ служили размѣръ повинностей и сервитутныя права. „Указъ 1846 г. послужилъ,—какъ говоритъ новѣйшій изслѣдователь,—законной почвой для превращенія крестьянскаго вопроса изъ чисто экономическаго въ соціально-классовый".

4.

Послѣдніе годы режима Паскевича. Вступленіе на престолъ Александра II. Земледѣльческое Общество и крестьянскій вопросъ.

Галицiйская рѣзня и указъ 26-го мая выдвигали крестьянскій вопросъ въ Царствѣ Польскомъ на первый планъ. Въ то время, какъ раньше въ разсужденіяхъ демократическихъ публицистовъ онъ разсматривался подъ угломъ зрѣнія абсолютной справедливости и національной революціи, теперь исходили изъ опасенія соціальнаго переворота, рисовавшагося въ образѣ безпощадной рѣзни шляхты и изъ соображеній практической выгоды. Въ 1847 году безымянный авторъ (Голуховскій) въ брошюрѣ: „О крестьянахъ", изданной въ Лейпцигѣ, исходя изъ интересовъ дворянъ - землевладѣльцевъ, приходитъ къ выводу, что „въ настоящее время крестьяне во что бы то ни стало будутъ добиваться собственности", поэтому единственно только путемъ надѣленія землею въ полную собственность „мы сумѣемъ удовлетворить крестьянъ; ограничиваясь меньшимъ, напримѣръ, эмфитевзисомъ *), мы оставляемъ язву, точащую общество". Тотъ же авторъ въ болѣе обширномъ трудѣ, появившемся въ 1850 году—слѣдовательно, послѣ мартовской революціи въ Галиціи, которая дала галицiйскому крестьянину землю и волю отъ помѣщичьяго гнета—пишетъ: „На что намъ пригодится теперь очиншеваніе? Этотъ ничтожный чиншъ явится для крестьянъ, раздраженныхъ постоянными нашептываніями, лишь несноснымъ бременемъ; поэтому въ нашемъ положеніи я считаю очиншеваніе уже недостаточнымъ средствомъ... Противъ соціальной революціи нѣтъ лучшей защиты, чѣмъ большая масса земельныхъ собственниковъ, ибо послѣдніе меньше всего могутъ отъ нея выиграть, между тѣмъ какъ чиншевики еще имѣютъ интересъ въ томъ, чтобы стать на сторону революціи". Въ этомъ же духѣ писалъ въ 1851 г.

*) Вѣчно-наслѣдственная аренда.

наиболѣе образованный и глубокій знатокъ крестьянскаго вопроса Томашъ Потоцкій.

Реакція, наступившая послѣ іюньскихъ дней 1848 г. и послѣ подавленія венгерскаго возстанія 1849 г., въ которомъ поляки играли такую видную роль (генералы Дембинскій, Бемъ, Высоцкій и др.), отразилась и на дальнѣйшемъ ходѣ событій въ Польшѣ. Централизація Демократическаго Общества была изгнана изъ Франціи, и ей пришлось перебраться въ Лондонъ, въ этотъ центръ международной эмиграціи. Она прозябала здѣсь еще въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, не оказывая однако никакого серьезнаго идейнаго вліянія.

Въ самомъ Царствѣ Польскомъ этотъ періодъ политической реакціи совпалъ съ экономическимъ подъемомъ, который, какъ это не разъ бывало въ Польшѣ, повергалъ общество въ состояніе идейной и политической спячки. Крестьянскій вопросъ, который въ теченіе ближайшихъ 3—4 лѣтъ послѣ галиційской рѣзни оживленно дебатировался въ мѣстной публицистикѣ, въ послѣдніе годы царствованія Николая I не привлекалъ къ себѣ вниманія ни правительства, ни общества.

Цѣны на сельско-хозяйственные продукты, благодаря главнымъ образомъ, паденію въ 1847 г. хлѣбныхъ законовъ въ Англіи, значительно возросли, что̀ послужило сильнымъ стимуломъ къ тому, чтобы оставить старую рутину въ сельскомъ хозяйствѣ. Сельско-хозяйственный прогрессъ, подвигавшійся быстрымъ темпомъ, сопровождался усиленной пролетаризаціей тѣхъ малоземельныхъ (3-ехморговыхъ) крестьянъ, которыхъ законъ 26 мая 1846 г. не бралъ подъ свою защиту. „Земельный аппетитъ“ у помѣщиковъ былъ настолько силенъ, что они не останавливались передъ соблазномъ округлить свои имѣнія десяткомъ-другимъ этихъ 3-ехморговыхъ усадебъ.

Въ 1850 году пала таможенная стѣна, отдѣлявшая Царство Польское отъ Россіи; уничтоженіе таможенной черты между Имперіей и Царствомъ, бывшее въ политическомъ отношеніи лишь дальнѣйшимъ шагомъ къ „органическому сліянію“, послужило толчкомъ къ новому расцвѣту польской промышленности, такъ рѣзко пріостановленной въ своемъ развитіи таможеннымъ тарифомъ 1831 г. Еще раньше, чѣмъ текстильная промышленность, форму крупнаго капиталистическаго производства приняли нѣкоторыя отрасли промышленности, связанныя съ сельскимъ хозяйствомъ—винокуреніе и свеклосахарное производство. Годы 1844—1856 являются эпохой возникновенія и роста капиталистической свеклосахарной промышленности. Въ связи также съ нуждами помѣщичьяго сельскаго хозяйства возникаетъ первая въ Польшѣ паровая фабрика сельско-хозяйственныхъ орудій. Подъ дворянской эгидой и въ интересахъ землевладѣнія учреждается первая компанія пароходства по Вислѣ съ аристократомъ гр. Андреемъ Замойскимъ во главѣ и при главномъ участіи еврейскаго банкира Кроненберга.

Лозунгъ „органическаго труда“, идея, что на всякомъ поприщѣ можно съ пользою служить своему отечеству, стремленіе приложить свои силы и способности къ сельскому хозяйству—вотъ то направленіе, ко-

торое стало охватывать широкія круги польскаго дворянства. Давленіе обрусительнаго и военно-полицейскаго пресса тоже стало уменьшаться. Отношенія между властью и обществомъ были миролюбивыя. Количество административныхъ репрессій и каръ сократилось; Александровская цитадель, съ высотъ которой Николай I грозилъ бомбардировать Варшаву, если она осмѣлится еще разъ возстать, уже давно не отличалась такимъ малолюдствомъ. На такомъ общественно-политическомъ фонѣ среди дворянской молодежи наблюдалась страсть къ кутежамъ, къ прожиганію жизни. Высшіе представители власти въ Царствѣ сочувствовали и содѣйствовали такому направленію умовъ. Во главѣ варшавскихъ кутилъ стоялъ Туркулъ, министръ статсъ-секретарь по дѣламъ Царства Польскаго, который отъ времени до времени наѣзжалъ въ уютную и веселую Варшаву изъ холоднаго и бюрократическаго Петербурга...

Крымская кампанія, смерть Николая I и вскорѣ затѣмъ послѣдовавшая смерть Паскевича, вступленіе на престолъ Александра II и перспектива новой эры коренныхъ преобразованій въ Россіи—вывели, наконецъ, вмѣстѣ съ Имперіей также и Царство Польское изъ состоянія спячки.

Пріѣздъ Александра II въ Варшаву въ маѣ 1856 г. является какъ бы началомъ новаго періода въ политической жизни Царства. Хотя тогда государемъ были произнесены передъ польской депутаціей ставшія знаменитыми слова: „point de rêveries!"—намекъ на мечты о независимости Польши,—хотя въ этой же рѣчи молодой императоръ выражалъ полную свою солидарность со всѣмъ сдѣланнымъ его отцомъ, тѣмъ не менѣе первые шаги новаго царствованія, пожалуй, даже опередили тѣ требованія, объ осуществленіи которыхъ пока „мечтали" дворяне Царства Польскаго. Записка, составленная по порученію представителей послѣднихъ публицистомъ Шедо-Ферроти для врученія государю, заключала слѣдующіе 4 пункта: амнистія для эмигрантовъ, возвращеніе ссыльныхъ изъ Сибири, избираемость мировыхъ судей, возстановленіе польскаго университета.

Адресъ съ этими 4-мя пунктами не дозволено было представить монарху, но какъ бы то ни было скромность заключенныхъ въ немъ требованій свидѣтельствуетъ о томъ, въ сферѣ какихъ „мечтаній" вращалась мысль тѣхъ представителей польскаго общества, къ которымъ Александръ II обратился со своимъ „point des rêveries".

Манифестомъ объ амнистіи, изданнымъ на второй день послѣ рѣчи государя дворянской депутаціи, эмигрантамъ и ссыльнымъ дано было право возвращенія на родину; 4-го іюня 1857 г. былъ утвержденъ уставъ медико-хирургической академіи въ Варшавѣ; наконецъ, указомъ 12/24 ноября 1857 г. утвержденъ былъ уставъ „Земледѣльческаго Общества".

Эти три правительственныхъ акта имѣли громадное значеніе въ дѣлѣ дальнѣйшаго политическаго развитія Царства Польскаго.

Возвращеніе эмигрантовъ *) и „си-

*) По офиціальнымъ даннымъ въ Царство Польское вернулось въ періодъ 1857 — 1860 гг. около 9 тысячъ эмигрантовъ.

бряковъ“ несомнѣнно влило въ жилы погрузившагося въ спячку польскаго общества новую энергію, духъ протеста, накипѣвшей злобы, наконецъ, партійности, вынесенной изъ эмиграціи.—Еще бо́льшую роль сыграла медико-хирургическая академія, сразу привлекшая массу молодежи средняго класса. Академія, считавшаяся зародышемъ польскаго университета, сдѣлалась средоточіемъ революціонно-патріотическаго духа... Въ лицѣ Земледѣльческаго Общества возникла крупная общественная организація, охватившая большую часть польскаго землевладѣльческаго класса, то есть дворянства.

„У насъ“, писали члены комитета Земледѣльческаго Общества въ декабрѣ 1857 г., „сельское хозяйство является основой всего быта страны, оно есть форма и содержаніе, начало и конецъ общественной жизни, и потому Земледѣльческое Общество должно стать объединяющимъ центромъ, который со временемъ вызоветъ могучее движеніе и откроетъ поприще для широкой дѣятельности“. И дѣйствительно, въ первый же годъ своего существованія оно насчитывало 1.450 членовъ, а въ 1860 году число послѣднихъ возросло до 3.473. Общія собранія, происходившія два раза въ годъ, сильно будили политическую и общественную жизнь страны.

Земледѣльческое Общество не могло оставаться въ рамкахъ чисто профессіональныхъ и техническихъ вопросовъ, оно не могло ограничиваться обсужденіемъ вопросовъ объ искусственномъ удобреніи, лѣсоводствѣ, скотоводствѣ и такъ далѣе. Его дѣятельность какъ разъ совпала съ періодомъ подготовки крестьянской реформы въ Россіи, и поневолѣ крестьянскій вопросъ сталъ въ центрѣ вниманія организаціи, которая по своему классовому характеру была кровно заинтересована въ его разрѣшеніи въ ту или другую сторону. Но правительство ничуть не было расположено предоставить Земледѣльческому Обществу широкой компетенціи въ этомъ дѣлѣ. Только въ концѣ 1859 г. оно разрѣшило „обсуждать на засѣданіяхъ и публиковать въ журналѣ Общества воззрѣнія и замѣчанія относительно средствъ, могущихъ содѣйствовать успѣху очиншеванія крестьянъ на установленныхъ правительствомъ основаніяхъ“. Тогдашняя власть Царства Польскаго, во главѣ которой стояли намѣстникъ кн. Горчаковъ и предсѣдатель комиссіи внутреннихъ дѣлъ Мухановъ стояли въ крестьянскомъ вопросѣ на точкѣ зрѣнія консервативной польской шляхты, полагая, что для польскихъ крестьянъ сдѣлано вполнѣ достаточно указомъ 1846 г. и правилами 1858 г., устанавливавшими формальныя предпосылки для добровольнаго очиншеванія.

Въ тотъ моментъ, когда Земледѣльческое Общество попыталось взять въ свои руки разрѣшеніе самаго кардинальнаго вопроса соціальной жизни Царства Польскаго, то есть въ 1859 г., не меньше 70% помѣщичьихъ крестьянъ отбывало барщину и только 30% было переведено на оброкъ. Помѣщики, въ массѣ примкнувшіе къ Земледѣльческому Обществу, вполнѣ сознавали, что барщинный трудъ — плохая основа хозяйства. Вопросъ шелъ не о томъ,

Гр. Дмитрій Алексѣевичъ Милютинъ.

Съ портрета, писаннаго С. Ѳ. Александровскимъ.

(Съ любезнаго разрѣшенія Ю. Н. Милютина въ С.-Петербургѣ

ИСТОРІЯ РОССІИ ВЪ XIX ВѢКѢ" Изданіе Т-ва „Бр. [illegible]

Гр. Дмитрій Алексеевичъ Милютинъ.

Съ портрета, писаннаго С. Ѳ. Александровскимъ.

Съ любезнаго разрѣшенія [illegible] Ю. Д. Милютиной [illegible] С. [illegible]

[illegible]

сохранить или не сохранить барщину, но о томъ, какъ развязаться съ нею къ возможно большей выгодѣ помѣщиковъ.

Въ этомъ отношеніи взгляды тогдашняго польскаго общества не были единодушны. Одни видѣли единственный исходъ изъ положенія въ обязательномъ надѣленіи или, по крайней мѣрѣ, во всеобщемъ „выкупѣ чиншевъ"; другіе не допускали возможности осуществить подобный переворотъ, боялись удовлетворить соціальныя стремленія крестьянской массы и покамѣстъ готовы были ограничиться однимъ только очиншеваніемъ, оставляя для будущаго дѣло проведенія выкупа чиншевъ, но отнюдь не дѣлая этого одновременно, а тѣмъ болѣе—обязательно. Этого послѣдняго взгляда придерживался также гр. Замойскій и съ нимъ вмѣстѣ большинство комитета Земледѣльческаго Общества, состоявшаго изъ наиболѣе видныхъ дѣятелей помѣщичьяго класса.

Это былъ не просто академическій споръ. Тутъ были замѣшаны самые основные экономическіе и политическіе интересы землевладѣльческой шляхты, которая все еще не переставала отожествлять себя съ націей и фактически представляла націю. Послѣ 1846 года состояніе скрытой войны между двумя классами — помѣщиками и крестьянами—все усиливалось. Крестьяне ждали, что земля окончательно перейдетъ въ ихъ полную собственность и притомъ — что было совершенно новымъ соціально-психологическимъ симптомомъ — ждали этого отъ милости и заботливости верховной власти, то есть отъ русскаго царя. Къ моменту возникновенія Земледѣльческаго Общества польскіе помѣщики очутились лицомъ къ лицу съ крестьянствомъ, враждебнымъ не только соціально, но совершенно чуждымъ политически. Крестьяне всего ждали отъ русскаго царя, дворянство — носитель польской національной идеологіи—видѣло въ русской царской власти только выраженіе національнаго гнета и насилія.

Національно-политическія соображенія въ еще большей степени, чѣмъ соціально-экономическія, руководили Земледѣльческимъ Обществомъ въ его попыткахъ всячески содѣйствовать сближенію шляхты съ народомъ. Съ этой цѣлью устраивались конкурсныя выставки по уѣздамъ, крестьяне-экспоненты награждались медалями. Но крестьяне относились съ крайнимъ недовѣріемъ ко всѣмъ этимъ выставкамъ и конкурсамъ, видя въ начинаніяхъ господъ либо пустую забаву, либо затаенныя, вредныя для народа намѣренія.

Тотъ самый національно-политическій факторъ, который заставлялъ искать показного сближенія съ народомъ, подсказывалъ шляхтѣ желательность рѣшенія крестьянскаго вопроса путемъ добровольной сдѣлки, безъ вмѣшательства государственной власти, которая вѣдь была властью русскаго, чуждаго государства. Одинаково относились къ вмѣшательству правительства не только тѣ, кто раздѣлялъ феодально - аристократическія воззрѣнія Замойскаго и политическія идеи эмиграціи крыла Чарторыйскаго; сторонники демократическихъ идей, требовавшіе немедленнаго надѣленія крестьянъ землей, тоже не хотѣли проведенія этой ре-

формы при помощи правительства; они мыслили ее, какъ добровольную жертву со стороны дворянства, какъ великій актъ искупленія и пріобщенія польскаго крестьянства къ единой патріотической семьѣ.

5.

Революціонное движеніе 1861—1864 гг.

1. Манифестаціонное движеніе. Дальнѣйшее развитіе крестьянскаго вопроса. Правительственныя уступки. Организація силъ. Начало возстанія.

Если для землевладѣльческаго класса Царства Польскаго главнымъ вопросомъ того времени былъ крестьянскій, то нельзя того же сказать о другихъ группахъ польскаго общества, о мѣщанствѣ и учащейся молодежи, которая здѣсь, какъ и всюду въ ту эпоху, была носительницей наиболѣе смѣлыхъ, наиболѣе радикальныхъ стремленій. Въ этихъ слояхъ оживленіе, охватившее общество въ концѣ 50-хъ и началѣ 60-хъ годовъ, выразилось въ манифестаціонно-патріотическомъ движеніи.

Внѣшнимъ событіемъ, давшимъ мощный толчокъ патріотической активности упомянутыхъ элементовъ, была борьба итальянцевъ за національную независимость. Подъ вліяніемъ борьбы, происходившей на поляхъ Ломбардіи, подъ вліяніемъ ея успѣховъ ярко зажглась искра патріотическаго энтузіазма въ сердцахъ польской молодежи. Гарибальди сдѣлался для нея національнымъ героемъ, популярность котораго возросла въ еще большей степени, когда прошелъ слухъ объ организаціи международнаго легіона съ генераломъ Мѣрославскимъ во главѣ.

Разсадникомъ радикально-патріотическаго движенія стали три высшія школы въ Варшавѣ: школа изящныхъ искусствъ, маримонтскій агрономическій институтъ и медико-хирургическая академія. Еще раньше того началась организація польской молодежи въ русскихъ университетахъ, гдѣ было сосредоточено нѣсколько тысячъ студентовъ-поляковъ. Но ей покамѣстъ не представлялось широкаго поля для проявленія своей патріотической инціативы. Только Варшава съ ея почти 200-тысячнымъ населеніемъ, съ ея многочисленнымъ мелкимъ мѣщанствомъ, среди котораго весьма живучи традиціи Килинскаго, Варшава—центръ польской культурной жизни—могла сыграть въ этомъ отношеніи надлежащую роль.

Движеніе сразу приняло характеръ патріотическихъ манифестацій съ религіознымъ оттѣнкомъ. Только этотъ послѣдній могъ придать манифестаціямъ массовые размѣры. Историки послѣдняго польскаго возстанія считаютъ обыкновенно первой манифестаціей подобнаго рода похороны вдовы знаменитаго генерала Совинскаго, погибшаго въ 1831 г. при штурмѣ Варшавы.

Эта манифестація имѣла мѣсто въ іюнѣ 1860 г. и была устроена по инціативѣ кружка учениковъ школы изящныхъ искусствъ. Тогда впервые будто былъ пропѣтъ столь знаменитый впослѣдствіи религіозно-патріо-

тическій гимнъ, начинавшійся словами: „Boże coś Polskę"... Манифестаціи, разъ пошли въ ходъ, стали повторяться все чаще и чаще подъ самыми разнообразными предлогами: то годовщины какого-нибудь крупнаго историческаго событія, то годовщины смерти выдающагося поляка и тому под. Эти манифестаціи, излюбленнымъ мѣстомъ которыхъ были костелы и которыя состояли въ томъ, что во время церковной службы публика пѣла патріотическіе гимны — вскорѣ изъ Варшавы перенесены были также и въ провинцію.

Подъ напоромъ повышеннаго патріотическаго настроенія Земледѣльческое Общество, собравшееся на свое обычное зимнее собраніе въ 20-хъ числахъ февраля, призвано было выступить въ новой, политической роли.

Манифестація, давно подготовлявшаяся ко дню 25-го февраля, годовщинѣ Гроховской битвы, намѣревалась использовать это собраніе съ цѣлью поднять моральный авторитетъ манифестаціи. Часть членовъ Земледѣльческаго Общества тоже была увлечена общимъ потокомъ.

Поэтому резолюціи Земледѣльческаго Общества, принятыя въ дни 25-го и 27-го февраля 1861 г., въ дни двухъ поворотныхъ манифестацій, вышли за предѣлы тѣхъ принциповъ, которыхъ до сихъ поръ придерживался комитетъ Общества, руководимый идеологомъ польскаго лэндлордизма, гр. Андреемъ Замойскимъ. Этими резолюціями крестьянской реформѣ данъ былъ рѣшительный толчокъ. Съѣхавшіеся на этотъ разъ въ необычно большомъ числѣ члены Общества (свыше 1.000 человѣкъ) избрали комиссію изъ 9-ти лицъ, которой поручено было составить проектъ „скупа чиншей" на основѣ капитализаціи послѣднихъ изъ 6%. Къ концу марта комиссія окончила свои труды. Изготовленный ею проектъ въ общихъ чертахъ сводился къ тому, что крестьяне, продолжая платить чиншъ въ прежнемъ размѣрѣ, въ то же время въ теченіе 46-ти лѣтъ погашаютъ весь свой долгъ и пріобрѣтаютъ находящуюся въ ихъ пользованіи землю въ полную собственность; проведеніе выкупной кредитной операціи возлагалось на земельное кредитное общество. Принципъ добровольности чиншевыхъ сдѣлокъ былъ сохраненъ въ проектѣ, но въ то же время горячо рекомендовалось повсемѣстно переходить отъ барщины къ оброку.

Этотъ проектъ свидѣтельствуетъ о томъ, что польскій помѣщичій классъ готовъ былъ принести на „алтарь отечества" гораздо большія жертвы, чѣмъ русскіе дворяне, засѣдавшіе въ „губернскихъ комитетахъ по устройству быта крестьянъ". Подобная готовность объясняется господствовавшей манифестаціонно-патріотической атмосферой, которая умѣряла сознаніе исключительно помѣщичьихъ интересовъ.

Но проекту Земледѣльческаго Общества не суждено было войти въ жизнь. Въ потокѣ разразившихся событій погибъ не только проектъ, но исчезло также Земледѣльческое Общество.

Манифестація 25-го февраля, выступившая впервые на улицу, не увѣнчалась тѣмъ успѣхомъ, на который надѣялись ея организаторы. Раньше, чѣмъ манифестирующая толпа

съ національными хоругвями и распятіемъ въ рукахъ, посреди пѣнія гимновъ, успѣла выйти на главную улицу—Краковское предмѣстье, она столкнулась съ эскадрономъ жандармовъ, высланнымъ ей навстрѣчу. Произошло побоище, отъ котораго многіе участники манифестаціи серьезно пострадали.

Польское общество уже давно отвыкло отъ подобныхъ фактовъ. Побоище вызвало общее и грозное своей рѣшительностью негодованіе. Даже губернскіе предводители дворянства, пользовавшіеся полнымъ довѣріемъ правительства, которое ихъ назначало—поддались охватившему всѣхъ негодованію и вышли въ отставку послѣ того, какъ получили отказъ на просьбу освободить арестованныхъ наканунѣ.

27-го февраля разразилась вторая манифестація. На этотъ разъ для разсѣянія манифестантовъ вмѣсто шашекъ и нагаекъ было пущено въ ходъ огнестрѣльное оружіе. На мѣстѣ осталось 5 труповъ и много раненыхъ. Въ числѣ убитыхъ были 2 помѣщика, 2 рабочихъ и 1 ученикъ гимназіи.

Эти первыя жертвы начинавшагося революціоннаго взрыва были, до извѣстной степени, первымъ серьезнымъ сигналомъ къ революціи, явились громовымъ ударомъ, поразившимъ однако не народное движеніе, но авторитетъ правительственной власти. „Передъ выстрѣлами по попамъ и дѣтямъ“ — писалъ впослѣдствіи Герценъ въ „Быломъ и Думахъ“, вспоминая о роковыхъ 5-ти жертвахъ—„по распятіямъ и дамамъ, передъ выстрѣлами по гимнамъ и молитвамъ, замолкли всѣ вопросы, стерлись всѣ различія. Со слезами и плачемъ написалъ я тогда рядъ статей, глубоко тронувшихъ поляковъ“. Не одинъ Герценъ такъ чувствовалъ. Многіе офицеры варшавскаго гарнизона открыто высказывали сочувствіе свое полякамъ, а одинъ изъ нихъ, баронъ Корфъ, въ порывѣ негодованія и чувства позора за русскую армію тутъ же передъ фронтомъ пустилъ себѣ пулю въ лобъ.

Катастрофа 27-го февраля явилась поворотнымъ пунктомъ въ политикѣ правительства по отношенію къ Царству Польскому. Грозныя телеграммы Александра II изъ Петербурга, въ которыхъ государь требовалъ бомбардировки города и заявлялъ, что онъ никакихъ уступокъ допускать не намѣренъ — не могли оказывать рѣшающаго вліянія на образъ дѣйствій мѣстной власти.

Похороны пяти жертвъ, устроенныя 2-го марта въ Варшавѣ, были самой внушительной патріотической демонстраціей. Тутъ впервые проявилась игравшая въ дальнѣйшемъ ходѣ движенія большую роль идея „братства“ съ евреями, одинъ изъ характерныхъ моментовъ той „моральной революціи“, которая предшествовала революціи съ оружіемъ въ рукахъ. Еврейское населеніе съ своимъ духовенствомъ во главѣ, принимающее участіе въ похоронахъ католиковъ—это было новое, непривычное для Варшавы зрѣлище!

Похороны были уступкой, вынужденной у намѣстника кн. Горчакова такъ называемой Делегаціей, организаціей, возникшей въ день 27-го февраля. Делегація изъ 12 лицъ, представлявшихъ различные разряды городского населенія, вы-

ступала отчасти въ противовѣсъ Земледѣльческому Обществу, какъ организація буржуазнаго характера, между тѣмъ какъ послѣднее было шляхетско-помѣщичьей. Она сыграла крупную роль. Въ теченіе 40 дней Делегація была собственно единственной властью въ Варшавѣ, превратившись изъ временной для устройства похоронъ организаціи въ постоянное учрежденіе, въ городское представительство. Она между прочимъ сорганизовала стражу безопасности (муниципальную гвардію) изъ городскихъ обывателей, достигавшую цифры въ 2.000 человѣкъ.

Комитетъ Земледѣльческаго Общества тоже вынужденъ былъ выйти изъ рамокъ „агрономіи" и выступить въ роли представителя націи. Снова въ его средѣ воскресла мысль о подачѣ адреса монарху, какъ единственнаго способа открыто высказать требованія народа. Въ данномъ случаѣ боролись между собою двѣ тенденціи: революціонная и реально-политическая. Въ то время, какъ сторонники послѣдней смотрѣли на адресъ, какъ на законный способъ выраженія конкретныхъ и немедленно осуществимыхъ требованій, для представителей первой адресъ служилъ извѣстнаго рода патріотической манифестаціей и потому онъ никакихъ „опредѣленныхъ" требованій не долженъ былъ содержать. Адресъ, составленный въ такомъ „неопредѣленномъ" духѣ и снабженный 127 подписями самыхъ видныхъ гражданъ, представленъ былъ кн. Горчакову съ просьбой отослать его въ Петербургъ. Этимъ дѣло не ограничилось. Списки адреса распространялись въ Варшавѣ и въ провинціи, такъ что въ короткое время нѣсколько десятковъ тысячъ подписей покрыло адресъ.

Подъ вліяніемъ всѣхъ указанныхъ событій заволновались также и крестьяне; въ ихъ средѣ возникли толки, будто господа съѣхались въ Варшавѣ, чтобы воспрепятствовать очиншеванію, и это явилось причиной катастрофы 27-го февраля. Подобныхъ толковъ, идущихъ въ разрѣзъ съ политическимъ настроеніемъ высшихъ и среднихъ слоевъ польскаго общества, не была въ состояніи разсѣять даже агитація духовенства, поучавшаго народъ, что именно шляхта, а не правительство рѣшило надѣлить крестьянъ землею. Земледѣльческое Общество съ этой цѣлью тоже обратилось съ воззваніемъ къ народу, въ которомъ излагались постановленія февральскаго собранія.

Обращеніе Земледѣльческаго Общества къ народу было лишь отвѣтомъ на циркуляръ, разосланный 17-го марта всѣмъ губернаторамъ предсѣдателемъ комиссіи внутреннихъ дѣлъ Мухановымъ. Циркуляръ призывалъ крестьянъ „задерживать и доставлять въ руки ближайшихъ властей каждаго являющагося къ нимъ съ цѣлью подстрекать къ бунту". Циркуляръ, очевидно, былъ направленъ противъ помѣщиковъ и по своему содержанію являлся актомъ правительственной демагогіи, который при господствовавшемъ тогда настроеніи крестьянъ, могъ легко привести къ серьезнымъ послѣдствіямъ. Вотъ почему онъ вызвалъ настолько сильный взрывъ всеобщаго негодованія, что 5 дней спустя по изданіи своего циркуляра его авторъ, Мухановъ, по-

лучилъ отставку отъ всѣхъ занимаемыхъ должностей.

Петербургское правительство, переживавшее медовый мѣсяцъ либеральной эры, рѣшило успокоить поляковъ реформами, которыя явились бы отвѣтомъ на адресъ. Реформы, дарованныя указомъ 26-го марта, въ главныхъ чертахъ состояли въ учрежденіи комиссіи исповѣданій и просвѣщенія, въ установленіи выборныхъ губернскихъ, уѣздныхъ и муниципальныхъ совѣтовъ.

На постъ главнаго директора вновь учреждаемой комиссіи былъ назначенъ полякъ—маркизъ Александръ Вѣлёпольскій.

Маркизъ Вѣлёпольскій, владѣлецъ крупнаго маіората, потомокъ стараго рода, одинъ изъ немногихъ тогдашнихъ поляковъ, который имѣлъ опредѣленную политическую программу, сводившуюся къ нѣсколькимъ основнымъ положеніямъ: административная автономія Царства Польскаго, подъемъ народнаго образованія, учрежденіе университета, обязательное очиншеваніе крестьянъ и гражданское равноправіе евреевъ. Несмотря на свои 60 лѣтъ онъ чувствовалъ въ себѣ достаточно энергіи, чтобы приняться за осуществленіе хотя бы части этой программы. Подъ его вліяніемъ князь Горчаковъ настаивалъ на учрежденіи комиссіи исповѣданій и просвѣщенія, во главѣ которой онъ просилъ поставить маркиза, этого „l'homme d'état par excellence", какъ выражался о немъ намѣстникъ.

Назначеніе послѣ мракобѣса и поляконенавистника Муханова руководителемъ школьнаго дѣла въ Польшѣ—просвѣщеннаго и глубоко образованнаго поляка было дѣйствительно серьезной уступкой, которой правительство думало успокоить молодежь и духовенство. Остальныя реформы, обѣщанныя въ указѣ 26-го марта, оставались пока мертвой буквой.

Но реформами, какъ дѣйствительно осуществленными, такъ и лишь обѣщанными, нельзя было умиротворить польскаго общества, разъ военнополицейская система управленія продолжала существовать въ прежнемъ видѣ. Даже самъ Вѣлёпольскій, призванный къ роли примирителя между поляками и русскимъ правительствомъ, явился иниціаторомъ двухъ правительственныхъ актовъ, которые сразу заставили забыть о „новомъ курсѣ" и углубили пропасть между нимъ, Вѣлёпольскимъ, съ одной стороны, и патріотическими элементами, съ другой. Такими актами были упраздненіе Делегаціи вмѣстѣ съ муниципальной гвардіей и закрытіе Земледѣльческаго Общества, послѣдовавшее 6-го апрѣля 1861 г. Закрытіе Земледѣльческаго Общества вызвало сочувственную манифестацію со стороны населенія, которая окончилась весьма печально: на этотъ разъ насчитывались уже свыше сотни жертвъ военной расправы съ манифестантами.

Система Вѣлёпольскаго, игравшаго при кн. Горчаковѣ роль полу-диктатора, состояла въ томъ, чтобы, ни въ чемъ не уступая натиску „улицы", продолжать осуществленіе намѣченныхъ реформъ. По его иниціативѣ и при его ближайшемъ содѣйствіи изданъ былъ 16 мая указъ „объ окупѣ панщизны"; въ силу этого послѣдняго съ 1-го октября 1861 г.

барщина повсюду упразднялась и замѣнялась законнымъ „окупомъ“, то есть оброкомъ, въ основу котораго была положена не цѣнность земли, а цѣнность барщины.—Вѣлёпольскій принималъ также самое энергичное участіе въ разработкѣ другихъ законопроектовъ, предусмотрѣнныхъ указомъ 26-го марта. Наконецъ, въ іюнѣ всѣ эти законопроекты — о государственномъ совѣтѣ, о выборахъ, о городскихъ, уѣздныхъ и губернскихъ совѣтахъ — были опубликованы въ видѣ высочайшихъ указовъ.

Реформаторская работа правительства мало отражалась на настроеніи польскаго общества. Революціонное броженіе росло. Послѣ 8-го апрѣля масса молодежи разъѣхалась по провинціи, такъ что вскорѣ и тамъ образовались свои мелкіе очаги революціонно-патріотическаго движенія. Вошли повсюду въ обиходъ такъ называемыя молебствія за благоденствіе отчизны. Не было дня, чтобы, по крайней мѣрѣ, въ одномъ изъ многочисленныхъ костеловъ не совершалось по заказу то группы подмастерьевъ, то учащихся, то чиновниковъ молебствія за благоденствіе отчизны.

Крутыя, чисто военныя мѣры новаго временнаго намѣстника, генерала Сухозанета, не могли остановить этого религіозно-патріотическаго движенія. Несмотря на участившіеся аресты, на грозившій манифестантамъ военный судъ—ношеніе траура, панихиды, патріотическія молебствія и тому подобныя манифестаціи не прекращались.

Однако въ теченіе 4—5 мѣсяцевъ послѣ 8-го апрѣля никакого крупнаго выступленія не произошло. Замѣнившій Сухозанета графъ Ламбертъ рѣшилъ держаться болѣе миролюбивой политики, чѣмъ его предшественникъ. Онъ до поры до времени старался избѣжать рѣзкихъ столкновеній, и поэтому возобновившіяся съ его пріѣздомъ въ Варшаву манифестаціи, даже и болѣе широкаго масштаба, какъ напримѣръ, съѣздъ въ мѣстечкѣ Городло для демонстрированія единства „Короны, Литвы и Руси“, не встрѣтили съ его стороны рѣшительнаго отпора. Его намѣреніемъ было создать нѣчто въ родѣ правительственной партіи, на которую онъ могъ бы опереться въ своей борьбѣ съ революціей. Благодаря новымъ учрежденіямъ, особенно муниципальнымъ совѣтамъ, онъ надѣялся вовлечь въ кругъ реформаторской политики правительства тѣ слои населенія, которые указъ призываетъ къ участію въ выборахъ.

Но соблюсти послѣдовательность въ этомъ направленіи ему не удалось. На 15-ое октября возвѣщена была „партіей движенія“ манифестація въ костелахъ въ память Костюшки. Выборы къ тому времени уже кончились, и правительство рѣшило больше не терпѣть революціи. Войско окружило храмы, наполненные молящимися, и простоявъ на улицѣ въ ожиданіи выхода публики до глубокой ночи, ворвалось по приказу варшавскаго военнаго генералъ-губернатора Герштенцвейга во внутрь костеловъ. Было задержано около 2.000 человѣкъ.

Этотъ актъ насилія, соединенный съ оскверненіемъ католическихъ храмовъ, толкнулъ польское духовенство въ объятія революціи. Оно рѣшило прибѣгнуть къ крайнему сред-

ству—къ закрытію костеловъ, мотивируя это рѣшеніе каноническими правилами.

Вторымъ послѣдствіемъ драматической ночи 15-го октября были назначеніе новаго намѣстника—генерала Лидерса—и выходъ въ отставку маркиза Вѣлёпольскаго, который не хотѣлъ оставаться на своемъ посту при наличности военнаго положенія въ краѣ. Но онъ не сошелъ съ политической сцены. Александръ II вытребовалъ его въ Петербургъ, такъ какъ хотѣлъ отъ него лично выслушать объясненія по поводу неблагопріятныхъ о немъ отзывовъ генерала Сухозанета, во второй разъ явившагося въ Варшаву въ качествѣ замѣстителя будущаго намѣстника...

Манифестація 15-го октября была послѣднимъ массовымъ выступленіемъ чисто демонстративнаго характера. Національное движеніе съ тѣхъ поръ рѣдко уже проявляется наружу въ томъ видѣ, какъ это имѣло мѣсто въ теченіе 1861 г.

Начинается періодъ организаціи силъ для будущаго возстанія; моментъ вооруженнаго взрыва еще не предвидится, онъ пока теряется еще въ дали будущаго, но мысль о неизбѣжной вооруженной борьбѣ, мысль, что одной „моральной революціей“ независимой Польши въ костелахъ не вымолишь, окончательно зрѣетъ въ умахъ. Чувствовалась потребность въ созданіи широкой, но вмѣстѣ съ тѣмъ конспиративной организаціи и въ установленіи руководящей власти. Все движеніе 1861 г. носило въ общемъ стихійный характеръ. Всѣмъ заправлялъ кружокъ лицъ, ни передъ кѣмъ не отвѣтственныхъ. Никакой организаціи не было. Только въ теченіе первыхъ мѣсяцевъ 1862 г. она стала кристаллизоваться. Въ основу ея были положены *десятки*, на которые дѣлилась вся масса, охваченная движеніемъ; во главѣ же сталъ „главный комитетъ“, превратившійся въ іюнѣ 1862 г. въ „Центральный Народный Комитетъ“. Эта организація вербовала своихъ членовъ въ демократической части населенія: среди мелкаго мѣщанства, низшихъ и среднихъ слоевъ чиновничества, учащейся молодежи и средней шляхты.

Рядомъ съ этой „красной“ организаціей возникла и „бѣлая“, состоявшая главнымъ образомъ изъ членовъ бывшаго Земледѣльческаго Общества и имѣвшая во главѣ своей „Дирекцію Обывательскую“, или, какъ ее называла противная сторона—„шляхетскій комитетъ“.

Какъ „красный“, такъ и „бѣлый“ комитеты выставляли на своемъ знамени „Польшу въ границахъ 1771 г.“ Но въ то время, какъ первый рѣшилъ съ этой цѣлью подготовить страну къ возстанію и никакого компромисса съ правительствомъ не допускалъ, второй во что бы то ни стало желалъ избѣжать возстанія, смутно надѣясь на другіе пути.

Власть надъ умами пріобрѣла „красная“ организація, которая съ іюля 1862 г. стала тайно выпускать свой офиціальный печатный органъ „Ruch“ („Движеніе“). Она была тѣсно связана съ Обществомъ польской молодежи въ Парижѣ, а черезъ него—съ военной школой, возникшей въ Генуѣ для подготовки офицеровъ будущаго возстанія. „Красный“ комитетъ организовалъ также правиль-

ный сборъ „національной подати“.

Между тѣмъ въ Царствѣ Польскомъ произошли крупныя перемѣны. Вѣсти, приходившія въ Петербургъ о ростѣ и вліяніи революціонной организаціи, о проникновеніи революціонныхъ идей даже въ среду войска, расположеннаго въ Варшавѣ*), заставили государя и петербургское правительство склониться къ доводамъ Вѣлёпольскаго, что только рѣшительныя перемѣны въ администраціи края приведутъ къ его успокоенію. Шестимѣсячныя старанія маркиза въ Петербургѣ увѣнчались полнымъ успѣхомъ: 27-го мая с. ст. на постъ намѣстника въ Царствѣ Польскомъ назначенъ былъ братъ императора вел. кн. Константинъ Николаевичъ, а Вѣлёпольскій — начальникомъ гражданскаго управленія. Одновременно съ этимъ были утверждены государемъ три весьма важныхъ законодательныхъ акта: объ обязательномъ очиншеваніи, о равноправіи евреевъ и положеніе о народномъ образованіи въ Царствѣ Польскомъ.

Программа Вѣлёпольскаго получила свое осуществленіе, но она не удовлетворяла не только „красныхъ“, но и „бѣлыхъ“, которые требовали не административной, а политической автономіи, при непремѣнномъ условіи возсоединенія съ Литвой.

Вел. князь Константинъ Николаевичъ, прибывшій въ Польшу съ самыми широкими полномочіями, почти съ такими же, съ какими лѣтъ 47 тому назадъ прибывалъ его дядя, Константинъ Павловичъ, надѣялся на то, что ему удастся привлечь къ себѣ наиболѣе вліятельную часть шляхты и создать такимъ образомъ почву для своего управленія краемъ. И въ то время, какъ „бѣлые“ въ виду происшедшихъ перемѣнъ стали колебаться въ своей тактикѣ, болѣе крайніе элементы „красныхъ“, стремясь къ немедленному и неотвратимому разрыву, рѣшили прибѣгнуть къ террору. Въ самый день пріѣзда новаго намѣстника на него было сдѣлано покушеніе портнымъ Ярошинскимъ, такія же покушенія были устроены два раза на Вѣлёпольскаго молодыми литографами—Рылемъ и Ржонцой. Намѣстникъ и начальникъ гражданскаго управленія остались невредимыми. Всѣ трое покушавшихся были казнены въ августѣ 1862 г.

Вступленіе „крайнихъ“ на путь террора явилось для новаго польскаго правительства лишнимъ шансомъ въ дѣлѣ привлеченія на свою сторону „бѣлыхъ“ элементовъ, которые ничуть не таили своего рѣзко протестующаго отношенія къ террористическимъ актамъ. Въ этомъ духѣ и было составлено обращеніе вел. князя къ полякамъ, призывавшее ихъ къ совмѣстной съ нимъ работѣ „надъ благомъ Польши“. Но „бѣлая“ шляхта не оправдала этихъ надеждъ. Въ адресѣ, поднесенномъ своему „вождю“ гр. Андрею Замойскому, но предназначенномъ въ сущности для правительства—польское дворянство слѣдующимъ образомъ высказывало свое

*) Въ апрѣлѣ были арестованы въ Варшавѣ 4 офицера „за допущеніе солдатъ къ бунту“, какъ сказано въ телеграммѣ намѣстника Лидерса. Черезъ 2 мѣсяца трое изъ нихъ были казнены по приговору военнаго суда.

profession de foi: „Мы не устраняемся отъ участія во вновь дарованныхъ намъ учрежденіяхъ, но мы обязаны заявить, что средствами, до сихъ поръ употреблявшимися, страна доведена до такого состоянія, при которомъ ни военная сила, ни военные суды, ни страхъ передъ тюрьмой, ссылкой и даже смертной казнью не смогутъ ея успокоить, а, наоборотъ, вызываютъ крайнее раздраженіе и толкаютъ на путь, все болѣе и болѣе пагубный, какъ для управляющихъ, такъ и управляемыхъ. Мы же, какъ поляки, только тогда будемъ въ состояніи поддерживать правительство довѣріемъ, когда это правительство будетъ нашимъ польскимъ и когда основнымъ закономъ при наличности свободныхъ учрежденій будутъ объединены всѣ провинціи, составляющія наше отечество... въ границахъ, начертанныхъ для него Богомъ и унаслѣдованныхъ исторической традиціей".

Вслѣдъ за дворянствомъ Царства Польскаго отозвалось въ этомъ же духѣ польское дворянство Подольской и Минской губерній, также примыкавшее къ „бѣлой дирекціи". Результатомъ всѣхъ этихъ офиціальныхъ заявленій шляхты была высылка гр. Андрея Замойскаго за границу и ссылка предводителей подольскаго дворянства во внутреннія губерніи.

Чтобы покончить однимъ взмахомъ съ революціоннымъ движеніемъ, маркизъ Вѣлёпольскій рѣшился прибѣгнуть къ крайнему средству — къ объявленію рекрутскаго набора, спеціально касавшагося городской ремесленной молодежи, наиболѣе причастной къ революціонной организаціи; крестьянъ, дворовой челяди и землевладѣльцевъ наборъ не долженъ былъ коснуться. Въ тайномъ циркулярѣ Совѣта Управленія прямо указывалось, что главная задача этого набора „избавиться отъ нѣкоторой части населенія, которая своимъ поведеніемъ содѣйствуетъ нарушенію общественнаго спокойствія". Рекрутскій наборъ вообще былъ противозаконнымъ, такъ какъ указомъ 15-го марта 1859 г. этотъ институтъ былъ уничтоженъ, но въ данномъ случаѣ онъ превращался въ настоящую проскрипцію.

Указъ о наборѣ былъ послѣдней каплей, переполнившей чашу. Возстаніе становилось, благодаря ему, вопросомъ дня въ особенности въ глазахъ всей той молодежи, которая имѣла основаніе думать, что она попадетъ въ проскрипціонные списки. Передъ Центральнымъ Комитетомъ задача подготовки возстанія стала во весь ростъ. Большинство его членовъ отдавало себѣ довольно ясный отчетъ въ трудности этой задачи, но напиравшіе на него низы организаціи заставляли его предпринять нѣкоторые шаги въ этомъ направленіи.

Однимъ изъ факторовъ, содѣйствовавшихъ ускоренію польскаго возстанія, были надежды на русскую революцію. Въ Польшѣ сильно преувеличивали вліяніе герценовской пропаганды и значеніе тѣхъ симпатій, которыя на страницахъ „Колокола" высказывались національнымъ польскимъ стремленіямъ. Тогда полагали въ Польшѣ, что общество „Земля и Воля" представляетъ собою внушительную силу. Когда въ сентябрѣ 1862 г. представители Центральнаго

Комитета со спеціальной миссіей отправились къ Герцену, послѣдній пытался ихъ разочаровать, сказавъ имъ: „Организаци, которой бы мы сказали—иди направо или налѣво, нѣтъ!“ Но тѣмъ не менѣе руководители возстанія считали привлеченіе на свою сторону либеральнаго и демократическаго общественнаго мнѣнія Россіи настолько важнымъ, что въ октябрьскомъ номерѣ „Колокола“ появился, такъ сказать, офиціальный манифестъ, озаглавленный: *Отъ Центральнаго Народнаго Польскаго Комитета въ Варшавѣ гг. издателямъ «Колокола»*. „Основная мысль, съ которой Польша возстаетъ теперь, — сказано было въ этомъ манифестѣ,— совершенно признаетъ право крестьянъ на землю, обрабатываемую ими, и полную самоправность всякаго народа располагать своей судьбой“. Какъ смотрѣли редакторы „Колокола“ на возстаніе, свидѣтельствуютъ письма Огарева и Бакунина къ офицерамъ, служившимъ въ Польшѣ. Бакунинъ предвидитъ, что „пораженіе партіи движенія въ Польшѣ будетъ имѣть непремѣннымъ послѣдствіемъ временное торжество царскаго деспотизма въ Россіи“; Огаревъ же опасается, что теперешнее преждевременное возстаніе приведетъ къ гибели Польши, а „русское дѣло надолго потонетъ въ чувствѣ народной ненависти“. Но въ то же время оба признаютъ, что русскіе офицеры не могутъ, не должны „оставить Польшу на побіеніе“.

7-го іюня 1862 г. русскій офицеръ А. А. Потебня писалъ изъ Варшавы Герцену отъ имени многихъ офицероръ, что войско готово драться со своими, если бы они вздумали итти противъ поляковъ. Это былъ, конечно, только благородный самообманъ. Въ началѣ декабря образовавшійся въ Польшѣ офицерскій комитетъ выпустилъ воззваніе къ офицерамъ русской арміи, въ которомъ они заявляютъ: „Событія каждый день все болѣе приближаютъ тотъ моментъ, когда мы будемъ вынуждены либо стать въ роли палачей Польши, либо вмѣстѣ съ нею возстать; мы не хотимъ быть палачами“.

Центральный Комитетъ, слѣдуя совѣту авторитетовъ военнаго дѣла, постановилъ отсрочить возстаніе до весны, такъ какъ зима—неподходящее время года для партизанскихъ дѣйствій; рѣшеніе избѣжать немедленнаго взрыва сдѣлалось тѣмъ болѣе непоколебимымъ, что транспортъ 5.000 ружей, закупленныхъ по порученію Ц. К. за границей, попалъ въ руки прусской пограничной стражи.

Что касается „бѣлыхъ“ элементовъ, то они были безусловными противниками возстанія. Ихъ пугали соціальное знамя, выставленное Центральнымъ Комитетомъ, связь съ европейской и русской революціей, имя Мѣрославскаго, котораго прочили въ диктаторы возстанія.

Возстаніе не только для нихъ, но и для самого Центральнаго Комитета явилось неожиданностью. Въ виду тревожныхъ слуховъ о наборѣ, ремесленная молодежь массами стала уходить въ лѣса, такъ что, когда 15-го января 1863 г. дѣйствительно былъ объявленъ наборъ, то большинство занесенныхъ въ проскрипціонные списки не оказалось на лицо.

На второй день послѣ этого ночного нападенія полиціи и войска на квартиры городскихъ обывателей,

вооруженное возстаніе стало фактомъ. Тысячамъ молодежи, собравшейся въ лѣсахъ, оставалось либо возвращаться домой и отдаться добровольно въ руки русскаго правительства, либо начать неравную борьбу. Она предпочла избрать послѣднее. 16-го Комитетъ выпустилъ воззваніе, объявлявшее страну въ состояніи инсуррекціи, но не опредѣлявшее еще момента всеобщаго взрыва. 17-го Комитетъ получилъ изъ провинціи отъ мѣстныхъ комиссаровъ ультиматумъ, что, если возстаніе не будетъ объявлено, оно вспыхнетъ стихійно въ разныхъ пунктахъ страны. Тогда только Комитетъ рѣшился назначить ночь съ 22-го на 23-ье января, какъ начало вооруженнаго возстанія на всей территоріи Царства Польскаго.

2. Вооруженное возстаніе 1863 г.

Въ моментъ взрыва возстанія русская армія въ Царствѣ Польскомъ достигала по штату цифры 85 тысячъ человѣкъ всѣхъ родовъ оружія. Но, по всей вѣроятности, численность войска была меньше, чѣмъ это значилось на бумагѣ. Какъ бы то ни было, она была вполнѣ достаточна для быстраго подавленія начавшагося возстанія, сильнаго лишь молодымъ энтузіазмомъ. Казалось, что не пройдетъ и двухъ недѣль, какъ начатая при столь неблагопріятныхъ условіяхъ борьба кончится. Въ этомъ были увѣрены не только „бѣлые", которые утѣшали себя тѣмъ, что немногочисленными жертвами будетъ, по крайней мѣрѣ, куплено отрезвленіе безумной молодежи, но даже Центральный Комитетъ, знавшій слабость военной подготовки возставшихъ.

Между тѣмъ возстаніе длилось почти $1^1/_2$ года. Помимо другихъ причинъ, продолжительность возстанія вызывалась самымъ характеромъ борьбы. Возстаніе 1863 г. отнюдь не похоже съ военно-технической точки зрѣнія на революціонныя возстанія, извѣстныя исторіи XIX вѣка. Здѣсь не было ничего подобнаго тому, что происходило въ 1848 г. во Франціи, Германіи или Австріи. Возстаніе 1863 г. разыгрывалось внѣ городской черты, оно не видѣло баррикадныхъ битвъ на улицахъ городовъ. Ни въ Варшавѣ, ни въ одномъ изъ болѣе или менѣе значительныхъ городовъ Царства Польскаго, Литвы и Руси не происходило сраженія съ войскомъ.

По вычисленію Гиллера въ теченіе 18-тимѣсячной борьбы произошло около тысячи битвъ и схватокъ на территоріи между Просной и Днѣпромъ. Большая часть ихъ имѣла мѣсто въ лѣсахъ, въ то время еще занимавшихъ громадныя пространства Царства Польскаго и Литвы.

Возстаніе въ теченіе первыхъ 3-хъ мѣсяцевъ не выходило за предѣлы Царства Польскаго, только впослѣдствіи оно перекинулось въ Литву, Бѣлоруссію и Юго-западный край. Но какъ въ Ковенской, такъ и въ Волынской губерніи возстаніе продолжалось весьма недолго. Уже къ концу мая 1863 г. въ Литвѣ и Украйнѣ возстанія больше не было. Такимъ образомъ во второй половинѣ 1863 г. единственной его территоріей опять было Царство Поль-

ское, точнѣе говоря, южная часть послѣдняго: воеводства Сандомірское, Краковское и Люблинское. Здѣсь оно пережило весь 1863 годъ и затянулось на 1864 г.

Возстаніе началось одновременнымъ нападеніемъ въ 15 или 16 пунктахъ небольшихъ отрядовъ на мѣстныя войсковыя команды. За исключеніемъ одного болѣе значительнаго города, Плоцка, всѣ упомянутыя нападенія произошли въ маленькихъ мѣстечкахъ. Въ русской офиціальной печати они были названы Варѳоломеевской ночью; нужно однако сказать, что потери повстанцевъ въ этомъ дѣлѣ значительно превосходили потери на сторонѣ войска.

Мало-по-малу повстанческіе отряды стали концентрироваться. Раньше, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, крупные повстанческіе отряды образовались въ воеводствахъ Подляскомъ (Сѣдлецкая губ.) и Сандомірскомъ (Радомская губ.). Первый серьезный бой, въ которомъ на сторонѣ повстанцевъ сражалось около 5.000 человѣкъ, произошелъ 6-го февраля новаго стиля на границѣ Сѣдлецкой и Гродненской губерніи подъ мѣстечкомъ Семятичи. Спустя 18 дней, 24-го февраля на югѣ Царства, въ Сандомірскомъ воеводствѣ произошла еще болѣе крупная битва, подъ Малогощемъ. Здѣсь главнымъ военнымъ начальникомъ двухъ воеводствъ — Сандомірскаго и Краковскаго (Кѣлецкая г.) — временное народное правительство назначило Лянгевича, бывшаго преподавателя въ военной генуэзской школѣ. Подъ его начальствомъ сосредоточилось нѣсколько отрядовъ, дѣйствовавшихъ до сихъ поръ разрозненно. Лянгевичъ, какъ образованный офицеръ, сумѣлъ поставить свое войско на чисто военную почву, завелъ строгую дисциплину, устроилъ генеральный штабъ, словомъ, пытался подготовить нѣчто въ родѣ регулярной арміи. Подъ Малогощемъ, какъ сообщаетъ Бергъ, подъ начальствомъ Лянгевича находилось отъ 7 до 8 тысячъ человѣкъ.

На правомъ берегу Вислы, въ Плоцкой губ., большой соединенный отрядъ въ 2.000 человѣкъ собрался подъ начальствомъ Падлевскаго, бывшаго русскаго гвардейскаго офицера и наиболѣе вліятельнаго члена Центральнаго Комитета въ послѣдніе 2—3 мѣсяца, предшествовавшіе возстанію. Борьба въ Плоцкомъ воеводствѣ была труднѣе въ томъ отношеніи, что здѣсь не было, какъ на югѣ, удобной границы, за которой въ любой моментъ можно было укрыться. Дѣйствія крупныхъ повстанческихъ отрядовъ продолжались въ Плоцкой губ. почти до августа. Падлевскій еще задолго до этого, 2-го мая, былъ разстрѣлянъ по приговору военно-полевого суда.

Послѣ этого, какъ мы уже сказали, возстаніе сконцентрировалось главнымъ образомъ въ южныхъ воеводствахъ. Въ Люблинскомъ воеводствѣ дѣйствовалъ бывшій офицеръ генеральнаго штаба Гейденрейхъ, въ возстаніи извѣстный подъ именемъ ген. Крука; въ Сандомірскомъ и Краковскомъ — бывшій полковникъ лейбъ-гвардіи гусарскаго полка графъ Гауке, повстанческій псевдонимъ котораго былъ — генералъ Босакъ. Въ теченіе цѣлыхъ шести мѣсяцевъ, съ половины августа 1863 г. до фе-

враля 1864 г., все военное бремя возстанія выносили на своихъ плечахъ отряды генерала Босака, такъ какъ въ остальныхъ частямъ Польши вооруженная борьба къ тому времени уже совсѣмъ прекратилась. Послѣ крупнаго пораженія подъ мѣстечкомъ Опатовомъ 23-го февраля 1864 г. генералъ Босакъ, послѣдній „генералъ“ возстанія тоже исчезаетъ со сцены. Еще кое-гдѣ вспыхиваютъ и быстро угасаютъ искры возстанія въ видѣ мелкихъ стычекъ, продолжавшихся вплоть до апрѣля, но онѣ уже не имѣли никакого значенія...

Въ возстаніи 1863 г. въ числѣ его начальниковъ мы видимъ не мало бывшихъ офицеровъ русской арміи. Босакъ-Гауке, Крукъ-Гейденрейхъ, Топоръ-Звѣрждовскій, Падлевскій, Хмѣленскій, Сѣраковскій, Ружицкій и многіе другіе менѣе извѣстные начальники повстанческихъ отрядовъ незадолго до взрыва находились на русской службѣ, которую они стали покидать, слѣдуя голосу патріотизма и призыву національнаго правительства. Не только офицера-поляки, но и русскіе кое-гдѣ участвовали въ возстаніи; изъ русскихъ офицеровъ Потебня, другъ Герцена, погибъ въ одномъ сраженіи. Отмѣтимъ, что не мало было также французскихъ и австрійскихъ офицеровъ, объ отправкѣ которыхъ на поле военныхъ дѣйствій заботились комитеты парижскій и галиційскій, поставившіе своей задачей снабжать возстаніе обученными офицерами и оружіемъ.

Масса повстанцевъ рекрутировалась изъ различныхъ слоевъ населенія, смотря по мѣсту дѣйствія. Въ Царствѣ Польскомъ ремесленная мѣщанская молодежь, бѣжавшая отъ „подтасованнаго“ набора, дала главныхъ борцовъ возстанію; въ Кѣлецкой губерніи рабочіе и служащіе тамошнихъ горныхъ заводовъ составили ту „банду“, которая въ ночь съ 22 на 23 января начала возстаніе. Польская учащаяся молодежь высшихъ учебныхъ заведеній, какъ Царства Польскаго, такъ и Россіи— вся почти пошла въ возстаніе.

Нѣсколько сотъ человѣкъ пулавяковъ, то есть студентовъ политехническаго института въ Пулавахъ (теперь—Новая Александрія) подъ предводительствомъ 19-лѣтняго Леона Франковскаго атаковали 22 января м. Казиміржъ Люблинской губ. Шляхта, въ особенности мелкопомѣстная, также наполняла ряды повстанческой арміи. Численно первенствующее въ Польшѣ сословіе, крестьянство, дало ничтожное количество участниковъ. Однако тенденціознымъ искаженіемъ исторической правды является утвержденіе, что *польское* крестьянство относилось враждебно къ возстанію. Его отношеніе правильнѣе всего можно было бы характеризовать, какъ пассивное сочувствіе. Рѣчь идетъ о томъ слоѣ крестьянства, который ведетъ самостоятельное хозяйство; крестьяне, бывшіе на службѣ въ помѣщичьихъ усадьбахъ, дворовая челядь—участвовали по большей части какъ рядовые въ „бандахъ“, формируемыхъ ихъ господами.

Современники, какъ „красные“, такъ и „бѣлые“, первые съ чувствомъ удовлетворенія, вторые полупрезрительно характеризовали возстаніе, какъ *мѣщанское*. Если имѣть въ виду преобладающій элементъ его участниковъ въ Царствѣ Польскомъ, то

эта характеристика вѣрна; но не менѣе правильнымъ было бы опредѣленіе „крестьянское“, если говорить о ковенскихъ отрядахъ Сѣраковскаго, и опредѣленіе „шляхетское“ — на основаніи состава волынскаго полка Ружицкаго.

Въ самомъ дѣлѣ, въ отрядахъ, собравшихся подъ начальствомъ Сѣраковскаго, талантливаго офицера генеральнаго штаба русской арміи, преобладали жмудскіе крестьяне. Разсказываютъ, что деревенскій народъ повсюду восторженно привѣтствовалъ литовскаго воеводу и его армію. Такое отношеніе населенія объясняется не польскимъ патріотизмомъ, а страстной привязанностью къ католической вѣрѣ. Знамя возстанія, подъ которое становился жмудскій крестьянинъ, было для послѣдняго прежде всего знаменемъ борьбы за католическую вѣру. Такъ дѣло обстояло въ Ковенской губерніи. Между тѣмъ въ Волынской губерніи полкъ, собравшійся подъ начальствомъ Ружицкаго, тоже бывшаго русскаго офицера, состоялъ почти сплошь изъ шляхты. Тамъ преобладала пѣхота, здѣсь конница *).

Съ самаго начала Центральный Комитетъ, переименовавшійся въ Временное Національное Правительство, рѣшилъ, что вооруженное возстаніе должно распространиться только на польскія земли, находящіяся подъ властью „московскаго царя“. Но въ то же время въ своемъ воззваніи отъ 7-го февраля захваты прусскій и австрійскій, Княжество Познанское и Галиція, призывались къ дѣятельному участію въ возстаніи; на нихъ возложена была задача снабжать возстаніе людьми, оружіемъ и деньгами, а также вліять на общественное мнѣніе Европы. Поэтому Галиція и Кн. Познанское, но первая въ гораздо большей степени, чѣмъ второе, сыграли не малую роль, какъ резервуары, питавшіе возстаніе.

Отряды, формировавшіеся въ западной Галиціи, предназначались для пограничныхъ губерній Кѣлецкой и Радомской; въ восточной Галиціи шляхетско-аристократическій комитетъ съ кн. Адамомъ Сапѣгой во главѣ формировалъ отряды, направлявшіеся въ Люблинскую и Волынскую губернію. Двѣ экспедиціи, снаряженныя съ большой затратой силъ и средствъ для подачи руки помощи волынскому возстанію, окончились однако са-

*) Косвенное указаніе не только на составъ военныхъ повстанческихъ отрядовъ, но и вообще на соціальную группировку въ рядахъ причастныхъ такъ или иначе къ возстанію даютъ списки осужденныхъ и наказанныхъ. Изъ всего количества политическихъ арестантовъ западной Россіи и Царства Польскаго, прослѣдовавшихъ *черезъ Петербургъ* съ 20-го марта 1863 г. по 23 октября 1866 г., приходится на представителей „благороднаго званія“ 1.915 человѣкъ при общей цифрѣ 6.124 арестанта. При этомъ среди арестантовъ изъ Царства Польскаго благородный классъ (дворяне, чиновники, ксендзы, лица военнаго сословія, доктора и такъ далѣе) составляетъ незначительное меньшинство, наоборотъ, среди прибывшихъ изъ западныхъ губерній — преобладающее большинство.

Въ плоцкомъ военномъ отдѣлѣ по офиціальному рапорту было осуждено съ начала 1863 г. по 1 сентября 1865 г. на смертную казнь, къ ссылкѣ въ Сибирь, на каторгу и въ арестантскія роты 1.143 человѣка: изъ нихъ 304 приходится на дворянъ, ксендзовъ и мелкую шляхту, остальная масса распредѣляется между различными „низшими“ сословіями (мѣщанами, крестьянами, евреями и тому подобными).

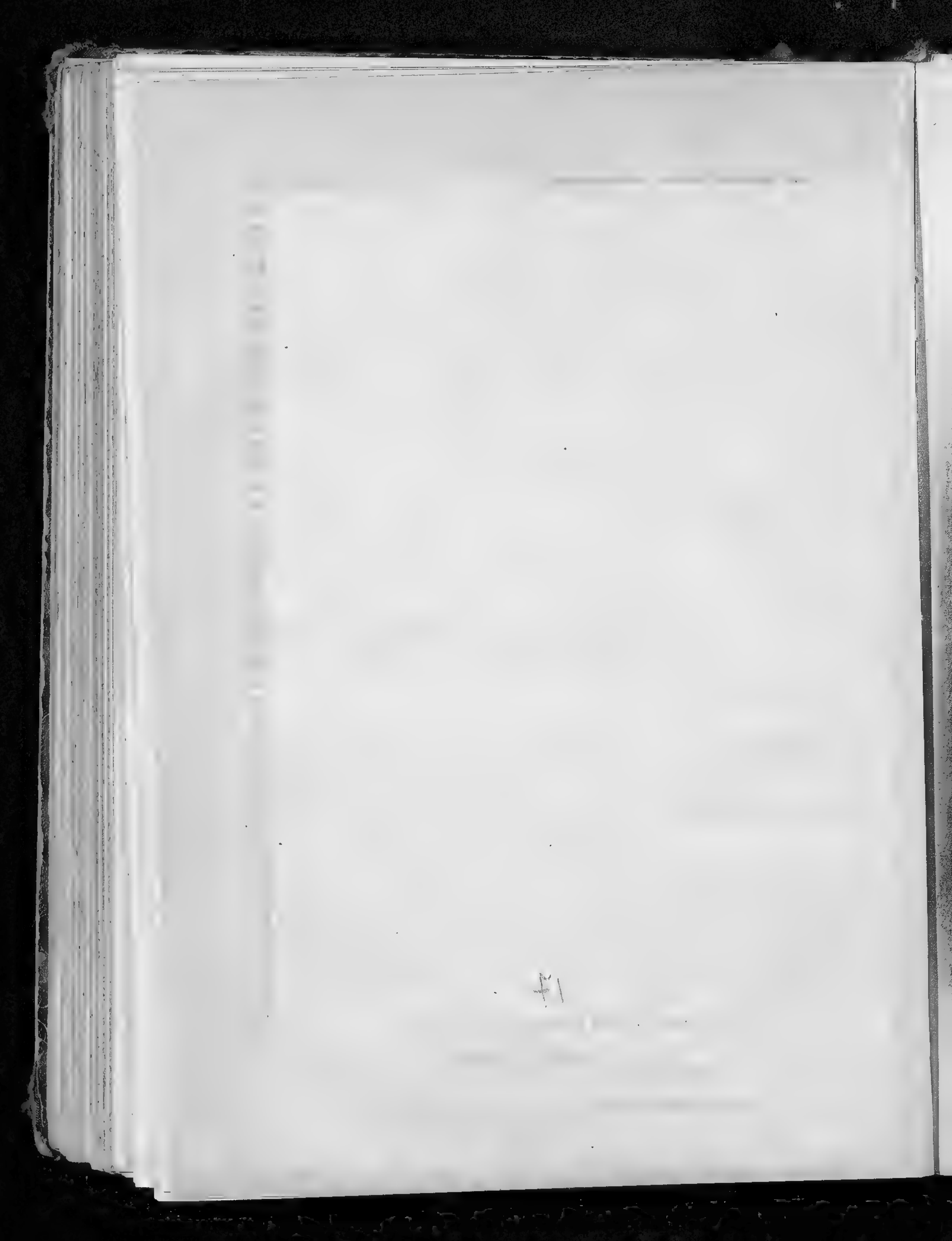
мымъ плачевнымъ и позорнымъ образомъ. Авторъ, отнюдь не склонный умалять геройство повстанцевъ, г. Равита-Гавронскій такъ характеризуетъ галиційскіе отряды: „Солдатъ, особенно изъ низшихъ культурныхъ слоевъ, дѣлалъ себѣ ремесло изъ мародерства. Въ теченіе долгихъ недѣль приготовленій онъ питался на чужой счетъ и жилъ въ совершенной праздности, а когда, наконецъ, послѣ этого продолжительнаго бездѣлья слѣдовало нѣсколько дней усиленнаго труда и форсированныхъ маршевъ, когда онъ очутился по ту сторону галицийской границы передъ лицомъ опасности, его первой мыслью было —бѣжать въ Галицію и вернуться къ праздной жизни... Нѣсколько дней отсидки въ австрійской тюрьмѣ придавало ему еще ореолъ мученичества. Казалось, что большая часть отрядовъ переходила черезъ границу не для того, чтобы сражаться, а для того лишь, чтобы какъ можно скорѣе вернуться назадъ". Эти отряды, по выраженію одного современника, тщательно изучившаго положеніе, состояло „изъ всякаго рода сброда". Слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что подобныя явленія относятся къ тому періоду, когда возстаніе начало клониться къ упадку.

Центральный Комитетъ, призывая польскій народъ къ вооруженной борьбѣ, не ограничивался простымъ обращеніемъ къ патріотическому чувству. Онъ счелъ нужнымъ вмѣстѣ съ объявленіемъ войны русскому правительству провозгласить тѣ соціальные и политическіе принципы, во имя которыхъ ведется возстаніе. Программа возстанія есть вмѣстѣ съ тѣмъ соціально-политическая характеристика тѣхъ слоевъ, которые начали его.

Слѣдуя завѣтамъ Демократическаго Общества, Центральный Комитетъ „въ первую же минуту начала священной борьбы объявляетъ всѣхъ сыновъ Польши безъ различія вѣроисповѣданія, происхожденія и сословія, свободными и равными гражданами. Земля, которой народъ владѣлъ доселѣ на правахъ чинша или барщины, становится съ сегодняшняго дня его неотъемлемой собственностью, вѣчнымъ его владѣніемъ. Пострадавшіе помѣщики будутъ вознаграждены изъ средствъ государственнаго казначейства. Всѣ же коморники и рабочіе, вступившіе въ ряды защитниковъ страны, — а въ случаѣ ихъ почетной смерти на полѣ брани—ихъ семьи получатъ изъ національныхъ имуществъ участокъ отвоеванной у враговъ земли".

Программа эта не на много отклонялась отъ тѣхъ принциповъ, которые защищались лѣвой Земледѣльческаго Общества, потому что вознагражденіе пострадавшихъ землевладѣльцевъ изъ общихъ государственныхъ средствъ въ сущности сводилось къ уплатѣ за землю тѣми же крестьянами. Демократическое Общество, какъ знаемъ, шло нѣкогда дальше въ своихъ предположеніяхъ. Что касается „коморниковъ" и „выробниковъ", то относительно нихъ Комитетъ остался на старой точкѣ зрѣнія Поланецкаго Универсала Костюшки: лишь тотъ получаетъ участокъ не менѣе 3 морговъ изъ національныхъ имуществъ (но отнюдь не изъ частно-владѣльческихъ), „кто будетъ бороться въ рядахъ національнаго войска за отечество".

17

Въ тотъ моментъ, когда Центральный Комитетъ провозгласилъ свою соціальную программу, барщина фактически въ Царствѣ Польскомъ уже не существовала. Законы, выработанные Вѣлёпольскимъ, сначала (въ 1861 г.) объ окупѣ барщины, потомъ (въ 1862 г.) объ обязательномъ очиншеваніи, хотя и не привели къ тѣмъ результатамъ, которые имѣлись въ виду законодателемъ, то есть къ заключенію безсрочно - чиншевыхъ договоровъ, но зато вызвали повсемѣстное прекращеніе въ Царствѣ Польскомъ барщиннаго труда. И нужно признать, что для помѣщика и то уже могло служить большимъ утѣшеніемъ, что Національное Правительство своимъ декретомъ обѣщало ему заплатить сполна за отошедшую къ крестьянамъ землю облигаціями государственнаго займа.

Иное было положеніе въ Литвѣ и Руси. Тамъ крестьянская реформа уже была проведена въ духѣ, весьма выгодномъ для помѣщиковъ-крѣпостниковъ. Поэтому польская тамошняя шляхта готова была заподозрить Центральный Комитетъ въ томъ, что національная борьба служитъ для него лишь предлогомъ къ соціальному перевороту. Литовская и русинская шляхта опасалась рѣзни со стороны крестьянъ. Эти опасенія были небезосновательны, поскольку рѣчь идетъ, напр., о волынской шляхтѣ, о тѣхъ „волынскихъ батожникахъ", которые сравнительно незадолго до возстанія были предметомъ самыхъ рѣзкихъ нападокъ со стороны эмиграціонной публицистики за свое безчеловѣчное обращеніе съ крестьянами.

Пропагандированіе и проведеніе въ жизнь программы 22-го января повстанческія власти (военные и воеводскіе начальники) считали своимъ непремѣннымъ долгомъ. Случалось, что помѣщиковъ, которые отказывались освобождать своихъ крестьянъ или требовали отъ нихъ даровой работы или уплаты чинша, національныя власти хватали и наказывали въ присутствіи крестьянъ розгами. Подобныя мѣры не могли не производить впечатлѣнія на крестьянъ: они стали поэтому кое-гдѣ присоединяться къ повстанческимъ отрядамъ. Безъ такой атмосферы сочувствія со стороны крестьянъ, помогавшихъ возстанію, какъ и чѣмъ могли, оно не могло бы продержаться въ Царствѣ Польскомъ почти полтора года.

Тамъ, гдѣ не было этой сочувственной атмосферы, гдѣ, наоборотъ, крестьяне относились враждебно къ возставшимъ „панамъ", движеніе, еле успѣвъ вспыхнуть, быстро прекращалось. Враждебное отношеніе крестьянъ вылилось въ цѣломъ рядѣ случаевъ въ дикія по своей жестокости, полныя политическаго трагизма расправы съ повстанцами.

Такъ было въ Витебской губерніи, гдѣ русскіе крестьяне-старовѣры, такъ называемые бурлаки, бросились на шляхетскія усадьбы, жгли и грабили господскія имѣнія, а польскихъ помѣщиковъ и ихъ семьи хватали и предавали въ руки начальства; такъ было въ Украйнѣ, гдѣ возстаніе, скорѣе попытка возстанія, превратилось въ сплошную кровавую эпопею крестьянской злобы и ненависти къ „бісовымъ ляхамъ": крестьяне помогали здѣсь войску ловить повстанцевъ, состоявшихъ исключительно изъ молодежи Кіевскаго университета

тета. Однимъ изъ наиболѣе кровавыхъ эпизодовъ этого рода является катастрофа въ деревнѣ Соловьевкѣ Кіевской губерніи, гдѣ 21 человѣкъ студентовъ-поляковъ, полныхъ не только національнаго, но и демократическаго идеализма, были перебиты кольями и топорами крестьянъ. Всѣ эти ужасные эпизоды показали, что между господами, возставшими во имя независимой Польши, и живущими съ ними бокъ о бокъ крестьянами существуетъ непреодолимая, бездонная пропасть. „Движеніе", говоритъ одинъ изъ историковъ возстанія 1863 г., „не столько погибло подъ ударами русскихъ штыковъ, сколько подъ ударами крестьянскихъ косъ и кольевъ".

3. Возстаніе и европейская дипломатія.

Чтобы понять характеръ и ходъ возстанія, необходимо подчеркнуть, что оно было не только внутреннимъ вопросомъ Россіи, не только войной между польскими партизанскими отрядами и регулярной арміей русскаго правительства. Оно получило значеніе международнаго европейскаго вопроса, вызвавшаго цѣлую дипломатическую кампанію западныхъ державъ.

Поводомъ къ вмѣшательству послужила военная конвенція, заключенная 8-го февраля 1863 г. между Пруссіей и Россіей съ цѣлью успѣшнаго подавленія возстанія. Однимъ изъ пунктовъ упомянутой конвенціи разрѣшалось русскимъ войскамъ при преслѣдованіи повстанцевъ переходить черезъ прусскую границу. Военный союзъ Россіи и Пруссіи заставилъ дипломатію другихъ европейскихъ державъ выступить съ опредѣленными заявленіями.

Раньше всѣхъ другихъ Англія обратилась съ нотами къ прусскому и русскому правительствамъ, причемъ въ нотѣ своей послѣднему англійскій министръ Россель ссылается на Вѣнскій трактатъ 1815 г., установившій для Царства Польскаго опредѣленныя гарантіи. Англія предложила также Франціи присоединиться къ общей дипломатической демонстраціи по отношенію къ Россіи, имѣя не столько въ виду интересы поляковъ, сколько желая этимъ шагомъ помѣшать издавна готовившемуся союзу между Франціей и Россіей, союзу, равно цѣнному въ глазахъ Наполеона III, какъ и русской дипломатіи.

Франція отклонила поэтому предложеніе Англіи, желая дѣйствовать въ польскомъ вопросѣ на собственный страхъ. Провозглашенный французскимъ императоромъ принципъ національности, столь дѣятельно имъ поддержанный въ отношеніи къ итальянцамъ, наполеоновскія традиціи, личныя связи съ домомъ Чарторыйскихъ, олицетворявшимъ на чужбинѣ идею независимой Польши—все это склоняло Наполеона III къ вмѣшательству въ польскія дѣла. Онъ обратился съ письмомъ къ русскому императору, совѣтуя ему образовать отдѣльное королевство изъ Царства Польскаго съ вел. кн. Константиномъ во главѣ. Александръ II оставилъ однако этотъ совѣтъ безъ всякаго вниманія. Тогда тюльерійскій каби-

нетъ предпринимаетъ болѣе рѣшительный шагъ, въ которомъ его поддерживаетъ общественное мнѣніе Франціи, въ высшей степени сочувственно относившееся къ польскимъ національнымъ стремленіямъ. Австрійскій посланникъ въ Парижѣ, кн. Меттернихъ, отправляется по порученію французскаго императора въ Вѣну съ предложеніемъ начать совмѣстныя дѣйствія, не отступая въ случаѣ необходимости даже передъ объявленіемъ войны Россіи.

Поскольку Австрія являлась одной изъ участницъ раздѣла Польши, поскольку въ составъ ея владѣній входила польская провинція Галиція, постольку она была связана болѣе крѣпкими узами солидарности съ Россіей и Пруссіей, чѣмъ съ Англіей и Франціей, не имѣвшими никакихъ прямыхъ интересовъ въ Польшѣ. Но не слѣдуетъ забывать, что между Австріей и Пруссіей издавна происходило глубокое соперничество изъ-за гегемоніи въ Германскомъ союзѣ, что, съ другой стороны, интересы Австріи на ближнемъ Востокѣ ставили ее въ противорѣчіе съ Россіей, что, наконецъ, въ столь серьезномъ для Австріи итальянскомъ вопросѣ Россія стала не на сторону Австріи. Вотъ почему послѣдняя и выразила готовность участвовать въ совмѣстныхъ дипломатическихъ дѣйствіяхъ, отклонивъ въ то же время предложеніе тюльерійскаго кабинета (едва ли, впрочемъ, серьезное) относительно военнаго вмѣшательства.

10-го апрѣля 1863 г. три державы—Англія, Франція и Австрія—обратились въ Петербургъ съ представленіями по польскому вопросу, настаивая на принятіи необходимыхъ мѣръ для прекращенія страшнаго и безполезнаго кровопролитія въ Польшѣ. Къ дипломатическому вмѣшательству трехъ упомянутыхъ державъ присоединились также Италія, Испанія, Швеція, Данія, Голландія, Португалія, Турція и папскій престолъ. Хотя это была лишь дипломатическая демонстрація—„grande demonstrance“—но все же этотъ актъ произвелъ весьма сильное впечатлѣніе на всѣхъ и самое сильное—на поляковъ.

Дипломатическое вмѣшательство, за которымъ скрывался грозный призракъ войны, не мало испугало русское правительство, въ *этотъ* моментъ еще не готовое къ войнѣ. На второй день послѣ появленія нотъ западно-европейскихъ державъ изданъ былъ царскій манифестъ объ амнистіи для тѣхъ повстанцевъ изъ Царства Польскаго, которые сложатъ оружіе къ 1 (13) мая. Амнистія, имѣвшая въ виду только жителей Царства, исключавшая всѣхъ прочихъ поляковъ и въ томъ числѣ офицеровъ арміи, которые стали во главѣ повстанческихъ отрядовъ, не удовлетворяла даже европейскихъ дипломатовъ. Она прошла совершенно безслѣдно. Возстаніе продолжалось, такъ что 13-го мая Жондъ Народовый съ гордостью могъ заявить въ своей прокламаціи: „Ни одинъ полякъ не сложилъ оружія“.

Но это не остановило дальнѣйшаго хода дипломатическихъ переговоровъ. Въ своемъ отвѣтѣ державамъ на ихъ ноты отъ 10-го апрѣля русскій министръ иностранныхъ дѣлъ просилъ указать тѣ средства, которыя могутъ привести къ успокоенію страны. Этотъ запросъ сдѣланъ былъ 26 апрѣля, и почти цѣлыхъ 2 мѣ-

сяца прошло, пока, наконецъ, три державы пришли къ опредѣленному на этотъ счетъ соглашенію. Ноты Англіи, Франціи и Австріи отъ 17-го іюня заключали въ качествѣ резюме слѣдующіе 6 пунктовъ: 1) полная и всеобщая амнистія, 2) народное представительство съ компетенціей, подобной той, какую гарантировала конституція 1815 г., 3) администрація, состоящая исключительно изъ поляковъ, 4) полная свобода совѣсти и отмѣна ограниченій для католической религіи, 5) признаніе польскаго языка офиціальнымъ въ области администраціи, суда и школы, 6) установленіе правильной и закономѣрной системы рекрутскаго набора.

Отвѣтная нота канцлера Горчакова на іюньскія предложенія державъ уже составлена въ рѣзкомъ, высокомѣрномъ тонѣ. Русскій министръ указываетъ въ ней, что въ сущности всѣ „пункты" европейскихъ дипломатовъ, кромѣ второго (установленіе народнаго представительства), давно получили свое осуществленіе въ Царствѣ Польскомъ, и тѣмъ не менѣе поляки не успокоились. Онъ отказываетъ иностраннымъ державамъ въ правѣ вмѣшиваться во внутреннія дѣла Россіи, ибо возстаніе въ Царствѣ Польскомъ не есть съ точки зрѣнія русскаго правительства вопросъ международной политики.

Эта гордая отповѣдь является лишь дипломатическимъ выраженіемъ измѣнившагося положенія вещей въ Россіи. Въ теченіе 4-хъ мѣсяцевъ, пока тянулась дипломатическая кампанія, русское правительство не дремало. Оно спѣшно ставило армію на военную ногу, доведши ея численность къ іюлю до полумилліона: въ одномъ Царствѣ Польскомъ было въ іюнѣ подъ оружіемъ свыше 120 тысячъ регулярнаго войска противъ въ лучшемъ случаѣ 30 тысячъ плохо вооруженныхъ и обученныхъ партизановъ возстанія. Но не только сознаніе матеріальной силы вселяло русскому правительству то чувство высокомѣрія, которое ему было еще чуждо въ апрѣлѣ. За эти мѣсяцы произошла ощутительная перемѣна въ общественномъ настроеніи въ Россіи. Дворянскія собранія, являвшіяся въ то время почти единственнымъ органомъ общественнаго мнѣнія, все чаще и чаще стали обращаться съ вѣрноподданническими адресами, выражая при этомъ готовность „не щадя силъ и жертвъ, въ тѣсномъ союзѣ со всѣми сословіями стать на защиту предѣловъ Имперіи". Въ печати органомъ этого патріотическаго движенія сдѣлались „Московскія Вѣдомости", редакторъ которыхъ Катковъ посвящалъ большинство своихъ статей польскому вопросу. Курсъ внутренней политики рѣзко перемѣнился, и первымъ признакомъ этой перемѣны явилось назначеніе бывшаго министра государственныхъ имуществъ Муравьева на постъ виленскаго генералъ-губернатора.

Западныя державы серьезно не думали о войнѣ изъ-за Польши. Дальше дипломатической демонстраціи онѣ въ своей дружбѣ къ полякамъ пойти не хотѣли. Но дипломатическое вмѣшательство западной Европы, вызвавшее неожиданный взрывъ „кваснаго" патріотизма въ Россіи, имѣло для поляковъ весьма печальныя, прямо роковыя послѣдствія.

Оно-то, какъ утверждаютъ многіе историки послѣдняго возстанія, было главнымъ факторомъ, поддерживавшимъ его. Безъ него возстаніе продолжалось бы ровно на годъ меньше.

Интересъ европейской дипломатіи къ польскимъ событіямъ заставилъ перемѣнить свое отношеніе къ нимъ партію „бѣлыхъ“, какъ въ самомъ Царствѣ, такъ въ особенности въ Литвѣ и Украйнѣ. Въ моментъ взрыва „бѣлая дирекція“ въ Варшавѣ, а равно и тѣ шляхетскія организаціи, которыя существовали въ Литвѣ и восточной Галиціи, самымъ рѣшительнымъ образомъ высказались противъ вооруженнаго возстанія. Одинъ изъ членовъ галиційскаго „бѣлаго“ комитета, графъ Дзѣдушицкій не стѣснялся говорить о возстаніи, какъ „о несчастіи, накликанномъ на Польшу сапожниками и портными“. Въ этомъ отзывѣ вполнѣ отразилось отношеніе высшей польской шляхты, какъ къ возстанію, такъ и къ тѣмъ элементамъ, которые играли въ немъ дѣятельную роль—къ мѣщанству. Польское дворянство литовскихъ губерній, собравшись на съѣздъ въ Вильнѣ 7-го февраля, рѣшило занять выжидательную позицію, открыто не порицать возстанія, но и не присоединяться къ нему.

Когда однако въ связи съ возстаніемъ „варшавскихъ дѣтей“ на политическомъ горизонтѣ Европы показался польскій вопросъ подъ видомъ дипломатическаго вмѣшательства, руководители шляхты перемѣнили свою тактику. „Бѣлая дирекція“ въ Варшавѣ рѣшила распустить свою организацію и слиться съ организаціей „краснаго“ Временнаго Правительства, придавъ этимъ самымъ тайному революціонному „жонду“ авторитетъ національнаго правительства, а не только правительства одной партіи. Слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что „бѣлая“ организація въ Царствѣ Польскомъ, несмотря на преобладаніе въ ней шляхты, далеко не была проникнута тѣмъ консервативно-сословнымъ духомъ, какимъ отличались родственныя ей организаціи въ другихъ частяхъ бывшей Рѣчи Посполитой. Въ ней были представлены — элементъ буржуазный въ лицѣ банкира Кроненберга и интеллигенція въ лицѣ такихъ людей, какъ Юргенсъ. Переходъ отъ „бѣлыхъ“ къ „краснымъ“ здѣсь не былъ столь рѣзкимъ, такъ какъ среднюю, примирительную позицію занимали лица, подобныя Гиллеру, Рупрехту, Маевскому, пользовавшимся громаднымъ авторитетомъ среди образованныхъ слоевъ.

Въ Литвѣ, Украйнѣ и Галиціи дѣло приняло нѣсколько иной оборотъ, чѣмъ въ Царствѣ Польскомъ. И въ Литвѣ, и въ Галиціи еще до взрыва 22 января возникли организаціи, демократическія по своему составу. Литовскій Комитетъ состоялъ главнымъ образомъ изъ служащихъ Варшавско-Петербургской ж. д.; во Львовѣ Комитетъ братской помощи объединялъ учащуюся и ремесленную молодежь. Партизанскіе отряды и въ Литвѣ и въ Галиціи появились вскорѣ послѣ того, какъ туда дошла вѣсть о взрывѣ въ Царствѣ Польскомъ. Но крупная шляхта пока не вмѣшивалась въ это дѣло. Лишь тогда, когда выяснилось, что возстаніе можетъ превратиться въ общеевропейскій политическій вопросъ, она рѣшила сосредоточить руководство имъ въ своихъ рукахъ. Безъ поддерж-

ки шляхты возстаніе въ литовскихъ и украинскихъ губерніяхъ было бы лишено всякой опоры. Только у нея были и моральный авторитетъ и финансовыя средства. Варшавскій Центральный Комитетъ, несмотря на свои демократическія тенденціи, хорошо это сознавалъ, и волей-неволей ему приходилось считать возникшія тамъ исключительно шляхетскія организаціи единственными представителями и руководителями польскаго національнаго дѣла.

Фактъ присоединенія „бѣлыхъ" къ возстанію наложилъ глубокую печать на дальнѣйшія судьбы послѣдняго. Соображенія дипломатическаго характера, подхватываніе намековъ, словъ, мнѣній западно-европейскихъ кабинетовъ стали играть громадную роль въ политикѣ возстанія. Гордый принципъ „Polonia fara da se" уступилъ мѣсто расчетамъ и надеждамъ на вмѣшательство европейскихъ державъ, на взрывъ европейской войны изъ-за Польши. Эмиграціонная политика партіи Чарторыйскихъ въ виду этого снова пріобрѣла значеніе. Hôtel Lambert—дворецъ Чарторыйскихъ въ Парижѣ—своего рода министерство иностранныхъ дѣлъ въ Польшѣ, началъ усиленно дѣйствовать. Къ исходящимъ оттуда совѣтамъ и указаніямъ стали прислушиваться въ Краковѣ, Львовѣ, Вильнѣ и Варшавѣ.

Первымъ актомъ этой дипломатической политики „бѣлыхъ" явилось покушеніе на Центральный Комитетъ и coup d'état, извѣстный подъ именемъ диктатуры Лянгевича. Лянгевичъ, имя котораго успѣло пріобрѣсти громкую извѣстность, поддался совѣтамъ краковскихъ „бѣлыхъ", провозгласивъ себя передъ своей арміей и передъ лицомъ польскаго народа диктаторомъ. Варшавскій Центральный Комитетъ, не желая вызвать двоевластія, опаснаго для дѣла, формально призналъ диктатуру, устранивъ себя отъ главнаго руководства. „Бѣлые", содѣйствуя провозглашенію единоличной диктатуры Лянгевича, имѣли въ виду достигнуть двухъ цѣлей: во-первыхъ, отстранить „красный" Центральный Комитетъ и предупредить грядущую диктатуру „страшнаго" для нихъ „революціонера" Мѣрославскаго; во-вторыхъ — учредить вмѣсто тайнаго, Европѣ невѣдомаго революціоннаго комитета, явную правительственную власть, хотя бы въ лицѣ повстанческаго вождя.

Диктатура Лянгевича кончилась однако весьма печально. Послѣ битвы подъ Гроховисками диктаторъ бѣжалъ въ Австрію, былъ на границѣ арестованъ и заключенъ въ одну изъ австрійскихъ тюремъ. Центральный Комитетъ, преобразовавшись послѣ этого въ Rząd Narodowy (національное правительство), снова сосредоточилъ высшую власть въ своихъ рукахъ, объявивъ, что всякая попытка вновь учредить диктатуру въ краѣ или за предѣлами онаго будетъ признаваться государственнымъ преступленіемъ.

Вліяніе политики „бѣлыхъ" сказалось также въ назначеніи Жондомъ 15-го мая 1863 г. кн. Владислава Чарторыйскаго, сына покойнаго князя Адама, „главнымъ своимъ дипломатическимъ агентомъ при правительствахъ Франціи, Англіи, Швеціи и Турціи". Впослѣдствіи въ каждой изъ этихъ странъ, да еще въ Италіи

и Швейцаріи кн. Владиславъ Чарторыйскій съ согласія Жонда назначилъ отдѣльныхъ дипломатическихъ агентовъ, а именно гр. Замойскаго, гр. Плятера, гр. Скорупку, кн. Константина Чарторыйскаго и т. д. Одни эти имена уже показываютъ, что во всякомъ случаѣ „иностранная" политика повстанческаго Жонда была ввѣрена представителямъ польской аристократіи. А эта „иностранная" политика, руководимая кн. Чарторыйскимъ, становится отнынѣ важнѣйшимъ факторомъ, направляющимъ ходъ возстанія въ странѣ.

Такъ какъ осью всей дипломатической кампаніи былъ тюльерійскій кабинетъ, то каждое слово, каждый намекъ, брошенные Наполеономъ III или его министрами, жадно ловились „бѣлыми", видѣвшими въ нихъ главный оплотъ своихъ надеждъ и упованій. Основываясь на сказанныхъ будто однимъ изъ наполеоновскихъ министровъ словахъ: „faites durer et faites élargir les limites de l'insurrection" *), галиційскіе „бѣлые", больше всѣхъ прислушивавшіеся къ тому, что говоритъ Hôtel Lambert, усвоили себѣ взглядъ на возстаніе, какъ на простую вооруженную демонстрацію, необходимую въ цѣляхъ вмѣшательства европейскихъ державъ. Этимъ объясняются ихъ злополучныя экспедиціи, которыми руководилъ восточно-галиційскій комитетъ съ кн. Адамомъ Сапѣгой во главѣ, то отмѣченное выше деморализующее бѣгство съ поля битвы еще до встрѣчи съ врагомъ.

Политика Hôtel Lambert и связанныхъ съ нимъ „бѣлыхъ",—которая, какъ и въ 1831 г., была между прочимъ направлена къ тому, чтобы съ польскаго возстанія снять малѣйшее подозрѣніе въ какой-либо общности съ „идеями переворота"—становилась мало-по-малу политикой руководящихъ сферъ въ самомъ Царствѣ Польскомъ. Въ Жондѣ наиболѣе вліятельными членами въ различные періоды возстанія были Рупрехтъ, Маевскій, Гиллеръ, изъ которыхъ первые двое сами были раньше членами „бѣлой дирекціи". Правда, верховная повстанческая власть была ареной частыхъ внутреннихъ переворотовъ на почвѣ борьбы между умѣренными и крайними элементами. Но въ концѣ концовъ, за исключеніемъ 3-ехнедѣльнаго періода, когда власть очутилась въ рукахъ ультракраснаго Жонда, состоявшаго изъ Игнатія Хмѣлинскаго и другихъ крайнихъ сторонниковъ генерала Мѣрославскаго, дѣлами возстанія въ теченіе почти 16 мѣсяцевъ управляли умѣренные.

Въ октябрѣ 1863 г., когда возстаніе уже совсѣмъ клонилось къ упадку, когда надежды на вмѣшательство европейскихъ державъ почти рухнули, руль возстанія взялъ въ свои крѣпкія руки одинъ человѣкъ, не выпуская его до самаго конца возстанія, совпавшаго съ моментомъ его ареста. Это былъ Ромуальдъ Траугутъ, бывшій саперный офицеръ русской арміи, участникъ Крымской кампаніи, а впослѣдствіи „неутомимый, энергичный, исполненный неслыханнаго самоотверженія повстанческій диктаторъ Польши *). Ромуальдъ Траугутъ,

*) т. е. пытайтесь продлить и расширить границы возстанія.

*) Н. В. Бергъ. Записки о польскомъ возстаніи въ 1863 г. „Русская Старина", т. XXVI, стр. 288.

помѣщикъ Гродненской губерніи, рьяный католикъ, патріотъ мистическаго закала, взявъ на себя тяжелую отвѣтственную роль, дѣйствовалъ въ полномъ согласіи съ кн. Чарторыйскимъ. И въ теченіе цѣлыхъ шести мѣсяцевъ этотъ Жондъ Народовый, къ словамъ котораго съ вниманіемъ прислушивались во всей Польшѣ и за предѣлами ея, уловленіе котораго было цѣлью непрерывныхъ усилій правительственной власти — сосредоточивался въ лицѣ одного Ромуальда Траугута, жившаго отшельникомъ на одной изъ пустынныхъ улицъ Варшавы.

Организація повстанческаго правительства до Траугута, въ дни наивысшаго расцвѣта возстанія — приблизительно между маемъ и сентябремъ 1863 г.—была весьма сложная и многообразная. Просматривая собраніе документовъ, относящихся къ исторіи послѣдняго польскаго возстанія, эту груду инструкцій, рапортовъ, декретовъ, циркуляровъ, воззваній, заявленій, переписки съ агентами Жонда—мы должны прійти къ заключенію, что правительственный механизмъ былъ весьма объемистый и дѣйствовалъ, если невсегда успѣшно, зато чрезвычайно усердно.

Жондъ Народовый состоялъ изъ 5-ти членовъ, рѣшавшихъ всѣ дѣла коллегіально. Но каждый изъ членовъ бралъ на себя завѣдываніе одной какой-либо отраслью управленія: администрацію края и дѣла провинцій, прессу, военное дѣло, финансы, сношенія съ заграницей. Для исполненія всей массы лежащей на каждаго изъ завѣдующихъ работы учреждены были департаменты внутреннихъ дѣлъ, войны, финансовъ, прессы, иностранныхъ дѣлъ, провинцій, наконецъ, секретаріатъ. Департаментъ состоялъ изъ директора, дѣлопроизводителей и секретарей. Департаментъ внутреннихъ дѣлъ велъ сношенія съ воеводскими комиссарами, военный — занимался главнымъ образомъ доставкой и храненіемъ въ надежныхъ мѣстахъ оружія, департаментъ финансовъ организовалъ сборъ подати, совершалъ займы, производилъ ассигнованія и т. д., департаментъ печати завѣдывалъ изданіемъ тайной періодической литературы („Извѣстія съ поля битвы", „Движеніе", „Независимость" — офиціозъ Жонда) и, кромѣ того, снабжалъ статьями и свѣдѣніями западно-европейскую печать и т. д.

Рядомъ съ этой организаціей центральнаго правительства существовала спеціальная организація для Варшавы, во главѣ которой стоялъ такъ называемый начальникъ города, имѣвшій въ своемъ распоряженіи цѣлую сѣть подчиненныхъ органовъ, между прочимъ „народную стражу", игравшую роль повстанческой полиціи. Кромѣ центральной и городской организаціи для Варшавы, въ каждомъ изъ 8-ми воеводствъ были свои „воеводскіе" органы гражданскаго и военнаго управленія.

Таковъ былъ въ общихъ чертахъ этотъ Жондъ Народовый, который пользовался громаднымъ авторитетомъ. Его приказы и распоряженія, снабженные печатью какого-нибудь изъ его многочисленныхъ отдѣловъ, не были пустымъ звукомъ. Не даромъ „Московскія Вѣдомости" Каткова съ негодованіемъ писали, что „рядомъ съ законнымъ правительствомъ въ Польшѣ утвердилось и

властвуетъ какое-то національное правительство, да и какъ еще властвуетъ". „Тайный Жондъ Народовый существовалъ въ Варшавѣ бокъ-обокъ съ русской правительственной властью, управлялъ войною, а отчасти и страной, имѣлъ свою казну и собиралъ подати, заводилъ и поддерживалъ сношенія съ заграницей, имѣлъ свою полицію и свою жандармерію, свою почту, газеты официальныя и полу-официальныя, печатавшіяся въ тайныхъ типографіяхъ и получавшія форменныя предостереженія. Это правительство ни передъ кѣмъ не было отвѣтственно, оно никому не было извѣстно, составъ его мѣнялся, оно подвергалось внутреннимъ переворотамъ. И тѣмъ не менѣе лишь немногіе не подчинялись его власти или его терроризму. Русскому правительству не удавалось въ теченіе 2—3 лѣтъ открыть или уничтожить его. Наконецъ, всѣмъ волей-неволей пришлось съ нимъ считаться: и тѣмъ, кто ему служилъ и въ него вѣрилъ, и тѣмъ, кто его осуждалъ — не исключая иностранцевъ и западно-европейскихъ правительствъ" *).

4. Подавленіе возстанія.

Дипломатическая кампанія въ двояком отношеніи дала возможность развернуться возстанію. Она привлекла на сторону послѣдняго тѣхъ поляковъ, которые иначе сторонились бы его; съ другой стороны, призракъ войны вызвалъ чувство растерянности въ русскихъ правящихъ сферахъ и парализовалъ на первое время энергію не только административно-полицейскаго, но даже военнаго подавленія возстанія. Дипломатическіе переговоры съ западно-европейскими державами, манифестъ объ амнистіи, объявленный въ апрѣлѣ подъ давленіемъ иностранной дипломатіи, опасеніе войны, надежда, что возстаніе быстро закончится — заставляли пока не принимать рѣшительныхъ, круто-репрессивныхъ мѣръ по отношенію ко всему Царству Польскому, ограничиваясь преслѣдованіемъ партизанскихъ отрядовъ.

Начавшееся повстанческое движеніе въ Литвѣ, распространеніе тамъ прокламацій Національнаго Правительства польскаго съ призывомъ къ оружію и съ извѣстной крестьянской программой, явилось поворотнымъ моментомъ въ тактикѣ правительства. Боязнь, какъ бы литовскіе крестьяне подъ вліяніемъ этихъ обѣщаній не примкнули къ возстанію, побудило правительство издать еще 1-го марта 1863 г. указъ о прекращеніи обязательныхъ отношеній между помѣщиками и крестьянами въ Сѣверо-западномъ краѣ, т.е. ввести для этихъ губерній въ силу „мѣстныхъ обстоятельствъ", какъ заявлялось въ указѣ, тотъ принципъ *обязательнаго* выкупа, который такъ недавно былъ отвергнутъ составителями Положеній.

Но указъ 1-го марта тѣмъ не менѣе не предотвратилъ движенія въ Литвѣ. Мало того, крестьяне въ Ковенской губерніи весьма сочувственно отнеслись къ возстанію и вступали въ

*) St. Koźmian. Rzecz o roku 1863, т. I, стр. 189.

ряды инсургентовъ. Потребовались болѣе прямыя мѣры воздѣйствія. Рѣшено было смѣнить стараго генералъ-губернатора Назимова, какъ слишкомъ мягкаго администратора, назначивъ на его мѣсто человѣка, который сумѣлъ бы справиться съ литовскимъ краемъ при совершенно новыхъ обстоятельствахъ. Такимъ подходящимъ человѣкомъ оказался бывшій министръ государственныхъ имуществъ, генералъ Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ, и 1-го мая отданъ былъ приказъ о назначеніи послѣдняго на постъ виленскаго генералъ-губернатора съ предоставленіемъ ему диктаторскихъ полномочій.

На фонѣ событій 1863 г. появляется мрачная фигура Муравьева-Вѣшателя *), знаменуя собою начало новаго періода въ исторіи, какъ самаго возстанія, такъ и его подавленія. Въ своихъ „Запискахъ о мятежѣ въ Сѣверо-западномъ краѣ" М. Н. Муравьевъ съ чувствомъ гордости знакомитъ потомство съ тѣми мѣрами, которыя имъ были приняты для подавленія мятежа. Въ этомъ отношеніи его „Записки" являются вполнѣ надежнымъ документомъ. Объ одномъ лишь онъ забываетъ или остерегается сообщить, а именно о томъ, что къ его пріѣзду въ Литву тамошнее возстаніе могло считаться почти законченнымъ. Ибо въ интересахъ вновь прибывшаго правителя краемъ, желавшаго пріобрѣсти славу спасителя Россіи, лежало — раздуть передъ Петербургомъ значеніе и грандіозность совершающихся событій, примѣненіемъ чрезвычайныхъ мѣръ тушенія заставить вѣрить въ наличность грознаго пожара.

„Записки" въ сухой формѣ рапорта рисуютъ передъ нами всю картину такъ называемаго „военно-полицейскаго управленія", которое было введено въ маѣ 1863 г. Оно состояло въ томъ, что весь край былъ раздѣленъ на военные отдѣлы и участки, которые „съ полными правами главнаго распорядителя ввѣрялись особо назначеннымъ для сего лицамъ, съ полнымъ подчиненіемъ имъ всего населенія въ тѣхъ отдѣлахъ".

Вскорѣ начались казни. „Желая показать полякамъ, что правительство наше ихъ не страшится, я немедленно занялся разсмотрѣніемъ приговоровъ о болѣе важныхъ преступникахъ, конфирмовалъ ихъ и немедленно приказалъ исполнить приговоры въ Вильнѣ на торговой площади въ самый полдень и съ оглашеніемъ по всему городу съ барабаннымъ боемъ. Я началъ съ ксендзовъ, какъ главныхъ дѣятелей мятежа". Въ теченіе весьма короткаго промежутка времени были разстрѣляны два ксендза за прочтеніе съ амвона костела манифеста „временнаго правительства" 22 января и повѣшены два начальника инсургентовъ: Сѣраковскій и Колышко.

Во всѣхъ уѣздахъ были учреждены

*) Эпитетъ „вѣшатель" установился за М. Н. Муравьевымъ задолго до 1863 г. Когда въ 1831 г. онъ былъ назначенъ военнымъ губернаторомъ въ Гродно, то при первомъ же своемъ знакомствѣ съ новыми людьми М. Н. Муравьевъ, намекая на повѣшеннаго декабриста Сергѣя Муравьева, будто сказалъ: „Я не изъ тѣхъ Муравьевыхъ, которыхъ вѣшаютъ, а изъ тѣхъ которые сами вѣшаютъ!" Послѣ этого—добавляетъ Н. Бергъ—къ нему прилипло на вѣки вѣковъ прозвище „Муравьева-Вѣшателя".

военно-слѣдственныя комиссіи, многіе мировые посредники и предводители дворянства—поляки были по распоряженію диктатора Литвы арестованы; мировыя учрежденія въ литовскихъ губерніяхъ приказано было окончательно закрыть, „какъ дѣйствовавшія ко вреду правительства и къ угнетенію крестьянъ, поручивъ огражденіе крестьянъ отъ притѣсненія владѣльцевъ военнымъ начальникамъ и уѣздной полиціи“.

Ярый реакціонеръ и заклятый крѣпостникъ, оказывавшій упорное противодѣйствіе крестьянской реформѣ, Муравьевъ въ Литвѣ превратился въ защитника крестьянъ. Желая пріобрѣсти въ лицѣ крестьянъ политическое орудіе противъ повстанческой шляхты, онъ возводитъ демагогію въ цѣлую систему мѣропріятій.

Помѣщичьи лѣса приказано было въ обѣ стороны отъ дороги на 150 саж. вырубать яко бы для того, чтобы въ нихъ не могли „укрываться шайки“. Вырубка громадныхъ пространствъ была предоставлена самимъ крестьянамъ, которые „получили за труды большое количество лѣсу“.

Уставныя грамоты были передѣланы назначенными съ августа русскими мировыми посредниками и членами повѣрочныхъ комиссій, и крестьянамъ были возвращены отрѣзанныя земли.

Во всѣхъ уѣздахъ съ половины іюля учреждена была изъ крестьянъ сельская вооруженная стража подъ начальствомъ унтеръ-офицеровъ, доходившая, по свидѣтельству „Записокъ“, въ нѣкоторыхъ уѣздахъ до 1.000 и 2.000 человѣкъ. Она „держала въ страхѣ мятежныхъ дворянъ, которые были обложены особымъ сборомъ на содержаніе оной“.

Заигрывая всячески съ крестьянами, крѣпостникъ Муравьевъ являлся въ то же время самымъ неуклоннымъ преслѣдователемъ польскихъ помѣщиковъ. Онъ приказалъ обложить всѣхъ ихъ контрибуціей въ размѣрѣ 10% съ доходовъ ихъ имѣній, и въ теченіе одного полугодія эта контрибуція составила 3½ милл. рублей.

Такъ какъ, несмотря на все это, кое-гдѣ еще оставались инсургенты, находившіе пріютъ у помѣщиковъ и ксендзовъ, то Муравьевъ рѣшилъ прибѣгнуть къ послѣднему средству, а именно: „приказать уничтожить до тла помѣщичьи мызы и шляхетскія околицы, въ которыхъ произведены мятежниками неистовства и допущено водвореніе жандармовъ-вѣшателей“. Такимъ образомъ военными отрядами было сожжено нѣсколько литовскихъ деревень (Яворовка, Ибяны, Прушанка).

Въ довершеніе къ казнямъ [1]), къ вырубкѣ лѣсовъ, къ сожженію деревень, къ обложенію контрибуціей помѣщиковъ, къ провоцированію крестьянскаго террора—Муравьевъ для вящщаго униженія польскаго дворянства и для усиленія въ глазахъ двора эффекта своей усмирительной дѣятельности „старался внушить мысль о ходатайствѣ со стороны дворянства о помилованіи“. При помощи спеціальной агитаціи, въ которой не обошлось безъ застращиваній, добыты были подписи подъ всеподданнѣйшими адресами. Первый примѣръ подало виленское дворянство, его примѣру

*) Всего было казнено—согласно офиціальнымъ свѣдѣніямъ—по приговорамъ, конфирмованнымъ Муравьевымъ, 240 лицъ.

послѣдовали дворяне другихъ литовскихъ губерній.

Въ то время, какъ въ Литвѣ Муравьевъ со своими сотрудниками самымъ безпощаднымъ образомъ расправлялись съ остатками возстанія, въ Царствѣ Польскомъ вплоть до іюня 1863 г. система управленія осталась прежняя. Но дни его автономіи были уже сочтены. Еще въ апрѣлѣ мѣсяцѣ „Московскія Вѣдомости", улавливавшія новыя вѣянія въ петербургскихъ правящихъ сферахъ, писали: „Отнынѣ для прекращенія мятежа нужно не столько истребленіе шаекъ, сколько крѣпкая надежная администрація края... При теперешнемъ ходѣ дѣлъ правительство имѣетъ полное основаніе сосредоточить всѣ власти въ Царствѣ Польскомъ въ рукахъ людей, недоступныхъ обольщеніямъ польскаго патріотизма и революціоннымъ устрашеніямъ". Но совѣту этому правительство послѣдовало лишь тогда, когда выяснились успѣхи муравьевскаго террора и когда вмѣстѣ съ усиленіемъ патріотическаго движенія въ русскомъ обществѣ окончательно растаялъ призракъ европейской войны изъ-за Польши.

Въ іюнѣ маркизу Вѣлёпольскому подъ видомъ продолжительнаго отпуска заграницу дана была отставка; вскорѣ отозванъ былъ также вел. кн. Константинъ Николаевичъ, намѣстникъ Царства Польскаго, и съ конца августа „исправляющимъ должность намѣстника" сталъ генералъ-адъютантъ графъ Бергъ. Новый намѣстникъ вмѣстѣ съ генералъ-полицеймейстеромъ Треповымъ энергично принялись за дѣло усмиренія края. Часть арміи, уже ненужной въ Литвѣ, перешла въ Царство. Полиція была значительно усилена: вмѣсто нѣсколькихъ сотъ полицейскихъ, бывшихъ до сихъ поръ въ Варшавѣ, набраны были тысячи новыхъ изъ среды нижнихъ чиновъ гвардейскихъ и гренадерскихъ полковъ. Аресты усилились, и полицейское кольцо, окружавшее повстанческую организацію, становилось все тѣснѣе.

Вскорѣ, по примѣру Муравьева, и гр. Бергъ сталъ примѣнять систему публичныхъ казней, число которыхъ особенно умножилось въ сентябрѣ и октябрѣ: въ это время варшавская повстанческая организація устроила цѣлый рядъ террористическихъ покушеній противъ чиновъ полиціи и, наконецъ, на самого намѣстника. По примѣру же Муравьева на всѣхъ поляковъ Варшавы была положена контрибуція за убійство полицейскаго полковника Любушина. Начальникамъ военныхъ отдѣловъ, учрежденныхъ по уѣздамъ еще въ іюнѣ, дано было право располагать жизнью и смертью всякаго попавшагося имъ въ руки повстанца. Какъ вѣнецъ всѣхъ этихъ мѣропріятій, къ концу 1863 г. было по литовскому образцу введено въ краѣ военно-полицейское управленіе.

Всѣми этими мѣрами однако не разрѣшался вопросъ о длительномъ „замиреніи" края. „Московскія Вѣдомости", обладавшія тайною предвосхищать курсъ правительственной политики, такъ писали въ концѣ сентября: „Однѣми мѣрами строгости трудно достигнуть благопріятнаго результата, да не въ мѣрахъ строгости и все дѣло: намъ необходимо не только карать партію мятежа, но и поддержать ту силу, которая соста-

вляетъ надежнѣйшую опору русскаго управленія въ Царствѣ Польскомъ. Эта опора—4 милліона крестьянъ. Неужели мы не освободимъ эти и до сихъ поръ еще преданныя законной власти народонаселенія изъ-подъ гнета и вліянія польскихъ чиновниковъ-революціонеровъ? Неужели мы и въ продолженіе зимы оставимъ крестьянъ подъ властью враждебныхъ намъ элементовъ? Вотъ серьезные вопросы, на которые должно спѣшить отвѣтомъ".

Путь, избранный Муравьевымъ въ Литвѣ—грубая, хищническая, демагогическая система религіозной, національной и соціальной травли крестьянъ—для Царства Польскаго не годился. Здѣсь, съ одной стороны, край въ національномъ и религіозномъ отношеніи былъ однороденъ, съ другой стороны, положеніе крестьянъ, благодаря возстанію, *фактически* улучшилось: барщина была уничтожена, чинши крестьянами не вносились, и революціонное правительство строго слѣдило за соблюденіемъ манифеста 22 января.

Задача, поставленная передъ русскимъ правительствомъ, состояла, слѣдовательно, въ томъ, чтобы вырвать крестьянское дѣло въ Царствѣ Польскомъ изъ рукъ революціи. „Чья сила окончательно перетянетъ; кому удастся привлечь къ себѣ колеблющееся сочувствіе массы? Отъ разрѣшенія этого вопроса, — писалъ въ ноябрѣ 1863 г. Ю. Ѳ. Самаринъ,—зависитъ окончательный исходъ современной борьбы". Слова эти были написаны подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ поѣздки по нѣкоторымъ уѣздамъ Царства Польскаго, которую Самаринъ вмѣстѣ съ Н. А. Милютинымъ и кн. В. А. Черкасскимъ совершили въ октябрѣ 1863 г.

Н. А. Милютинъ, нѣкогда глава прогрессивной партіи въ редакціонныхъ комиссіяхъ, удалившійся отъ дѣлъ благодаря торжеству реакціонныхъ элементовъ, наступившему непосредственно вслѣдъ за крестьянской реформой, признанъ былъ теперь Александромъ II наиболѣе подходящимъ „соціальнымъ замирителемъ" Царства Польскаго. По порученію императора онъ съ этой миссіей отправился въ октябрѣ въ Варшаву, облеченный особыми полномочіями. „Ввести новый элементъ, крестьянство, въ гражданскую жизнь Польши", какъ выражалась славянофильская газета „День", — вотъ въ чемъ Милютинъ и его ближайшіе сотрудники усматривали свою реформаторскую роль въ Царствѣ Польскомъ.

Прежде всего, конечно, приходилось остановиться на аграрной реформѣ. Въ этомъ отношеніи за исходный пунктъ русскіе дѣятели брали то фактическое положеніе вещей, которое было создано революціоннымъ Жондомъ. „То, что объявлялъ революціонный Жондъ, — констатируетъ Ю. Ѳ. Самаринъ въ результатѣ знакомства съ дѣлами на мѣстѣ, — и то, чѣмъ онъ грозилъ, не оставалось пустымъ обѣщаніемъ или простою острасткою. Онъ умѣлъ настаивать на строгомъ исполненіи своихъ приказовъ и потому достигъ своей цѣли: во всѣхъ помѣщичьихъ имѣніяхъ, черезъ которыя мы проѣзжали, и въ нѣкоторыхъ казенныхъ, отбываніе повинностей безусловно прекратилось съ первой четверти нынѣшняго года, а въ иныхъ и ранѣе. Крестьяне заявляли намъ

объ этомъ повсемѣстно и безъ всякихъ утаекъ".

Политическій мотивъ, т. е. мотивъ, такъ сказать, соперничества съ революціоннымъ Жондомъ изъ-за крестьянства игралъ первенствующую роль въ той аграрной реформѣ, которая нашла свое выраженіе въ 4-хъ указахъ 19 февраля 1864 г. Основная черта новаго поземельнаго устройства польскихъ крестьянъ состоитъ въ томъ, что они получили въ полную собственность, безъ всякихъ ограниченій, *всю* землю, бывшую фактически въ ихъ владѣніи. Не было принято никакихъ нормъ для нарѣзки опредѣленной величины надѣла, какъ въ Россіи, и исключительно фактъ пользованія данной землей былъ основаніемъ для закрѣпленія ея въ полную собственность за крестьянскимъ дворомъ. Крестьянамъ давалось также право возвратить отъ помѣщиковъ тѣ усадьбы, которыя послѣ 1846 г. были присоединены помѣщиками къ господскимъ полямъ подъ тѣмъ предлогомъ, что въ нихъ заключалось не больше 3-хъ морговъ. Вмѣстѣ съ землями крестьяне получали въ собственность весь инвентарь, находившійся при усадьбахъ, и сохраняли всѣ такъ называемыя сервитутныя права, частью уничтоженныя послѣ 1846 и 1861 гг.

Въ то время, какъ у русскихъ крестьянъ помѣщики, наложившіе печать своихъ классовыхъ интересовъ на всю реформу, сумѣли „отрѣзать" въ свою пользу нѣсколько милліоновъ десятинъ земли, въ Польшѣ бюрократы-славянофилы весьма щедро распоряжались помѣщичьими землями. Отъ крестьянъ не только не было ничего отнято, но, наоборотъ, къ прежней площади ихъ землепользованія (6.718.779 морговъ) было „прирѣзано" изъ помѣщичьихъ земель 1.916.355 морг., т. е. прибавилось около 30%.

Основываясь на томъ, что революціонное правительство въ своихъ декретахъ обѣщало вознаградить помѣщиковъ за утраченныя земли изъ общегосударственныхъ средствъ и что уже больше года крестьяне не отбываютъ фактически никакихъ повинностей въ пользу помѣщиковъ, Милютинъ отвергъ идею спеціально крестьянскихъ выкупныхъ платежей. Помѣщикамъ за отошедшія отъ нихъ земли выданы были 4%-ные ликвидаціонные листы, а для уплаты процентовъ и погашенія по этимъ листамъ повышены были нѣкоторые виды поземельнаго налога, причемъ повышеніе распространилось, какъ на помѣщичьи, такъ и на крестьянскія земли. „Такимъ образомъ,—комментировали „Московскія Вѣдомости" эту сторону крестьянской реформы,—казнѣ Царства открывается возможность выплатить помѣщикамъ вознагражденіе, не взимая съ крестьянъ полныхъ выкупныхъ платежей, что особенно важно, такъ какъ полные выкупные платежи послужили бы для революціонной партіи непремѣннымъ поводомъ къ агитаціи противъ правительства".

Въ то время, какъ аграрная реформа Милютина была первостепенной важности государственнымъ актомъ, измѣнившимъ экономическія отношенія въ Царствѣ Польскомъ, одновременно изданный указъ о реформѣ крестьянскаго самоуправленія не оказалъ никакого существеннаго

вліянія на культурный и политическій подъемъ польскаго крестьянства. Руководствуясь мыслью „ввести крестьянство въ гражданскую жизнь Польши“, Милютинъ на самомъ дѣлѣ отдалъ учрежденія такъ называемаго крестьянскаго самоуправленія въ полную и безконтрольную власть уѣздныхъ начальниковъ и земскихъ стражниковъ.

Что касается аграрной реформы, то она была весьма радикальнымъ бюрократическимъ экспериментомъ, въ основѣ котораго лежали политическіе мотивы. Такой соціальный реакціонеръ и ненавистникъ демократіи, какъ М. Н. Муравьевъ, высказывалъ свое полное сочувствіе Милютину, видя въ матеріально обезпеченномъ —при прямомъ содѣйствіи русскаго правительства—крестьянствѣ прежде всего могучее политическое орудіе противъ польскаго національнаго движенія, во главѣ котораго стояла шляхта.

5. Русское общество и польское возстаніе.

Нашъ очеркъ о польскомъ возстаніи былъ бы неполнымъ, если бы мы не коснулись вызваннаго послѣднимъ общественнаго настроенія въ Россіи и оцѣнки, которую оно встрѣтило въ современной русской публицистикѣ.

Мы вскользь упоминали уже о дворянскихъ адресахъ, послѣдовавшихъ за нотами иностранныхъ державъ. Къ этому слѣдуетъ добавить, что адреса посыпались не только отъ дворянства, но также отъ городскихъ думъ, университетовъ, крестьянъ, раскольниковъ и т. д. Заказывались молебны о торжествѣ русскаго оружія, нѣсколько сотъ студентовъ Московскаго и Харьковскаго университетовъ подписали вѣрноподданническія заявленія, полныя чувства негодованія по адресу поляковъ. Муравьевъ за свои подвиги получалъ привѣтствія не только отъ московскаго митрополита Филарета, но и отъ многихъ общественныхъ учрежденій. „Что дѣлается въ народѣ“, — писалъ „Колоколъ“ по этому поводу,—„мы не знаемъ. Продѣлка адресовъ ничего не значитъ. Но зато знаемъ, что *общество*, что дворянство, вчерашніе крѣпостники, либералы, литераторы, ученые и даже ученики повально заражены: въ ихъ соки и ткани всосался *патріотическій сифилисъ*“.

Не столько само возстаніе поляковъ, сколько вмѣшательство иностранныхъ державъ и призракъ войны были причиной этого несомнѣннаго взрыва національнаго чувства, которое затѣмъ уже отраженнымъ путемъ направилось противъ поляковъ. Весь 1862 годъ и первые 2 — 3 мѣсяца 1863 г., пока польскій вопросъ еще не успѣлъ стать вопросомъ международной политики, отношеніе мыслящей части русскаго общества было другое. Въ адресѣ, поданномъ офицерами русской арміи въ Польшѣ вел. кн. Константину Николаевичу (въ концѣ 1862 г.), говорилось, что русскіе офицеры не желаютъ драться противъ поляковъ. Въ рядахъ польскихъ инсургентовъ мы встрѣчаемъ въ началѣ возстанія и русскихъ офицеровъ. Въ своей прокламаціи,

распространенной въ Москвѣ и Петербургѣ въ концѣ февраля 1863 г., общество „Земля и Воля" подаетъ руку полякамъ во имя юной Россіи и обращается къ солдатамъ и офицерамъ, удерживая ихъ отъ преступнаго повиновенія.

Идеологической опорой тѣмъ, правда, немногочисленнымъ элементамъ русскаго общества, которые активно сочувствовали польскому возстанію, служили взгляды Герцена на польскій вопросъ, развиваемые имъ въ „Колоколѣ". Еще въ январѣ 1859 г., когда въ Польшѣ не было никакихъ признаковъ возстанія, Герценъ писалъ: „Польша, какъ Италія, какъ Венгрія, имѣетъ *неотъемлемое*, полное право на государственное существованіе, *независимое* отъ Россіи. Желаемъ ли мы, чтобы свободная Польша отторглась отъ свободной Россіи — это другой вопросъ. Нѣтъ, мы *этого не желаемъ*, и можно ли этого желать въ то время, какъ исключительныя національности, какъ международныя вражды составляютъ одну изъ главныхъ плотинъ, удерживающихъ общечеловѣческое свободное развитіе". Два года спустя, послѣ первыхъ выстрѣловъ, павшихъ на улицахъ Варшавы, Герценъ восклицалъ „Vivat Polonia! Свободная Польша исторгнетъ Россію изъ нѣмецкихъ объятій. Разставшись съ нею, Русь пойдетъ мирно и вольно къ своему будущему, пойдетъ не дипломатическими закоулками, не международными грабежами, не канцелярскими уловками Остермановъ и Нессельродовъ, — а открытой, столбовой гатью развитія и свободы!" А еще черезъ два года, когда польское возстаніе стало уже совершившимся фактомъ, Искандеръ по поводу вышеупомянутой прокламаціи „Земли и Воли" развиваетъ все ту же мысль: „Мы съ Польшей —пишетъ онъ въ номерѣ „Колокола" отъ 1-го апрѣля,—потому что мы за Россію. Мы со стороны поляковъ, потому что мы русскіе. Мы хотимъ независимости Польши, потому что мы хотимъ свободы Россіи. Мы съ поляками, потому что одна цѣпь сковываетъ насъ обоихъ. Мы съ ними, потому что твердо убѣждены, что нелѣпость имперіи, идущей отъ Швеціи до Тихаго океана, отъ Бѣлаго моря до Китая—не можетъ принести блага народамъ, которыхъ ведетъ на смычкѣ Петербургъ".

Если Герценъ призывалъ то, что тогда было образованной и мыслящей Россіей, къ сочувствію польскому возстанію, то онъ это дѣлалъ не только во имя идеи права Польши на государственную независимость, но и во имя тѣхъ основныхъ началъ, которыя были заявлены въ извѣстномъ октябрьскомъ (1862 г.) письмѣ „Центральнаго Народнаго Польскаго Комитета въ Варшавѣ" къ издателямъ „Колокола". Въ этомъ своего рода манифестѣ, обращенномъ къ русской публикѣ, говорилось слѣдующее: „Основная мысль, съ которой Польша возстаетъ теперь, совершенно признаетъ право крестьянъ на землю, обрабатываемую ими, и полную самоправность всякаго народа располагать своей судьбой".

Если что могло вообще привлечь на сторону польскаго возстанія тотъ пока еще весьма тонкій слой русской разночинной интеллигенціи, къ которой обращались издатели „Колокола", такъ это именно торжественно заявленный вожаками поль-

скаго движенія демократическій характеръ послѣдняго. Поэтому публицистика, такъ или иначе связанная съ правительственными сферами, старалась именно въ эту сторону направлять свои удары. „Московскія Вѣдомости“, ставшія подъ редакціей Каткова мало-по-малу наиболѣе вліятельнымъ органомъ русской періодической печати, „Московскія Вѣдомости“, которыя Герценъ называлъ „Père Duchêne III отдѣленія“—въ цѣломъ рядѣ статей доказывали ненародность польскаго возстанія. Этотъ аргументъ, можно сказать, былъ основнымъ лейтмотивомъ обширныхъ статей о польскомъ вопросѣ, появлявшихся въ каждомъ номерѣ газеты.

„Дѣйствительно ли борьба, которую ведутъ они (повстанцы), есть общенародная, національная борьба поляковъ“? — спрашиваетъ Катковъ въ начальный періодъ возстанія, когда оно носило еще несомнѣнный „красный“ характеръ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ на этотъ вопросъ отвѣчаетъ уже вполнѣ рѣшительно и опредѣленно: „Польское возстаніе вовсе не народное возстаніе, возсталъ не народъ, а шляхта и духовенство. Это не борьба за свободу, а борьба за власть,—желаніе слабаго покорить сильнаго“. Еще за 2 мѣсяца до этого онъ писалъ: „О польскомъ народѣ почти не можетъ быть и рѣчи. Мы знаемъ польскихъ пановъ, польское шляхетство, польское духовенство... а польскаго народа мы не знаемъ... Подавленный, униженный, загнанный, онъ не могъ стать даже темною основою для польскаго государства... Можно ли въ этомъ отношеніи сравнивать Польшу съ Россіей?“ „Пока крестьяне, т. е. 74% населенія Царства, не пойдутъ подъ революціонныя знамена, до тѣхъ поръ мятежъ нельзя называть ни революціоннымъ, ни народнымъ возстаніемъ“—писалъ Катковъ въ августѣ.

Это былъ языкъ, который могъ дѣйствовать и на умы, отнюдь не склонные одобрять муравьевскихъ пріемовъ усмиренія возстанія. Эта аргументація, какъ будто подлаживающаяся подъ вкусъ русскихъ радикаловъ и демократовъ, въ общемъ соотвѣтствовала традиціоннымъ взглядамъ на Польшу, распространеннымъ среди русскаго общества. Она поэтому возымѣла свое дѣйствіе. Вѣдь не даромъ же въ августѣ Герценъ безуспѣшно призывалъ къ протесту противъ той повальной заразы, которую онъ окрестилъ именемъ „патріотическаго сифилиса“, и недаромъ онъ съ горечью заканчивалъ свой призывъ слѣдующими словами: „Если нашъ вызовъ не найдетъ сочувствія, если въ эту темную ночь ни одинъ разумный лучъ не можетъ проникнуть и ни одно отрезвляющее слово не можетъ быть слышно за шумомъ патріотической оргіи, *мы останемся одни съ нашимъ протестомъ*, но не оставимъ его“.

„Мы привыкли къ опалѣ,—скорбно писалъ въ сентябрѣ редакторъ „Колокола“,—мы всегда были въ меньшинствѣ, иначе мы и не были бы въ Лондонѣ, но до сихъ поръ насъ гнала власть, теперь къ ней присоединился хоръ. Союзъ противъ насъ полицейскихъ съ доктринерами, филозападовъ съ славянофилами“.

Представителемъ славянофильскаго теченія въ печати былъ „День“,

органъ Аксакова. Въ оцѣнкѣ польскаго вопроса „День" постепенно сближался съ „Московскими Вѣдомостями", которыя Герценъ называлъ „содержанцами III Отдѣленія". Самаринъ въ „Днѣ", подводя итоги „современному объему польскаго вопроса", видитъ въ борьбѣ Россіи съ Польшей „историческую тяжбу двухъ просвѣтительныхъ началъ, олицетворившихся въ двухъ народностяхъ", борьбу „славянства съ латинствомъ". Этотъ идейный моментъ, лежащій якобы въ основѣ борьбы русскаго правительства съ возставшей Польшей, былъ не только быстро усвоенъ „Московскими Вѣдомостями", но проникъ въ качествѣ идеологичскаго привкуса въ офиціальную фразеологію правительства. Во имя его не только Милютинъ отправился со своею миссіей въ Польшу, но и Муравьевъ—сожигалъ шляхетскія околицы въ Литвѣ.

Имѣя въ виду иллюзіи, которыя всѣмъ этимъ могли быть дѣйствительно были порождены даже въ рядахъ искреннихъ русскихъ демократовъ, Герценъ 1-го января 1864 г. написалъ въ „Колоколѣ" слѣдующія строки: „Схвативши тамъ-сямъ какія-то неясныя понятія о соціальномъ призваніи Россіи, объ отсутствіи въ ней крѣпкаго аристократическаго начала, наши милѣйшіе мечтатели проповѣдуютъ, что Россія представляетъ какую-то демократическую имперію, какое-то царство *равенства* и массъ, что *она* борется съ Польшей во имя крестьянской свободы противъ помѣщиковъ и пр. Не ошибайтесь — они говорятъ не о той Россіи, которая составляетъ цѣль нашихъ стремленій, къ которой все двигается и идетъ, но до которой ничего еще не дошло, а объ Россіи настоящей, чиновничьей, казарменной, петербургской, аракчеевской, николаевской, муравьевской..."

